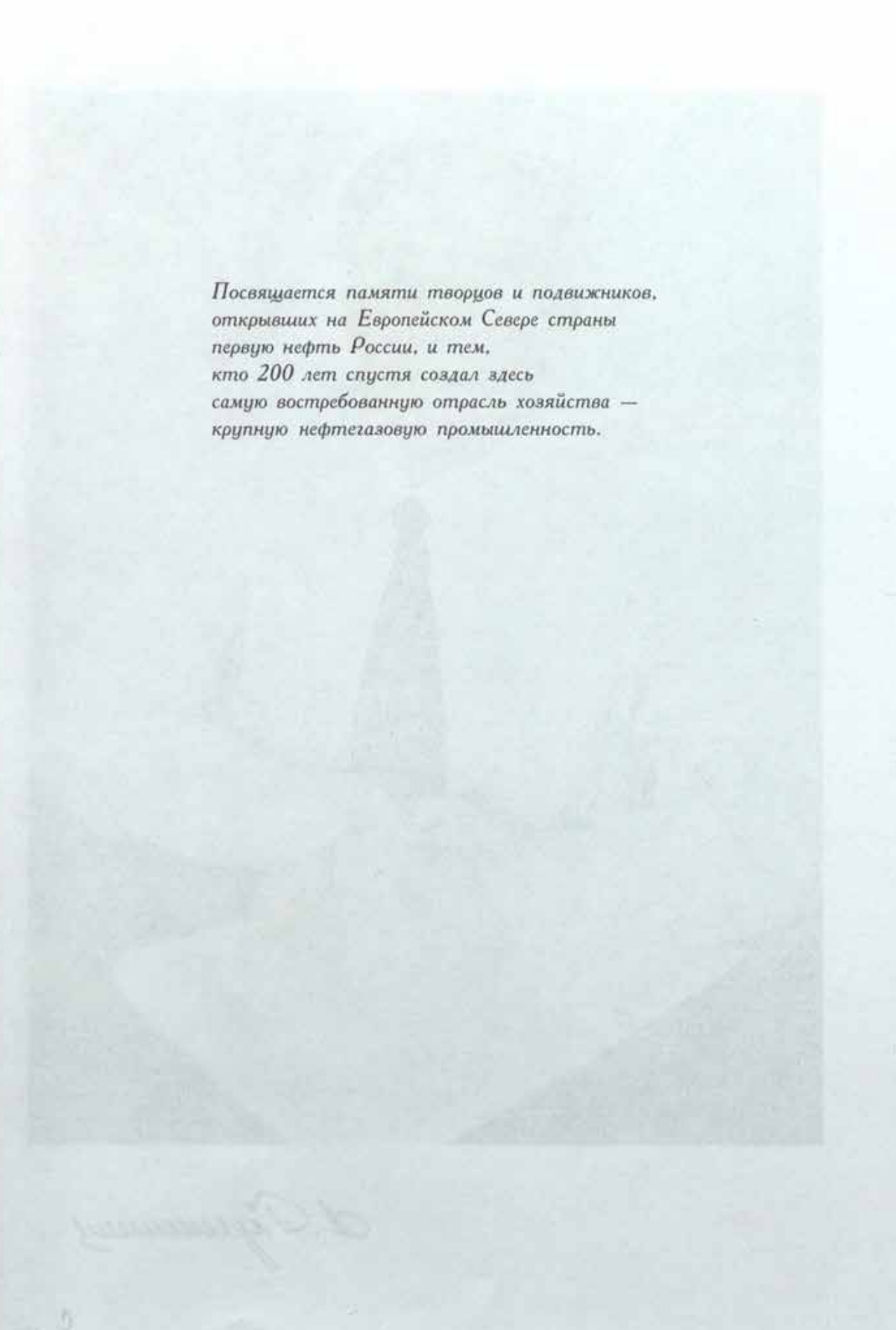

ГБН ЦНБ
69.0/2 Рос. Ком.
Краеведчес
депозитар
1367211

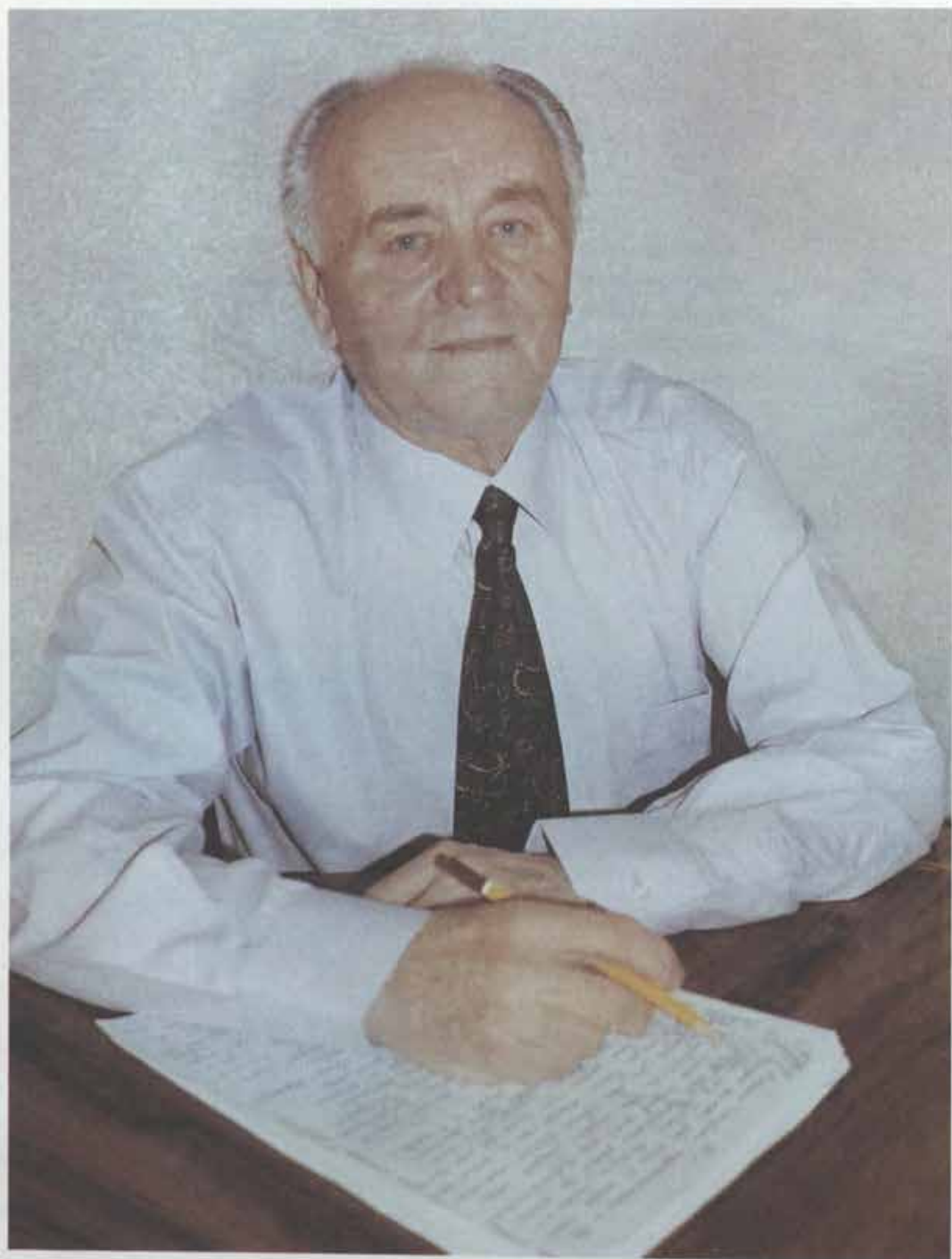
Анатоль Гуменюк

ЗЕМЛЯ
МОЕЙ СУДЬБЫ

*Посвящается памяти творцов и подвижников,
открывших на Европейском Севере страны
первую нефть России, и тем,
кто 200 лет спустя создал здесь
самую востребованную отрасль хозяйства —
крупную нефтегазовую промышленность.*

В. С. Гурьев

A. Pylyshynsky.

гх

О событиях, о людях, о себе
Предисловие автора

Анатолий ГУМЕНЮК

Земля моей судьбы

История. Публицистика. Размышления

1367211

ГБУ РК «ИБРК»
Пожертвованит
от Землячьева, парма
« » 2016 г.

2006 год

ГБУ РК «ИБРК»
Краеведческий
депозитарий

УДК 323/324(470.13)

ББК 66.3

Г75

*Выражаю искреннюю признательность
за помощь в подготовке и выпуске этой книги*

В. С. Круковского

Л. Н. Бирюковой

Н. Н. Мурыгиной

Б. И. Колесникову

В. А. Гльдкому

О. В. Кривоноговой

Т.С. Лисицкой

Автор.

Гуменюк А.С.

Г75 Земля моей судьбы. История. Публицистика. Размышления. М.: Независимое издательство «Пик», 2006 г. — 448 с.

ISBN 5-7358-0301-8

Автор этой уникальной книги Анатолий Степанович Гуменюк — человек завидной судьбы. Свою жизнь он посвятил освоению природных богатств Европейского Севера, созданию здесь мощного нефтегазового комплекса, который в 50-80-е годы прошлого столетия сыграл важную роль в укреплении экономической мощи СССР. Около 30 лет он отдал Республике Коми, где руководил нефтяной и газовой отраслями в пору их наивысшего подъема. Человек глубокого ума и широкого государственного мышления, А. Гуменюк шаг за шагом раскрывает драматическую историю создания крупной нефтегазовой отрасли региона, главными героями которой были люди — и рядовые труженики, и крупные государственные деятели. Историю, которая прошла и через его сердце, его личную судьбу. Историю, которая далеко не завершена. На созданном в СССР фундаменте сегодня новое поколение нефтянников новых экономических условиях продолжают начатое в XX веке дело.

УДК 323/324(470.13)

ББК 66.3

ISBN 5-7358-0301-8

© А. Гуменюк, 2006

О событиях, о людях, о себе

Предисловие автора

В августе 1957 года я впервые вступил на землю не известной мне Коми автономной республики, края тайги без конца, бурных таяжных рек и белых ночей коротким летом, края суровой зимы. Здесь началась моя трудовая деятельность. Была она неразрывно связана с освоением нефтяных и газовых кладовых этого богатого природными ресурсами края.

Тридцать лет жизни отдано Северу. За это время довелось занимать разные должности на предприятиях геологоразведочного и нефтегазового комплексов Коми: инженер-конструктор, директор ремонтно-механического завода, начальник вышкомонтажного управления, заместитель по производству управляющего геологоразведочным трестом, начальник Вуктыльского газопромыслового управления Министерства газовой промышленности СССР, секретарь Ухтинского горкома КПСС, генеральный директор производственного объединения «Коминетфть» Министерства нефтяной промышленности страны.

В 1986 году меня переводят в Москву — мне поручили возглавить Главное управление по производству нефтепромыслового и бурового оборудования Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР, где уже в иной форме продолжалось мое участие в развитии нефтегазового комплекса не только Европейского Севера, но и всей страны.

Так случилось, что первые годы моей работы на Севере совпали с затянувшимся кризисом, связанным с отсутствием новых открытий промышленных месторождений нефти и газа. В то время в республике шли бурные дискуссии о путях и методах их поиска и открытий, о необходимости технического и технологического перевооружения процессов бурения скважин, добычи нефти и газа, их переработки.

Утверждения видных ученых-геологов о наличии в регионе больших потенциальных запасов углеводородного сырья, особенно в его северной части, диктовали необходимость крупных организационных изменений в деятельности геологоразведочных и нефтедобывающих предприятий и организаций, новых научных подходов. Изменения последовали в начале шестидесятых годов по настоянию и при непосредственном участии руководства Коми Совнархоза и Главного геологического управления при Совете Министров РСФСР. Конечно, эти процессы затронули и нас, молодых специалистов, вчерашних выпускников высших учебных заведений, которых в то время немало приехало в Коми АССР.

Шла смена поколений. Работавшие здесь с тридцатых годов руководители и специалисты, многие из которых прибыли на Север не по своей воле, возвращались домой. На их место становились молодые, перенимая лучшие традиции и опыт тех, чьими руками и талантом на Севере в короткие сроки была создана передовая мощная нефтегазовая промышленность. Нам, молодым, доверяли большую и ответственную работу. Доверие мы стремились оправдывать целеустремленным и упорным трудом.

Ступени моего трудового пути были крутыми, нелегкими, требовали много сил, здоровья, постоянного повышения знаний техники и технологии производства и его организации. В

моем становлении определяющими были два фактора: отношение к труду и общественная деятельность.

С раннего детства я был приучен добросовестно трудиться, ценить и уважать труд других, пережил и ощутил на себе страшное время войны и тяжесть первых послевоенных лет. Приобщение к общественной жизни началось в старших классах средней школы, которая была первой и единственной восстановленной в нашем районе после немецкой оккупации. В девятом классе меня избрали секретарем комсомольской организации школы, а затем членом бюро райкома комсомола. Ответственная общественная нагрузка сыграла важную роль в моей дальнейшей жизни.

В первые годы работы на Севере мое участие в общественной жизни продолжалось. Избирался членом Ухтинского райкома и Коми обкома комсомола, позже был избран депутатом Ухтинского городского Совета, четыре созыва на протяжении шестнадцати лет выполнял обязанности депутата Верховного Совета Коми АССР, двенадцать лет был членом Коми обкома КПСС.

Мне довелось побывать в самых отдаленных уголках тайги и тундры Коми АССР и Ненецкого национального округа. Вел строительство и монтаж буровых установок, начиная с южных районов республики, граничащих с Пермской областью, и районов Заполярной Воркуты, кончая самыми глухими районами Ненецкого округа. Проехав десятки тысяч километров по просторам Тимано-Печорского края, я близко познакомился с жизнью и бытом местного населения, ощутил на себе его гостеприимство, доброжелательность, узнал нравы и обычаи северных народов — коми и ненцев.

Будучи участником различных хозяйственных, партийных и молодежных мероприятий, проводившихся в республике, узнал многих партийных и хозяйственных руководителей края — А.Дмитрина и И.Морозова, З.Панева и П.Безносова, А.Савченко и В.Феданова. Позже, возглавляя Вуктыльское газопромысловое управление, мне посчастливилось близко общаться с выдающимися организаторами и руководителями газовой отрасли страны А.К. Картуновым, М.В. Сидоренко, С.А. Оруджеввым, В.А. Динковым, а на посту генерального директора объединения «Коминнефть» — с талантливыми нефтяниками В.Д. Шашивым, Н.А. Мальцевым, В.И. Игревским, В.Ю. Филановским, М.А. Ждановым, В.И. Грайфером, Ш.С. Донгаряном, В.Я. Соколовым. Особое значение имели для меня встречи и беседы с работниками Центрального Комитета КПСС, ведающими вопросами тяжелой промышленности, — секретарем ЦК КПСС В.И. Долгих, И.П. Ястребовым, Е.С. Коршуновым, В.И. Кремневым, Н. М. Ерониным, Ю.М. Марковым, И.Е. Артемчуком, Л.М. Кузнецовым.

Неоднократно приходилось докладывать главе правительства страны А.Н. Косыгину о результатах работы по добыче нефти на территории Европейского Севера, участвовать в проводимых им совещаниях по вопросам развития нефтегазового комплекса страны. Очень пригодились мне мудрые советы великого нефтяника и крупного государственного деятеля Н.К. Байбакова.

На протяжении многих лет я работал под руководством талантливых организаторов и руководителей нефтяной и газовой промышленности страны, хорошо знал министров Нико-

лая Алексеевича Мальцева и Василия Александровича Динкова, принявших активное участие в моей служебной карьере. С хорошим чувством вспоминаю первый период общения с секретарями Коми обкома КПСС И.П. Морозовым и Н.Н. Кочуриным, чей вклад в развитие газовой и нефтяной промышленности республики неоспорим. Общение с талантливыми партийными и хозяйственными руководителями государства и нефтегазовой отрасли позволяло хорошо ориентироваться в обстановке, лучше выполнять возложенные на меня нелегкие обязанности, исправлять допущенные ошибки, которых избежать, к сожалению, не удавалось.

В 2004 году минуло семьдесят пять лет с того времени, как на просторах в сотни тысяч квадратных километров между Тиманским кряжем и седьм Уралом, после более чем двухсотлетнего изучения нефтеносности этой территории были начаты планомерные, широкомащтабные и многоцелевые работы по освоению богатств Европейского Севера. Главное место в этом проекте заняли поиск, разведка и добыча нефти, природного газа, угля, радия, гелия. За короткий исторический срок район превратился в крупного поставщика энергетических ресурсов. В 1940 году были разработаны гигантские планы по освоению северных территорий. Совет Народного Хозяйства СССР и Центральный Комитет ВКП (б) приняли ряд постановлений по развитию Ухтинского промышленного узла.

Однако этим планам помешала война. На защиту Отечества вместе со всеми народами страны встала и нефтяная Ухта. Она в значительной мере восполняла потери добычи нефти на захваченных фашистами территориях Краснодарского края, Грозного. Ухтинские нефтяники за годы войны поставили Северному флоту и осажденному Ленинграду полмиллиона тонн нефти и нефтепродуктов; более пятнадцать тысяч тонн технического углерода, без которого не сделать шин для военной техники. Из ярегской нефти ухтинские нефтепереработчики освоили производство зимних смазок, гарантировавших надежную работу механизмов и техники. Тысячи нефтяников Ухты сражались на фронтах, и это тоже славная страница в истории Севера. Продукция Ухтинского комбината в тридцатые и сороковые годы прошлого века использовалась для научных исследований и разработок в области создания оборонной техники и атомной промышленности.

В конце пятидесятых годов в результате крупных политических, хозяйственных, экономических и социальных преобразований в стране, не оставивших в стороне Ухтинский комбинат, меняются подходы и направления поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений в регионе. Позади осталось десятилетие неудач геологов, имевшее в своей основе как субъективные, так и объективные трудности и причины. После коренных изменений направления поиска и разведки месторождений нефти и газа в регионе были получены ожидаемые результаты: открыт ряд месторождений, в их числе Западно-Тэбукское, Джьберское, Пашнинское. Их освоение велось в рекордно короткие для северных условий сроки — менее чем за два года.

Вслед за этим последовало открытие и освоение Вуктыльского газоконденсатного месторождения, радикально изменившего промышленный облик республики. Газ Вуктыла ускорила развитие экономики страны.

В 1967 году факел на берегах реки Колвы возвестил об открытии одного из самых крупных на то время в стране Усинского нефтяного месторождения. На крайнем севере

Республики Коми и на территории Ненецкого национального округа создается новый район нефтедобычи, который в недалеком будущем станет основным нефтедобывающим центром в регионе. Строятся города Вуктыл и Усинск — центры газовой и нефтяной промышленности Европейского Севера. Высшие органы власти страны принимают меры по ускоренному и масштабному освоению месторождений нефти и газа на территории Коми АССР и Архангельской области. К Вуктылу, а затем и к Усинску было приковано внимание всей страны. Региону отводилось одно из ведущих мест по перспективам добычи нефти и газа в Советском Союзе.

Процессы создания нового нефтедобывающего района проходили в сложных географических и геологических условиях. Как и в соседней Западной Сибири, здесь работали десятки министерств и ведомств, сотни предприятий и организаций, демонстрировавших возможности плановой экономики решать в короткие сроки грандиозные по масштабам задачи в приполярной тундре.

Конечно, подходы к формированию нового нефтедобывающего района были неоднозначны, часто противоречивы, что осложняло, а иногда исключало разумное и эффективное использование открытых и намечаемых к открытию месторождений. Тут можно вспомнить и позицию, занятую в то время руководящими органами Коми АССР и Архангельской области. Окрыленное успехами освоения уникального Вуктыльского газоконденсатного месторождения и создания в небывало короткие сроки газовой индустрии республики партийное руководство Коми республики уверовало в то, что его действия по развитию нефтяной промышленности являются единственно верными для приумножения разведанных запасов углеводородного сырья, которое остается только извлечь из недр. Геологам они отводили роль послушных защитников своих «открытий» и авантюристических идей, которые на протяжении более десяти лет негативно сказывались на деятельности многотысячных коллективов геологов, нефтяников, газовиков, а по существу были профессионально завуалированной дезинформацией высших органов власти страны.

О событиях, связанных с созданием газовой и нефтяной отраслей на территории Коми республики и Ненецкого национального округа, особенно в период становления и достижения максимальных уровней добычи углеводородов, рассказывает эта книга. Мне как активному и непосредственному участнику происходившего хотелось поведать читателю о том, в каких условиях и как создавались два крупнейших промышленных узла на Европейском Севере в 60-80-х годах прошлого века.

Вместе с тем чувствую настоятельную потребность выразить точку зрения на то, как прошедшие в конце восьмидесятых и в девяностые годы события в стране сказывались на развитии нефтяной отрасли, как повлияли на нее так называемые «перестройка» и последующие затем «реформы». На протяжении всего этого времени я, как и тысячи участников создания северного нефтегазового гиганта, с болью в сердце переживал его расчленение и развал.

При написании книги мною использованы многие печатные источники по нефтяной проблеме, собственные деловые и личные материалы, архивы производственного объединения «Коминнефть», Ухтинского территориального геологического управления, государственный архив

Республики Коми, архивы Всероссийского научно-исследовательского института минерального сырья, Президента РФ, Российской Федерации, центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, архив Министерства нефтяной промышленности.

Анализ многочисленных источников, касающихся создания и развития нефтегазовой промышленности на Европейском Севере страны, дал мне основания во многом по-новому оценить значение некоторых событий и роль их участников, обнаружить искаженное толкование ряда фактов, связанных как с дореволюционным периодом развития Ухтинского нефтеносного района, так и с оценкой целей и задач, поставленных перед первой комплексной геологической экспедицией Объединенного государственного политического управления в 1929 году. Книга позволит также более глубоко оценить роль местных органов власти, их влияние на процессы создания и развития нефтегазового производства в регионе. Взгляд сквозь годы, надеюсь, поможет мне полнее показать масштабность и грандиозность задач, на решение которых тогдашнее руководство страны мобилизовало колоссальные материальные и людские ресурсы.

Мне иногда кажется, что только сейчас пришло к людям полное осознание того, что нефть и газ — уникальные земные ресурсы. Роль этих минеральных ископаемых в жизни человека тоже уникальна, и не только по причине их энергетических свойств. О многофункциональном использовании нефти известно давно. Но парадокс в том, что до сей поры мы мало знаем о ней самой, о той роли, которую она играла в прошлом и играет в настоящем. Нам неизвестна природа происхождения нефти, а существующие по этому поводу гипотезы крайне противоречивы. Так же, как и не ведаем и о последствиях, которые произойдут в земной коре в результате извлечения гигантских масс нефти и газа — как для районов интенсивного извлечения, так и в целом для планеты.

Современные исследователи Библии приходят к мысли, что в текстах этого великого писания есть ключевые слова для разгадки событий земного прошлого, и, что самое главное, будущего человечества. К таким ключевым словам можно с полным правом отнести и часто употребляемые в Библии слова «асфальтит», «битум», «нефть» (что в данном случае одно и то же).

С этим минералом человечество на протяжении развития связывало свое настоящее и будущее. Но в далеком прошлом и сейчас нефть для человека была не только благом. Периодически она несла горе, страдания, катастрофы, была причиной больших и малых кровопролитий и других бедствий. Все последние войны на планете так или иначе связаны с нефтью. Яркое свидетельство тому — события конца двадцатого и начала нынешнего века. Достигнутые масштабы использования этого минерала — не что иное, как ускоренный процесс уничтожения естественных условий жизни человека на земле, первоначальной природной среды на планете и в окружающем ее околоземном пространстве. Может быть, частое упоминание о нефти в текстах священного писания и есть предостережение человечеству, что оно на пороге необратимых событий в своей истории, и что они связаны именно с нефтью, с ростом масштабов ее добычи и использования.

Действительность такова, что достигнутые объемы использования нефти в мире свидетельствуют о приближении времени, когда ее потребление начнет снижаться, а возможности

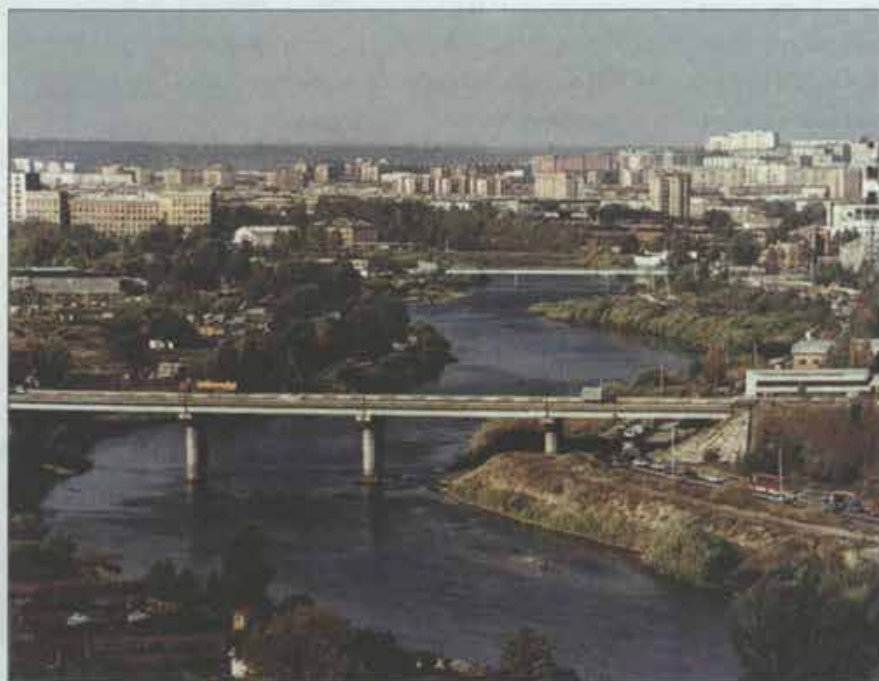
обладания ею будут приводить к острейшим конфликтам, несущим неисчислимые беды народам отдельных стран и целых регионов.

Россия — великая нефтяная и газовая держава. В сознании каждого россиянина это также должно быть закреплено, как и то, что мы страна великой культуры. Вот почему так важно знать историю развития отрасли, связанные с ней противоречия и проблемы в жизни общества. Не только пришедшие на смену нам лидеры отрасли, но и власть имущие должны противостоять использованию во вред народам России ее главного богатства — нефти и газа. Происходящие сейчас в отрасли объединительные процессы вселяют надежду, что в сознании руководящей элиты понимание необходимости объединения берет верх над алчностью и стяжательством. Это значит, что у великого нашего народа есть надежда на лучшее будущее.

Есть одно обстоятельство, вдохновившее меня на нелегкий труд написания этой книги. Это осознание того, что всю свою жизнь я посвятил ключевой в развитии всего человечества отрасли, много лет играющей важную, а нередко и трагическую роль в его развитии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

За кладами легендарной Биармии*

*Современная Ухта — город, имя которого
навсегда связано с добычей первой российской нефти.*

**Согласно древней легенде, на территории нынешнего Европейского Севера было могущественное государство под названием Биармия. Под ударами врагов оно погибло, унеся «под землю» свои богатства.*

1. Откуда «пошла есть» русская нефть?

Нефть Северного края известна давно. Населявшие бассейн Печоры племена чуди, о которых до нас дошли только легенды, а письменные сведения появились в XI веке (1092 год), добывали нефть на Ухте в «ямах». Ею лечили болезни, применяя как мазь и пропиточный материал, о чем свидетельствуют рукописи Двинской летописи.

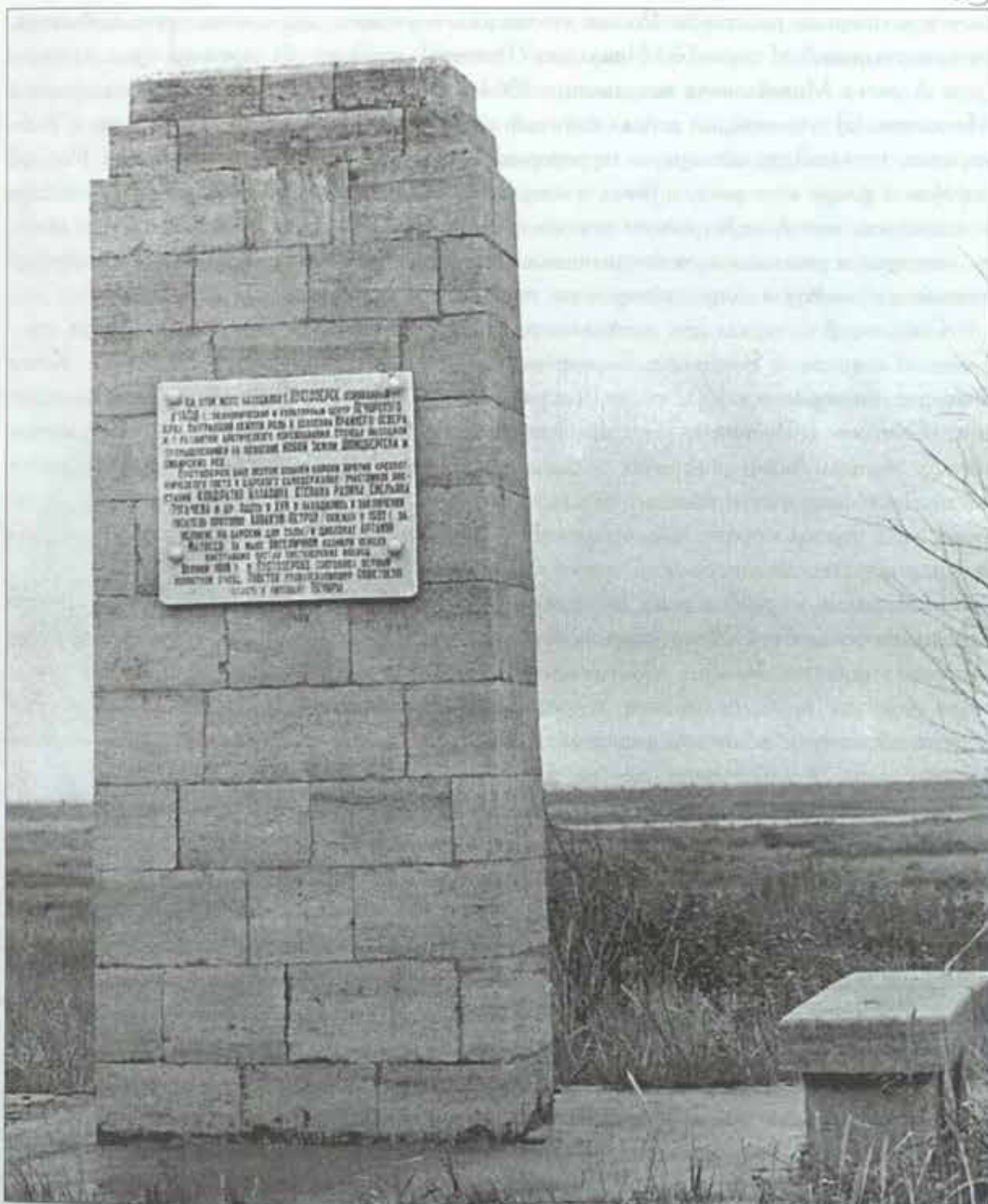
Об ухтинской нефти узнали в Пустозерске, основанном в 1498 году по велению Ивана III в низовьях реки Печоры, поселении, ставшем укрепленным пунктом для защиты владений великого князя от нападений и для сбора ясака — натуральной подати с племен самоеды и югры. Через Пустозерск ухтинскую нефть доставляли в Москву, где ее, как и привозимую из Персии и Кавказа, использовали для излечения от недугов, освещения и других целей.

Путь к Ухте через Пустозерск, как и само поселение, сыграли большую роль в освоении Северного края. Отсюда его основатели — воеводы-князья Петр Федорович Ушатый, Семен Федорович Курбский, воевода Василий Иванович Гаврилов по прозвищу Всеволожский-Бражник и совершили поход во главе четырехтысячной лыжной рати устюжан, вологжан, пинежан, важан, вятчан и двинян через Каменный пояс (Уральский хребет) и покорили Зауральские югорские и обдорские княжества, завладели землями нижнего Приобья.

С Пустозерском связаны многие политические события того времени. Через город-крепость отправлялось серебро, добываемое из медно-серебряной руды на реке Цильма для чеканки первых серебряных монет Государства Российского, шла торговля Печорского края с Европой. Сюда заходили морские суда из европейских стран, на них грузили знаменитую печорскую лиственницу для Венеции и Амстердама. На сваях из этой лиственницы по сей день стоят архитектурные шедевры зодчих Европы. Пустозерск был известным литературным и культурным центром России. В здешнем остроге писали и рассылали по всей стране послания, трактаты, книги в защиту своей веры протопоп Аввакум (Попов) и его сподвижники. В Пустозерске бывали многие путешественники и открыватели богатств Печорского края, через него многие рудоискатели предпринимали попытки добраться до нефтяной Ухты, района, который был составной частью обширного Пустозерского уезда Архангельской губернии.

Этому краю уделяли внимание царствующие особы России. Повышенный интерес к северным территориям проявлял и Петр Первый. 6 февраля 1702 года царь издает указ об исследовании северных окраин России. Пустозерский уезд, а это почти две трети бассейна реки Печора, в числе особо интересующих царя. Нефть с реки Ухта была первой нефтью, найденной и используемой на территории тогдашней Руси.

Европейскую, а затем мировую известность Ухтинский нефтеносный район получил в конце семнадцатого века. Способствовало этому своеобразное путешествие по север-

Текст на мемориальной доске памятного знака в Пустозерске: «На этом месте находился город Пустозерск, основанный в 1498 году, экономический и культурный центр Печорского края, сыгравший важную роль в освоении Крайнего Севера и в развитии арктического мореплавания. Отсюда выходили промышленники на освоение Новой Земли, Шницбергера, сибирских рек. Пустозерск был местом ссылки борцов против крепостного гнета и царского самодержавия, участников восстаний Ковдратия Булавина, Степана Разина, Емельяна Пугачева и других. Здесь в XVII веке находились в заточении писатель протопоп Аввакум Петров (сожжен в 1682 году за великие на царский дом хулы) и дипломат Артамон Матвеев. На мысе Висельном казнили ищцев, восставших против пустозерских воевод. Весной 1918 года в Пустозерске состоялся первый волостной съезд Советов, провозгласивший советскую власть в низовьях Печоры».

ным и восточным просторам России голландского ученого, дипломата, промышленника, путешественника и писателя Николааса Витсена, который во времена царствования царя Алексея Михайловича находился с 1664 по 1665 год при посольстве Голландии в Московии. Будучи там, он собрал богатый и разносторонний материал о жизни и быте народов, населяющих обширную территорию северо-восточной части тогдашней России, о фауне и флоре этих мест, о реках и озерах, служивших живущим там людям главными и единственными транспортными путями, о природных богатствах. Источниками служили описания и рассказы путешественников, торговцев, охотников, рудоискателей, официальные документы и существующая на то время государственная карта России.

Собранный материал дал возможность Н.Витсену написать книгу, которую он озаглавил «Северная и Восточная Тартария» (NORD en OOST TARTARVE). Книга вышла в Амстердаме в 1692 году. Ссылаясь на эту книгу, многие переводят ее название как «Северная и Восточная Татария», но ведь слова «татария» и «тартария» не имеют ничего общего. Автор употребил в названии книги слово «тартарары», встречающееся тогда в арабском и европейском языках, смысл которого означал не что иное, как страх, ужас, ведь тартар в греческой мифологии — бездна, недра земли, куда Зевс низвергал титанов, царство мертвых, ад. Отсюда выражение «провалиться в тартарары».

При описании района реки Ухта автор обращает особое внимание на признаки его нефтеносности. *«Река Ухта является притоком реки Печоры. На этой речке в полутора милях от Волока есть мелкое место, где выделяется маслянистое вещество, которое плавает по воде и представляет собой черную нефть. Там же найден некий камень доманик, который горит, как свеча, и пускает от себя черный дым».*

В 1692 году автор посылает книгу «Северная и Восточная Тартария» Петру Первому. Название книги приводит царя в ярость. Отношение к автору меняется к лучшему, когда в марте 1697 года Петр посещает Голландию, Англию и Саксонию. В Голландии царя встречает ставший к тому времени бургомистром Амстердама Н.Витсен, через которого выполнялись все заказы России на передовые промышленные товары Европы.

Царь был принят бургомистром с особым радушием и гостеприимством, они неоднократно встречались в доме Витсена. При встречах, кроме основной кораблестроительной темы, обсуждались и упомянутые в книге богатства северных и восточных земель России, шла речь об ухтинской нефти, сланцах, корабельном лесе, пушнине.

По возвращении домой Петр Первый, наряду с другими поручениями, дает задание изучить возможности использования битуминизированных сланцев доманика, о которых упоминается в книге Витсена. Образцы сланцев были доставлены в Шотландию для обследования на предмет получения минеральных масел. В то время Шотландия имела богатый опыт получения минеральных масел из битуминизированной шотландской нефти.

Любопытная деталь. Через два с половиной века выясняется, что нефть Ярегского нефтяного месторождения на Ухте по своему составу и качеству точь-в-точь соответствует шотландской.

Лишь в 1721 году появляются первые петровские указы, имеющие прямое отношение к нефти на реке Ухта. О нефтяной проблеме Петру Первому напомнил своим доношением житель Архангельской губернии Мезенского уезда Г.И.Черепанов. Григорий Черепанов

панов был неутомимым рудонискателем. Он обследовал обширные территории, прилегающие к рекам Цильме, Ижме, Суле, Пижме, Ухте, средней Печоре. Найденные им руды подтверждали наличие больших богатств в Северном крае.

По указу Петра Первого в мае 1721 года был издан «приговор» Берг-коллегии Санкт-Петербурга: «По указу великого государя и по приговору Берг-коллегии по доношению мезенца Черепанова... нефтяной ключ в Пустозерском уезде по Ухте речке велеть освидетельствовать и учинить из него пробу. Архангелогородской губернии аптекарю или кому из них пристойно, хто б во оном знал искусство, и для того велеть ему туда ехать немедленно и по пробе, ежели из него будет пря-

мая нефть, то оную освидетельствовать и каким рядом оную производить, будет ли из оного прибыль, и ему, аптекарю, исследовать, то писать свое мнение. Писать о том имянно и тою нефтяную пробу прислать в Санкт-Петербурху в Берг-коллегию ради подлинного усмотрения, а доносителя Григория Черепанова впустить в дом свой и велеть ему явитца у города Архангельского вице-губернатору, которому для указыванья того колодезя надлежит ехать с тем аптекарем или с кем из них пристойно, и дать отсель ему отпуск, а для его нужды на прокормление и чтоб он, так же и прочие, впредь к сысканию руд лутче имел охоту, выдать ему из Берг-коллегии денег шесть рублей...»

Петр Первый.

Внимание царя к ухтинской нефти на этом не заканчивается. 5 октября 1724 года в его указе Берг-коллегии речь уже идет о доставке в Москву нефти с реки Ухты. В нем говорится: «... по его императорского величества указу и по согласному Берг-коллегии приговору велено в Ухту речку, где он, Черепанов, отыскал оной нефтяной ключ, послать его, Черепанова, и с ним афицера, дав им подводы и денег по рассмотрению сколько пристойно на счет Берг-коллегии, и велеть им, приехав на то место... оной нефти начерпать бочку ведер около тридцети, а сколько в час или сутки оной нефти один человек может начерпать, оное там велено записывать и той нефти для пробы прислать в Москву десять ведер, а остальную оставить в ближних от оного ключа жилищах, где пристойно, до указу, и о всем о том в Берг-коллегию прислать известие немедленно, и в Архангелогородской губернии бригадиру и вице-губернатору господину Лодыженскому о вышенаписанном учинить по его императорского величества указу».

Нефть из ключей на реке Ухта в 1724 году была доставлена для исследования в Голландию.

реке Ухте завести нефтяной завод и, распространяя, содержать ему тот завод довольным капиталом без остановок, а ту нефть продавать, а в Берг-коллегию, что на том заводе делаться будет, присылать верные рапорты в год по дважды...»

Федор Прядунов.

Группа нефтяников у закладного камня в Ухте на месте, где будет возведен памятник Федору Прядунову.

Добыча нефти на промысле (нефтяном заводе) Ф.Прядунова велась при помощи колодцев, сооруженных над нефтяными ключами, бьющими со дна реки. Имеется следующее описание технологии добычи нефти: «Над самым нефтяным ключом, по середине бьющим (от левого берега 13 метров, от правого — 26 метров) построен был четверугольный сруб вышиною в тринадцать рядов, из коих шесть были загружены на дно, а прочие на поверхности воды находились. Внутри сруба поставлен был узкодонный чан, который истекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна; от быстроты текущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез».

На «нефтяном заводе» работали три-четыре наемных работника и сын Прядунова. Нефть из сруба собирали берестовым черпаком в деревянные бочки. Часть нефти собирали из колодцев, оборудованных на берегу. Архангелогородец Ф. Прядунов планировал не только вести добычу (сбор) нефти на реке Ухта, но и ее переработку. В Архангельском государственном архиве обнаружен документ, датированный августом 1744 года, задолго до начала сбора нефти на Ухте, из которого следует, что он, Прядунов, хотел приобрести медеплавильный завод, который находился в 14 верстах от Архангельска, в урочище Валушки, для организации на нем двоения ухтинской нефти.

На первом нефтяном промысле России было собрано за первый год 40 пудов «русской нефти», так ее называл Ф.Прядунов. Житель усть-цилемского поселения Антон Ванюков доставил добытую нефть в Архангельск, откуда Прядунов со своим сыном плывет в Великий Устюг, а затем по установившейся зимней дороге через Вологду добирается 2 марта 1748 года до Москвы.

ГБУ РК «ИПРК»

Пожертвования

от

« »

20 г.

Здесь в лаборатории Берг-коллегии нефть перегоняют (двоят) и получают 26 пудов керосина и нефтяное масло для лечебных целей. В 1749 году приходит известие из Гамбурга, куда перед отбытием в Москву Прядунов отослал пробу нефти для анализа. Результаты анализа свидетельствуют, что она не уступает лучшим образцам привозимой из Италии. В ноябре 1749 года Берг-коллегия обязывает Прядунова продолжить поставку натуральной и «двоенной» нефти в Главную московскую аптеку. С 1745 по 1753 годы на ухтинском нефтяном промысле Прядунов и его сын добыли и отправили в Москву 68 пудов нефти.

После смерти Ф.Прядунова в 1753 году нефтяной промысел попадает в собственность вологодского купца Андрея Ивановича Нагавикова, который успешно продолжает добычу нефти. За два года он добывает ее больше, чем Прядунов за восемь лет.

В 1760 году промысел переходит во владение Ивана Мингалеева, но скоро хозяин у него уже другой — яренский купец Михаил Саввич Баженов. Последний увеличивает добычу нефти, открывает еще один нефтяной промысел на притоке реки Ухты — реке Чуть, строит нефтеперегонную фабрику. Так развивались события на реке Ухта в середине XVIII века. По дошедшим до нас статистическим данным, в XVIII веке ухтинская нефть составляла около трети всей нефти, используемой в то время в России.

Интерес к ней проявлял выдающийся ученый того времени, академик Санкт-Петербургской академии наук Михайло Васильевич Ломоносов. Известно, что в 1764 году Берг-коллегия по его запросу давала сведения о добыче нефти в Печорском крае, а в лаборатории М.Ломоносова проводились исследования ухтинской нефти. Ученого она интересовала и с точки зрения разгадки геологического строения земли, над чем в те годы работал академик.

К концу XVIII века интерес к нефти Ухты угасает, она привлекает лишь местных жителей. Они используют ее, как и в допетровские времена, для смазок, пропиток, самолечения.

Поступление керосина и масел из Европы вполне удовлетворяло потребности России, нефть с Запада шла перегнанной, относительно дешевой. С образованием в 1775 году губерний управление горными промыслами переходит в ведение губернских казенных палат. Изданный Екатериной II в 1782 году манифест о свободе промыслов утвердил право собственности на недра той земли, которая оказалась уже чьим-то владением. Государство потеряло право собственности на недра. Начался период неразберихи и развала созданного Петром Первым горного дела. Ни дать ни взять, плохой портрет того, что случилось у нас в разгар перестройки и реформ, начатых в 80-е и продолжающихся вот уже 20 лет.

Михаил Васильевич Ломоносов.

Только в 1796 году восстанавливается Берг-коллегия, а с 1807 года ее заменяет Горный департамент. Начинается более интенсивный период изучения природных богатств России, активно развиваются географическая и геологическая науки. Появляется целый ряд геологических исследований различных районов Российской империи.

Внимание исследователей вновь привлекает Печорский край. Главным инициатором и исполнителем таких изучений теперь выступает Санкт-Петербургская академия наук. Одним из активных сторонников экспедиционного изучения просторов севера России стал М.В. Ломоносов. Первая научная экспедиция в этом крае была организована в 1771-1772 годах. Ее возглавил натуралист и путешественник, академик Иван Иванович Лепехин. Ему удалось дать описание территории Европейского Севера России, собрать богатые сведения о полезных ископаемых и описать геологическое строение многих прибрежных районов, собрать обширный материал по всему Печорскому бассейну. И.И. Лепехин побывал на месте промысла по добыче нефти, созданного Ф. Прядуновым и его последователями, где к этому времени ничего не осталось. В своих «Дневных записях путешествия по разным провинциям Российского государства» он писал: *«От сего строения теперь никаких почти остатков нет, одна только нефть, плавающая на воде, наподобие смолы, оставляя память оного».*

Колежский ассессор, губернский землемер Петр Сумароков по поручению архангельского губернатора составляет подробное «Описание нефтяных ключей на Ухте». В 1801 году «Описание...» отправлено в Петербург.

Для геологического изучения Европейского Севера правительство России привлекает иностранных специалистов. Министерство государственных имуществ, в ведении которого находились земли Севера, приглашает известного специалиста в области геологии англичанина Родерика Мурчисона. В течение 1840-1841 годов он ведет геологические исследования северной части Тимана и Большеземельской тундры. Весомые результаты этих исследований послужили основанием избрания его в 1845 году почетным членом Санкт-Петербургской академии наук.

Вслед за экспедицией Р. Мурчисона к изучению Печорского края в 1843 году приступает самая авторитетная по составу и самая продолжительная по времени геолого-географическая экспедиция во главе с видным геологом и путешественником графом Александром Андреевичем Кейзерлингом и исследователем, географом Павлом Ивановичем Крузенштерном, сыном мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, который стал первым в России человеком, совершившим кругосветное путешествие. За три года Кейзерлинг и Крузенштерн исследовали бассейн реки Печоры от ее истоков до устья, описали выходы горных пород по Печоре и ее притокам, провели магнитные и барометрические наблюдения и замеры, описали флору и фауну на всем 7000-мильном маршруте. Исследовали горный массив, назвав его Тиманом, составили его первую геологическую карту.

Особое внимание исследователи уделили бассейну реки Ухта и нефтеносности ее бассейна. А. Кейзерлинг дает научно-геологическое описание Ухтинского района, указывает на то, что носителем нефти являются сланцы и что их поиск может привести к открытию нефтяных полей. Сразу же после окончания экспедиции в Петербурге в 1846 году выходит книга исследователей «Геологическое и географическое описание

Печорского края». В качестве приложения к ней была опубликована первая географическая карта края. О важности и масштабности исследования говорит тот факт, что А.Кейзерлинг был удостоен почетной Демидовской премии Академии наук.

Продолжает изучение Северного края географическая экспедиция под руководством полковника корпуса горных инженеров, профессора Петербургского университета Э.К. Гофмана. Ее организаторы — Главное горное управление, Генеральный штаб и Русское географическое общество.

Экспедиция Гофмана, как и экспедиция Кейзерлинга, в течение трех лет (1847-1850 годы) обследует Западную часть Уральских гор — от города Чердынь до Карского моря, фиксируя не только геологическое строение территории, но и выходы, и признаки многих полезных ископаемых.

Приведенный здесь перечень экспедиций далеко не полный. Были и другие походы на Европейский Север с целью его изучения и освоения. Если судить по собранным экспедициями материалам, то становится очевидным: правительство России к середине XIX века имело достаточно полное представление о богатствах Европейского Севера и их доступности. Именно поэтому земли северных территорий в то время были собственностью государства и находились в ведении Министерства государственных имуществ.

Ход экономического и технического развития Европы и России во второй половине XIX века резко повысил спрос на нефть. Ее уже не просто берут в местах выхода на поверхность земли, а ищут с применением современных технических средств. Начинается период бурения скважин.

Не остается в стороне и Ухтинский район. Сюда приходит известный всей России сибирский золотопромышленник, купец первой гильдии архангелогородец Михаил Константинович Сидоров. История его появления в крае такова.

В 1864 году лесничий Мезенского уезда Архангельской губернии Гладышев обращается к своему земляку с предложением о разведке и добыче природных богатств Печорского края и, в первую очередь, ухтинской нефти.

К тому времени М.Сидоров уже сотрудничал с известным в Печорском крае лесопромышленником, выходцем из местного населения Василием Николаевичем Лыткиным. Во время их совместной деятельности по заготовке леса и поставке его в Архангельск и страны Европы Сидоров хорошо изучил Печорский край, оценил его богатства. Он откликается на предложение Гладышева и посылает на Ухту партию изыскателей во главе со своим доверенным Кулишовским. Как опытный золотопромышленник, Сидоров подходит к организации работ на Ухте масштабно, со знанием горного дела, с использованием имевшейся на то время техники. Приглашает из Швеции горного мастера и опытных рабочих, закупает у европейских фирм лучшее оборудование для бурения скважин, на реке Печора создает коммерческий флот.

В 1865 году М.Сидоров подает заявку на нефтяные участки и открытие нефтяного дела на Ухте. В мае 1868 года, получив разрешение, заключает арендный договор на одну квадратную версту в районе устья ручья Нефть-Ель, впадающего в реку Ухту. В том же году доверенный Сидорова Лопатин с двумя служащими и двадцатью рабочими на левом берегу Ухты на месте, где нефть фиолетовыми кругами выходила на поверхность воды, приступает к бурению первой скважины на нефть. Процесс ее бурения был

нелегким и занял несколько лет. Это подтверждают и записи Лопатина, сделанные им в 1881 году: «Первая буровая скважина пробивается с 1868 года и при всех усилиях ныне еще не закончена». Однако это не поколебало стремления М.Сидорова продолжать начатое дело. Как и на золотых приисках Сибири, он организует работы с присущим ему размахом, ведет строительство казарм для рабочих, строит склады, погреба, обустроивает промысел.

Хозяйство Сидорова на Ухте в сентябре 1872 года посещают австрийский граф Вильчек, командир австрийского военного корабля барон Штернекк, профессор геологии и естественных наук Венской горной академии Гоффер. Целью этого посещения по просьбе М. Сидорова была квалифицированная оценка проводимых работ и пропаганда его нефтяного дела и всего Печорского края. Хозяин показал гостям скважину, добротные избы — казармы для рабочих, окрестные места. Не случайно для посещения был выбран сентябрь — красивейшее время года в этих местах.

Профессор Гоффер, ознакомившись с журналом буровых работ, разрезом пробуренных пород, составленным Лебедевым, и другими материалами, выразил свое мнение об увиденном словами: «Нефть хорошего качества залегает около 165 футов (50 метров) глубины. Дай, Бог, такого успеха для блага не только здешнего края, но и всей России, чтобы иметь осветительное вещество собственно русское, а не американское, приобретенное за российское золото...»

Первую скважину удалось пробурить до глубины 52,9 метра. Она вскрыла два газовых и восемь нефтяных пропластков и была первой глубокой скважиной на севере России.

К ухтинской нефти М.Сидоров привлекает внимание и Д.И. Менделеева. 28 сентября 1881 года он посылает письмо и образцы нефти ученому, просит произвести анализы и высказать свое мнение о ее качестве. После исследования присланных образцов Менделеев посчитал возможным получать из ухтинской нефти веретенное и машинное масла. Неутомимый Сидоров демонстрирует свою нефть на торгово-промышленных выставках России, на Всемирных выставках в Вене и Филадельфии. За двадцать лет им было вложено в дело добычи ухтинской нефти более 600 тысяч рублей, по тем временам огромные деньги. Благодаря ему нефтяная Ухта стала широко известна за пределами России. Будучи членом многих ученых обществ, почетным академиком ряда зарубежных академий, он способствовал постоянному повышению интереса к богатствам Печорского края.

Михаил Константинович Сидоров.

Немало сил и средств предприниматель Сидоров вложил в создание первой «Северной нефтяной компании русских промышленников», в учреждение и создание Томского университета. Обследовав земли Печорского края, М.К. Сидоров пишет царю Александру III прошение «О средствах вырвать Север из его бедственного положения». Хорошо изучив нравы тогдашней чиновничьей России, патриот освоения Севера приходит к выводу, который полезно было бы усвоить нынешним правителям России: *«Потеря отечества от таких действий громадна, можно сказать, неисчислима. Кто из русских, одушевленных желанием благосостояния своему народу, не поскорбит от глубины души, читая сказанное, основанное на фактах... А между тем иностранцы (1) не дремлют и стараются отнять у нас самые выгодные отрасли промышленности, а представляют русским в своем отечестве только мелочную промышленность. Если администраторы будут парализовать действие русских промышленников, то вся отечественная промышленность будет в руках иностранцев. Что же тогда будет с нашим отечеством? В их руках будет тогда и администрация. От развития промышленности на Севере не только будет выплачиваться государственный долг, но и разольется богатство по всему нашему обширному Отечеству, и будущее поколение не упрекнет нас за это, что мы не заботились о его благосостоянии: напротив, оно будет нам благодарно за то, что мы не передали выгодных отраслей промышленности в руки иностранцев...»*

Тому, о чем говорил патриот России М.Сидоров, положила конец Октябрьская революция 1917 года. А что положит конец такому же, но более масштабному порабощению российского народа и невиданному разграблению его богатств в наше время, неужто снова революция?

В деятельности Сидорова как нефтепромышленника было два момента, в значительной степени повлиявших на сроки и масштабы организации им и его последователями нефтяного дела на Ухте. Архангельская палата государственных имуществ и Государственная палата на протяжении трех лет не оформляли ему право на получение земельных участков. Это первый момент. Ко второму можно отнести отказ, несмотря на неоднократные ходатайства, в получении разрешения на строительство дороги от Ухты до Выми протяженностью около 200 километров, столь необходимой для освоения всего Печорского края.

Один из самых богатых людей России, крупный промышленник, поставщик печорской корабельной лиственницы в Европу, где она ценилась дороже нефти, один из организаторов северных морских экспедиций, поборник освоения богатств Европейского Севера М.К.Сидоров становился серьезным конкурентом для бакинских нефтепромышленников. Бакинские нефтяные дельцы, и в первую очередь братья Нобели, разными изощренными способами препятствовали Сидорову и его последователям в организации и развитии добычи нефти на Ухте. Эти происки прекратились лишь за месяц до Октябрьской революции 1917 года.

На смену М.Сидорову на Ухту приходит екатеринбургский купец А.М.Галин. Он в 1890 году приобретает у наследников промысел, покупает еще несколько земельных участков и активно приступает к их освоению. При помощи немецко-голландской фирмы «Бела фон Вангель и К^о» с 1896 по 1900 годы на участках Галина было пробурено

Милостивый Государь
 Деметрий Иванович!
 Посылаю Вам от Дюкана копию
 для справки некого, доставленного
 от него в 1889 и 1890 г. в Кемп
 от некоего изобретателя, кто был некто
 так назывался, и находит что Кемп
 викариусом некоем образом
 с. в. Дюкан некому, будет с. в. Дюкан,
 Вона. Митрополит
 От М. К. Сидорова
 Д. И. Менделееву
 М. К. Сидоров

58/1. 28 (Сидоров)
 012. 1. 16.

Письмо М.К.Сидорова Д.И. Менделееву об ухтинской нефти.

26 скважин, одна из них глубиной 177 метров, что было рекордом для Севера. В качестве руководителя буровых работ в 1901-1902 годах на промысле А.Галина от фирмы Вангеля работал недавний выпускник Харьковского университета геолог Н.Н.Тихонович. Тот самый, кто с 1929 по 1939 годы будет руководить нефтегазовой частью геологической службы Ухтижмлага. В то время предприимчивый Н.Тихонович оформляет на себя два участка на нефть в районе речки Чуть, притоке Ухты, и продолжает вести здесь работы в 1903-1904 годах.

С 1899 года право на разведку и добычу нефти в Ухтинском районе становится монопольным. На монопольных условиях это право было предоставлено компании «Граф Канкрин и К^о». Компания арендовала участки, покупала заявочное право на свободные участки, вела наблюдение за производимыми здесь работами, но сама никаких работ не осуществляла. Будучи сдерживающим фактором развития добычи нефти в данном районе, она в полной мере отвечала планам Нобеля и сотрудничала с ним.

В 1905 году монополия переходит в руки государства. Ухтинский район объявляется правительством нефтеносным. Определяются правила и условия подачи заявок на получение нефтеносных полей. Правилами разрешается любому желающему за мизерную

СИДОРОВСКАЯ СКВАЖИНА.

РАЗРѢЗНЫЙ ПЛАНЪ,

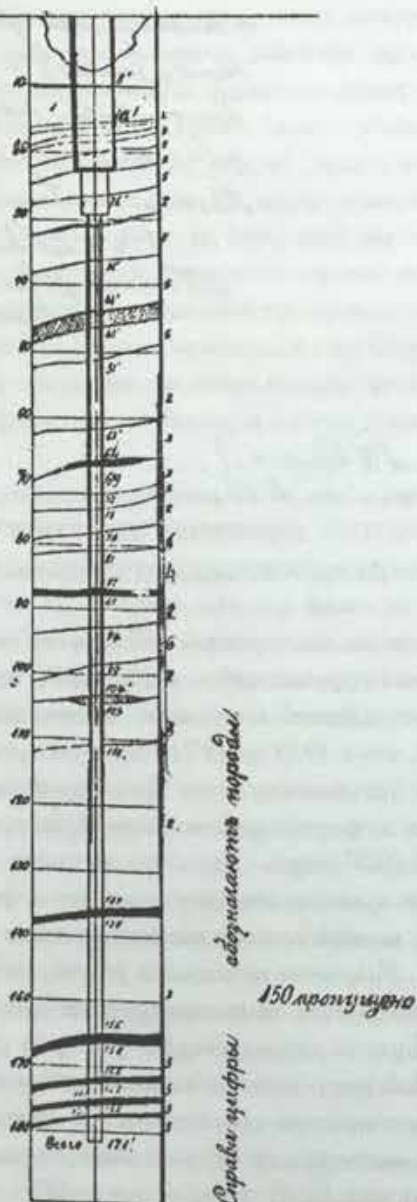
Буроваго нефтянаго колодца съ показаніемъ пластовъ горныхъ породъ въ Мезенскомъ уездѣ Архангельской губерніи при р. Ухтѣ.

Изъясненіе.

1.	Наносные пески.
2.	Тиллистые сланцы.
3.	Известковые сланцы.
4.	Вулканы содержащія нефть.
5.	Песчанники.
6.	Слой саляной воды.
7.	Отдѣленіе газа.
8.	Отдѣленіе нефти.

171" = 24 саж. 3"

180" = 25 саж. 5"

плату получить участок земли. На Ухту хлынул поток нефтеискателей. В 1907 году только в Вологде было зарегистрировано свыше трехсот заявок, их количество продолжало расти и к 1910 году перешагнуло тысячный рубеж.

Растет внимание к району государственных служб. Министерство государственных имуществ поручает директору Геологического комитета академику Александру Петровичу Карпинскому организовать научную экспедицию по изучению Печорского края. В 1889 и 1890 годах Тиманская экспедиция Геологического комитета под руководством академика Федора Николаевича Чернышова ведет исследование южной части Тимана в районе рек Ухты и Ижмы. В 1891 году комитет издает геологическую карту исследуемого района в масштабе 10 верст в дюйме, два предварительных и один полный отчет экспедиции. В них дан геологический разрез района Ухты с отражением последовательности расположения пластов, петрографический состав и геологический возраст пластов, указывается география выходов нефти, связанная преимущественно с бассейном реки Ухты и ее притоков Чути и Яреги, а также с бассейном притока Ижмы — речки Седью.

Вслед за Тиманской экспедицией в крае в 1902 и 1904 годах побывали профессор Московского университета А.П.Павлов и его ученик, молодой геолог А.А. Чернов, инженер В.Я.Белобородов, в 1907 году — от фирмы братьев Нобель — шведский геолог Ф.А.Андерсен и другие.

События политического и экономического характера в России в 1905-1906 годах привели к резкому повышению цен на бакинскую нефть, что, в свою очередь, стало причиной кризисов в промышленности. В этой ситуации биржевые комитеты Перми, Нижнего Новгорода, Москвы и Петербурга ходатайствуют перед Государственным Советом и Государственной Думой о разрешении эксплуатации ухтинских нефтяных месторождений. Вологодское губернское земство приступает к изысканию денежных средств на строительство дороги от Половников, что в устье реки Вымь, до Усть-Ухты. В 1909 году здесь начались строительные работы, а в 1912 году они были приостановлены. Причиной послужили стабилизация цен на нефть и успехи бакинских нефтепромышленников. Однако начало строительству дороги было положено. Трасса и проезд для ее расчистки стали основой будущей дороги, строительство которой возобновилось в 1922 году. Тем не менее, это не остановило тех, кто, приобретая нефтеносные земли, рассчитывал продать их в нужный момент с большой прибылью. Но среди сотен таких дельцов были и продолжатели дел Черепанова, Прядунова, Сидорова.

Одним из них в 1889 году стал предприниматель, инженер А.Г.Гансберг, который начал готовиться к добыче нефти в Печорском крае по-инженерному обстоятельно и надолго. На приобретенных в районе Сидоровского промысла землях он приступает к обустройству нефтяного промысла и называет его Варваринским. Перед началом закладки первых скважин в 1903 году доставляет сюда с запасом обсадные трубы, буровой инструмент, приобретает имевшиеся на месте паровые котлы, паровую машину, буровое оборудование. Как квалифицированный и опытный инженер, он понимает, что для успешной работы не обойтись без механической мастерской и кузницы. Он их строит в первую очередь, возводит также склады для оборудования и материалов, устанавливает электростанцию, проводит из Усть-Ухты телефонную линию, строит дом для приезжих, дома для рабочих. Преодолевая немалые трудности и невзгоды, закладывает первые две скважи-

ны. Одну из них — между ручьями Нефте-Ель и Половинкин-Ель. Ее глубина достигла 113 метров, и был получен небольшой объем газа и нефти. С целью пропаганды ухтинской нефти и привлечения инвесторов в 1904 году А.Гансберг издает книгу «Краткий очерк Печоро-Ухтинской нефти».

Свое дело он продолжал 18 лет, до 1918 года, когда весь Печорский край оказался в руках белогвардейцев. В годы первой мировой войны талантливый и неутомимый А. Гансберг строит небольшой керосиновый завод и ежемесячно перегоняет до 750 пудов нефти. Получаемые керосин и бензин идут для нужд местного населения и собственного потребления. Однако развернуть дело так, как мечтал Гансберг, ему не удалось. Главным образом из-за отсутствия необходимых средств и, безусловно, событий 1917-1918 годов в Коми крае.

Одновременно с А.Г.Гансбергом нефтяное дело ведет генерал-лейтенант Абаковский, который бурит скважину глубиной 77 метров, получает небольшой приток нефти с газом и на этом из-за отсутствия средств сворачивает работы.

Наиболее удачными и результативными оказались дела у энергичного предпринимателя, капитана Измайловского полка Юрия Александровича Воронова, который вел работы на ручье Ярега по соглашению с Горным департаментом. Его консультантами были известный геолог П.И.Полевой и шведский геолог из фирмы Нобеля Андерсен. В 1907 году Ю.Воронов ведет бурение скважины на ручье Ярега. При ее проводке пройдено 47 метров нефтеносных песчаников. Их анализ показал, что в одном кубометре породы содержалось 132 килограмма нефти. Открытие Вороновым мощного нефтеносного пласта, насыщенного вязкой и тяжелой нефтью, не послужило поводом создания здесь в то время нефтедобывающего производства. Главной причиной было то, что поднять на поверхность тяжелую и вязкую нефть тогда не представлялось возможным. Это

Нефтяная скважина А.Г. Гансберга на реке Ухта. 1908 год.

послужило причиной умалчивания великого открытия капитана Воронова. Была скрыта историческая правда о дате открытия промышленных запасов нефти на севере России. Пробуренная им скважина, как выяснится через двадцать пять лет, совершила открытие века, название которому «Ярегское нефтетитановое месторождение».

Скоро шведский советник Воронова Андерсен на весь мир заявил: «На Ухте нефти нет. Это месторождение местного значения, естественно истощенное, так как с незапамятных времен со дна реки Ухты бьют родники нефти... На Ухте вообще делать нечего».

Деловые круги охвачены сомнением: а есть ли вообще промышленная нефть на Ухте? Проблема обсуждается в царском правительстве, Сенате, государственных учреждениях, на страницах научных изданий, в периодической печати. Неопределенность в оценке Ухтинского нефтеносного района вынуждает правительство взять разведку на нефть в свои руки. С этой целью в 1909 году Горному департаменту поручается создать «Северное Ухтинское нефтяное промышленное товарищество», которое в 1910 году приступает к разведочному бурению. Работы ведет разведочная экспедиция департамента под руководством горного инженера В.И. Стукачева. Начинается бурение четырех скважин. Так как бурение велось за счет казны, скважинам было дано название «казенные».

Усилия Горного департамента по бурению разведочных скважин оказались безрезультатными. Скважины не выявили залежей промышленной нефти. Работы были свернуты. Но обратим внимание на полученные результаты опробования скважин №1 и №2, пробуренных В. Стукачевым. Скважина №1, расположенная на левом берегу реки Ухты (на территории нынешнего поселка Водный), достигла глубины 427 метров. Она давала в сутки 537 килограммов нефти. Со скважины был получен фонтан газированной воды, из которой впоследствии путем выпаривания получали поваренную соль. Какую ценность представляла эта скважина, мы узнаем позже. Казенная скважина №2 была на речке Чуть, ее глубина 149 метров, дебит нефти около 700 килограммов в сутки. Третья скважина на ручье Лыя-Иоль достигла глубины 320 метров и оказалась непродуктивной, четвертая — на ручье Доманик — была закончена бурением на глубине 255 метров и дала слабые проявления нефти и газа. Ни В.И. Стукачев, ни Горный департамент не подозревали, что пробуренные ими скважины через полтора десятка лет всколыхнут весь ученый мир и положат начало промышленной революции в Печорском крае.

Поиск нефти на Ухте с 1913 года ведет бакинская фирма «Русское товарищество «Нефть». Работами руководит А.И. Головин. Руководствуясь данными экспедиции академика Ф.Н. Чернышева, товарищество «Нефть» бурит в разных местах вдоль реки Ухты шесть глубоких скважин и десять неглубоких, ручного бурения, глубиной до 65 метров. Глубокие скважины на разных глубинах вскрыли нефтяные пласты, дали незначительные притоки нефти и газа. Мелкие — не дали нефти, за исключением одной, дебит которой составил 30 килограммов в сутки. Буровые работы товарищества «Нефть», как и «Северного Ухтинского нефтяного товарищества», надежд не оправдали. Бесперспективность дальнейшего продолжения работ в районе была очевидной.

Прежде чем полностью их прекратить, геологи «Русского товарищества «Нефть» рекомендуют пробурить скважину на берегу Ухты в районе устья ручья Чибью. Необычность и рискованность такой рекомендации заключалась в том, что, по имеющимся на то время научным представлениям о залежах нефти, а также по накопленным материалам по геологическому строению района, нефти здесь быть не должно. Чем руководствовались авторы такого предложения, сказать трудно, но интуиция их не подвела.

Разведочная скважина №1-РТН была пробурена в указанном месте летом 1917 года. При проходке 475 метров горных пород были вскрыты нефтяные пласты на глубине 207 метров, затем на 387 метрах, и ниже этого горизонта отмечались признаки нефти. При испытании скважины был получен приток нефти 50 килограммов в сутки. Таким образом, в районе, где до этого не производились буровые работы, в залежах девонского периода геологической истории Земли была выявлена нефть. Так было открыто нефтяное месторождение, получившее впоследствии название «Чибьюское», промышленное значение которого было подтверждено спустя тринадцать лет.

В 1917 году открытие по достоинству оценено не было. А результаты испытания пробуренных скважин, как и политические, военные и экономические события в России тех дней, стали причиной прекращения деятельности «Русского товарищества «Нефть» в августе 1917 года, о чем 10 ноября оно известило земскую управу Яренского уезда письмом, в котором говорилось: *«Изложенный обзор работ в Ухтинском районе показывает, что товарищество приложило все усилия для исчерпывающего выяснения вопроса о благонадежности этого месторождения, но результаты всех работ привели к весьма неблагоприятным выводам о промышленности его, почему все работы на участках Ухтинского района в настоящее время прекращены».*

Материалы испытания скважины №1-РТН не стали достоянием широкой гласности, о них было известно лишь узкому кругу специалистов. Знали о них в Геологическом комитете, куда поступала информация о производимых буровых работах на нефть от исполнителей. Несомненный приоритет и заслуги «Русского товарищества «Нефть» необоснованно замалчивались теми, кто пошел по его следам.

Это были последние сведения о работе в Ухтинском районе до Октябрьской революции 1917 года.

К 1917 году прошло без малого двести лет, как Петр Первый издал указ об ухтинской нефти. А ответ на вопрос, есть ли промышленная нефть на Ухте, так и не был дан. Почему труд многих поколений талантливых ученых, промышленников, патриотов России не увенчался успехом, оказался столь продолжительным, тяжелым, нередко трагичным?

На протяжении всего царствования Петр Великий уделял особое, если не сказать первостепенное, внимание Европейскому Северу, в том числе Печорскому краю.

Для Государства Российского лес и пушнина этих мест играли важную роль в деле пополнения казны, служили весомым дипломатическим капиталом в отношениях со странами Европы. Благодаря Петру к нефтяной Ухте было обращено внимание его помощников, чиновников, губернаторов; она стала широко известна в Москве и Санкт-Петербурге, о ее богатствах узнали и в европейских странах. Интерес царя к Печорскому краю привел к широкому и всестороннему его изучению, что нашло отражение в организации многочисленных экспедиций.

Несомненно, добыча нефти на реке Ухта получила бы развитие теми методами, которые в то время были известны и возможны. Ухтинская земля пестрела бы нефтяными колодцами, штольнями, но этому не суждено было сбыться. К сожалению, смерть императора ослабила внимание к Ухтинскому нефтеносному району, а затем и вовсе свела его на нет. На многие годы царствующие персоны исключили из своих планов изучение и освоение богатств Печорского края. К нему проявляли интерес лишь отдельные энтузиасты, патриоты края и России.

Но никакие частные инициативы богатых и талантливых энтузиастов, экспедиции и путешествия известных ученых и первооткрывателей, их патриотические порывы во имя и во благо государства не могли в прошлом, не могут и в настоящее время решить проблемы, связанные с освоением обширных территорий и находящихся на них природных богатств, отдаленных и труднодоступных. Это под силу только государству на определенном этапе его экономического, социального и политического развития. А стремление и воля к этому, в первую очередь, зависели и зависят сейчас от первого лица государства, будь то король, царь, император или президент.

Ведь Российскому государству стало по-настоящему под силу начать освоение больших территорий и их богатств в период царствования императора Петра Первого, собирателя русских земель, создателя могущественной Российской империи, отдавшего всю свою жизнь созиданию.

Развитие нефтяной промышленности в конце XIX века и в начале XX в Азербайджане, территория которого была присоединена к Российской империи в 1813 году, сошло в органах власти России, и не только в ней, мнение о том, что добыча нефти чрезвычайно легкое дело, приносящее небывалые прибыли. Что касается Баку, то это в определенной мере соответствовало действительности и подтверждалось неоспоримыми фактами. А вот в других районах природные богатства так легко не давались. Однако верить в это никому не хотелось, начиная с царствующих особ и кончая чиновничьим аппаратом. И даже тем, кто непосредственно занимался нефтяным делом. Такое отношение не способствовало развитию нефтяного производства в других районах России. Уже в те годы зарождался некий синдром бакинского нефтяного успеха. Он постепенно овладевал сознанием высших эшелонов власти, становился одним из важных составляющих элементов в оценке отдельных регионов, а потом и целой страны.

Этот синдром был присущ и руководству Советского Союза, что привело к деформации экономического, а затем и политического развития страны. Его последствия нанесли и наносят до сих пор непоправимый ущерб обществу. К сожалению, от бакинского нефтяного синдрома, а затем тюменского, не избавили государственных мужей ни перестройка, ни реформы последних десятилетий.

С установлением Советской власти начала изменяться и жизнь Коми области. Менялась обстановка и вокруг ухтинской нефти. В декабре 1917 года среди многочисленных указаний и распоряжений главы государства В.И.Ленина находится место и северной Ухте. Первый председатель Высшего Совета народного хозяйства В.В.Оболенский получает распоряжение, касающееся Коми области и ее нефтяной Ухты.

Шел первый год Советской власти. Молодая республика была в огненном кольце фронтов гражданской войны и интервенции. В начале августа 1918 года десант англий-

ских войск, находящихся в Северном Иране, высадился в Баку, а затем в Туркестане. Туркестан, Баку и Астрахань стали звеньями кольца, отрезавшего Советскую республику от Азербайджана. В сентябре 1918 года там была свергнута Советская власть, к руководству пришло мусаватистское правительство. Доступ к нефти Грозного и Кубани также прекратился. В стране не хватало продовольствия и топлива.

В мае 1918 года В.И. Ленин подписывает декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР об учреждении в составе Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) Главного нефтяного управления. С этого момента началось осуществление крупномасштабных мероприятий по созданию нефтяной промышленности страны.

Стратегический замысел руководства Страны Советов, в первую очередь В.И. Ленина, состоял в том, чтобы как можно быстрее создать новые районы получения топливно-энергетических ресурсов: угля, нефти, горючих сланцев, торфа.

По поручению В.И. Ленина ведется поиск новых районов добычи угля и нефти. Орган Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета газета «Известия» 14 февраля 1919 года писала: *«Необходимо, взамен утраченным, найти новые источники в пределах Советской России. В этом отношении особое внимание должно быть обращено на Ухтинский нефтяной район».*

К тому времени на нефтяные богатства Ухтинского района сложилось две точки зрения. Первая: нефть есть, но не в таких количествах, чтобы делать на нее ставку. Вторая: нефть есть, но для ее получения требуются широкомасштабные работы по изучению района и выявлению месторождений. Аналогичной была ситуация с углем. Ответить на вопрос, кто прав, могли только геологи. Лишь после тщательных исследований края можно было принимать решение — делать или не делать ставку на этот район.

Для решения вопроса о целесообразности проведения работ в Ухтинском нефтяном районе привлекается академик А.П. Павлов. По указанию В.И. Ленина летом 1918 года в район направляется первая экспедиция Геологического комитета во главе с геологом К.П. Калищким в составе геолога А.А. Стоянова и горного инженера А.Д. Волковича.

В заключении академика А.П. Павлова и представленных материалах К.П. Калищкого говорится о необходимости проведения больших поисковых и разведочных работ, требующих значительных средств и времени. Доводы экспертов и комиссий исключали решение проблемы получения ухтинской нефти в короткие сроки, а только они были приемлемы для руководства страны. В сложившейся ситуации такой подход и оценка района были нежелательными, а точнее — неприемлемыми. Отказ от этого района был немыслим.

«Известия Главного нефтяного комитета» в октябре 1918 года публикуют статью И.М. Губкина под названием «Ухтинский нефтеносный район», в которой он излагает свою точку зрения на регион: *«...В настоящее время, когда по условиям переживаемого политического момента наши богатейшие нефтяные районы — Бакинский и Грозненский — находятся под серьезной угрозой и фактически разобщены с Севером, к этому району проявляется особенно острый интерес...»*

Из предыдущего видно, что геологические данные являются небесспорными, что возможно другое представление о строении Ухтинского района, а поэтому

вывод, основанный на этих данных, что район не может представлять интерес в промышленном отношении, кажется мне преждевременным...

Не останавливаясь на вопросе, что при наличии некоторых условий не исключена возможность эксплуатировать нефть из скважин даже с небольшой производительностью, поставим себе более общий вопрос: нужно ли вообще интересоваться Ухтой не только в нефтяном, а, может быть, и в других отношениях.

Здесь существуют два полезных ископаемых, кроме нефти, — это горючий сланец и горючий газ...

Ухтинские газы должны быть исследованы, во-первых, в отношении их количества и постоянства истечения из скважин и, во-вторых, в отношении их химического состава... Газовое дело можно было бы развивать параллельно с разработкой сланцев.

Следует еще прибавить, что качество ухтинской нефти высокое, так что с этой стороны никаких сомнений не вызывает.

Из вышеизложенного можно заключить, что острый интерес, который проявляется сейчас к Ухтинскому району, имеет под собой вполне реальную почву. Нельзя проходить мимо таких районов, не исследовав их самым тщательным образом».

Академик И.М.Губкин определяет основные направления работ в Ухтинском районе:

— продолжать работы в местах, где они неоднократно проводились ранее, в настоящее время неперспективно;

— расширить фронт работ по поиску нефти за пределами уже изученных территорий с учетом глубокого анализа накопленного материала;

Ухтинская геологоразведочная экспедиция. 1919 год.

- вести поиск путей и создание условий для получения нефти из скважин с малой производительностью;
- считать первоочередной задачей проведение исследовательских и поисковых работ на горючие сланцы и горючие газы;
- возможность и целесообразность использования природных горючих газов в качестве сырья для нефтехимической промышленности;
- привлечение к изучению края в новых условиях широкого круга ученых по затронутым проблемам;
- необходимость ускоренного создания надежных транспортных путей к району.

Для решения вопросов, связанных с освоением края, на первое место выходит проблема транспортных путей, о создании которых мечтали еще в прошлом веке патриот Севера М.К.Сидоров и его последователи.

Все, кто так или иначе был причастен к проблемам Печорского края в первые годы Советской власти, ставили вопрос о дороге. Всем было понятно, что без дороги нефть не взять. Следует отметить, что речь шла не только о грунтовой дороге, обсуждался вопрос и о прокладке железной. Это было связано не только с ухтинской нефтью, но и с вывозом леса, а также с перспективами возможной добычи угля на Европейском Севере.

В этой связи Высший Совет Народного Хозяйства по поручению В.И.Ленина готовит необходимое обоснование строительства и потребные ассигнования на грунтовую дорогу Половинки — Усть-Ухта для представления в Совет Народных Комиссаров. 26 июня 1919 года В.И.Ленин подписывает постановление о выделении средств на строительство.

К работам предусматривалось приступить немедленно, вести их ускоренными темпами. И кто знает, как бы развивались события, чем бы все это закончилось, если бы на другом конце России, в Азербайджане, не победила Советская власть.

Поток различных сообщений и предложений об ухтинской нефти в центральные органы Советской республики и

вр. № 273. л. 1.

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИАЛЬНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

**ОБЛАСТЬ
ПЕЧОРСКО-КОМИСАРОВСЬКАЯ**

Москва, Печора.

В Департамент Государственного Казначейства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

26 июня 1919 г.
№ 40021.

Совет Народных Комиссаров в заседании от 24-го июня с/г.

ПОСТАНОВИЛ:

Отпустить в пользу Совету Народного Хозяйства по Комитету Государственных Сбросов на постройку грунтовой дороги "Половинки-Ухта" со всеми необходимыми сооружениями из средств Государственного Казначейства дополнительные сверхсметным кредитом 5.000.000/пять миллионов/рублей.--

Председатель Совета
Народных Комиссаров:

В.И. Ленин

А. Сидоров

26 июня 1919 г.
№ 15176
6-339.
№ 47

лично В.И. Ленину не уменьшался. Интерес к этому вопросу проявляли самые разные слои общества.

Писали все: рабочий и бухгалтер, инженер и плотник, военный и штатский, генерал и рядовой, крестьянин и лесоруб, охотник и рыбак, вольный и заключенный, партийный деятель и ученый с мировым именем, губернский голова и областной секретарь, эсер и большевик... Писали отовсюду: из Москвы и Петрограда, Архангельска и Перми, Усть-Сысольска и Усть-Ухты, Ижмы и Великого Устюга, из армии и с флота. У всех одна забота — о нефти Ухты, о ее использовании для молодого Советского государства.

Продолжающийся поток предложений и информации побуждают В.И. Ленина вновь и вновь возвращаться к этому вопросу. Он дает поручение заместителям председателя Высшего Совета Народного Хозяйства А. Ломову и В. Милютину подготовить информацию о том, что сделано по этому вопросу. Это было 30 сентября 1919 года, а в первой декаде октября Ленин снова проявляет интерес к Ухтинскому району и требует лично от члена коллегии Главкомнефти И.М. Губкина доложить о проводимых работах по разведке на нефть в Ухтинском районе, Казанской губернии и Уральской области.

Проходит полгода. 9 марта 1920 года Ухтинский район вновь привлек внимание В.И. Ленина. Он дает очередное поручение по нему члену президиума ВСНХ А. Ломову разыскать музейные материалы об ухтинской нефти. Можно предположить, что этот интерес был вызван очередными письмами тех, кто твердо верил в необходимость продолжить работы на реке Ухта и верой самого Ленина в перспективность района.

В 1921 году он дважды обращает внимание на ухтинскую нефть и северный лес как на важные источники сырья для промышленности страны и возможного поступления валюты путем сдачи в концессию нефтяных и лесных площадей региона.

Таким образом, с первых дней Советской власти и до 1923 года главным стратегом освоения богатств Европейского Севера и его Ухтинского нефтяного района был Владимир Ильич Ленин, а одним из ведущих и главных его помощников — академик Иван Михайлович Губкин. Он так оценил роль В.И. Ленина в освоении Севера: *«Тем, что этот отдаленный край не был забыт и на нем ключом забила трудовая жизнь, мы обязаны зоркому глазу Ильича, его инициативе и внимательности».*

Здесь уместно возразить по поводу утверждений о том, что этот край был забыт и заброшен царским правительством, что тут царили невиданная нищета и бесправие. О том, что это не так, свидетельствуют приведенные ранее документы. Да и не только они. Мало кто знает, что среди многочисленных губерний царской России Коми край стоял на третьем месте по уровню образования. Его жители не знали, что такое крепостное право. Оно до них не дошло, на них не распространялось.

Может создаться впечатление, что в то время, кроме ухтинской нефти, в стране не было районов, которые бы в той или иной степени приковывали внимание руководства страны. Это далеко не так.

Под пристальным вниманием правительства была нефть на полуострове Челекен Закаспийской области, входящей в состав России со второй половины XIX века, в последующем Туркменской республики. Здесь, как и на реке Ухте, нефть была известна с древних времен.

байджана Н.К.Нариманов, народные комиссары Азербайджана Д.Х.Буниатзаде, М.Г.Мусабеков. Особая ответственность возложена на Главное нефтяное управление и лично на И.М.Губкина.

Сложившаяся в стране политическая и экономическая ситуация отодвинула Ухтинский нефтяной район на второй план, но не сняла его с повестки дня. Он стал заботой органов власти на местах. Местные власти предпринимают активные действия по созданию и развитию нефтяного промысла на Ухте.

Архангельский губернский Совет народного хозяйства в апреле 1920 года посылает в район Ухты уроженца села Ижма Г.П.Семяшкина, ранее работавшего буровым мастером на здешних промыслах. Ему поручают организовать работу по учету и сохранности имеющихся там буровых станков американского производства, мастерских и другого имущества. Ранее (21 июня 1918 года) о необходимости сохранения нефтяного промысла и имеющегося там оборудования предостерег руководство «Русского товарищества «Нефть» член коллегии Главного нефтяного комитета А.А.Шибинский.

Заведовать ухтинскими нефтяными и соляными промыслами губернский Совет поручает опытному инженеру А.В. Труксу, который прибывает в район Ухты 18 августа 1920 года.

В докладе Архангельскому Совету А.В.Трукса без особого оптимизма излагает то сложное положение, с которым ему пришлось столкнуться при восстановлении нефтяных и соляных промыслов и перегонной установки нефти, которую он называет заводом для получения керосина. Обращает внимание на крайне сложный путь к реке Ухте, в связи с чем доставка грузов превращается в сложную проблему, не говоря уже о больших затратах времени для преодоления этого пути. Заостряет внимание на малой производительности скважин, отсутствии технических ресурсов для бурения новых и на невозможность подключения ранее пробуренных скважин из-за их крайне низкого качества и аварийного состояния.

Надо полагать, что характеристика состояния ранее пробуренных скважин, из которых А.Трукса пытался получить нефть, и есть частичный ответ на вопрос, почему многих прежних нефтеискателей на Ухте преследовали неудачи.

Многочисленные командировки в губернский Архангельск с целью добиться выделения финансовых средств для приобретения и отправки на Ухту необходимых материалов и оборудования наталкивались на непонимание, с одной стороны, и на отсутствие денег в казне губернского совнархоза — с другой.

Как и следовало ожидать, созданные А.Труксой нефтяные и соляные промыслы, нефтеперегонная установка просуществовали недолго. Уже в 1922 году добычу нефти здесь ведут несколько мелких артелей, проработавших на Ухте по тем же причинам, что и промыслы Труксы, только до 1924 года.

Практический интерес к ухтинской нефти угасал. Но местные власти в лице губернского Архангельского и уездного Усть-Сысольского совнархозов с достойной уважения периодичностью и настойчивостью «бомбили» Центр запросами и требованиями продолжать работу по поиску месторождений угля и нефти. Тем самым они выполняли функцию катализатора процесса, который в то время не мог привести к бурной или хотя бы активной реакции Центра. Однако после 1920 года центральные власти направляли

все усилия на Юг — в Азербайджан, Грозный и Урало-Поволжье. Это особенно видно из последних документов, в которых В.И. Ленин упоминает Ухту уже не в числе первых, а наряду с другими районами. Что же касается Севера, попытки решить проблему развития нефтедобычи местными усилиями и средствами не могли привести к ожидаемым результатам. Добыча нефти требовала больших финансовых, материальных и интеллектуальных вложений. Таковыми местные власти ни тогда, ни позже не располагали. Даже для создания и функционирования самого упрощенного способа добычи нефти необходимо большое количество материально-технических средств. В первую очередь, продукции машиностроения. Такой в Печорском крае на то время не существовало даже в зачаточном виде. А те ресурсы, что были завезены в период 1914-1917 годов и сохранены большими усилиями таких энтузиастов, как Г.П. Семяшкин и А.В. Трукса, быстро иссякли.

Такой была ситуация в начале двадцатых годов прошлого века вокруг ухтинской нефтяной проблемы. Несмотря ни на что, ее продолжали обсуждать в научных кругах, на страницах газет и журналов. Но дальше этого дело не шло.

Для понимания сложности проблем восстановления и особенно создания нефтедобывающей промышленности, путей их решения, следует обратить внимание на то, кто был привлечен к этому делу в 1920 году в Баку, кому была доверена сложная и, как говорил Ленин, «архиважная задача». В их числе: И.В. Сталин, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе, Н.К. Нариманов, М.Г. Мусабеков, С.М. Эфендиев, Д.Х. Буниатзаде, М. Касимов, А.П. Серебровский, И.М. Губкин, Ф.А. Рустамбеков и многие другие. А ведь речь шла не о создании, как это предстояло сделать на реке Ухте, а только лишь о восстановлении остановленного и частично разрушенного нефтяного хозяйства.

Ничего подобного не было в Коми области, а одного желания для осуществления мечты энтузиастов было, разумеется, мало. Оценка нефтеносности Ухтинского района определенно сформировалась к 1927 году и в главном геологическом ведомстве страны — Геологическом комитете. Она отражена в ответном письме исполкому Коми автономной области: *«Разведочных работ на нефть в Ухтинском районе в ближайшее пятилетие Геологический комитет вести не предполагает, так как по имеющимся у нефтяной секции данным, месторождения эти не являются промышленными при настоящих условиях, главным образом — полного бездорожья. Лишь в случае принятия правительством твердого решения построить железную дорогу, проходящую через данный район, будет необходимо предпринять разведочное бурение с целью окончательно выяснить вопрос о благонадежности и запасах нефти в этих месторождениях, например, бурение под горой Согра — Гой и др., каковое намечалось в 1919 году экспедицией Геологического комитета во главе со Стояновым и Косыгиным, не сможей, однако, в то время добраться до Ухты.»*

Затем в Ухтинском районе секцией неметаллических ископаемых Геологического комитета включена в пятилетнюю программу работа по разведкам и исследованию ухтинских газов вследствие содержания в них гелия...»

Что же послужило причиной возвращения во второй половине двадцатых годов к ухтинским проблемам? Вспомним приведенную ранее статью И.М. Губкина «Ухтинский нефтеносный район», где он писал: «...ухтинские газы должны быть исследова-

ны, во-первых, в отношении их количества и постоянства истечения из скважины и, во-вторых, в отношении их химического состава...»

В 1926 году Геологический комитет при Совете Народного Хозяйства направляет в Ухтинский район химика А.А.Черепенникова и научно-технического сотрудника М.Н.Воробьева. Они ведут обследование на выход газов и их дебита в районе рек Лья-Иоль, Чибью, Доманик, Ярега, Крохаль, Чуть, Половинкин-Иоль, Ухта. При обследовании взяты пробы газа и минерализованной воды, изливающейся из ряда скважин. Анализ проб газа и данные химического состава минерализованной воды привели к необходимости отправки Геологическим комитетом в 1927 году в данный район новой геологической партии Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института (ЦНИГРИ), ведущего работы по поискам гелиеносных газов. В ее состав вошли Л.Н.Богоявлинский, А.А.Черепенников и Е.Д. Шульгин.

Л.Н.Богоявлинский, докладывая о результатах работы экспедиции, писал: «...летом 1927 года было открыто новое месторождение радия в Ухтинском нефтеносном районе. Воды многих буровых скважин этого района оказались содержащими радий в количестве во много раз больше, чем все аналогичные источники радия. Для «казенной» буровой скважины (той самой, которую пробурила экспедиция В.И.Стукачева) это количество было в среднем 7,5 миллиграммов в одной тысяче кубических метров воды. Это в 30 тысяч раз выше, чем в обычной пресной воде». Исследование воды на содержание радия из самоизливающихся, ранее пробуренных на нефть скважин, привело к крупному открытию, вызвавшему настоящую сенсацию в научном мире. Не менее важную информацию дал анализ проб газа, показавший высокое содержание гелия. Это, в свою очередь, вселяло надежду на возможные открытия газовых месторождений с большим его содержанием.

Чем же был вызван интерес к гелию и радю?

Гелий относится к числу радиоактивных газов, которые возникают в результате распада радиоактивных элементов. На Земле его мало. По распространению во Вселенной, по данным науки, гелий занимает второе место после водорода. На его долю приходится двадцать три процента космической массы. На Земле гелий постоянно образуется при распаде радиоактивных элементов: урана, тория, радия и других. Около половины всего гелия содержится в земной коре и в ее гранитной оболочке, где находятся основные запасы радиоактивных элементов. Определенная часть гелия скапливается в газовых и нефтяных месторождениях. Чем древнее возраст пород, в которых имеются скопления нефти и газов, и чем выше в них содержание радиоактивных веществ, тем больше гелия в составе природных газов. В промышленности гелий получают из гелиесодержащих (гелиеносных) природных газов при содержании в них гелия более 0,1 процента методом глубокого охлаждения, используя его свойство сжиматься труднее всех остальных газов.

Радий был открыт в 1898 году учеными-физиками Пьером Кюри и Марией Склодовской-Кюри. Новый металл был назван радием от латинского «radius» — луч, а само испускание невидимых лучей — радиоактивностью. В то время для получения одного грамма чистого элемента требовался гигантский труд. Необходимо было переработать от пяти до десяти вагонов урановой руды (в зависимости от содержания в ней радия), сто

железнодорожных вагонов угля, столько же цистерн воды, до пяти-семи вагонов различных химических реагентов. Железнодорожный состав из 215 вагонов с различными материалами плюс громадный труд по их переработке равнялся одному грамму радия. Было установлено, что излучение радия превосходит урановое в миллион раз.

В начале XX века это был самый дорогой металл. Один грамм этого элемента стоил свыше 200 килограммов золота. По данным Нью-Йоркской биржи металлов, к настоящему времени с момента его открытия в мире добыто полтора килограмма чистого радия.

В двадцатых годах прошлого века, когда так активно обсуждалась проблема ухтинской нефти, потребность в радии росла невиданными темпами. Он был нужен для научных работ. Радий оказался исторически первым элементом, радиоактивные свойства которого быстро нашли практическое применение в медицине. Он начал внедряться в передовых направлениях развития техники. И, что самое главное, изучение свойств радия и урана, их радиоактивности привело ученых ко многим фундаментальным научным открытиям, изменившим представление о свойствах и строении вещества, в том числе к познанию строения атомного ядра и его энергии.

В России собственного радия не было. До 1914 года этот элемент получали из урановых руд во Франции, Англии и Германии. Изучение свойств радия становится одной из главных задач многих ученых мира. Растет количество институтов и лабораторий по изучению его свойств. В России этой проблеме посвящают свою жизнь академик Владимир Иванович Вернадский и его ученик А.Ферсман. Великий мыслитель двадцатого века на собрании Академии наук 29 декабря 1910 года в докладе «Задачи дня в области радия» говорил: *«...Теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, которые рисовались человеческому воображению... В вопросе о радии ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владении источники лучистой энергии. Ибо владение большими запасами радия дает владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество, какое получают владельцы золота, земли, капитала».*

Вернадский ставит задачу исследования радиевых руд Российской империи и становится главным организатором поисков радиоактивных минералов. Им было открыто в начале двадцатого века первое в Российской империи Тюя-Муонское месторождение радия в урановой руде в Ферганской долине. Его запасы оказались небольшими и к двадцатым годам были выработаны.

Весной 1918 года ВСНХ поручает Академии наук организацию первого радиевого завода в России. Академия наук создает специальный радиевый отдел при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая назначает своим уполномоченным по организации радиевого завода В.Г. Хлопина, ученика академика В. И. Вернадского.

В марте 1920 года Совет Народного Хозяйства по предложению В. Вернадского и В.Хлопина принимает решение об организации пробного радиевого завода на базе Бондюжского химического завода на реке Кама. Из доставленных 116 пудов радиоактив-

ной руды из района Ферганской долины В. Хлопиным и М.А. Пасвик к декабрю 1921 года было получено 4,1 миллиграмма высокоактивных препаратов радия, что открывало возможность развернуть исследования в области радиоактивности.

В январе 1922 года по решению правительства страны создается Государственный радиевый институт — центр по всестороннему изучению природных и искусственных радиоактивных процессов и ядерных реакций. Для исследований был нужен радий.

Наличие радия в самоизливающихся водах из когда-то пробуренных на нефть скважин в районе Ухты не вызывало сомнений. Требовалось определить количественное содержание этого элемента. Проводимые лабораторные исследования давали самые неожиданные результаты: содержание радия в них было слишком велико. Такого содержания не может быть, говорили как те, кто делал анализы, так и те, кто их изучал. Все начинали сначала. Но новые анализы давали те же результаты. Вскоре сомнений не стало. Содержание радия в воде из самоизливающихся скважин в среднем течении реки Ухта составило 7,5 миллиграмма в одной тысяче кубических метров, что было выше, чем в обычных пресных водах, в 30 тысяч раз! На то время в мире ничего подобного не было. Лишь одна скважина в Германии давала воду с содержанием радия 1,7 миллиграмма в тысяче кубометров. Содержание радия в ухтинских водах открывало возможность наладить его промышленное производство, отказаться от его закупки за рубежом, сэкономить значительное количество золота.

Об открытии было доложено Генеральному секретарю Центрального Комитета партии И.В. Сталину, которому проблема радия была хорошо известна. После этого принимаются срочные меры к более детальному и глубокому изучению месторождения. С этой целью в 1929 году в район реки Ухта направляется комплексная экспедиция. Ее задача — подтвердить результаты первоначальных исследований и дать предварительную оценку минерализованной воды. К исследованиям и анализам радиесодержащей воды привлекаются независимые эксперты: Ленинградский институт прикладной геофизики и организованный в 1921 году В.И.Вернадским Государственный радиевый институт. Все дают положительное заключение.

Если проблема нефти в стране успешно решалась, во многих регионах открывались новые месторождения, из года в год росла ее добыча, то с радием было все наоборот. Потребность в нем росла, а месторождений не было, зависимость от импорта увеличивалась. В этих условиях ухтинский радий становится несравненно важнее ухтинской нефти, о которой так много говорили и писали в те годы. Открытие отвечало требованиям индустриализации страны, развитию науки и техники, внешней безопасности. При наличии крупных запасов радия страна могла бы не только отказаться от импорта, но и стать крупным его экспортером.

Совет Народных Комиссаров СССР принимает решение о развитии радиевого производства на базе радиесодержащих вод в районе Ухты. Комплексную экспедицию по созданию радиевой промышленности было поручено организовать Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров. Экспедиция параллельно с созданием радиевой промышленности должна была продолжить работы по поиску гелиеносных газов, нефтяных месторождений, вести разведку

угольных месторождений. Ее состав окончательно доукомплектовывается в карельском портовом городе Кеми, и через Архангельск она отправляется к месту назначения.

В то время ОГПУ было не только карательным, но и хозяйственным органом, которому поручались сверхважные, секретные и требующие срочного исполнения государственные задачи как политического, так и экономического характера. В обстановке того времени выполнить задание СНК СССР по созданию радиевого производства могло только ведомство, наделенное полномочиями для привлечения крупных людских ресурсов, особенно из среды технической интеллигенции. Ухта была первым районом такого решения народнохозяйственной задачи. Кроме того, это был первый практический шаг государства по решению глобальной стратегической задачи, состоявшей в необходимости освоения северных территорий и их природных богатств. Как показало время, эта стратегия успешно претворялась в жизнь. Вслед за Ухтой в 1931 году началось освоение Хибин, в 1932 году развернуты широкомасштабные работы на Колыме, за ней в 1935 году началось освоение богатств Красноярского края: его жемчужины — Норильского горнометаллургического комплекса.

2. «Атомный проект» на берегах Ухты

Экспедиция прибыла на Чибью

Шестого июля 1929 года экспедиция, костяк которой составляли заключенные Соловецкого лагеря, вышла в море. В ее составе было 139 человек. Обогнув Онежский полуостров, пароход с членами экспедиции на борту на вторые сутки бросил якорь в Архангельском порту. Здесь на ледокольный пароход «Умба» велась погрузка продовольствия, оборудования и различных материалов. Девятого июля «Умба» дает прощальный гудок и берет курс на восток. Пройдя еще не полностью освободившиеся ото льда воды Белого и Баренцева морей, преодолев около 1200 километров, 13 июля пароход пристал к причалу морской пристани в районе города Нарьян-Мар, в устье реки Печоры.

Здесь перегрузились на судно речного флота и начали долгий подъем по могучей Печоре до села Щельяюр. Снова перегрузка, теперь уже на речные лодки разного тоннажа и габаритов, и подъем по реке Ижма. Преодолевая предпоследний, далеко не легкий, участок пути, экспедиция 19 августа достигла села Усть-Ухта. Оставался последний, двенадцатикилометровый участок от Усть-Ухты до места высадки, где воды реки Чибью сливаются с водами Ухты. Он оказался самым трудным и коварным: одиннадцать, казалось, непроходимых порогов, обрывистые и скалистые берега, стремительное течение ступенной воды. На преодоление всего этого ушло трое суток нечеловеческих усилий.

В середине дня 21 августа началась разгрузка достигших цели лодок. На помощь привлекалось местное население. Нанимались знающие местные условия проводники. Работы велись днем и ночью, что в значительной степени сократило время нахождения в пути, на преодоление которого ушло полтора месяца. По разным причинам на место дислокации экспедиции прибыли 126 человек из 139 ее первоначального состава. В состав экспедиции входили 64 специалиста высшей квалификации разных специальностей.

Факт прибытия экспедиции отражает в своем кратком приказе ее начальник, бывший питерский рабочий-металлист, капитан госбезопасности Сергей Федорович Сидоров, назначенный в феврале на эту должность. Приказ гласил: «Сего числа вверенная мне экспедиция прибыла на место своего назначения на ручей Чибью».

Эта дата — 21 августа 1929 года — стала позднее днем рождения нефтегазовой промышленности Коми республики. Она широко отмечается, является праздником для многотысячной армии нефтяников и газовиков Европейского Севера России, правомерность ее ни у кого не вызывает сомнений и возражений. Хотя, на мой взгляд, правильной было бы соотнести эту дату с одним из исторических фактов, непосредственно связанных с ухтинской нефтью и газом. Такими точками отсчета могли бы быть дата открытия в 1907 году Ярегского нефтяного месторождения предпринимателем Ю.А.Вороновым или

открытие летом 1917 года скважиной №1 РТН Чибьюского месторождения, и, наконец, есть еще один рубеж: получение нефти из скважины №5, подтвердившей наличие Чибьюского нефтяного месторождения, где началась в советское время промышленная добыча нефти на Европейском Севере.

Но вернемся к Ухтинской экспедиции. Через два с половиной месяца со дня высадки, 2 ноября 1929 года, сотрудников экспедиции знакомят еще с одним приказом №1: «Сего дня вступаю в должность руководителя Ухтинской экспедиции Северных лагерей особого назначения ОГПУ». Внизу стояла подпись нового руководителя. Им стал помощник начальника Управления северными лагерями особого назначения Яков Моисеевич Мороз-Иоссем.

Так закончился организационный период. С.Ф.Сидоров за семь месяцев успешно выполнил возложенную на него задачу. До лета 1930 года он оставался в экспедиции, выполнял обязанности заместителя начальника, а затем был отозван в Москву, где ему поручили организовать экспедицию в Красноярский край. На момент передачи Ухтинской экспедиции новому руководителю ее состав превышал 500 человек. Были доставлены по водному пути значительные материально-технические ресурсы, в том числе свыше десяти буровых установок, начаты работы в районе скважин с радиесодержащей водой. Экспедиция приступила к осуществлению задач, о масштабах, трудностях и сложности которых в то время никто не знал и не имел понятия. Не знал о них и тридцатилетний Яков Мороз, сыгравший особую роль в начале освоения Европейского Севера и незаслуженно вычеркнутый из списка (а значит, из памяти) тех, кто был в числе первых организаторов развернувшихся на Севере в те годы грандиозных по своим масштабам и значимости работ.

И таким был путь экспедиции на Ухту, 1929 год, август.

Яков Мороз родился в еврейской семье в 1898 году на границе с Польшей, в старинном городе Гродно Гродненской губернии (теперь Гродненская область Республики Беларусь). Образование получил в начальной школе. Трудовую деятельность начал на кожевенном заводе «Братья Моргалис» в качестве строгальщика кож, где проработал почти семь лет. В раннем возрасте примыкает к революционному движению. После Октябрьской революции служит в частях Четвертой Туркестанской армии. В 1918 году вступает в члены большевистской партии. Последняя его армейская должность — помощник комиссара полка. Затем переходит в органы Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК). Вскоре получает назначение на должность начальника оперативного отдела Азербайджанского Чрезвычайного комитета (АзЧК), где принимает участие в различных операциях по борьбе с враждебными Советской власти элементами, в ликвидации закавказской организации правых эсеров. Я. Мороз проявил себя как смелый защитник молодой Советской республики. В феврале 1923 года вместе со своим начальником Л.П. Берия он был отмечен приказом коллегии ВЧК и награжден револьвером с памятной надписью.

В Баку он знакомится с деятелями государства и партии С.М.Кировым, Л.П.Берия, Г.К.Орджоникидзе, А.И.Микояном, М.С.Кедровым, Г.Г.Ягодой. Принимает активное участие в разоблачении грузинской оппозиции, ведет беспощадную борьбу с контрабандой на Кавказе. О его заслугах в те годы говорят два ордена Красного Знамени и звание «Почетный чекист».

За превышение полномочий, выразившихся в том, что сотрудники его отдела расстреляли группу опасных контрабандистов, коллегией ОГПУ Я.Мороз был приговорен к семи годам лишения свободы. Из тифлисской тюрьмы, где он отбывал срок заключения, через Москву он направляется в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Здесь его настигает известие о том, что решением ВЦИК он освобождается от наказания и восстанавливается в органах ОГПУ. Тут же он назначается руководителем Ухтинской комплексной экспедиции и 29 октября 1929 года вместе с Иваном Ильичом Косолапкиным, который станет его помощником по буровым работам, прибывает на базу Чибью, где работает до 1938 года.

Яков Мороз стал начальником экспедиции, имея более чем 12-летний стаж службы в Красной армии и органах ОГПУ. Это был волевой, закаленный человек, обладавший твердым характером и умением подчинить своей воле окружающих людей. Таким был жизненный багаж, с которым Я.Мороз вступил в должность начальника Ухтинской экспедиции.

Поселок Водный — родина советского радия

Местом размещения радиевого производства был выбран район на реке Ухта, вблизи нефтяного промысла инженера А.Г.Гансберга. Тут хорошо сохранились многие деревянные постройки, которые члены экспедиции на скорую руку приспособили под крышу над головой. Места для рабочих не хватало, строили землянки, ставили палатки. Параллельно возводятся первоочередные промышленные объекты: карьер по добыче известняка, химическая лаборатория и опытная установка по получению радия.

Исследованию подвергаются в первую очередь воды из пробуренной в 1912 году скважины №1 «казенной», скважины №3 в устье речки Ярега, а также из многих естественных источников в этом районе. Работами по созданию химической лаборатории и проведению исследований руководит ведущий специалист в стране по проблемам радия, известный геохимик и минералог, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации Илья Исаевич Гинсбург, прибывший на Ухту в составе комплексной экспедиции. Опытная установка, химическая лаборатория и все, что необходимо для их функционирования, к лету 1930 года были готовы. Начаты глубокие лабораторные исследования и опытные работы.

Одновременно ведется монтаж буровых установок для бурения новых водных скважин. Возводятся вспомогательные производственные объекты. С наступлением весны 1930 года начато строительство жилого поселка. Первыми его объектами стали общежития для инженерно-технических работников и рабочих. Завершить их строительство предстояло до наступления холодов, чтобы переселить людей из землянок и палаток.

На базе полученных в течение восьми месяцев данных химлаборатории и опытной установки проектируется завод по осаждению радия из минеральной воды и получению радиевого концентрата. Не дожидаясь окончания проектирования завода, параллельно строятся производственные цеха. Совмещение проектных и строительных работ позволяет к 7 ноября 1931 года пустить в работу первую очередь завода и начать промышленную добычу радия.

За два года, прошедшие со дня прибытия экспедиции, на территории свыше 50 квадратных километров были построены 12 так называемых химических заводов, жилой поселок со всей системой жизнеобеспечения, ремонтно-механические мастерские, организовано крупное лесозаготовительное и деревообрабатывающее производство, проложены десятки километров автомобильных дорог, пробурено, обустроено и подключено к работе

Памятник участникам первой экспедиции на Ухту в 1929 году.

около 40 скважин. Для сбора и подачи воды от скважин к заводам проложена уникальная система водопроводов из деревянных труб протяженностью около 60 километров.

В 1933-1934 годах завершаются работы по окончательной отработке технологии извлечения радия из минеральной воды. Подключено к работе 59 скважин. Всего на Водном промысле было пробурено 437 скважин, из которых 317 давали воду с требуемым содержанием радия, а объемы перерабатываемой воды в сутки доходили до 10 тысяч кубических метров.

С 1934 года Водный промысел №2 становится единственным поставщиком радиевых концентратов в стране, полностью удовлетворяет потребности науки и промышленности в радии, позволяет отказаться от его закупки за рубежом.

Всего за пять лет была обеспечена независимость СССР от иностранных государств в стратегическом сырье.

Иван Ильич Косолапкин, руководитель буровых работ комплексной экспедиции. 1937 год.

Под контролем Политбюро и ВСНХ

Организация работ в Печорском крае после прибытия комплексной экспедиции отличалась оперативностью, высокими темпами, велась с участием видных ученых и государственных деятелей страны. 17 марта 1931 года проходит совещание под председательством члена правления «Союзнефти» академика И.М. Губкина. На повестке дня проблемы, связанные со спецпродукцией и усилением разведочных работ на гелиеносные газы в Печорском крае. Были заслушаны доклады известного геохимика А.А.Черепенникова и ученого-геолога А.И.Косыгина, проводивших исследование газов региона.

В начале апреля 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривает мероприятия, обеспечивающие решение топливной проблемы на Европейском Севере. В работе принимают участие Генеральный секретарь ЦК И.В.Сталин, председатель Высшего Совета народного хозяйства СССР Г.К.Орджоникидзе, секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) С.М.Киров, заместитель председателя Высшего Совета народного хозяйства СССР В.И. Межлаук, председатель исполкома Ленинградского Совета И.Ф. Кадацкий, начальник Главного управления лагерей ОГПУ Л.И. Коган, председатель Архангельского краевого исполнительного комитета Ф.Г.Тараканов, представитель Геологического комитета профессор А.А.Чернов. В ходе обсуждения вопроса И.Сталин дает указания выделить для Ухтинской комплексной экспедиции дополнительно необходимое

Академик И.М. Губкин.

20 апреля 1931 года в развитие принятых решений на совещании в Политбюро ЦК ВКП(б) Высший Совет народного хозяйства СССР принимает постановление «О развитии топливной базы Северного края». В нем намечены организационные и технические меры по усилению работ в Коми автономной области, касающиеся разведки и добычи угля, нефти, газа, спецпродукции (радия). О масштабах намеченных работ председатель Архангельского крайисполкома Ф.Г.Тараканов информирует Коми обком ВКП(б) и предлагает принять активное участие в их реализации.

Шестого июля 1931 года Ухтинская экспедиция в соответствии с принятым 20 апреля постановлением ВСНХ преобразуется в Ухтинско-Печорский исправительный трудовой лагерь ОГПУ — Ухтпечлаг. 22 августа 1931 года в системе Ухтинско-Печорского исправительно-трудового лагеря создается промысел №2. Задача промысла — ускоренное создание и развитие производства спецпродукции — радия.

В ноябре 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «Об организации Ухто-Печорского треста». В решении Политбюро ставится задача добыть в 1933 году восемь граммов (1) радия. Народному Комиссариату тяжелой промышленности и ОГПУ поручается определить сроки и место переработки получаемых на двенадцати заводах Водного промысла №2 концентратов радия в готовую продукцию. Местом переработки концентратов вскоре был выбран радиевый завод №1 в поселке Водный.

20 июня 1933 года в Коми область прибывает Печорская комплексная бригада Полярной комиссии Академии наук СССР во главе с президентом академии А.П.Карпинским. Основная задача бригады — посетить Ухтинский район с целью изучения раз-

количество бурового оборудования и возложить на нее разведку Воркутинского угольного месторождения.

При рассмотрении вопроса на Политбюро представители Коми области не присутствовали. С 14 января 1929 года до 1936 года Коми автономная область входила в состав Северного края (образованного постановлением ВЦИК) с административным центром в Архангельске. С того времени в отношениях между руководством области и края возникли осложнения, которые постоянно усиливались. В тридцатые годы они значительно тормозили развитие Коми области, стали причиной ряда негативных последствий и сказались на всех этапах развития Европейского Севера, вплоть до наших дней. Даже перестроечные процессы 90-х годов прошлого века этих противоречий не ослабили, придали им новую форму и остроту, в основе которой лежит борьба за право владения нефтегазовыми землями.

вернувшихся там работ и подготовки материалов для выработки концепции развития региона. Десять дней члены бригады в поселке Чибью знакомились со всеми сторонами деятельности Ухтпечлага. В документе комиссии говорилось: «Ознакомившись за время пребывания в Ухтинском районе с 23 июня по 2 июля 1933 года с результатами проводимых в пределах района научно-исследовательских и разведочных работ и мероприятиями по практическому освоению природных ресурсов, Печорская бригада Академии наук СССР констатирует:

«За четырехлетний период своего существования Ухтинская экспедиция и Ухто-Печорский трест проделали огромную работу в области изучения и освоения Ухтинского района. Этими работами окончательно разрешен в положительном смысле вопрос о промышленном значении Ухтинского нефтяного месторождения и обеспечена возможность планомерной его эксплуатации, намечен новый нефтеносный участок на реке Ярега, в перспективе — нахождение других новых участков в бассейне реки Ижма и Вымско-Печорского района. Найдены и изучены промышленные месторождения асфальтитов, открыто, в значительной степени изучено и разведано мирового значения месторождение радиеносных вод на реке Ухта... Констатируя правильность основных направлений разведочных работ Ухто-Печорского треста по Ухто-Ижемскому району, признать, что первоочередной задачей последнего является скорейшее окончание разведки по основным объектам (нефть, радий, газ, асфальтиты) и выявление промышленных запасов для перспективного планирования. В целях ускорения разведки последняя должна быть интенсифицирована широким применением геофизических методов съемки...»

Результатом посещения учеными Северного края явилась выработанная Академией наук СССР концепция хозяйственного развития региона на период с 1935 по 1945 годы. Была намечена обширная программа научных исследований в районе Европейского Севера по широкому кругу проблем, для чего намечалось создание здесь ряда научных подразделений и баз Академии наук СССР. Эта программа успешно реализовывалась.

Водный промысел №2 в 1940 году посетила большая группа ученых во главе с академиком А.Е.Ферсманом. В ее составе были видные ученые страны Н.В.Дорофеев, Д.С.Рождественский, Н.Н.Славянов, В.Г.Хлопин. В поле их зрения было радиевое производство и поиск уранового сырья.

В центре внимания ведущих ученых страны

К участию в решении радиевой проблемы привлекаются ведущие ученые страны, создаются научные институты и лаборатории. Огромный вклад в создание радиевого производства на берегах Ухты внес выдающийся ученый, крупный специалист в области химии радия и редких металлов, один из основателей радиевой и радиоэлементной промышленности Советского Союза Иван Яковлевич Башилов. В 1920-1921 годах, будучи заведующим пробным радиевым заводом, он разрабатывает оригинальную технологию извлечения радия, урана и ванадия из отечественного сырья. Благодаря этой технологии ему и В.Г.Хлопину в конце 1921 года удалось получить первый препарат радия в России. В 1929 году И.Я.Башилов разработал способ извлечения радия из ухтинской минераль-

ной воды. Он консультирует работы по созданию радиевых заводов, принимает непосредственное участие в создании радиевой лаборатории и составлении программы ее работ, а с 1939 по 1942 годы работает на промысле №2 в поселке Водный начальником химической лаборатории, продолжает совершенствовать технологию производства радия и редких элементов. За эти работы в 1948 году ему присуждается Государственная премия СССР.

Много сил и энергии созданию производства ухтинского радия отдал соратник Башилова — Виталий Григорьевич Хлопин. Все работы по изучению ухтинских минеральных вод, комплексные геологоразведочные работы на радий и другие редкие элементы, на гелиеносный газ проводились в этом районе с его непосредственным участием и при его постоянном контроле. Директор Государственного радиевого института, ученый с мировым именем, активный разработчик атомного проекта академик Академии наук СССР В.Г.Хлопин был одним из открывателей и исследователей радийсодержащих вод, его труды в области радиохимии, миграции радиоактивных элементов неразрывно связаны с Ухтинским районом и по достоинству оценены государством. Свидетельство тому — два ордена Ленина и три Государственные премии СССР, которых он был удостоен.

Немалый вклад в создание и развитие радиевого производства внес химик-органик, академик Российской академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, трижды удостоенный высшей награды страны ордена Ленина — Григорий Алексеевич Разуваев. В 1934 году Г.А.Разуваев прибыл в поселок Водный, где сначала работает в химической лаборатории Водного промысла, затем становится начальником производства концентратов. За 10 лет на Водном промысле Разуваев вел большую научную работу по совершенствованию технологии извлечения радия из минерализованной воды, исследовал здешние воды на содержание редких металлов и возможность их извлечения, занимался подготовкой специалистов для радиевого промысла. В 1945 году он покидает Водный и возглавляет научно-исследовательский институт химии, а с 1969 года становится директором Института химии Академии наук СССР, где трудится до 1989 года.

Работами по созданию химической лаборатории и проведению исследований в начальный период создания радиевого производства руководил один из ведущих специалистов в стране по проблемам радия, геохимик и минералог, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации Илья Исаевич Гинсбург. Он с 1934 года работал в институте геохимии имени Вернадского, не порывал связь с Водным промыслом, участвовал в решении проблем обеспечения его сырьем на последней стадии разработки месторождения радийсодержащих вод.

Особая заслуга в создании радиевого производства на реке Ухта принадлежит ученому и организатору Федору Александровичу Торопову. Он прибыл сюда в августе 1929 года в составе экспедиции. Работал в лаборатории геологической партии, а с 1932 года — главным технологом радиевого завода и одновременно осуществлял руководство Центральной химической лабораторией. С его непосредственным участием решаются все научно-технические и технологические проблемы радиевого производства. Под его руководством Центральная химическая лаборатория становится настоящим научным центром по решению широкого круга проблем. Здесь проводятся компи-

лексные исследования минерализованных вод, нефти, газов, совершенствуется технология извлечения радия, проводятся геохимические исследования минеральных вод прилегающих районов, идет поиск методов извлечения из них целой гаммы минералов: бария, брома, йода, калия, кальция, магния, натрия. Доктор химических наук Ф.А.Торопов изучает генезис радия и гелия, находящихся в природных газах, нефти и минеральных водах, разрабатывает и внедряет в производство технологию извлечения радия из отходов уранового производства. Такое производство в середине сороковых годов было организовано на Водном промысле, куда доставляли со всего Советского Союза отходы переработки урана, из которых производилось извлечение радия. Заслуги Ф.А.Торопова оценены орденом Ленина, а «за разработку нового метода получения химического продукта» (так была зашифрована новая технология получения радия) ему и главному инженеру радиевого завода М.Д.Крашенинникову в 1947 году присуждается Государственная премия СССР. Ф.А. Торопов стал первым ухтинцем, удостоенным в 1943 году высшей награды страны.

В развитии производства на берегах Ухты принимал участие ученый-физик, академик Академии наук СССР, создатель Государственного оптического института, один из организаторов оптической промышленности страны Дмитрий Сергеевич Рождественский, чьи труды о строении атома во многом способствовали развитию атомной промышленности СССР.

Прямое и непосредственное участие в развитии радиевого производства в России, и, в частности, на Ухте, принадлежит выдающемуся ученому с мировым именем Владимиру

Академик
В.И.Вернадский
(слева)
и посетивший
в 1940 году Водный
промысел академик
А.Е.Ферсман.

Ивановичу Вернадскому. Он создал Государственный радиевый институт и стал первым его директором. О важности радиевой проблемы и необходимости ее решения в стране он говорил:

«...Радиевый институт должен быть сейчас организован так, чтобы он мог направлять свою работу на овладение атомной энергией — самым могучим источником силы, к которому подошло человечество в своей истории. Остановить творческую научную работу народа из-за денежных соображений невозможно уже потому, что без нее не может произойти наряду с другими причинами наступле-

ние лучших времен в области экономического возрождения. Как бы ни было тяжело, средства для таких потребностей нашей страны должны быть найдены. Особенно это надо иметь ввиду по отношению к организации таких исследовательских институтов, каким является радиевый, имеющий целью овладеть самой большой силой, доступной человечеству, — атомной энергией. Они должны быть спасены от разрушения при переживаемом кризисе. Этого требуют простой расчет и государственная предусмотрительность. И мне кажется, сохранение работы Радиевого института при наличии источников радия является в наше время одной из таких задач, которые государственная власть не может без огромного, может быть, непоправимого вреда для дела, откладывать. Я это утверждаю, потому что ясно сознаю возможное значение этой работы и возможный, мне кажется, в конце концов неизбежный переворот в жизни человечества при разрешении проблемы атомной энергии и ее практического использования. Это не осознается еще общественным мнением, но сейчас у нас общественное мнение не имеет форм для своего выявления, и с этим приходится считаться при учете создавшегося положения.

Существование одного из немногих источников радия в мире в пределах России и частью налаженной организации Радиевого института должно быть оценено государственной властью и не должно быть разрушено при приспособлении жизни к трудным и катастрофическим, но все же временным условиям».

В осуществлении грандиозных планов, о которых так пророчески говорил великий ученый, приняла непосредственное участие Ухтинская комплексная экспедиция. Все то, что происходило на берегах Ухты, Владимиру Ивановичу Вернадскому было известно в деталях. Созданию радиевого производства он уделял неустанное внимание с первых дней развернувшихся здесь работ вплоть до 1945 года.

Само собой разумеется, что не только упомянутые ученые решали сложнейшую и сверхважную для страны задачу. На Водном промысле работали десятки докторов и кандидатов наук, более тысячи высококвалифицированных инженеров разного профиля: геологи, буровики, строители, транспортники, механики, энергетики, машиностроители, деревообработчики, финансисты, химики, физики; талантливые и трудолюбивые организаторы производства — руководители участков, цехов, лабораторий, заводов. По насыщенности специалистами высшей квалификации в те годы поселок Водный не имел себе равных в стране среди добывающих предприятий. В решении радиевой проблемы принимали участие коллективы многих институтов, отделов и лабораторий Академии наук, многочисленных заводов и фабрик. Если на Водном промысле трудилось около 4500 человек, то их работу обеспечивало в стране более 75 тысяч человек.

Таковы масштабы производства, на котором получили несколько сот граммов столь важной и необходимой Советскому Союзу продукции, обеспечившей будущее развитие науки и практики получения атомной энергии, создание атомного производства. Дела добытчиков радия на Водном промысле привлекли внимание к Ухтинскому району руководства страны, утвердили в высших эшелонах власти уверенность в важности района для государства, стали мощным стимулом широкомасштабного освоения Европейского Севера страны, его несметных богатств, подаренных природой человеку.

Победа тактики Н.Н.Тихоновича

Если главной проблемой, к решению которой приступила комплексная экспедиция, был радий, то вторая по значимости задача — это поиск гелиеносных газов. Она являлась как бы продолжением радиевой, а точнее, ее углублением, которое служило бы ключом к поискам другого радиоактивного элемента — урана. О нефти тоже не забывали. С учетом новых организационных, технических и кадровых возможностей была поставлена задача открыть месторождения, имеющие промышленное значение.

Специалистом по поиску нефти и газа назначается прибывший 13 октября 1929 года с очередным пополнением состава экспедиции бывший работник Геологического комитета страны Николай Николаевич Тихонович. В Ухтинском районе он становится геологом, а затем — старшим геологом экспедиции.

Несомненно, принятие такого решения связано с личностью Н.Н.Тихоновича, которому некоторые авторы, пишущие об истории открытия ухтинской нефти, отводят роль первооткрывателя Чибьюского и Ярегского нефтяных месторождений, что не соответствует исторической правде.

Н.Н.Тихонович родился в 1872 году в дворянской семье в Харькове. В 1897 году окончил Харьковский университет по специальности «инженер-геолог». После окончания учебы принимает активное участие в геологических экспедициях в разные районы России. В 1901 и 1902 годы в составе экспедиции от Московской конторы немецко-голландской фирмы «Бела фон Венгель и К^о», специализирующейся на бурении нефтяных скважин, он находился на реке Ухта в качестве руководителя буровых работ. За два летних сезона ведет значительную работу по изучению района проводимых работ, дает ему геологическую оценку. В то время молодой геолог оформляет на себя два участка на нефть в зоне ручья Чуть, надо полагать, не самых худших. Перспектива стать владельцем нефтяных промыслов стала реальной.

В 1904 году Н.Тихонович поступает на службу в Геологический комитет при правительстве России. После революции 1917 года продолжает работать в Геологическом комитете Российской Федерации. Энергичный и предприимчивый Н.Н.Тихонович занимается геологическими исследованиями на Сахалине, в Казахстане, южном Предуралье, на Северном Кавказе, ищет там нефть, газ, цветные металлы, уголь. Внимательно следит Тихонович и за ходом геолого-поисковых работ в Ухтинском районе, анализирует их результаты.

В ноябре 1928 года помощнику директора Геологического комитета Н.Н.Тихоновичу было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности. Последовал арест и приговор к высшей мере наказания — расстрелу. Спасло его решение ОГПУ о направлении комплексной экспедиции на Ухту. Высшая мера заменяется десятью годами исправительно-трудовых лагерей. Из Бутырской тюрьмы заключенный в состав экспедиции Н.Н.Тихонович в октябре 1929 года прибывает на Ухту.

В уровне подготовки Н.Тихоновича к работе в Ухтинском районе не может быть никаких сомнений. Он как высококвалифицированный и опытный геолог и организатор геологоразведочных работ, проработавший долгие годы в Геологическом комитете страны, знал об открытии Чибьюского и Ярегского месторождений. Он понимал, что это со-

бытие в геологических кругах прошло незамеченным и казалось малозначимым. А так как это было до октябрьских событий 1917 года, то многие об этом давно забыли. От него требовалось доказать, в первую очередь, что промышленная нефть здесь есть. Как ответственный за нефтегазовую часть геологической службы он должен был определить направление работ, указать конкретные точки, где вести буровые работы. И он в рекордно короткие сроки это демонстрирует.

Особый интерес представляет так называемая докладная записка геолога экспедиции Н.Н.Тихоновича начальнику Ухтпечлага Я.М.Морозу о месте закладки разведочно-эксплуатационной скважины, датированная 23 ноября 1929 года, хранящаяся в фондах Тимано-Печорского отделения нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института. Автор записки в осторожной форме выражает сомнение в возможном успехе, повторяет выводы и мысли, высказанные многочисленными авторитетными участниками прежних экспедиций, обращает внимание на то, что за время, прошедшее со дня прибытия экспедиции, «для геологических поездок удалось выкроить полтора-два месяца». Реально же из трех месяцев со дня высадки экспедиции до появления записки — с 21 августа по 23 ноября 1929 года — с учетом осеннего ненастья и раннего наступления в этом районе зимы геологические изыскания, тем более за пределами уже изученного района, можно было вести не более одного месяца. Да и сам автор прибыл в Ухту в середине октября. В этих условиях для принятия решения о закладке разведочной скважины Н.Тихонович не мог использовать новые геологические материалы. Таковых у него не могло быть. Они могли появиться не раньше, чем через год после тщательной подготовки и проведения разведки на новых территориях. Но такой вариант откладывал начало работ, и для геолога экспедиции был не лучшим, а в личном плане просто опасным.

Поэтому Н.Тихонович предлагает заложить скважину в абсолютно беспроигрышном месте, в пределах уже открытого пробуренной летом 1917 года бакинской фирмой «Русское товарищество «Нефть» скважиной №1 Чибыюского месторождения, где в начале двадцатых годов добывали нефть свыше шести тонн в сутки А.В.Трукса и Г.П.Семяшкин.

Получить нефть — значит, заявить, что открыто месторождение. Такому заявлению никто противоречить не будет. Важны не терминология и классификация этого факта, а результат. А он будет налицо. Есть нефть — есть месторождение. Это главное. Можно будет спокойно продолжать работать. Все это хорошо понимал и осознавал Тихонович. Аргументация не терять времени, а действовать немедленно говорит о продуманности такого решения. Оно было безупречным, позволяло в случае явного успеха снять непростые и далеко не безопасные для Тихоновича вопросы, выиграть время.

В конце ноября была определена на местности точка заложения скважины — в 425 метрах от скважины №1 РТН начинаются строительные работы. Трудности доставки бурового станка ударно-канатного бурения с берегов Ижмы, необычайно суровая зима затянули сроки строительства. В начале апреля 1930 года комиссия под председательством инженера Д.С.Кузанова принимает буровую. Позже ей будет присвоен номер пять. Связано это с тем, что на Чибыюской площади до этого было пробурено четыре скважины: №1 РТН летом 1917 года и три колонковых скважины в конце 1929 и в начале 1930 годов. Начинается бурение. За процессом ведет надзор помощник началь-

ника экспедиции по буровым работам И.И.Косолапкин, прибывший на базу Чибью вместе с Я.М. Морозом по направлению партийных органов из «Грознефти», где он принимал участие в восстановлении нефтяных промыслов, а затем работал мастером по бурению скважин, за что был в 1923 году удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Ежедневный технический и технологический контроль бурения осуществляет группа инженеров во главе с опытным специалистом М.Т.Тауминим.

К 25 октября скважина достигла глубины 388 метров. Бурение закончено. Теперь от подготовки и проведения испытаний зависело, сколько нефти она может дать. А что нефть есть, сомнений не вызывало. Это стало известно уже в ходе бурения.

На третий день после завершения бурения из скважины №5 Чибьюского месторождения была получена промышленная нефть в объеме свыше четырех кубических метров в сутки. Поставленная задача была выполнена. Появилось первое весомое и неопровержимое подтверждение наличия на Ухте промышленной нефти.

Это событие коренным образом меняло ситуацию в районе. В один ряд с работами по проблемам радия становятся работы на нефть. Это была полная победа тактики геолога Н.Тихоновича и его сторонников. Он становится старшим геологом и возглавляет геологическую службу экспедиции, а затем Ухтпечлага. Ответственность резко возрастает, но уже в совершенно иных условиях.

Результатом первого года работы Ухтинской комплексной экспедиции стало:

— создание химической лаборатории и опытного производства для исследований и отработки технологии получения радия из открытых в 1926 году А.А.Черепенниковым и М.Н.Воробьевым радийсодержащих минеральных вод;

— подтверждение наличия нефти промышленного значения на открытом в 1917 году «Русским товариществом «Нефть» Чибьюском нефтяном месторождении, заложившим первоначальную основу для создания нефтяной промышленности на Европейском Северо-Востоке страны;

— выявление необходимости научно обоснованного и планомерного развития геологоразведочных работ на нефть в регионе;

— снятие недоверия и сомнений в отношении нефтяной перспективы Ухтинского района;

— обнаружение на Чибьюском месторождении впервые в Советском Союзе промышленной нефти в залежи, приуроченной к девонскому периоду геологической истории Земли, что открывало возможность геологам Ухты по-другому подходить к поисковым работам в регионе, а ведущим геологам страны изменить подходы к оценке нефтегазоносности Урало-Поволжья и других районов.

«Так что же канителитесь?»

На заседании Политбюро в апреле 1931 года, о котором уже упоминалось, в присутствии И. Сталина о работе Ухтинской экспедиции докладывал начальник ГУЛАГа Л.И. Коган. «На вопрос Сталина о качестве ухтинской нефти, не липовая ли она, — вспоминает участник заседания, в то время председатель Архангельского крайисполкома Ф.Г.Тараканов, — Коган ответил, что ухтинская нефть нисколько не

хуже грозненской, и добыто такой нефти на Ухте 21 тысяча тонн. Так что же канителитесь? — последовал вопрос. Коган стал жаловаться, что для добычи нефти не хватает паровых машин. Сталин предложил Г.К.Орджоникидзе дать ГУЛАГу эти машины».

Конечно же, после такого указания не возникало сомнений, что упомянутое оборудование будет получено. Обсуждение на Политбюро ухтинских проблем имело свое продолжение в постановлениях Высшего Совета народного хозяйства СССР и стало началом коренного изменения темпов и масштабов работ на нефть и газ в Печорском крае.

Особый интерес к природному газу Севера появился после того, как были проведены анализы проб, образцов, взятых в 1926 году экспедицией Геологического комитета в составе А.А.Черепеникова и М.Н.Воробьева из когда-то пробуренных скважин и естественных выходов. В отчете исследователи указывали на наличие выходов газа на площади до 2000 квадратных километров в бассейне реки Ухта. Но главное, что привлекло внимание — состав газа. Он указывал на возможное наличие в этой зоне радиоактивных руд.

Геологический комитет включает в программу работ проведение разведки и исследований ухтинских природных газов. По заданию Госплана СССР в 1930 году известный геолог А.И.Косыгин пишет обзор «Ресурсы природных горючих газов», в котором указывает на наличие различных выходов газа в Ухтинском районе и относит его к категории территорий, подлежащих детальному изучению путем проведения глубоких геологических исследований.

Правление «Союзнефти» под председательством его члена академика И.М.Губкина 17 марта 1931 года рассматривает план работ треста «Стройгаз» объединения «Всехимпром», на который были возложены обязанности поиска природных газов в стране, в том числе в Ухтинском и Печорском районах Северного края. Были обсуждены доклады геологов А.Косыгина, А.Чернова и химика А.Черепеникова. Принято постановление, в котором даны конкретные рекомендации.

«По Ухтинскому району:

1.Совещание считает Ухтинский район заслуживающим внимания в отношении разведки на газы; по данным ряда анализов газов этого района, в них содер-

Чибьюский нефтепромысел. Вторая половина 30-х годов прошлого века.

жится некоторое количество редких газов, причем содержание гелия достигает 0,25 процента максимум.

2. Считать необходимым разведку на газ связать с производящимися в Ухтинском районе разведками на нефть и, следовательно, при встрече и прохождении скважинами, идущими на нефтяные горизонты, газоносных притоков считать обязательным опробование этих притоков.

3. Ввиду того, что газоносность проявляется главным образом в центральной части месторождения — в северо-западном секторе между реками Чуть и Ухта, — признать этот район подлежащим разведке в первую очередь.

Указание мест для заложения разведочных скважин поручить произвести на месте Ухтинской экспедиции, в распоряжении которой имеются более детальные сведения о геологическом строении указанного совещанием района.

По Печорскому району:

1. На основании сообщения профессора Чернова о сероводородных источниках, имеющих связь с нефтью, признать заслуживающими разведки и поисков на газ следующие пункты: Белая Кожва, река Каменка, Точильная гора, группа в низовьях Щугора...»

Проблемы, связанные с поисками горючих газов района, обсуждались в апреле 1931 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) при рассмотрении вопросов развития топливной базы в Северном крае. Затем они нашли отражение и в принятом 20 апреля 1931 года ВСНХ СССР постановлении «О развитии топливной базы Северного края».

В 1932 году в Госплане СССР под председательством В.В. Куйбышева проходит совещание по гелию. Гелий приобретает стратегическое значение. Резко расширяется его применение в военной технике. Одним из основных районов его поиска и добычи рассматривается Ухтинский район. Наряду с другими рассматривался вопрос засекречивания всех работ по этой проблеме. Она будет реализована позже, когда в стране многие разработки, связанные с атомным проектом, станут приобретать гриф «Секретно». Секретным стал и объект №1 на берегах Ижмы — первый завод по производству гелия из природного газа.

Трест «Стройгаз» заключает договор с Ухтинской комплексной экспедицией на проведение работ по бурению скважин на газ. Для этих целей в 1931 году он выделяет два буровых станка ударно-колонкового бурения и один крелиусный станок. Объемы работ, их характер становятся масштабнее и сложнее. Основная часть специалистов, прибывших в составе экспедиции, занята на Водном промысле. Для разработки нефтяных месторождений, организации промышленной добычи нефти, проведения поискового и разведочного бурения на нефть и газ, выполнения сложного комплекса работ по опробованию скважин требовались специалисты иного профиля. Таких специалистов нужно было найти, а затем привлечь к работе в непростых условиях Севера. Покидать обжитые, привычные места на юге желающих было мало, а те, кто изъявлял такое желание, не всегда удовлетворяли требованиям и условиям Ухтинского района. Метод кадрового пополнения для не желающих ехать на Север применяли испытанный: арест, приговор и — по этапу в Коми.

«Линия И.Н. Стрижова»

Одним из тех, кто пополнил таким образом кадровый потенциал Севера, был геолог Иван Николаевич Стрижов. Он был одним из немногих, кто мог успешно справиться с возникшими новыми задачами в области поисков нефти и газа. Это был к тому времени геолог-нефтяник с громадным кругозором и опытом работы. В 1894 году в возрасте двадцати двух лет он закончил с отличием геологический факультет Московского уни-

*Выдающийся геолог-нефтяник
и ученый И.Н.Стрижов.*

верситета, работал ассистентом на кафедре минералогии, затем вел геологоразведочные работы на Урале, управлял железными рудниками в Екатеринбурге, после чего перешел работать в Терское горнопромышленное акционерное общество в качестве руководителя геологоразведки и рудников. С 1898 года Стрижов управлял нефтяными промыслами и руководил нефтяными работами в товариществе братьев Нобель, избирался членом Терского отделения Российского технического общества, работал геологом треста «Грознефть». В 1920 году его назначают директором Бакинских промыслов нефтяной промышленности Азербайджана, старшим директором Департамента нефтяной промышленности Высшего Совета народного хозяйства. Одновременно он преподавал в Московской горной академии и Институте народного хозяйства. Доктор технических наук, профессор И.Н.Стрижов получил широкое

признание среди геологов ведущих государств мира.

Как и многие другие, И.Н. Стрижов прибыл на Север не по своей воле. В 1929 году он был арестован как «основной вредитель нефтяной промышленности» и осужден на 10 лет. В мае 1931 года прибыл в поселок Чибью, где начал работать в геолого-топографическом секторе Ухтпечлага. Здесь сразу же включился в активную производственную жизнь, в решение самых сложных и многочисленных производственных и научно-технических проблем, связанных с геологией, бурением скважин, добычей минерализованной воды и нефти, вел подготовку специалистов для работы на нефтяных и газовых промыслах, преподавал в Ухтинском горно-нефтяном техникуме.

На него как на самого опытного и авторитетного специалиста в Ухте возлагалась задача определить первоочередные работы по поиску газа по заказу треста «Газстрой» в районе между речками Чуть и Ухта.

Проанализировав за два месяца все имеющиеся геологические материалы и данные бурения скважин, он в августе 1931 года представляет научно-техническому совету Ухтпечлага проект работ в указанном районе. Следуя рекомендациям И.М. Губкина, Стрижов предлагает начать поисковые работы на газ в районе скважины, пробуренной в 1907

году, и намечает линию бурения еще ряда скважин, получившую впоследствии название «линия Стрижова». Предложенный проект был одобрен научно-техническим советом, и в апреле 1932 года между речками Доманик и Ярега была заложена первая из намеченных скважин.

Изучение архивных материалов, касающихся деятельности Ухтинской комплексной экспедиции, Ухтпечлага, Ухтижемлага, Ухтинского треста, мое личное общение со многими бывшими сотрудниками этих организаций, работавшими на Ухте с начала ее освоения и лично знавшими Я.Мороза, И.Косолапкина, Н.Тихоновича, И.Стрижова, Н.Ледиева, К.Войновского-Кригера, А.Розанова, И.Добрынина, П.Демина, А.Кулевского и других руководителей и сотрудников, привели меня к убеждению, что И.Н.Стрижов был определен для работы в Ухтинском районе не случайно, а с учетом его знаний и опыта работы. И прибыл он сюда не без подсказки и совета его будущего коллеги по работе Н.Н.Тихоновича, который был к тому времени не только руководителем геологической службы и советником Я.Мороза, но и активно занимался привлечением нужных высококвалифицированных специалистов для работы в многочисленных подразделениях Ухтпечлага. Он, как никто другой, знал таких специалистов в области геологии и добычи нефти в России и Советском Союзе и разными способами привлекал их для работы на Севере. А уж «технология» этого привлечения была к тому времени хорошо им освоена. Так или иначе, а заслуга Н.Н.Тихоновича в создании Ухтинской школы геологов — большая и неоспоримая.

3. Ижемский асфальтит

К 1930 году Ухтинская комплексная геологоразведочная экспедиция раздвигает границы своей работы вглубь и вширь. На базе Чибью они концентрируются на двух лагерных пунктах: на Водном промысле, условно называемом «командировка №1», на четырех лагпунктах; в то же время создается Печорская группа с двумя партиями для работ в районе реки Печоры. В бассейне ее притока Ижмы начинаются поиски месторождений асфальтита, выходы которого на поверхность в свое время обнаружил А.А.Чернов.

В деревне Нямед, где в Ижму впадает река Леккем, создается Верхнеижемская геотопографическая партия. Район приобретает особую значимость, так как располагался сравнительно недалеко от основной базы, к нему можно было добраться от Чибью по реке, преодолев около 80 километров вверх по течению спокойно несущей свои воды Ижме. На пути следования в живописных местах на высоком берегу реки изредка встречаются коми села и деревни. По берегам — великолепные сосновые боры, которые в местах слияния больших и малых речек с Ижмой переходят в просторные заливные луга, то тут, то там заросшие плантациями черной смородины и малинником. Луга эти окаймляют северные красавицы — черемуха и рябина. К июлю луга зарастают высокой травой, которая здесь за короткое время подымается на полтора метра — результат белых ночей и круглые сутки не заходящего за горизонт солнца. Это прекрасные сенокосные угодья. Они и служили с давних пор здешним жителям местом заготовки сена для домашнего скота. С речки были видны стоящие на берегу аккуратно и добротнo срубленные избышки — место отдыха и приюта для здешних охотников и рыболовов.

Район размещения партии в любое время года был не только доступен, но и обжит. Сюда добирались по грунтовой дороге вдоль Ижмы, правда, летом только в сухую погоду. Зимой с первыми морозами дорога становилась проезжей для всех видов транспорта.

Задачи организованной в Нямеде партии были разносторонними: геологическое изучение прилегающих территорий, топографическая съемка, поиски выхода на поверхность углеводородов, разведка месторождения асфальтитов, определение места закладки будущего рудника и размещения жилого поселка.

Через год после высадки партии здесь уже велись работы по строительству рудника и по подготовке к добыче асфальтита, а в 1934 году начинается его планомерное извлечение. Место закладки рудника и жилого поселка было определено недалеко от слияния Ижмы и Леккема на возвышенном песчаном месте в большом сосновом массиве. Песчаный грунт, покрытый сплошным серым ягелем, настоящий на хвое соснового леса воздух делали этот уголок природы непохожим на окрестные места, изобилующие непроходимыми болотами. Место необычно красивое, лучшего для базы отдыха не найти. Но вместо этого здесь строится рудник — первое в СССР горнообогатительное предприятие, начавшее добычу асфальтита.

Позже Асфальтитовый рудник окажется на 62-м километре дороги Ухта — Войвож, которая соединит Ухту с Троицко-Печорском. Место это стало одним из достопри-

мечательных на 180-километровой трассе. Здесь, на полпути к нефтегазовому Войвожу, в любое время суток можно было вкусно и сытно поесть в столовой поселка Рудник, а в зимнее время согреться (транспорт в те годы был холодным, не обогревался), выпив сто граммов спирта или стакан вина. Надо сказать, что по традиции большинство посетителей предпочитали спирт. Кроме вина и спирта, других напитков тут не предлагали. Спирт запивали крепким горячим чаем, а что это такое — знают те, кто жил и трудился в условиях, когда столбик термометра опускается до минус 40-50 градусов. Никогда здесь не было пьяных. Мэру и честь знали все.

Что же представлял собой ижемский асфальтит, и почему он стал объектом особого внимания и интереса с первых дней прибытия экспедиции? Природный ижемский асфальтит — хрупкий минерал черного цвета с жирным блеском плотностью 1050-1200 килограммов в кубическом метре. Нужда в нем в те годы была велика. Применялся он для изготовления покровных и изоляционных лаков, влагостойких аммонитов, при производстве боеприпасов. В тридцатые годы асфальтит добывали в небольших количествах кустарным способом на Садкинском месторождении в Куйбышевской (ныне Самарской) области. Но для лакокрасочной промышленности и аммонитового производства он не годился. Ижемский же асфальтит по физико-химической характеристике соответствовал американскому гильсониту. Это позволило с 1935 года при его поставке потребителям на более чем 500 тонн в год сократить закупку гильсонита в США, а в последующем и вовсе отказаться от импорта. При производстве боеприпасов ижемский асфальтит обеспечивал их качество и надежность лучше, чем американский гильсонит. Его применение повышало надежность наших боеприпасов в самых неблагоприятных условиях их хранения и доставки, что так пригодилось в годы Великой Отечественной войны.

В природных условиях асфальтит Ижемского месторождения залегает в виде вкраплений, гнезд и примазок по трещинам в доломитизированных известняках и доломитах. Мощность асфальтиносной толщи составляет 20 метров на своде и около 40 метров на крыльях. Руда залегает на небольшой глубине от поверхности — от двух до сорока метров под слоем наносных пород, в основном представленных песками. Содержание вкрапленных асфальтитов во вмещающих породах на разведанном участке Ижемского месторождения составляло в среднем 0,3 процента по весу. Вкрапления и гнезда асфальтита имели небольшие размеры от нескольких кубических миллиметров до 20 кубических сантиметров. Иногда встречались и весьма крупные — размером до 9 кубических метров.

Рядом с Ижемским месторождением в 30-е годы было разведано Леккемское месторождение с содержанием асфальтита в рудоносных породах до 3-3,5 процента, что в десять раз больше, чем на Ижемском месторождении.

Рудник заложили на детально разведанном шурфами участке в 12 гектаров. Подземные горные работы проводились с помощью штолен, штреков, рассечек и уклонов на глубине 15-35 метров от поверхности. Одновременно велись открытые горные работы с помощью карьеров. Вентиляция в подземных выработках была естественной — через шурфы и штольни. Она упрощалась тем, что по газу выработки были неопасными. Это в значительной степени облегчало труд горняков. Проходку горных выработок осуществляли с применением буровзрывных работ. В начальный период погрузка и откатка породы

велись вручную. Вкрапленные асфальтитовые руды оказались чрезвычайно благоприятны для обогащения, вкрапления легко отделялись от породы. Обогащение первоначально производили методом ручного грохочения с последующим двухслойным разделением концентратов в тяжелых жидкостях. При этом только при обогащении потери асфальтита доходили до 40 процентов. После внедрения дробления крупнокусковой руды с последующим ее просевом и обогащением потери значительно снизились.

В 1954-1955 годах проектно-изыскательской конторой Ухтинского комбината разрабатывается проект реконструкции рудника. Его реализация дала возможность довести добычу асфальтита до 600 тонн в год при потерях не более 10 процентов, значительно снизить применение ручного труда, механизировать многие тяжелые работы. Следующая реконструкция предусматривала значительные изменения технологии производства, механизацию вспомогательных процессов, создание ряда обслуживающих рудник служб с доведением выпуска асфальтита до 1000 тонн в год, но осуществить ее не удалось.

Затраты на добычу ижемских асфальтитов в силу целого ряда объективных факторов в шестидесятые годы стали непомерно большими. Себестоимость одной тонны асфальтита превышала в ценах того времени 1000 рублей, в связи с чем росла отпускная цена. Производство стало убыточным, а отпускная цена не приемлемой для потребителей, которые начали искать ему замену. Спрос падал. Активно велись поиски по разработке заменителя. Так, Ухтинский нефтеперерабатывающий завод к тому времени провел большую работу по производству заменителя из ярегской тяжелой нефти. Работы оказались успешными, технологам завода удалось организовать его выпуск, стоимость его в то время была ниже ижемского. Эти и другие обстоятельства привели к закрытию Асфальтитового рудника на берегах Ижмы в 1968 году.

В настоящее время ситуация вокруг ижемских и леккемских асфальтитов стала иной, чем она была в момент закрытия рудника. Ижемское и Леккемское месторождения связаны с любой точкой России современной автомобильной дорогой. В трех километрах от бывшего рудника проходит железная дорога. Способы открытой добычи при глубине залегания до 35 метров не представляют никакой трудности и с точки зрения экономики самые выгодные. Использование сопутствующего сырья и материалов значительно удешевляет основной продукт — асфальтит и делает его конкурентоспособным по сравнению с заменителями, свойства которых уступают качеству природного минерала по целому ряду показателей. А если учесть, что запасы природных асфальтитов в бассейне реки Ижмы громадны и находятся в обжитой, промышленно развитой зоне, то нет сомнений, что перспектива их разработки и использования — дело времени и обстоятельств. И то, и другое, несомненно, придет. С учетом этих факторов и сложившихся в наше время цен на нефть и продукты ее переработки можно утверждать, что асфальтиты Ухтинского района имеют будущее.

История создания асфальтитового производства в Ухтинском районе дает основание сделать следующие выводы:

— комплексной экспедицией одновременно с работами по организации и созданию производства радиевого концентрата велись работы по созданию предприятия по добыче и производству асфальтита, производство которого в стране отсутствовало, а потребность удовлетворялась за счет импорта из США. Ухтинский асфальтитовый рудник с

1935 года обеспечил промышленность отечественным сырьем, снял зависимость от импорта;

— создание горнорудного предприятия способствовало наращиванию мощностей по геологоразведочным работам на нефть и газ в этом районе;

— возникла необходимость строительства к руднику автомобильной дороги, что в значительной степени ускоряло и облегчало геолого-поисковые работы в бассейне реки Ижма и южнее;

— был создан коллектив проектировщиков для разработки проекта горнорудного предприятия из высококвалифицированных специалистов, имевших опыт шахтного и рудничного проектирования, что послужило подготовкой к разработке проектов шахт: угольных — в Воркуте, нефтяных — на Яреге;

— накоплен опыт извлечения из руды асфальтитов, что давало возможность его использования в случае необходимости при решении вопросов, связанных со строительством нефтяных шахт и методами извлечения нефти из нефтенасыщенных пород;

— горные работы при строительстве и эксплуатации рудника способствовали изучению геологического строения района;

— накоплен значительный опыт организации и проведения горнопроходческих работ в условиях Севера;

— асфальтитовый рудник стал своеобразной прелюдией к строительству нефтяных шахт на Ярегском месторождении высоковязкой трудноизвлекаемой нефти;

— повысилось внимание к Ухтинскому промышленному району, возросла его роль в обеспечении стратегическим сырьем промышленности страны, асфальтитовое производство явилось значительным шагом на пути освоения нефтегазовых богатств Печорского края, способствовало его ускорению.

Хочется надеяться, что на месте старого, когда-то столь необходимого стране, а сегодня полностью разрушенного Асфальтитового рудника и поселка возникнет современный механизированный и автоматизированный горнорудный комплекс. Его продукция будет пользоваться большим спросом в стране и за рубежом.

Рядом с экологически чистым производством, где воды Леккема сливаются с водами Ижмы, вырастут современные благоустроенные дома, магазины, школа, спортивные сооружения. А в центре комплекса будет краеведческий музей, где первым, что увидит посетитель, будет стенд, на котором золотыми буквами будут выгравированы имена тех, которые были в начале двадцатого века открывателями, создателями производства во славу и мощь своего Отечества. Среди них — фамилии заслуживающих особого уважения и доброй памяти А.Н.Полухина, Б.Н.Чебоксарова, Л.А.Вокуева, Н.А.Бочарова, В.Урсегова. Тех, кто, не жалея сил и здоровья, трудился, чтобы обеспечить страну столь необходимым сырьем.

4. Тяжелая нефть Яреги: радости и огорчения

Шаги в неведомое по «линии Стрижова»

В июле 1932 года на «линии Стрижова» из скважины №57 вместо ожидаемого газа с глубины около двухсот метров была получена нефть. После сообщения И.Н.Стрижова о том, что в скважине было встречено три нефтяных пласта, технический совет Ухтпечлага принимает решение о прекращении углубления скважины. Одновременно решено для проверки полученных результатов заложить рядом новую скважину под номером 62. После окончания бурения при ее опробовании с глубины 192-205 метров было получено две тонны густой нефти. Обе скважины вскрыли один и тот же нефтяной пласт, что и скважина, пробуренная когда-то в этом районе предпринимателем Ю.А. Вороновым. Подтвердилось наличие нефтяной залежи с той же характеристикой нефти и мощностью нефтесодержащего песчаника. Полученные результаты позволили начальнику Ухтпечлага Я.М.Морозу сообщить в областной комитет партии и Москву о новом открытии (правильнее было бы — о подтверждении открытия).

После бурения в 1932-1933 годах последующих скважин на «линии Стрижова», давших аналогичные результаты, стало очевидным, что речь идет о месторождении с большими запасами нефти. Они по тем временам были впечатляющими, вызвали интерес в нефтяных кругах, стали предметом рассмотрения в высших органах власти. Запасы нефти здесь оценивались в объеме около 40 миллионов тонн. Тогда еще нельзя было дать полную характеристику месторождения, это было сделано гораздо позже, после проведения комплексных геологоразведочных работ. Но и при этом подобных открытий на счету геологов страны на то время не было.

Полученные на Ярегском месторождении (название дано по одноименной реке) результаты окрыляли всех, кто имел отношение к нефтяной проблеме. В срочном порядке для детальной разведки и начала эксплуатации месторождения создается нефтяной промысел №3. Геологом промысла назначается один из высококвалифицированных и авторитетных специалистов А.В.Кулевский. Намечается программа работ по разведке месторождения. Определяются участки для проведения опытно-эксплуатационных работ. Первые скважины оборудуются глубинно-насосными установками.

Но если в первое время наличие нефти воодушевило коллектив, то анализ параметров залежи и первые опыты по эксплуатации скважин в не меньшей степени огорчили. Дело в том, что нефть Ярегского месторождения была уникальной, ее плотность составляла 945 килограммов на кубический метр, вязкость — 16000 единиц, температура в пласте всего 6-8 градусов. При том, что начальное пластовое давление составляло всего 1,0 — 1,3 МПа, количество нефти в одном кубическом метре породы в среднем было 200 килограммов. Для сравнения: легкая нефть Чибьюского месторождения имела следующие

характеристики: плотность — 879 килограммов в кубическом метре, вязкость — 7,2 единицы, температура в пласте — 16 градусов, а начальное пластовое давление — 6,4 МПа.

К решению задачи, как заставить нефть этого месторождения «выйти» из пласта при столь низком пластовом давлении, чрезвычайно высокой вязкости, превышающей вязкость обычной нефти в 700-800 раз, и при такой большой плотности, привлекается вся инженерная мысль Ухты, и не только Ухты. Все сходились в одном — необходимо приблизиться к нефтяному пласту, войти в него или спуститься ниже нефтяной толщи горных пород. А это возможно при помощи шахт, метода, который уже имел двухсот-летнюю историю. Были и сомнения: а пойдет ли сама нефть из пласта, если да — то сколько?

Обратились к истории. Обратимся и мы, уважаемый читатель, к тому далекому прошлому, когда нефть добывали из так называемых нефтяных колодцев и настоящих шахт, мало чем внешне отличающихся от тех, где добывали уголь и другие твердые полезные ископаемые. Такой экскурс позволит понять сложность, масштабность и уникальность работ, проводимых впоследствии в Яреге.

Ярега напомнила о первой в мире нефтяной шахте

Начало восемнадцатого века. Западная Европа. Бассейн реки Рейн. Земли французской провинции Эльзас. Здесь в 1745 году для добычи нефти на месторождении Пешельбронн закладывают первую нефтяную шахту. Она достигает глубины 72 метра. От ствола шахты на расстоянии 16 метров друг от друга прокладываются по пласту два параллельных штрека длиной 300 метров (штрек — горизонтальная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность). Между штреками для добычи насыщенного нефтью песка делали узкие галереи. Песок поднимали на поверхность, промывали горячей водой и получали нефть плотностью 965-975 килограммов на кубический метр. Ее перерабатывали на здешнем нефтеперегонном заводе. Выработанные ценные смазочные масла пользовались большим спросом, были высокого качества.

Шахтная добыча нефти, особенно в начальный период ее внедрения, была очень опасной. Частые взрывы, пожары, горные выбросы воды и нефтенасыщенной породы уносили жизни многих людей, разрушали целые участки шахты. После сильного взрыва в 1875 году перешедшую к немцам шахту закрыли. Решено было перейти на эксплуатацию нижезалегающего нефтяного пласта большой мощности. С этой целью строятся две новые шахты глубиной 70 и 100 метров. Чтобы избежать осложнений, погубивших первую шахту, эксплуатационный горизонт закладывают выше нефтяного пласта. Продуктивный пласт вскрывают наклонными выработками. Но и при этом не обходилось без серьезных осложнений и аварий. В 1887 году произошел мощный выброс воды с песком в объеме около 5000 кубических метров. Шахту затопило. В 1888 году ее закрыли.

За 150-летний период шахтной добычи на месторождении было пройдено 45 километров горных выработок, добыто около миллиона тонн нефти, при этом коэффициент ее извлечения не превысил 6-7 процентов от общих запасов. Но для будущего главное заключалось в другом. Немецким инженерам удалось накопить неоценимый опыт добы-

чи тяжелой нефти при помощи шахт, испытать различные варианты ее извлечения из нефтенасыщенных пород, получить уникальный геологический материал, воспитать не одно поколение горных специалистов по добыче нефти.

С 1919 года месторождение Пешельбронн опять перешло к французам. К 1924 году новые владельцы месторождения строят три рудника с пятью шахтами, а через два года здесь уже действуют восемь шахт. Часть из них достигает глубины 350 метров. Добыча нефти доведена до 38,5 тысячи тонн в год.

Открытие нефтяных месторождений на севере Африки, в Сахаре, являющихся, как выяснится позже, частью Сахаро-Ливийского нефтегазоносного бассейна, привело к прекращению в 1963 году добычи на Пешельбронне. Случилось это на 228-м году с начала его эксплуатации.

Разработка нефтяных месторождений тяжелой и легкой нефти шахтным методом с помощью дренирования пласта горными выработками и подземными скважинами, добыча нефтесодержащих пород и отмыв из них нефти как на поверхности, так и в шахте доказали техническую возможность и экономическую целесообразность метода. Он нашел применение на ряде месторождений в Германии, а затем и в других странах. Из Европы шахтная добыча нефти шагнула в Японию, США, Канаду, Южную Америку.

Таким образом, опыт немецких и французских специалистов добычи высоковязких и обычных нефтей шахтным способом, накопленный к началу прошлого века, получил широкое распространение и стал главным при извлечении нефти с большой вязкостью и остаточной нефти при отработке месторождений скважинами на поверхности.

Наиболее успешное и масштабное в мировой практике применение этого метода было осуществлено в России на Ярегском месторождении в Ухтинском нефтеносном районе.

Поселок Ярега. Нефтешахта №1.

Совнарком СССР: нефтешахту строить!

Необходимость приступить как можно быстрее к опытной эксплуатации Ярегского месторождения диктовалась, с одной стороны, задачей наращивания объемов добычи нефти, с другой — определением возможности ее извлечения при аномальных параметрах. Не снималась и задача детальной разведки месторождения.

На двух участках общей площадью 43 гектара были пробурены 73 скважины на расстоянии до 100 метров друг от друга. Оборудованные глубинными насосными установками, они вначале давали от 140 килограммов до 25 тонн нефти в сутки. При дальнейшей эксплуатации производительность их резко упала, на некоторых скважинах поступление нефти вовсе прекратилось.

Уже первый год эксплуатации опытного участка показал, что эффективно вести добычу тяжелой высоковязкой нефти скважинами с поверхности при тех горно-геологических условиях месторождения и имеющихся на то время технических средствах не удастся. Это убедительно подтвердила десятилетняя эксплуатация обоих участков, где извлечение нефти за этот период составляло около двух процентов от ее запасов. Геолог третьего промысла А.В.Кулевский, после изучения работы скважин и анализа других факторов, в своем официальном обращении в управление Ухтпечтреста в 1934 году обосновывает необходимость добычи нефти шахтным способом с применением теплового воздействия на пласт.

Надо отметить, что многие прибывшие на берега Ухты геологи, горные инженеры, геохимики в свое время учились, специализировались, были в длительных служебных командировках во Франции, Германии, США. Для них шахтная добыча нефти была хорошо знакома. О достижениях в этой области подробно сообщалось в зарубежной прессе, научных изданиях, так что в России, а затем в Советском Союзе об этом было известно не только специалистам. Знали о нефтяных шахтах многие государственные деятели, проживавшие длительное время в эмиграции в Германии, Франции, Швейцарии. Часть из них посещала промышленно развитые Эльзас и Лотарингию, в том числе и известный Пешельбронн. Осведомлены об этом были ведущие специалисты Геологического и Нефтяного ведомств в Москве.

О применении рудничных методов добычи нефти с тепловым воздействием на пласт говорилось в докладе академика И.М.Губкина, представленном в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1933 году. По указанию С.Орджоникидзе в те годы в стране проводились опыты по тепловому воздействию на нефтяные пласты. Работы по добыче нефти и битумов рудничным методом велись еще в царской России. На Ухторском месторождении в Дагестане добывали нефть с помощью штолен. С 1913 года на Щугуровском месторождении в Татарии таким же способом добывали битум. На Старогрозненском месторождении в 1932 году для добычи нефти из песчаников по предложению горных инженеров А.А.Колушина, Л.Г.Лутовинова, М.А.Ерониной было начато строительство рудника, длина которого достигла 645 метров. До закрытия в 1937 году рудника были проведены большие исследовательские и буровые работы. Многие участники и свидетели этих работ волею судьбы в тридцатые годы были в числе ухтинских нефтяников. Среди них И.Н.Стрижов, А.В.Кулевский, И.М.Таумин, А.А.Аносов, Б.Р.Компаниец, Н.И.Ивкин, А.И.Гармаш.

После почти двухлетнего всестороннего обсуждения проблем добычи ярегской нефти, полученных экспертных заключений видных ученых и специалистов Совет Народных Комиссаров СССР 10 августа 1936 года принимает постановление «О строительстве опытной нефтяной шахты». Такое решение было обусловлено целым рядом благоприятных обстоятельств.

В Печорском крае к этому времени были достигнуты значительные успехи в решении проблем государственной важности. Создано производство по добыче радия. На базе ижемских природных асфальтитов построен рудник и организовано производство асфальтита, позволившего отказаться от закупаемого за рубежом гильсонита. В июне 1934 года завершено строительство Ухтинского нефтеперегонного завода, успешно работал нефтяной промысел №2 Чибьюского месторождения. Заканчивалось строительство двух шахт в Воркуте и двух на Эджидкыртинском месторождении в районе средней Печоры. В навигацию 1933 года уголь Воркуты, а за ним и Эджид-Кырты начал поступать в морской порт в Нарьян-Маре. Были завершены работы по строительству автомобильной дороги Усть-Вымь — Чибью.

В правительстве достигнутым успехам в Коми области Северного края давали высокую оценку, ставили новые задачи. Придавая особую важность освоению Европейского Севера, 16 ноября 1932 года Совет Труда и Оборона принял постановление об образовании Ухтопечорского треста. Заместитель председателя ВСНХ В.Куйбышев с трибуны XVII съезда ВКП(б) 3 февраля 1934 года, оценивая достижения ухтинцев, говорил о новых задачах: «Одной из крупнейших проблем Северного края, к решению которой будет приступлено во втором пятилетии, является развитие угольных и нефтяных месторождений бассейна реки Печора, что позволит обеспечить высококалорийным топливом Северный морской флот, промышленность Мурманского округа и Северного края». В апреле 1936 года Президиум ЦИК учреждает специальный нагрудный знак «Ударнику-ухтинцу» для награждения отличившихся при освоении Крайнего Севера. До этого подобных решений ВЦИК не принимал. Таким был внешний и внутренний фон, вселявший уверенность в возможное решение проблем Яреги.

Опасения И.Н.Стрижова подтверждаются

В двадцати километрах к юго-западу от поселка Чибью, недалеко от базы третьего промысла, была намечена площадка строительства первой в Советском Союзе нефтяной шахты.

Для организации и выполнения проектных работ и строительства были привлечены крупный специалист по горному делу, изучивший пещельбронновский опыт, А.И.Гармаш, бывший главный инженер института «Ленгипрошахт» А.П.Нестеренко, бывший управляющий шахтами имени академика А.А. Сковчинского и ведающий там горнорудными работами А.Е.Некрасов, известные геологи А.В.Кулевский, Н.Н.Инкин, гидролог С.С.Гамбидкий, начальник проектного бюро П.З.Звягин, горный инженер Н.И.Попов, строители К.Н.Байда, И.К.Ляпкало.

Строительство шахты началось в октябре 1937 года. Всеми работами руководили А.Е.Некрасов и П.З.Звягин. Через два года подземная часть шахты — грузовой и

Памятник шахтерам-нефтяникам Ярги.

вентиляционный стволы, шахтный двор, камеры для насосной станции и электроподстанций, откаточные и вентиляционные штреки, конный двор для лошадей, штреки для бурения скважин — была готова.

Наступил главный, непредсказуемый, самый ответственный этап завершения строительства — вскрытие нефтяного пласта. Для этого требовалось из штреков, пройденных в 25 метрах выше пласта с нефтью, пробурить скважины, через которые и будет добываться нефть. Полагали, что давление пласта в 13 атмосфер достаточно для того, чтобы нефть пошла к устью скважин. Дальше ее предусматривалось собирать по трубопроводам в шахтные нефтесборники и откачивать на поверхность, по-шахтерски «подавать на-гора». Из первой пробуренной скважины без каких-либо осложнений была получена нефть: немного, всего две тонны. До конца 1939 года пробурили еще три скважины. Они оказались более продуктивными, в сумме давали около 80 тонн ярегской тяжелой нефти в сутки.

Спущенный в шахту нефтяной промысел начал работать, но результаты не оправдали надежд. Вместо ожидаемой нефтеотдачи, прогнозируемой геологами Н.Н.Тихоновичем и А.И.Гармашем (первый прогнозировал до 25, второй до 75 процентов), она составляла всего около пяти процентов. Подтвердился прогноз И.Н.Стрижова. Его теоретические знания и личный практический опыт в Дагестане, где он проводил работы по добыче аналогичной по характеристике нефти при помощи штольни, давали основание выступить против принятого варианта. Ученый и практик И.Стрижов утверждал, что при температуре шесть градусов и столь высокой вязкости, низком пластовом давлении и незначительном газовом факторе нефть не потечет. Перенос поверхностного промысла в шахту над нефтяным горизонтом не даст желаемого результата. Нужно спуститься в пласт подземной выработкой и изменить вязкость нефти, что возможно при тепловом воздействии, утверждал ученый. Он был настолько убежден в своей правоте, что в начале 1937 года представил руководству Ухтпечтреста по этому вопросу записку, озаглавив ее «Потечет или не потечет нефть из пласта в шахту и штреки на промысле №3».

К предостережению Стрижова не прислушались. Ведь к тому времени работа над проектом шла к концу, активно велась подготовка к началу строительства шахты. Согласиться с мнением И.Стрижова, означало остановить работы на неопределенное время, а тем, кто обосновал надпластовый вариант, признать поражение. Как известно, проект рассматривала и приняла с высокой оценкой коллегия Наркомата внутренних дел СССР. На рассмотрении присутствовал только что вернувшийся из шестимесячной поездки по нефтяным промыслам Америки главный геолог Главного нефтяного управления Наркомата тяжелой промышленности А.Я.Кремс, согласившийся без каких-либо замечаний с заложенными в проекте решениями. В знак важности и высокого качества разработки проекта главный докладчик П.З.Звягин был освобожден из заключения. Впоследствии он будет занимать должность главного инженера Ухтпечтреста, станет доктором технических наук.

Реакция на записку ученого была такой: И.Н.Стрижова отстранить от ухтинских дел. С 1937 года и до конца срока заключения Иван Николаевич Стрижов работает главным геологом Канско-Тасеевской нефтеразведочной экспедиции. Талант ученого с мировым именем для покорения Европейского Севера страны не был в полной мере использован.

«Ухтинская система» — первый этап шахтной добычи нефти

Разведанная часть месторождения была разделена на четыре шахтных поля: по числу предполагаемого количества нефтяных шахт. Принятая система разработки месторождения предусматривала извлечение нефти из подземных скважин в естественном режиме. В 20 метрах над нефтяным пластом велась проходка полевых штреков, в которых на расстоянии 40-60 метров делались буровые камеры для бурения вертикальных и наклонных скважин глубиной от 40 до 70 метров.

Вначале скважины эксплуатировались фонтанным способом. Но это продолжалось недолго. Затем был применен метод газлифтной добычи: при помощи сжатого воздуха, подаваемого в скважины, который и являлся средством подъема нефти. Она стекала в канавки, проложенные в горных выработках, по которым водой транспортировалась к нефтесборникам. Оттуда нефть откачивалась на поверхность. Этот технологический цикл впоследствии получил название «Ухтинская система разработки Ярегского нефтяного месторождения» и применялся до 1954 года.

К «Ухтинской системе» пришли, преодолев большие трудности. Надо было провести сотни различных экспериментов, преодолеть множество сложнейших проблем. Только их перечисление займет немало места: это и выбросы больших масс нефти, воды и газа при вскрытии пласта; неоднократные затопления шахт и разрушение горных выработок; взрывы с разрушениями и людскими потерями; сложность транспорта нефти, которую в начальный период грузили в вагонетки, затем перегружали в бадьи и подавали наверх. Это и проблемы отделения песка от нефти и его утилизация; бурение скважин в шахтных условиях; применение для проходки горных выработок взрывных методов; подача электроэнергии в шахту. Наконец, это и необходимость научиться прогнозировать выбросы, для чего требовалось определять места трещин и разломов нефтяного пласта, являющихся причиной этого явления, при отсутствии специального оборудования для бурения скважин. Все это и многое другое нужно было делать не на поверхности, а во взрывоопасной шахте.

Первая шахтная нефть была добыта в 1939 году. Количество ее было незначительным, но стало началом шахтной добычи. В 1940 году на первой шахте уже извлекли 5,9 тысячи тонн, в 1942 году — 55,9 тысячи, а в 1944 году — 101,7 тысячи тонн «тяжелой» нефти.

Значимость для страны Ухтинского нефтяного и Воркутинского угольного районов растет. Для ускорения и динамичного развития региона выходит ряд правительственных постановлений. В октябре 1937 года Совнарком СССР принимает постановление о строительстве железной дороги Коноша — Котлас — Воркута, до этого было принято решение о строительстве дороги Котлас-Чибью. 9 мая 1940 года ВСНХ и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии добычи воркуто-печорских углей», 10 июня 1940 года высшие партийные и государственные органы принимают постановление «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения».

Основываясь на открытых месторождениях нефти и газа и на прогнозируемой благоприятной перспективе открытия новых, ставится масштабная задача создать в стране новую нефтедобывающую базу. Масштабность задач, заложенных в постановлении, — грандиозна, их реализация должна была превратить Европейский Север в мощный про-

мышленно развитый регион. Можно только поражаться дальновидности авторов и вдохновителей этого документа!

В постановлении намечалось в 1940-1942 годах резко увеличить геолого-поисковые и разведочные работы в перспективных на то время на нефть и газ Ухтинском, Верхнежемском, Вымском, Печоро-Кожвинском районах. Довести объемы разведочного бурения за этот период до 276 тысяч метров, мощность первой шахты — до 500 тысяч тонн. Выполнить подготовительные работы для строительства трех новых нефтешахт мощностью по 500 тысяч тонн каждая. Начать строительство в Ухте с вводом в действие в 1942 году крекинг-завода, обеспечивающего переработку 1,5 миллиона тонн нефти в год. Закончить в 1941 году строительство газопровода Крутая — Ухта с Седельского месторождения газа. Объемы добычи нефти в 1944 году устанавливались в размере 950 тысяч тонн, из них на первой шахте — 500 тысяч тонн.

Сомнения нет, если бы основные задачи, вытекающие из этих документов, были выполнены — развитие производительных сил в регионе пошло бы по сценарию грандиозных свершений. Однако этому не суждено было сбыться, помешала вторая мировая война. И мы вслед за этим повторим: «О, если б не было войны!» Подобный, а точнее, такой же, шанс на новый рывок в развитии региона повторился через двадцать пять лет. Это произошло уже в иных, более благоприятных, условиях, на новом этапе развития страны. Но использовать новый шанс в полной мере помешали сначала внутренние региональные «войны», а затем и амбиции высоких местных чиновников, их некомпетентность и недалекость.

Появится ли третий шанс? Кто и что его создаст и что послужит поводом? На этот вопрос ответит будущее.

Ухта была первым районом, где решалась сверхважная государственная задача, которая уже в первые месяцы ее реализации стала комплексной и масштабной, объединила интересы и проблемы таких отраслей промышленности страны, как добыча радия, гелиевого газа, асфальтита, угля, нефти.

Ухта была той передовой частью Советского Союза, которая вносила немалый вклад в достижение поставленной И.В.Сталиным в феврале 1931 года великой цели. В его статье «О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ» говорилось: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

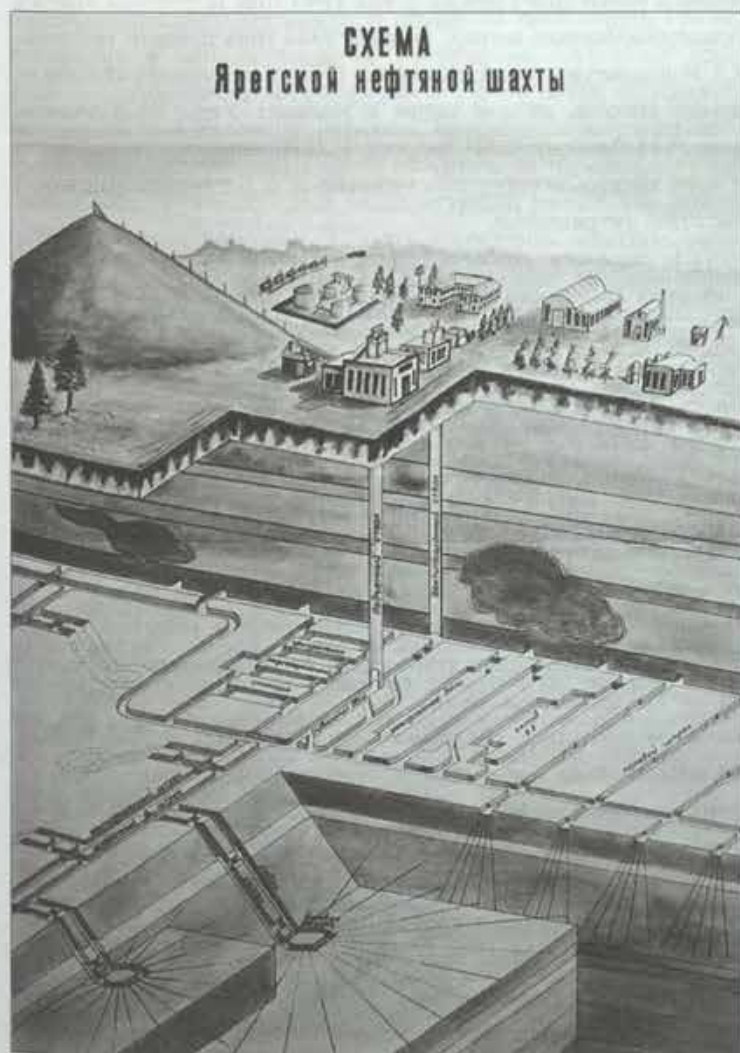
В Ухтинском районе был сделан первый практический шаг для решения глобальной стратегической задачи государства, состоящей в необходимости заселения северных территорий для освоения имеющихся там огромных природных богатств. За Ухтой последовали Хибины, Красноярский край, Магадан. Да, это делалось методами и практикой Объединенного государственного политического управления и Народного комиссариата внутренних дел СССР, его многочисленными главными управлениями, включая ГУЛАГ.

Шла война, но шахты строились

Добыча первых тонн нефти положила начало опытной шахтной эксплуатации Ярегского месторождения. Но она показала, что из пласта удастся взять лишь 5 процентов нефти. Необходимость спуститься в толщу нефтяного пласта, а еще лучше — ниже неф-

теносного горизонта, стала очевидной. Начальник управления Ухтижемстроя А.Д.Баламутов и главный инженер М.М.Зоткин обращаются к своему московскому руководству с обоснованием необходимости вскрытия нефтяного пласта уклоном — спуститься в пласт горными выработками. Разрешение было получено. При вскрытии нефтяного пласта произошло то, чего опасались, — выброс большой массы воды, нефти, газа. Через месяц аварию ликвидировали ценой немалых сил и средств. Уклон забетонировали. Мысль опуститься в пласт оставили на потом.

Шла война. Потребность в нефти росла, особую нужду в горючем испытывал Северный морской флот. Положение обострялось военными действиями на юге страны, главным поставщике нефти. В 1942 году Государственный Комитет Обороны принимает решение о строительстве на Яргском месторождении еще двух шахт, их строительство было предусмотрено принятым в 1940 году постановлением правительства и ЦК партии. Руководить стройкой было поручено опытному специалисту и организатору Н.Челенцеву. При производстве горных работ на второй шахте произошел разруши-

тельной силы взрыв. Его последствия потребовали больших и продолжительных восстановительных работ, удлинени срок строительства шахты до 10 лет. В конце 1949 года вторая шахта дала первую нефть — 300 тонн. В следующем году уже было добыто 37,7 тысячи тонн. В 1952 году шахту №2 приняла Государственная комиссия.

Третья шахта вступила в строй в 1943 году, а проектный уровень добычи на ней был достигнут в 1950 году. Строительство ее велось под руководством талантливого инженера и крупного организатора Н.В.Степаненко, будущего ответственного работника Госплана СССР. В том, что она была построена и выведена на проек-

тный уровень в рекордно короткий для шахтного производства срок, немалая его заслуга.

Самая крупная нефтяная шахта, она же и первая, была принята Государственной комиссией в эксплуатацию в марте 1944 года. В тот год она выдала на-гора 102 тысячи тонн нефти.

На всех шахтах применялась «Ухтинская система» разработки месторождения. Уровень добычи нефти из года в год растет. В 1945 году он составляет 157 тысяч тонн, в 1948-м — 305 тысяч тонн, в 1952-м — 390 тысяч тонн.

Всего через неполных четыре года после получения первой шахтной ярегской нефти в 1943 году Президиум Верховного Совета СССР награждает большую группу шахтеров-нефтяников орденами и медалями. В декабре 1944 года за успешное выполнение заданий правительства по освоению Ухтинского района и добычи нефти, газовой сажи и специальной продукции Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденами и медалями 210 работников Ухтинского комбината, среди которых были многие шахтеры-нефтяники. За вклад в победу над Германией в канун Дня Победы 8 мая 1945 года нефтяники Яреги в третий раз были удостоены правительственных наград. В июне 1947 года принято постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинской (Государственной) премии за разработку и внедрение шахтного способа добычи нефти в условиях Ухты П.З.Звягину, М.М.Зоткину, С.М.Бондаренко, А.И.Адамову, С.Ф.Здорову, Е.Я.Юдину.

Так высоко был оценен труд многих талантливых инженеров и организаторов шахтной добычи нефти на первом этапе ее развития.

Шло время, энергия пласта истощалась. Добыча нефти, несмотря на резкое увеличение дренирующих скважин, объемов проходки горных выработок, падала. Вместе с тем в пласте оставались те же 95 процентов нефти. Другого выхода из все ухудшающегося положения с добычей нефти, кроме как изменить технологию, не было. Нужно было вернуться к разрешенному еще в 1939 году спуску в нефтяной пласт, так неудачно начатому проходкой первых уклонов. Да и 1952 год — это не 1939-й. За это время нефтяной пласт в зоне разработки месторождения изрешетили тысячи скважин. Газовый фактор существенно изменился, энергия пласта значительно отработана. И то, что тогда отложили «на потом», стало во многом безопаснее и понятнее.

Руководству Ухткомбината и нефтяных шахт требовалось найти выход из ухудшающегося положения. От инженерной службы ждали новых эффективных решений, технологам и проектировщикам предстояло разработать технологию этого варианта, а руководителям участков и мастерам — внедрить ее в жизнь.

Инициатором и «катализатором» этого процесса стал геолог первой шахты А.А.Бабаян. Однако и в этот раз победили обоснованная осторожность, необходимость обеспечить безопасность и в определенной степени нерешительность. Поэтому был сделан «полушаг» в нефтяной пласт: уклонами вскрывали его верхнюю часть, галереи уклонов строили в верхней части пласта, скважины бурились горизонтально и наклонно по пласту длиной до трехсот метров. Нефть добывали тем же эрлифтным (подавая сжатый воздух) способом. Это решало проблему предотвращения снижения добычи нефти, создавало возможность ее роста. Начатые в 1951 году опытные работы оказались успешными. С мая 1953 года все три шахты начали переходить на новую уклонно-скважинную систему разработки месторождения.

Тепловая атака на пласт

Уклонно-скважинная система была шагом вперед. Она обладала рядом преимуществ перед «Ухтинской системой», но и требовала обеспечить новый уровень научно-исследовательских работ. Надо было добиться главного — увеличения коэффициента извлечения нефти из пласта. Нефтеотдача пласта по-прежнему не превышала пятипроцентный уровень. Добыча нефти, достигшая 390 тысяч тонн в 1952 году, начала снижаться. К 1972 году уровень шахтной добычи опустился ниже 1945 года и составлял 130 тысяч тонн.

Был ли путь предотвращения такого падения? Был, и не один. Возможно было подержать добычу за счет ввода в разработку новых участков месторождения, увеличения проходки горных выработок, бурения скважин, но это требовало больших затрат, было экономически не оправданным. Шел поиск и других вариантов. Проводились опытные работы по закачке в пласт воды, воздуха. Применялись гидравлический разрыв нефтяного пласта, воздействие на нефтяной пласт различными химическими реагентами, выемка нефтесодержащего песчаника и отмыв из него нефти. Но все они были технологически сложными и экономически не выгодными. Оставался известный и самый надежный путь — снижение вязкости нефти в пласте путем ее подогрева.

Но он был далеко не простым. Предстояло найти способ подогрева, определить наиболее оптимальную схему этого процесса, ее параметры, учесть сложную характеристику пласта, обеспечить нужный температурный режим для работающих в шахте, ответить на десятки других вопросов. Проект проведения опытных работ по термическому воздействию разработал институт Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР. Начиная с 1966 года, исследования и опытные работы по испытанию различных систем теплового воздействия на нефтяной пласт с применением в качестве теплоносителя водяного пара ведут научно-исследовательский институт нефти и Яргское нефтешахтное управление. В ходе работ были подтверждены выводы и расчеты ученых, доказавших, что наиболее эффективна двухъярусная система термического способа разработки месторождения. С 1973 года начинается ее внедрение на всех шахтах.

Талантливым инженерам Ярги, ученым институтов понадобилось двадцать лет для того, чтобы остановить падение добычи нефти, найти, испытать и начать промышленное внедрение нового радикального способа извлечения высоковязкой тяжелой нефти из пласта. И, что особо важно, использовать все то, что было создано на месторождении для добычи нефти прежними системами разработки, и в последующем довести коэффициент извлечения нефти до 60 процентов! Сделать это раньше не удавалось никому и нигде в мире на подобных месторождениях.

Все это происходило в сложных для нефтяников Севера условиях. Это в значительной степени влияло на сроки проводимых работ и их успех. Открытие нефтяных месторождений в Урало-Поволжье, высокие темпы их освоения отодвинули проблемы ухтинской нефти на второй план. Разработка разведанных нефтяных месторождений в районе Войвожа и Нижней Омры позволяла компенсировать, и не только компенсировать, падение добычи нефти шахтным способом. А открытие и освоение в сжатые сроки крупного

Западно-Тэбукского нефтяного месторождения потребовало привлечения всех сил и средств Ухтинского комбината. Это не могло не сказаться на делах Яреги. Существенную роль сыграли процессы реорганизации управления народным хозяйством в стране, повлекшие изменения структуры Ухткомбината. Особое значение имел фактор кадровых перестановок и изменений в системе комбината, в том числе и в Ярегском нефтешахтном управлении.

В марте 1953 года Ухтинский комбинат был выведен из состава Министерства внутренних дел СССР и подчинен Министерству нефтяной промышленности. Со стороны министерства усилился контроль за основной деятельностью комбината и его предприятий. На многие из них пришли новые руководители. Меняются взаимоотношения комбинатовского руководства с областным комитетом партии. Прежнее малозависимое от партийных органов республики положение Ухткомбината заменяется тотальным контролем партийных органов над всеми сторонами его деятельности.

Начальник Ухткомбината Е.Я.Юдин, до этого возглавлявший шахту №1, теперь все внимание уделяет Войвожскому нефтегазовому району, где сконцентрированы геологоразведка, добыча нефти и газа, газопереработка. Решение многочисленных кадровых назначений идет за счет ярегских шахт. Начальник первой шахты стал начальником Ухткомбината, управляющим трестом «Войвожнефть» был назначен В.В.Ульянов, покинули шахты М.А.Бернштейн, С.Ф.Здоров, А.С.Балванов, Е.С.Смирнов, В.Н.Стародубец, А.И.Адамов, Б.Ф.Харитоненко, А.И.Мордовский, Н.Н.Челенцев, С.М.Бондаренко, В.К.Святкин и десятки других.

Прошло три с половиной года. Ухткомбинат 2 августа 1956 года переходит по решению Совета Министров СССР в систему Главного управления газовой промышленности при правительстве страны. Решение свидетельствовало, что главной задачей, возлагаемой на комбинат, является разведка и добыча газа. Тут уж не до ярегской нефти и ее шахт.

Через год очередная смена системы подчиненности: переход под руководство Коми Совнархоза. Такое решение принято по настоянию председателя Совнархоза А.А.Савченко. В этом его активно поддерживало местное партийное руководство. Без нефтегазовой и нефтегазоперерабатывающей отраслей совнархоз — не совнархоз. Стремление подчинить себе эти отрасли производства было правильным и отвечало интересам республики. Но для комбината оно обернулось непоправимыми последствиями. Происходит отторжение от комбината целого ряда предприятий и организаций, резко ослабившее его техническую и организационную мощь и целостность. Были потеряны мощности машиностроения и металлообработки, строительства, лесозаготовок, энергетики, без чего стал невозможным прежний ритм производства, не говоря уже о выполнении целого ряда новых задач.

Этот процесс коснулся и самой структуры управления шахтной добычи нефти. В марте 1958 года все шахты объединяются в единое нефтешахтное управление. Начальником Ярегского нефтешахтного управления назначается опытный инженер и организатор, беспокойный и неутомимый В.Н.Мишаков, техническим руководителем стал Е.И.Гуров, прошедший все ступени роста и познавший тонкости и сложности шахтной добычи нефти.

На фоне происходящих событий добыча нефти на Ярегском месторождении неуклонно снижалась. Не внес изменений в дела Яреги приход к руководству нефтегазовой промышленностью Коми Совнархоза Е.Я.Юдина. Не последовали они и после назначения на его место начальника нефтешахтного управления В.Н.Мишакова. Придя в Ухткомбинат, он перестал заниматься проблемами шахтной добычи нефти, полностью переключился на освоение новых нефтяных месторождений.

В стратегическом плане руководство Коми Совнархоза и Ухтинского комбината сосредоточивают внимание на расширении геологоразведочных работ и на первоочередном поиске газовых месторождений. Все проблемы Ярегского нефтешахтного управления ложатся полностью на плечи его руководства. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

В нефтяном пласте становится все жарче

Между тем проблема повышения уровня извлечения нефти из недр, что означало использование имеющихся запасов, не сходит с повестки дня ни в мире, ни в Советском Союзе. Видный ученый и государственный деятель, председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР Н.К.Байбаков в августе 1965 года обращается к руководителям нефтедобывающих управлений, объединений, совнархозов и научно-исследовательских институтов с просьбой: наряду с другими мероприятиями по повышению извлечения нефти из недр уделить особое внимание усилению и расширению опытных работ по паротепловому воздействию на пласт, акцентирует внимание на Яреге, где в этом направлении достигли значительных успехов.

Переход после упразднения совнархозов на отраслевую систему ведения народного хозяйства и образование Министерства нефтяной промышленности коренным образом меняют отношение к ярегскому опыту. В министерстве создается отдел рудничных термических методов разработки нефтяных месторождений. Руководителем отдела становится специалист по шахтной добыче нефти, долгие годы проработавший на нефтяных шахтах и в управлении Ухткомбината, М.А. Бернштейн. Придавая особую важность накопленному опыту разработки Ярегского месторождения тяжелой нефти с помощью шахт и проводимым комплексным исследованиям по применению тепловых методов, в 1967 году коллегия Миннефтепрома СССР заслушала доклад главного инженера шахтного управления Е.И.Гурова и рекомендовала усилить эти работы.

Такое решение воодушевляет коллектив ярегских энтузиастов. Расширяется фронт опытных работ по паротепловому воздействию на пласт. Одновременно они ведутся на первой и второй шахтах под личным контролем их руководителей. Проведенные работы в 1968 году дают первые результаты — получено 400 тонн нефти по термошахтной технологии. В 1971 году решено все шахты перевести на новую технологию. Полностью этот переход завершился в 1975 году. Добыча нефти велась только термошахтным методом и составила в 1975 году 230,8 тысячи тонн, в 1980 году — 400 тысяч тонн, в 1985 году — 460 тысяч тонн, в 1990 году достигла максимума — 526,3 тысячи тонн.

В числе тех, кто отдал много сил, энергии и времени разработке и внедрению этого метода, были Е.Гуров, П.Воронин, В.Мишаков, В.Вертий, Л.Рузич, В.Табаков, Н.Мельни-

Вместе с начальником Ухткомбината В.Н.Мишаковым и главным инженером НШУ «Яреганефть» Е.И.Гуровым в нефтяной пласт спускались председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков, министр газовой промышленности СССР А.К. Кортюнов.

чук, В.Тутаринов, В.Черняков, А.Обрезков, В.Сукрушев, В.Юдин, Г.Миллер, Ю.Байдиков.

Автору этих строк пришлось участвовать во всех событиях, происходящих в Ярегском нефтешахтном управлении с 1975 по 1986 годы, десять лет в силу своего служебного положения нести ответственность за все стороны деятельности шахтного управления, участвовать в его развитии, радоваться успехам и огорчаться неудачам. К счастью, неудач было меньше. Позже, в 1991 году, мне пришлось продолжить активно заниматься проблемами Яреги, но это уже касалось титановой составляющей месторождения.

Успешные результаты применения новой технологии потребовали решения ряда кардинальных проблем, реализация которых давала возможность наращивать объемы добычи нефти, доводить ее извлечение из пласта до ранее нигде и никем не достигаемых величин.

В производственной сфере деятельности потребовалось:

— создать необходимые мощности по производству пара — основного элемента, обеспечивающего закрепление успеха и его наращивание;

- увеличить мощности шахтной вентиляции;
- реконструировать подземные горные выработки;
- создать оптимальную систему подачи пара в шахты и его распределения к точкам закачки в пласт;
- решить резко возросшую проблему промышленного водоснабжения;
- нарастить мощности по подготовке нефти и ее отгрузке на Ухтинский нефтеперерабатывающий завод;
- обеспечить топливом парогенерирующие установки;
- создать систему подачи в шахты строительных материалов в растущих объемах;
- заменить на более мощные линию электропередачи протяженностью 30 километров и электроподстанции;
- реконструировать железнодорожные подъездные пути и эстакаду налива нефти;
- построить современные дороги и подъезды к шахтам и жилым поселкам шахтеров-нефтяников;
- реконструировать 20 километров дороги между Ярегой и Ухтой;
- начать строительство новой четвертой шахты.

*Провожая на «экскурсию» в нефтяную шахту
очередную группу ответственных работников Миннефтепрома СССР.*

В области социальных проблем:

- приступить к строительству единого для всех шахт жилого комплекса для переселения из ветхого жилья около четырех тысяч человек;
- построить санаторий-профилакторий для оздоровления шахтеров-нефтяников;
- построить столовые, магазины, детские сады, спортивный комплекс;
- организовать набор рабочих и их профессиональную подготовку;
- для занятости женского населения создать ряд производств в сфере обслуживания и изготовления товаров народного потребления.

Все это пришлось на период освоения северных месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, создания там нового нефтедобывающего района и строительства города Усинска. Поэтому понятно, что основная тяжесть ярегских проблем легла на руководителей нефтешахтного управления и на весь его славный трудолюбивый коллектив.

«Застоя» на Яреге не было

Любопытна история одного из объектов, строительство которого было решено начать в 1980 году. Речь идет об идее проходки новой нефтешахты 2-БИС. Впервые ее озвучил В.Н.Мишаков. В то время он уже работал в аппарате управления объединения «Коминнефть» в должности главного технолога по термошахтной добыче нефти, а начи-

налась его карьера на Яреге, где он вырос до крупного руководителя и стал известной личностью в Коми республике и отрасли. К этому времени в аппарате объединения, кроме Мишакова, никого из тех, кто раньше работал на Яреге, не было. В одной из бесед с министром Н.А.Мальцевым на его вопрос: «А как дела на шахтах Яреги?» — я высказал мысль, что было бы неплохо начать строительство новой нефтешахты. Возражений со стороны министра не последовало. Николай Алексеевич задал лишь один вопрос: «А кто будет строить, ты подумал? Это же шахта!» В тот же день состоялся разговор на эту тему с начальником Главного управления капитального строительства министерства П.Д. Алексеевым. Расспросив о реакции министра на наше предложение, он высказался в его поддержку. Разговор у заместителя министра В.Я. Соколова, тоже начинавшего свою трудовую деятельность на шахтах Яреги, закончился заверением в поддержке. Но он предупредил: «Вы не найдете подрядчика, который бы взялся за строительство нефтяной шахты. Вот в чем вопрос», — заключил нашу беседу своим любимым присловием бывший начальник первой нефтешахты, патриот Яреги.

Проектно-сметную документацию институт «ПечорНИПИнефть» разработал в сжатые сроки. Она прошла экспертизу и была утверждена. За это время руководители шахтоуправления вели подготовительные работы: отсыпали площадку под будущее строительство, построили к ней дорогу, временные складские помещения, подвели электроэнергию, тепло, воду. Оставалось решить главный вопрос: кто будет строить? Ведем переговоры с руководством воркутинских шахтостроителей, но не тут-то было. Комбинат «Печоршахтострой» дает полный отлуп. Надежды не теряем, обращаемся в обком партии. Заведующий промышленным отделом дает совет: «Договоритесь сами». Мы — к секретарю обкома. Он повторил тот же совет, добавив: «Не впутывайте нас в это дело!»

Решили обратиться в московский трест «Спецшахтострой», руководителем которого был давнишний знакомый В.Н.Мишакова Солодовников. Переговоры в Москве обнаджили. Было поручено Донецкому шахтостроительному управлению рассмотреть вопрос и дать предложения. Приезд представителей из Донецка закончился предварительным соглашением. Условия соглашения были высказаны после обсуждения деталей в Донецке. Они оказались кабальными. Речь шла только о проходке ствола шахты, для чего управление предоставляло руководителя работ и 7-8 опытных инструкторов-проходчиков. Остальных рабочих для проходки ствола должно было выделить Ярегское управление. Строительство временного копра, транспорт для вывоза породы, обеспечение материалами оставались тоже за нефтяниками. Это означало, что шахту фактически должно было строить Ярегское нефтешахтное управление.

Вот тут и понадобились начальнику шахтоуправления П.Г.Воронину и главному инженеру Е.И.Гурову мужество, талант организаторов, чувство долга. Они дали согласие на такие тяжелые условия. И ведь это вдвойне увеличивало их нагрузку, отвлекало внимание, силы и средства от главной задачи — добычи нефти, за выполнение которой спрашивали ежедневно.

Так началось строительство шахты 2-БИС. Диктат Донецкого управления не прекратился. Решение всех вопросов было нелегким делом. Приходилось идти на многие отклонения от существующих тогда норм и правил финансирования новостроек, отвлекать не без ущерба для основного производства людей, строительные материалы, технику. В итоге все,

Побывал на Яреге и секретарь ЦК КПСС В.И.Долгих (в центре). Его сопровождали первый секретарь Коми обкома КПСС И.П.Морозов (справа), первый секретарь Ухтинского горкома КПСС Ю.А.Жестарев и председатель Ухтинского горисполкома Г.В.Бурлака.

что делалось на Яреге в 70-80 годы, позволило в четыре раза увеличить добычу нефти, в 3,5 раза поднять производительность труда, снизить себестоимость добываемой нефти.

Особое значение Ярегского нефтяного месторождения придавал председатель Госплана страны Н.К. Байбаков, о чем свидетельствуют многие документы. Привожу текст одного из них.

«Генеральному директору производственного объединения «Коминнефть» тов. Гуменюку А.С.

Уважаемый Анатолий Степанович!

С большим интересом я ознакомился со статьей «Нефть добывают автоматы», опубликованной в газете «Социалистическая индустрия» от 12 августа с.г.

При всей своей занятости я стараюсь следить за внедрением новой техники и технологии в нефтяной промышленности — моей родной отрасли. Меня всегда интересовали вторичные и третичные методы воздействия на нефтяные пласты, особенно тепловые методы.

Побывав у Вас на шахте (это было 8-10 лет назад), я уже тогда представлял, что единственным радикальным методом, который может существенно увеличить нефтеотдачу пласта, является метод его подогрева. Я безгранично рад, что этот метод нашел у вас широкое применение и подтверждает высокую результативность. И, конечно, это стало возможным только благодаря пытливому уму, целеустремленности и энтузиазму ваших замечательных нефтяников — новаторов.

Моя просьба — пришлите мне, пожалуйста, более подробные материалы по внедрению тепловых методов на шахтах Яреги и автоматизированной системе добычи и транспорта нефти, которые, по моему мнению, могут иметь большое значение для работы нефтяных шахт в городе Баку (Балаханы).

Желаю Вам и в Вашем лице всему славному коллективу нефтяников Коми АССР крепкого здоровья и успехов в вашем нелегком, но благородном труде.

С глубоким уважением Н. Байбаков».

В столь сложной обстановке мы взвалили на ярегцев еще одну, хотя и почетную, ответственную, но очень тяжелую миссию: передать опыт паротепловых методов добычи нефти усинским нефтяникам. Им было поручено организовать добычу тяжелой нефти на гигантском Усинском месторождении с применением закачки пара в пласт. И с этой задачей шахтеры-нефтяники успешно справились. Возглавлял эту сложную работу Е.И.Гуров, ставший к тому времени начальником нефтешахтного управления.

За «создание и широкое промышленное внедрение технологических процессов и технических средств термощахтной разработки месторождений высоковязких нефтей» авторский коллектив в составе Ю.Н.Байдикова, П.Г.Воронина, В.Г.Вертия, Е.И.Гурова, А.С.Гуменюка, Н.В.Мишакова, А.И.Обрезкова, Л.М.Рузина, В.С.Сукрушева, В.П.Табаква, В.Н.Юдина был выдвинут на соискание Государственной премии СССР. Научно-техническим советом Министерства нефтяной промышленности эта работа была признана чрезвычайно важной, актуальной и рекомендована для внедрения в других регионах.

Вспоминая события того времени, как тогда, так и спустя многие годы, считал и считаю, что не будь у руля шахтоуправления Павла Григорьевича Воронина и Евгения Ивановича Гурова, многое из достигнутого не удалось бы осуществить. В том, что сегодня на Яреге сделано, их особая и великая заслуга. Это с их участием было создано то, что не удалось в девяностые годы прошлого века разрушить ни «реформаторам» Центра и республики, несмотря на объединенные усилия местных и иностранных комбинаторов, ни выдававшим себя за нефтяников горе-руководителям. Шахтеры Воркуты не устояли, а Яреге это «нашествие» не одолело. А говорят, что период 70-80-х годов был застоем. Может, и был, но только в мыслях и действиях тех, кто это придумал.

О покорителях ярегской природной кладовой такого не скажешь.

Обручилась нефть с титаном

Название Ярегскому месторождению тяжелой нефти придется менять. Оно становится Ярегским нефтетитановым месторождением. Изменение вызвано открытием в нефтесодержащем пласте титановой руды.

Произошло это в 1939 году и недолго было большим секретом. А обнаружила титановую руду минералог Института полезных ископаемых АН СССР М.П.Кирсанова. Подробно изучил титановые минералы Яреги известный специалист по рудам, сотрудник Центральной научно-исследовательской лаборатории Ухтижемстроя Василий Авксентьевич Калюжный, заслуженно считающийся первооткрывателем и исследователем этого уникального месторождения, дважды побывавший в Ухтинском районе не по своей воле. Еще во времена проходки стволов шахт он лично вел исследование извлекаемой породы и выявил целый ряд полезных минералов.

Мне посчастливилось общаться с этим неутомимым и беспокойным тружеником. Встреча была вызвана письмом, которое прислал мне В.Калюжный, в котором он выразил ряд соображений, связанных с началом работ по строительству шахты 2-БИС.

В письме, а потом при встрече, которая состоялась в один из моих приездов в Москву, Василий Авксентьевич просил при проходке ствола шахты организовать исследования извлекаемой породы. По его мнению, такие исследования могут привести к откры-

тию новых интересных минералов, в наличии которых он не сомневался, ссылаясь на свои исследования, проведенные здесь ранее. Рассказал он и о своей второй одиссее в Ухту в 1951 году. Говорили мы о том, как, будучи руководителем литолого-петрографической группы Центральной научно-исследовательской лаборатории, убеждал он начальника Ухтинского комбината, а до этого начальника шахты Е.Я.Юдина в необходимости проведения геологоразведочных работ на титан. Как, не добившись этого, в 1955 году вернулся в Москву и продолжал борьбу за ярегский титан в высоких государственных инстанциях; как от него с его титановой идеей отбивались высокие ухтинские чины. Так что путь к титану Яреги для первооткрывателя был тернистым. В конце нашей встречи Василий Авксентьевич так подвел итог своей работы: «Я видел в этом цель моей жизни, и я этой цели достиг. На этом пути я преодолел, казалось бы, непреодолимые препятствия...»

Да, путь к титану был у него поистине титаническим. В 1956 году Институт геологии рудных месторождений АН СССР посылает на Ярегу геологоразведочный отряд. Возглавляет его В.А. Калюжный.

С этого времени начинается планомерное изучение месторождения. Титаносодержащим оказался сам нефтеносный пласт, границы его в северной и восточной части выходили далеко за пределы нефтяного месторождения. Толщина продуктивной залежи была от 4 до 25 метров. В одном кубическом метре ярегской руды содержится 11 процентов диоксида титана, это около 250 килограммов. Запасы месторождения гигантские. Они со-

ставляют 2,1 миллиарда тонн, а это 237 миллионов тонн диоксида титана. Здесь сосредоточено больше половины открытых запасов титана бывшего Советского Союза.

Но это еще не все. Кроме титана, в руде содержится целый ряд других минералов. Здесь есть глинозем, кремнезем, окись железа, торий, цирконий, оксиды ниобия, тантала, фосфата, хрома. Таким в начале двадцать первого века предстает перед нами бывшее Ярегское нефтяное месторождение. Уникальный случай в природе и уникальная находка геологов.

За открытие, разведку и промышленную оценку Ярегского титанового месторождения в 1977 году были удостоены Государственной премии СССР В.А.Калюжный, Е.И.Гуров, М.А.Генс, К.Г.Болтенко, Н.Д.Борисенко, Г.П.Левин, А.Р.Сушон, В.Н.Мишаков, И.Г.Фотиев, С.В.Огурцов, О.К. Комаров, Е.Я.Юдин.

С момента разведки и до наших дней проблема Ярегского титанового месторождения достаточно глубоко изучена. Ею в разное время занимались ведущие научно-иссле-

довательские центры страны, в том числе: институт «ПечорНИПИнефть», Коми филиал АН СССР, объединение «Коминнефть», Ярегское нефтешахтное управление. Проблема рассматривалась в Советах Министров СССР и РСФСР, Госплане СССР, Государственном комитете по науке и технике, союзных министерствах нефтяной промышленности, химической промышленности, цветной металлургии, внешнеэкономических связей и других научных, планирующих, хозяйственных органах.

За это время была создана и пущена в эксплуатацию опытно-промышленная установка по производству пигментной двуокиси титана. В 1963-1966 годах получено около девяти тысяч тонн титанового концентрата. Технологией его переработки занимались титаномагниевые заводы в Березниках и Усть-Каменогорске, а также опытно-промышленная установка в Яреге. Везде были получены отличные результаты.

В 1988 году институт «ПечорНИПИнефть» по заданию объединения «Коминнефть» в содружестве с рядом специализированных институтов разработал проект строительства Ярегского горно-обогачительного комплекса. Проект реализовать не удалось. В начале девяностых годов прошлого века для организации производства двуокиси титана было создано акционерное общество «Комтитан». Одним из инициаторов его создания был автор этих строк. АО «Комтитан» возглавил знаток проблемы, талантливый инженер Владимир Викторович Коржаков. Его настойчивость, многолетние попытки привлечь к этому производству внимание, найти средства для финансирования строительства в период реформ кончились неудачей.

Следует сказать и о том, что месторождение посещали, спускались в титаносодержащий пласт многие государственные деятели: секретари ЦК КПСС, заместители Председателя Совета Министров страны, министры и их многочисленные заместители. Многих мне как генеральному директору объединения «Коминнефть» пришлось сопровождать, давать пояснения, высказывать просьбы, слушать слова восхищения и обещаний. Но решить вопрос комплексного освоения Ярегского нефтетитанового месторождения никому не удалось.

Видимо, самой природой использование всех ярегских богатств отложено на будущие времена. Когда они наступят, сказать трудно. Но то, что наступят, несомненно. Может, новый хозяин месторождений — компания «ЛУКОЙЛ» — приблизит время их полного и комплексного использования. Ведь собрала же она все разграбленное и розданное иностранцам горе-реформаторами, выдававшими себя за слуг народа и Отечества, нефтяное богатство Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Есть над чем подумать и правительствам России и Республики Коми.

Богатство страны умножали первопроходцы

Таковы этапы истории. Ее вершили на некогда необжитых берегах речки Ярега первопроходцы и их последователи. В разное время и на разных этапах создания и развития уникальной производственной лаборатории, которой и ныне является Ярегский нефтешахтный комплекс, были десятки самоотверженных специалистов и рабочих, с кем довелось обустривать Ярегу, кто внес значительный вклад в организацию первого в стране (а по масштабам производства и уровню технологий первого в мировой практи-

ке) Ярегского нефтешахтного комплекса. Многие из них поименно названы в книге «Тимано-Уральский треугольник». К сожалению, всех назвать не представляется возможным. В этом процессе участвовали талантливые инженеры и техники. Их идеи и разработки внедряли в жизнь тысячи рабочих, большинство которых в период становления комплекса волею судеб были заключенными. Все они трудились рука об руку, отдавая свои силы, а иногда и жизнь, созданию уникального производства, которое востребуют грядущие поколения не только России, но и других стран. Ключ к извлечению тяжелой высоковязкой нефти, битумов и остаточных запасов нефти на отработанных с поверхности месторождениях найден и постоянно совершенствуется. Его адрес: *Россия, Коми, Ухта, Ярега, научно-производственная и опытно-экспериментальная лаборатория нефтешахтного управления «Яреганефть».*

Жизнь не стоит на месте. На Яреге появляются новые энтузиасты. Они генерируют новые идеи. Оказавшись в 2004 году в составе ОАО «ЛУКОЙЛ», ощутив материальную и моральную поддержку его руководителей, коллектив шахтеров-нефтяников, опираясь на семидесятилетний опыт разработки месторождения, ищет и находит новые пути совершенствования техники и технологии извлечения из недр тяжелой ярегской нефти. Сегодня на Яреге инженеры и организаторы компании завершают внедрение нового уникального проекта по совершенствованию разработки месторождения. Пробурены первые горизонтальные скважины с поверхности по нефтяному пласту большого диаметра и большой длины. Одни — для подачи в пласт теплоносителя, другие — для сбора и откачки нефти.

Эксперимент проходит успешно. Производительность горизонтальных скважин уже на начальной стадии их эксплуатации оценивается десятками тонн в сутки и по мере нагрева пласта увеличивается. Счет идет уже на сотни тонн, что тоже не предел. С поверхности ведется контроль за целым рядом параметров, характеризующих происходящие в пласте и в скважине процессы. Невозможное в 30-е годы становится реальным в начале 21 века.

Ярега стоит на пороге новых путей и методов извлечения уникального сырья. Используя опыт прошлого, ярегцы стремительно продвигаются в будущее.

5. Особый период

Трудовой подвиг ухтинцев в годы Великой Отечественной войны

Новый этап освоения природных богатств Европейского Севера был обозначен в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения», принятом 10 июня 1940 года. Однако война с Германией внесла изменения в намеченные планы. Вся работа Ухтижмстроя по их реализации была переориентирована на максимальное обеспечение нужд обороны страны. Ухтинские предприятия повсеместно переходят на военное положение, вся их деятельность подчинена выпуску продукции оборонного значения — нефти, газа, асфальтита, продуктов переработки нефти, производству технического углерода.

На митинге в связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз нефтяники Ухты 22 июня 1941 года заявили: *«Мы, рабочие, служащие, инженеры, техники и все трудящиеся Ухты, в ответ на неслыханное вероломство фашистских правителей Германии, напавших без объявления войны на нашу любимую Родину, заявляем нашей большевистской партии, Советскому правительству, что по первому зову все, как один, встанем на защиту нашего социалистического Отечества.»*

Заявляем, что мы умножим свою энергию, отдадим все силы тому, чтобы быстрее разрешить поставленную перед ухтинцами почетную задачу — дать Родине нефть...»

Ухта, 22 июня 1941 года.

Какими были эти новые задачи и как было организовано их выполнение на протяжении 1417 суток тяжелого военного времени?

Для организации работ в условиях военного положения в Ухту начальником Ухтижмстроя и Ухтижмлага (с 1943 года Ухткомбината) по решению Центрального Комитета партии направляют начальника Управления лагерей топливной промышленности Народного комиссариата внутренних дел СССР старшего майора госбезопасности (войсковое звание генерал-майор) Семена Николаевича Бурдакова. Ему предстояло в сжатые сроки организовать выполнение следующих задач:

- создать необходимые мощности для добычи газа и подачи его на начатые строительством заводы по производству технического углерода;
- обеспечить к концу 1941 года выпуск техуглерода на первом Крутянском саженом заводе;
- увеличить добычу нефти на первой нефтяной шахте, ускорить строительство двух новых нефтешахт, нарастить добычу нефти на Чибьюском нефтяном промысле;
- усилить поиск новых нефтяных и газовых месторождений вблизи действующих производств по добыче и переработке нефти и газа;
- расширить номенклатуру и увеличить объемы выпуска продукции на нефтеперерабатывающем заводе;
- организовать из местного сырья и материалов производство продукции, поставки которой в связи с военными действиями прекратились или значительно сократились;
- обеспечить окончание строительства и ввод в действие ряда особо важных объектов в условиях ограниченного финансирования и материально-технического обеспечения;
- повысить производительность труда на всех направлениях деятельности Ухтижмстроя за счет укрепления трудовой дисциплины, организации молодежных бригад, рационального использования рабочего времени.

Сделать это предстояло в условиях, когда в первые дни войны на фронт были отправлены многие специалисты-мужчины, руководители большинства предприятий. Их место заняли женщины, а нередко — парни и девушки в возрасте 15-17 лет. Начальник шахты И.А. Лучкин ушел на фронт со своими помощниками — руководителями энергомеханического хозяйства горными электромеханиками Александром Струниным и Алексеем Свиридовым. Вместе с ними отправились воевать многие опытные мастера и рабочие подземной добычи нефти. С Чибьюского нефтяного промысла на фронт ушли десятки инженеров, техников, операторов. Из шестидесяти выпускников Ухтинского горно-нефтяного техникума 1941 года на полях сражений оказалось больше половины. Не стало многих специалистов на нефтеперерабатывающем заводе, поредело многочисленные буровые бригады.

В нефтяных шахтах стали слышны детские голоса. На всех производствах женщины трудились наравне с мужчинами. Сменив ушедших на фронт отцов, мужей, братьев, любимых, они достойно несли вахту в шахтах, на нефтяном и газовом промыслах, на установках по переработке нефти, в цехах механического завода и на заготовках леса, на стройках и в лабораториях.

Одной из самых важных задач в этих условиях становится быстрее завершение строительства и пуска в эксплуатацию заводов по производству технического углерода.

Создание газоперерабатывающего производства на базе открытых месторождений газа в Ухтинском районе намечалось еще в середине тридцатых годов. Однако конкретная реализация этих планов началась только в 1940 году, когда в стране значительно возросло производство военной и гражданской техники, требующей большого количества лакокрасочной продукции, и особенно резинотехнических изделий. Для этого, в свою очередь, требовалось резко увеличить производство технического углерода.

Решением правительства создается Наркомат резинотехнической промышленности СССР. А обеспечить его предприятия одним из основных видов сырья — техуглеродом — должен был Наркомат внутренних дел, а стало быть, и Ухтижмстрой. Они принимают конкретные и действенные меры по ускорению строительства сажевых заводов. Ставится задача в районе Седьельского газового месторождения у деревни Крутая ввести в действие первый такой завод к 7 ноября 1941 года и одновременно сконцентрировать силы и средства на строительстве еще четырех заводов с тем, чтобы ввести их в строй к концу 1941 — началу 1942 года. Всего же первоначально предусматривалось построить здесь двенадцать аналогичных Майкопскому сажевых заводов.

По решению коллегии Наркомата внутренних дел, стройку было поручено возглавить И.В.Носакову. Для создания Крутянского газоперерабатывающего комплекса привлекаются все силы и средства Ухтижмстроя: широким фронтом ведется бурение эксплуатационных и разведочных скважин, идет монтаж оборудования газосборных и магистральных трубопроводов, подключение газовых скважин, строятся жилой поселок, кирпичный и ремонтно-механический заводы, электростанция, дороги, линии связи. Лучшие специалисты Ухты и Яреги переходят работать в район деревни Крутая. Среди них И.В.Носаков, Г.А. Яцковский, А.И. Бабаев, Е.Г. Газарьянц, Я.И. Гаврюшев, С.А. Голощекин, Г.А. Кузнецов, В.А. Левченко, И.М. Плаксин, А.В. Сосунов и многие другие. Здесь начинают свой путь в большую трудовую жизнь будущий Герой Социалистического Труда буровой мастер А.Ф.Андрющенко и лауреат Сталинской премии буровой мастер Г.С.Кочергин.

Всего за два года были построены пять заводов повышенной мощности, по более совершенной, чем на Майкопском заводе, технологии, что исключило необходимость строительства намеченных первоначально двенадцати таких предприятий. Для обеспечения их газом было пробурено и обустроено 58 эксплуатационных скважин, объединенных в Седьельский газовый промысел; в районах, прилегающих к газоперерабатывающим заводам, открыты новые Войвожское и Нибельское месторождения газа. Это позволило довести ресурсы газа до 26 миллиардов кубометров и тем самым создать надежную сырьевую базу для производства технического углерода.

За годы войны на Крутянских сажевых заводах было произведено 15,5 тысячи тонн высококачественного техуглерода, что полностью и в требуемые сроки обеспечивало потребности резинотехнической промышленности страны. В том, что в годы Великой Отечественной войны в СССР всего было построено 102800 танков и самоходных орудий, 112000 самолетов, сотни тысяч автомобилей и другой необходимой фронту техники, есть немалая заслуга тех, кто проектировал, строил и эксплуатировал Крутянские сажевые заводы, продолжающие выпускать уникальную продукцию и поныне.

Сверхбыстрое создание производства техуглерода затрудняло, но не снимало с ухтинцев задачу значительного увеличения добычи нефти. Острая необходимость в ней

усилилась в связи с решением Верховного Главнокомандующего уничтожить нефтяные промыслы Кубани и Грозного, и они были ликвидированы. На Коми АССР возлагалась задача частично компенсировать эти потери. Особая роль отводилась нефтяникам Ухты в обеспечении нефтью и нефтепродуктами Северо-Запада страны, Ленинграда и Северного военно-морского флота.

Несмотря на то, что эту задачу предстояло решать не на пустом месте (уже работали первая нефтяная шахта, Чибьюский нефтяной промысел, имелась развитая промышленная и социальная инфраструктура), наращивание в создавшихся условиях добычи нефти требовало героических усилий. И нефтяники Севера делали, казалось, невозможное.

На Ярегском нефтяном промысле, где нефть в основном добывалась на первой нефтяной шахте, примерно тысячу ушедших на фронт мужчин заменили женщины и молодые ребята. Начальником одного из подземных промыслов стала молодой инженер Э.Г. Шуплецова, место помощника начальника промысла заняла А.Ф. Ерошенко, мастерами добычи стали Кондрашова, Клестова, Неманова, Попова, Семенова. Женщины трудились машинистами шахтных электровозов, операторами шахтной добычи нефти. На проходке горных выработок и бурении скважин работали молодежные бригады И.Липина, Д.Антоника, Г.Коновалова, И. Куницы, С. Боженко, В. Свинцова, Г. Вертия, И. Буткевича.

Руководство Ухтижмтреста всячески стремилось поощрить и героизировать производительный труд. Были установлены звания «Мастер» и «Мастер первого класса» для занятых на горных работах в нефтешахтах и асфальтитовом руднике, на работах по бурению скважин, на добыче нефти, газа, минерализованной радийсодержащей воды, на переработке нефти, газа, асфальтитовой руды, заготовке и переработке леса. Заслужившим эти звания устанавливались льготы и вознаграждения. Мастеру первого класса ежемесячно доплачивалось 200 рублей, он получал лучшую жилплощадь, внеочередное снабжение дефицитными промтоварами и продуктами, имел бесплатный проезд на всех видах пассажирского транспорта.

Крутянский газосажевый завод. 1944 год.

Принятые меры позволили в короткие сроки решить такие важные проблемы, как разработка и организация массового производства ниппелей горелочных устройств для выработки технического углерода, изготовление деревянных обсадных труб для нефтяных скважин вместо отсутствующих стальных, производство масел для железнодорожного транспорта с температурой застывания минус 55 градусов. Были также разработаны методы прогнозирования тектонических трещин на Ярегском месторождении и бурения к ним специальных направленных скважин, что увеличивало приток нефти, извлечение из старых скважин обсадных труб. На Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе из тяжелой нефти Яреги создали единственное в стране лако-битумное производство. Местные умельцы наладили выпуск такой важной для добычи нефти и газа продукции, как цемент, гипс, жидкое стекло, карбид кальция, хлористый кальций.

На открытой к тому времени нефтяной залежи в районе Нижней Чути были досрочно начаты буровые работы, чтобы быстрее пробурить до восьмидесяти скважин и начать добычу нефти.

В годы войны проектная мощность первой нефтяной шахты в СССР была перекрыта на 12,5 процента, произведено около 1000 тонн асфальтита, 6958 тонн лакового битума, на 225 процентов возросла переработка нефти. Горнопроходческие работы увеличились более чем в три раза, а подземное бурение скважин — в тридцать раз.

Особую роль в годы войны сыграл коллектив нефтеперерабатывающего завода. На фронт ушла большая часть мужчин, их место, как и везде, заняли женщины. Обязанности директора завода возложили на молодого инженера-технолога Анну Яковлевну Молий. Перед коллективом завода была поставлена задача организовать производство нужных фронту новых видов продукции. Для этого потребовались большие научно-исследовательские работы по исследованию технологических процессов производства новых видов продукции из местного сырья. Их вели технологи завода под руководством талантливого изобретателя и экспериментатора Михаила Ивановича Быкова.

В 1942 году на заводе начали выпуск машинного, моторного и веретенного масел, солидола, нигрола, так необходимых фронту. В короткие сроки было освоено производство дефицитной клебмассы, поставляемой для сращивания высоковольтных кабелей Московского метрополитена и Ярегских нефтешахт. Постоянно наращивались поставки горючего, смазочных материалов фронту, предприятиям оборонной промышленности, Северному военно-морскому флоту, железнодорожникам Северо-Запада. Выполнялись их специальные заказы. За годы войны номенклатура выпускаемой ухтинскими нефтепереработчиками продукции увеличилась более чем в два раза — с семи видов до пятнадцати, значительная часть ее выпускалась только на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе.

Ухтинский механический завод освоил выпуск жизненно необходимых узлов и деталей для ремонта транспортной, буровой и нефтепромысловой техники, получать которые извне было невозможно. Здесь было начато производство высокопроизводительных буровых долот типа СВД, разработанных инженером В. Сергеевым, производство нефтяной и газовой аппаратуры, оборудования для бурения подземных нефтяных скважин. К этому следует добавить, что, помимо всего этого, Ухтинский комбинат поставлял в военные годы особую продукцию, без которой были бы невозможны научно-исследовательские и

экспериментальные работы, выполняемые выдающимися советскими учеными в области разработки и реализации атомного проекта СССР.

Рассматривая деятельность нефтегазового комплекса Ухты в годы Великой Отечественной войны, нельзя не обратить внимание на два события, свидетельствующие о высоком морально-патриотическом и нравственном духе ухтинских нефтяников. Чтобы поддержать жителей и воинов блокадного Ленинграда, они доставили в город на Неве пять эшелонов сверхплановых нефтепродуктов. Это событие оставило добрый след и у ленинградцев, и у ухтинцев. Остались в памяти и детали этой акции.

9 ноября 1943 года делегация нефтяников Коми АССР в составе секретаря обкома ВКП (б) А.М. Елькиной, начальника Ярегского нефтепромысла В.А.Черюканова, начальника участка первой нефтешахты Е.Я. Юдина, начальника подземного электрохозяйства шахты В.С.Солдатова, секретаря партийной организации Чибыюского нефтепромысла И.М.Лукияновича и заместителя начальника Ухткомбината Н.В.Дорофеева дос-

Ноябрь 1943 года.
Делегация нефтяников
Ухты в осажденном
Ленинграде.

тавила в город на Неве два эшелона нефти и нефтепродуктов, добытых сверх плана в честь двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции. В мае 1944 года вторая делегация в составе начальника второго нефтедобывающего района М.Т.Ваулина, директора НПЗ А.Я.Молий, начальника цеха нефтешахты С.М.Бондаренко и редактора газеты «За ухтинскую нефть» Я.И.Гаврюшова доставила ленинградцам еще три состава нефти и нефтепродуктов.

Вклад ухтинцев в дело разгрома немецких оккупантов получил высокую оценку. В сентябре 1943 года группа работников Ухткомбината была удостоена орденов и медалей СССР. В мае 1944 года коллективу Ухткомбината присуждается вторая премия Государственного Комитета Обороны, а в августе того же года коллективу вручается переходящее Красное знамя ГКО. За успешное выполнение заданий по добыче нефти, газа, технического углерода, специальной продукции 13 декабря 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 210 работников Ухткомбината. Среди награжденных — С.М. Бондаренко, В.С. Барыкин, А.С. Балванов, П.Р. Батай-

кин, П.Г.Воронин, В.Г.Васильев, И.К.Дроздов, С.Ф.Ефстафев, П.З.Звягин, С.Ф. Здоров, Н.И.Инкин, Ю.А.Каменев, И.А.Липин, И.А.Махоткин, В.К.Носов, Н.И.Потетюрин, Е.С.Смирнов, И.С.Сафралиев, В.М.Свинцов, В.В.Ульянов, В.К.Федченко, П.С.Хорохорин, Б.Ф.Харитоненко, В.Н.Стародубцев, В.Р.Черняков, Э.Г.Шуплецова.

И еще один штрих, свидетельствующий о большом вкладе ухтинцев в победу над врагом. В марте 1944 года Государственный Комитет Обороны получил от ухтинских нефтяников телеграмму: *«На далеком Севере, в Коми АССР, в годы войны Ухтинским комбинатом построена первая в Советском Союзе опытная нефтяная шахта. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих в момент сдачи ее в промышленную эксплуатацию вносит в фонд вооружения Красной Армии 350 тысяч рублей. Просим на собранные нами средства построить танки «Нефтяник Коми АССР». На приведение в действие этих танков просим принять добытые нашей шахтой в первом квартале 1944 года три эшелона сверхплановой нефти».*

В ответе нефтяникам Верховного Главнокомандующего говорилось: *«Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим нефтяной шахты, собравшим 350 тысяч рублей на строительство танков «Нефтяник Коми АССР» и сдавшим в фонд Красной Армии три эшелона нефти, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И.СТАЛИН».*

В годы войны, несмотря на понятные и очевидные трудности, шло большое строительство жилья и социокультурных объектов. Строились десятки рабочих поселков. Жилые дома возводились в деревянном и кирпичном исполнении с центральным отоплением, и они были газифицированы. Зима с ее тогдашними 45-50-градусными морозами никого не страшила. В Коми АССР, и особенно в Ухтинский район, в период немецкого нашествия переехало много жителей с оккупированных территорий. Количество населения росло, дел хватало всем. Поселок Ухта в 1943 году получил статус города, который стараниями руководителей Ухткомбината и его жителей стал одним из самых благоустроенных и красивых городов на Севере. Об этом свидетельствовали уже его первые дома, театры, школы, детские сады, стадионы, всегда многолюдные и оживленные улицы.

Хочу подчеркнуть особо: в том, что было сделано на богатой ухтинской земле в военное лихолетье, громадная заслуга генерала Семена Николаевича Бурдакова, удостоенного особой оценки жителей города, назвавших его в 2000 году «Ухтинцем века».

Таковы некоторые факты из жизни и деятельности трудящихся Ухткомбината в годы Великой Отечественной войны, таков их вклад в победу над фашистским нашествием.

Стадион «Динамо». Главный вход. Архитектор Левин.

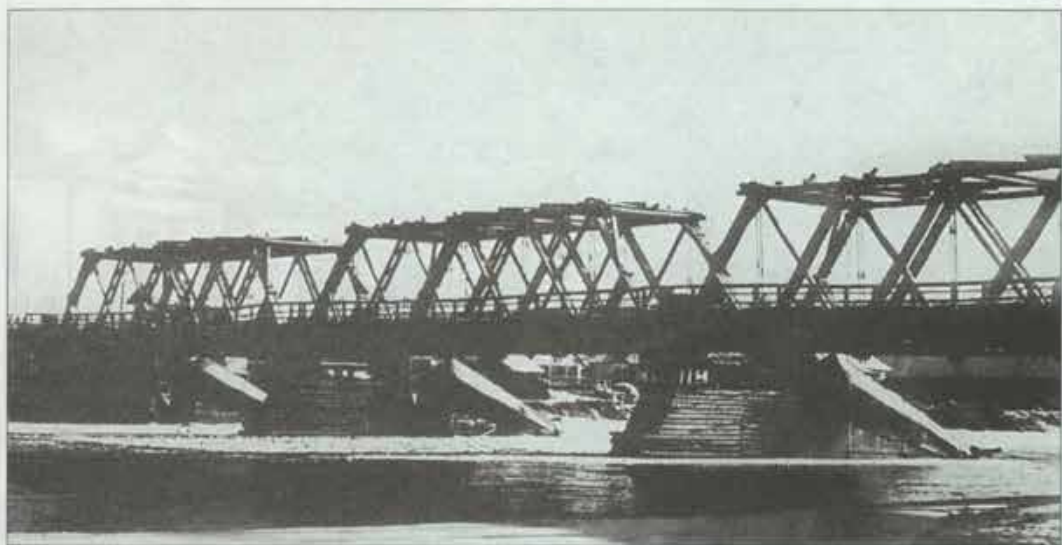
Торговый комплекс - шедевр ухтинской деревянной архитектуры.

Дом Советов. 1936-1937 годы. Архитекторы Орлов, Левин, Левитан.

*1938 год. Памятник А.С. Пушкину. Скульптор - Н.Бруни.
На заднем плане - театр имени И. Косолопкина. Архитектор Орлов.*

Деревянный мост через реку Ухта, 1940 год.

Ухта. Перекресток улиц Октябрьская и Пушкина.

*Техникум железнодорожного транспорта.
1949 год. Архитектор Рыбин.*

Центральный Дом культуры. 1951 год. Архитекторы Жижимонтов, Мурзин.

Ухта.
Лесотехникум,
построенный в 1950 году.
Архитекторы
Жижимонтов, Мурзин.

Ухта.
Интерьер
железнодорожного вокзала.
1958 год

6. Они были первыми

Трудности военного времени не остановили развитие Ухто-Печорского края. Темпами, превосходящими довоенные, росло промышленное производство, расширялись масштабы геологоразведочных работ. Тенденции эти сохранились и в послевоенные годы. Добыча нефти в 1950 году, против 1945 года, выросла в 3,2 раза, газа — в 2,5 раза, размах буровых работ вырос в 7,7 раза. Значительного роста достигла переработка нефти и газа. Разрабатывались и внедрялись новая техника и технологии. Открыты Нибельское, Войвожское, Нямедское, Кужкоджское, Верхне-Омринское и подготовлены к открытию Нижне-Омринское, Северо-Седьельское нефтяные и газовые месторождения.

На протяжении всего периода освоения северных месторождений полезных ископаемых этой работой руководили органы внутренних дел страны. С 1929 по 1950 годы на берега Ухты были направлены представители Наркомата внутренних дел СССР С.Ф.Сидоров, Я.М.Мороз, В.Е.Цесарский, А.Д.Баламутов, С.Н.Бурдаков, И.А.Карасев. Это были крупные и способные организаторы производства, на практике осуществляющие стратегический замысел руководства страны по планомерному освоению новых регионов, первым из которых оказался Европейский Север и Северо-Восток. Они обеспечивали успешное приобщение к хозяйственной деятельности его богатств, строили города и рабочие поселки, принимали важные и ответственные решения. За двадцать лет был совершен гигантский скачок в преобразовании необжитого таяжного края. Это был особый период в жизни региона, как и всей страны, со всеми противоречиями и сложностями того времени, успехами, радостями и трагедиями. Такими же были жизнь и деятельность руководителей этого гигантского преобразования, заложивших фундамент будущего развития Европейского Севера.

И лишь в 1950 году во главе Ухткомбината впервые встал специалист, выросший на Севере от рядового инженера и начальника участка нефтешахты №1 до крупного руководителя. Им был Е.Я.Юдин.

А как же справлялись с чисто хозяйственными задачами офицеры НКВД, казалось бы, не приспособленные для этого? Вот некоторые штрихи из биографий первых руководителей созданной в 1929 году Ухтинской комплексной экспедиции, превратившейся за короткое время в многопрофильный крупнейший промышленный комбинат страны.

Сергей Федорович Сидоров — питерский рабочий. До революции 1917 года работал в переплетной мастерской, затем овладел специальностью токаря по металлу. Вступил в ряды ВКП (б). Активный участник гражданской войны, после окончания которой переходит на службу в органы ВЧК. При выполнении возложенных на него обязанностей и отдельных поручений проявляет особые организаторские способности. Общается с видными деятелями партии и государства — Ф.Э.Дзержинским, С.М.Кировым, М.С.Кедровым. С ликвидацией ВЧК и образованием в 1922 году в состав Народного комиссариата внутренних дел Государственного политического управления (ГПУ) С.В.Сидоров занимает пост руководителя отдела снабжения. В 1929 году руководством Объединенного государственного политического управления ему поручается организация

комплексной экспедиции в район реки Ухта. Выше я уже писал о том, как ему удалось справиться с поставленной задачей. В 1930 году С.Ф.Сидоров отзывается в Москву, где ему поручают организацию экспедиции в район Сибири.

На посту начальника комплексной экспедиции Сидорова сменил Яков Мойсеевич Мороз-Иоссем, который руководил экспедицией, трестом «Ухтпечстрой» (Ухтпечлаг), комбинатом «Ухтижмстрой» (Ухтижмлаг) до 22 августа 1938 года. Я.Мороза без преувеличения можно назвать одним из создателей радиевого Водного промысла в поселке Водный на реке Ухта, лично отвечавшего за организацию работы там в тридцатые годы, за производство концентрата, а потом и чистого радия. Ответственность Якова Мороза была огромной, так как создание радиевого промысла по решению Политбюро ЦК ВКП (б) контролировал сначала лично Г.Г.Ягода, будучи первым заместителем председателя ОГПУ, а с 1938 года — народный комиссар внутренних дел СССР Л.П.Берия. Убежденный в правоте всех дел УГПУ и важности поручаемых ему заданий, Яков Мороз был качественным продуктом своего времени. Он успешно выполнял поставленные перед ним задачи. Был прост в общении с людьми, не вызывал у собеседника отрицательных эмоций, располагал к открытому и равному разговору. Находил общий язык с учеными. Занимаясь многообразными проблемами, пытался (и это ему удавалось) пополнять свои знания, прибегая к помощи окружавших его специалистов, в том числе и заключенных. Вечерами часто беседовал с ними, стараясь понять суть происходящего в геологии и добыче нефти, в радиевом производстве и строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве. Такое стремление к познанию располагало к нему людей.

Руководитель Ухтижмстроя Яков Мороз был одновременно председателем научно-технического совета. К заседаниям совета готовился тщательно, проводил их демократично, не только внимательно слушал докладчиков и выступавших, но и требовал от них критических суждений по рассматриваемым вопросам, принимал возражения, активно участвовал в обсуждении. Отсутствие специального образования компенсировал самообразованием и во многом в этом преуспел. Частые поездки в Москву с докладами руководству о ходе работ по различным направлениям деятельности требовали от Якова Мороза особой подготовки. Только в Кремле главе государства И.В.Сталину ему приходилось докладывать пять раз. Из дошедших до нас докладов и других документов видно, что они отличались последовательностью, четким и ясным изложением проблем, убедительной аргументацией. Авторитет Якова Мороза как руководителя был одинаково высок как в Коми области и в Северном крае, так и в Москве.

Вместе с тем, еще раз подчеркну, Яков Мороз был качественным продуктом своего времени. Проверая ход тех или иных работ, был непримирим, а во многих случаях жесток к тем, кто не выполнял поставленную задачу, наносил ущерб производству, и в то же время поощрял тех, кто хорошо трудился. Если это были заключенные, то возбуждал ходатайства по их досрочному освобождению или по сокращению срока. Его заслуга и в том, что на Водном промысле не было конвоя: вольнонаемные и заключенные отдыхали и работали вместе.

Обстановка в стране в те годы была непростой и неоднозначной. С этим считались все, считался и Я.Мороз. Отвечая за громадные по масштабу и объему работы, за их конечный результат, он не мог не прибегать к мерам, имевшим тяжкие последствия для

многих людей, отбывавших заключение, а иногда и для целых коллективов. Но это отдельная тема.

Бесспорно одно: Я.Мороз все свои силы и талант организатора отдавал разведке и открытию на Севере нефтяных и газовых месторождений, созданию на их базе нефтяных и газовых промыслов, уникального радиевого Водного промысла, строительству дорог, освоению угольных месторождений Воркуты, созданию Печорского речного флота, строительству многих населенных пунктов, ставших впоследствии крупными северными городами. География его деятельности обширна и охватывает Архангельск и Ухту, Усть-Сысольск и Норильск, Котлас и Воркуту, Соловки и Москву.

Любопытна история, связанная с именем Я.Мороза. По появившимся в ряде публикаций данным, сын Якова Мороза Григорий был первым мужем дочери И.В. Сталина — Светланы, которая в 1945 году в возрасте 19 лет вышла за него замуж. Их знакомство произошло на квартире брата Светланы Якова, в доме на Набережной. От этого брака у них в 1945 году родился сын, назвали его в честь деда Иосифом. В 1947 году супруги разошлись. Григорий Морозов позже стал известным юристом. Скончался он в 2002 году. Фамилия Морозов была взята Григорием после ареста и расстрела отца — Я.М. Мороза. Вот уж действительно — неисповедимы пути господни!

О том, что было сделано Ухтопечорским трестом на Европейском Севере за первые пять лет его работы, видно из выступления Якова Мороза на третьем съезде Советов Северного края в Архангельске в январе 1935 года.

В постановлении бюро Северного краевого комитета ВКП (б) по докладу Я.Мороза, состоявшегося 9 июня 1932 года в столице края Архангельске, говорилось:

«1.Отметить большую проделанную работу со стороны руководства Ухтопечорского треста, в частности, товарища Мороза, по разрешению хозяйственных задач, поставленных в Печорском районе.

2.По нефтяной проблеме:

а) одобрить решение треста в отношении выдвинутого им встречного плана бурения на нефть в пределах дополнительно закладываемых 10 скважин;

б) поддержать перед Наркомтяжпромом ходатайство треста о дополнительном финансировании и отпуске необходимого оборудования и металла для выполнения этого встречного плана;

в) довести до сведения Наркомтяжпрома товарища Орджоникидзе, что «Восток-нефть» не выполнила обязательств по снабжению Ухтпечортреста оборудованием, металлом и материалами в отношении с принятой и согласованной с Наркомтяжпромом программой;

г) одобрить инициативу треста в отношении перевода населения Ухто-Ижмо-Печорского района с конца текущего года на снабжение керосином из ухтинской нефти. Поручить президиуму КИК (Краевой исполнительный комитет) рассмотреть вопрос о порядке и размерах снабжения...

б.Предложить Коми обкому дать директиву райкомам (Усть-Цильма, Ижма, Уса), указав значение промразведки в этих районах, отметив ударность ее и необходимость оказывать всемерное содействие в работе Ухтпечтреста...

12. Поручить товарищу Морозу приступить к разработке освоения (заселение, дороги, развитие сельского хозяйства и так далее) Печорского края в местах промышленных разработок и предпринять создание КИКом социальной комиссии и посылки ее на место в текущем году для проработки этого плана...»

Постановление Архангельского крайкома не носило того амбициозного и безапелляционного характера, не претендовало на безошибочность, которые стали в Коми нормой для руководства областного и даже территориальных комитетов партии после выделения области в самостоятельную административную единицу — Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику. И вплоть до распада Советского Союза стиль партийного руководства республики практически не менялся в лучшую сторону.

Через полгода, в начале декабря 1932 года, III пленум Северного крайкома ВКП (б) в своем постановлении о развитии промышленности в Печорском крае отмечал:

«1. Пленум крайкома с удовлетворением отмечает решение ЦК ВКП (б), направленное на быстрейшее развитие богатейших природных богатств Печорского края, имеющих всесоюзное значение как в части угля и нефти, создания северной топливной базы, обеспечивающей нужды в топливе флота северных морей, Северного края, Кольского полуострова и Ленинграда, так и в части развития сопутствующих ухтинской нефти производств йода, брома и других редких элементов, имеющих не только всесоюзное, но и мировое значение (имеется в виду закрытое для обсуждения и печати производство радия).

2. Пленум крайкома предлагает бюро крайкома в месячный срок рассмотреть оперативный план Ухтопечорского треста и наметить мероприятия, обеспечивающие выполнение намеченного плана.

3. Пленум обязывает бюро в 1933 году в первую очередь обеспечить мероприятия по созданию продовольственной и фуражной базы этого промышленного комбината с использованием рыбных и сельскохозяйственных богатств Печорского края (животноводство, оленеводство, пригородное хозяйство, парники, консервные предприятия и другое).

4. Пленум поручает бюро крайкома выяснить целесообразность передачи в настоящее время на Печоре комбинату для создания продбазы совхоза и рыболовных факторий.

6. Пленум поручает бюро крайкома разработать мероприятия по бесперебойному и своевременному завозу на Печору в навигацию 1933 года всех грузов комбината.

7. Решение ЦК по Печорской проблеме имеет особое значение для национальных объединений Коми области и Ненецкого округа. Пленум обязывает Коми ОК и Ненецкий ОК партии включиться и принять активное участие в работах по развитию промышленности на Печоре.

8. Пленум поручает бюро крайкома особо разработать вопрос о колонизации Печорского края, о кадрах для комбината».

Характер решений краевых партийных органов спокойный и выдержанный. Он нацеливает партийный аппарат края на оказание тресту помощи в вопросах транспорта и доставки грузов, на создание продовольственной базы, привлечение имеющихся местных ресурсов и сил для выполнения задач, стоящих перед Ухтопечорским трестом. В них нет мелочной опеки, отсутствуют унижительное понукание и указания, что и как нужно делать. Партийным комитетам районов и Коми области рекомендовано наметить конкрет-

ные меры и оказывать тресту посильную помощь в выполнении им особо важных задач. Другими словами, не ставить собственные амбиции выше этих задач.

Такие рекомендации вызывали недовольство административных и партийных руководителей Коми автономной области. Они считали, что их задача только давать указания и поручения руководству треста. Аппараты райкомов и обкома ВКП (б) воспринимали крайние решения как неуважение и нарушение суверенитета целого народа. В не меньшей степени, чем их руководители, чинили таким указаниям и решениям бойкот и рядовые работники, проводя конфликтные ситуации. Работу Ухтопечорского треста они хотели оценивать по-другому: что хорошо — это заслуга местной власти, что плохо — недоработка руководства треста. Осложняло отношения то, что до недавнего времени в дела местных органов никто не вмешивался. Центральной власти было не до того, да и она далеко. А тут появился Северный край со своим крайкомом партии, дающий поручения.

Я.Мороз хорошо знал возможности и способности местных партийных органов. Понимал он и другое: не от них зависит бурное развитие области, ведь до сих пор в регионе, кроме леса, других ресурсов не было. Эти ресурсы могли появиться только после выполнения возложенной на Ухтопечорский трест задачи. Ее реализацию обеспечивает вся страна, а от него ждут радий, уголь, нефть, газ, цветные металлы.

Налаживанию нормальных взаимоотношений и делового общения мешала постоянная и внезапная смена и областного, и районного партийного руководства. Она происходила с такой частотой, как ни в каком другом районе страны.

Особенно недружественные тенденции проявлялись в Ижемском районном комитете, на территории которого находился главный штаб Ухтопечтреста. Противостояние нарастало с каждым годом. Чем больше были успехи треста, тем больше становилось недругов у Я.Мороза.

Да и в системе треста к тому времени царил неоднозначная обстановка. Не все были довольны его руководителем. Причин для этого было предостаточно: кто-то не продвигался по службе, кому-то задерживалось повышение в звании, не всем удовлетворялись ходатайства о сокращении срока заключения, не всегда решались всевозможные жилищно-бытовые проблемы. Да и как мог в то время и в тех условиях Яков Мороз всех устраивать, всем только нравиться. Устраивая всех, он не был бы тем Я.Морозом, которому была под силу столь громадная ноша. Ведь объемы работ резко увеличивались. Росло число прибывающих в Коми область работников как вольнонаемных, так и осужденных. Уже в 1935 году в системе Ухтопечорского треста работало свыше пятидесяти тысяч человек.

Многие из них прибыли из районов, где Я.Мороз двенадцать лет служил чекистом и вел борьбу с враждебными Советской власти элементами. Среди них были и настоящие контрреволюционеры и контрабандисты — грузинские эсеры, басмачи Киргизии, белогвардейцы Поволжья. Многие специалисты — нефтяники, геологи, буровики, механики — прибывали по призыву партии. Среди тех и других были старые знакомые Я.Мороза. Оказавшись на Севере в его подчинении, в его системе, у них появился шанс поквитаться за прошлое, навредить тому делу, за которое он отвечал.

Недовольные деятельностью Мороза со временем начали искать пути к объединению с местными органами власти. Сначала это были пробные шаги в виде сигналов о

различных промахах и ошибках в работе Ухтопечорского треста в областные органы власти. Там реакция поначалу была замедленной, выжидающей. Но потом последовали аналогичные сигналы в Центральный Комитет партии и Наркомат внутренних дел СССР. В Северный крайком и исполком писали меньше. Авторы хорошо знали, что там на такие сигналы реакция будет не в их пользу. В краевом комитете партии, в Архангельске, деятельности Я.Мороза давали высокую оценку, понимали сложность и важность задач, которые начали успешно решать Ухтижмтрест и его руководитель.

В 1936 году жена Я.Мороза Фаина Петровна вместе с сыновьями Эмилем и Юрием уехала в Москву. Причиной послужили состояние здоровья жены и необходимость подготовить детей к поступлению в профессиональные учебные заведения. После этого участились и поездки Якова Мороза в Москву, что также было использовано против него. Причем с политической окраской — мол, ездил для встречи со своим шефом, теперь уже бывшим главой НКВД Г.Г.Ягодой.

В сентябре 1938 года старший майор госбезопасности Я.Мороз был освобожден от занимаемой должности начальника управления Ухтпечлага (комбината «Ухтпечстроя») НКВД СССР. За снятием последовало обвинение и предание суду. 19 января 1941 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. По весьма странной и непонятной причине приговор был срочно приведен в исполнение, в этом ведомстве не любили лишних свидетелей. Так оборвалась жизнь человека, внесшего большой вклад в начало широкомасштабного освоения природных богатств Европейского Севера страны, и не только Европейского. Не стало того, кто на протяжении восьми лет осуществлял стратегию руководства страны по освоению богатств Севера.

В трагической истории Я.М.Мороза немалую роль сыграл его помощник и советник по нефтегазовой геологии старший геолог Н.Н.Тихонович. Успехи Ухтинской комплексной экспедиции, а затем Ухтижмлага в области поисковых работ на нефть и газ были очевидными и неоспоримыми. Над их достижением работали десятки лучших, талантливых специалистов страны, многих из которых Наркомат внутренних дел принудительно привлекал по просьбе и указке Тихоновича для работы в Ухтопечорском районе. Их достижения в геологическом изучении района в полной мере приписывались старшему геологу, поддерживаемому во всем Я.Морозом. Не использовать столь благоприятную ситуацию Н.Тихонович, как и любой другой человек, окажись на его месте, не мог. Он хлопочет о сокращении ему срока заключения. Ходатайства, а их было несколько, идут через начальника Ухтижмлага в Наркомат внутренних дел. Однако добиться положительного решения не удается. Замена Н.Н.Тихоновичу смертной казни на десять лет лагерей уже рассматривалась как особая мера реабилитации, и дальнейшее снижение меры наказания считалось необоснованным и неправомерным.

Тихонович же рассматривал отказ как нежелание Я.Мороза решить его вопрос. На этой почве в 1937 году их дружеские отношения резко меняются в худшую сторону. Доходило до того, что он общался с начальником Ухтпечлага посредством переписки. А затем и вовсе занял позицию противников начальника Ухтижмлага. При проверке многочисленных жалоб на деятельность Я.Мороза, поступающих в Москву и обком партии в 1937-38 годы, Тихонович дает показания не в его пользу. Тучи над Морозом сгустились

с приходом к руководству НКВД Н.И.Ежова. Тихонович использует это и по другой немаловажной для него причине. Применяемый им на протяжении семи лет метод привлечения на Север специалистов-геологов был известен Морозу. Они его осуществляли вместе с подачи старшего геолога. В складывающейся в стране и конкретно в Ухтижмлаге обстановке это становилось опасным. Тихонович делает все для ликвидации этой опасности. Арест Мороза был воспринят им как победа, как надежда на то, что никто не узнает о его личных ходатайствах, вследствие которых многие видные геологи страны оказались не по своей воле на Севере, где они не переставали трудиться на благо России.

В ноябре 1958 года дело Я.Мороза было прекращено за отсутствием состава преступления. Военной коллегией Верховного суда СССР он был посмертно реабилитирован. Начатое им освоение Севера в 1939 году продолжили другие руководители Ухтинского комбината — позднее объединения «Коминнефть», отдавая должное заслугам первого руководителя. Так что Я.М.Мороз заслуживает доброй памяти и у нынешнего поколения ухтинцев. О нем должны знать те, кто живет и трудится в городах и поселках, созданных при его непосредственном и самом активном участии, кто работает на производствах, основу которых он заложил. Ему же Коми обязана и открытием первых воздушных линий в небе над Ухтой, Ижмой, Усть-Усой, Воркутой. Яков Мороз заслужил, чтобы на домах, где он жил или работал, были установлены мемориальные доски, а одна из улиц или площадей Ухты носила его имя. Подобно тому, как они носят имена его помощника по буровым работам Косолапкина или старшего геолога Тихоновича. Именно тогда восторжествует историческая и человеческая справедливость.

На смену Якову Морозу был прислан Владимир Ефимович Цесарский. С 1936 года работал в центральном аппарате Народного комиссариата внутренних дел, где возглавлял восьмой отдел главного управления безопасности. В его подчинении находилась и учетно-статистическая служба Наркомата. С 1937 года В.Е.Цесарский руководил секретно-политическим отделом, ведающим вопросами борьбы с антисоветскими элементами. Надо полагать, что его направление в Ухту, где он стал начальником Ухтижмстроя — Ухтижмлага с 27 октября 1938 года и оставался до середины 1939, было связано с тем, что здесь якобы имели место антисоветские действия, в причастности к которым обвиняли по клеветническим доносам Я.Мороза.

Старший майор государственной безопасности В.Е.Цесарский активно продолжал все то, что было начато и осуществлялось Морозом. Вместе с тем он строго выполнял требования нового наркома Н.И.Ежова об ужесточении лагерного режима и по поиску антисоветских элементов. Проработал Цесарский начальником Ухтижмлага менее года. Его ждала та же судьба, что и Я.Мороза. В 1939 году он был арестован и приговорен к смертной казни.

Должность начальника Ухтижмстроя — Ухтижмлага НКВД СССР словно была забронирована за майорами государственной безопасности. С 1939 по 1941 год его начальником был также майор государственной безопасности Александр Дмитриевич Баламутов. До 1939 года А.Д.Баламутов руководил специальным отделом НКВД СССР. Период его деятельности на Севере ознаменовался началом создания газоперерабатывающей промышленности, активным строительством нефтяных шахт, началом создания

Верхнеиземского газопромышленного комплекса, созданием ряда промышленных производств и строительных баз в рабочем поселке Ухта. В его бытность начато активное строительство жилья, в том числе в кирпичном исполнении, культурно-образовательных учреждений. По образованию он был инженер-электрик.

В мае 1941 года А. Баламутов был освобожден от должности, а в феврале 1942-го арестован и осужден за «вредительскую» деятельность (в бытность его начальником Ухтижмлага была большая смертность среди заключенных) на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в трудовой колонии Свердловской области. После освобождения в 1946 году работал на руководящих инженерных должностях в Министерстве нефтяной промышленности СССР и Госкомитете Совмина РСФСР по координации научно-исследовательских работ.

Семен Николаевич Бурдаков, старший майор государственной безопасности, приступил к исполнению обязанностей начальника Ухтижмстроя — Ухтижмлага в мае 1941 года, сменив на этом посту А. Д. Баламутова. До этого он занимал высокий пост в центральном аппарате Наркомата внутренних дел СССР, имел непосредственное отношение к деятельности Ухтижмлага, принимал участие в разработке планов развития этого района, участвовал в подготовке правительственных и партийных постановлений по Ухтинскому району. Будучи начальником Управления лагерей топливной промышленности, досконально знал Ухто-Печорский район и многое делал для его развития. С его именем связано промышленное освоение Чибьюского и Ярегского нефтяных месторождений, строительство нефтяных шахт и создание газоперерабатывающей промышленности, реконструкция и расширение нефтеперерабатывающего завода, создание в Ухте проектных и научных организаций, выпуск специальных видов продукции. При нем проводились большие научные исследования в области добычи нефти и радия, нефте- и газопереработке. В то время особое развитие получает строительство жилья и объектов социально-культурного назначения. На карте Коми появляются город Ухта, рабочие поселки Войвож, Крутая, Ижма, Ярега. За заслуги перед государством С. М. Бурдаков награжден многими орденами и медалями Советского Союза. Отличительными чертами характера комиссара безопасности Бурдакова были справедливость, честность и порядочность, о чем свидетельствуют многие сослуживцы и документы за его подписью.

Игнатий Андреевич Карасев сменил С. Н. Бурдакова в 1947 году и был достойным продолжателем его дел. До назначения на эту должность И. Карасев длительное время работал в Ухткомбинате начальником политотдела. Проработал он в должности начальника комбината три года. В 1950 году его отзывают в центральный аппарат Наркомата внутренних дел, где он возглавил вновь созданное Главное управление слюдяной промышленности — «Главслюда». Начальником Ухткомбината впервые становится не профессионал из НКВД-МВД, а инженер Е. Я. Юдин.

Евгений Яковлевич Юдин работал в должности начальника Ухткомбината в так называемый переходный период с 1950 по 1958 годы. В первые три года его работы в этой должности Ухткомбинат относился к Наркомату внутренних дел СССР. Е. Юдин прибыл в поселок Чибью в 1940 году после окончания Московского горного института. Начал свою трудовую деятельность начальником участка добычи нефти на первой нефтяной шахте. С 1947 года он — начальник шахты, а в 1950 году назначен начальником

Ухткомбината. Под его руководством были достигнуты значительные успехи в развитии и совершенствовании технологии добычи нефти шахтным способом, в создании техники для бурения подземных скважин. В 1958 году он переходит работать заместителем председателя Коми Совнархоза, где руководит нефтегазовой, нефтегазоперерабатывающей отраслями промышленности и всем комплексом геологоразведочных работ на нефть и газ в Тимано-Печорском крае.

Переход последовал после рассмотрения на совещании в Ухте причин застоя в развитии нефтегазовой отрасли Ухтинского комбината, вошедшего в состав Коми Совнархоза. Необходимость координации и контроля за его деятельностью стала более чем очевидной. Итоги работы по добыче нефти оказались ниже уровня 1950 года, добыча газа застыла на уровне одного миллиарда кубических метров в год, а объемы эксплуатационного и разведочного бурения с 87 тысяч метров в 1950 году снизились до 65 тысяч метров в 1954-м. Лишь к 1958 году они приблизились к уровню 50-го года — 85 тысячам метров в год. За этот период в республике не было открыто ни одного нефтегазового месторождения. По определению известного ухтинского геолога Б.Я.Вассермана, *«...это был период неудач, которые у геологов бывают нередко»*. Создавшееся в бытность начальником Ухткомбината Е.Я.Юдина угрожающее для нефтяной отрасли положение было поручено поправить ему же — теперь как заместителю председателя Коми Совнархоза. Проработал он в должности заместителя председателя Совнархоза недолго: не сложились отношения с партийным и хозяйственным руководством республики. Существенных изменений в отрасли не последовало. Напряжение с добычей нефти и газа нарастало. Евгений Яковлевич покинул Коми, а через некоторое время возглавил газовый подотдел Госплана СССР, где проработал многие годы.

А что же с «периодом неудач»?

7. Застой пятидесятих.

Преодоление кризиса управления

Застой этот к середине пятидесятих годов в Ухткомбинате был налицо. Созданные на базе открытых в Верхнеижемском районе месторождений нефте- и газопромыслы, переработка сырья выдыхались в ожидании новых открытий, а их не было. Ухтинский комбинат, до 1953 года находившийся в системе МВД СССР, был на перепутье. Сперва его передали Министерству нефтяной промышленности СССР, а затем — Главному управлению газовой промышленности при Совете Министров СССР. Наконец, в июне 1957 года он перешел в недавно созданный Коми Совнархоз. Конечно же, эта перетряска, помимо других, более глубоких причин, не могла не сказаться на состоянии дел.

С 1950 по 1959 год ухтинцев преследовали сплошные неудачи в области открытия нефтяных и газовых месторождений. Руководство Коми Совнархоза, лично его председатель А.А. Савченко считали, и не без основания, что смена руководства Ухтинского комбината станет началом преодоления негативных тенденций.

Начинаются и активно проводятся в жизнь не только кадровые и структурные изменения, ведется большая работа по ревизии прежней геологической оценки региона и его отдельных зон основных направлений геолого-разведочных работ. Все это происходит при широкой демократизации и гласности. Руководство республики и комбината больше не принимают на веру взгляды и советы руководителей геологической службы комбината, ее лидера Андрея Яковлевича Кремса. Тогда же входят в практику широкие геологические совещания, на которые приглашаются видные ученые и геологи страны. Одним из них был и уроженец села Онежье Республики Коми, доктор наук, профессор Василий Михайлович Сеников.

Ученик академика И.М. Губкина, Василий Михайлович, помимо широчайшего научного кругозора, обладал смелым, неукротимым характером, непреклонностью в достижении цели. Недаром еще при Сталине он был своеобразным комиссаром по кризисам в нефтегазовой промышленности и геологии. Именно его посылали в Баку, когда там возникли проблемы с добычей нефти. Именно он ездил вглубь Саратовской области и открыл там крупнейшее в СССР газовое месторождение, ставшее истоком газопровода Саратов — Москва. Именно он ведал поисками сырья для атомного проекта СССР, советовал Сталину покрыть страну сетью опорно-параметрических скважин. Ему, одному из немногих, Сталин сказал: « Когда надо — заходи без приглашения... »

Василий Михайлович, естественно, тоже был участником организуемых Коми Совнархозом геологических совещаний. На одном из них, в самый разгар кризиса, он, символически хлопая указкой по географической карте как раз в том месте, где впоследствии

ударил мощный фонтан нефти на Западно-Тэбукском месторождении, буквально кричал: «Вот куда надо идти, товарищ Кремс!»

Происходящему в значительной мере способствовал приход к руководству комбинатом Георгия Александровича Кузнецова, проработавшего двадцать лет на различных участках по поиску, разведке, добыче и переработке нефти и газа, отличавшегося от предшественника демократичностью, душевной добротой, общительностью, доступностью. Это создало в комбинате атмосферу, которая помогла специалистам с небывалой активностью включиться в творческий процесс, предлагать смелые и новаторские идеи и активно участвовать в их осуществлении. Заколебался непререкаемый тогда авторитет главного геологического идеолога А.Я. Кремса.

Для усиления геологоразведочных работ, которые никак не удовлетворяли требованиям наращивания добычи нефти и газа на протяжении более чем семи лет подряд, Совнархоз принимает неотложные и многоплановые меры. В декабре 1957 года выходит постановление о создании в составе Ухткомбината второго геологоразведочного треста «Печорнефтегазразведка», определяются границы его деятельности. В феврале 1958 года к проведению геологоразведочных работ на нефть и газ в северной части региона Совнархоз привлекает Коми-Ненецкое геологическое управление, специализировавшееся до этого только на разведке угольных месторождений. В январе 1959 года принимается постановление «О геологоразведочных работах на газ и нефть»; в декабре того же года с целью расширения работ и укрепления материально-технической и инженерной базы геофизических организаций Ухткомбината решено передать их в ведение Главгеологии при Совете Министров Российской Федерации. В марте 1960 года создается Ухтинское территориальное геологическое управление.

Были приняты меры по улучшению материально-технического обеспечения всех направлений производственной деятельности комбината, резко увеличены ассигнования на геологоразведочные и буровые работы, на строительство жилья, промышленных баз. К руководству геологическими службами в Совнархозе, геологоразведочных трестах и буровых организациях пришли прогрессивно мыслящие, опытные и инициативные геологи: В. Левченко, И. Махоткин, О. Солнцев, Б. Вассерман, В. Аюшин, Л. Теплов, Г. Фирер, В. Родыгин. Вводится в практику широкое публичное обсуждение путей выхода отрасли из кризисного состояния, для чего привлекаются ведущие специалисты научных центров страны. В ноябре 1958 года в Воркуте по инициативе Коми Совнархоза проведено совещание представителей геологоразведочных организаций и научных учреждений, работающих на территории Тимано-Печорской провинции и изучающих ее минерально-сырьевые ресурсы. В нем участвовали представители Главного управления геологии и охраны недр при Совмине РСФСР, Ухтинского комбината, Уральского и Коми-Ненецкого территориальных геологических управлений, Всесоюзного научно-исследовательского геологического, Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного, Московского геологоразведочного, Ленинградского горного институтов. На совещании заслушано около сорока докладов, даны рекомендации по направлениям проведения геологоразведочных работ в регионе, рекомендованы районы их первоочередного выполнения.

Созданная прежним руководством морально-психологическая обстановка, ограничивающая действия и инициативу опытных геологов, постепенно уходит в прошлое, открывая широкую дорогу к северным территориям края.

Уверенность руководства СНХ и Ухткомбината в перспективности региона на нефть и газ давала основания для таких мер. Первый их результат был получен во второй половине 1959 года, в тридцатую годовщину начала работ по широкомасштабному освоению северных территорий. 22 августа 1959 года из разведочной скважины № 2 Савинобор и 25 августа из разведочной скважины № 1 Западный Тэбук ударили мощные фонтаны легкой нефти. Это было крупное достижение треста «Печорнефтегазразведка», его первой нефтеразведочной конторы во главе с талантливыми руководителями — управляющим и главным инженером треста В.В. Ульяновым и А.П. Якимовым, начальником нефтеразведочной конторы и главным инженером М.С. Ардалиным и М.М. Артамоновым. Первооткрывателями этого месторождения были главный геолог треста О.А. Солдцев, главный геолог геологоразведочной конторы В.Р. Родыгин, старший геофизик-оператор В.В. Пахомов и буровой мастер Н.П. Чесаков.

С открытием в семидесяти километрах к северо-востоку от Ухты Западно-Тэбукского нефтяного месторождения начался новый этап в истории геологоразведочных и нефтедобывающих работ в Тимано-Печорском крае. Это событие ускорило создание в марте 1960 года Ухтинского территориального геологического управления, на которое возлагалась задача проведения геологоразведочных работ на все виды полезных ископаемых на территории Коми АССР и Ненецкого национального округа Архангельской области. Его руководителем назначается начальник Ухтинского комбината Г.А. Кузнецов. Ему предстояло в сжатые сроки завершить работы по разведке Западно-Тэбукского месторождения. К его освоению, не дожидаясь окончания разведочных работ, приступает Ухткомбинат во главе с новым руководителем В.Н. Мишаковым.

Начало освоения месторождения, несмотря на его близость к промышленной Ухте и весьма благоприятные геологические условия, было нелегким. Организационная перестройка, начавшаяся со времени включения Ухткомбината в деятельность Совнархоза, наряду с положительными факторами значительно осложнила работу нефтяников. Постановлением Совнархоза от 7 марта 1960 года, принятым во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР от 29 февраля 1960 года, из состава Ухтинского комбината переданы Главгеологии при Совете Министров РСФСР по состоянию на 1 января 1960 года такие организации и предприятия, как:

— геологоразведочный трест «Войвожнефтегазразведка» с подчиненными ему подразделениями, за исключением конторы эксплуатационного бурения, завода лесопиления и сборно-щитовых конструкций, учебного комбината;

— геологоразведочный трест «Печорнефтегазразведка» с подчиненными ему предприятиями и организациями, за исключением Ухтинского механического завода, который перешел в прямое подчинение Совнархозу;

— дорожно-строительное управление;

— автотранспортная контора с авторемонтными мастерскими;

— Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ);

— Ухтинская контора материально-технического снабжения управления материально-технического снабжения Совнархоза;

— Центральный учебный комбинат в городе Ухта;

— Ухтинская геофизическая контора;

— контора связи.

Таким образом, вместе с геологоразведочными предприятиями к вновь созданному геологическому управлению отошли базы и вспомогательные производства, обслуживающие не только буровиков, но в не меньшей степени и нефтяников, что значительно осложняло работу последних.

Основу разделенного комбината составили нефтешахтное управление «Яреганефть» и Войвожское нефтепромысловое управление, контора эксплуатационного бурения. Кроме предприятий основной деятельности, за ним остались предприятия сельскохозяйственного производства, весь жилой фонд Ухты и рабочих поселков, медицинские и детские учреждения, торговля и общественное питание, служба коммунального хозяйства, вся сеть автомобильных дорог Ухтинского промузла и прилегающих к нему районов. Комбинат остался без механо-ремонтной базы — Ухтинского механического и Войвожского ремонтно-механического заводов. Такое разделение не способствовало ускоренному выполнению силами и средствами комбината уже принятых решений по наращиванию добычи нефти и газа в период, когда появилась надежная сырьевая база и велась подготовка по обустройству Западно-Табукского месторождения.

Производственному, кадровому, материальному и финансовому потенциалу комбината на многие годы вперед был нанесен значительный урон. Необъективность и необоснованность принятого решения была очевидной. Подписал решение Совнархоза о разделении заместитель председателя Е.Я.Юдин, который, как никто другой, знал, к чему приведет такое бессмысленное администрирование. Обоснованного мотива такого решения не было, и быть не могло. Можно предположить, что это было сделано под воздействием того, что период деятельности комбината под руководством Е. Юдина продолжал подвергаться серьезной критике со стороны руководства республики, оценивался признанными учеными-геологами страны как неверный и ничем не обоснованный — и по использованию сил и средств, и по направлениям поисковых работ.

Справедливость и объективность такой оценки подтверждали наметившиеся в 1959-1960 годах значительные положительные изменения. Это не могло не вызвать защитной реакции у бывшего руководителя комбината, которая проявилась таким ущербным образом. Работая в газовой и нефтяной отрасли республики, я много раз встречался и беседовал с тогда уже ответственным работником нефтегазового отдела Госплана СССР Е.Я. Юдиным. За 15 лет не было ни одного случая, чтобы он проявил интерес к объединению «Коминнефть», в котором проработал без малого двадцать лет. Был он безразличен к нефтяным и газовым делам в Коми АССР и когда велось официальное обсуждение текущего их состояния или перспектив развития. Общение с Е. Юдиным создавало ощущение, что он всегда что-то недоговаривает или скрывает. Что за всем этим крылось, сказать трудно. Думаю, что его необъективная оценка прошлого и зависть к настоящему. А вот профессионально выращившую его «мать» — Ярегу — он вспоминал и нередко, проявляя, правда, заботу лишь о внедрении авторских идей.

Руководить комбинатом, когда от него отделились геологоразведка, строительная индустрия, энергетика, машиностроение и металлообработка, нефтепереработка, было значительно проще. Координация деятельности прежнего комплекса стала функцией Совнархоза. Значительно осложнилось и затруднилось выполнение главной задачи — наращивание добычи нефти, освоение новых месторождений. Начальнику комбината Владимиру Никифорови-

чу Мишакову, главному инженеру Василию Константиновичу Лихолаю, главному геологу Семену Филипповичу Здорову предстояло ее выполнять в новых и по масштабам, и по темпам организационных и структурных условиях, в обстановке изменившегося положения с кадровым обеспечением. В то время многие опытные специалисты из числа бывших заключенных и спецпоселенцев покидали Север. Такая же картина была с рабочими кадрами. Для нового руководства комбината это была одна из самых трудных задач.

В январе 1941 года после окончания Московского горного института В. Мишаков с группой молодых специалистов по решению ЦК ВКП (б) прибыл в рабочий поселок Ухта для работы на нефтяных шахтах Ярегского месторождения. Начал он свой трудовой путь помощником механика первой шахты. К 1960 году прошел ступени механика, главного механика, начальника шахты, начальника Ярегского нефтешахтного управления, заместителя главного инженера комбината. Познавая совершенно новое дело шахтной добычи нефти, досконально изучил проходку горных выработок, бурение шахтных подземных скважин, систему разработки месторождения, сбора и транспорта высоковязкой ярегской тяжелой нефти. Помимо инженерных знаний, приобрел большой опыт организаторской работы, уважение в коллективе, был феноменально работоспособным и завидно целеустремленным.

Его весьма удачно дополнял главный инженер комбината В. Лихолай — специалист по разработке нефтяных месторождений. Начал он трудовой путь на нефтяных промыслах Грозного. В 1941 году был призван в ряды Красной Армии. Попал в немецкий плен. Немцами привлекался на работы по восстановлению нефтяных промыслов Северного Кавказа. После освобождения из плена осужден. Срок заключения отбывал на Севере. В пятидесятые годы реабилитирован. В 1951 году занимает должность начальника участка бурения, затем — главного инженера Войвожского нефтепромыслового управления, треста «Печорнефтегазразведка», а с 1960 года — он главный инженер Ухтинского комбината. Это был волевой и требовательный к себе и подчиненным руководитель, талантливый инженер и организатор, уважаемый и общительный, всесторонне развитый человек. Ухтинский комбинат оказался в надежных руках шахтера-нефтяника и нефтяника-промысловика В. Мишакова и В. Лихолая, которым было суждено начать новый этап развития нефтегазовой промышленности в Коми АССР с освоения Западно-Тэбукского нефтяного месторождения, самого крупного из известных к тому времени по запасам легкой нефти на Европейском Севере.

Период неудач заканчивался. Оставалось подтвердить это ростом добычи нефти и газа и как можно скорее и убедительнее изменить уже сложившееся у многих в республике и в Москве мнение о неперспективности региона. С этой целью Совет Народного Хозяйства экономического района Коми (А. Савченко), Ухтинский комбинат (Г. Кузнецов, В. Мишаков), областной комитет КПСС (А. Дмитрин) немедленно принимают для этого чрезвычайные меры. Уже через несколько дней после фонтана нефти, полученного из первой разведочной скважины, работы по разведке Западно-Тэбукского месторождения и по поиску новых месторождений в обозначенном районе передаются тресту «Войвожнефтегазразведка» как более мощному, имеющему опытные кадры и мобильному. Буквально за месяц контора разведочного бурения №1 во главе с директором В.С. Хорьковым перебазирована из Джебала (Комсомольск-на-Печоре) на Западно-Тэбук-

кую структуру. Психологическая трудность этого смелого решения станет понятна, если учесть, что еще не угасли надежды на открытие там «большого газа» после полученного и быстро иссякшегося мощного фонтана.

Из поселка Нижняя Омра в город Сосногорск для выполнения строительно-монтажных работ была переведена контора капитального строительства треста. Ускоренными темпами ведется строительство автомобильной дороги Сосногорск — Тэбук. Для ее прокладки привлекается транспорт и дорожно-строительная техника предприятий и организаций Ухтинского, Троицко-Печорского и других районов республики. Поставлена задача — в зимний период 1959-1960 годов перебазировать в район Тэбука из Джебала и с прилегающих к нему площадей десять буровых установок. Создаются специальные транспортные колонны автомобильной и тракторной техники, чья задача обеспечить перевозку по зимним дорогам на расстояние более чем 300 километров десятков тысяч тонн оборудования и различных материалов. Подготовку площадок под строительство баз, буровых, трасс дорог Совнархоз поручает лесозаготовительным предприятиям республики. Всем ходом работ по перебазировке мощностей бурения, вышкостроения, строительства лично руководит управляющий трестом С.А. Голощекин.

Одной из проблем стал тогда ремонт бурового оборудования. Предстояло за четыре зимних месяца отремонтировать десять комплектов буровых станков марки Уралмаш-5Д, десятки передвижных дизельных электростанций, центробежных насосов, котельных установок и другого оборудования. По принятой технологии оборудование завозилось на Войвожский ремонтно-механический завод, где его ремонтировали, после чего доставляли на место монтажа. Такая технология отодвигала строительство буровых на полгода, а то и на больший срок. Автором этих строк был предложен другой вариант — ремонт производить в полевых условиях, на строящихся буровых с применением узлового метода. Вариант, с определенным опасением за качество ремонта, был принят. Для его реализации были созданы бригады из лучших специалистов-ремонтников во главе с начальником ремонтного цеха завода А.И. Пироговым, усилен контроль за качеством работ. Задача была успешно решена. Намеченные скважины № 3, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 17 были закончены бурением раньше установленного срока, во втором полугодии 1960 года, что позволило в 1962 году утвердить извлекаемые запасы нефти в ГКЗ СССР. Они составили 61,7 миллиона тонн (протокол ГКЗ № 3576 от 1962 года).

Строители треста «Ухтастрой» в феврале 1961 года приступают к сооружению нефтепровода Ухта — Тэбук протяженностью 65 километров, ведут подготовку к прокладке газопровода. Им помогают специалисты по трубопроводному строительству Главгаза СССР. Строительство нефтепровода завершено за семь месяцев, 12 августа 1961 года началось его испытание, а 18 августа, через два года после открытия месторождения, тэбукская нефть уже заполняла новую нефтепроводную магистраль в Республике Коми.

Идет подготовка к эксплуатации давших нефть разведочных скважин, строятся первоочередные объекты нефтепромысла. В проекте разработки и обустройства месторождения, выполненном специалистами Всесоюзного нефтегазового научно-исследовательского института и проектно-изыскательской конторой Ухткомбината, закладываются самые прогрессивные на то время технологии. Предусмотрено вести добычу нефти с применением поддержания пластового давления путем закачки воды в законтурную зону за-

лежи, с внедрением средств механизации и автоматизации процессов добычи нефти и поддержания энергии пласта. Добыча нефти возлагается на Войвожское нефтепромысловое управление (А.И. Адамов), обустройство — на трест «Ухтастрой» (А.Т. Краснослободцев), его строительное управление № 2 (И.С. Кирюшкин).

В составе Войвожского нефтепромыслового управления в июле 1961 года создается Западно-Тэбукский нефтепромысел. Его руководителем назначается молодой, инициативный инженер, прошедший большую школу на нефтегазовых промыслах Войвожа, Валентин Николаевич Шаров.

Пуском 18 августа 1961 года скважины №1, осуществленным заведующим нефтепромыслом В. Шаровым и руководителем трубопроводного участка строительного управления И. Филипповым, началась опытно-промышленная эксплуатация Западно-Тэбукского месторождения.

Вслед за открытием Тэбука геологи получают убедительные данные о перспективности Пашнинской, Джьерской, Северо-Савиноборской, Лемьюской, Израельской, Мичаюской площадей. Все они находятся в 40-70 километрах от Западного Тэбука. Запасы нефти открытого месторождения и перспектива новых открытий дают основания председателю Совнархоза и секретарю обкома КПСС обратиться в правительственные органы Российской Федерации с предложением об ускоренном развитии нефтегазовой промышленности в Коми АССР. Документ за подписью А. Дмитрина и А. Савченко, датированный 11 января 1962 года, гласил:

«... Учитывая большое народнохозяйственное значение создания топливной базы для укрупненного Северо-Западного экономического района РСФСР, Коми обком КПСС и Совнархоз просят Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР рассмотреть вопросы:

- 1. О мерах по усилению геологоразведочных работ на территории Коми АССР на нефть и газ.*
- 2. Об увеличении мощностей на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе.*
- 3. О строительстве нефтепровода и подаче нефти из Ухты в крупные промышленные центры Северо-Западного района России».*

31 мая 1962 года председатель Совнархоза обращается в Госплан Российской Федерации и Верховный Совет с просьбой выделить необходимые финансовые и материальные ресурсы для создания мощностей по переработке нефти в республике и транспорту части добываемой нефти за пределы Коми в связи с отсутствием мощностей по ее переработке в Ухте.

Эти и другие обращения руководства республики возымели действие. Ухткомбинату выделяют необходимые ресурсы, что позволило с 1962 года значительно увеличить объемы добычи нефти, в 1964 году завершить на год раньше срока выполнение семилетнего плана, а концу 1965 года увеличить объемы годовой добычи в три раза против 1959 года, при этом добыча на Тэбуке составляла 75 процентов от добычи комбината. Достижение таких результатов было обеспечено за счет ввода в эксплуатацию Западно-Тэбукского нефтяного месторождения, а его вводу в рекордно короткие сроки способствовали:

— концентрация буровых работ на выявленной сейсморазведкой Западно-Тэбукской структуре;

- привлечение Совнархозом для бурения скважин и обустройства месторождений значительных людских, материальных и финансовых ресурсов республики;
- слаженная и высокоорганизованная работа всех участков стройки;
- постоянный и квалифицированный контроль руководства комбината за ходом выполнения комплексной программы создания нефтепромысла;
- привлечение высококвалифицированных специалистов и рабочих Войвожского нефтедобывающего управления для работы на новом нефтяном промысле;
- опережающее создание основных и вспомогательных служб нефтепромысла, обеспечивших своевременную подготовку нефтепромысловых объектов к эксплуатации;
- высококвалифицированные и прогрессивные инженерные решения вопросов бурения скважин, разработки месторождения, технологии добычи нефти, ее подготовки и транспорта;
- высокая ответственность за порученное дело руководителей комбината, предприятий и организаций, участвующих в создании нового нефтедобывающего района;
- самоотверженный бескорыстный труд рабочих, техников, инженеров.

В период становления нового нефтедобывающего промысла городской комитет партии Ухты (Л.Г. Афанасьев, А.П. Бударин) и областной комитет КПСС (А.Г. Дмитрин и Э.И. Вертель) проводили разумную, справедливую и эффективную кадровую политику, что создавало благоприятные морально-психологические и творческие условия для решения возникающих проблем и своевременного устранения недостатков и ошибок.

В декабре 1963 года Совнархоз принимает постановление №233 о создании в составе Ухткомбината на базе Западно-Тэбукского нефтяного промысла Тэбукского нефтепромыслового управления с местом дислокации в строящемся рабочем поселке Нижний Одес. В течение четырех месяцев обязанности начальника управления исполнял старейший нефтяник Ухты Борис Филиппович Какулия. С 14 мая 1964 года начальником управления стал Василий Юрьевич Чубирко — выпускник Львовского политехнического института, прибывший на Север в 1956 году, прошедший школу нефтепромыслового дела на Войвожских нефтяных и газовых промыслах, талантливый инженер и организатор, душевной доброты человек. В этой должности он проработал до апреля 1971 года. За короткое время ему и пришедшим в новое нефтедобывающее предприятие его единомышленникам при поддержке В. Мишакова и В. Лихолая удалось создать одно из самых молодых по составу работающих и передовых по уровню технологий предприятие нефтедобычи в стране.

Вслед за Тэбуком нефтяники Нижнего Одеса осваивают Пашнинское, Джьберское, Восточно-Савиноборское, Северо-Савиноборское, Мичаюское нефтяные месторождения. Вместе с В. Чубирко в те годы работали и создавали современный нефтепромысел способные и преданные нефтяному делу молодые инженеры А. Бровенко, Г. Лабызнов, А. Латыпов, Ю. Шаталов, Ю. Гуревни, В. Шаров, А. Стрельчук, Р. Чубирко, В. Кириленко, Д. Коновалов, В. Коротков, В. Нередов, С. и Т. Подопригорины, мастера по добыче нефти Е. Генералов, В. Тихомиров, Ю. Попов, Е. Новиков, А. Морозова, С. Лопков. Позже управление возглавляли А. Бровенко, Н. Калимуллин, В. Усик, Ю. Никифоров. Все они, как и В. Чубирко, были создателями и внесли весомый вклад в развитие добы-

чи нефти в объединении «Коминнефть», оставили о себе добрую память у нижеодесцев, и не только у них.

Итогом первого этапа освоения Западно-Тэбукского месторождения стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1966 года о награждении Ухтинского комбината орденом Трудового Красного Знамени за досрочное выполнение плана по добыче нефти и достигнутые успехи в освоении новых крупных нефтяных месторождений в сложных условиях Севера.

В 1966 году Республика Коми удостоивается высшей награды страны — ордена Ленина. В получении этой награды заслуга нефтяников Ухткомбината, несомненно, самая высокая.

В 1964-1966 годах в стране происходят крупные политические и экономические преобразования. В октябре 1964 года состоялось заседание Пленума Центрального Комитета КПСС. От обязанностей первого секретаря ЦК освобождается Н.С. Хрущев. Первым секретарем ЦК КПСС избирается Л.И. Брежнев. Председателем Совета Министров стал А.Н. Косыгин. В 1965 году правительство Косыгина проводит экономическую реформу, которая предусматривает расширение прав и свобод предприятий, повышается материальная заинтересованность в результатах труда, основным показателем планирования становится объем реализуемой продукции, стимулируется качество продукции.

В конце 1965 года восстанавливаются отраслевые министерства. Просуществовавшие восемь лет совнархозы ликвидируются, а с ними и территориальный метод управления экономикой. Ликвидация совнархозов и возврат к отраслевой системе в Коми АССР происходит в условиях подъема экономики: начато строительство Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, растут энергетические мощности, создается база строительной индустрии, идет реконструкция угольных шахт, осваивается крупное Западно-Тэбукское нефтяное месторождение, наметился рост геологоразведочных работ с переориентацией их в северные районы региона. Анализ показывает, что рост экономики был связан не только с территориальной формой управления экономикой, но и с усилиями тех, кто обеспечивал руководство ею и республикой в целом.

С ликвидацией совнархозов уходят кадры, которые не только создавали новые мощности промышленного производства, но и формировали новые производственные связи и новый морально-психологический климат в республике. Ушел на должность заместителя министра союзного министерства первый секретарь обкома КПСС А.Г. Дмитриев, в Госплан Союза — секретарь обкома по промышленности Э.И. Вертель. Покинули республику А.А. Савченко и В.П. Феданов, заместители председателя Совнархоза и начальники управлений, а ведь это были лучшие специалисты и организаторы ведущих отраслей народного хозяйства республики. В Коми АССР был ликвидирован не только территориальный метод управления, но, что самое печальное, и профессиональный уровень управления экономикой. Многие из того, что было целесообразным и результативным в деятельности прежних партийных и хозяйственных руководителей республики, ушло в прошлое.

Взвешенные, объективные и квалифицированные подходы и оценки сложных процессов развития народного хозяйства в суровых условиях Севера, проявившиеся в период

деятельности Совнархоза, постепенно приобретают волюнтаристские и популистские формы. Начинается и активно прогрессирует далеко не квалифицированное вмешательство в хозяйственную деятельность лиц, наделенных не знаниями и опытом, а властью. Постепенно растет противостояние между руководством республики и союзных отраслевых министерств и ведомств. Оно приобретает все более и более изощренные формы и методы и, как правило, приводит к серьезным экономическим и кадровым потерям для территории и ее населения.

Неготовность пришедших к руководству республикой функционеров аккумулировать мнения, знания, опыт, идеи ведущих специалистов и талантливых ученых в разных областях производственной и хозяйственной деятельности и незнание специфики того или иного производства, а нередко неумение правильно их оценивать и использовать из-за личных амбиций, приводили к уродливым формам и методам решения многих сложных и актуальных проблем, к далеко идущим деформациям в деятельности ряда отраслей промышленности в их развитии, а также и в работе их руководителей. Все это имело прямое отношение к нефтегазовому и геологоразведочному комплексам и влияло на стабильность их работы.

Такова была обстановка, сложившаяся к середине шестидесятых годов прошлого века в Коми республике. Но, несмотря на эти проблемы, здесь были созданы предпосылки для масштабного ведения работ по освоению природных ресурсов Европейского Севера. Активно продолжалось строительство одного из красивейших поселков нефтяников республики — Нижнего Одеса, расширялись границы и масштабы деятельности Тэбукского нефтегазодобывающего управления, увеличивался нефтяной поток с Джьерского, Пашнинского, Савиноборского, Мичаюского месторождений, а посланцев нижеодесских нефтяников, как и многих специалистов этой профессии из Яреги, Войвожа, Нижней Омры, уже ждали большая нефть Усинска и большой газ Вуктыла.

Стратегия развития нефтяной и газовой промышленности Советского Союза

**Алексей Николаевич
КОСЫГИН,**
Председатель Совета
Министров СССР.
(1964 — 1980 годы).

Николай Константинович БАЙБАКОВ,
заместитель Председателя
Совета Министров,
председатель Госплана СССР.
(1965 — 1985 годы).

Валентин Дмитриевич ШАШИН,
министр нефтяной
промышленности СССР.
(1965 — 1977 годы).

Николай Алексеевич МАЛЬЦЕВ,
министр нефтяной
промышленности СССР.
(1977 — 1985 годы).

Алексей Кириллович КОРТУНОВ,
первый министр
газовой промышленности СССР.
(1957 — 1972 годы).

Сабит Атаевич ОРУДЖЕВ,
министр газовой промышленности
СССР.
(1973 — 1981 годы).

Василий Александрович ДИНКОВ,
министр газовой промышленности СССР.
(1981 — 1985 годы).
Министр нефтяной промышленности СССР.
(1985 — 1989 годы).

Руководители головного предприятия газовой отрасли
Европейского Севера, созданного Мингазпромом СССР
для освоения, добычи и транспорта газа Вуктыльского
газоконденсатного месторождения

**Борис Рудольфович
ГЕНЕ,**
первый директор
Дирекции по строительству
Вуктыльского газопромысла.
(1967 год).

**Николай Васильевич
ПЕТЛИЧЕНКО,**
начальник газопромывского
управления «Комигазпром».
(1967 — 1969 годы).

**Анатолий Викторович
РЕЗЧИКОВ,**
начальник
производственного
объединения
«Комигазпром».
(1969 — 1973 годы).

**Анатолий Степанович
ГУМЕНЮК,**
начальник Вуктыльского
газопромывского управления.
(1970 — 1975 годы).
Заместитель начальника
по производству
ПО «Комигазпром».
(1975 — 1976 годы).

**Станислав Иванович
ЮДИН,**
начальник
производственного
объединения
«Комигазпром».
(1973 — 1979 годы).

**Олег Николаевич
СОЛОВЬЕВ,**
генеральный директор
ВПО «Комигазпром».
(1979 — 1986 годы).

**Богдан Владимирович
БУДЗУЛЯК,**
генеральный директор
производственного объединения
«Севергазпром».
(1986 — 1991 годы).

**Василий Григорьевич
ПОДУК,**
генеральный директор дочернего
предприятия «Севергазпром».
(1991 — 1997 годы).

**Анатолий Алексеевич
ЗАХАРОВ,**
генеральный директор
ООО «Севергазпром»
с 1997 года.

Руководители нефтяной промышленности Европейского Северо-Востока

Ухтинская комплексная экспедиция, Ухто-Печорский трест (Ухтпечлаг),
Ухтинский комбинат (Ухтижемлаг), производственное
объединение «Коминепфть», открытое акционерное общество «Коминепфть»

**Сергей Федорович
СИДОРОВ.**
(Август — ноябрь
1929 года).

**Яков Моисеевич
МОРОЗ.**
(1929 — 1938 годы).

**Семен Николаевич
БУРДАКОВ.**
(1941 — 1947 годы).

**Евгений Яковлевич
ЮДИН.**
(1950 — 1958 годы).

**Георгий
Александрович
КУЗНЕЦОВ.**
(1958 — 1960 годы).

**Владимир Никифорович
МИШАКОВ.**
(1960 — 1969 годы).

Василий Константинович
ЛИХОДАЙ.
(1960 — 1972 годы).

Лев Дмитриевич
ЧУРИЛОВ.
(1973 — 1975 годы).

Анатолий
Степанович
ГУМЕНЮК.
(1976 — 1985
годы).

Юрий Николаевич
БАЙДИКОВ.
(1985 — 1990 годы).

Валентин
Зиновьевич
ЛЕОНИДОВ.
(1990 — 1994 годы).

Андрей Александрович
ЯКИМОВ.
(1994 — 1997 годы.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Большой газовый проект

Город газовиков Вуктыл перед новым этапом своей биографии.

1. Открытие гиганта

Будучи непосредственным и активным участником событий, прямо и косвенно связанных с покорением Вуктыла (начиная с бурения открывшей месторождение скважины в октябре 1964 года и до окончания освоения уникальной Вуктыльской газоконденсатной кладовой), хочу рассказать о том, как в 60-е годы на земле Коми происходили великие свершения, связанные с решением государственной задачи по развитию на Европейском Севере газовой отрасли. Речь идет именно о развитии, так как газовая промышленность была создана здесь впервые в Советском Союзе еще в начале тридцатых годов. Это рассказ о том, как решались сложнейшие научные, технические, инженерные, социальные проблемы в период поисков, открытия и освоения уникального месторождения; кто в этих свершениях принимал участие; какой ценой и какими усилиями создавался Вуктыльский промышленный узел с его современным прекрасным городом, где живут и по сей день беззаветно преданные этому краю и избранному делу труженики; как газ и конденсат Вуктыла стали первоосновой многих строек промышленного и социального значения в Коми и далеко за ее пределами, обеспечив бурное развитие Ухты и Сосногорска, Сыктывкара и Череповца, Микуни и Урдомы, Приводино и Нюксеницы и многих других городов и поселков; какое влияние оказали проблемы Вуктыла на развитие отечественного машиностроения, металлургического производства, химической промышленности; как газ Вуктыла нагревал горны заводов, где ковались мощь страны и ее обороноспособность.

История Вуктыльского газоконденсатного месторождения — это история развития нефтегазового комплекса страны и, конечно же, Республики Коми. Все то, что здесь впервые было познано, изучено, решено и отработано в промышленном масштабе, в последующем успешно применялось при освоении газоконденсатного месторождения Оренбурга, месторождений Астрахани и Севера Западной Сибири. Для них Вуктыл был примером, а многие его труженики впоследствии стали там наставниками и проводниками приобретенного опыта.

Тернистый путь к подземным кладовым Печоры

Активизация работ на Европейском Северо-Востоке по поиску полезных ископаемых, главным образом — нефти, газа, угля, началась в самом начале XX века. В годы Советской власти было принято считать, что активные поиски газа и нефти велись в России лишь после Октябрьской революции 1917 года. Отчасти это так, но только отчасти. Факты, события, их участники свидетельствуют о том, что это не совсем справедливая и объективная оценка. Анализ происходившего в Архангельской губернии, куда входила территория нынешней Республики Коми, говорит о том, что период освоения края в начале двадцатого века до 1917 года в тогдашних экономических условиях, при том уровне развития техники и тех геологических и географических особенностях региона, был активен и результативен.

Одним из объектов повышенного интереса на протяжении многих десятилетий был район Приуралья в среднем бассейне реки Печора. Неповторимая природа, сказочные берега здешних рек, богатейшая растительность, нетронутые леса, обилие рыбы, особенно горного хариуса и печорской семги, стаи непуганой птицы, множество диких животных, возможность приблизиться к древнему Уралу, дружелюбие и доброжелательность жителей неудержимо влекли сюда людей. Исследователей здешних мест привлекали обнажения горных пород, из которых сложены обрывистые речные берега. На реке Вуктыл особого внимания заслуживали выходящие на поверхность породы с признаками и наличием битуминизированных участков, не исчезающие с поверхности воды маслянистые пятна. Интерес к району постоянно рос. Его возбудителями были вечные путешественники — геологи.

Одним из первых, кто начал разгадывать тайны недр, изучать возможности района Средней Печоры в начале прошлого века, был талантливый геолог, патриот России и Советского Союза Александр Александрович Чернов. Будущий ученый вел исследования Печорского края в 1902 году в составе экспедиции профессора Московского университета Алексея Петровича Павлова. Работы по изучению бассейнов рек Ухта и Ижма А.Чернов продолжил в 1904 году. Это он уже тогда обнаружил выходы на поверхность асфальтита на речке Леккем. Находка свидетельствовала о возможном наличии в этом районе месторождений нефти. Позже, в 1922 году, здесь и было открыто крупное месторождение этого ценного сырья.

По результатам экспедиций 1902 и 1904 годов молодой геолог А.Чернов напишет и опубликует свой первый научный труд «О геологических условиях залегания печорской нефти». С тех пор он становится постоянным и неутомимым исследователем природных

богатств Европейского Севера страны, посвящает всю свою многолетнюю жизнь изучению этого края.

В летний сезон 1917 и 1918 годов А.Чернов во главе большой экспедиции за счет средств известных промышленников России Рябушинских изучает геологическое строение Тимана, ведет поиски полезных ископаемых. Прерванные революционными событиями в России исследования он возобновляет в 1921 году.

По рекомендации и настоянию А.Чернова в 1923 году геологическая партия во главе с Т.А.Добролюбовой ведет исследования в районе реки Вуктыл, которые продолжает летом 1925 года. В этом же году недалеко от Вуктыла ведет работы по поручению Института по изучению Севера геолог Е.Д.Сошкина. В районе рек Большой и Малый Паток были обнаружены битуминозные породы. А.Чернов, работавший в районе Точильной горы, что недалеко от бассейна реки Вуктыл, получает такие же результаты.

С целью поиска ухтинских природных газов, представляющих особый интерес для страны, в 1927 году в Ухтинский район направляется экспедиция Геологического комитета Высшего Совета народного хозяйства СССР. В районе реки Вуктыл эти работы было поручено провести Т.А.Добролюбовой и В.П.Тебенькову. Заметный след в изучении района Вуктыльского месторождения в тридцатые годы оставили геологи К.Г.Войновский-Кригер, Н.М.Леднев, В.К.Ливанов.

Дальнейшее изучение района будущего Вуктыла идет летом 1943 года. Еще на полях военных сражений идут ожесточенные бои, а Северная база Академии наук СССР по договору с Ухтинским комбинатом организует экспедицию по проведению геологических исследований Средней Печоры. Возглавить ее предложено неугомимому А.Чернову. Собранные материалы дают основание руководителю экспедиции выступить 18 декабря 1944 года на проходящей в Сыктывкаре II геологической конференции с многозначительным докладом «О перспективах на нефть и газ в Средней Печоре».

К исследованию бассейна Средней Печоры в 1944 году подключаются геологи Ухтинского комбината. Для проведения работ в районе направляется геологическая экспедиция во главе с крупным специалистом, будущим ученым, ставшим впоследствии экспертом по нефти и газу Организации Объединенных Наций (ООН) Михаилом Васильевичем Касьяновым. Собранные им материалы уточняют геологию района, подтверждают его перспективность.

Двумя годами позже изучение Вуктыльского района продолжают ученые Коми филиала Академии наук СССР. Сотрудник филиала А.М.Першина на протяжении 1948-1954 годов ведет здесь активные и всесторонние исследования, дает высокую оценку его перспективности.

В тот же период (1952 год) в бассейне реки Вуктыл ведет геологические наблюдения сотрудник Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Ухткомбината известный геолог Всеволод Андреевич Левченко.

На IV геологической конференции в Сыктывкаре 17 марта 1954 года профессор, доктор геолого-минералогических наук А.А.Чернов с завидным постоянством и настойчивостью в который раз поднимает вопрос о необходимости проведения первоочередных детальных работ по поиску нефти и газа в бассейне Средней Печоры. Изучение района за прошедшие десять лет со времени его выступления на геологической конференции в

1944 году значительно изменило и обогатило представление о богатстве края. «...Необходимо приступить к бурению на нефть в прибрежных структурах Печоры, для чего в первую очередь рекомендуется бурение на Щугоре на погружении Вуктыльского поднятия, а также исследование Мишь-Пармы», — настойчиво призывал талантливый и последовательный ученый.

Борьба за новые районы поиска

Неблагоприятное положение с открытием новых нефтяных и газовых месторождений в Коми АССР в 50-х годах требовало выхода в новые районы поиска. Известный ученый, доктор геолого-минералогических наук, возглавлявший в годы Великой Отечественной войны Главгеологию Наркомата тяжелой промышленности СССР, директор Московского филиала Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института В.М.Сенюков, выступая на IV геологической конференции Коми АССР в 1954 году, заявляет о необходимости расширить направления поиска нефти и газа не только на юго-восток от Ухты, где тогда были сконцентрированы все геолого-поисковые мощности Ухткомбината. Этот курс он считает не единственным. Позицию, занятую руководством геологической службы комбината, объявляет неверной, требующей пересмотра.

О необходимости расширения поисковых работ с выходом на север региона (в Ижма-Печорскую впадину) настойчиво и последовательно призывал талантливый геолог Олег Александрович Солнцев. Его позиция сформировалась в результате глубокого и всестороннего знания региона, изучение которого он начал в 1933 году и продолжал до 1975 года. После окончания Ленинградского горного института, одного из лучших институтов геологического профиля в стране, в 1933 году молодой О.Солнцев начал трудовую деятельность на земле Коми начальником Сысольской геолого-съёмочной партии, выполнявшей в летние сезоны 1933-1935 годов геологическую съёмку бассейна реки Сысолы. После окончания съёмочных работ его приглашают во ВСЕГЕИ старшим научным сотрудником по проблемам угля, где он ведет работы в районах Кузбасского и Донецкого угольных бассейнов, Западного Приуралья. В конце 1940 года он принимает предложение перейти на работу в Ухтижемлаг Главного управления лагерей горнометаллургической промышленности и с января 1941 года приступает к исполнению обязанностей старшего геолога геологоразведочной конторы. Так состоялось его возвращение на Европейский Север. В этот период он приходит к выводу о необходимости проведения поисковых работ на нефть и газ в Ижма-Печорской впадине. Если учесть, что такая позиция не совпадала с мнением тогдашнего руководства геологической службы Ухтижемлага, его непосредственных начальников, можно представить, каким мужеством и уверенностью в своей правоте нужно было обладать в то время и в тех условиях, чтобы решиться выступить с такими предложениями.

В 1950 году О.Солнцев занимает должность заместителя главного геолога Ухткомбината, а в связи с организацией шестым отделом МВД СССР, ведавшим поисками уранового сырья, 36-го спецуправления, назначается заместителем начальника и главным геологом этого управления. Через год, когда работа была закончена, Солнцев стал главным геологом в Центральной научной лаборатории Ухткомбината, где руководил обоб-

щением геологических материалов, собранных за весь период деятельности Ухткомбината. Здесь с еще большей настойчивостью он ставит вопрос о поисках нефти и газа в Печорской депрессии. Его последовательное стремление усилить геологоразведочные работы в новых районах Печорского края во многом способствовало выходу на вуктыльское направление поисков.

Между тем противоречия среди геологов в выборе первоочередных направлений поиска месторождений обостряются. Необходимость их разрешения становится очевидной. Руководство треста «Войвожнефтегазразведка» — управляющий В.В.Ульянов, главный инженер С.А.Голощекин, главный геолог У.М. Юдичев, удрученные тем, что разведочное бурение в традиционных «старых» районах не дает результатов, а за это несут ответственность трест и его руководство, принимает решение провести дополнительные геологические исследования бассейна реки Вуктыл и готовиться к проведению там буровых работ.

Первая часть задачи — проведение геологических исследований — возлагается на Геологопоисковую контору (ГПК) треста, в частности, на Мишпарминскую поисковую партию, конкретно на молодых, но перспективных геологов В.А. Аношина и П.М.Мельникова.

Материалы геологической съемки района бассейна реки Вуктыл с учетом ранее накопленной информации подтвердили перспективность территории на нефтегазонасность, показали наличие структурных форм, представляющих интерес для дальнейшего углубленного изучения. В.Аношин и П.Мельников определяют Нижневуктыльскую и Средневуктыльскую структуры для проведения углубленного изучения и предлагают провести глубокое (до 1300 метров) бурение скважин или сейсморазведочные работы.

Заключение на представленный авторами отчет дает главный геолог треста «Ухтанефтегеофизика» В.А.Левченко. Рецензент не только как специалист высокой категории, один из ведущих геологов Ухтинского комбината, но и как недавний исследователь этого района высоко оценивает выполненную работу, дающую новое представление о его геологическом строении. Но рецензент не ограничивается оценкой, он предлагает провести там новые маршрутные и площадные сейсмические исследования.

После таких высоких оценок отчет рассмотрело геологическое совещание Ухткомбината под председательством главного геолога А.Я. Кремса. Было это 15 мая 1956 года. После обсуждения доклада В.Аношина, в котором приняли участие видные специалисты в области геологии и геофизики О.А.Солдатов, И.И.Крупенский, И.Г.Добринин, А.Я.Кремс, принимается странное, я бы сказал, формальное, постановление — отчет В. Аношина и П.Мельникова о работе Мишпарминской геологической партии (геологическая съемка) 1955 года принять с оценкой «хорошо». А что дальше? Какие рекомендации и кому их дают столь авторитетное совещание и его председатель? Не правда ли, любопытная ситуация? Никому и никаких рекомендаций. Отчет — в архив, на полку.

О том, что главный геолог Ухтинского комбината не был склонен к каким-либо дальнейшим действиям по весьма интересному и обнадеживающему материалу по району Вуктыла, видно из его доклада на пленарном заседании Комиссии Коми филиала АН СССР по комплексному использованию природных ресурсов Ухтинского промышленно-

го узла, состоявшемся в начале января 1957 года, через семь месяцев после рассмотрения упомянутого отчета. Никакой информации о Вуктыльском районе в докладе нет. Средне-Печорскому району отводится лишь четвертое, последнее, место в перспективе до 1970 года. Добычу нефти в представленном докладе А.Кремса намечается вести здесь лишь в начале VIII пятилетки. Докладчик делает некорректную ссылку на большую глубину залегания предполагаемых продуктивных горизонтов 3000-3500 метров, имея в виду отсутствие соответствующего оборудования для бурения подобных глубин.

Тезис об отсутствии оборудования для бурения скважин на глубину 3-3,5 тысячи метров тогда часто использовался некоторыми специалистами. Но он был безосновательным. Ведь в то время Джебольское газовое месторождение разбуривали станками Уральского завода тяжелого машиностроения марки «Уралмаш-5Д» и «Уралмаш-3Д». Только под будущий газ этого месторождения Ухткомбинат получил одиннадцать таких станков. Комплект оборудования «Уралмаш-5Д» позволял бурить скважины до 3500 метров, а «Уралмаш-3Д» предназначался для глубины до шести тысяч метров.

Безосновательной была и ссылка на отсутствие средств для проведения глубокого разведочного бурения. Красноречивым свидетельством несостоятельности этого аргумента является использование капиталовложений в глубокое бурение на Джебольской площади, где ежегодно расходовалось больше половины выделяемых на бурение средств. Аналогичная картина наблюдалась в 1954-1956 годах на Нижнеомринской площади. Здесь концентрация бурения достигла 80 процентов.

Безусловно, такое положение диктовалось необходимостью выполнения плана добычи нефти и газа, условиями материально-технического, организационного и политического характера, но в большей степени было следствием позиции геологической службы Ухткомбината.

Рассматривая эту проблему, необходимо иметь в виду целый ряд субъективных и объективных факторов. Во-первых, можно с большой степенью достоверности предположить, что главный геолог, оценивая получаемую информацию в результате бурения скважин на Джеболе (там было сконцентрировано свыше 60 процентов объемов буровых работ комбината), начинал понимать, что там не все так, как было ранее доложено всем и везде, в том числе с трибуны XXI съезда Коммунистической партии. Надежды на большой джебольский газ стали заметно убавляться. Поэтому осторожность по отношению к Вуктылу была нелишней. Во-вторых, его концепция в оценке нефтегазоносности региона не включала Среднюю Печору как наиболее перспективный район. В-третьих, после событий в стране, связанных с арестом Л.П.Берия, поведение А.Кремса заметно изменилось. Еще недавно полная уверенность в своих действиях, неважно — был он прав или нет, сменилась сугубой осторожностью. В кругу близких знакомых Андрея Яковлевича упорно говорили о том, что в детстве он учился в одном классе с Л.П.Берия и что на столике в его спальне вплоть до падения грозного наркома стоял его портрет. В-четвертых, Ухтинский комбинат вошел в состав Коми Совнархоза. Его главным геологом стал И.А.Махоткин, затем его сменил В.А.Левченко. И тот, и другой не разделяли взглядов А.Я.Кремса на историю образования нефтяных и газовых месторождений в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, не сходились их позиции и по ряду тактических вопросов поиска месторождений.

Совнархоз берет бразды правления в свои руки. Его председатель Аполлон Андреевич Савченко в декабре 1958 года совершает поездку по объектам нефтегазовой промышленности, знакомится с их работой и проблемами. После этого в Ухте он проводит совещание с руководителями предприятий Ухткомбината и партийным активом. Главной темой на совещании было обсуждение крайне неудовлетворительного положения с открытием новых месторождений нефти и газа, добыча которых к тому времени неуклонно снижалась.

На совещании выступили многие хозяйственные руководители, специалисты-геологи и геофизики. Неудачи с открытием новых месторождений все связывали с неправильной политикой в выборе направлений поиска, неоправданной концентрацией сил и средств в одном районе, а иногда на одном месторождении, как тогда происходило на Джеболе. В резкой форме А.Савченко подверг критике деятельность руководства Ухткомбината, особенно досталось главному геологу А.Я.Кремсу.

Мне довелось присутствовать на этом совещании. Сейчас приходится читать (слышать) разные версии того, о чем там говорилось. Некоторые авторы (правда, их присутствие тогда не было замечено в зале), описывая происходящее, утверждают, что там прозвучало заявление А.Савченко о необходимости сворачивания геологоразведочных работ в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, о прекращении финансирования, о якобы закрытии самой добычи нефти и газа. Утверждаю: ничего подобного из уст А.Савченко не звучало. Вот записанные тогда его слова в адрес нефтяников и главного геолога: *«...Руководство Ухткомбината должно понять, что дальше такое положение не может быть терпимо... А вам, товарищ Кремс, пора отвечать за ваши многократно обещанные сотни миллиардов кубов газа и миллионы тонн нефти. Где они? Когда мы их получим? Может, вы их ищете не там, где нужно? Почему вы не прислушиваетесь к мнению своих коллег? Имейте в виду (поворачивается к сидящему в переднем ряду президиума А.Кремсу), если в ближайшее время не правите положение, мы с вас спросим со всей строгостью наших законов...»*

Перечитываю снова и снова старые записи. Ни слова о сворачивании геологоразведочных работ и прекращении их финансирования, тем более, о закрытии нефтегазового производства, не нахожу. Председатель Коми Совнархоза был высококвалифицированным горным инженером, ранее работавшим в угледобывающей промышленности. Занимая столь высокий пост, он не мог позволить себе с трибуны многочисленного представительного собрания высказывания о судьбе целой отрасли промышленного производства во вверенном ему Совнархозе. Больше того, подобное заявление, если бы оно имело место, шло вразрез с только что принятым постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 августа 1958 года «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР». Высшие органы страны определяли конкретную и большую задачу по приросту промышленных запасов газа. Для Коми АССР он устанавливался в объеме 70 миллиардов кубических метров. Это была провозглашенная руководством страны стратегическая линия, затрагивающая многие стороны жизни общества.

Выводы руководства Совнархоза после ознакомления с работой Ухткомбината были действенными и конкретными, о чем информировал общественность республики В.А. Лев-

ченко на страницах прессы: «...В результате развернувшейся на геологических совещаниях в декабре 1958 года резкой критики недостатков и ошибок в проведении геологоразведочных работ были пересмотрены планы геологоразведочных работ Ухтинского комбината на 1959 год и на семилетие. Во-первых, намечено форсировать развитие геологоразведочных работ в северной части Тимано-Печорского бассейна, где уже в 1959 году должно быть пробурено 34 тысячи метров, или 38 процентов метража, а всего за семилетие — 546 тысяч метров, или 60,7 процента метража. Во-вторых, запланировано увеличить в 1959-1965 годах объем поисковооценочного и опорного бурения до 100 тысяч метров, или в семь раз больше, чем было в 1950-1957 годах. Совнархозом предусмотрен также ряд мероприятий для форсированного развития геологопоисковых, и в особенности геофизических работ, объемы которых в 1965 году должны увеличиться против 1958 года на 75 процентов. Таким образом, в предстоящем семилетии взято направление на создание необходимого опережения геологопоисковых и поисковооценочных работ, решающих вопросы перспектив дальнейшей разведки».

Были приняты меры по укреплению материальной и технической базы геологоразведчиков Ухткомбината. Резко увеличились поставки бурового оборудования, автомобильной и тракторной техники, металлообрабатывающих станков, труб и других материалов. Укреплялась материальная база геофизических служб.

Известно, что геологическая наука, методы поиска нефти и газа в 50-е годы были иными, чем в начале века. Зародившиеся в тридцатые годы и бурно развивающиеся геофизические методы поиска и разведки нефтяных и газовых месторождений с развитием техники шагнули далеко вперед. Без применения геофизических методов результаты работы геологов становились малоэффективными, сама разведка затягивалась. Геолог-геофизик стал фигурой номер один. Он подтверждал или опровергал теоретические предложения практическими действиями, ускорял и удешевлял процесс всего комплекса геологоразведочных работ. О роли геофизических методов в поиске полезных ископаемых говорит тот факт, что в системе геологической службы страны в пятидесятые годы наряду с институтом главных геологов вводится институт главных геофизиков.

Геологическую службу комбината возглавлял А.Я.Кремс. В 1931 году он окончил Азербайджанский нефтяной институт по специальности «нефтепромысловое дело», геологической практики в прямом понимании этого процесса не имел. Меньше чем через три года становится главным геологом Главнефти страны, а с середины 1940 года руководит геологической службой Ухтижемлага. Так как результаты геологических исследований и поисков — это труд многих людей, труд коллективный, требующий уймы времени, то роль главного геолога — это прежде всего рассмотрение результатов этого труда, его оценка и использование в выборе перспективных направлений поисков и разведки месторождений.

Имея незаурядные способности и богатый опыт геолога-администратора и организатора, поддержку в НКВД СССР, А.Кремс успешно продолжает хорошо отлаженную его предшественником Н.Н.Тихоновичем организацию работ, в том числе выбранное направление поиска нефти и газа. В его распоряжении находились все геологические материалы. Он по праву ими пользовался так, как считал нужным, как требовала та или иная ситуация.

Однако рассмотрение, и особенно умелое использование этого коллективного труда имело место не всегда и не всегда соответствовало его важности и ценности. Известные геологи того времени О.Солнцев, В.Левченко, А.Махоткин, С.Здоров, Т.Карасик, И.Добринин и другие свидетельствовали, что отчеты, объяснительные записки и другие официальные материалы, содержащие идеи, смысл которых не совпадал с точкой зрения А.Кремса на направление геологопоисковых работ, были вне его внимания, а их авторы нередко не по своей воле меняли место работы.

Но проходило время, и под воздействием новых обстоятельств эти материалы становились востребованными. Так было, когда появилась необходимость изменить позицию и согласиться с доводами о необходимости выхода в северную часть региона — Большеземельскую тундру. Используя материалы оппонентов, А.Кремс стал столь же аргументированно доказывать перспективность этого района. Это в определенной мере демонстрирует протокол по результатам доклада о работе Мишпарминской партии.

Позиция главного геолога Ухткомбината, его методы и формы руководства геологической службой, неприятие мнений и доказательств геологов комбината и Коми филиала АН СССР в значительной степени объясняются его личными связями с руководством ведомства, куда входил Ухткомбинат и, в частности, с Кобуловым Богданом Захаровичем и Мамуловым Степаном Соломоновичем. Откуда эти связи? Остается только поверить, что А.Я.Кремс действительно был однокашником Лаврентия Павловича. Тогда все становится на свое место.

Трудно сказать, на каком этапе жизни произошло их знакомство с А.Я. Кремсом. Известно, что их дружба длилась долгие годы, а отношения были теплыми и доверительными. В каждый приезд А.Я. Кремса в Москву у них были неофициальные встречи, нередко семьями. Встречи проходили в гостинице «Москва» на втором этаже, где Андрей Яковлевич останавливался в хорошо обставленном просторном номере, где постоянно останавливались высокопоставленные лица из регионов, которые контролировались ведомством знакомых А. Кремса. На встречах обсуждались разные вопросы и проблемы Ухтижлага, негласное шефство над которым осуществляли влиятельные лица Министерства внутренних дел.

Неслучайно все сложные и трудные вопросы, требующие решения в МВД страны, руководство Ухтижлага, а позже Ухткомбината поручало А.Кремсу. Он их решал успешно и соответственно влиял на ход событий в Ухткомбинате. Умело и сполна это влияние использовалось в геологической составляющей его деятельности в Ухте.

События второй половины пятидесятых годов коренным образом изменили обстановку в стране и в Коми АССР. Ухтинский комбинат стал составной частью Коми Совнархоза. Вчерашние подчиненные, не разделяющие взгляды главного геолога, А.Махоткин и В.Левченко стали для него недосягаемыми. Не вызвали положительных эмоций симптомы Джебола. Не стало московских шефов из МВД.

Таким образом, внутренняя и внешняя ситуация требовали от геологической службы изменений направлений и методов поиска нефти и газа в провинции. Но такое не происходит в один день. Необходимы время и воля. В наличии воли у незаурядного руководителя Андрея Яковлевича Кремса сомнений не было. Со сроками положение было гораздо сложнее. Тем не менее, опытный организатор геологической службы Ухткомби-

ната круто поворачивает вектор внимания на Север. Держатель неоценимой геологической информации по северной части Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, ход которой он в свое время сдерживал, теперь использует ее для выбора конкретного направления работ. Таким образом, труды недавних противников круто меняют направление его прежних взглядов, и тем самым вчерашние противники становятся сегодняшними сторонниками и единомышленниками. Он снова главный идеолог в выборе направления ведения геологопоисковых работ на нефть и газ. Многолетняя и неизменная ориентация на юг сменилась движением на север. Такая позиция сохраняет все прежние заслуги, прибавляет новые, независимо от роли в этом процессе. В конечном итоге, хотя дело от этого немного страдало, но прежние заслуги не отрицаются, авторитет не убавляется.

Они не боялись неудач

В этих условиях инициатива переходит к хозяйственным и техническим руководителям треста «Войвожнефтегазразведка» и вновь образованного в декабре 1957 года по решению Коми Совнархоза треста «Печорнефтегазразведка». Управляющим новым трестом стал Виктор Васильевич Ульянов, до этого многие годы руководивший трестом «Войвожнефтегазразведка», главным инженером — Александр Пантелеймонович Якимов, главным геологом — Олег Александрович Солнцев, активный и последовательный сторонник поиска нефти и газа в северных районах региона, начальником технического отдела — Юрий Михайлович Марков. Трест «Войвожнефтегазразведка» возглавил С.А. Голощекин. Сознывая свою ответственность за сложившееся положение с открытием новых месторождений, они принимают комплекс мер организационного, технического, технологического, кадрового характера, еще вчера казавшихся невыполнимыми и нереальными.

Что касается положения, то оно было хуже некуда: с 1951 по 1958 годы на территории Коми АССР геологической службой не было открыто ни одного промышленного месторождения газа и нефти. Геологическим трестам, являющимся мобильными тактическими единицами Ухткомбината, предстояло не только в сжатые сроки начать работать в закрепленных за ними районах деятельности, но и изменить тенденцию, сложившуюся с базой для добычи нефти и газа, в сторону ее резкого улучшения.

Вот некоторые из мер, осуществленных под руководством и с непосредственным участием управляющего трестом «Войвожнефтегазразведка» Соломона Абрамовича Голощекина. Необходимо отметить, что трест был ведущей геологоразведочной структурой в системе Ухткомбината. В области организации работ осуществляется передислокация буровых предприятий (тогда они назывались конторами бурения) из районов Джебола, Троицко-Печорска, Нижней Омры в районы севернее и северо-восточнее Ухты, ведется наращивание числа буровых бригад. Для выполнения резко возрастающего объема строительства и монтажа буровых создается вышкомонтажное управление с базированием сначала в поселке Войвож, а затем в поселке Динь-Ель II, создаются новые геологопоисковые и сейсморазведочные партии (с 1 января 1958 года по апрель 1960 года сейсморазведочные работы были в составе геологоразведочных трестов). Строятся базы для буровых организаций на Тэбуке, Шердино, Пашне. Наращиваются производствен-

ные и ремонтные мощности на Войвожском механическом заводе, строятся цеха по производству крупноблочных металлоконструкций, по ремонту бурильных труб и изготовлению бурового инструмента. Расширяются мощности лесоперерабатывающего завода для организации производства быстроборных производственных зданий и утепленных сборнощитовых домов. Создается база речного флота на реке Печора в районе села Троицко-Печорск.

В области техники и технологии производства идет техническое перевооружение буровых предприятий, ведется массовый переход на бурение скважин станками Уралмаша, способными достигать глубин до пяти тысяч метров; повсеместно внедряется турбинный метод бурения скважин; разработан в предельно короткие сроки и внедряется в производство крупноблочный монтаж бурового оборудования в заводских условиях на Войвожском механическом заводе. В колонковом бурении осуществляется переход на строительство буровых вышек сборно-разборного типа — вместо деревянных разового использования; в производстве сейсморазведочных работ осуществляется переход на бурение взрывных скважин шнеками производства Войвожского завода с приводом от тракторных механизмов вместо ручного бурения или шурфования; ведутся работы по освоению наклонного бурения скважин; освоено производство целого ряда бурового инструмента, специальных буровых долот, буровых коронок для отбора керна в геологопоисковом бурении; для перевозки специальных грузов освоено производство прицепов для автомобильного транспорта; начат выпуск бульдозеров на базе тракторов С-80 и С-100.

Расширение всех видов производственной деятельности в системе Ухткомбината потребовало значительных кадровых изменений. Наиболее масштабными они были в Войвожском геологоразведочном тресте. В аппарат треста приходят молодые талантливые инженеры и организаторы производства В.Хорьков, В.Лапин, Б.Вассерман, В.Аношин, А.Радюков, И.Шпинер, Г.Кузнецов, В.Насоновский, В.Паролов, В.Гуменюк, Н.Циголов. Во главе предприятий и наиболее важных и ответственных участков деятельности треста становятся М.Башлачев, И.Емельянов, А.Поляков, А.Феоктистов, Н.Радьков, М.Волхонцев, Б.Алексеев, И.Терновский, А.Киселев, В.Редькин, В.Неклюдов, Л.Чертков, Л.Бабокин, Э. Шмелев. Позже все они станут крупными специалистами, займут ответственные посты в Коми республике, в центральном аппарате различных министерств и ведомств страны. Благодарен судьбе за то, что и моя молодость на производстве проходила рядом с ними, под их строгим и доброжелательным контролем.

Решительные действия и их участники

Геологоразведчики Войвожа покидали Джебольское газоконденсатное месторождение в конце 50-х годов с чувством неудовлетворенности. Открыть большое месторождение не получилось. Однако считать это поражением геологов Ухтинского комбината было неправильным. Детальное изучение геологического строения Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции продвинулось от уже разведанных и освоенных районов к юго-востоку более чем на 150 километров и достигло Предуралья и границ с нефтеносной Пермской областью. При этом была подтверждена газоносность Предуральского прогиба в верховьях Печоры, где интенсивно продолжались геологоразведочные работы

на Курьинской, Патраковской, Пачгинской, Рассохинской площадях Троицко-Печорской нефтегазразведочной экспедицией и Войвожской геолого-поисковой конторой, открыты промышленные запасы газа и конденсата местного значения, подготовлены кадры специалистов для широкомасштабного развития работ на больших территориях. Все это было своеобразным трамплином для прыжка на северные просторы Тимано-Печорского края.

Руководство треста «Войвожнефтегазразведка» (управляющий С.А.Голощекин и главный инженер М.И.Измайлов) с целью эффективного использования высвобождающихся на Джебале буровых мощностей обратилось в Ухткомбинат с предложением о передаче им для разведки открытого в августе 1959 года Западно-Тэбукского нефтяного месторождения. Желания у руководства треста «Печорнефтегазразведка» передавать первое, только что им открытое, месторождение другому тресту, естественно, не было. Вопрос рассматривался в конце сентября 1959 года на совещании в Ухтинском городском комитете КПСС под председательством первого секретаря Л.Г.Афанасьева с участием от Ухтинского комбината — главного инженера В.К.Лихолая, от треста «Войвожнефтегазразведка» — главного инженера и главного геолога М.И.Измайлова и Б.Я.Вассермана, от треста «Печорнефтегазразведка» — главного инженера и главного геолога А.П.Якимова и О.А.Солнцева. Столь компетентные и авторитетные участники совещания руководствовались чувством коллективной ответственности за порученное дело и приняли мудрое, отвечающее государственным интересам решение. Передача Западно-Тэбукского месторождения предусматривалась с сентября 1959 года. Его разведка поручалась конторе разведочного бурения №1, которую возглавляли молодые энтузиасты бурового дела В.С.Хорьков и А.М.Поляков. Ей предстояло к началу 1960 года в полном составе перебазироваться в новый район деятельности. Одновременно первой конторе бурения поручалось вести геологопоисковые и разведочные работы на прилегающих к Западному Тэбуку площадях и месторождениях.

Таким образом решалась конкретная тактическая составляющая задачи. Решение стратегической ее части заключалось в следующем: тресту «Печорнефтегазразведка» создавались реальные условия для значительного наращивания объемов работ к северу от Ухты. Центром геологопоисковых работ в новых перспективных районах становился город Печора, куда в 1963 году перебазировался из рабочего поселка Сосновка Ухтинского района геологоразведочный трест. Основными районами проведения работ были определены Печорский, Усинский и Нарьян-Марский.

Очередность и последовательность деятельности геологов в северных районах определялась существовавшей на то время транспортной доступностью. Проводившиеся работы по структурно-поисковому и особенно по параметрическому и глубокому разведочному бурению тяготели к главной водной артерии региона — реки Печора и ее притокам: Лыже, Усе, Ижме, Колве, Шашкина, что позволяло доставлять в районы намечаемых разведочных работ требуемые объемы грузов.

Масштабы геофизических работ по региону в начале шестидесятых годов росли опережающими поисковое бурение темпами, особенно в районах Большеземельской тундры, в ее западной части. Их производительность в этом регионе резко увеличилась. Особое значение для расширения сейсмических исследований имели повсеместный переход на механическое бурение сейсмскважин, применение более совершенной сейсмоаппаратуры

и вычислительных комплексов для обработки и расшифровки получаемой информации. Широкое развитие получил оправдавший себя при разведке Вуктыльской площади метод речной сейсморазведки с использованием русла рек и речек.

Таким образом, в начале шестидесятых годов прошлого столетия сейсморазведкой была охвачена огромная территория бассейна реки Печора от ее верховьев до Нарьян-Мара и ниже по течению, что позволяло вести поиск нефти и газа на этой территории с высокой эффективностью. Этому способствовало и то, что подразделения геофизиков находились с 1958 по 1967 годы в составе геологоразведочных трестов, и руководили этими работами талантливые геофизики и геологи Е.М.Романов, В.А.Левченко, И.И.Крупенский, Д.А.Вознесенский, И.И.Беловол.

Вслед за геофизическими методами разведки расширились границы структурно-поискового бурения. Наметилась тенденция увеличения его глубины за счет поступления новых видов бурового оборудования повышенной мощности и его модернизации специалистами Ухтинского геологического управления для работы в условиях Севера. Районы глубокого разведочного бурения, сосредоточенные главным образом на Западно-Тэбукском месторождении, Пашне, Вуктыле, тяготеющие к городу Печоре, постепенно начали перемещаться в бассейны Колвы и Усы. В декабре 1963 года было завершено бурение опорной скважины № 1 в Нарьян-Маре, достигшей глубины 3722 метра и давшей ценнейшую геологическую информацию об этой части региона. За 1959 — 1964 годы были выявлены Западно-Тэбукское, Мичаюское, Восточно-Савиноборское, Печорское, Печорокожвинское, Вуктыльское, Усинское нефтяные и газовые месторождения, что свидетельствовало о высокой степени подтверждаемости материалов, представляемых сейсморазведкой.

Но при всей масштабности и значимости этих результатов, они не были использованы для продвижения на север провинции и, в первую очередь, в районы западной части Большеземельской тундры. Если открытием и освоением в рекордно короткие сроки Западно-Тэбукского месторождения нефтяная проблема была снята, то газовая продолжала обостряться. Ее решение геологи связывали с активным выходом в северные районы и усилением работ на обнадеживающей Вуктыльской площади.

Для охвата геологопоисковым бурением новых северных территорий нужны были новые организационные формы и методы бурения, радикальное изменение в системе материально-технического и финансового обеспечения, концентрация геологической и технологических служб, единая политика в области выбора приоритетных районов поиска и технологии его реализации.

В 1964 году, при активной поддержке начальника Ухтинского территориального геологического управления И.А.Махоткина, происходит слияние Войвожского и Печорского геологоразведочных трестов. В этом же году происходит объединение геологопоисковых экспедиций структурно-поискового бурения, работающих на территории Печорского края, и создание на их базе объединенной Печорской геологопоисковой экспедиции.

Нагрузка на руководителей реорганизованного треста и его предприятий резко возросла. Большую часть времени им приходилось находиться в Печоре. Осенью 1964 года на одном из совещаний управляющему трестом было доложено о ходе сейсморазведочных работ в районе бассейна реки Шапкина. Речь шла о возможном нали-

чии здесь структурного образования, аналогичного выявленному на Курьинской площади, где уже были получены промышленные притоки газа и конденсата. С.А.Голощекин придал этому сообщению особое значение, не стал ждать окончательных результатов сейсморазведки, внутреннее чувство и опыт подсказывали ему иное решение. Он поручил геологической службе срочно подготовить материалы сейсморазведки по упомянутому району и конкретно по Шапкинской площади, дать им квалифицированную и объективную оценку.

По разным, главным образом субъективным, причинам события того времени не нашли должного и объективного отражения в специальной литературе, на страницах прессы и даже в геологических отчетах и других официальных документах. Это был период переосмысления и переоценки прошлой геологической деятельности, утверждения новых взглядов и концепций.

О том, как все это зарождалось и происходило в районе Заполярья, автор попросил поделиться одного из главных участников тех событий, активного сторонника расширения работ в северной части Тимано-Печорского края Б.Я.Вассермана, в то время главного геолога треста. Сложившемуся положению в начале 60-х годов в части открытия газовых месторождений он дал следующую оценку:

— Многие факты, связанные с поиском газовых месторождений как на юге, так и на севере Тимано-Печорской провинции, замалчивались, нередко искажались, были известны лишь узкому кругу специалистов. Между тем, их роль и значение в последующих больших открытиях несомненны. Такое положение было вызвано позицией руководства геологической службой Ухтинского территориального управления, не желающей во всеулышьянье признать свои ошибки в оценке в недалеком прошлом северной части Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Открытие небольшого Джебольского месторождения, а следом за ним такого же Курьинского, дало нам весомое основание обратить внимание на всю зону Предуральяского прогиба, ускорить в итоге на многие годы открытие Вуктыльского газоконденсатного месторождения. Здесь мы впервые провели системный анализ всех пробуренных скважин, создали достоверные геологические карты района. Это была большая и важная научно-практическая работа геологов треста, которую выполнили Н.В.Сазонов, А.Ф.Цируль, В.И.Засимович, А.В.Пендайкина.

В последующем аналогичные карты с использованием имеющейся к этому времени геолого-геофизической информации создавались для других районов, что способствовало эффективному поиску месторождений газа и нефти. На их основе определялись точки заложения поисковых и разведочных скважин.

Что касается северной части провинции, то приоритет ее активного изучения с использованием поискового и разведочного глубокого бурения принадлежит Солomonу Абрамовичу Голощекину, настоявшему в 1964 году на опережающем бурении Шапкинской скважины, положившей начало изучению Шапкинско-Юрьянского вала и открытию здесь газовых и газоконденсатных месторождений второго газоносного района Тимано-Печорской провинции.

По представленным геологической службой данным принимается решение на предполагаемой Шапкинской структуре заложить параметрическую скважину проектной глу-

биной 4000 метров. Бурение ее позволяло проверить данные сейсмиков о наличии в этом районе условий скопления углеводородов и приступить к изучению геологического строения западной части Большеземельской тундры. Предстояло в сжатые сроки решить целый ряд организационных и технических вопросов. Этим занялась комиссия во главе с заместителем управляющего трестом Н.С.Краевым. В ее состав вошли специалисты предприятий и организаций, которым предстояло выполнять комплекс работ по подготовке и бурению первой глубокой скважины в районе Шапкино-Юрьяхинского вала.

Для нынешнего поколения геологов, нефтяников, газовиков Европейского Севера подобных проблем не существует. Если они и возникают, то решаются с применением новейших видов техники, технологий и связи, на службу людям пришли авиация, космическая связь, да и цели стали противоположные прежним, воспитывающие в человеке не бескорыстие и творческую инициативу, а лишь стремление к получению прибыли и к наживе. Тогда же это были сложнейшие, порой, казалось, непреодолимые проблемы. И, тем не менее они решались, тогда были сделаны нами главные открытия на территории Печорского края, создана основа, на которой построена и ведется добыча полезных ископаемых в Тимано-Уральском треугольнике, и не только нефти и газа.

Параметрическая скважина №1 — Шапкино была построена на западном берегу реки Шапкина в том месте, где ее берега представляют две террасы, верхняя из них оказалась незатапливаемой. Буровую и весь комплекс сооружений, рассчитанный на три года бурения, строил коллектив вышкомонтажного управления №2, руководство которым в то время было поручено автору этих строк. Опыт строительства и первый год эксплуатации комплекса выявили ряд важных отличий от строительства буровых в других районах. Многое пришлось исправлять в процессе бурения скважины и учитывать при строительстве следующих буровых на Шапкинской и Юрьяхинской площадях. Приобретался ценнейший опыт работы по строительству буровых в условиях Заполярья и вечной мерзлоты.

Бурение скважины было поручено нефтеразведочной экспедиции №4. Буровую бригаду возглавлял опытный мастер А.Т.Ольбиков, начальником буровой был назначен инженер Э.А.Хижняк. 26 февраля 1967 года при испытании скважины получили приток нефти и газа. До конца лета бурение продолжалось, а к 7 ноября скважина была оборудована для добычи нефти и пущена в пробную эксплуатацию. Ее производительность была в пределах 50 тонн в сутки, что обеспечивало технологические и энергетические нужды бурившихся в этом районе скважин.

Шапкинские нефть и газ коренным образом изменили оценку района. Была получена самая северная в стране нефть. Открытие стало началом крупных изменений как в организации разведки района, так и в увеличении объемов работ.

В 1966 году севернее Шапкинской площади сейсмики обозначили новую — Василковскую. В конце 1968 года здесь закладывают геологопоисковую скважину № 152. Ее бурение длилось до октября 1969 года. Проведенные испытания показали наличие на глубине 1480-1840 метров газоносных пластов, из которых в ноябре был получен приток газа с конденсатом объемом до 400 тысяч кубических метров в сутки. Одновременно велось бурение глубокой разведочной скважины №1-Василково проектной глуби-

ной 4200 метров, где при прохождении интервала 2340 метров получили приток газа. Ее бурение вела вновь созданная в Нарьян-Маре для ускорения и расширения геолого-разведочных работ в этой части региона нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения № 5 треста «Войвожнефтегазразведка».

Весной 1968 года началось строительство буровых на новой Лаявожской площади (№ 153) и в шести километрах от нее — №154, из которой получили фонтан газа с конденсатом из глубины 2242 метра. Одновременно широким фронтом велось глубокое разведочное бурение на Шапкинской, Юрьяхинской, Южно-Шапкинской, Василковской, Лаявожской, Ванейвиской площадях. Поступающая геологическая информация из мест бурения структурно-поисковых и глубоких разведочных скважин свидетельствовала об открытии нового газонефтеносного района Шапкинско-Юрьяхинского вала. В 1974 году запасы газа на Лаявожском газоконденсатнонефтяном месторождении в объеме 110 миллиардов кубических метров были утверждены Государственной комиссией по запасам. Ждали своего часа утверждения запасы по другим открытым и находившимся в разведке газовым и газоконденсатным месторождениям в этой части Печорского края.

Лаявожское месторождение по своим запасам было вторым после Вуктыльского газоконденсатного месторождения, а вместе с Василковским, Ванейвиским и другими месторождениями представляло собой надежную сырьевую базу для создания здесь второго по величине газодобычи района на территории Тимано-Печоры. На двенадцати подготовленных в 60-70-е годы к эксплуатации газоконденсатнонефтяных месторождениях на территории Ненецкого автономного округа запасы газа составляют сейчас полтриллиона кубических метров. Используются они частично, для нужд Нарьян-Мара, что составляет сотую долю от их возможностей.

Главными инициаторами и организаторами начала масштабных работ, давших импульс освоению северной части нефтегазовой провинции, позволивших открыть второй газоносный район на Европейском Северо-Востоке, были Соломон Абрамович Голощекин — управляющий трестом «Войвожнефтегазразведка»; Бернгард Яковлевич Вассерман — главный геолог треста, будущий главный геолог Ухтинского территориального геологического управления; Василий Семенович Хорьков — главный инженер треста, специалист в области буровых работ, будущий начальник Ухтинского территориального геологического управления; Иван Александрович Махоткин — начальник Ухтинского геологического управления, крупный специалист в области геологии и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, инициатор выхода разведочными работами на северные территории.

Мне посчастливилось многие годы работать с этими талантливыми инженерами и организаторами, высокообразованными и порядочными людьми, принимать непосредственное участие в обсуждении и решении многих вопросов выхода глубоким разведочным бурением на северные территории, осуществлять на практике их смелые замыслы и планы, поэтому я хочу донести до читателя, кто они и какова их роль в этом процессе.

Особая роль в создании нефтегазового комплекса в Коми АССР принадлежит **Соломону Абрамовичу Голощекину**. В 1922 году он поступает в Ленинградский горный институт. На третьем году по семейным обстоятельствам учебу оставил. Работает техником-электриком на строившемся ленинградском заводе «Электроприбор», а затем пере-

ходит работать монтажником электрооборудования. Поступает учиться в Ленинградский электромеханический институт, одновременно работает преподавателем математики в средней школе, затем мастером сборочного цеха завода «Электросила». После окончания учебы в институте назначен начальником производственного отдела этого завода. В 1938 году арестован и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей по делу «за участие в антисоветской организации», как позже окажется, сфабрикованному. Срок отбывал в Ухтижлаг. Работал на Крутянском газовом промысле начальником планово-производственного отдела — заместителем главного инженера, был одним из активных создателей газового промысла, строителей сажевых заводов и других объектов Крутянского промышленного узла, продолжал успешно изучать геологию и промысловое дело. С образованием треста «Войвожнефть» назначается начальником производственного отдела — заместителем главного инженера, ведет активную работу по созданию и развитию газонефтяной промышленности нового района. При создании геологоразведочного треста «Войвожнефтегазразведка» занимает должность главного инженера, а затем управляющего трестом.

Это был в высшей степени порядочный и честный человек, патриот, эрудированный руководитель, у которого слово и дело не расходились. Его неизменным правилом было сначала самому разобраться на месте события, все увидеть, услышать мнение коллег и специалистов, а затем принимать решение. Знание геологии, нефтегазопромыслового дела, электротехники, машиностроения позволяло ему принимать квалифицированно и своевременно самые сложные, а порой неожиданные и рискованные решения, всегда дающие требуемый результат. С его мнением считались, к нему прислушивались в Министерстве геологии РСФСР и чиновники в республике. Он был автором ряда крупных проектов, менявших организацию геологоразведочных работ и их географию.

Ему принадлежит идея доставки грузов на буровые в условиях тайги и тундры по зимним дорогам вместо существующей практики использования для этих целей водных путей, ограничивающих районы производства работ, сдерживающих рост их объемов, удлиняющих сроки строительства и бурения. В 1964 году протяженность зимних дорог, за строительством и содержанием которых следил управляющий трестом, достигла 2170 километров. По зимним дорогам можно было проехать ко всем без исключения строящимся и бурящимся буровым с южной до северной части Тимано-Печорской провинции по маршруту Пачгино — Курья — Троицко-Печорск — Дутово — Вуктыл — Ара-нец — Печора — Усть-Уса — Денисовка — Шапкино — Нарьян-Мар. Это коренным образом изменило организацию процесса бурения, повысило надежность снабжения, ликвидировало дорогостоящую практику создания годичных запасов материальных ресурсов на буровых.

С его участием открыто, разведано и обустроено 56 месторождений нефти и газа на территории Коми АССР и Ненецкого автономного округа. Он был инициатором разведочного бурения в Калининградской области, где было открыто ухтинскими геологоразведчиками три месторождения нефти. К великому сожалению, до открытия Нарьян-Марской группы месторождений С.А. Голощекин не дожил, не увидел результата организованного здесь им бурения. Он ушел из жизни в 1965 году, оставив неизгладимый след на северной земле и добрую о себе память.

Иван Александрович Махоткин родом из Белоруссии. В 1941 году окончил Московский нефтяной институт им. академика И.М.Губкина по специальности «геология и разведка нефтяных месторождений». По решению ЦК ВКП(б) был направлен на работу в Ухтижлаг МВД СССР. В качестве начальника геологоразведочной партии провел геологические исследования и оценку бассейна реки Выми. Затем назначается геологом, старшим геологом по бурению шахтных скважин на первой нефтяной шахте Ярегского месторождения. Принимает непосредственное участие в разработке и внедрении системы бурения подземных скважин на базе разработанного впервые в нефтяной промышленности СССР метода структурного анализа. Метод давал возможность определять зоны заложения скважин с высокой производительностью, избегать аварийных выбросов при бурении и значительно повышать добычу нефти. Инициативность, полученный опыт и знания на 1-й нефтешахте дали основания руководству Ухткомбината назначить Махоткина главным геологом 3-й шахты.

С развитием газо- и нефтедобычи в новом Крутянско-Войвожском районе И.А.Махоткина назначают начальником геологического отдела Газопромисла. В 1948 году он был награжден первым орденом Трудового Красного Знамени. С 1953 года работал главным геологом управления Верхнеижемского эксплуатационного района, а с созданием треста «Войвожнефть» главным геологом треста, затем Войвожского нефтегазопромислового управления, занимает должность руководителя этого управления, возглавляет геологическую службу Коми Совнархоза, где проводит вместе со сменившим его на этом посту геологом В.А.Левченко громадную работу по обоснованию высокой перспективности на нефть и газ Большеземельской тундры и осуществляет ряд практических мер по выходу в этот район.

В 1963 году И.Махоткин назначается начальником Ухтинского территориального геологического управления. С его именем связаны открытия нефтяных и газовых месторождений Ижма-Сойвинской группы, освоение Ярегского месторождения тяжелой нефти, открытие Вуктыльского, Северо-Савиноборского, Усинского, Пашнинского, Джьерского месторождений, начало работы на многих других месторождениях, особенно в районе Большеземельской тундры. Его немалая заслуга в том, что в 1965 году были начаты разведочные работы на Шапкино-Юрьянском валу. За достижения в области открытия и освоения месторождений Иван Александрович награжден тремя орденами и двумя медалями СССР, знаком «За освоение Печорского бассейна». Он один из авторов книги «Шахтная разработка нефтяных месторождений», вышедшей в 1955 году. Талантливый геолог, патриот Севера, отдавший более двадцати лет освоению нефтегазовых его богатств, он продолжил свое любимое дело начальником управления буровых работ на Вуктыле, а затем десять лет возглавлял геологическую службу «Севергазпрома».

Как и И.А. Махоткин, **Василий Семенович Хорьков** всю свою трудовую жизнь посвятил разведке и освоению минерально-сырьевых ресурсов Европейского Севера. В Коми он прибыл в 1951 году после окончания Уфимского филиала Московского нефтяного института. Руководством Ухтинского комбината был направлен в Нижнеомринский разведывательный район на участок бурения скважин. С созданием на базе Нижнеомринского и Верхнепечорского разведрайонов в июле 1953 года конторы глубокого бурения треста «Войвожнефть» назначается начальником производственно-технического отдела — заместителем

главного инженера. С 1956 года работает директором конторы бурения, выполняющей буровые работы на Джебольской и примыкающих к Нижней Омре площадях, позже в районе Западно-Тэбукского месторождения. В 1961 году его назначают главным инженером геологоразведочного треста «Войвожнефтегазразведка», а с 1964 года управляющим этим трестом. С 1969 по 1975 годы он на партийной работе — секретарем Печорского горкома КПСС. В 1975 году В.Хорькова назначают начальником Ухтинского территориального геологического управления. Он участник открытия десятков газовых и нефтяных месторождений, в том числе Джебольского, Курьинского, Вуктыльского, Печорогородского и Печорокожвинского, Югидского, Северно-Кыртаельского, Шапкинского, Пашнинского, Западно-Тэбукского, Джьерского, Усинского, Взейского, Хорьинского и многих других.

Особая заслуга Хорькова в воспитании и выдвижении молодых кадров, в создании производственной базы для разведки региона. Им выдвинуты на руководящие должности многие талантливые инженеры и техники, возглавившие предприятия геологоразведки, созданы пять нефтеразведочных экспедиций глубокого бурения на территории Тимано-Печорской провинции, крупные производственно-технические базы для обслуживания бурения в Печоре, Вуктыле, Инте, Усинске, Нарьян-Маре, Ухте. Он один из самых авторитетных и уважаемых руководителей геологоразведочной отрасли в Коми АССР. Его заслуги оценены двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, званием «Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР».

К сожалению, его творческий и организаторский потенциал не был использован в полную силу. Полученное приглашение работать заместителем министра геологии РСФСР «зарубил» Коми обком КПСС. С 1988 до 1992 года В.Хорьков находился на пенсии, жил в родной и близкой ему Ухте.

Бернгард Яковлевич Вассерман прибыл в Ухткомбинат в том же году, что и В.Хорьков. Родился он в 1925 году в Минске. С 1927 года с матерью жил в Башкирии. В 1938 году мать арестовали, над тринадцатилетним Бернгардом, сыном немки, было установлено опекунство. Опекуном стала русская школьная учительница. Окончив школу, он поступает в Уфимский геологоразведочный техникум. Учебу в нелегкие военные годы сочетал с работой. После окончания техникума учился сначала в Уфимском филиале Московского нефтяного института, затем в Москве. Закончил институт с отличием. Работать начал геологом, старшим геологом геологопоисковой экспедиции Ухткомбината. С 1953 по 1959 годы возглавлял геологическую службу геологопоисковой конторы треста «Войвожнефтегазразведка». Среди многих молодых геологов того времени выделялся не только исключительным трудолюбием, глубокими знаниями, но и прогрессивными взглядами в оценке газонефтеносности региона. В 1959 году он стал главным геологом крупнейшего геологоразведочного треста в стране, а через пять лет в 1966 году был назначен на должность главного геолога Ухтинского геологического управления, стал главным идеологом геологоразведочных работ на нефть и газ в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

Будучи геологом-штурманом, он смело, уверенно прокладывал путь на Север, в Предуралье, ступень за ступенью поднимался к самым северным широтам вплоть до острова Колгуев. Осторожность в оценках и смелость в действиях были его неизменной чертой и всегда давали результат. Он проработал главным геологом треста и Ухтинского геологического управления 21 год, установил своеобразный рекорд. За это время была созда-

на сырьевая база для развития мощной нефтяной и газовой промышленности на Европейском Севере, в ее создании заслуга Вассермана огромна и неоспорима. После 1980 года он работает в Ухтинском филиале ВНИГРИ, а затем в Москве занимается проблемами нефтегазоносности Тимано-Печорского края. Его заслуги отмечены двумя орденами, в том числе орденом Ленина, медалями, званиями «Заслуженный геолог РСФСР», «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР». Он автор многих научных работ, соавтор книги «Условия формирования и закономерности размещения залежей нефти и газа», вышедшей в 1974 году.

В начальный период освоения Шапкино-Юрьянского вала, ставшего первым этапом на пути к нефтегазовым кладовым Большеземельской тундры, активными участниками и организаторами работ были М.С.Ардалин, А.И.Адамов, С.И. Бастрипов, А.С. Гуменюк, П.С. Олиферчук, В.А.Аношин, Н.С.Краев, М.М.Артамонов. Этой зоне газоконденсатных месторождений в период их разведки был дан статус резервной. Было не до нее. Гигантский Вуктыл, супергигантские месторождения севера Западной Сибири отодвинули этот район в число не первоочередных как с позиции Министерства газовой промышленности СССР, так и руководства объединения «Комигазпром», о чем говорил министр С.А.Оруджев во время посещения в 1974 году Нарьян-Мара.

Нелегкий, благородный труд ухтинских геологов и руководителей-организаторов увенчался в 60-е годы практическим подтверждением перспективности на нефть и газ северной части Печорского края, открытием первого в Европейском Заполярье Шапкинского нефтегазового месторождения, ставшего прелюдией открытий Нарьян-Марской группы газоконденсатных кладовых и залежей нефти и газа на просторах Ненецкого автономного округа.

Сомнения отброшены — курс на Вуктыл

В обстановке бурных преобразований по настоянию С.А.Голощекина и при поддержке и участии его единомышленников М.Крупенского и В.Левченко, с непосредственным участием Б.Вассермана и В.Аношина в 1959-1961 годах проводятся масштабные сейсморазведочные работы с применением всех имевшихся тогда методов сейсморазведки в районе Нижневуктыльской и Средневуктыльской структур.

В летний сезон 1959 года отряд геофизика Ю.М.Портнова проводит на реке Вуктыл сейсмические изыскания методом отражения волн и дает подтверждение наличия Нижневуктыльской структуры. В 1959 и 1960 годах проводится аэромагнитная съемка, она подтверждает наличие Нижневуктыльской, Средневуктыльской и Верхневуктыльской структур на протяжении 80 километров. В 1960-1961 годах проведены сейсмические работы, позволившие методом отражения волн определить границы Нижневуктыльской структуры. Подтверждено наличие на протяжении 85 километров структурных образований, перспективных для поиска нефти и газа, электроразведочными работами вдоль реки Вуктыл по правому берегу Печоры.

Наконец, в 1962 — 1963 годах на реку Вуктыл направляется еще одна крупная сейсморазведочная партия под руководством темпераментного южанина Арама Ивановича Дохсаньянца. Зима 1962 — 1963 годов была для него и его товарищей самой крутой

проверкой на прочность. В один из дней января мороз достиг абсолютного для этих мест максимума — около шестидесяти градусов по Цельсию. На несколько дней все работы пришлось остановить, но в целом они продолжались. Обработка материала, добытого партией А.И. Дохсаньянца в сезоне 1962 — 1963 годов, показала, что на Вуктыле геологи имеют дело не с отдельными структурами, а по нижним горизонтам с единой гигантской ловушкой-кладовой, протяженностью более 80 километров, которую надо было раскрыть как можно скорее.

До этого ни одно из месторождений не подвергалось столь продолжительному, многократному и детальному изучению перед началом буровых работ. И в будущем судьба Вуктыльского месторождения была тоже уникальной.

Весь комплекс работ в районе Вуктыла с 1957 года контролировал главный инженер, а затем управляющий трестом С.А. Голощекин. По его указанию геологический отдел треста «Войвожнефтегазразведка» составил проект поискового бурения той части Вуктыла, что называли Нижневуктыльской площадью. К концу 1961 года он был представлен на рассмотрение научно-технического совета Ухтинского территориального геологического управления (УТГУ). Оно было создано 10 марта 1960 года на базе Коми-Ненецкого геологического управления, базировавшегося в городе Воркута, и геологоразведочных предприятий и организаций Ухтинского комбината в рамках проводимой коренной реорганизации геологоразведочной отрасли страны по решению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР.

Шел процесс организации и становления нового производственного геологического образования. Начальником УТГУ стал Г.А. Кузнецов, бывший начальник Ухткомбината; главным инженером — специалист с большим стажем работы на различных руководящих должностях в Ухтижемлаге и Ухткомбинате А.В. Михайлов, главным геологом — бывший главный геолог Ухткомбината А.Я. Кремс. Особенностью характера этих руководителей была не совсем характерная для геологов черта — повышенное чувство осторожности. В их вечном поиске это не всегда достоинство, скорее, недостаток. Может, поэтому рассмотрение проекта бурения на Вуктыльской площади откладывалось полгода и состоялось лишь 26 мая 1962 года.

Неоперативность и медлительность руководства УТГУ побудили Голощекина выехать в Москву и добиваться в Главном управлении геологии и охраны недр при Совете Министров РСФСР и в Министерстве геологии СССР разрешения на проведение буровых работ на Вуктыльской площади. Через две недели (в Ухте рассмотрение заняло полгода) 25 июня 1962 года Главгеологией такое разрешение было выдано. Вуктыльская площадь была введена в глубокое бурение.

Особая роль в ускорении геологоразведочных работ в бассейне реки Вуктыл принадлежала геофизикам. Сотни специалистов всех направлений и уровней разведки и сейсморазведки зимой и летом не покидали район. В этом поиске на разных его этапах принимали участие лучшие специалисты и организаторы сейсмических методов разведки Е.М. Романов, И.И. Крупенский, И.И. Беловол, Ю.М. Портнов, А.К. Войтович, В.И. Кларк, Д.П. Воскресенский, Ф.Ф. Патрикеев, А.С. Бушуев, Е.Д. Холодок, Ю.П. Волков, А.П. Шерстюк, Г.Н. Путимцев, А.И. Дохсаньянц, А.Л. Кокошко, Е.В. Бухаров, С.М. Перельман, В.В. Пахомов и многие другие.

Школа открытия этого месторождения была для них ареной совершенствования организации, технологии и методов работы, повышала их эффективность, что в последующем способствовало успешному и ускоренному открытию многих месторождений на Европейском Севере и в других районах страны. Ухтинские геофизики стали одними из первых в стране инициаторами многих начинаний в своем деле.

Но есть еще одна коллективная заслуга ухтинских геофизиков. Она не отмечена ни орденами и званиями, ни знаками первооткрывателей, ни благодарностями и грамотами. На счету многотысячного отряда геофизиков Ухты — неоценимый вклад в культурное и интеллектуальное развитие города. На протяжении второй половины пятидесятых годов и до начала восьмидесятых геофизики в городе и районе составляли самый большой отряд интеллигенции. Их присутствие чувствовалось на всех мероприятиях города, во всех сферах его общественной и культурной жизни. Они были первыми в области внедрения новых технологий, передовой вычислительной техники, были примером организованности и культуры, общественного поведения.

Точка взлета — первая скважина

К этому времени для работников треста, его многочисленных предприятий вуктыльское направление было уже не новым. Район оценивался как самый трудный из всех тех, где приходилось вести буровые работы раньше. Необходимо было учитывать и то, что территория намечаемых работ относилась к Печорскому району с административным центром в городе Печора, который в те годы занимал особое положение в транспортной схеме Коми АССР. Крупный Печорский речной порт принимал грузы, доставленные по железной дороге из любого уголка страны. Печорское речное пароходство располагало необходимым количеством флота для доставки грузов в бассейне реки Печора и ее притоков. Отсюда до Вуктыла около 220 километров.

Транспортная связь с предстоящим районом бурения была многовариантной. Все варианты в то время были сезонными. По воде ограничивались временем речной навигации, по суше — зависели от наведения ледовой переправы через Печору и от времени восстановления зимних дорог, главным строителем которых был Дед Мороз.

Подготовка к развертыванию работ по глубокому разведочному бурению на вуктыльской структуре и прилегающих к ней территориях началась летом 1962 года. Там еще велись сейсморазведочные работы. Предполагаемые работы были громадными по объемам и расстояниям в исключительно труднодоступных местах. Для их успешной реализации нужны были нестандартные решения. И такие решения надо было находить.

Бурение скважин на Вуктыле возлагалось на нефтегазразведочную экспедицию глубокого бурения №1. Находилась она в поселке Шердино, что на берегу Печоры, в 50 километрах от будущего месторождения газа. Руководители экспедиции — директор М.А.Башлачев, главный инженер Л.М.Феоктистов, недавно возглавившие экспедицию, вместе с главным геологом А.М.Груздевым приступили к активной подготовке буровых разведочных работ на вуктыльских структурах.

Одна из необходимых, ответственных и нелегких для исполнения задач возлагалась на топографо-геодезическую службу треста. Она выполняла перенос намеченной геоло-

гами точки будущей буровой с топографической или структурной карты на местность. О важности и ответственности этой службы можно судить по истории открытия многих месторождений нефти и газа в мировой практике и в нашей стране. Когда топографами или другими лицами место заложения скважины определялось не там, где указывали геологи, самовольно переносилось, это обходилось весьма дорого, приводило к удлинению сроков открытия месторождения на годы, а то и на десятилетия. Бывало и наоборот, когда перенос скважины приводил к так называемым «случайным открытиям», но это весьма редкое явление.

Топографо-геодезическую группу возглавлял крупный специалист, ранее занимавший видные и ответственные посты в области геодезии и картографии в Красной Армии, Н.А.Бринкен. Его помощниками были старший инженер-геодезист Т.Г.Моисеенко и топограф А.П.Тарабрин. Это трио достойно всяческой похвалы. Их нелегкий, а порой изнурительный труд вызывал восхищение. Зимой и летом с приборами в руках, с рюкзаками за спиной они сутками не выходили из тайги, преодолевая многокилометровые расстояния таежной целины, казавшиеся непроходимыми болота, по пояс в воде переправлялись через многочисленные ручьи и речки, нередко ночуя зимой и летом у таежного костра. Их не страшили сорокаградусные морозы, пурга, не прекращающиеся сутками дожди, не дающие ни минуты покоя комары и оводы. Свой нелегкий труд они выполняли с чувством долга и высокой ответственности.

Н.А.Бринкену шел седьмой десяток, а он не покидал любимую работу, не требовал для себя никаких скидок. Это был не только талантливый инженер и великолепный труженик, но и чудесный, высокообразованный человек. Он и его помощники свой долг выполняли с честью и достоинством. Ни одна буровая треста «Войвожнефтегаз-

Устье реки Вуктыл, давшей название месторождению.

разведка» в пятидесятые-шестидесятые годы не становилась на точку без их участия. Это они потом с гордостью произносили: «Я отбивал эту буровую», — когда приходила весть о нефтяном или газовом фонтане. Отдавая должное их скромному труду, хочу донести до читателя, что первую скважину на местности на будущем Вуктыльском газоконденсатном месторождении под номером два обозначил со своими помощниками Н.А.Бринкен.

Задание определить на местности положение будущей скважины руководитель топогеодезической партии получил в последние дни июля 1962 года от начальника геологического отдела треста и сразу же приступил к проведению необходимых расчетов. Через пару дней группа уже была готова отправиться на поиски места будущих работ.

Желание ознакомиться с районом заложения первой скважины на новой структуре всегда изъявляли первые лица треста. Подобная практика при С.А.Голошкеине стала нормой. Это давало возможность с учетом знания местности правильно сориентироваться и оперативно принять решение. Все первые точки, как правило, посещал управляющий трестом с руководителями буровых и строительных организаций. На сей раз Соломон Абрамович по какой-то причине правило нарушил, поручил эту миссию главному инженеру В.С.Хорькову.

Судя по топографической карте, точка попадала на край большого, глубокого болота. Не исключалась необходимость ее переноса, на что могли дать разрешение только главный геолог треста или начальник геологического отдела. Место желаемого перемещения, как правило, определяли на местности представители вышкомонтажного управления. Вышкомонтажники первыми осваивали площадку, размещали на ней все привычные сооружения, создавали требуемые условия для работы буровой бригады.

Для оперативного рассмотрения возможных вопросов было решено выехать на место с топографами начальнику геологического отдела В.Аношину и мне как главному инженеру вышкомонтажного управления, а также начальнику вышкомонтажного цеха Р.Бабаянцу и руководителю ремонтно-эксплуатационной базы речного флота Д.Трошину. Тут же возникла мысль заодно рассмотреть и решить еще одну неотложную задачу — выбрать место для приема грузов, поступающих по реке, и район будущей зимней ледовой переправы.

В первых числах августа на катере под названием «Урал» от пристани Игостав вниз по реке группа в составе В.С.Хорькова, В.А.Аношина, А.С.Гуменюка, Р.Т.Бабаянца, Д.А.Трошина, Н.А. Бринкена, Т.Г.Моисеенко, А.П.Тарабрина отбыла к Вуктыльской структуре. К обеду следующего дня вуктыльский десант высадился на правом берегу Печоры в 2,5 километра от устья реки Вуктыл. На месте высадки высокий берег реки разрезал такой же глубины овраг. Слева от него в сосновом бору виднелось несколько жилых передвижных домиков. Принадлежали они сейсмикам, которые продолжали в этом районе свои работы. Справа, на крутом и высоком берегу, узкой полосой росли небольшие, одинокие сосны, а вдали от берега виднелись мелкие ели, свидетельствующие о заболоченности этих мест.

Поднялись на берег. Осмотрели с его высоты окрестности. Полюбовались красотой Печоры, русло которой просматривалось в обе стороны на многие километры, и по глубокому извилистому тракторному следу двинулись в район закладки буровой.

Через три часа нелегкой ходьбы достигли геодезического знака. От него и начали свою работу топографы. Скоро, преодолевая открытое болото, прыгая с кочки на кочку, мы были на месте будущей буровой. Переносить точку некуда. Кругом болото. Оно восторга не вызывало, но и уныния тоже. Все были оптимистами.

Вернулись на берег. Обследовали место для выгрузки будущих грузов. Побывали в районе намечаемой переправы. Обошли чудесный сосновый бор с его полянами зреющей брусники и никем не тронутыми красавцами — белыми грибами. Кстати, прогулка была первой и последней. Скоро бора не стало. На его месте появились жилой поселок, производственная база геологоразведочной экспедиции и посадочные площадки для вертолетов. Через год здесь приземлялись один за другим самолеты АН-2 и вертолеты МИ-4.

Оставили Н.А.Бринкена и его спутников. Им предстояло обследовать район еще трех будущих буровых, дать характеристику местности и определить, если возникнет необходимость, место их предполагаемого переноса.

К вечеру на том же катере пошли вверх по Печоре. Скоро на Вуктыл от пристани Игостав пошли первые караваны барж с техникой, первоочередными грузами для вышкомонтажников и дорожных строителей. Начальник вышкомонтажного цеха Р.Т.Баба-янец перебазировался со всем своим хозяйством на Вуктыл и начал подготовку к строительству и монтажу первой буровой установки. Задача была непростой и нелегкой. Несмотря на сложности и трудности, которых было немало, буровую построили к 15 марта 1963 года.

Буровая бригада мастера И.Д. Игнатова приступила к подготовительным работам и опробованию оборудования. 23 марта 1963 года в журнале сводок о работе буровых бригад нефтеразведочной экспедиции №1 и в производственном отделе треста «Войвожнефтегазразведка» появилась запись о пробуренных первых метрах скважины №2 Нижний Вуктыл. Процесс пошел. Буровое долото, врезаясь в земную толщу, ежедневно давало ценнейшую геологическую информацию.

Одновременно велись работы по монтажу оборудования на площадках буровых три и шесть. Бурение их началось соответственно 4 июня и 27 августа. Опыт строительства и бурения первых трех скважин выявил ряд организационных и технических проблем. В случае увеличения объемов работ на одной площади их решение становилось необходимым и обязательным. Следует отметить, что район деятельности геологоразведочных трестов значительно расширился на север, охватывал новые перспективные зоны. Трест «Войвожнефтегазразведка» выходил на новые структуры в бассейне Средней Печоры.

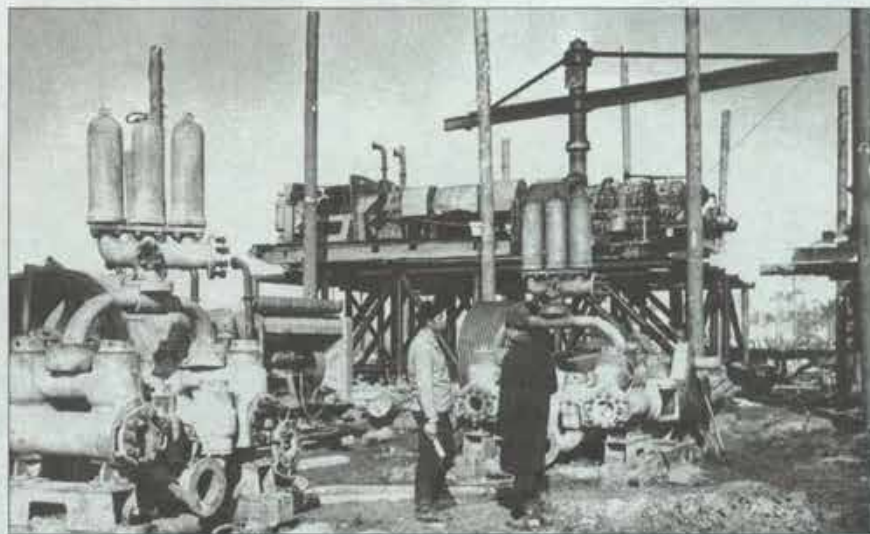
Менялась морально-психологическая обстановка, сложившаяся в результате многолетнего периода (1951-1958 годы) неудач. На счету геологов появились открытия, вселявшие уверенность и вернувшие им доверие в Коми АССР и в центральных органах страны. Это подтверждали открытые Западно-Тэбукское (1959 год), Мичаюское (1961 год), Пашнинское (1963 год), Джьерское (1963 год) нефтяные месторождения. Однако не была снята острота газовой проблемы. Выполнение задания Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, предусмотренного постановлением от 15 августа 1958 года по приросту запасов газа по Коми АССР в объеме 70 миллиардов кубичес-

ких метров, было сорвано. Добыча газа в 1963 году снизилась до уровня 1949 года и составила 997 миллионов кубических метров. Надежды на вуктыльский газ были большими, но снять усиливающееся напряжение они не могли. Оно нарастало.

Полвека поисков, один день открытия

За ходом бурения скважины №2 установили особый контроль. За ним с тревогой следили в Ухте, Сыктывкаре и Москве. Главный инженер экспедиции А.Феоктистов не покидал Вуктыл. Геологическая служба практически переместилась на площадку буровой. Несмотря на принимаемые меры, на скважине не удалось избежать серьезных осложнений, в том числе по причине сильных газопроявлений, вызывавших постоянную необходимость в ремонтных работах.

20 октября 1964 года при опробовании скважины был получен первый вуктыльский газовый фонтан. Проведенные исследования, в которых приняли участие

Идет монтаж оборудования буровой №3-Вуктыл.

главный геолог треста «Войвожнефтегазразведка» Б.Я.Вассерман, главный геолог экспедиции №1 А.М.Груздев, начальник службы опробования скважин А.С.Кузнецов, буровой мастер И.Д.Игнатов, представители Центральной научно-исследовательской лаборатории УТГУ, свидетельствовали об открытии газового месторождения. Это событие вдохновило геологов, весь многотысячный коллектив Ухтинского геологического управления. Однако его важность стала понятной только после получения мощного фонтана газа и конденсата из скважины №3 в марте 1966 года.

Так закончился полувековой путь к открытию Вуктыльской газовой кладовой. Начался этап разведки месторождения, а за ним освоения и разработки.

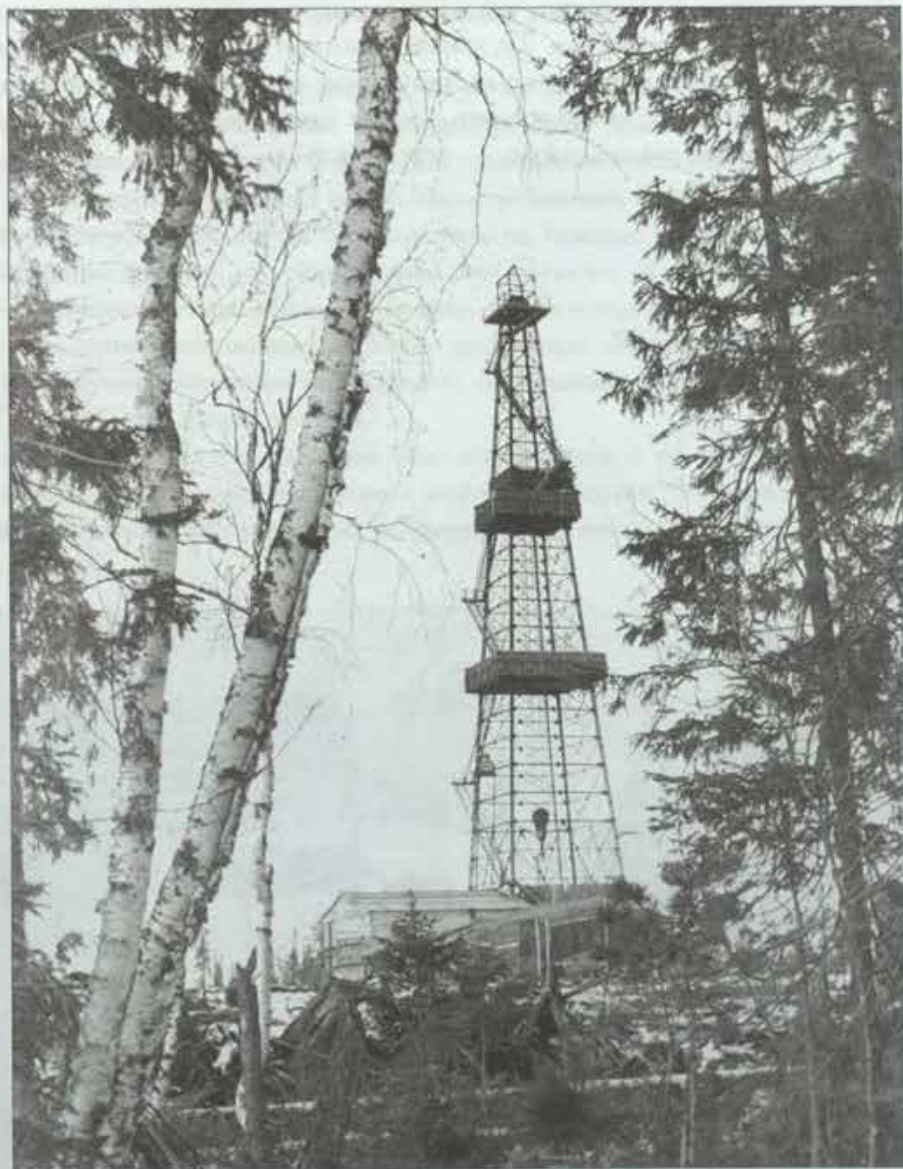
Здесь уместно сделать отступление и привести любопытный факт, имеющий отношение к открытию Вуктыльского месторождения. Отдавая должное в его откры-

*Буровая №2 — первооткрывательница
Вуктыльского месторождения.*

тии В.Аношину и П.Мельникову, не следует забывать одно важное обстоятельство, которое они использовали при проведении работ и их оценки. О работе Т.А.Добролюбовой и Е.Д.Сошкиной на заре Советской власти в районе реки Вуктыл уже упоминалось. Они первыми прогнозировали Вуктыльскую структуру. В изданной в Ленинграде в 1935 году «Общей геологической карте Европейской части СССР (Северный Урал)» на геологическом разрезе (лист 123) они изобразили местоположение этой структуры и отметили высокую вероятность Вуктыльского поднятия для поисков углеводородов.

Разведочная скважина №21. В июле 1966 года из нее ударил мощный фонтан газа с суточным дебитом миллион кубометров.

Связь Татьяны Алексеевны Добролюбовой с Вуктылом имела продолжение. К великому сожалению, обидное для этой жизнерадостной, мужественной и талантливой женщины. Она дожила до открытия Вуктыльского газоконденсатного месторождения и, безусловно, гордилась своей причастностью к этому событию. Но в заявлениях ухтинских геологов об открытии месторождения ее имя даже не упоминалось. Не получила известный геолог, доктор наук Т.А.Добролюбова и ответ от министра геологии СССР академика А.В.Сидоренко на просьбу пригласить ее на второе знаменательное событие, связанное с Вуктылом, — пуск газопроводной системы «Сияние Севера». А жаль...

Период освоения и разработки, как и вся предшествующая ему история месторождения, был необычным и непростым. То, как проходил этот новый бурный этап, давший ответ на вопрос, что собой представляет месторождение, последствия его открытия для Республики Коми и страны, имевшие место тогда и продолжающиеся в наши дни, какие уроки из этого можно извлечь сейчас, — отдельная тема.

2. Имя уникального месторождения — Вуктыл

После первых газовых фонтанов

План широкомасштабного наступления на новые районы геологопоисковых и разведочных работ определился в начале шестидесятых годов прошлого века и стал новым этапом в освоении Европейского Севера. По намеченным геологами районам глубокого бурения от верховьев Печоры до Нарьян-Мара требовалось определить места размещения производственных баз, жилых поселков геологов, буровых предприятий. Летом главной транспортной артерией на то время была река Печора с ее судоходными притоками, зимой — временные зимние дороги, «зимники». Это в конце семидесятых. А в восьмидесятые годы станет возможным добираться до Вуктыла, Усинска, Харьяги комфортабельными автобусами, легковыми автомобилями, по железной дороге, современными самолетами. Тогда об этом только мечтали.

Место расположения той или иной базы определялось с учетом ее перспективного использования, обоснованных и разумных затрат на создание. У читателя может сложиться представление, что тогда денег не считали. Нет, это далеко не так. Нужно было

Так начинался Вуктыл.

уложиться в действующие нормативы, не превысить расходование выделенных на эти цели финансовых и материально-технических средств. За этим зорко следил финансирующий геологоразведочные работы Стройбанк. Торг был неуместен. За брак не платили.

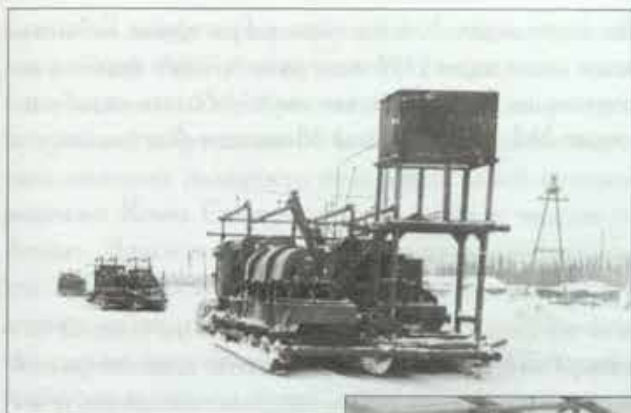
Работа по выбору рационального варианта размещения баз требовала всестороннего изучения района, практического опыта, инженерных знаний, видения перспективы и определенного риска. К этой работе Ухтинское территориальное геологическое управление и трест «Войвожнефтегазразведка» активно начали готовиться после первого газового фонтана на Вуктыле. Вдоль Печоры слева и справа по течению тресту предстояло вести бурение скважин на Мишпарминской, Кыртаельской, Югидской, Переборской, Аранецкой, Вуктыльской, в верховьях Печоры — на Курьинской, Патраковской, Пачгинской, Рассохинской и на ряде других площадей. Ниже по течению от города Печора все работы возлагались на трест «Печорнефтегазразведка».

С учетом того, что трест «Войвожнефтегазразведка» имел большой опыт проведения работ в новых районах, организационно и технически обладал необходимыми возможностями, ему предстояло дать предложения по организации работ на всей территории намечаемых поисков.

О возможностях треста, авторитете его руководителей свидетельствует такой малоизвестный факт из истории этого замечательного коллектива. В 1962 году, одновременно с началом работ на Вуктыльской структуре, ему было поручено вести геологоразведочное бурение на самой западной точке страны — в Калининградской области. В первых числах марта 2004 года в средствах массовой информации, по центральному телевидению многократно сообщалось о том, как одной из ведущих нефтяных компаний России в Балтийском море, вблизи берегов Калининградской области, начато бурение первой скважины с морской платформы, чем положено начало освоению нефтяных богатств этого региона. Соглашение о сотрудничестве подписали глава администрации Калининградского региона и руководитель нефтяной компании. Что-то вроде гарантии, что и владельцу недр что-то может перепасть. Так теперь заведено.

А тогда было по-другому. Предстояло разведать три перспективные структуры на нефть и передать их добывающей государственной организации, ей и нефть учитывать, и прибыль для страны создавать. Автору этих строк пришлось строить уж точно первые буровые в этом районе, а буровикам треста «Войвожнефтегазразведка» их бурить. На месте работами тогда руководил молодой, способный и очень смелый инженер Владимир Иванович Неклюдов, будущий заместитель начальника Ухтинского территориального геологического управления, который блестяще справился с задачей в весьма непростых условиях Калининградской области отдаленной от базы на 2,5 тысячи километров. Там он организовал уникальную техническую операцию по перемещению буровых вышек на большие расстояния без разборки с использованием военной техники — танков Т-34, которые любезно предоставила воинская часть.

Зрелище было впечатляющее. Пятидесятиметровая вышка со всем смонтированным на ней оборудованием, весом около ста тонн, передвигается с помощью десяти ревущих танков, выстроившихся в виде клина, а спереди на отдельном танке Неклюдов флажками дирижирует движением. Рядом с ним командир части. Такого опыта в стране не имел

На Вуктыл идут первые блоки для крупноблочного строительства и монтажа буровых.

На переднем плане (справа налево) Б.И. Радченко, А.В. Сосунов, С.А. Голощекин, В.С. Хорьков, А.С. Гуменюк.

никто. С задачей трест «Войвожнефтегазразведка» успешно справился. Открыл два нефтяных месторождения, после чего работы были переданы Западному геологическому управлению, а вышкостроители и буровики продолжали работать на Вуктыле.

Разработку предложений по структуре и организации работ возглавил управляющий трестом С.А. Голощекин. Первым шагом к новой организационной структуре стала ликвидация в мае 1964 года треста «Печорнефтегазразведка» и передача всех работ войвожскому тресту. В течение 1964 года определялись места базирования новых и перемещения действующих нефтеразведочных экспедиций и их баз: город Нарьян-Мар; поселок Балбанбож, что в трех километрах от деревни Колва, на правом берегу реки Уса; район северной части Вуктыльского месторождения на берегу реки Печора.

Летом 1965 года аппарат треста «Войвожнефтегазразведка» переезжает в город Печора, поближе к месту проведения геологоразведочных работ. Управляющий трестом С.А. Голощекин, главный идеолог переезда, сам переехать в Печору не смог, не позволило здоровье. Остался на Войвоже. Его заменил главный инженер треста Василий Семенович Хорьков. Замена была достойной. Это подтвердили время и дела. Размещение штаба оперативного руководства геологоразведочными работами в городе Печора стало значительным событием в деле ускорения освоения новых районов. С 1 января 1965

года начала работать нефтеразведочная экспедиция №4 во главе с Григорием Гайковичем Авакяном, в Нарьян-Маре создается экспедиция глубокого разведочного бурения во главе с Петром Сергеевичем Олиферчуком, на Вуктыле продолжает работать перебазированная из поселка Шердино экспедиция №1, возглавляемая Михаилом Анатольевичем Башлачевым.

Роль города Печоры сейчас видится по-другому

Перевод геологоразведочного треста в Печору сыграл особую роль в начальный период развертывания работ на Вуктыльском месторождении. Были сняты административные барьеры, имевшие место из-за того, что территория месторождения находилась в ведении Печорского, а трест до переезда — на территории Ухтинского районов. Появилась возможность в полной мере использовать преимущества Печорского транспортного узла: река — железная дорога — воздух. Грузы поступали в речной порт по железной дороге, перегружались из вагонов на речные суда и доставлялись на Вуктыль. Объем перевозок по такой смешанной схеме достигал свыше тысячи тонн в сутки. Создалась возможность активно подключить к проблемам Вуктыля Печорское речное пароходство, бассейновое управление речного пути, железнодорожников, тресты «Печорлес» и «Печорлесосплав». Оказывали геологам активную помощь партийные и советские органы города, лично первый секретарь горкома партии А.А.Давидов и председатель горисполкома В.В.Куликов. Оперативно решались вопросы различных согласований с инспектирующими органами. Все это значительно ускорило создание баз бурения на Вуктыле. Как очевидец и участник этих событий уверен, что это позволило на полтора-два года сократить время разведки месторождения. К сожалению, ни тогда, ни позже роль города Печоры в развитии событий на Вуктыле не была в полной мере оценена, она по непонятным причинам упорно замалчивалась и не признавалась высшими органами власти республики.

Прошедшие в 1963 году кадровые изменения в составе руководства Ухтинского территориального геологического управления благоприятно отразились на перестройке организации геологоразведочных работ в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Начальником управления стал Иван Александрович Махоткин, известный в Коми геолог и хозяйственник, один из идеологов выхода разведкой в северные районы. Благодаря ему были созданы приоритетные условия поставки материалов и оборудования на Вуктыль. Его поддержка геологической службы и лично главного геолога треста Б.Я.Вассермана способствовала широкомасштабному новаторскому проведению всех видов разведочных работ на Вуктыльском месторождении. Позже многие годы своей беспокойной жизни Иван Александрович отдал изучению геологического строения Вуктыльского месторождения, совершенствованию методов его разработки, поиску новых месторождений, возглавляя геологическую службу газоников республики.

В те годы состоялось еще одно кадровое назначение, повлиявшее на развитие геологоразведочных работ, а затем и на остальные этапы освоения Вуктыльского месторождения — приход в Коми обком КПСС Василия Яковлевича Соколова. С момента получения первого фонтана до достижения максимального уровня добычи газа он был

одним из самых активных участников всех вуктыльских событий. Прибыл В.Я.Соколов в Коми АССР в августе 1952 года после окончания Московского нефтяного института имени И.М.Губкина. Начал трудовую деятельность в Ухтинском комбинате на ярегской нефтешахте №1. Здесь он познает науку и практику горного дела и в 1958 году занимает должность начальника самой крупной нефтяной шахты. В 1960 году по решению Коми Совнархоза он создает и возглавляет контору бурения №2 в поселке Лемью. Здесь в 1962 году произошло наше знакомство. Оно было связано с передачей тресту «Войвожнефтегазразведка» Лемьюского района проведения геологоразведочных работ, последовавшего после открытия Западно-Тэбукского месторождения. С тех пор на протяжении тридцати лет нам приходилось постоянно встречаться, решать проблемы геологоразведки, затем добычи газа, позже — освоения нефтяных месторождений на севере Коми и, наконец, сотрудничать в обеспечении нефтяников страны нефтепромысловым оборудованием: он в качестве заместителя министра нефтяной промышленности страны, я — в роли начальника Главного управления по производству нефтепромыслового и бурового оборудования Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР.

В 1962 году В.Я.Соколов переходит на работу в Ухтинский горком КПСС, а в 1963 году становится заведующим нефтегазовым отделом Коми обкома КПСС. В 1967 году его избирают секретарем обкома партии, ведающим вопросами геологоразведочных работ, нефтегазодобывающей и нефтегазоперерабатывающей промышленности республики. На посту секретаря обкома В.Я.Соколов внес неоценимый вклад в создание газовой, а затем нефтяной промышленности. Это был первый и, к сожалению, последний случай, когда в областном комитете партии Коми АССР нефтегазовым комплексом занимался специалист, в совершенстве знающий эту отрасль народного хозяйства. Это особенно проявилось в период разведки и освоения газоконденсатной кладовой Вуктыльского месторождения.

По «гуцулштрассе» за «большим газом»

Рев факела на скважине №3 в 1966 году услышала вся страна. В обстановке крупных организационных, технических и кадровых преобразований началось наступление на Вуктыльскую углеводородную кладовую. Потушенный джебольскими неудачами факел надежды на большой газ в республике уверенно разгорался на Вуктыле. Фонтан газа из скважины №21 окончательно подтвердил наличие большого по площади и высоте газоносного пласта месторождения с крупными запасами газа и конденсата. Предстояло провести разведку месторождения, определить его запасы. К тому времени по результатам исследования скважины №2 и геологическим данным бурения скважин №3 и №21 для разведки месторождения сосредоточивались основные мощности нефтеразведочной экспедиции №1, вышкомонтажного управления, автотракторной конторы, строительного управления, были привлечены силы Войвожского механического завода, подразделения сейсморазведки и геофизики. В 1966 году на Вуктыльской площади одновременно велось строительство и бурение на 14 буровых проектной глубиной до 3500 метров. Работало свыше двух тысяч человек, сотни единиц различной техники.

Март 1966 года. Газоконденсатный фонтан на скважине №3.

Наступление геологов на недра Вуктыла нарастало, но оно оказалось более чем трудным. Предстояло преодолеть созданные природой препятствия, начиная с поверхности и кончая глубинами газоносного пласта. Если организационные и кадровые вопросы были в основном решены, то технические, технологические, строительные возникали один за другим и требовали неотложных, ранее не опробованных подходов и решений.

Первыми с трудностями и проблемами встретились буровики. Произошло это задолго до открытия месторождения. По данным речной сейсморазведки, в 1959 году на левом берегу Печоры в северной части Нижневуктыльской структуры была заложена параметрическая скважина №1 — Лебяжская. Тут буровиков постигла неудача. Из-за сложной аварии скважину ликвидировали при глубине 1830 метров. Однако была получена информация о разрезе залегающих пород, о геологическом строении района. Новую скважину нельзя было заложить без подготовки и уточнения границ, которые должна была сделать сейсморазведочная партия во главе с А.И.Дохсаньянцем и И.Н.Фрадким. Решение осложнялось тем, что эта скважина попадала в центр огромного вуктыльского болота. Без серьезного и тщательного исследования места ее размещения решить задачу строительства и бурения было сложно. Медлило с решением проблемы геологическое управление. Совокупность этих обстоятельств привела к тому, что скважина №2 — Нижний Вуктыл дала информацию лишь в октябре 1964 года.

Вся сложность предстоящих работ стала понятной после бурения последующих скважин. Аномально высокое давление (350 атмосфер), образование гидратных пробок в скважине, более чем километровая высота газоносного пласта, сложное геологическое строение требовали особого подхода к технологии бурения, повышенной мощности и надежности оборудования, высокопрочных и высококачественных обсадных труб, большой

гаммы химических реагентов для буровых растворов, ужесточения контроля за соблюдением технологии и безопасности при бурении скважин.

Особые требования предъявлялись к буровым растворам. В практике бурения до этого буровые растворы с удельным весом 1,65-1,7 грамма в кубическом сантиметре не применялись. В те годы буровые растворы готовили из комковой глины. Пригодную для этих целей глину получали из двух карьеров: одного — в районе Войвожа, второго — вблизи железнодорожной станции Керки, севернее города Ухта. И то, и другое в 300 километрах от вуктыльских буровых. Бентонитовый порошок заводского изготовления во влагонепроницаемой таре, из которого легко и быстро можно было готовить любое количество качественного раствора, появился позже, а пока глину завозили по зимнику автомобильным транспортом, грузоподъемность которого тогда не превышала 5-7 тонн. Если учесть, что для бурения одной скважины требовалось доставить на каждую буровую 1500-1800 кубометров глины, а в строительство на болоте площадки и подъезда для ее складирования уложить до 1000 кубометров круглого леса, то станет понятно, что задача была непростой и нелегкой. Только для завоза на буровую требовалось совершить от 300 до 350 рейсов на расстояние 300 километров. Само же приготовление раствора из замерзшей глины, глыбы которой размельчали с помощью отбойных шахтерских молотков и подавали в глиномешалки, разогревая ее паром, было каторжным трудом.

Лишь через два года усиленных поисков геологу П.Мельникову и его отряду удалось найти глину вблизи месторождения на берегу реки Вуктыл. Проблема была снята. Сезонный завоз прекратился. Расстояние сократилось до 5-50 километров. Доставка производилась по мере потребления. А еще через два года промышленность начала поставлять бентонитовый порошок высокого качества в готовом и удобном для использования виде из районов Средней Азии. О комковой глине с тех пор забыли. В то же время министерствами строительных материалов и химической промышленности было организовано производство высококачественных баритовых утяжелителей буровых растворов и различных химических реагентов для придания растворам требуемых свойств.

Опыт бурения первых скважин и их опробование показали несовершенство схемы строительства и монтажа оборудования. Прежняя схема не обеспечивала безопасного процесса бурения, представляла угрозу для жизни буровиков. Горнотехническая инспекция запретила ее применение, потребовала дополнительного проведения работ на бурящихся скважинах, до выполнения которых остановила бурение. Дело в том, что аномально высокое давление, образование гидратных пробок в скважине могли при малейшей неосторожности привести к выбросам из скважины газированного бурового раствора, к открытому фонтану. Требовалась надежная дублированная система закрытия скважины при появлении опасности, для чего необходимо было установить вместо одного два пре-венторных устройства, позволяющих перекрыть скважину в случае фонтанирования и отвести поток газа по трубопроводам на безопасное расстояние. Это влекло за собой увеличение высоты основания, на котором устанавливалась буровая вышка, с 2,2 до 3,2 метра. Предстояло изготовить и в ходе монтажа оборудования заменить 16 оснований об-щим весом металлоконструкций около 900 тонн.

Выполнение столь большого, сложного по конструкции и срочности заказа было поручено Войвожскому ремонтно-механическому заводу. Работами по выполнению задания

руководили начальник кузнечно-сварочного цеха Н.И.Деркачев и начальник механосборочного цеха С.И.Русакевич. Два ответственных металлста организовали дело таким образом, что задание было выполнено на полмесяца раньше обусловленного (полгода) срока. За совершенный трудовой подвиг они вместе с группой рабочих были отмечены большими денежными премиями с вручением почетных грамот треста.

Обеспечить резко возрастающие объемы бурения скважин, требуемое их качество, в случае любых осложнений оперативно принимать меры к их устранению без дорог было невозможно. Для связи выросшей на берегу Печоры базы со всеми действующими объектами требовалось проложить вдоль месторождения 50 километров дороги, а от нее десятки 2-3-километровых ответвлений. Строительство такого количества подъездов было для треста и геологического управления непосильной задачей. Работа эта для геологов непрофильная, техники для дорожного строительства не было. В сложившемся положении оставалось остановить бурение и ждать прокладки дороги. Но выбрали другой вариант — делать решили не капитальную дорогу, а временный проезд, который смог бы частично снять проблему. Было принято решение вести строительство проезда из бревенчатого настила в два-три наката с засыпкой местным грунтом, а также из брусовых панелей, производство которых организовали на лесопильных заводах треста в поселках Войвож и Шердино.

Потребность в круглом лесе с учетом других нужд составила 240 тысяч кубометров. Но его на Вуктыле не было, кругом — болота. На помощь геологам пришли лесозаготовители республики. Они по весенней воде сплавили к Вуктылу в плотках нужное количество леса. За год напряженной работы проезд до южной части месторождения был обеспечен. Подъезды к буровым строили по опыту лесников — прокладыва-

1967 год. Лес для строительства дорог на месторождении доставляли по Печоре лесозаготовители Республики Коми.

ли продольно-лежневые дороги. Эту работу для геологов Вуктыла выполняли лесорубы Закарпатья. Они без единого гвоздя строили дороги грузоподъемностью до 40 тонн. Десять бригад, оснащенных трелевочными тракторами, бензопилами и гуцульскими топорами, за год построили все подъезды к разведочным буровым. Буровики называли их «гуцулштрассе».

Вуктыльский газ — королевский подарок стране

Что же позволило в таких условиях главному геологу треста «Войвожнефтегазразведка» Б.Я.Вассерману заявить на всю страну об открытии крупного газового месторождения на Вуктыле? Ведь еще было свежо в памяти фиаско на Джеболе, а сам Бернгард Яковлевич только что был назначен главным геологом Ухтинского территориального геологического управления. Мог бы и подстраховаться, не высовываться с такими заявлениями. Тем более, что в руках были данные всего по трем глубоким скважинам, пробуренным на территории почти 500 квадратных километров.

Как известно, до бурения первой глубокой скважины на этой площади был проведен весь комплекс сейсмической и геофизической разведки, что дало основание говорить о перспективности месторождения, о возможном скоплении здесь углеводородов. Пробуренная скважина №2 подтвердила предположения геологов. Ускорить разведку месторождения, сделать это меньшим количеством скважин, а значит, быстрее и дешевле, было особой заботой руководства и специалистов Ухтинского геологического управления, треста «Войвожнефтегазразведка», нефтеразведочной экспедиции, особенно геологической службы треста. Мысль об этом ни на минуту не покидала главного геолога. От его знаний, опыта, интуиции, умения рисковать зависели принимаемые решения. Ответа на вопрос, что собой представляет месторождение, каковы его запасы, когда будет получен конкретный результат, настойчиво требовали в республике, объективной оценки просила Москва — Министерство геологии.

В столице республики Сыктывкаре полным ходом шло строительство мощного целлюлозно-бумажного комбината. Оно велось по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности», принятому 7 апреля 1960 года. Инициатива строительства принадлежала руководству республики, которое приложило колоссальные усилия, чтобы доказать целесообразность и необходимость этого ЦБК для страны и республики.

Одним из ключевых вопросов при принятии решения о строительстве было обеспечение предприятия топливом. Применение угля исключалось по экономическим соображениям, создание предприятия-гиганта было целесообразно лишь при использовании в качестве топлива природного газа. По просьбе первого секретаря Коми обкома КПСС Григория Ивановича Осипова и председателя Совета Министров Зосимы Васильевича Панева согласие на обеспечение ЦБК газом дал один из руководителей Главгаза СССР В.А.Каламкарров, не раз побывавший до этого в республике.

А тем временем в южных газодобывающих районах Коми, откуда намечалась подача топлива, добыча газа резко падала. Потребность ЦБК определялась в объеме от 0,5 до одного миллиарда кубометров газа в год. В районе Ухты (Войвожский прому-

зел) добывалось менее миллиарда кубометров, этого хватало лишь на производство технического углерода, промышленные и бытовые котельные. Надежды на Джебольское месторождение не оправдались. Строительство ЦБК (к тому времени он стал именоваться Сыктывкарским лесопромышленным комплексом — ЛПК) успешно продолжалось, а с газом не было никакой ясности. Поэтому в республике к Вуктылу был особый интерес. В Центре он также был не меньшим. Велось проектирование газопроводной системы для подачи газа с далекого севера Тюменской области. Не терял надежду на газ из Коми промышленный Свердловск, так щедро в свое время оплативший джебольские газовые векселя поставкой новейших буровых установок для геологов Ухты.

Приобрела особую остроту еще одна проблема союзно-республиканского масштаба. Газ нужен был Войвожскому промышленному узлу. Добываемый в районе Войвожа газ для производства канального технического углерода на Крутянском сажевом заводе использовать для промышленных и бытовых нужд этого района было непозволительной роскошью. Весь высокогелиеносный газ должен был поставляться на Сосногорский газоперерабатывающий завод, где из него извлекали гелий, являющийся важнейшим стратегическим сырьем, а затем газ шел на производство технического углерода. Ухта была основным поставщиком гелия в стране, а газовые месторождения Войвожской группы — единственными в Союзе со столь высоким содержанием гелия. Было принято специальное постановление правительства, предусматривающее подачу «рядового» газа в район Войвожа, чтобы уберечь от сжигания ценнейший гелиеносный газ. В этот район предусматривалось строительство отдельного газопровода. Оно определялось как первоочередная стройка для Министерства газовой промышленности СССР на территории Коми, находилось под особым контролем специальных служб и ведомств.

Так что задуматься ухтинским геологам было над чем. Кроме того, неожиданно в 1966 году Министерство геологии Российской Федерации заложило под укрепившееся Ухтинское геологическое управление «мину» с кадровым взрывателем. Но об этом расскажу позже.

Гениальное решение ухтинских геологов

История эта началась с решения вопроса о том, как избежать при определении границ газоносного пласта бурения непродуктивных скважин, быстрее определить границы продуктивности газовой залежи минимальным их количеством и получить достоверные данные для предварительной оценки запасов газа, а в дальнейшем — для их подсчета и защиты в Государственной комиссии по запасам СССР. Главный геолог треста Б.Васерман решил повторить весь комплекс геофизических работ, за эталон взять достоверную, не подлежащую сомнению геологическую информацию, полученную при бурении скважины. Полученные первоначальные данные геофизических работ решили затем сравнить с повторными и привести их в соответствие с информацией, полученной при бурении. С учетом совокупности этих данных заложить новую скважину в заведомо продуктивной части структуры и так, последовательно и непрерывно, идти от известного к неизвестному.

Некоторые «знатоки» подняли шум: это, мол, скрытое исправление брака в работе геофизиков. Ведь по стоимости эти исследования были даже выше первоначальных. Да и сложность их анализа требовала высококвалифицированных специалистов, представляла собой творческий научный процесс. Проведение таких работ осложнялось тем, что они не предусматривались нормативными документами, а значит, были нарушением технологии разведки нецелевым использованием выделяемых на эти цели средств. До этого никому и в голову не приходило дважды делать одно и то же, да еще после того, как эти работы закончены, выявлена структура и передана для последующего этапа поиска. И при этом в период бурения уже получен продукт. Однако «нерациональное» и дорогое, на первый взгляд, предложение оказалось гениальным, способствовало ускорению работ и достижению их высокой эффективности. Оно позволило по результатам бурения первых скважин и геолого-геофизическим данным, полученным при бурении, уже во второй половине 1966 года сделать предварительную оценку запасов газа.

Из пробуренных к 1971 году 36 скважин за пределами границы газоносности оказались лишь две. Без проведения повторных сейсморазведочных работ и их комплексного использования с данными бурения достичь подобных результатов на таком сложном месторождении не представлялось возможным. Для определения его границ потребовалось бы увеличить количество разведочных скважин до 45-50, что равнозначно по времени минимум одному году работ, по затратам — 20 миллионам рублей (тогда бурение одной скважины на Вуктыле глубиной 3500 метров стоило от 1,5 до 2 миллионов рублей).

Этот метод разведки был применен на Вуктыльском месторождении впервые в Советском Союзе и в мире, в последующем он нашел широкое распространение при освоении сложных и крупных месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, в Западной Сибири, Казахстане и других регионах Советского Союза.

На Вуктыле, затем на других месторождениях применение метода «детализационной сейсморазведки», как его называли авторы, потребовало значительных изменений в организации разведочных работ в Геологическом управлении. В аналитическом плане работа оказалась очень сложной и трудоемкой, потребовала привлечения сотен специалистов высокой квалификации, ученых. Успех был достигнут благодаря тому, что весь комплекс работ выполнялся под единым руководством главного геолога Б.Я. Вассермана при самом активном участии главного геофизика И.И.Беловола и управляющего геофизическим трестом И.И. Крупенского.

Начиная с 1985 года, Министерство геологии РСФСР стало планировать эти работы как обязательные для геологоразведочных организаций, ведущих поиск и разведку на нефть и газ. Так геологи Ухты, осваивая Вуктыл, открыли новую страницу в совершенствовании геологоразведочных работ в стране. Применение их метода позволяло экономить большие финансовые и материальные ресурсы, ускоряло разведку месторождений. В 1987 году большая группа работников Министерства геологии РСФСР была удостоена премии Совета Министров Российской Федерации, в том числе ухтинские геологи и геофизики И.И.Беловол, Б.Я.Вассерман, А.С.Головань, В.Д.Кузюкова, Н.Д.Матвиевская, Ю.П.Портинов, Б.А.Яралов, Е.Б.Шафран — за создание и внедрение прогрессивной технологии разведки сложнопостроенных месторождений уг-

леводородов, предусматривающей комплексирование глубокого бурения с детализационной сейсморазведкой.

Таким образом, в 1966 году геологи Ухты дали по газовой проблеме успокаивающий ответ руководству Коми АССР и интригующий ответ и информацию Министерству геологии, Министерству газовой промышленности и Госплану СССР. В то время в высших органах управления шло активное обсуждение вариантов, обеспечивающих газом народное хозяйство Европейской части страны. Обсуждались источники его получения и направления подачи в Центр страны.

«Мина» с кадровым взрывателем

Но прежде чем продолжить разговор о дальнейшем развитии событий, связанных с уточнением информации о запасах газа на Вуктыле, вернемся к ранее упоминавшейся «мине с кадровым взрывателем», так как с этим были связаны значительные изменения в среде многотысячного коллектива геологов региона, и не только геологов, негативным образом отразившиеся на вуктыльских проблемах.

Такое бывает нечасто: за три дня до появления нового начальника Ухтинского территориального геологического управления появилась открытая и подробная «характеристика» на кандидата. Кто ее обнаружил? Журнал «Коммунист» в №18 за 1966 год. Автор — секретарь Сахалинского обкома КПСС. Он обстоятельно описывал все стороны деятельности и характера своего героя. Заканчивалась публикация сообщением о снятии «героя» — начальника объединения «Сахалиннефть» — с работы.

Понятное дело: журнал читали коммунисты всего Советского Союза. Прочитали характеристику и в Коми обкоме КПСС. Что делать? Согласие на назначение Н.Забродоцкого на должность начальника УТПУ давал сам Первый. Обман налицо, случай беспрецедентный. Нужна была пауза для уточнения причин случившегося и принятия решения. И, как говорят, «вагон» с Николаем Титовичем Забродоцким, минуя пункт назначения Ухта, остановился на Вуктыле.

Тут и приступил опальный Забродоцкий к исполнению обязанностей начальника Вуктыльской нефтеразведочной экспедиции глубокого бурения № 1. Освободить занимавшего эту должность трудягу М. А. Башлачева, выросшего в Коми и прошедшего все ступени нелегкой работы от бурового мастера до начальника экспедиции глубокого бурения, успешно ведущего разведку Вуктыльского месторождения, было несложно. Тогда на Вуктыле предъявить претензию к руководителю ничего не стоило, а в такой ситуации тем более. Операцию совершали без ведома и согласия управляющего трестом В. Хорькова.

А тем временем шло выяснение причин дезинформации, а попросту — обмана. И выяснилось, что вроде и обмана нет. Какой обман, если за спиной прибывшего с Сахалина опытного и волевого организатора стоит Председатель Совета Министров Российской Федерации М.С. Соломенцев. Звонки бывшего сахалинца и коллеги Забродоцкого, начальника отдела нефти и газа Госплана Союза ССР П.П. Полонского тоже чего-то стоили. Пришлось после непродолжительной остановки вернуть «поезд» с Вуктыла в Ухту. Перед этим по воздуху на Вуктыл доставили начальника Геологического управле-

ния И.А. Махоткина, на место которого и следовал Забродоцкий. Тоже опытного, крупного хозяйственника, выросшего в Коми АССР, прибывшего еще в далеком 1941 году в здешние края по направлению после окончания Московского нефтяного института имени Губкина. Николай Забродоцкий представил Ивана Махоткина как будущего начальника экспедиции, а сам занял его место. Такой рокировкой Ивана на Николая закончился процесс водворения недавно прибывшего в республику кандидата на пост начальника всех геологоразведчиков Европейского Севера. Реализация принятого в семейном кругу в московских квартирах плана трудоустройства временно безработного начальника нефтяников Сахалина Забродоцкого завершилась.

Новый начальник Ухтинского территориального геологического управления оказался опытным, волевым и высококвалифицированным руководителем и специалистом. Был он человеком властным, не терпел никаких возражений. Подчеркивали это его жесты, внешний вид, манера разговора, даже тембр голоса. Правда, едва уловимой улыбкой на его лице при разговоре с собеседником, особенно если тот ниже рангом, он явно подчеркивал свое превосходство. Целеустремленный, знающий свое дело Забродоцкий не брезговал ничем для достижения поставленной цели. Все это не отрицалось в опубликованной статье-характеристике. Твердой походкой, стройным видом, в неизменном черном кожаном плаще-пальто он чем-то напоминал военного высокого звания из фильмов времен Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Руководил он многотысячным коллективом славных геологов Европейского Северо-Востока страны с 1966 по 1975 годы. Трудно найти человека, работавшего в те годы в системе геологического управления и в смежных отраслях, который бы отрицал значительный вклад Забродоцкого в дело разведки недр Севера. Но, прежде чем говорить о деятельности Забродоцкого в Коми крае, вернемся к некоторым фактам из его прошлого. Они помогут всесторонне оценить и понять, кем стал Забродоцкий для Коми АССР и Вуктыла.

Особые условия, в которых создавалась и получила свое развитие нефтяная промышленность на острове Сахалин, отличались от тех, что сложились в Ухте. Объяснялось это и удаленностью края, и дефицитом кадров, и несколько запоздалым приходом на Восток процессов, происходящих в стране в пятидесятые годы прошлого века, трудностями контроля за тем, что и как там на «дальнем острове Сахалин» делается. Ни Министерство нефтяной промышленности, ни другие органы контроля не могли надлежащим образом следить за всесторонней деятельностью сахалинцев. Почти десять тысяч километров — не наездишься.

На Сахалине Н.Т. Забродоцкий был безраздельным хозяином его северной части со «столицей» в городе Охе. Все руководство Охи — в прошлом работники объединения «Сахалиннефть». Первый секретарь Охинского горкома партии Г.И. Демашкин — бывший управляющий трестом «Сахалинспецнефтьстрой», председатель Охинского горисполкома И. Н. Алексеев — бывший заместитель начальника объединения «Сахалиннефть». Они как подчинялись раньше Забродоцкому, так и продолжали выполнять его команды. Правда, теперь это были уже не команды, а просьбы-указания.

В Ухте новый начальник УТПУ продолжал гнуть ту же линию. Боязнь нового, умного и способного окружения (кстати сказать, она присуща многим руководителям раз-

ного ранга, включая и некоторых теперешних первых лиц государства), привела к тому, что он начал менять знающих регион и здешние условия работников-ухтинцев на прежних сослуживцев с острова. Н.Т. Забродоцкий пригласил в «свою» систему и смежные отрасли верных ему людей: Остапа Остаповича Шеремета, Станислава Зауровича Рубаева, Бориса Александровича Никитина, Владимира Артемовича Фаградова, Сергея Михайловича Жендубаева, Семена Абрамовича Шварцмана. За ними прибыли Василий Васильевич Калмыков, Валентин Зиновьевич Леонидов, Виталий Акимович Усик, Анатолий Григорьевич Губарев и другие. Этому не препятствовал Коми обком партии. Там знали, как попал новый начальник Геологического управления в республику. Урок забыть не успели. Да и преподали его не простые учителя.

К счастью, большинство приглашенных оказалось неплохими специалистами, порядочными людьми, оставившими значительный след в области геологоразведки и нефтедобычи на просторах Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Закаленные на Сахалине, они легко адаптировались в Коми, стали крупными руководителями. В их числе В.А.Усик, А.Г.Губарев, В.А.Фаградов. Они органично влились в коллективы, были высокопорядочными и уважаемыми людьми. Но встречались среди приезжих и опытные приспособленцы, ловкачи, которые за спиной своего коллектива, используя его заслуги, продвигались по служебной лестнице, демонстрируя кипучую деятельность, отнюдь не лучшие моральные качества.

Мне часто в первое время работы в должности генерального директора объединения «Коминнефть» приходилось встречаться с Николаем Павловичем Зарудневым, начальником объединения «Сахалиннефть», возглавившим его после Забродоцкого, а до этого работавшего там же главным инженером. Встречи проходили на различных совещаниях, заседаниях коллегии Миннефтепрома, да и в неформальной обстановке. Знать его мнение о бывших в его подчинении сахалинцах, ставших ухтинцами, для меня было нелишним, тем более, что некоторыми из них Николай Павлович интересовался сам. Все его отзывы и оценки коррелировались с мнением о них в Коми. Да и жизнь это подтверждала.

В новых условиях Николай Титович Забродоцкий не оставил свои привычки и зашки. Но тут все было по-другому. В Ухте размах бесконтрольной деятельности и вседозволенности для Забродоцкого сузился до тесных рамок. Он энергично взялся за порученное дело и впоследствии оставил значительный след в Коми АССР. Несомненно, больший, чем на Сахалине.

Благодаря ему и с его личным участием произошли значительные изменения в структуре управления геологоразведочными работами в регионе, начаты работы по созданию и развитию мощностей для расширения и увеличения геологоразведочных работ. Улучшилось материально-техническое обеспечение геологоразведчиков. Внедрен ряд технических и технологических средств, повышающих эффективность работ. Завершены работы по разведке ряда нефтяных и газовых месторождений, защищены их запасы в Государственном комитете по запасам полезных ископаемых СССР.

Заслуги и умение руководить сложным коллективом геологоразведчиков скоро оценили в Коми обкоме КПСС и Совете Министров республики, и это не раз звучало из уст первого секретаря обкома КПСС И. П. Морозова и Председателя Совета Министров П. А. Безносова.

Не менее высоко была оценена та ситуация, которая сложилась в разведке к моменту прихода Забродоцкого в Ухтинское геологоразведочное управление. Ее смогли умело и сполна использовать в нужных для Коми АССР целях. Примером такого использования весьма своеобразного положения Н. Забродоцкого служит подготовка судьбоносного для Коми АССР и всего Европейского Севера страны стратегического плана развития региона — постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком автономном округе Архангельской области», принятого в апреле 1974 года.

Читатель вправе задать вопрос: почему так подробно рассказываю о начальнике Ухтинского геологического управления? Связано это с тем, что его деятельность имела тогда и в дальнейшем серьезные негативные и, я бы сказал, непоправимые последствия. Остановлюсь лишь на кратком изложении наиболее значимых и важных из них.

Итак, шла подготовка проекта постановления ЦК КПСС и Совмина СССР. Геологическим управлением в лице его начальника для включения в проект постановления были представлены заведомо завышенные и необоснованные геологические и промышленные запасы нефти и газа, даны ничем не обоснованные гарантии их открытия в 1975 году и последующие годы. Представленные данные были согласованы с партийным руководством республики, которое, будучи в этом заинтересовано, вместе с начальником УПУ убедило Госплан и Совет Министров СССР в их реальности. Это было сделано вопреки доводам специалистов Мингазпрома, Миннефтепрома и Мингео СССР, не считавших возможным достижение таких результатов в намечаемые сроки.

Косвенным подтверждением такой заинтересованности является следующий факт. На проходившем в феврале 1976 года XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза делегация от Коми партийной организации, в состав которой, к удивлению коммунистов республики, входил и Н. Т. Забродоцкий, предложила записать в решениях съезда показатели добычи нефти и газа на территории Коми АССР и Архангельской области в объеме 25 миллионов тонн нефти и 22 миллиардов кубометров газа в 1980 году. Делегат съезда Забродоцкий против этого не возражал, хотя уже тогда положение с приростом запасов нефти и газа свидетельствовало о малой вероятности достижения таких рубежей в намеченные сроки. План по приросту запасов руководимым им управлением в 1974-1975 годах не был выполнен. Объемы глубокого разведочного бурения, определяющие успех в разведке и открытии месторождений, были ниже плановых, не говоря о том, что они были далеки от необходимых для решения задачи, поставленной руководством страны.

Как уже говорилось выше, коммунистам республиканской партийной организации было непонятно, почему руководитель геологического управления, не выполняющего план по приросту запасов нефти и газа, к тому же с подмоченной репутацией, был избран делегатом съезда КПСС.

Но для многих было очевидно, что И. П. Морозов и на сей раз не устоял перед нажимом сверху. Как и в первом случае, когда Забродоцкий прибыл в республику, оказалась разность в весовых категориях того, кто ходатайствовал, и того, кто ходатайство исполнял. Избрание делегатов съезда проходило до прихода Н.Т. Забродоцкого на высокую должность в Москве и было весомым аргументом при его московском назначении.

Вскоре он стал заместителем председателя союзного Госкомитета по запасам полезных ископаемых.

Сессия Верховного Совета СССР утвердила «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы». Документ обрел силу закона. В нем на весь мир прозвучало: «... обеспечить освоение природных ресурсов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции; довести здесь в 1980 году добычу нефти примерно до 25 миллионов тонн, газа — до 22 миллиардов кубометров...» Морозов и Забродоцкий своей цели достигли. Хотя оба не могли не знать, что реализовать ее предстоит другим. Какой ценой — их, по всей вероятности, не интересовало.

Еще одно действие с участием нашего героя. 1977 год. Закончен подсчет запасов нефти южной среднедевонской залежи Возейского нефтяного месторождения. Материалы представлены для защиты 7 декабря 1977 года. Заседание Государственного комитета по запасам полезных ископаемых проводил его председатель А. М. Бабочкин. Представленные цифры запасов нефти по Возейскому месторождению были утверждены. Мало того, оценка представленной работы была восторженной. Все ее показатели превышали ранее достигнутые по другим месторождениям региона, были самыми высокими по срокам разведки месторождения, по приросту извлекаемых запасов на один метр бурения, стоимость подготовки единицы извлекаемых запасов — рекордно низкой.

Позже станет ясно, что при подсчете запасов нефти по этому месторождению были использованы данные по пяти скважинам как продуктивным, хотя они не вскрыли нефтеносный пласт или были ликвидированы по причине аварий. Они не могли дать информации о наличии нефтеносного горизонта в данном районе. Около 7 миллионов тонн извлекаемых запасов оказались припиской. В процессе эксплуатации месторождения будет выявлено, что запасы нефти по Возейскому месторождению были завышены на 30 миллионов тонн. Таким образом, оценка, данная в ГКЗ СССР, соответствовала действительности лишь по срокам разведки месторождения, что на тот момент уже не имело принципиального значения, а точнее, никакого. В этой связи возникают два вопроса. Почему заседание по рассмотрению запасов нефти на Возейском месторождении вел А.М. Бабочкин, а не Забродоцкий? Ведь именно он отвечал за нефтяные залежи. Почему и на каком основании зона юго-западной части месторождения оказалась столь необоснованно и нагло включена в подсчет запасов? Трудно предположить, что это могли сделать сами исполнители подсчета. Ведь это приписка, равная по объему небольшому месторождению. Кстати, тогдашний первый заместитель Бабочкина был в числе первооткрывателей этого месторождения, он же был и вдохновителем приписки.

Становится понятным и факт отказа Министерства геологии РСФСР и Коми обкома КПСС, последовавшего в категоричной форме, на предложение министра Н.А. Мальцева завершить разведку Возейского месторождения и выполнить подсчет запасов силами Миннефтепрома. Не укладывается в нормы служебной этики и элементарной порядочности наличие в списках, утвержденных бюро Коми обкома КПСС, претендентов на соискание Государственной премии СССР за разведку месторождений бокситов Среднего Тимана бывшего начальника УПУ, а в момент утверждения списков — заместите-

ля председателя ГКЗ СССР Н.Т. Забродского. В 1978 году он-таки стал лауреатом Государственной премии СССР «За разведку месторождения бокситов Среднего Тимана».

Вряд ли есть необходимость продолжать перечень подобных фактов и сомневаться в их пагубном влиянии на процесс становления нефтегазовой отрасли республики в 70 — 90-е годы.

Ресурсы Вуктыла: оценки и сомнения

К началу 1966 года Вуктыл все еще делили на Нижний и Средний. К тому времени на Нижнем месторождении были получены первые данные о его высокой продуктивности. Скважина №3 давала в сутки 500 тысяч кубометров газа и 300 кубометров конденсата. В августе на Средневуктыльской части месторождения из скважины №21 суточный приток газа составил 700 тысяч кубометров и 420 кубометров конденсата. Бурение скважин 3,4,5,6,10 и 21 с одновременным уточнением геологического строения сейсморазведочными работами еще раз подтвердило, что на самом деле Нижневуктыльская и Средневуктыльская структуры представляют собой одно целое. У геологов впервые появилась уверенность в размерах и высокой продуктивности Вуктыльского месторождения. Но дать ему количественную оценку не представлялось возможным. Ни одна из скважин не достигла проектной глубины. Не был полностью вскрыт газоносный пласт, его высота по-прежнему для геологов оставалась тайной.

Проанализировав имеющиеся геолого-геофизические материалы, группа геологов во главе с главным геологом Геологического управления Б.Вассерманом и главным геологом треста «Войвожнефтегазразведка» В.Аношиным дала осторожную оценку возможных запасов углеводородов Вуктыльского месторождения в объеме 180-200 миллиардов кубометров. Руководство Геологического управления информировало об этом областной комитет партии и получило «добро» доложить эти данные Мингео РСФСР, СССР и Госплану Союза.

Столь важная информация в указанных ведомствах была встречена осторожно, если не сказать, с недоверием. Такой реакции следовало ожидать. Никто не отрицал факт открытия месторождения, но что касается запасов, то, во-первых, расчеты базировались во многом на предположениях, во-вторых, преждевременная оценка уже имела место в Республике Коми, и забыть ее никто не успел. Слишком большой отрицательный резонанс она имела в центральных органах страны. В-третьих, в числе авторов оценки был бывший руководитель геологической службы Ухтинского геологического управления А.Я.Кремс, доверия к которому в Мингео РСФСР и СССР уже не было. По этой причине его и сместили на почетную должность заместителя начальника УГТУ по науке.

В отделе нефти и газа Госплана СССР можно было слышать часто произносимую по поводу Вуктыла фразу: «Какой еще Вуктыл? Это же узкая, как шнурок, структура! Хватит нам авантюры с запасами Джебольшого месторождения, которые оказались мыльным пузырем! Нужны доказательства, а не пустые заявления!» Такая реакция объяснялась и тем, что в июле 1966 года в правительстве с привлечением широкого

крута специалистов, ученых проектных институтов обсуждался вариант прокладки газотранспортной системы с открытых на севере Тюменской области гигантских газовых месторождений в центральные районы страны. Рассматривались два варианта. Первый — северный вариант — через Коми, вдоль железной дороги Котлас — Воркута до станции Сейда. Далее через Салехард к Тюменским месторождениям. Второй — южный вариант — по территории Тюменской области через Пермь на Киров, Горький, Казань.

В Совет Министров СССР Госплан представил заключение, в котором указывалось: «В Коми АССР крупных запасов газа не было, нет, и в ближайшем будущем рассчитывать на Коми АССР как на возможного поставщика газа за пределы республики нельзя». Документ был подготовлен главным специалистом газового подотдела В.И.Довганем и начальником подотдела Е.Я.Юдиным. Довгань до перехода в Госплан работал главным инженером газового промысла в Войвожском нефтегазодобывающем управлении Ухткомбината. Юдин — бывший начальник Ухткомбината, заместитель председателя Коми Совнархоза. Оба прекрасно знали район, к тому же Юдин был одним из участников джебольского газового фиаско. Кроме того, они руководствовались данными Министерства геологии СССР. Подготовленный ими в правительство документ соответствовал действительности. Можно было лишь сказать, что авторы не учли двух мощных фонтанов, полученных к тому времени на Вуктыле. Но Госплан Союза — не тот орган, который должен опираться на подобные сообщения.

Правительство приняло северный вариант строительства газопроводной системы вдоль железной дороги Котлас — Воркута. Министерство газовой промышленности приступило к его реализации. Для изыскания трассы были привлечены саратовский проектный институт «Востокгазпром» и ленинградский «Гипроспецгаз», определены районы будущих компрессорных газоперекачивающих станций, начата доставка на северный участок строительства труб и техники. В районе Ухты велись подготовительные работы по сооружению отвода от будущей газовой магистрали в сторону Войвожа. Ухта оказалась на середине трансконтинентального газопровода.

В сентябре 1966 года о предварительной оценке запасов газа Вуктыльского месторождения и высокой производительности первых разведочных скважин главный геолог Министерства газовой промышленности В.Г.Васильев докладывал министру А.К.Кортунову. Для получения информации из первых уст в Мингазпром пригласили главного геолога Ухтинского территориального геологического управления. Для доклада А.Кортунову в Москву выехал Б.Вассерман в сопровождении А.Кремса. Тут следует пояснить, почему вместе с приглашенным главным геологом прибывает заместитель начальника Геологического управления по науке.

В Ухте и Сыктывкаре не особенно доверяли осторожному в оценках Б.Вассерману. Нужен был свидетель того, о чем и как будет докладывать газовому министерству не щедрый на обещания главный геолог. Учитывая, что инициаторами информирования властей в Москве о результатах предварительной оценки запасов Вуктыла были первый секретарь обкома партии И.П.Морозов и начальник Геологического управления Н.Т.Забродоцкий, а они знали об отрицательной реакции на это Госплана Союза и Мингео, важно было знать, как отнесется к новостям из Коми заинтересованное Мини-

стерство газовой промышленности, его влиятельный министр. «Доверенным лицом» был выбран заместитель начальника Геологического управления по науке А.Я.Кремс.

Совещание у А.К.Кортунова состоялось 25 октября, где ему было подробно доложено о состоянии разведочных работ на месторождении и предварительной оценке его запасов. Участники совещания согласились с ранее названными запасами газа в объеме 180-200 миллиардов кубических метров и 40 миллионов кубометров конденсата. Совещание отметило исключительно высокую продуктивность скважин и особую сложность геологического строения месторождения. Уточнения, которые во время доклада делал А.Кремс, убеждали министра в сдержанном подходе докладчика к оценке месторождения. Заканчивая совещание, министр неожиданно задал вопрос: «А у вас в оценке запасов единая точка зрения?» На что получил утвердительный ответ. А.К. Кортунов дал поручение В.Г.Васильеву составить вместе с ухтинскими геологами краткую справку для председателя Госплана Н.К.Байбакова о возможных объемах добычи газа на Вуктыльском месторождении, указать метраж и сроки бурения продуктивных разведочных и эксплуатационных скважин на 1968-1971 годы.

Поручение министра требовало многочисленных согласований цифр, оценок и уточнений с руководством УГТУ. Положение авторов справки осложнялось и тем, что она составлялась без участия Министерства геологии, что было явным нарушением принятых правил. 28 октября справка за подписью ее авторов легла на стол министра. Вечером того же дня у Н.К.Байбакова состоялось совещание, на котором присутствовали А.К.Кортунов, его заместители М.В.Сидоренко и В.Г.Васильев, заместитель министра геологии РСФСР А.Т.Шмарев, ряд ответственных работников Госплана. Докладчики те же, что и на совещании у А.Кортунова. После короткой информации Б.Вассерман и А.Кремс ответили на многочисленные вопросы присутствующих.

На второй день ухтинских геологов пригласил министр геологии СССР академик А.В.Сидоренко. Прием у министра для них обошелся без докладов. Здесь они были в роли слушателей. После часового ожидания в приемной министра их пригласили в кабинет, где главному геологу был дан урок, как нельзя спешить с информацией, а бывшему главному геологу — предупреждение, как не нужно себя вести в подобных ситуациях. С этим докладчики и уехали в Ухту. Предупреждение своего министра они вспомнили и оценили позже, когда убедились в его правоте, через два года. Развитие событий для геологов министр предвидел с поразительной точностью, на то он и министр-академик.

Требовалось доложить А.Н.Косыгину

Информация ухтинских геологов существенным образом меняла ситуацию, вносила значительные поправки в принятые правительством решения о подаче газа в Центр и западные районы страны. Но ни министр газовой промышленности, ни председатель Госплана СССР не имели права на ошибку, а тем более, на отмену только что принятого решения о строительстве газопровода с Тюменского севера. Требовалось всесторонне изучить складывающееся положение и принять единственно правильное решение. О состоявшемся разговоре на проведенных совещаниях о Вуктыльском газовом месторожде-

нии Н.К.Байбаков и А.К.Кортунов доложили А.Н.Косыгину. Председатель Правительства принял решение: комиссии во главе с Н.Байбаковым выехать на место и детально изучить положение дел с Вуктыльским газовым месторождением.

В начале января 1967 года высокая комиссия прибыла в Коми АССР. После посещения Вуктыла 7 января в горкоме КПСС Ухты комиссия в составе председателя Госплана СССР Н.К.Байбакова, министра газовой промышленности А.К.Кортунова, первого заместителя министра геологии СССР В.И. Игrevского, заместителя министра геологии РСФСР А.Т.Шмарева, начальника отдела Госплана СССР Е.Я.Дмитриева, начальника подотдела Госплана СССР Е.Я.Юдина, заместителя министра газовой промышленности Н.П.Вовченко, заместителя министра нефтяной промышленности Ш.С.Донгаряна, с участием первого секретаря Коми обкома КПСС И.П.Морозова, секретаря Коми обкома КПСС по промышленности В.Я.Соколова, председателя Совета Министров Коми АССР П.А.Безносова, первого секретаря Ухтинского горкома КПСС И.Т.Воробьева, председателя Ухтинского горисполкома Г.П.Дуркина провела расширенное совещание о сырьевых ресурсах газа на территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и, в частности, на Вуктыльском месторождении. На совещание были приглашены, выступили и отвечали на вопросы комиссии: от Ухтинского территориального геологического управления — начальник управления Н.Т.Забродоцкий, заместитель начальника управления А.Я.Кремс, главный геолог Б.Я.Вассерман; от объединения «Коминнефть» — начальник объединения В.К.Лихолай, главный геолог С.Ф.Здоров; от управления «Комиэнерго» — управляющий А.Г.Кириллов; от треста «Ухтастрой» — С.Б.Янушевский; от ухтинского нефтегазового отдела ВНИИгаза — Г.Р.Рейтенбах. С основным докладом выступил Б.Я.Вассерман.

То, чем был вызван приезд комиссии, ее задачи и предварительные выводы видно из итоговых выступлений на этом совещании министра газовой промышленности А.К.Кортунова и председателя Госплана СССР Н.К.Байбакова.

Приведу краткое изложение выступления А.Кортунова.

Объем добычи газа в стране в 1966 году достиг 144,5 миллиарда кубометров, намечалось добыть в 1967 году 160 миллиардов кубометров, в 1970 — 225-240 миллиардов кубометров. На последние два года планировался прирост в 65-80 миллиардов кубометров. Где его получить? Основные месторождения — Уренгойское, Тарко-Сале, Пурней, Тазовское — находятся на севере Тюмени. Планировалось к 1970 году проложить из Средней Азии две нитки газопровода производительностью 10 и 25 миллиардов кубометров в год. Но этого было мало. Дефицит энергетических ресурсов в районах Центра и Запада СССР в 1970 году составлял 240 миллиардов кубометров. Расстояние от газовых месторождений Тюменской области и Средней Азии в Центр — 3200-3500 километров. Выгодное расположение Вуктыльского месторождения привлекло внимание. Оно более чем в два раза ближе тюменских и азиатских месторождений. Картина ясна, нужно форсировать все работы в этом направлении. Расстояние от Вуктыла до центральных районов — 1500 километров. Газ с Вуктыла до Череповецкого металлургического завода можно подать в короткие сроки. Поэтому, не ожидая окончания изысканий, уже ведутся работы по прокладке трассы газопровода методом «полевого проектирова-

ния». В первую очередь будет решена проблема прекращения сжигания гелиевого газа, замена его вуктыльским к 1968 году. Что касается конденсата, то его отделение от газа будет вестись на Вуктыльском месторождении, а для транспорта в Ухту и переработки будут строиться конденсатопровод и газоперерабатывающий завод в районе Ухты.

В текущем году начинается строительство магистрального газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок. Впервые в мировой практике он будет из труб диаметром 1220 миллиметров. Его производительность — 15 миллиардов кубометров в год. Важно, сколько будет запасов газа на Вуктыле. Дайте надежных 200 миллиардов кубометров, и мы будем строить трубу с полным комплексом обустройства месторождения и самыми высокими темпами. Если же подтвердятся запасы в 300-400 миллиардов кубометров — будет строиться вторая нитка газопровода.

Как разрабатывать Вуктыльское месторождение? Необходимо, чтобы эксплуатационные скважины решали и вопросы доразведки. Кто должен вести эксплуатационное бурение на Вуктыле? Геологи. Нужны в течение ближайших пяти лет запасы газа и конденсата на Вуктыле по категории С1, а дальше в процессе эксплуатации их уточнят.

А теперь отрывок из выступления Н.К.Байбакова.

Приезд комиссии связан с необходимостью решения топливной проблемы Европейской части Советского Союза, с распределением капитальных вложений в топливно-энергетическую отрасль страны. Тюмень с крупнейшими газовыми месторождениями имеет принципиальное значение в решении этой проблемы. Однако внимание обращено на Ухту, ей дается предпочтение в темпах развития газовой промышленности, при этом будет вестись активная работа по ускоренному развитию газонефтяной промышленности Западной Сибири. Ухта выбрана с целью экономии капитальных и материальных ресурсов, а также значительного сокращения сроков подачи газа в Центр. Стоимость трубы Вуктыл — Череповец составляет 353 миллиона рублей, а Тарко-Сале — Череповец — 550 миллиардов. Металлурги не могут поставить такое количество труб, темпы их развития не позволяют это сделать. Приезд в Ухту связан с непосредственным изучением возможности поставки газа из данного района. Тимано-Печорский бассейн по своему богатству и площади хотя и уступает Западно-Сибирскому, но также имеет мощные уже открытые месторождения нефти и газа и хорошие перспективы новых открытий.

Целесообразно подготовить специальное постановление правительства об организации здесь поисково-разведочных работ на нефть и газ более форсированными темпами. Это особенно важно, потому что Европейская часть страны, где производится 80 процентов промышленной продукции, испытывает острый дефицит в топливно-энергетических и нефтехимических ресурсах.

Нужны обоснования для строительства второй нитки газопровода, нужны запасы газа. Если есть уверенность в подготовке 500-600 миллиардов кубометров, то мы должны пересмотреть свои планы. Нужен официальный документ геологов не только по запасам Вуктыла, а и по другим районам. Он должен отражать ис-

тинное положение. Если геологи ручаются за 200 миллиардов кубометров, то и это отлично, но нужно знать и о возможных запасах. Важным является повышение эффективности работ. Идти по пути увеличения буровых станков и бригад неправильно. Необходимо совершенствовать технологию бурения и сокращать аварийность. Но за счет повышения эффективности решение всех вопросов невозможно. Необходимо улучшить материально-техническое снабжение.

Итак, два члена правительства обнародовали в Ухте план подачи газа Вуктыла в Центр страны, сообщили о глубокой и всесторонней проработке данного вопроса, дали оценку перспективам развития региона, определили пути их реализации. Оставалось доложить председателю правительства А.Н.Косыгину о результатах работы комиссии, организационно оформить в виде постановления правительства программу дальнейших действий.

По согласованию с А.Н.Косыгиным Госплан СССР приступил к подготовке постановления Совета Министров СССР об ускорении освоения Вуктыльского газоконденсатного месторождения и развитии геологоразведочных работ на нефть и газ в Тимано-Печорской провинции.

Вуктыл стремительно приближался к новому этапу своей истории — широкомасштабному, нетрадиционному освоению гигантского газоконденсатного месторождения.

3. Шаги в неведомое

Вуктыл ломает планы правительства

Шел 1966 год. Страна приступила к реализации гигантского по своим масштабам проекта — строительству трансконтинентальной, самой крупной в мире газотранспортной системы из северных районов Тюменской области в Центральные, Западные и Северо-Западные районы Советского Союза. Открытые и разведанные на Тюменском севере в начале шестидесятих годов триллионные запасы газа давали возможность на многие десятилетия обеспечить Европейскую часть страны дешевым топливом и сырьем для химической промышленности, сделать крупный шаг в наращивании оборонного потенциала.

Ведущие институты газовой отрасли выполнили начатые в октябре 1964 года проектно-изыскательские работы по определению будущей системы газопроводов, ее основных параметров. Протяженность трассы составила 5400 километров, капитальные вложения для реализации проекта превышали 550 миллиардов рублей. Для прокладки трех ниток газопроводов диаметром 1220 и 1420 миллиметров требовалось 15 тысяч километров труб общим весом семь миллионов тонн. Для транспорта газа сначала в объемах 85 миллиардов кубометров с дальнейшим их доведением до 200-250 миллиардов в год предусматривалось строительство 32 компрессорных станций. Трасса брала начало на территории севера Тюменской области в районе Надыма, переходила вблизи Салехарда через реку Обь, затем пересекала Полярный Урал и вдоль Северной железной дороги по территории Коми АССР достигала города Торжок Тверской области и далее шла к западным областям страны.

Подобного проекта газотранспортной системы ни до, ни после того в стране не было. Проектом закладывалась основа будущего развития газовой индустрии, Единой газотранспортной системы страны. Это было смелое и новаторское решение талантливых ученых и инженеров. Идеологами его были министр газовой промышленности Алексей Кириллович Кортунов, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана страны, крупный организатор нефтегазовой промышленности Николай Константинович Байбаков и выдающийся государственный деятель, Председатель

Схема трансконтинентального газопровода
Север — Центр на участке от Надыма до Торжка.

Вертолеты МИ-6 и МИ-4 в вуктыльском небе.

правительства Советского Союза Алексей Николаевич Косыгин. Все, что было потом, — реализация разработанной ими стратегии. Завершили ее видные руководители нефтяной и газовой отрасли страны — министры С.А.Оруджев и В.А. Динков. Роль их преемников сводилась к тому, что они до поры до времени подключали к работе по отлаженной стандартной схеме новые гигантские месторождения, открытые геологами на севере Тюмени, используя опыт и достижения отечественного и зарубежного машиностроения.

По проекту значительная часть новой газотранспортной системы проходила по территории Коми АССР, что ставило автономную республику в особо выгодное положение. Создавалась возможность коренных преобразований притрассовой зоны, изменения ее промышленной, транспортной, экономической, социальной структуры. Резко возрастала эффективность использования Северной железной дороги Москва-Воркута. Ее односторонняя загрузка с Севера в Центр воркутинским углем дополнялась потоком грузов из Центра на Север. Приобретала особую значимость почти законченная строительством железная дорога Лабитнанги-Норильск, которая еще по замыслу И.В.Сталина должна была соединить заполярный Норильск с центром страны, решить проблемы завоза грузов в арктические районы от Воркуты до Норильска и восточнее (то, что не решено и поныне), обеспечить регулярный и дешевый вывоз продукции Норильского горнометаллургического комбината и, конечно же, в последующем ускорить освоение северных территорий, их природных богатств.

Но информация ухтинских геологов о Вуктыльском месторождении в Мингео и Госплане, их последующая активность и настойчивость внесли существенные поправки в уже

решенный, казалось бы, вопрос. Так в конце 1966 года на полпути газотранспортной системы Север-Центр встал Вуктыл — в прямом и переносном понимании этого процесса. Правительство страны 10 мая 1967 года приняло постановление «Об усилении геологоразведочных работ на газ, организации добычи природного газа на Вуктыльском месторождении в Коми АССР и о строительстве магистрального газопровода с этого месторождения в районы Центра и Северо-Запада». К этому времени прошло четыре месяца после январского совещания в Ухте под руководством Н.К.Байбакова. Срок для подготовки и принятия такого важного документа незначительный. Решение было необычным, ломало принятые нормы и правила освоения нефтегазовых месторождений. Оно предусматривало еще до утверждения запасов газа приступить в 1967 году к обустройству Вуктыльского месторождения, осуществить ускоренное строительство ранее намеченной первой очереди системы магистральных газопроводов: север Тюменской области — районы Центра, Запада и Северо-Запада на участке Ухта — Торжок. Такой вариант позволял на три-четыре года ускорить подачу газа на Череповецкий металлургический комбинат, промышленным предприятиям Москвы, Ленинграда, Перми, Горького.

Предусматривалось ввести Вуктыльское месторождение в эксплуатацию в 1968 году, довести добычу газа в 1969 году до пяти миллиардов кубометров, в 1970 году — до 8-10 миллиардов кубометров, газового конденсата — до 2-2,5 миллиона тонн. Ввод в действие газопровода на участке Ухта — Рыбинск намечался на четвертый квартал 1968 года, а до Торжка — в первом полугодии 1969 года. Определялись конкретные участники этой грандиозной стройки, не имевшей по срокам и масштабам аналогов в мировой практике.

Каковы были особенности этой газовой стройки и ее отличие от ранее осуществленных в стране?

Всю ответственность геологи взяли на себя

К особенностям и отличиям следует отнести во-первых то, что в основу постановления правительства были положены данные представленной 28 октября 1966 года Н.К.Байбакову ухтинскими геологами «Справки о перспективах в Коми АССР по природному газу». Геологи Б.Вассерман, С.Здоров, О. Солнцев, Н.Рулев, А.Иванов, А.Войтович, Н.Литвиненко, А.Кремс проявили мужество, ответственность и твердую уверенность, указав в подписанном ими документе данные о запасах газа еще не до конца разведанного месторождения. Это был смелый шаг. Базировался он на высоком научном подходе, знании региона и опыте геологов Ухты. Следует отметить одну важную деталь, оказавшую существенное влияние на ход событий. После посещения комиссией Вуктыла 7 января 1967 года бывший главный геолог Ухтинского геологического управления А.Я. Кремс высказал предположение, что запасы месторождения возможны в объеме 600-700 миллиардов кубометров. На фразу Н.Байбакова: «Нам нужно твердо знать возможности Вуктыла» — последовал ответ: «Имеем 200, возможно 300-400, не исключено и 600-700 миллиардов кубометров». Безусловно, при подготовке правительственного постановления было учтено мнение известных геологов и специалистов в области нефти и газа Академии наук СССР и ведущих специализированных институтов.

На то время в стране разведанных и введенных в разработку таких крупных месторождений, как Вуктыльское, было всего три: Газлинское в Узбекистане, Шебелинское на Украине с начальными запасами 460-480 миллиардов кубометров газа каждое и Северо-Ставропольское, первоначальные запасы которого исчислялись в 200-220 миллиардов кубометров. На период открытия Вуктыла они являлись основными источниками голубого топлива для Урала, Центра и Запада Европейской части Советского Союза. Вуктыл среди них был первым по запасам углеводородов и следующим этапом по освоению.

Во-вторых, природно-климатические условия, в которых предстояло вести работы, были чрезвычайно сложными. Трасса газопровода проходила по сильно заболоченной тайге при полном отсутствии на большей ее части каких-либо дорог. Начиная с Вуктыла, территория которого на 40 процентов представляла открытые болота (правда, в ходе обустройства месторождения они были осушены), и кончая Торжком, предстояло преодолеть 117 километров глубоких болот, 388 водных преград, среди которых 15 больших и средних рек — Печора, Ижма, Ухта, Вымь, Северная Двина, Волга и другие. Еще худшими были условия на месторождении. Его рельеф представлял собой в южной части пересеченную местность, изрезанную многочисленными руслами ручьев и небольших речек, питающих реку Вуктыл. Две трети площади севернее реки Вуктыл были сильно заболочены. Климат суровый, континентальный. Среднегодовая многолетняя температура здесь 0,8 градуса, средняя зимняя — минус 14 градусов. Уже в середине октября устанавливается снежный покров. Держится он до начала мая. Зимой морозы достигают 45 градусов, бывают и ниже 50. Река освобождается от льда только в середине мая.

В-третьих, стройка отличалась тем, что здесь впервые применялись трубы диаметром 1220 миллиметров. Опыта прокладки газопровода такого диаметра у нас не было. Не было его и за рубежом. Имевшаяся техника и механизмы для строительства газопроводов диаметром 1020 миллиметров не были рассчитаны на применение трубы диаметром 1220 миллиметров, требовали замены, в лучшем случае — серьезной реконструкции. Эту задачу в короткие сроки предстояло решить машиностроителям, а также за счет закупки машин за рубежом.

В-четвертых, геологическое строение самого месторождения отличалось чрезвычайной сложностью, а в сочетании с параметрами и характеристикой газовой залежи было настолько трудным для буровых работ, что требовало глубоких и всесторонних научных исследований самой технологии проводки скважин. В те годы и позже все, кто рассматривал вопросы, связанные с поиском, разведкой, добычей нефти и газа, выражали недоумение результатами бурения, скорости которого в Тимано-Печорской нефтегазовой провинции, по сравнению со Средним Поволжьем и Западной Сибирью, были значительно ниже. Не вдаваясь в тонкости этой проблемы, обратим внимание лишь на то, что в сравниваемых районах глубина залегания нефтегазоносных горизонтов составляет от 900 до 2500 метров, в то время как на Вуктыле она достигла 3500 метров, да и геологическое строение несравненно сложнее.

Для выполнения решения правительства в районе нужно было создать многочисленные организации и предприятия, которым предстояло осуществить выполнение всего комплекса работ, включающего научные и проектные проработки, выбор системы разработки месторождения, бурение и исследование скважин, технологию добычи и подготовки к транспорту газа, работу газотранспортной системы, строительство объектов промышлен-

ного и гражданского назначения, решение вопросов размещения, питания, отдыха работающих, укомплектование квалифицированным инженерно-техническим и рабочим персоналом всех звеньев многогранного и сложного комплекса.

Все это предстояло осуществить в непростых северных условиях, на пустом месте, без права на ошибки, учитывая особую морально-психологическую обстановку в районе, традиции и обычаи проживающего здесь народа.

В те времена в северных городах Республики Коми Воркуте и Ухте практиковались иные подходы к решению кадровых вопросов, нежели в южной и средней частях страны. На Севере не было процветающего на юге протекционизма и семейственности. Здесь почти отсутствовали такие явления, как мздоимство, поборы, активно проникающие во все сферы жизни на юге. Искренность, честность, добропорядочность, взаимовыручка были неотъемлемыми чертами характера северян и проявлялись во всех сторонах их жизни. Эти взаимоотношения быстро усваивались и приезжими.

Работника здесь оценивали по деловым, профессиональным и человеческим качествам. Такой подход в экстремальных условиях жизни на Севере создавал особую среду формирования необходимых руководителю качеств. Продвигавшиеся по служебной лестнице руководители, как правило, выгодно отличались от специалистов, прибывших из других регионов.

Фактор особого подхода к решению кадровой проблемы в Коми в 60-80-е годы прошлого века сыграл большую роль в развитии газовой, затем и нефтяной промышленности. Об этом «северном феномене» хорошо знали в центральных органах управления страны, пытались его распространить повсюду. Но в силу складывающихся на то время обстоятельств в стране подобный опыт не удался. Примером может служить отправка секретаря Воркутинского ГК КПСС на высокий пост в Армению. Честному, порядочному, опытному и талантливому Г.А.Мартirosяну этот опыт стоил жизни.

Благодаря существовавшей тогда системе централизованного государственного управления, постоянному контролю и требовательности со стороны Министерства газовой промышленности и его министра, эффективному выполнению надзирающих, «устрашающих» и информационных функций со стороны местных партийных органов все проблемы решались оперативно и, как подтверждала жизнь, результативно.

В мае 1967 года в Ухте создается первое организационное звено Мингазпрома — Дирекция по обустройству промыслов в Коми АССР. Первым ее руководителем стал Борис Рудольфович Гене. Чтобы не сложилось мнение, что Мингазпром СССР высладался в Коми (в частности, в Ухте) и начал работать на «газовой целине», подобно отрядам целинников в казахских и оренбургских степях, проследим хотя бы вкратце, как развивалась газовая Ухта и что представляла собой газовая промышленность в Коми на период начала освоения Вуктыла.

Традиции закладывали первопроходцы

Интерес к ухтинскому газу возник еще в 20-х годах. Проблемой газа в Ухтинском районе занимается видный ученый И.Н.Стрижов. Он настаивал на перспективности Верхнежемского района, и здесь по его плану было начато глубокое бурение. В 1933

Седельское месторождение.
Продувка скважины. 1950 год.

году в работе «Природные газы Тимана» И.Н. Стрижов писал: «Мы имеем лишь начало изучения Тимана. Эти древние горы при дальнейшем изучении могут дать газы новых типов. Могут найтись месторождения большого практического значения». А в конце 1933 года он составляет «План разведки и добычи гелия на Тимане». Прогнозы Стрижова сбываются. 4 июня 1935 года скважиной №1/39 было открыто Седельское месторождение — первая крупная газовая залежь в стране. Это было открытие, положившее начало газовой промышленности в Коми АССР и Советском Союзе. Этому событию в Москве 10 августа 1935 года посвящается совещание у начальника Государственного геологоразведочного управления ВСНХ, председателя Совета по изучению производительных сил АН СССР, академика И.М.Губкина. Рассматривался вопрос о проектировании и строительстве газового завода по производству гелия и использованию природного газа для выработки технического углерода. Утверждается план разведки месторождения.

В районе деревни Крутая создается мощный участок бурения. Начинаются активные разведочные работы. Запасы газа по месторождению утверждаются в октябре 1940 года. После их утверждения 20 декабря Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление об использовании природных газов Седельского месторождения, которым предусматривается строительство в Ухтинском районе вблизи деревни Крутая сажевых заводов. Ухтижмлаг НКВД СССР в феврале 1941 года приступает к строительству сажевых заводов, газопровода к ним и обустройству газового месторождения. Крутянский участок буровых работ, выполнявший бурение газовых скважин на месторождении, 12 июля 1941 года преобразуется в самостоятельную производственную единицу — в Крутянский газовый промысел. Начальником промысла назначается И.М.Плаксин. Крутянский промысел стал первым газовым промыслом в Советском Союзе.

Для строительства сажевых заводов, газопровода и газового промысла в составе Ухтижмлага создается многопрофильное, на правах треста, управление «Газстрой». На него дополнительно возлагается задача закончить строительство 90-километровой дороги

Ухта — Крутая, возведение жилого поселка Крутая и промышленных объектов в этом районе. Начальником управления был назначен И.В.Носков.

Одновременно со строительством сажевых заводов ведется подготовка к организации учета газа (тогда это было непростой технической проблемой), проектируются газосборные сети, ведется подготовка специалистов для обслуживания скважин и газового промысла. Для бурения эксплуатационных скважин на месторождении сосредотачиваются девять буровых станков и лучшие буровые бригады.

Наркомат внутренних дел в создавшейся обстановке (шли первые месяцы Великой Отечественной войны) принимает меры к форсированию строительства заводов, выделяет для этих целей дополнительные финансовые и другие ресурсы. Сюда доставляется часть оборудования, демонтированного с Майкопского сажевого завода, которое частично используется при строительстве первого и пятого, последнего, заводов.

В жизни газовиков Ухты 6 ноября 1941 года происходит важное событие. К двадцать четвертой годовщине Октябрьской революции получена первая опытная партия газовой канальной сажи, а через три месяца завод приступил к ее промышленному производству. В январе 1943 года находились в промышленной эксплуатации Седельский газовый промысел и четыре газовых завода, в ноябре к ним прибавился пятый — Крутянский завод. Поставленная правительством задача была выполнена в срок. Потребности оборонной промышленности удовлетворялись в полном объеме ухтинским химическим сырьем самого высокого качества.

Испытание всех систем сбора, подготовки и подачи газа, опробование технологических процессов проходили здесь без задержек и сбоев, что свидетельствовало о высокой инженерной подготовке всего производственного цикла, квалификации обслуживающего персонала, надежности разработанного и изготовленного на Ухтинском механическом заводе оборудования. Насколько это было важно, особенно в тех условиях, подтверждает описанный в книге Н.К.Байбакова «ОТ СТАЛИНА ДО ЕЛЬЦИНА» факт, имевший место гораздо позже, в 1946 году, при испытании и пуске в эксплуатацию первого в стране магистрального газопровода Саратов — Москва, где автор обращает внимание на завершающий этап его строительства:

«Этот газопровод как объект особой важности находился под пристальным вниманием руководства страны. Несмотря на отсутствие опыта, строительство газо-

Цех №5 — первенец Сосногорского газоперерабатывающего завода, построенный в 1941 году на первом в СССР газовом промысле (ныне поселок Верхнежемский).

провода протяженностью 800 километров было осуществлено в короткие, как и предусматривалось, сроки — в течение года. Но были допущены и ошибки... Это вызвало большую тревогу правительства. В декабре 1946 года И.В. Сталин, вернувшись из Сочи, где проводил отпуск, спросил встречавших его на вокзале руководителей:

— Как работает газопровод Саратов — Москва?

Секретарь ЦК партии, председатель Моссовета Г.М. Попов ответил:

— Плохо, с перебоями.

Сталин обрушился на Берия:

— Нашумели на весь мир об этом газопроводе, а теперь он не работает. В Сочи я получил рапорт строителей, собирался подписать приветствие, начал подписывать, и вдруг капнули чернила из ручки, образовалось пятно: плохая примета... И я решил подождать.

В тот же вечер Берия срочно собрал у себя всех руководителей МВД и Главгазпрома. На совещание были приглашены Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян и Г.М. Попов. Вся ночь прошла в утомительных спорах и обвинениях, пока наконец не подготовили решение, в котором были определены меры по устранению неполадок в эксплуатации газопровода...

Более года ученые и специалисты, весь коллектив строителей и эксплуатационников трудились дни и ночи не покладая рук, чтобы обеспечить бесперебойную подачу газа из Саратова в Москву. И вот летом 1947 года газопровод был выведен на проектный уровень».

Ничего подобного, если иметь в виду качество работ и сроки пуска и вывода на проектную мощность важнейших газовых объектов Ухты, никогда не было.

Что собой представлял район Седельского газового промысла в сороковые годы, можно представить по воспоминаниям начинавшего здесь свой трудовой путь известного нефтяника республики Афанасия Федорова, проработавшего в нефтегазовой отрасли без малого пятьдесят лет (в настоящее время он возглавляет совет ветеранов объединения «Коминнефть»): «Если родоначальником добычи и переработки нефти на Европейском Севере является поселок Чибью, то природного газа — поселок Крутая, в 90 километрах на юго-восток от Ухты. Назван он по одноименной деревеньке, что на левом берегу Ижмы. Как и многие подобные в нашем крае, возник он на базе лагпункта. Событие это относится к 1940 году, после выхода в свет постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) о промышленном использовании газа Седельского месторождения.

Отдельный лагерный пункт (ОЛП-17) был небольшим. Состоял в основном из уголовников и «бытовиков». Во главе лагпункта и всего поселка — начальник, у него два заместителя. Один по лагерю, незлой человек, звали его «папа Саша». Другой — замполит, тот следил за соблюдением норм и правил поведения в поселке, в прошлом — офицер-фронтовик. Реальным руководителем и организатором производства был главный инженер. В этой должности здесь побывали Георгий Кузнецов, Александр Сиротко, Михаил Бернштейн, позже ставшие руководителями Ухткомбината. Особая роль отводилась и главному геологу Всеволоду Левченко.

Ко времени моего приезда в мае 1950 года на Крутую здешнее производство представляло не только газопромысловое хозяйство, но и сажевые заводы, газомоторную электростанцию, кирпичный завод, технические мастерские, строительный участок, автогараж, узел связи, сельскохозяйственный участок, участок бурения, лесозаготовительное и деревообрабатывающее производство. Социальная инфраструктура тоже была заботой лагеря. В поселке было практически все, что по тогдашним послевоенным скромным меркам определяло весьма сносную жизнь. Жилые дома имели паровое отопление, были газифицированы.

Проблем с кадрами не было. Их ряды пополнялись специалистами из числа бывших заключенных и спецпоселенцев. На рабочие профессии принимали жителей окрестных деревень и сел. После обучения они прекрасно работали. Обслуживание скважин и газопроводов велось по принципу «семейного подряда» — оператором на скважине работала жена, а слесарем-обходчиком — муж. Жили они в добротных рубленых домиках на трассе газопровода. Помимо традиционно соблюдавшейся с прошлых времен «железной» дисциплины, обычным было добросовестное отношение к труду. Воскресники, выезды на ликвидацию аварийных ситуаций, на тушение лесных пожаров, заготовку кормов для скота и уборка урожая считались долгом, а не «обязаловкой». Нарушение режимов работы скважин, оборудования считалось недопустимым, а если это случалось, то крепко наказывалось. В качестве поощрений высоко ценились благодарность в приказе, почетные грамоты, подписка на дефицитный тогда «Огонек» и приложения к нему. Все работали и жили дружно, несмотря на их условно различные социальные статусы. Крутая дала стране шесть лауреатов Сталинской премии (М.Бернштейн, А.Сиротко, С.Бондаренко, Г.Кузнецов, В.Антонов, В.Черюканов), депутатов Верховного Совета СССР (Е.Уляшову) и Коми АССР (А.Ботфах). Опыт и традиции крутянских специалистов положительно сказались на дальнейшем развитии Верхне-Ижемского нефтегазового района».

В районах, прилегающих к Седельскому месторождению, были широко развернуты работы по поиску новых газовых месторождений. В октябре 1943 года из скважины №1/30 получен приток газа на Войвожской площади, была открыта газовая залежь Войвожского нефтегазового месторождения. Через полгода в мае 1944 года газ с этой залежи по сорокакилометровому газопроводу поступал на газовые заводы.

Уделяя особое внимание району, в марте 1945 года Государственный Комитет Обороны принимает решение об увеличении и ускорении разведочного и эксплуатационного бурения в Верхней Ижме, где уже 24 июля в верховьях речки Нибель был получен мощный газовый фонтан: открыто Нибельское газонефтяное месторождение, одно из крупнейших на то время в Советском Союзе. Его запасы составили свыше десяти миллиардов кубометров, что позволило в пятилетнем государственном плане, принятом 15 марта 1946 года, предусмотреть дальнейшее развитие газовой промышленности в Коми АССР. На его базе Совет Министров СССР принимает решение о строительстве в районе Ухты завода по выпуску термического углерода — первого по производству этого вида химической продукции в Советском Союзе.

Строительство его началось в декабре 1945 года в двадцати километрах от Ухты на берегу реки Ижмы. Ставилась задача обеспечить резко возрастающие нужды резино-

*Памятный знак на месте первооткрывательницы
Войвожских нефтяных и газовых
месторождений — скважины №8.*

технической, лакокрасочной и текстильной промышленности страны. В июле 1948 года строительство было успешно закончено, получена продукция, а в 1949 году здесь впервые в стране начато производство гелия из природных газов Ижемского района. Параллельно со строительством завода с июля 1946 года велась прокладка 110-километрового наземного самокомпенсирующегося магистрального газопровода Войвож — Ухта. Его уникальную конструкцию разработали ухтинские инженеры С.И.Новопавловский, А.В.Булгаков и А.К.Веревкин. Он, как и завод, был принят

в постоянную эксплуатацию без каких-либо существенных замечаний в июле 1948 года. Наземный подвесной самокомпенсирующийся магистральный газопровод на деревянных опорах в сложнейших географических и климатических условиях был построен впервые в мировой практике. Выдержав испытание временем, он успешно действует и поныне, отсчитывая шестой десяток лет, демонстрируя талант его создателей, высокое качество строительства и надежность.

Представляют интерес два факта, имевших связь с периодом зарождения и развития газовой промышленности в Коми АССР, относящихся к ухтинскому периоду деятельности И.Н.Стрижова и созданию инженером С.Новопавловским газопровода наземного исполнения. Суть их заключалась в следующем. И.Н.Стрижов предсказал и обосновал впервые в мире наличие в северных широтах твердых (гидратных) газов. В 1960 году это научное открытие И.Н.Стрижова было зарегистрировано группой специалистов в составе В.Г.Васильева, Ю.Ф.Макогона, А.А. Трофимука, А.Ф.Требина, В.Н.Черкасова. К великому сожалению, И.Н.Стрижова в этом списке почему-то не оказалось. Газовики на практике впервые столкнулись с явлением гидратных газов на заполярном Мессояхском месторождении в 1968 году, когда по настоянию руководителя Норильского горно-металлургического комбината (будущего секретаря ЦК КПСС) Владимира Ивановича Долгих создавался Мессояхский газовый промысел и строился газопровод в Норильск.

Строительство впервые в стране велось в тундре в зоне вечной мерзлоты. Разработчики проекта использовали идеи и принципы ухтинских инженеров, создавших еще в

1946 году самокомпенсирующийся подвесной газопровод. На первой нитке норильского газопровода, а их было построено всего три, произошла авария — разрыв трубы. Как рассказывал автору этих строк С.Новопавловский, выезжавший на место аварии, одной из основных причин разрушения газопровода стали ошибки проектировщиков, пренебрегших рядом технических решений и расчетов, доказавших свою надежность 20 лет назад в Ухте. В не меньшей мере отрицательное влияние оказало невыполнение проектных решений строителями, спешившими сдать газопровод раньше срока. Такое происходило не только на Мессояхе. Рапорты о сокращении нормативных сроков строительства газопроводов и других объектов (иногда более чем в два раза) были по существу аморальными и даже преступными. Они приводили к техногенным катастрофам, человеческим жертвам. Это, в свою очередь, сломало служебную карьеру многим талантливым инженерам и руководителям.

Подвесной газопровод вблизи Войвожа.

Приведенные выше факты свидетельствовали о нежелании некоторых тогдашних руководителей газовой отрасли использовать накопленный опыт и признать приоритет в этих вопросах ухтинских инженеров.

Ухтинский комбинат во время Великой Отечественной войны был единственным поставщиком сырья для заводов Наркомата резиновой промышленности. Значение открытых в Ухтинском районе газовых месторождений и создание на их базе химического производства для народного хозяйства страны убедительно подтверждают прием в июле 1947 года в Кремле И.В.Сталиным по его инициативе главного инженера и главного геолога Ухтинского комбината В.Г.Константинова и А.Я. Кремса с докладом о состоянии добычи нефти и газа, об открытых месторождениях и перспективе развития нефтегазовой промышленности в Коми АССР, а также принятие в те же дни постановления Совета Министров СССР о присуждении Государственной (Сталинской) премии

И.В.Носакову, М.А.Бернштейну, А.Я.Кремсу, А.М.Сиротко, В.С.Паничеву «За открытие и промышленное освоение газовых месторождений Верхней Ижмы».

Открытием Кушкодзжского газового и Верхнеомринского газонефтяного месторождений был ознаменован 1949 год. Объемы поисковых работ на юго-восточном направлении от Ухты значительно расширяются, в связи с чем меняется и совершенствуется структура организаций, ведущих поиск и добычу газа. В мае 1950 года в составе Ухткомбината на базе газового промысла создается Управление Верхнеижемского эксплуатационного района (УВИЭР) с нахождением в поселке Крутая, которое в 1953 году перебазировалось в новый промышленный нефтегазовый район — Войвож. С 1954 года управлению придается статус треста. Его первым управляющим становится опытный инженер, лауреат Государственной премии СССР А.М.Сиротко. Трест «Войвожнефтегаз» был призван обеспечить в южной части Тимано-Печорской провинции добычу нефти и газа, эксплуатационное и разведочное бурение, создание необходимых вспомогательных производств. Район становится главным в решении задачи нефтегазодобычи в республике. Добыча газа здесь в 1950 году превышала 1,1 миллиарда кубометров, что составляло около 20 процентов от всесоюзного уровня. За выдающиеся успехи в разведке и освоении в данном районе Войвожского, Нибельского, Верхнеомринского, Кушкодзжского нефтегазовых и газовых месторождений в 1951 году были удостоены Государственной премии СССР геологи и буровики Ухткомбината К.А.Машкович, У.М.Юдичев, А.Я.Кремс, В.Г.Константинов, М.М.Зоткин, А.А.Шмелев, В.Н.Антонов, Г.С.Кочергин.

Специалисты Ухткомбината по знаниям, опыту и организации газового дела были ведущими в стране. Как ни в каком другом районе, они шаг за шагом решали проблемы создания газовой промышленности на Европейском Северо-Востоке, имея особую и постоянную поддержку руководства страны.

Первые сложности на их пути возникли на стадии бурения газовых скважин. Вскрытие газоносного пласта, конструкция скважины, оборудование ее устья на период бурения и испытания, процесс самого испытания требовали иных подходов и решений, нежели при строительстве нефтяных скважин. Это проявилось при бурении скважины, открывшей Седельское месторождение, где не удалось избежать крупных неприятностей. Ударил открытый фонтан мощностью миллион кубометров газа в сутки. Стихию, к счастью, удалось быстро укротить. Укротителями были, не имея опыта ликвидации подобных аварий и необходимых технических средств, ухтинские инженеры и буровики. Для предотвращения подобных случаев в Ухтижемаге был разработан ряд нормативных документов, создана отдельная технологическая служба, организована ведомственная горнотехническая инспекция. Технические разработки и нововведения ухтинских специалистов были использованы, а некоторые стали основой при создании нормативных документов в газовой промышленности страны.

В числе достижений ухтинских газодобывателей — использование впервые в стране природного газа в качестве топлива для автомобилей. На этот вид горючего переводится большая часть работающего в районе автомобильного парка. На трассе Ухта — Войвож -Троицко-Печорск, Ухта — Водный, Ухта — Ярега десять газозаправочных станций, спроектированных и построенных в сороковые годы специалистами

Ухткомбината, служили надежными пунктами заправки природным газом грузовых автомобилей. В стране (в Газпроме) о газовых заправках заговорили лишь в 80-е годы, и это при том, что в Ухте они были давно свершившимся и, к сожалению, забытым фактом.

Повсеместно газ применялся для бытовых нужд. Жилые дома в Ухте и во всех прилегающих рабочих поселках строились только с газовыми плитами и водонагревателями, отопительные котельные работали здесь на газовом топливе, дизельные электростанции превращали природный газ в электроэнергию. Бурный рост потребления газа в промышленности и коммунальном хозяйстве требовал особого контроля за его безопасным использованием. Понадобилось создание газовой инспекции, и она создается при Ухтижмлаге. О методах эффективности и надежности ее работы следовало бы знать теперешним контролерам безопасности в газовом хозяйстве. Тогда на протяжении многих лет не было не только взрывов в домах, их полного разрушения, о чем всей России в начале третьего тысячелетия постоянно вещают средства массовой информации, но даже не было мелких происшествий, связанных с использованием этого вида топлива. Газовая инспекция в те далекие годы не ждала аварийного вызова или взрыва. Она четко, по установленному графику, проверяла все без исключения газогорелочные, газозапорные устройства, газовые приборы, а у кого не удавалось по каким-либо причинам провести проверку, тому отключала подачу газа. Это являлось незыблемым правилом, и его никто не нарушал ни при каких обстоятельствах. Процессом управляли государственные органы, главной целью которых была безопасность человека, в отличие от нынешних контролеров, цель которых иной измеритель — прибыль. Опыт Ухты более чем пятидесятилетней давности сегодня был бы полезен всей России, где газ для граждан страны из блага превращается во многих случаях в ужас, трагедии, разорение. Таким образом, приоритет Ухты в создании газовой промышленности России, ее организационных структур неоспорим и очевиден.

Вуктыльский гигант рос на вспаханном поле

Учитывая приоритет газовой отрасли Ухткомбината, Совет Министров СССР постановлением от 2 августа 1956 года подчинил его Главному управлению газовой промышленности при Совете Министров (Главгазу СССР). В Коми АССР к началу 1960 года было открыто одиннадцать газовых и газоконденсатных месторождений. Республика Коми занимала одно из первых мест среди нефтегазоносных районов. Так что ухтинская газовая целина была глубоко, качественно, профессионально, научнообоснованно распахана талантливыми и трудолюбивыми тружениками Севера. И на это вспаханное поле пришел Мингазпром СССР штурмовать великий и неизвестный Вуктыл.

Одним из первых, кто, засучив рукава, взялся за это особой важности дело, был Борис Рудольфович Гене. Его приход в «Дирекцию...» — удачное кадровое решение, способствующее успешному началу работ по созданию и формированию будущего управления «Комигазпром», Вуктыльского газоконденсатного промысла и Газопромыслового управления. В то время это был самый высококвалифицированный специалист в области добычи и транспорта газа в республике.

Известно, что в суровых условиях Севера, помимо профессиональных, нужны знания особенностей северной технологии для обеспечения надежной, безопасной и бесперебойной работы всех звеньев газового производства. Б.Р.Гене это знал хорошо. Начал он трудовую деятельность в 1942 году помощником начальника по труду Севжелдорлага Наркомата внутренних дел. С 1943 года работает бурильщиком в районе Верхней Ижмы, в 1944 году его направляют в отдел эксплуатации газопромысла. С открытием Нибельского месторождения Гене становится начальником участка добычи газа, а с 1960 по 1965 годы занимает должность главного инженера газового промысла треста «Войвожнефтегаз», начальника промысла, главного инженера Войвожского нефтепромыслового управления — основного в то время нефтегазодобывающего предприятия республики. В 1965 году Гене переходит работать заместителем начальника Ухтинского территориального геологического управления.

Взросший объем работ по испытанию нефтяных и газовых скважин, в том числе на Вуктыльском месторождении, газификация многочисленных объектов, применение газа в качестве горючего для привода буровых установок и топлива для котельных требовали от УТГУ создания службы газового хозяйства и единого его руководства. На роль заместителя начальника управления Борис Рудольфович с его знаниями и опытом подходил лучше всего.

Ситуация менялась и усложнялась не по дням, а по часам, усиливая сомнения в том, что труднейшую задачу удастся выполнить в сроки, на первый взгляд, не имеющие ничего общего с реальностью. Хотя желание было велико, да и «сверху» давили нещадно. Поток многочисленных командированных из Москвы, Ленинграда, Саратова и других городов страны нарастал с каждым днем. Вопросы прибывающих в Ухту большей частью не входили в компетенцию «Дирекции...». Решались они в Москве в аппарате министерства, его главках и отделах. Учитывая сложившееся положение, руководство министерства ускоряет создание структуры по организации обустройства и добычи газа в Ухте. В составе Главгаздобычи 21 августа 1967 года создается Ухтинское газопромысловое управление «Комигазпром» с самостоятельной базой материально-технического снабжения, с подчинением ему Дирекции по обустройству промыслов. Начальником Ухтинского газопромыслового управления назначается соратник и коллега В.А.Динкова по Кубани, до этого работавший в Главгаздобыче министерства, один из активных создателей газовой промышленности Краснодарского края Николай Васильевич Петличенко.

Непосредственно на месторождении руководство управления «Комигазпром» создаст газоконденсатный промысел. Новая структура управления, как и прежняя, просуществовала недолго. Центр тяжести и сложности задач, как и следовало ожидать, стремительно перемещался в сторону Северного Урала, к газовым скважинам Вуктыла. На базе Ухтинского газопромыслового управления 13 августа 1968 года создается производственное объединение «Комигазпром», которое возглавил Н.В.Петличенко, главным инженером назначен Б.Р.Гене, а 28 октября 1968 года приказом Мингазпрома СССР №251 Вуктыльский газоконденсатный промысел преобразован в Вуктыльское газопромысловое управление. Первым заведующим промыслом стал Иван Степанович Уляшев. Завершилось формирование основных газодобывающих структур, призванных вести ра-

боты по эксплуатации газоконденсатных месторождений на территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

На Север (еще до выхода правительственного постановления о Вуктыле) со всей страны в начале 1967 года перебазировались мощности для строительства трубопроводов и компрессорных станций. В короткие сроки на трассе газопровода и площадках будущих компрессорных одновременно с изыскателями и проектировщиками занимают позиции главные силы строительной «армии» министра А.К.Кортунова. В их числе подразделения трестов Союзгазспецстроя, Татнефтепроводстроя, Востокнефтепроводстроя, Нефтепроводмонтажа, Союзпроводмеханизации, Свармонтажа, Цекинггазстроя, Средазнефтегазстроя, Мосгазпроводстроя, Ухтастроя.

В феврале 1967 года в район Ухты из Федеративной Республики Германии (тогда у нас ее называли Западной Германией) поступают для газопровода Ухта — Торжок первые трубы диаметром 1220 миллиметров. Начинается строительство трансконтинентального газопровода Северные районы Тюменской области — Центр на участке Торжок — Ухта. К концу марта уже сварены, изолированы и уложены в непрерывную нить первые одиннадцать километров будущей газовой магистрали. Сварку первых километров газопровода вели бригады треста «Свармонтаж». В феврале 1967 года на базе этих бригад в Ухте создается специализированное сварочное управление СУ-6. Одновременно силами этого управления ведутся работы на участке газопровода Вуктыл — Ухта. Его строительство с поступлением труб было начато из поселка Нижний Одес, где бригада СУ-6 вела работы по окончанию строительства нефтепровода Нижний Одес — Ухта. Коллектив СУ-6 возглавил Петр Сергеевич Козаков, отдавший много сил освоению Вуктыла на посту управляющего строительным трестом «Вуктылстрой», а затем заместителя председателя Ухтинского горисполкома.

Обустройство месторождения было поручено организованному в 1954 году тресту «Ухтастрой», приступившему одновременно к работам на главных промысловых сооружениях, на строительстве временного жилого поселка и промышленной базы Вуктыла. Создаются новые строительные управления. Уже к началу марта работы по строительству трубопроводной части вели девять строительных колонн.

К строительству дороги, соединявшей Ухту с Вуктылом, было привлечено дорожно-строительное управление треста «Пермдорстрой». Строительство внутрипромысловой дороги поручили управлению «Печорстрой», которое силами строительного монтажного поезда №331 активно приступило к работам на Вуктыле. Подразделения Министерства энергетики начали работы по сооружению высоковольтной линии электропередачи и трансформаторных подстанций Ухта — Нижний Одес — Вуктыл.

Полномасштабное строительство промысловых объектов зависело от готовности и особенностей технологического проекта разработки месторождения, который, в свою очередь, мог быть разработан при наличии полных данных о строении месторождения и его запасах газа и конденсата, а значит, после их защиты в Государственном комитете по запасам (ГКЗ). Так как защита запасов в установленном порядке была возможна после разведки месторождения, то в основу технологического проекта разработки месторождения были заложены данные предварительной оценки запасов газа.

Начало грандиозной стройки.

Министр газовой промышленности СССР А.Кортунов на вуктыльской земле, 1968 год.

С целью выработки технических решений и принципов разработки месторождения в столь сложной и необычной ситуации в Ухте 19-20 июля 1967 года проходит совместное заседание научно-технического совета Министерства газовой промышленности и секции нефти и газа Экспертного геологического совета Министерства геологии РСФСР. Заседание проводил первый заместитель министра газовой промышленности М.В.Сидоренко. К работе были привлечены ученые и специалисты многих научно-исследовательских институтов и производственных организаций страны. На заседании были обсуждены вопросы рациональной конструкции скважин, методы и технология их исследования, способы интенсификации добычи газа, его подготовки и транспорта, варианты транспорта и переработки конденсата, методы разработки газоконденсатной залежи, особое внимание уделено условиям и срокам ввода месторождения в опытно-промышленную эксплуатацию. Рассмотрены направления и методы поиска газовых месторождений в регионе. Материалы совещания явились основой для проектирования объектов промыслового обустройства, изготовления машиностроителями необходимого оборудования.

При всей сложности проводимых работ по разведке месторождения ухтинские геологи менее чем за год после принятия правительственного постановления подготовили и представили материалы предварительной разведки месторождения.

Придавая особую значимость оценке запасов газа месторождения, в Ухте 25-28 марта 1968 года Государственный комитет при Совете Министров СССР по запасам под руководством его председателя И.И.Малышева провел выездное заседание. В принятом решении по представленным и рассмотренным материалам ГКЗ отметил, что на

Русло газовой реки по имени «Сияние Севера» на участке Нижний Одес — Сосновка. 1968 год.

данной стадии изученности запасы газа Вуктыльского месторождения утверждаются в объеме 514 миллиардов кубометров. Эти объемы углеводородов были подтверждены комиссией ГКЗ при повторном рассмотрении результатов разведки с незначительным их увеличением в июле 1972 года.

Проектные институты и конструкторские бюро Министерства химического и нефтяного машиностроения приступили к срочной разработке технической документации на ряд газовых аппаратов и других видов оборудования. Машиностроительные заводы, для которых выполнение заказов для Вуктыла было первоочередной задачей, начали подготовку к их производству.

Для организации строительства и эксплуатации газопровода Ухта — Торжок и компрессорных станций приказом министра от 18 ноября 1967 года в составе Главного управления капитального строительства в Ухте создается управление строящихся северных магистральных газопроводов и газодобывающих предприятий «Севергазцентр». Его возглавили В.И.Миронов и В.П.Перерва.

Для решения научных проблем в 1968 году на базе действовавшего с 1963 года Ухтинского нефтегазового отдела создается Коми филиал ВНИИгаза во главе с М.А. Бернштейном и Г.Р.Рейтенбахом, взявшими на себя научное руководство проектированием разработки нефтегазовых месторождений.

Как решали неразрешимую задачу

О том, что эксплуатационное бурение на месторождении предстояло вести Ухтинскому территориальному геологическому управлению Мингео РСФСР, стало понятно из выступления председателя Госплана СССР Н.К.Байбакова на прошедшем в 1967 году в Ухте январском совещании. Нефтеразведочной экспедиции глубокого бурения №1, ведущей разведку месторождения, предстояло, как говорят, с ходу приступить к делу. Одновременно Ухтинская дирекция по обустройству промыслов выдала задание на их строительство. Принятое решение отвечало задаче в самые короткие сроки получить вук-

тыльский газ. Привлечение любой другой буровой организации отодвигало на годы получение эксплуатационных скважин. Однако подобный поворот событий ставит под удар ухтинских геологов. Достаточно конкретно это проявилось уже через год.

Темпы обустройства газопромысла и строительства газопровода все отчетливее ставили перед геологами сверхсложную задачу. С одной стороны, необходимо сосредоточить все силы на окончании бурения разведочных скважин, без чего рассмотрение материалов о предварительной разведке месторождения и утверждение их на данной стадии изученности залежей не представлялось возможным. С другой стороны, ход работы по обустройству месторождения и строительству газопровода требовал ускорения создания мощностей по добыче газа. А это — эксплуатационные скважины, бурение которых было возложено на Вуктыльскую экспедицию. Ни одна из этих задач без значительного увеличения мощностей по бурению не могла быть решена в установленные сроки. Для создания новых мощностей требовались буровые станки, квалифицированные буровые бригады, адаптированные к вуктыльским условиям, немало времени.

Ничего этого на Вуктыле и рядом с ним УТГУ не имело. Выход из положения геологи видели в том, чтобы прекратить работы на других площадях и переключить буровые бригады на эксплуатационное бурение. Но и это не могло в полном объеме и в нужные сроки решить задачу. Для обслуживания дополнительных бригад нужны были вспомогательные мощности. Таковых на Вуктыле тоже не было. Их создание выходило далеко за временные рамки, установленные правительством. На 1968 год Госплан СССР, минуя Министерство геологии, устанавливает для УТГУ план эксплуатационного бурения 30 тысяч метров, на 1969 год — 55 тысяч метров и ввод 12 скважин. Такие объемы работ в столь сжатые сроки для геологического управления были непосильны, поставленная задача — нереальна. В этих условиях начальник геологического управления Н.Т.Забродоцкий выходит с предложением в Мингео СССР создать на Вуктыле геологоразведочный трест.

И приказом министра геологии СССР А.В.Сидоренко от 19 марта 1968 года в составе Ухтинского территориального геологического управления создается трест «Вуктыльнефтегазразведка». Территория его деятельности по разведочному бурению ограничивалась зоной Печорского Предуралья, а по эксплуатационному бурению (что было главной задачей) — Вуктыльским месторождением. В действительности произошло не создание нового треста, а механическое разделение старейшего, одного из самых крупных и эффективных в стране, геологоразведочного треста «Войвожнефтегазразведка».

В состав нового треста вошли нефтеразведочная экспедиция №1, базирующаяся на месторождении, нефтеразведочная экспедиция №3 в Троицко-Печорске, ведущая разведочные работы южнее Вуктыла, вышкомонтажное управление №1 в поселке Диньель-II, Войвожский ремонтно-механический завод, заводы лесопиления и домостроения в поселках Войвож и Шердино, автотранспортное предприятие с ремонтной базой в Войвоже, тракторная контора, жилой поселок Нижняя Омра, базы и организации коммунального и торгового назначения и бытового обслуживания. Явное преимущество было отдано тресту «Вуктыльнефтегазразведка», которому отошло более пятидесяти процентов мощностей и опытного кадрового состава.

Создание треста должно было приблизить управленческий персонал к району деятельности, снять с экспедиции многие организационные вопросы, включая такой сложный и трудоемкий на то время процесс, как зимний завоз грузов на буровые, создать условия для более конкретного, квалифицированного и оперативного контроля за ходом бурения, повысить ответственность работников экспедиции за качество работ. Обеспечивалась своевременная и конкретная координация действий всех партнеров, работавших на конечный результат, — бурение скважин. На руководство треста возлагалась прямая ответственность за выполнение плана и, в первую очередь, за сдачу готовых скважин заказчику.

К этому времени Президиум Верховного Совета Коми АССР своим решением отнес территорию Вуктыла к пригородной зоне Ухты. Центр хозяйственного, административного, партийного руководства из Печоры перемещается в Ухту. Думаю, что в Советском Союзе не было до этого города, пригородная зона которого находилась бы в двухстах километрах от его центра.

Трест комплектовался квалифицированными и опытными специалистами и руководителями. Управляющим был назначен Николай Иванович Жуков, до этого работавший начальником самой крупной геологоразведочной экспедиции №2, которая вела буровые работы на прилегающих к городу Печора и вдоль Северной железной дороги Печорогородской, Печорокожвинской, Сынинской, Ярвожской, Лемъюской, Березовской, Мичаюской, Сочемъюской, Аранецкой площадях.

Главным инженером Министерство геологии направило в трест опытного специалиста в области буровых работ Владимира Владимировича Овчинникова, вернувшегося из заграникомандировки. Создание треста «Вуктылнефтегазразведка» сыграло роль и в моей личной судьбе. Меня назначили заместителем управляющего по производству, так что пришлось сменить кресло начальника вышкомонтажного управления №2 в благоустроенной Печоре. Геологическую службу поручили Льву Константиновичу Теплому, ранее работавшему главным геологом экспедиции.

Наше первое крупное начинание — освобождение работников экспедиции от всего того, что не было связано с непосредственным процессом бурения. Трест был единственным в то время крупным предприятием на Вуктыле, и все проблемы стройки перешли к нам. В том числе внешние связи с Ухтой, Сыктывкаром, Москвой стали нашей заботой.

Особая заслуга в формировании и становлении треста в столь короткие сроки и в сложных условиях принадлежала талантливому организатору и порядочному человеку Н.И.Жукову. Родился и вырос он в Ухте. Учеба в школе, затем в Ухтинском горно-нефтяном техникуме. В возрасте девятнадцати лет в суровом 1941 году он, как и многие его сверстники, уходит на фронт. Его направляют в военное училище. После его окончания в рядах Красной Армии лейтенант Жуков воевал недолго. В то время на территории Советского Союза создавали польскую освободительную армию, куда и был прикомандирован Н.Жуков инструктором Войска Польского. Прошел он нелегкими военными дорогами в составе Войска Польского, освобождая земли и народ Польши от фашистских захватчиков. Вернулся в родную Ухту в 1945 году в чине польского капитана со многими польскими наградами. Работал в Ухткомбинате МВД СССР, без отрыва от работы закончил Московский нефтяной институт.

С его именем связаны многие новые начинания, например, внедрение передовых методов и новой техники в бурении, в том числе освоение впервые в стране газотурбинного привода буровых установок Уралмаш-5Д и 3Д с использованием авиационных газотурбинных двигателей, отработавших свой ресурс в авиации. С ростом объемов бурения в северных районах Республики Коми Жуков назначается начальником геологоразведочной экспедиции глубокого бурения №2, а после расформирования треста «Вуктылнефтегазразведка» он успешно руководил управлением по строительству и содержанию дорог в объединении «Коминнефть».

В тресте работали и обеспечивали успешное решение поставленных задач такие замечательные люди, специалисты и организаторы буровых работ, как Михаил Иванович Волхонцев, Александр Иванович Ку克林, Владимир Владимирович Полянский, Петр Иванович Яковлев, Владимир Александрович Габеля, учивший газовика В.Черномырдина, что такое бурение в зоне вечной мерзлоты и как его организовать, Рубен Тигранович Бабаянц, Михаил Сергеевич Седнев, Василий Александрович Стручков, Владимир Иванович Неклюдов, Александр Иванович Радоков.

Для Ухтинского территориального геологического управления, его руководства трест был своеобразным буфером, принимавшим на себя все недовольство начальства и разрешавшим все острые ситуации, связанные с нарастающими противоречиями между газовиками и буровиками, геологами.

А противоречий и конфликтов было хоть отбавляй

Как известно, обустройство Вуктыльского газоконденсатного месторождения и трубопроводное строительство выполняло Министерство газовой промышленности СССР. Оно же ведало добычей газа. Непосредственное руководство строительством обеспечивал Юрий Петрович Баталин; добычей занимался Василий Александрович Динков. Часто возникающие претензии к строителям со стороны эксплуатационников кончались урегулированием конфликтных ситуаций этими руководителями. Нередко арбитром выступал А.К.Кортунов. Он, как правило, становился на сторону строителей, учитывал их нелегкий труд и желание сделать порученное дело досрочно. Складывалась атмосфера превосходства строителей в системе Мингазпрома, а их действия, даже негативные, приобретали абсолютную непогрешимость.

Между тем темпы обустройства месторождения в силу многих причин значительно отставали от намеченных сроков. Это происходило и по причине низкой квалификации строителей, работавших на промысловых объектах в начальный период, да к тому же строителей катастрофически не хватало. Немало претензий возникало и к качеству проектно-сметной документации; зачастую несвоевременно доставлялись на строящиеся объекты оборудование и материалы. Все эти вопросы относились к компетенции подразделений Мингазпрома, носили внутренний характер, решались в тиши министерских кабинетов.

Иное дело — бурение скважин. Не сданная в срок газовикам скважина становилась предметом громких разбирательств, в которые постепенно начали вовлекать городской и областной комитеты партии. Скоро это перешло на уровень Совета Министров

страны. Такое поведение газовиков (некоторых его руководителей в центре и на местах) стало нормой. Срыв сроков пуска скважин, прокладки от них к сборным пунктам газа трубопроводов тогдашнее руководство управления «Комигазпром» оправдывало ссылками на отставание буровиков, выставляя иногда самые неправдоподобные причины и объяснения.

Секретарь Коми обкома партии В.Я.Соколов, возглавивший республиканский штаб стройки, понимал ситуацию, знал истинных виновников срыва того или иного задания как буровиками, так и газовиками. Если учесть, что геологам Госплан СССР установил явно завышенные показатели по бурению эксплуатационных скважин, то станет понятно, почему УПГУ оказалось виновником всех неудач, постигающих газовиков, создавших комплекс добычи и транспортировки газа от Вуктыла до Торжка.

В ситуацию вмешался обком партии. По его инициативе министерству пришлось сменить руководство «Комигазпрома». Новым руководителем в 1969 году был назначен Анатолий Викторович Резчиков, проработавший в этой должности до 1973 года. Позднее, в ходе слияния управления «Севергазцентр» с производственным объединением «Комигазпром», происшедшем 28 апреля 1973 года по личной инициативе С.А.Оруджева, начальником ПО «Комигазпром» становится Станислав Иванович Юдин.

А.И.Резчиков был тем руководителем «Комигазпрома», кто внес наиболее весомый вклад в освоение Вуктыла. Под его руководством были осуществлены основные работы по обустройству месторождения, достигнут проектный уровень добычи газа в 15 миллиардов кубометров в год, решен ряд научно-технических проблем. Особое внимание он уделял буровым работам, показатели которых требовали улучшения.

В то время в оценках результатов бурения эксплуатационных скважин преобладали субъективные факторы. Объективная оценка конкретных условий Вуктыльского месторождения замалчивалась, преподносилась в искаженном виде. Складывалась любопытная ситуация: все знали истинное положение дел, но использовали его каждый по-своему. С одной стороны, Ухтинское геологическое управление, его трест «Вуктылнефтегазразведка» не могли выполнить заведомо нереальные планы по сдаче эксплуатационных скважин газовикам, с другой — в технологическом проекте разработки месторождения предусматривалась производительность каждой скважины в 500 тысяч кубометров газа в сутки. В действительности положение было совершенно иным. Дебит одной скважины после непродолжительных исследований повышался до двух с половиной миллионов кубометров в сутки: поразительная эффективность! Это позволяло к 1970 году при наличии двадцати скважин, принятых газопромышленным управлением, даже с производительностью в полтора миллиона кубометров обеспечить суточную добычу газа в объеме 30 миллионов кубометров, что давало возможность добывать в год более девяти миллиардов кубометров. Фактическая добыча в 1969 году составляла по Вуктыльскому газопромышленному управлению 2 миллиарда 702 миллиона, а в 1970 году — 7 миллиардов 833 миллиона кубометров. Таким образом, обвинение в адрес буровиков Мингео в срыве задания по созданию добывающих мощностей было более чем безосновательным. И, тем не менее, оно продолжалось. Причиной такого положения была плохая организация работ по добыче газа на его первоначальном этапе, а порождали ее два фактора — отсут-

стве опыта обустройства и разработки подобного месторождения и человеческой — квалификация газодобытчиков.

С весны 1968 года не было дня, чтобы на территории месторождения не появлялись летучие отряды, оснащенные мощной техникой и начинавшие свою ни с кем не согласованную деятельность. Для непрерывно прибывающих строителей тайга, ее болота и реки были местом, где можно было делать что угодно и как угодно. Их действия выходили далеко за рамки нормального обращения с окружающей средой и с тем, что ранее было создано на месторождении. Все происходящее напоминало стихийное бедствие. Положение усугубилось с приходом трубопроводчиков, которым ничего не стоило разгрузить тридцатиметровые трубные плети на проезжей части дороги; для своих целей занять трассу и площадку, подготовленные для перетаскивания и строительства буровой установки; разрушить проложенный на свайных опорах газопровод, питающий газотурбинные установки на буровых, тем самым создать аварийную ситуацию при бурении скважин; повредить телефонные линии связи и повалить опоры линии электропередачи и так далее.

Находить на вуктыльских просторах виновных было бесполезно, они были неуловимы. Понятно, что в этом случае бурение велось в экстремальных условиях, которые создавали как раз те, для кого буровые строились. На требования прекратить подобные действия трубопроводчики никак не реагировали. Безрезультатными оказались обращения к союзным министрам газовой промышленности, геологии и их заместителям. Не помогали телефонные звонки и телеграммы в горком и обком. На просьбы заставить строителей остановить варварские действия, привлечь виновных к ответственности в областном и городском комитетах партии давали совет: «А вы попытайтесь решить вопрос на месте, договаривайтесь со строителями». На возражение: «Уже пытались, и не раз, не получается», нам снова рекомендовали: «А вы попробуйте еще, умеете находить общий язык».

Тут была одна тонкость. Все эти многочисленные нарушители стояли на партийном учете не в республике и были для местных партийных органов недосягаемыми.

Тогда пришлось самим преподать им урок. Чашу терпения и уговоров переполнил случай. В утренних сводках о работе буровых появилась запись: «Простой из-за отсутствия проезда». Ночную смену простояли четыре буровые бригады, на одной из них «прихватило» буровой инструмент, создалось предаварийное положение. На пяти буровых работы продолжались, но они тоже были лишены подъезда, а значит, были на грани остановки. А дело было в том, что накануне строители без согласования и предупреждения сваривали в нитку трубу диаметром 1020 миллиметров, соединявшую сборные пункты №1 и №2 с головными сооружениями. Надежные подъезды, которые связывали магистральную дорогу с буровыми, оказались разрушенными и перегороженными метровой высоты преградой. Случилось это в тот момент, когда управляющий трестом Н.И. Жуков на совещании в Москве у Председателя Совета Министров Российской Федерации М.С.Соломенцева докладывал о выполнении заданий по бурению эксплуатационных скважин, а главный инженер В.В.Овчинников в Ухте держал отчет перед техническим руководством УГТУ по вопросу аварийности в бурении.

Выход из критической ситуации пришлось искать мне самому. Что было делать? Треть буровых стоит, столько же на грани остановки, даже нет возможности подвести

рабочим продукты питания и питьевую воду. Нужны были решительные меры, которые позволили бы изменить положение и не допустить крупных аварий, а еще надо было показать, что руководство треста управляет процессом. И меры с моей стороны последовали.

Прошу секретаря пригласить начальника одной из автоколонн — Александра Ивановича Черноусова, энергичного молодого человека, хорошо знающего район, не раз выполнявшего самые трудные и срочные задания. Вот наш разговор:

— Почему ты, Александр Иванович, не выполнил заказ буровых мастеров на транспорт?

— Проезда нет, — отвечает. — Вы же знаете, что дорога перекрыта трубой...

— А что нужно, чтобы дорога была? — задаю «провокационный» вопрос.

— Ждать. А что еще — не знаю.

— Сколько у тебя газосварочных аппаратов?

— Два, а зачем они?

— Нужно три, вместе с газорезчиками. Найдешь сам или тебе помочь?

— Найду. А что делать?

— Резать трубу.

— Какую?

— Ту, что перегородила дорогу к буровым.

— Я этого делать не буду. Вы же сами снимете меня с работы, да еще в тюрьму посадите...

— Иди... Все подготовь, погрузи на машины по одному комплекту и с газорезчиками подъезжай на первый перекрытый подъезд.

К обеду все три подъезда были освобождены от перегородившей дорогу метровой трубы, в которой были вырезаны проходы, отремонтирована лежневая дорога. К девяти часам утра следующего дня в тресте уже появился сам управляющий трестом «Свармонтаж» Я. Бернштейн — главный виновник аварии. Со свойственной ему бесцеремонной манерой на повышенных тонах он выразил свое возмущение, не преминув заявить, что будет жаловаться и потребует немедленного восстановления трубы.

Последовал и звонок из Сыктывкара. На вопрос секретаря обкома КПСС: «Что вы там хулиганите?» — отвечаю: «Хулиганят строители, об этом мы не раз информировали обком. А сейчас были вынуждены выполнить ваш совет — разобратся на месте... Вот и разобрались».

Конечно же, с моей стороны это была вынужденная и крайняя мера с большой долей риска. Но, как говорят, клин вышибают клином: с этого дня согласования своих действий там, где монтажники соприкасались с деятельностью буровиков, стали для них нормой, дорогу в трест буровых узнали многие из них — и не только дорогу... Самовольные несогласованные действия прекратились. Урок пошел на пользу.

Как бы то ни было, в начале 1968 года основные проблемы освоения Вуктыльского месторождения были определены. Их решение планировалось с учетом имевшейся на то время информации о месторождении, опыта освоения крупнейших залежей в других регионах страны, технических и технологических решений, показавших свою эффективность и надежность, а также научных разработок в этой области у нас и за рубежом. Наступил

период активного широкомасштабного обустройства месторождения и проведения опытно-промышленных исследований, которые должны были подтвердить или опровергнуть принятые решения. С проведением первых исследований стала очевидной необходимость значительных уточнений и изменений. Пришло время, когда наряду с исследованиями нужно было выполнять установленные задания по добыче газа и конденсата.

На Вуктыл практически переместилась часть руководства Министерства газовой промышленности СССР. Здесь безвыездно находились первый заместитель министра М.В.Сидоренко, заместитель министра Н.Л.Вовченко, начальник и главный инженер главка добычи газа В.А. Динков и А.Г.Гудзь. На Вуктыле можно было часто видеть самого министра. По несколько дней в неделю здесь находились секретари Коми областного и Ухтинского городского комитетов КПСС В.Я.Соколов и Н.Н.Кочурин. Давать указания, контролировать их выполнение и спрашивать было кому. А вот тех, кому предстояло проводить в жизнь все эти указания и намеченные планы, катастрофически не хватало. Ведь Вуктыл требовал от газовиков-производственников совершенно иного уровня знаний. Нужны были производственники-исследователи. К созданию такого коллектива приступили руководители и ответственные работники министерства, областной и городской комитеты партии. Кадры, как всегда, решали все. Отвечать полной мерой за это пришлось и лично мне. Но об этом чуть позже.

4. Все решали кадры

От Вуктыла до Торжка

Применить в северных условиях накопленный на юге страны — в Поволжье, на Украине — опыт обустройства газовых месторождений во многом не представлялось возможным, он не обеспечивал требуемого результата. Неспособными с прежними районами были природно-климатические условия и установленные правительством СССР сроки подачи газа. Масштабы и сложность задач диктовали необходимость достичь более высокого уровня организации работ, требовали постоянной и оперативной координации как трубопроводной части строительства, так и промышленного обустройства, развернувшегося со всеми видами строительного производства вдоль Северного Урала на площади около 500 квадратных километров. С приближением сроков окончания строительства и пуска первых объектов эта задача становилась все актуальнее и сложнее.

К концу 1967 года на громадном пространстве от Вуктыла до Торжка работали сотни предприятий, организаций и различных производственных и строительных звеньев, успех которых зависел от их взаимодействия и слаженности. Министерство газовой промышленности СССР, партийные органы, на подведомственной территории которых задолго до выхода правительственного постановления начались подготовительные работы, создавали штабы, назначали ответственных для оперативного решения неотложных вопросов. Особого внимания и контроля требовали многочисленные объекты Вуктыльского промышленно-гражданского комплекса. Здесь сосредотачивалось самое большое количество людей, прибывающих непрерывным потоком на стройку со всех концов страны. Наряду с решением задач производственного характера, необходимо было разместить людей, создать им элементарные условия быта и отдыха; в таежных условиях бездорожья накормить тысячи строителей, буровиков, эксплуатационников.

Совокупность известных и множество возникающих новых проблем при прокладке газо- и конденсатопроводов, по обустройству месторождения диктовали необходимость поиска особых подходов к их решению. Подсказанная условиями и ходом как внутренних, так и внешних событий система мер организационного характера нашла отражение в решениях коллегии Мингазпрома СССР и в приказе министра от 16 июля 1967 года. В недельный срок создаются оперативные группы из представителей строительно-монтажных трестов, проектных институтов и организаций, выполняющих функции заказчика. Они обязаны были принимать и немедленно осуществлять решения по допустимому упрощению системы прокладки трубопроводов, своевременной и бесперебойной доставке труб, маневрированию ресурсами, согласовывать возникающие вопросы с органами местной власти при проведении работ на их территории.

Учитывая особо сложную ситуацию на самом месторождении, здесь практически безвыездно находилась группа руководящих работников министерства и его подразделений: заместитель министра Н.А. Вовченко, начальник и главный инженер Главгаздобычи

В.А. Динков и А.Г. Гудзь, начальник технического управления министерства А.В. Александров, главный энергетик А. Шкута, главный инженер проекта обустройства промысла П. Буракевич, главный инженер «Комигазпрома» Б. Гене, позже В. Подулях. Возглавлял группу первый заместитель министра М.В. Сидоренко. Частым «гостем» на Вуктыле был сам министр А.К. Кортуннов. Стройка находилась под особым и пристальным вниманием руководства страны. Строителям газопромысла и газопровода оказывал постоянно помощь Коми обком КПСС, активно работал республиканский штаб по координации работ на стройке. Главными вопросами, в решении которых принимали непосредственное участие областной комитет партии, его бюро и первый секретарь И.П. Морозов, была проблема кадров. Объединенные усилия по координации действий участников работ на Вуктыле оказались своевременными и результативными. В этом немалая заслуга таких профессионалов, как М.В.Сидоренко и В.Я. Соколов.

Михаил Васильевич Сидоренко объединял все стороны деятельности по реализации подачи газа с месторождения в Центр. По широте знаний всего комплекса задач — от буровых работ, освоения месторождений до подачи газа потребителю — он был величиной номер один в стране. Его заслуженно считали «главным инженером» министерства. Он прошел большой и славный путь от руководителя комбината «Молотовнефть» до первого заместителя начальника Главгаза СССР, а затем первого заместителя министра газовой промышленности страны. Под его руководством и с непосредственным участием осваивались месторождения Краснодарского края, Ставрополя, Средней Азии, Украины, велось строительство газотранспортной системы из этих районов в центр страны. Пользуясь особым авторитетом в отрасли и за ее пределами, он с необычайной легкостью и тактом улаживал конфликты, возникающие между участниками стройки, был безошибочным судьей в самых сложных ситуациях. Все те, кому посчастливилось работать в то время на Вуктыле, не раз ощущали на себе эти качества доброго, мудрого «дяди Миши», как между собой мы ласково называли Михаила Васильевича. Он осуществлял общее руководство Вуктыльской стройкой, конкретно контролировал ход строительства и пуска в эксплуатацию первоочередных объектов.

Василий Александрович Динков решал вопросы технологии добычи газа и газового конденсата, своевременного выполнения проектных и научно-экспериментальных работ. Если учесть, что проектирование стройки в основном велось так называемым «полевым методом» (то есть на месте строительства), а изменения и уточнения утверждались руководством министерства не в Москве, а на Вуктыле или в Ухте, то станет понятно, насколько такая система ускоряла и упрощала принятие необходимых технических решений и, стало быть, их реализацию.

Василий Яковлевич Соколов сосредоточил внимание на своевременном согласовании различных вопросов местными органами власти, привлечении на стройку людских ресурсов республики, выявлении и использовании местных материальных и технических возможностей для ускорения строительства — таких, как расчистка трассы газопровода от леса, доставка грузов водным, железнодорожным и воздушным транспортом. Но главным, что постоянно находилось в поле зрения секретаря обкома, были вопросы кадрового обеспечения создаваемых и прибывающих на Вуктыл организаций и, в первую очередь, кадры руководителей.

Понятно, что, будучи первым заместителем министра, ведая вопросами добычи, транспорта, строительства, Сидоренко не мог постоянно находиться на Вуктыле и, уезжая, передавал решение всех вопросов В. Динкову, которому было поручено заниматься подготовкой реализации предварительных вариантов комплексного технологического проекта опытно-промышленной разработки месторождения.

Как когда-то Ярега направляла своих посланцев для освоения Верхнеижемских газовых и газонефтяных месторождений на Крутую и Войвож, так теперь первыми на работу в созданном в 1967 году Ухтинском газопромысловом управлении и Вуктыльском газоконденсатном промысле пришли специалисты из Войвожского нефтедобывающего управления. Газовый промысел возглавил Иван Степанович Уляшев. Уроженец этих мест, коми по национальности, Уляшев закончил Ухтинский горно-нефтяной техникум, затем Уфимский нефтяной институт. Работать начинал на Войвожском газовом промысле, где скоро в должности старшего инженера возглавил инженерную службу промысла. Затем, в связи с укреплением коллектива Ухтинского горно-нефтяного техникума специалистами газового профиля, он с 1961 года занимался преподавательской деятельностью. Создавать новую структурную единицу Министерства газовой промышленности и осваивать Вуктыльское месторождение с Уляшевым пришли энтузиасты-газовики из других районов Севера, талантливые инженеры Н.Е. Брагин, Е.М. Шихов, И.П. Абрамочкин, А.И. Белых, Ю.С. Рябкин, В.И. Белов, А.А. Гудзь и другие.

Первая победа — начало добычи газа

Нынешнему поколению россиян трудно даже представить, в каких невероятно тяжелых условиях начинали работать и успешно выполняли столь сложные и срочные задачи первые газопромысловики Вуктыла во главе со своим руководителем И.С. Уляшевым. В шести километрах от поселка геологов, что на берегу Печоры, на прилегающей к скважине № 8 территории, где начали добывать газ для нужд бурения, среди болот создавалась пионерная база газоконденсатного промысла. Здесь инженерно-технические работники промысла устанавливали комплекс оборудования и аппаратуру для проведения научно-экспериментальных исследований силами головного института ВНИИгаз, его Ухтинского филиала. Они день и ночь в любых погодных условиях, не зная отдыха и покоя, сутками не покидая рабочего места, проводили всесторонние сложные и небезопасные исследования, без которых принять окончательное решение о системе разработки месторождения и проектирования объектов обустройства не представлялось возможным. Результаты исследования с нетерпением ждали многочисленные научные и проектные институты.

Это они — коллектив первых газодобытчиков — принимали первые скважины из бурения, обустроивали первую промысловую площадку на восьмой скважине и 10 августа 1968 года обеспечили подачу газа для испытания газопровода Вуктыл — Ухта и первых промысловых объектов.

Наступал новый, более сложный этап в работе газоконденсатного промысла. Масштабы работ резко возрастали. Подготовка сборных пунктов к приему газа, обустройство и пуск в работу скважин, прием выполненных строителями работ требовали значи-

Оператор Владимир Гавриков и техник Лидия Дятлева открывают задвижку на скважине №11, откуда первые кубометры газа поданы в газопровод Вуктыл — Ухта. 1968 год.

тельного увеличения персонала инженерно-технических работников и операторов, их рационального использования на первоочередных объектах, контроля за безопасностью их работы. Ведь до этого никто из них не пускал в работу скважины, в которых давление превышало 360 атмосфер, а вырывающийся наружу поток газа в два с половиной миллиона кубических метров в сутки, направленный на факел, создавал звук, от которого, не будь защитного шлема, человек терял слух. Пуск потока газа по технологической линии сопровождался вибрациями, наводившими страх, который не все преодолевали. Нервное и физическое напряжение было огромным. Характер работы руководителей промысла менялся и усложнялся, организационная ее часть становилась основной. Количество распоряжений и указаний многочисленных вышестоящих руководителей, включая прямые указания заместителей министра, резко возрастало. Нередко они носили противоречивый характер, во многих случаях их выполнение было невозможным, а иногда даже опасным.

Для И. Уляшева, по его складу характера и призванию технического руководителя, нужен был опыт хозяйственной и административной работы, а времени для его приобретения не было. Заложив со своими единомышленниками-энтузиастами основу будущего газопромыслового управления, он ушел на прежнюю преподавательскую работу, где многие годы передавал приобретенные на Вуктыле опыт и знания будущим нефтяникам и газовикам, которые и поныне работают во многих нефтедобывающих регионах России и бывших республик Советского Союза.

По согласованию с руководством Главгаздобычи, начальник управления «Комигазпром» Н. Петличенко назначил на место Уляшева квалифицированного инженера Н.А. Тулушников. Вуктыльских темпов, характера работы и возросшей ответственности в непривычных условиях новый заведующий газоконденсатным промыслом не выдержал.

Через несколько месяцев ему на смену прибыл из «Кубаньгазпрома» опытный инженер и неплохой организатор М.Д. Булейко.

Добычу газа на Вуктыле для нужд бурения в 1966 году начали геологи нефтеразведочной экспедиции. Для этих целей в северной части месторождения использовались 3-я и 8-я скважины, в южной — 21-я. Они были оборудованы по схеме: скважина — газопровод высокого давления — две ступени сепарации (отделение от газа конденсата) — три ступени редуцирования (снижения давления). Это значительно сокращало затраты на бурение скважины, снижало потребность завоза на буровые многих тысяч тонн дизельного топлива и нефти, ускоряло процесс бурения, особенно когда для привода буровых станков были применены отработавшие свой ресурс газотурбинные двигатели самолетов АН-10. Кстати, этот вид привода буровых установок на Вуктыле был применен впервые в СССР. Его внедряли специалисты Ухтинского геологического управления, Уральского завода тяжелого машиностроения и Запорожского моторостроительного завода, в их числе был и автор этих строк. Этот метод стал одним из важных факторов, ускоривших подачу газа в центр страны. Так задолго до подачи в газовую магистраль «Сияние Севера» вуктыльский газ начал служить народному хозяйству.

С образованием в октябре 1967 года Вуктыльского газоконденсатного промысла разведочные скважины №№ 2, 3, 8, 21, поступили в распоряжение газовиков. За два месяца газовый промысел поставил для нужд бурения 2,8 миллиона кубометров газа, параллельно на этих скважинах был выполнен обширный комплекс исследовательских работ. При их проведении объемы извлеченного из пласта газа и конденсата в несколько раз превысили объемы поставляемого геологам и используемого на собственные нужды.

Эта часть углеводородов сжигалась на факельных устройствах, напоминая днем рев стартующего воздушного лайнера, ночью — пожар, освещавший на многие километры ок-

В стадии строительства головные сооружения. Вуктыль, 1969 год.

ружающее пространство. Лишь менее одного процента добываемого конденсата шло для использования в процессе бурения в качестве технологических добавок к буровым растворам и в смеси с нефтью для отопительных котельных на отдаленных буровых. Нередко попытки его применения для отопления в чистом виде приводили к взрывам в котельных.

В 1968 году промысловикам передали еще семь подготовленных к эксплуатации газовых скважин. Стало возможным давать свыше двух миллиардов кубометров газа в год. Однако работали только три скважины, которые обеспечивали добычу лишь 43 миллионов кубометров. В августе из одиннадцатой скважины газ поступил на головные сооружения промысла, а через временную сепарационную установку в сентябре был подан для заполнения подготовленного к испытанию магистрального газопровода Вуктыл — Ухта. Поступление газа на Головные сооружения промысла стало большой победой газопромысловиков, монтажников, строителей.

Закончился 1968 год для газодобывателей важнейшим событием: 31 декабря газ по магистральному газопроводу поступил потребителям города Ухта.

«На истощение...» Такой режим «прописали» Вуктылу в Москве

В этой беспощадной формуле — ключ к характеру и способам разработки и эксплуатации месторождения. Новый 1969 год газопромысловики встречали еще с одной организационной структурой — созданием на базе газоконденсатного промысла Вуктыльского газопромыслового управления (ВГПУ). В 1969 году продолжались интенсивные работы по проектированию промышленных и гражданских объектов обустройства месторождения коллективом института «Востокгазпром» под руководством молодого инженера П.Буракевича — талантливого организатора проектирования сложнейшего, не имеющего аналогов по принятым технологическим процессам Вуктыльского комплекса. Проектирование велось на основе комплексного проекта опытно-промышленной эксплуатации месторождения, авторами которого являлись специалисты ВНИИгаза. Для составления проекта разработки месторождения на первом этапе были определены запасы газа в объеме 175 миллиардов кубических метров, максимальный уровень добычи газа измерялся в десять миллиардов кубометров в год и конденсата — 1,9 миллиона тонн. По проекту этот уровень обеспечивали 66 скважин при средней производительности каждой в 500 тысяч кубических метров в сутки. Впоследствии, по предложению ученых и проектировщиков, решением коллегии Мингазпрома уровень добычи был увеличен до 19 миллиардов кубометров в год.

Полученные исследовательские данные позволили 28 марта 1969 года научно-техническому совету Мингазпрома сделать окончательный выбор системы разработки Вуктыльского месторождения. Было решено разрабатывать газоконденсатную залежь в газовом режиме на истощение, что, по утверждению ученых, специалистов-производственников, обеспечивало полное извлечение утвержденных запасов углеводородов. От варианта разработки с поддержанием пластового давления путем закачки воды как не гарантирующего полное извлечение газа, в последующем и конденсата, отказались.

В то время и вплоть до наших дней бытовало мнение, в том числе среди некоторых ученых, что такое решение неверно, и разработку Вуктыльского месторождения нужно

Вуктыл, поселок Пионерный. Аппарат управления ВППУ.

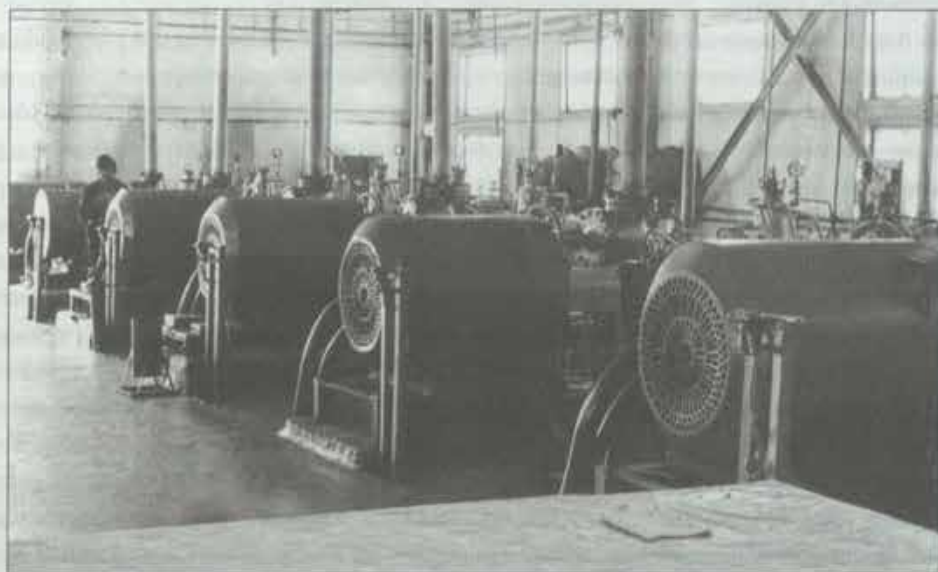
вести по так называемому сайклинг-процессу, суть которого заключалась в том, что на первом этапе разработки месторождения весь добываемый газ после отделения от конденсата закачивался в пласт. Процесс продолжался до тех пор, пока не извлекалась основная часть конденсата, после чего начиналось использование добываемого газа. Этот метод для разработки Вуктыльского газоконденсатного месторождения был неприемлем по нескольким причинам. Он получил распространение в США и других странах на малых месторождениях с благоприятным для его применения геологическим строением. Вуктыл был гигантским по размерам и весьма сложным по геологическому строению месторождением. Кроме того, в стране на то время не было компрессорного оборудования необходимых для этих целей производительности и давления.

Самое же главное заключалось в том, что освоение Вуктыльского месторождения было связано с необходимостью подачи газа в центр страны в рекордно короткие сроки. В то время такая необходимость диктовалась экономическими, политическими и международными обстоятельствами, решением важнейших стратегических задач. Сайклинг-процесс проблему не решал, он ее усугублял. А тем, кто делал выводы, что конденсат безвозвратно потерян, был дан исчерпывающий ответ в протоколе комиссии, принявшей окончательное решение: «...Учитывая, что выпадающий в порах пласта жидкий конденсат при разработке залежи на истощение не является безвозвратно потерянным, считать важнейшей задачей исследование возможных путей извлечения этого конденсата на поздней стадии разработки». Изучением проблемы и ее реализацией с первых дней освоения месторождения занялись головной научно-исследовательский институт газовой промышленности и промысловики Вуктыла. Они постепенно и успешно вот уже двадцать лет проводят на месторождении крупный промышленный эксперимент под руководством видного ученого Рудольфа Михайловича Тер-Саркисова.

Что касается сайклинг-процесса, то это не что иное, как хорошо известный специалистам метод вытеснения из пласта и подъем на поверхность жидкости при помощи закачки воздуха или газа, впервые предложенный для добычи нефти в России, примененный в Советском Союзе и заимствованный в свое время зарубежными странами. Это одна из тех «заграничных» технологий, которые давно изобретены в нашей стране, а выдаются за новые зарубежные нашими лже-патриотами. Следует также иметь в виду то, что длительное время газовый конденсат являлся для Министерства газовой промышленности побочным продуктом, и все газоконденсатные месторождения эксплуатировались с задачей максимального извлечения газа. Такова тогда была политика развития газовой отрасли страны. Это в определенной степени было следствием разделения единого процесса добычи нефти и газа на две самостоятельные отрасли народного хозяйства — нефтяную и газовую.

В 1969 году промысловики Вуктыла получают новые мощности для добычи и транспорта газа. Вступили в строй действующих первые и ведется ускоренное строительство вторых блоков сборных пунктов газа № 2 и 3, заканчивается строительство первой очереди сборного пункта № 1, активно ведется строительство пятого, самого отдаленного сборного пункта на юге месторождения, начата пробная эксплуатация первой нитки конденсатопровода Вуктыл — Сосногорский газоперерабатывающий завод. Здесь построена установка стабилизации конденсата. Введен в эксплуатацию участок газопровода Вуктыл — Ухта — Рыбинск, завершаются работы по строительству первой компрессорной станции (КС-10) на магистральном газопровode Север — Центр в районе Ухты.

Успешно велись работы по повышению производительности газовых скважин. Разработанный учеными, геологами и промысловиками метод многократной обработки кислотой газоносной части пласта позволил получать с одной скважины до 2-2,5 миллиона

Насосная для перекачки нестабильного конденсата мощностью 5 миллионов тонн в год — первая в стране и мире для перекачки нестабильной смеси. 1972 год.

кубометров газа в сутки. Проведенные первые двадцать кислотных обработок обеспечивали повышение производительности скважин в 3-4 раза. Эти сложные, ответственные и важные работы на протяжении многих лет выполнял специалист по капитальному ремонту скважин Г.Сокович, поменявший теплый Краснодарский край на суровый Вуктыл.

Продолжались работы по освоению технологии транспорта нестабильного конденсата по конденсатопроводу на установку стабилизации в Сосногорск. К сожалению, успехи здесь были далеки от ожидаемых, тем более от требуемых. Это направление работ стало самым узким местом в технологическом процессе подготовки к дальнему транспорту углеводородов и самым трудным в техническом и технологическом плане.

Наряду с необходимостью выполнения государственного плана по добыче газа и конденсата, который для Вуктыльского газопромыслового управления устанавливался с момента его образования (такова была система планирования и создания новых предприятий в стране), необходимо было вести наладку, подготовку к пуску и освоению новых объектов, обеспечивать их работу в безопасных режимах. Добыча углеводородного сырья набирала темпы, но не достигала уровня установленных заданий. В 1968 году при плане добычи 484 миллиона кубометров газа она составила лишь 43 миллиона, при плане поставки 121 тысячи тонн конденсата он был весь сожжен на факеле. В 1969 году план по газу — 5 миллиардов 150 миллионов кубометров, добыто 1487 миллионов кубометров, из добытых 743 тысяч тонн конденсата отправлено на завод всего 370 тысяч тонн. Особой через факел озарял и согревал северное небо.

Проблема кадров была главной

Если до этого невыполнение планов по добыче и поставке газа легко объяснялось неготовностью газопромысловых, транспортных и других мощностей, то в 1969 году такое объяснение исключалось. Главной причиной становилась проблема кадров. Не хватало как рабочих, так и инженерно-технических работников. Начальник Вуктыльского газопромыслового управления М. Булейко был занят только поиском специалистов. В этом непосредственное участие принимали начальник и главный инженер Главгаздобычи В. Динков и А. Гудзь. Они отдавали распоряжения направлять сюда в командировку из других газодобывающих районов страны квалифицированных работников. Те прибывали в Вуктыл сроком на один месяц. За такое короткое время они успевали лишь ознакомиться с новым местом работы, привыкнуть к здешним условиям, и срок командировки истекал. Позже его продлили до трех месяцев. Но этот путь не решал проблемы. Люди уезжали, обслуживание многих рабочих мест прекращалось, на ряде объектов создавалась аварийная обстановка, что приводило к остановке отдельных технологических линий и скважин.

Авторы подобного «командировочного» варианта исходили из опыта работы в южных зонах страны, где недостатка в рабочей силе не было, ее расселение на первых порах происходило за счет найма жилья самими рабочими или ИТР у местных жителей в селах, деревнях, станицах. На севере ни людей, ни населенных пунктов вблизи, где можно было бы на какое-то время поселиться, не было. Здесь требовалось заранее позаботиться обо всем. Все просто и очевидно, но почему-то это становилось понятным только после очередного конфликта.

К решению кадровой проблемы активно подключились партийные органы. По инициативе бюро Ухтинского горкома КПСС сюда направляют специалистов с предприятий нефтегазовой отрасли района. На Вуктыл начали прибывать посланцы Войвожа, Нижней Омры, Яреги, Нижнего Одеса. Встретили их здесь не лучшим образом, без гарантии обещанной зарплаты и без предоставления жилья. Сработал южный, неприемлемый для севера принцип. Для Михаила Денисовича Булейко он закончился рассмотрением вопроса на бюро Ухтинского ГК КПСС с вынесением партийного взыскания и предложением о снятии с работы. Мне же по решению партийного органа республики пришлось оставить работу в тресте «Вуктылнефтегазразведка» и продолжить трудовую деятельность по освоению Вуктыльского газоконденсатного месторождения в должности начальника газопромислового управления. Случилось это 2 февраля 1970 года.

В то время, на первый взгляд, никаких причин для невыполнения государственного плана не было, а он уже составлял 7 миллиардов 850 миллионов кубометров газа и 2 миллиона 450 тысяч тонн конденсата. Мощности подготовлены, требующие решения проблемы известны. Так казалось и мне — новому руководителю газопромислового управления — после состоявшейся в присутствии секретаря обкома партии В.Я.Соколова беседы с руководителями Мингазпрома М.В. Сидоренко и В.А. Динковым в их вуктыльском штабе. Казалось само собой разумеющимся, что обком КПСС, предлагая свою кандидатуру на должность руководителя тогда уже самого крупного в Коми топливдобывающего предприятия, по-иному будет разделять с министерством ответственность за происходящее на Вуктыле, что не облегчало мне задачу, наоборот, существенно ее усложняло.

На то время обстановка на всех вуктыльских предприятиях и организациях, в том числе в Вуктыльском газопромисловом управлении, мне была хорошо известна не только по производственной, но и по общественно-социальной линии как депутату и нештатному заместителю председателя Вуктыльского поселкового совета. С новым руководством по долгу прежней работы пришлось познакомиться уже давно, а сложившиеся отношения были активными и деловыми. Предстояло продолжить начатое моими предшественниками И. Уляшевым, Н. Тулупниковым, М.Булейко нелегкое дело в принципиально иных условиях. На первый взгляд, казалось, есть все для добычи и поставки газа народному хозяйству. Но это только казалось. Сроки начала его поставки в предусмотренных объемах уже прошли, многие технологические проблемы не нашли своего решения и проходили в режиме крупного научно-технического эксперимента. А, как известно, эксперимент несет не только положительный, но и отрицательный результат, что нередко было на Вуктыле. Одним словом, предстояло решить задачу нелегкую и со многими неизвестными. Для этого требовался многочисленный высококвалифицированный и слаженный коллектив. Его-то и не хватало. Создание такого коллектива стало для меня задачей номер один.

Анализ кадрового состава показал, что большая часть занятых в газопромисловом управлении людей никогда в газовой промышленности не работала, никакой квалификации и знаний по этому профилю не имела и была занята на второстепенных ролях. В начальный период это было объяснимо. Но шло время, обстановка быстро менялась, нужны были специалисты, в первую очередь, для обслуживания технологических процес-

Посещение действующих объектов, общение с работающими там людьми выявило частые случаи их опоздания на работу. Опаздывали не только рабочие, но и специалисты. Имели место несанкционированные подмены, а то и вовсе невыходы на работу без каких-либо причин. На мои вопросы: с чем связано опоздание? — многие отвечали: вчерашней задержкой допоздна на работе. Подмену объясняли просьбой друга или знакомого. И это происходило на опасном производстве. Если на строящемся объекте или в период его подготовки к пуску это расценивалось как нарушение производственной дисциплины и не грозило серьезными последствиями, то на действующем газовом объекте было преступлением. Тем не менее, такому положению дел у многих работников находилось объяснение. Сводилось оно к тому, что, мол, отсутствуют опытные и знающие специалисты, отпугивают тяжелые условия. А то, что десятки молодых специалистов, окончивших ведущие нефтегазовые высшие учебные заведения страны, работали операторами, во внимание не принималось. Дескать, какие из них руководители, пусть поработают год-полтора операторами, слесарями, просто рабочими, тогда и видно будет, кто на что способен.

Ставка на молодых

Необходимо было немедленно принимать радикальные меры. Это была ставка на молодых. Скоро вчерашние выпускники нефтяных институтов Грозного, Ивано-Франковска, Уфы, Москвы возглавили цеха, участки, основные отделы управления. Среди них были Олег Соловьев, Иван Кастанов, Валерий Мекша, Виктор Ивахненко, Евгений Мисан, Григорий Хижий, Александр Ухаль, Александр Пирожков, Александр Загурдаев, Станислав Скурчик, Вячеслав Тятченко, Александр Репин, Вячеслав Карцев. Ряды обслуживающего персонала пополнили юноши и девушки, направленные на Вуктыл после окончания техникумов из Краснодара, Дрогобыча, Бутуруслана, Львова, Ухты, Волгограда. Они влились в коллективы прибывших на первом этапе освоения месторождения войвожцев, ярегцев, ухтинцев, краснодарцев. Проблема кадров для основного производства была снята в количественном плане, в качественном она также вселяла надежду, что подтвердили время и результаты работы. Оставалось постоянно и заботливо растить и совершенствовать молодой коллектив романтиков и первопроходцев.

К сожалению, тяжелыми оставались жилищно-бытовые условия. Все жили в вагондомиках, без удобств и домашнего уюта. Вскоре и здесь появилась надежда на изменения к лучшему. В 1970 году началось строительство первого в Вуктыле благоустроенного кирпичного дома-общежития для молодежи. Шла подготовка площадки под строительство благоустроенных многоэтажных домов будущего города.

Молодые инженеры стали не только заботливыми руководителями своих коллективов, выполняли свои текущие дела на производстве, но и вносили радикальные изменения в принятые и заложенные в проекты решения по технологии и добыче, сбору, подготовке газа и конденсата к транспорту. Опыт эксплуатации Краснодарских, Ставропольских, Шибелинского и других месторождений был использован проектировщиками в полной мере, были учтены уникальные особенности Вуктыльского месторождения. Но многое не поддавалось расчетам. Непродолжительная эксплуатация первых установок и цехов потребовала значительных изменений во всей технологической цепи — от скважины до

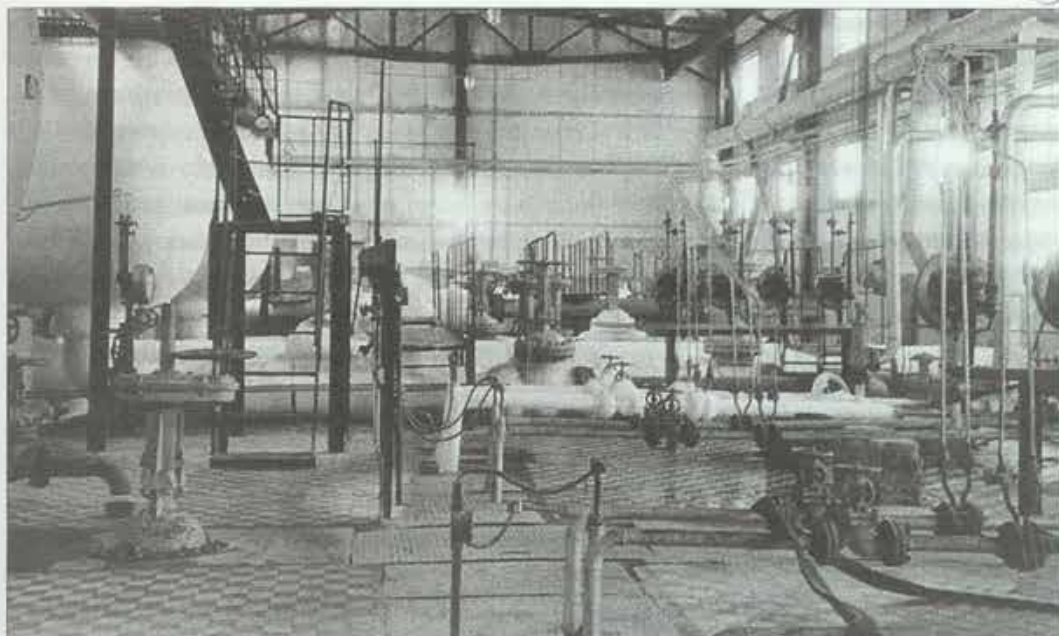

Вагон-городок — первое жилье вуктыльских газовиков.

поступления газа в магистральный трубопровод. Авторами этих изменений стали О. Соловьев, В. Тяпченко, Е. Мисан, И. Кастанов, В. Карцев, В. Мекша, Г. Хижий, С. Скурчик, А. Репин и их помощники.

Под началом главного инженера управления, талантливого специалиста и прекрасного организатора А. Хремина все предложения обсуждались на техническом совете, велось их многократное опробование на отдельных технологических линиях. Они вносились в проект и становились обязательными для реализации как на действующих объектах, так и на проектируемых. Изменения меняли первоначальные проектные решения, обеспечивали надежность и высокую производительность оборудования, способствовали безопасному ведению работ. Процесс совершенствования технологии происходил с активным и непосредственным участием В. Динкова, А. Гудзя, А. Александрова, В. Полуляха. Все изменения ими были одобрены, а главным инженером проекта П. Буракевичем приняты для внесения в проект.

Строительство второй очереди сборных пунктов велось по новому проекту, старые подвергались реконструкции. Все это делалось в условиях постоянно растущих объемов добычи газа при гарантии полной безопасности. Каких-либо чрезвычайных происшествий в цепи скважина — Головные сооружения промысла, откуда весь газ поступал в магистральный газопровод, не было, что свидетельствовало о правильном выборе технологических режимов, надежности оборудования, соблюдении регламентов. А любые их нарушения стали расцениваться как нежелание работать в требуемых условиях, как фактор, повышающий опасность для жизни и здоровья работающих на объекте. Нарушителей без снисхождения отстраняли от работы, нередко это кончалось увольнением. Дисциплина обеспечивала успех и безопасность, ее неукоснительное соблюдение стало первой обязанностью всех — от рабочего до начальника управления. У нарушителей появился выбор: подчиниться требованиям или уволиться. Нередко приходилось слышать разговоры: «Он разгонит коллектив, скоро никого не останется, кто бы мог работать». Но все было наоборот, коллектив креп, рос количественно и профессионально, становился на ноги и решал все задачи.

*Газомерный пункт на Головных сооружениях промысла.
Через него проходило до 19 миллиардов кубометров газа в год.*

А проблем оставалось немало. Не было ремонтно-технической базы, обострялась проблема сбора и подготовки газа из-за большой потребности в метаноле и несовершенной системы его использования. На первое место выходила задача прекращения сжигания конденсата на факеле в районе головных сооружений. Ввод конденсатопровода не обеспечил его утилизации, в отдельные периоды объемы сжигания доходили до 12 тысяч тонн в сутки.

О том, что собой представляла эта проблема, кто ее создал, кем и как она решалась, почему она была скрыта от широкой общественности, что привело к сжиганию около пяти миллионов тонн ценнейшего химического сырья, есть ли этому хоть какое-то оправдание, читатель узнает в следующем разделе.

Почему сжигали конденсат?

В наступившем 1970 году события на вуктыльском фронте, где шло сражение за большой газ, развивались по намеченному плану и напоминали наступления на нескольких направлениях: газовом, конденсатном, метанольном, буровом, геологическом, машиностроительном. Сводки, как с места битвы, шли в Центр ежедневно и отражали результаты выполнения главной задачи — добычи газа. Нарастающий газовый поток свидетельствовал, что намеченный стратегический план развития событий выполняется успешно. Вместе с тем, на других направлениях успехи были далеки от победоносных. Все происходящее напоминало позиционные бои с крупными потерями, которые пропорционально газовым успехам росли с каждым днем на конденсатном и метанольном, выражаясь военным языком, флангах, но при этом неизменно обеспечивалось уверенное продвижение

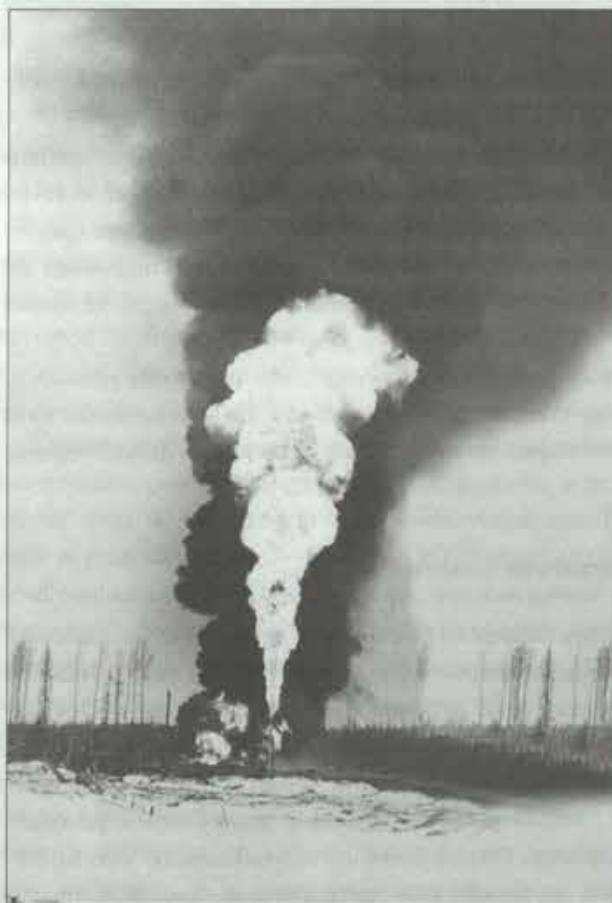
вперед. Как же развивались события в этих важных и неразрывно связанных между собой направлениях?

Передаваемые в штаб отрасли сводки по добыче газа становились достоянием общенности. О них писали в газетах и журналах, передавали по радио и телевидению. Об успехах и трудностях вуктыльских газодобытчиков знала вся страна. Но о потерях говорить было не принято. Да и какими бы они ни были, они были несоизмеримы с достижениями не только на Вуктыле, но и у потребителей газа — череповецких металлургов, на заводах Ленинграда, Москвы, Перми. Вуктыльский газ помогал наращивать производство металла, улучшать его качество, увеличивать выпуск продукции машиностроения и оборонного комплекса, способствовал решению космических программ, вливался в нарастающий газовый поток за рубеж.

В технологической схеме, одобренной руководством Мингазпрома, предусматривалось, что разделение газа и конденсата будет вестись на месторождении. После чего нестабильный конденсат (насыщенный до 25 процентов остаточным количеством газообразных углеводородов) по конденсатопроводу подается на Сосногорский газоперерабатывающий завод, находящийся в двухстах километрах от Головных сооружений промысла. Здесь будет

идти дальнейшее его разделение на остаточные, особо ценные компоненты. Полученные продукты разделения, стабильный конденсат и газы стабилизации идут на последующую переработку.

От варианта стабилизации конденсата на Вуктыле отказались. Отказались и от второго разумного, экономически и технологически целесообразного по тому времени варианта — закачки нестабильного конденсата в поглощающие горизонты Тэбукского нефтяного месторождения, что обеспечивало полное его использование в последующем. Как показали события, развернувшиеся на Головных сооружениях газоконденсатного промысла и на площадке Сосногорского газоперерабатывающего завода, принятое решение повлекло за собой потери на сумму свыше полутора миллиардов американских долларов в ценах 2003 года на конденсат и газы стабилизации.

Так на первом этапе освоения Вуктыла утилизировался газовый конденсат. Май 1971 года.

Задание на проектирование установки стабилизации конденсата министерство выдает институту «ВНИПИгаздобыча», осуществлявшему проектирование объектов обустройства месторождения и лучше других знавшему связанные с конденсатом проблемы. В 1968 году разработанный проект утверждается Мингазпромом. Он предусматривал строительство установки стабилизации конденсата (УСК-1) мощностью 2,46 миллиона тонн переработки нестабильного конденсата, что по первоначальному содержанию его в газе соответствовало объемам извлечения из пласта пяти миллиардов кубометров газа в год.

До сих пор остается открытым вопрос: почему установка была запроектирована на стабилизацию лишь пятидесяти процентов извлекаемого из пласта конденсата? Почему при поставленной и успешно выполняемой задаче: подать газ в газопровод Вуктыл — Ухта — Торжок к концу 1968 года, проект установки стабилизации конденсата был разработан и утвержден только лишь к тому же времени? И при этом были необоснованно занижены мощности выхода конденсата и газов стабилизации. А ведь было понятно, и не только специалистам, что подача газа в магистральный газопровод и поступление конденсата на стабилизацию — процесс неразрывный и происходящий одновременно. И, тем не менее, конденсат с Вуктыльского месторождения подается на законченную строительством УСК-1 лишь в сентябре 1969 года, ровно через год после начатой закачки газа в магистральный газопровод. Причина заключалась в следующем.

Руководство Мингазпрома и его главки по добыче и транспорту, переработке газа, головной научно-исследовательский институт «ВНИИгаз», проектный институт «ВНИПИгаздобыча» не поставили добычу, транспорт и переработку конденсата в один ряд с проблемами добычи, подготовки и транспорта газа. Отдали предпочтение газовой составляющей месторождения. Для Министерства газовой промышленности и тогда, и в дальнейшем конденсат был побочным продуктом, помехой. Кроме того, прежние пути и методы решения этой проблемы на месторождениях Краснодарского края, Шебелинского месторождения на Украине из-за небольшого содержания конденсата в газе, высокого промышленного развития районов добычи, наличия вблизи потребителей, надежной и развитой транспортной сети не вызывали особой сложности в использовании добываемого в небольших количествах этого сырья.

Все, кто занимался этой проблемой, решали ее на основе прежнего опыта, приобретенного в тех районах, где они трудились раньше. Их опыт был небогатым, и к тому же не у всех. Одного этого для решения вуктыльских задач было явно недостаточно. Да и сравнивать это месторождение и его проблемы с другими было некорректно. Вуктыльский конденсат был ценнейшим сырьем для химической промышленности, имел целый ряд особенностей, нигде не встречавшихся ранее.

Не все, что требовалось, смог предусмотреть и проектный институт. Разработанная им схема прохождения перерабатываемого продукта через три ступени сепарации не могла обеспечить необходимого разделения газа и конденсата. Введенная в эксплуатацию установка УСК-1 потребовала значительных дополнений и изменений, нужно было усовершенствовать технологический процесс, на что ушел год напряженного труда коллектива газоперерабатывающего завода. Вот почему нам, специалистам газопромислового управления и газоперерабатывающего завода, ежедневно сталкивающимся со сложностями

и трудностями эксплуатации месторождения, подготовки к транспорту газа и конденсата, больше чем кому-либо другому были понятны проблемы, их острота, срочность и первоочередность решения.

Реализация предложенной работниками завода С.Ф.Васильевым, Б.Д.Шейниным, В.А. Шульгой технологической схемы коренным образом меняла проектное решение, предложенное институтом «ВНИПИгазпереработка», и превращала проектную установку в завод с применением разделения многокомпонентных смесей в специальных аппаратах — ректификационных колоннах с использованием трубчатых печей беспламенного горения, теплообменников, холодильных установок. Его пуск состоялся в августе 1970 года. И задача разделения нестабильного конденсата на ряд продуктов высокого качества была решена, но переработка всего конденсата требовала удвоения мощности установки. Было начато строительство новой УСК-2, позволяющей довести общую мощность по стабилизации конденсата до пяти миллионов тонн в год. К сожалению, оно было закончено лишь в 1972 году. Но и при этом до полного комплексного использования вуктыльского сырья было еще далеко. На это уйдет много лет, и задачу решат лишь в новом тысячелетии в сорокалетнюю годовщину открытия месторождения. Но принцип «Лучше позже, чем никогда» дорого обошелся стране.

А тем временем сжигание конденсата продолжалось, и не только по этой причине. Учитывая то, что весь комплекс вопросов по созданию мощностей приема и переработки (стабилизации) конденсата решался и осуществлялся силами Мингазпрома СССР (институты «ВНИПИгаздобыча», «ВНИИгаз», «ВНИПИгазпереработка», главное управление газопереработки, строительные и монтажные организации, Сосногорский ГПЗ), можно с уверенностью утверждать, что основная часть сожженного конденсата — на совести тогдашних руководителей и специалистов этих подразделений, не создавших возможности для его переработки на СПЗ к началу подачи газа в газотранспортную систему «Сияние Севера», необоснованно отклонивших вариант его закачки в пласт Тэбукского нефтяного месторождения.

Не менее сложным и трудным оказался процесс подачи нестабильного конденсата в конденсатопровод и его перекачки на столь значительное расстояние. Здесь были две взаимосвязанные задачи: вывести на рабочий режим перекачку, не допустив при этом образования в конденсатопроводе газообразных пробок из-за непостоянства рабочего давления в системе, и обеспечить надежную и непрерывную работу самих средств перекачки, то есть конденсатной насосной на месторождении. Сложность последней задачи заключалась в том, что до этого никто в мире не выполнял подобную операцию, а значит, и насосного оборудования, необходимого для решения вуктыльского варианта, не было.

Как поступил в этой ситуации проектный институт? Для перекачки газонасыщенной, легковоспламеняющейся среды с отрицательной температурой он предусматривает применение обычного насосного оборудования, используемого для перекачки нефти. Ошибочность этого решения сразу же подтвердилась в период пуска в работу временного варианта насосной. Надежность ее работы была настолько низкой, а пожарная опасность настолько высокой, что объект превратился в самый сложный и опасный из всех действующих на месторождении. Для снижения вероятности возможного загорания было решено установить насосы не в здании, а под навесом. Причиной попадания газа в рабочую

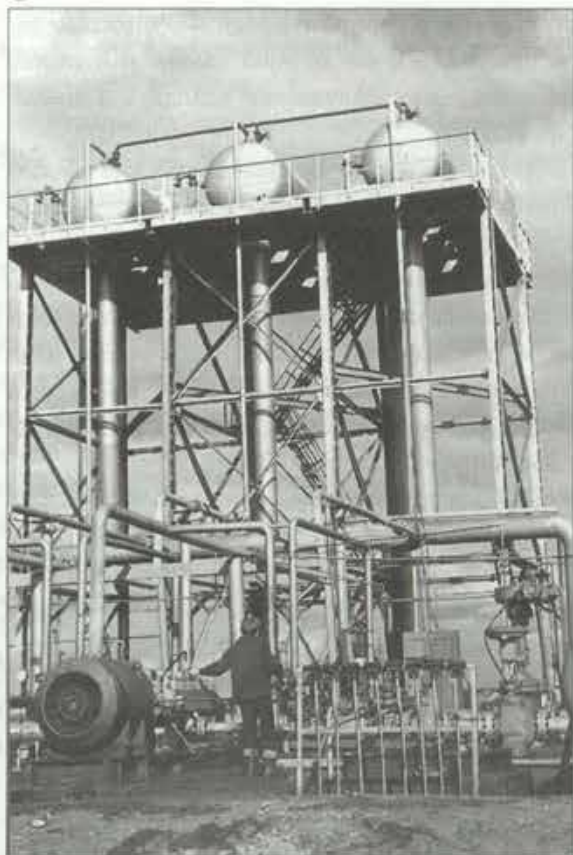
зону насосов была их несовершенная конструкция, и в первую очередь — уплотняющие элементы опорных узлов подшипников, что приводило к ежедневной замене уплотнений на открытом воздухе при температуре конденсата около 20 градусов холода, а в зимнее время — при 30-40-градусном морозе и на ветру.

Работа была трудной, опасной, вредной для здоровья. Люди отказывались ее выполнять и уходили. В таких условиях нечего было и думать о высокой квалификации персонала на ремонтных и профилактических работах. Безвыездно находящиеся на объекте главный механик управления Николай Иванович Дворников и начальник цеха Василий Александрович Бунаков вынуждены были сами выполнять многие работы, учить новичков. Ежедневно, иногда по несколько раз в день, рассматривали и удовлетворяли их просьбы о выделении дополнительно рабочих-ремонтников, дабы не допустить полной остановки насосной станции. Нередко мне самому приходилось принимать решения на месте событий в критических ситуациях и, как правило, в ночные часы.

Так продолжалось месяцами. Люди привыкли к то уменьшающемуся, горящему бездымным пламенем факелу, то к мгновенному его увеличению до фантастических размеров, заслоняющему все небесное пространство черным клубящимся дымом. Но не могли привыкнуть и смириться со всем этим мы, руководители, несущие моральную и служебную ответственность за происходящее. Ведь горел невозполняемый продукт, добытый нашим трудом, усилиями и стараниями молодых талантливых инженеров, техников, рабочих. Для частичного сокращения потерь нами устанавливались дополнительные конденсатосборники и сепарационные установки, обеспечивалось равномерное распределение газовых потоков по технологическим линиям. Конденсат подавался на насосы только через резервуарный парк в определенной технологической последовательности, чем обеспечивалось частичное освобождение от газовой составляющей, осуществлялся ряд мер по обеспечению равномерной подачи конденсата со сборных пунктов на головные сооружения промысла, совершенствовались уплотняющие узлы насосов. Эти работы велись под личным контролем и с участием начальника управления, главного инженера, начальника производственно-технической службы и головных сооружений О.Соловьева.

Но решение проблемы заключалось в создании принципиально новой конструкции насосов, над чем работали многочисленные коллективы Министерства химического и нефтяного машиностроения страны. Задачу решали специалисты Бобруйского насосно-строительного завода, научно-исследовательские и конструкторские коллективы ряда специализированных институтов этого министерства, к проблеме были привлечены конструкторские и материаловедческие силы оборонной науки и промышленности.

Задача оказалась чрезвычайно сложной и, как многое на Вуктыле, не имеющей аналогов в мировой практике. Понадобилось почти два года для ее успешного решения. Были разработаны и испытаны в промысловых условиях надежные торцовые уплотнения на базе композитных материалов, применяемых в оборонной промышленности. Все это время действовал надежный регулярный мост Бобруйск — Вуктыл, обеспечивающий доставку деталей, узлов и целых агрегатов для безостановочной работы насосной станции. Белорусские машиностроители вносили свой весомый вклад в освоение Вуктыла. Проблема к концу 1972 года в основном была решена. Факел сжигания конденсата потушен, введены дополнительные мощности по стабилизации конденсата на газоперераба-

Так выглядела временная конденсатная насосная на Вуктыле.

тывающем заводе, построена и введена вторая нитка конденсатопровода, работала вновь созданная надежная насосная станция перекачки смеси жидко-, газообразных углеводородов.

Коллектив газопромывского управления приобрел неоценимый опыт, познал и преодолел еще одну, казалось бы, непреодолимую преграду на пути освоения уникального месторождения, стал промышленной лабораторией для всей газовой отрасли страны, чем является и поныне. На этом пути не обошлось и без ничем не обоснованных кадровых потерь. Одно из загораний в насосной привело к ее остановке на продолжительное время. В случившемся обвинили главного инженера Анатолия Васильевича Хремина и главного механика Николая Ивановича Дворникова. Горком партии решил разобраться в причинах происшедшего. Назначенная им комиссия по расследованию загорания получила задание не причину установить, она была известна, а определить виновных. Да-

лекие от понимания всех конденсатных проблем члены комиссии не утруждали себя поисками главной причины и главных виновников, и то, и другое было недостижимо, указали так, как им было заранее подсказано: виновник — главный инженер. На заседании бюро горкома принципиальный, честный, знающий дело специалист высочайшего класса, отдавший много сил и времени этой проблеме, попытался квалифицированно, со знанием дела объяснить причину случившегося, не отрицая при этом и свою вину. Но понять этого не хотели, да и не могли. Освобожденный от работы со строгим партийным взысканием Анатолий Васильевич Хремин покинул ставший ему дорогим Вуктыл.

Мне часто тогда задавали вопрос: почему же сжигали ценнейшее сырье — конденсат? Многим я отвечал, что это самый сложный вопрос в моей жизни. И это было так. Основные, но далеко не все причины я изложил выше. Так понимали происходящее многие специалисты отрасли, не был среди них исключением и заместитель министра газовой промышленности СССР В.А. Динков. Об этом свидетельствует один из разговоров с ним, состоявшийся в первой половине мая 1971 года на Вуктыле.

Был солнечный, по-весеннему теплый субботний день. По данным диспетчерской службы, все объекты работали в заданном режиме, никаких нарушений в районе не зарегистрировано, но в начале дневной смены появился внешний сигнал о том, что с откачкой

конденсата не все ладится, это было видно по громадному черному шлейфу, быстро распространявшемуся вдоль Урала с юга на север, закрывающему утреннее восходящее солнце. Начальник цеха А.Бунаков доложил о вынужденном переводе всего добываемого конденсата на факел. Я тут же сообщил об этом В.А.Динкову, еще не успевшему покинуть свой вагон-домик в поселке Елочка. Примерно в полдень мы с Василием Александровичем прибыли на площадку насосной станции. Там под руководством Н.И.Дворникова группа ремонтников вела работы по восстановлению вышедших из строя одновременно всех трех насосных агрегатов. Убедившись, что наше вмешательство в данном случае не нужно, все организовано, и работы ведутся, как говорится, полным ходом, мы направились в резервуарный парк с целью проверки степени тепловой радиации полыхающего факела на окружающую среду. Возвращаясь к насосной после двухчасовой «прогулки» по окрестностям Головных сооружений, я как бы про себя задал вопрос:

— Василий Александрович, зачем мы жжем столько добра?

Ответа не последовало, мой собеседник молчал, понимая бессмысленность вопроса в данной ситуации.

— Давайте потушим этот факел, — предложил я.

Пройдя несколько шагов, он остановился, посмотрел в сторону факела горящего конденсата и задал мне уточняющий вопрос:

— Как ты думаешь это сделать?

— Остановить часть скважин, — ответил я.

— Анатолий, ты же понимаешь, что это сделать нельзя, газ нужен в Центре.

— Понимаю.

Сделав большую паузу, окинув своим добрым взглядом меня с ног до головы, он продолжил:

— Потушить, как ты предлагаешь, не проблема. Закроем задвижки на устье скважин и будем ждать, когда кто-то сделает надежные насосы, испытает их, привезет их из Бобруйска. Но есть одно «но». Задвижки мы закроем, но их открывать будут другие, — произнес со вздохом и сожалением Василий Александрович. Да, это был ужасный для нас тупик.

А сожалеть было о чем. Ему, заместителю союзного министра газовой промышленности, лучше, чем кому-либо другому, было известно, что это сделать в то время не представлялось возможным. В этом и заключена часть ответа на вопрос, почему жгли конденсат.

Если конденсатная проблема не могла остановить добычу газа, то это легко и не зависимо от Центра могло сделать отсутствие метанола. Без ввода метанола в поток газа за считанные часы газоконденсатный промысел становился мертвым, прекращалась добыча газа, а чтобы этого не допустить, нужна была бесперебойная его доставка на Вуктыл. Обстановка на этом направлении была не менее сложной. События развивались стремительно. В их развитии принимали непосредственное участие первые лица государства.

5. Эпопея с метанолом

Сама жизнь газопромысла оказалась под ударом

Открытие Вуктыльского газоконденсатного месторождения вызвало к жизни целый ряд научно-технических проблем, до того не известных не только в Советском Союзе, но и в мире. Одной из таких проблем оказалось образование гидратных пробок при добыче газа. В других районах страны такого явления в газовых скважинах не наблюдалось. Начиналось оно в стволе скважины. Возникали эти проблемы и на устье в фонтанной арматуре, в газопроводах, соединяющих скважины со сборными пунктами, по всей системе подготовки газа к транспорту вплоть до выхода в магистральные трубопроводы.

Что же за «зверь» эти гидраты? И как с ними бороться?

В природном газе, как и в нефти, имеются молекулы воды. Их количество разное в разных месторождениях. Меняется оно и со временем эксплуатации месторождения, постепенно увеличиваясь в процессе извлечения газа или нефти из недр. Происходит так называемый процесс обводнения месторождения. При определенном повышении давления и температуры пространство между молекулами находящейся в газе воды заполняется большим количеством молекул углеводородного газа. Образуются соединения, получившие название гидраты, а сам процесс — гидратообразование. По внешнему виду в обычных условиях гидраты напоминают рыхлый лед.

На Вуктыле с их образованием в стволе скважин впервые столкнулись буровики и геологи при опробовании и испытании скважины-первооткрывательницы №2. Гидратообразование осложняло процесс бурения и тормозило испытание скважин, приводило к значительному удорожанию работ. Борьба с ледяными пробками в трубном пространстве ствола скважины была непростой и опасной. Их ликвидация при помощи разогрева требовала чрезвычайной осторожности и большого опыта. Такой метод приводил к разгерметизации соединений обсадных и эксплуатационных труб и, как следствие, к аварийному состоянию скважины и последующей ее ликвидации, а что еще хуже — к открытому газовому фонтану. Впоследствии выяснилось, что происходит это из-за резкого повышения (в тысячи раз) давления в зоне разогрева за счет выделения большого количества газа, находящегося в гидратах. Проблема требовала неотложного решения. Без разработки конкретных технических и технологических приемов по преодолению гидратообразования бурение эксплуатационных скважин и проектирование промысловых объектов сбора газа, сама его добыча становились невозможными.

Проектировщики не смогли найти технических решений, обеспечивающих не только надежность работы, но и ее безопасность. К ним подключились сотрудники Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ), а с мая 1964 года сотрудники Ухтинской тематической экспедиции (УТЭ) Ухтинского территориального геологического управления Н.К.Дедов и В.А.Хорошилов. Спустя некоторое время к этим работам приступил Всесоюзный научно-исследовательский институт природных газов

(ВНИИгаз), его Ухтинский филиал, а с 1968 года Коми филиал ВНИИгаза. Основной, если не сказать главной и чуть ли не единственной, задачей в то время для первых руководителей Вуктыльского газопромывского управления И.С. Уляшева, Н.А. Тулупникова, М.Д. Булейко было исследование скважин и, в первую очередь, поиск методов эффективной борьбы с гидратообразованием. Вместе со специалистами ВНИИгаза и ЦНИ-Ла на скважине №8, оборудованной специальной лабораторией, они круглосуточно участвовали в проводимых исследованиях, нередко выполняя функции операторов. Без преувеличения их можно считать соавторами решения проблемы.

Мне не раз приходилось быть свидетелем разговора об этом, слышать, как тогдашний начальник Главгаздобычи Министерства газовой промышленности СССР В.А. Динков в жесткой форме требовал от ученых ВНИИгаза ускорить работы. Его самого часто можно было видеть на скважине №8, где Динков давал свои рекомендации, проверял результаты исследований.

Окончательный вариант борьбы с гидратами заключался в поглощении молекул воды спиртом, вводимым в места наиболее вероятного их образования. Метод тщательно опробовали, и работал он безотказно. На тысячу кубических метров вуктыльского газа требовалось, по рекомендациям ученых, усредненно два с половиной килограмма технического метилового спирта — метанола. Нетрудно подсчитать, сколько же его требовалось для добычи предусмотренных второй очередью обустройства Вуктыльского месторождения 15 миллиардов кубических метров газа.

Воздушный мост для доставки метанола

Первоначально его завозили из Ухты по зимней дороге автомобильным транспортом. Никаких сложностей с его доставкой, кроме охраны, не возникало. Ситуация резко обострилась в связи с ранней и теплой весной 1971 года. Движение по зимникам прекратилось раньше обычного. Пришлось искать другие способы доставки. Реальным и единственным на то время года был воздушный мост.

Скоро для доставки метилового спирта на месторождение в воздухе на трассе Ухта — Вуктыл круглые сутки одновременно находилось более двадцати вертолетов МИ-6, в то время самых мощных в мире. Перевозки осуществлял Ухтинский объединенный авиаотряд. В его составе в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов было самое большое подразделение тяжелых вертолетов в стране. Увеличивались объемы добычи газа, росла потребность в метаноле. Это привело к необходимости переброски вертолетов МИ-6 из Мурманска, Москвы, Ростова-на-Дону, Ташкента. Возглавлял эту уникальную операцию командир Ухтинского объединенного авиаотряда, заслуженный летчик СССР Н.Ф. Алексеев.

Для перевозки метанола каждый вертолет оснащался шестью сигарообразными емкостями, что позволяло принять на борт до 15 кубических метров жидкости. Спирт в вертолете, да еще в смеси с ядовитым наркоптаном, делал перевозки чрезвычайно опасными. Разгерметизация в системе трубопроводов, соединяющих емкости, и последующие утечки спирта могли привести к образованию взрывоопасной смеси. Кроме того, наличие в спирте наркоптана создавало угрозу отравления экипажа.

Опыта перевозки в массовом количестве такой жидкости с применением вертолетной техники ни у нас, ни за рубежом на то время не было. Созданные наспех временные инструкции по безопасности перевозки были несовершенны. К тому же их выполнение в тех условиях не представлялось возможным. Стимулировала работу экипажей только система оплаты труда. Вместо существующей почасовой была установлена оплата за количество рейсов. Зарплаты экипажей при этом резко выросли и эффективно влияли на объемы перевозок. В то же время такая система нередко приводила к нарушению техники безопасности, инструкций.

Из-за погодных условий, особенно в осенние месяцы, с наступлением сезона дождей и низкой облачности полеты становились нерегулярными, да и небезопасными. Часто по пять-шесть винтокрылых гигантов кружились в небе над Вуктылом в ожидании разрешения на посадку. Такое же количество находилось на временной аэродромной площадке под разгрузкой в ожидании взлета. Все это напоминало вертолетные бои из американских фильмов во время вьетнамо-американской войны.

Предел возможной доставки метанола по воздуху был достигнут. К сожалению, он не превышал текущей потребности, обеспечивал только нормальную работу промысла. Дальше наращивать воздушные перевозки не представлялось возможным. Стоило на один день испортиться погоде, как начиналось ограничение по добыче газа. Отключались скважины, иногда доходило до остановки сборных пунктов (СП), объединяющих работу нескольких десятков скважин. Без подачи метанола в поток газа работа скважин и установок по его сбору и подготовке могла привести к взрывам газопроводов, аппаратов по очистке и подготовке к транспорту газа, другого технологического оборудования. Возникла угроза жизни обслуживающего персонала.

Нередкие сбои в доставке метанола по воздуху мы частично компенсировали за счет использования водного транспортного пути по реке Печоре. Оборудованные для этих целей две большегрузные баржи позволяли за один рейс перевозить по 600 кубометров спирта. Но их использование было сезонным, в период большой весенней и осенней воды в реке. В остальное время навигации водные перевозки исключались. Пониженный уровень воды и многочисленные пороги на участке реки от поселка Вуктыл до города Печоры не позволяли безопасно проходить метанольным баржам. Сесть на мель барже с метанолом означало создать особо опасную обстановку на реке.

Словом, к зиме 1971-1972 годов тревог хватало. Росла потребность центра страны в вуктыльском газе. К этому времени возможности для наращивания его добычи были созданы. Позволяла увеличить поток голубого топлива транспортная система Вуктыл — Ухта — Торжок. На полную мощность могли работать законченные строительством сборные пункты №2 и №3, первый блок сборного пункта № 1, готовился к пуску второй блок, завершались испытания и технологические опробования первого блока пятого, самого отдаленного сборного пункта. Работы по освоению Вуктыльского газоконденсатного месторождения постепенно переходили в стадию его нормальной стабильной эксплуатации. Нарушающим этот процесс и тормозящим наращивание добычи газа оставался метанол.

Производство этого продукта в стране было ограниченным, наши потребности удовлетворялись с определенным напряжением, на уровне правительства страны были приня-

Баржа-метаноловоз у Вуктыльского причала.

ты меры к увеличению его производства. Заводы, производящие метанол, гарантировали нам увеличение поставок. Но не был решен вопрос его доставки на месторождение в быстро возрастающих объемах. Проектирование, согласование и строительство метанопровода требовало значительного времени. По самым оптимистическим оценкам проектировщиков, на его строительство требовалось год — полтора.

В сложившейся обстановке в Министерстве газовой промышленности, Госплане СССР, правительстве страны рассматривались разные варианты гарантированного и безусловного обеспечения газом Москвы, Ленинграда, Череповецкого металлургического комбината и других важных промышленных объектов. Один из них, наиболее вероятный, предусматривал увеличить подачу газа из южных газодобывающих регионов за счет ограничения уже работающих на этом газе потребителей. Понятно, что это был далеко не лучший выход из положения. Для Вуктыла подобное решение было крайне нежелательным. Оно вело к замедлению темпов строительства промышленных объектов, магистральных газопроводов, объектов социальной сферы, возведение которых только начиналось. И как итог, уменьшались поставки вуктыльского газа. Что, в свою очередь, снижало роль и значение региона в обеспечении газом промышленных районов Центра и Северо-Запада. А значит, било по престижу Коми АССР и ее руководства.

По решению Мингазпрома в Вуктыле постоянно находился кто-то из заместителей министра и руководителей Главгаздобычи. Чаще всего это были первый заместитель министра М.В.Сидоренко, которому подчинялись все и который мог принять решение на месте по любому возникающему вопросу. Ему помогали начальник Главгаздобычи В.А.Динков, его главный инженер А.Г.Гудзь. От объединения «Комигазпром» практически безвыездно здесь «дежурил» главный инженер В.А. Полулях. Каждый из присутствующих руководителей занимался проблемой, входящей в его компетенцию.

В последнюю июльскую субботу 1971 года в вуктыльском вагон-штабе первого заместителя министра М.Сидоренко собрались все вышеназванные руководители. Так

было заведено. В субботу подводили итоги работы за прошедшую неделю и намечаем оперативный план работы на последующую. Эффективность подобных совещаний заключалась в том, что они не допускали несогласованных указаний многочисленным подрядным строительным организациям и подразделениям газопромыслового управления. При этом обеспечивалась максимально возможная координация действий проектировщиков, строителей, монтажников, буровиков и эксплуатационников. Совещания нередко заканчивались за полночь.

Обстановка в целом на промысле в то время была нормальной. Все шло по намеченному плану. Главная задача — добыча газа — опережала плановые задания. Перед тем, как разойтись, я решил поднять вопрос об отпуске. Время и положение дел позволяли мне отлучиться на две-три недели, отдохнуть перед надвигающимися на нас осенними проблемами. Разрешение от М.В.Сидоренко было получено. На следующий день я улетел. К вечеру, преодолев около двух с половиной тысяч километров на самолете АН-10, выполнявшем рейсы Ухта — Киев, а затем совершив перелет из Борисполя до Хмельницка, я оказался в кругу семьи и родных.

«Подсказка» Л.И.Брежнев

Отпуск приближался к концу, когда в один из последних дней в вечерней передаче украинского радио я услышал сообщение о прибытии в столицу Украины Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева для вручения наград отличившимся на войсковых учениях «Днепр» солдатам, офицерам и генералам. Трансляция велась со стадиона «Динамо». Комментатор сообщил о вручении Л.И.Брежневым ордена генералу трубопроводных войск за успешное обеспечение подачи горючего по полевому армейскому продуктопроводу, который проложили более чем на 150 километров с берегов Днепра до реки Березины за считанные часы.

Тут же промелькнула мысль: «Вот где решение подачи метанола на Вуктыл, вот где наше спасение!» До конца месяца эта мысль меня не покидала.

Вернулись мы из отпуска с семьей в Вуктыл в конце августа. Был солнечный и жаркий воскресный день. Я решил, что самое удобное время проехать по месторождению, посмотреть, что делается на обустройстве промыслов, строительстве жилого поселка и объектов торговли: никто тебе не будет мешать, и ты не будешь отвлекать людей от дела. Сажусь в машину и по давно выработанному маршруту объезжаю намеченные объекты. В конце дня возвращаюсь довольный домой.

Не успел переодеться, как раздался телефонный звонок. Звонил В.А.Динков: «Завтра улетаю в Москву, зайдя, надо посоветоваться», — сказал он. Иду на «хутор» Елочка, так называли мы то место, где размещались вагон-домики для начальства из Москвы и Сыктывкара. В штабе Сидоренко и Динков вели оживленный разговор с моим неутомимым заместителем Э.А.Сильсом, давнишним их знакомым еще по Краснодарскому краю. Ему было поручено создание мало-мальски приемлемого и удобного быта этим труженикам высокого ранга.

Василий Александрович Динков обрисовал общую ситуацию на промысле, выразил озабоченность доставкой метанола. Положение усугублялось из-за сухой и жаркой по-

годы, которая привела к обмелению реки и прекращению судоходства. Наш расчет на завоз метанола по реке не оправдался. Доставка по воде могла возобновиться поздней осенью, и то на короткое время. Это не решало проблемы. Такое положение вызывало тревогу в Москве. Заканчивая разговор, Динков обратился ко мне с вопросом: «Что будем делать?» Не задумываясь, отвечаю: «А что думать, Василий Александрович? Я привез предложение, оно решит нашу проблему...»

Такой ответ показался им легкомысленным и вызвал заметное раздражение. Но я с уверенностью в голосе рассказал о вручении Л.И.Брежневым ордена генералу трубопроводных войск. Все трое внимательно слушали. Начались расспросы, обсуждения всех аспектов реализации нерядовой идеи. И как итог всему этому — звонок М.В.Сидоренко министру. Пересказав ему все, что я только что рассказывал, и добавив не меньше от себя, Михаил Васильевич передал трубку мне. Алексей Кириллович Кортунов задал несколько уточняющих вопросов. Через какое-то время — звонок из Москвы. Кортунов сообщил, что уже состоялся его разговор с министром обороны А.А.Гречко. Но тот сам не вправе решать подобный вопрос. Тогда наш министр обратился к А.Н.Косыгину: обсуждение проблемы намечено у председателя правительства СССР на понедельник, и теперь все зависит от его позиции.

Так закончился последний вечер моего отпуска. Домой пришел я в приподнятом настроении. Мысли о завтрашнем дне не покидали меня до глубокой ночи. Для нас, газавиков Вуктыла, вариант подачи на месторождение метанола с использованием армейского полевого продуктопровода был единственным выходом в сложившейся ситуации. Такую точку зрения разделяли в объединении «Комигазпром» и Министерстве газовой промышленности СССР.

В считанные дни было подготовлено и вышло в свет распоряжение Председателя Совета Министров страны А.Н.Косыгина. Оно предусматривало выделение из резерва Министерства обороны двух комплектов продуктопровода для использования в эксперименте по обеспечению метанолом Вуктыльского газоконденсатного месторождения.

Совет мудрого А.Н.Косыгина

Началась активная подготовка к проведению эксперимента. Председателем правительства ставилась задача намного шире той, которую преследовали мы. Нас обязывали дать ответ на вопрос о возможном применении одного из видов военного имущества в отраслях народного хозяйства страны.

После детального и всестороннего рассмотрения всех «за» и «против» решено было вести прокладку продуктопровода из населенного пункта Кожва — это поселок и железнодорожная станция рядом с городом Печора. По железной дороге метанол поступал на имеющуюся там крупную, хорошо оснащенную, недавно введенную в эксплуатацию Кожвинскую нефтеналивную базу. От ухтинского маршрута, казавшегося наиболее предпочтительным, отказались. Проходил он по сравнительно густонаселенному району, вдоль оживленных автомобильных дорог, через многочисленные участки лесозаготовок, что осложняло как его строительство, так и эксплуатацию.

Нас ожидал громадный объем работ, предстояло собрать и проложить более двухсот километров продуктопровода по безлюдной тайге и непроходимым болотам; преодолеть более 20 рек, в том числе Печору, ширина которой в районе выбранного перехода более шестисот метров; установить полтора десятка насосных станций; на всех переходах через речки смонтировать резервные линии и узлы управления; создать пункты охраны и отдыха для обслуживающего персонала.

Постепенно становилось понятным, что в наших условиях с наступлением снежной и морозной зимы соединить более чем 33 тысячи звеньев продуктопровода диаметром около шести дюймов, установить тысячи задвижек, кранов и других элементов этой системы за часы, как это было сделано в летнее время на учениях «Днепр» на просторах Украины и Белоруссии, не удастся. Было очевидным, что на сборку трубы с ее многочисленными переходами и узлами управления потребуются не часы, а дни, возможно, и недели.

В инженерном плане это был сложный, многоцелевой комплекс, сборка и эксплуатация которого потребовали специалистов высокой квалификации. Только знание его конструкции и особенностей эксплуатации позволяло достичь поставленной цели. В противном случае нас ожидало неминуемое увеличение сроков сборки, значительные потери перекачиваемого продукта.

В условиях Севера реализация проекта была затруднена и многими природными факторами и, как впоследствии оказалось, имела ряд отрицательных проявлений морального и нравственного характера.

На состоявшемся у А.Н.Косыгина обсуждении плана реализации принятого распоряжения им было высказано предложение вести работы с привлечением минимального количества исполнителей — проектировщиков, ученых, строителей. Этой рекомендации мы следовали от начала до конца проводимого эксперимента. Игнорирование советов Председателя правительства могло погубить как задуманное дело, так и тех, кто за него взялся. Не будь мудрого совета А.Н.Косыгина, трудно сказать, как могли бы повернуться события для многих из нас. Это выяснилось позже, когда перекачка метанола стала предметом повышенного интереса и внимания органов охраны природы, санитарной инспекции, прокуратуры, в том числе Генеральной в лице ее руководителя Р.А.Руденко, перед которым мне пришлось держать ответ и давать, к счастью, только разъяснения о потерях метанола.

Чрезвычайная важность проводимых работ, призванных обеспечить бесперебойную и стабильную работу газового промысла, дать возможность наращивать объемы добычи газа в Коми, не стала, тем не менее, предметом внимания со стороны областного комитета КПСС. Он не проявил к этому ни малейшего интереса. Почему? Каковы мотивы такого, не свойственного партийным органам отношения к столь важной проблеме?

Причин могло быть несколько. Ведь речь шла о необычном объекте, о неоднозначном решении проблемы. Проводился крупномасштабный эксперимент с использованием военного имущества, к тому же метанол — весьма непростое вещество, это, по существу, спирт-яд. Работа с ним приводила многих к соблазну. Результат в таких случаях всегда был плачевным. Доза в сто граммов приводила к потере зрения, а побольше —

к смертельному исходу. Будет эксперимент удачным или нет, не произойдет ли случая индивидуального или группового отравления, да еще с летальным исходом, никто гарантировать не мог. В подобных случаях меры со стороны обкома партии к причастным были немедленны и строги. В ответе были бы все, инициаторы и сторонники затеи. В подобной обстановке проявленные партийными органами интерес и внимание могли расцениваться как косвенное их участие в случившемся. Такого обком партии допустить не мог. Сыграла свою роль и так называемая нерапортабельность объекта. Объявить, что «...под руководством обкома КПСС создано в срок и досрочно...» тут не придется. Ведь это эксперимент. Его результат мог быть как положительным, так и отрицательным.

Однако на завершающем этапе работ обком КПСС все-таки вмешался. Вмешательство касалось не объекта, а главным образом тех, кто его создавал. Навалившийся на нас поток жалоб и проверок со стороны инспектирующих организаций с требованием прекратить работы по причине якобы нанесенного ущерба окружающей среде потребовал разбирательства. Настойчивые предписания Северо-Западной инспекции по охране окружающей среды и ее уполномоченного по Коми АССР А.И.Терентьева вынудили обком партии приступить к проверке жалоб. Но к этому времени метанол бесперебойно поступал на Вуктыл. И не только метанол. Поступали дизельное топливо и бензин. Документация по откачке и расходу перекачиваемого продукта была в порядке. Хотя потери оказались неизбежными.

Минобороны помогло, а обком наказал

Как проходила реализация проекта? Кто в ней принимал участие? Каково было отношение и степень ответственности тех, кто выполнял эту нелегкую работу?

Все мы с нетерпением ждали поступления столь необходимого нам оборудования. Не было и дня, чтобы кто-то из находящихся на Вуктыле ответственных работников аппарата министерства не справлялся по поводу его отгрузки. С места отгрузки представитель управления ежедневно давал неизменно стандартную информацию: «Заказан маршрут железнодорожникам, по его поступлению начнется погрузка, о чем сообщим незамедлительно». Больше всего нервничал главный инженер Главгаздобычи Анатолий Григорьевич Гудзь. Он практически безвыездно находился на Вуктыле. Ему было поручено осуществлять контроль над сборкой продуктопровода. Время шло, а собирать было нечего.

Вопросы, связанные с началом работ, были решены. Определена трасса метанолопровода. Как принципиально важная работа, она заняла около десяти дней, потребовала многократных облетов трассы на вертолете, несколько раз пришлось преодолеть ее на гусеничных вездеходах. С Анатолием Григорьевичем мы сутками находились в тайге. Меня поражало его детальное и всестороннее изучение всех вариантов трассы. Вспоминаю, как в последний момент, когда маршрут уже определился, кто-то из участников обсуждения высказал предположение о наличии в некоторых местах маршрута лесозаготовителей. Мы снова оказались в вертолете, обследовали пространство с обеих сторон трассы на 15-20 километров. Поиски заняли два дня. Лесозаготовителей в этом районе

не оказалось. Для полной уверенности решено было посетить объединение «Печорлес», ведущее в Печорском районе лесозаготовки. Только после этого Анатолий Григорьевич успокоился.

Трасса проходила на значительном удалении от немногочисленных населенных пунктов и от реки Печоры. Детальные изучения позволили на полтора десятка километров сократить длину продуктопровода. Уменьшалось попадание в зону трубопровода случайных людей. Значительно снижалась вероятность доступа к метанолу с целью его похищения. На четверть уменьшилась потребность в постах охраны. Прохождение трассы через Кыртаельское нефтегазовое месторождение позволяло провести испытание и очистку трубопровода перед началом его эксплуатации газом, а при окончании очередной перекачки выгнать перекачиваемый продукт на вуктыльскую базу.

Для ускорения монтажа и пусконаладочных работ рассчитывали на помощь военных специалистов. Однако Министерство обороны наотрез отказало не только в выделении монтажников, но и в инструкторах по монтажу и пуску. Военные не хотели разделять с нами ответственность за возможные потери продукта. Пришлось решать и делать все самим. Тут, как нельзя лучше,годились и нашли практическое применение полученные мною знания по военной специальности. Видимо, и мысль о применении этого варианта для подачи метанола пришла потому, что у меня были четкие и ясные представления о технической стороне вопроса. Услышанное по ТВ Киева сообщение о воинской операции по подаче топлива дало своеобразный импульс к этой мысли.

В газопромисловом управлении нашлись специалисты, уже имевшие опыт работы с подобными транспортными системами. Ими оказались начальник Печорской нефтеналивной базы А.П. Загурдаев и главный инженер Вуктыльской нефтебазы В.Г.Ухаль.

Поступил продуктопровод в самое неподходящее время, седьмого ноября — в день празднования очередной годовщины Октябрьской революции. Три железнодорожных состава, груженных доверху трубами, арматурой, насосными станциями, компрессорными установками, уплотнительными, опорными и подвесными элементами, прибыли на станцию Кожва. Об их прибытии сообщили к концу дня. Организовать разгрузку более чем двухсот вагонов с таким грузом в праздничные дни оказалось непростой задачей. И все же к разгрузке приступили к утру 8 ноября.

Как было принято, о простое такого количества вагонов железнодорожники сообщили в обком КПСС. В то время, по решению ЦК КПСС, партийные органы на местах зорко следили за использованием железнодорожного подвижного состава. Контроль возвели в ранг государственной политики. Каждый час простоя доводился до партийных органов, был предметом строгого обсуждения. И на сей раз реакция на заставила себя ждать.

На место событий срочно прибыл заместитель начальника объединения «Комигазпром» В.М.Янкевич, опытный и знающий снабженец и транспортник. Понятно, что уложиться в нормативные сроки и разгрузить столько вагонов даже ему не удалось. Разгрузка продолжалась больше двух суток. Простои оказались большими, и Янкевич благодарности за это не получил. Последовало строгое предупреждение. Свой долг был выполнен обеими сторонами.

«Никакой информации наверх!»

А тем временем на трассе начались активные круглосуточные работы. Значительно запоздавшее поступление продуктопровода изменило первоначальный план организации работ. Министр А.Кортунов принял решение все работы по строительству и монтажу передать территориальному Главному управлению по строительству предприятий газовой и нефтяной промышленности в северных районах Европейской части страны — Главкомгазнефтьстрою. У созданного в сентябре 1969 года для первоочередного строительства объектов Вуктыла главка закончился организационный период, он сформировался, имел силы и средства для выполнения самых сложных работ и в больших объемах.

Министру были известны возможности главка и способности его начальника В.Г.Радченко, которому поручалось лично обеспечить выполнение задания. Такое решение диктовалось необходимостью не только уложиться в ранее намеченные сроки, но и параллельно вместе со строительством вести пуско-наладку всей транспортной системы. В.Г.Радченко с присущей ему энергией, трудолюбием и особой любовью к своему делу, будучи талантливым организатором строительного производства, приступил к выполнению указания министра. На трассе со стороны Кожвы к работам приступили строители Печорского строительного управления, со стороны Вуктыла — два строительных управления треста «Вуктылгазстрой».

К середине декабря все строительные-монтажные работы были закончены. К великому сожалению, деятельность Радченко в роли начальника главка оказалась непродолжительной. Но он оставил большой след в истории главка, в создании огромных и дееспособных коллективов строителей, способных решать сложные задачи по освоению Европейского Севера.

До назначения на должность начальника Главкомгазнефтьстрою В.Г.Радченко возглавлял комбинат «Печоршахтострой» в Воркуте. При создании главка министр газовой промышленности А.К.Кортунов предложил на должность начальника Станислава Борисовича Янушевского. Он возглавлял трест «Ухтастрой», на базе которого создавался главк. У министра было особое отношение к молодым руководителям: где только можно, он их выдвигал на высокие должности, но здесь взяло верх мнение бывших коллег по Воркуте, ставших во главе Коми обкома КПСС и Ухтинского горкома. Они хорошо знали В.Г.Радченко на протяжении многих лет и настояли на его кандидатуре. С.Б. Янушевский получил должность главного инженера.

Горный инженер-шахтостроитель, проработавший немало времени на различных должностях в комбинате «Печоршахтострой», Виктор Григорьевич быстро освоил особенности строительства газовых объектов. Да и в период организации главка это было не главным, ведь в строительных управлениях, трестах работали высококвалифицированные специалисты, знающие нефтегазопромысловое строительство. В первое время главным было создание новых строительных коллективов и производственной базы.

Активность и целеустремленность, с которой Радченко взялся за дело, вскоре дала плоды. Не раз приходилось слышать положительные отзывы М. В.Сидоренко и В.А. Динкова о работе главка и лично его начальника. Часто встречаясь с ним на строитель-

ных площадках, совещаниях, не помню ни одного случая, чтобы В. Радченко не интересовался проблемами газопромысловиков и не откликался на их просьбы.

В то время на объектах месторождения, конечно же, случались тяжелые аварии, возникали острые ситуации. Начальник главка звонил, спрашивал, какая нужна помощь, и без каких-либо условий обязывал свои подразделения ее оказывать. Возникшие через несколько лет производственные мощности ухтинских строителей, создание которых было начато В. Радченко, стали основой успешной работы на многих объектах обустройства газовых и нефтяных месторождений Коми АССР.

Популярность В. Радченко среди строителей и газовиков быстро росла. Успехи газовиков Вуктыла во многом были связаны с его именем. Однако авторитет и популярность, шагнувшие за пределы республики, не очень-то устраивали его бывших коллег, как ни странно, тех, кто его выдвигал и рекомендовал на этот пост. Его авторитет становился для них в определенной степени не только нежелательным, но и опасным. Ход событий, которые привели к отставке Радченко, подтверждает такую точку зрения. Те, кого начальник главка заставлял работать, от кого требовал выполнения поставленных задач в срок, начали писать жалобы, плести интриги. Одна из таких жалоб поступила в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС. Суть выдвинутых обвинений заключалась в следующем.

В те годы в Ухте гостиницы не было. Размещать хлынувший сюда поток представителей различных министерств и ведомств, работников обкома КПСС приходилось в оборудованных для этих целей квартирах. Начальник главка с согласия секретарей обкома и горкома КПСС в короткие сроки построил для командированных в Ухту небольшой домик. Частые поездки многих представителей Москвы, сопровождаемых руководством республики, заканчивались в выходные дни посещением предгорий Урала. Возникла необходимость оборудования мест отдыха. Для этой цели туда завезли вагон-домик и обустроили площадку для его установки. Все это делалось с согласия начальника главка и с ведома обкомовских работников, которые были там постоянными посетителями.

Однако после поступления «сигнала» они заняли выжидательную позицию. Ждали проверки со стороны КПК при ЦК КПСС. А ведь секретари обкома и горкома были опытными людьми. Они знали, что партконтроль принимает крайние меры при рассмотрении подобных фактов, особенно если молчат местные партийные органы. Но не стали рассматривать жалобу ни на бюро ОК КПСС, ни в ГК КПСС. Это могло бы смягчить рассмотрение материалов проверки в КПК, а то и вообще снять с обсуждения. По крайней мере, минимизировать его последствия. Но этого не было сделано. Результат проверки жалобы и рассмотрения ее на Комиссии партийного контроля оказался жестким. Решение гласило: исключить Радченко из партии. Это автоматически означало снятие его с работы.

Радченко вернулся в Воркуту. Работал на второстепенных должностях, затем уехал в Тулу. Там работал в тресте «Тулагазстрой» заместителем управляющего. Управляющим был Вениамин Петрович Анисимов. В период освоения Вуктыла он работал заместителем начальника газопромыслового управления по капитальному строительству. Хорошо знал В. Радченко. Это и свело их в Туле.

Мне в конце 1980-х годов прошлого века, работая в Москве, приходилось встречаться с В. П. Анисимовым и В. Г. Радченко. Причиной встреч был газопровод, конечно, не Вуктыльский, а в совхозе «Темп» Тульской области. Мы вместе взялись газифицировать центральную усадьбу совхоза — деревню Козловку. Вспоминали наши большие дела на Вуктыле. К чести Виктора Григорьевича, он никогда не отрицал своей вины в столь тяжелой для него ухтинской истории. Только с горечью вспоминал ее «соавторов».

Пусковые и наладочные работы, как и намечалось первоначально, оставались за газопромышленным управлением. Уже упоминались работники управления Загурдаев и Ухаль. Им предстояло с обоих концов провести сплошной контроль качества и надежности соединений труб, узлов переключения, камер пуска шаров-разъединителей, переходов через речки. Среднюю часть продуктопровода длиной 60 километров готовила к работе бригада, возглавлял которую начальник речного причала, недавно прибывший на Вуктыл после службы в рядах Советской армии Виктор Кассап. Ему поручили самый трудный участок. Члены бригады Загурдаева и Ухалья имели возможность возвращаться на базу, отдыхать в нормальных условиях. Бригада В.Кассапа такой возможности не имела. Трое суток на морозе, по пояс в снегу, проводя ночи возле костра, преодолевая километр за километром, проверяла она надежность соединений, исправляя допущенные отклонения. Всем понадобилось трое суток, чтобы доложить о полной готовности системы к работе. К середине декабря все было готово для заполнения трубы и подачи метанола на Вуктыл. Заканчивалась последняя операция: продувка трубы газом из скважины Кыртаельского месторождения.

И тут случилось непредвиденное. В районе подключения газа к продуктопроводу оказалась пробка. Выяснилось, что труба забита парафином. Газ для продувки подключили мимо сепаратора-отделителя. Парафин поступал в трубопровод вместе с газом в больших количествах, от резкого понижения его температуры откладывался на стенках трубы и перекрыл все ее сечение. Оплосность оператора, подключившего газ, привела к остановке перекачки, потребовалась замена 1520 метров труб.

Последствия оказались непредсказуемыми и опасными. Через разгерметизированные соединения произошла утечка метанола: несколько сотен кубических метров. Встречаюсь на трассе с начальником базы и главным инженером. Ситуация критическая. После обсуждения вопроса условились, что пока о потерях знают только присутствующие, и определять их будем позже. Никакой информации наверх. Иначе любой вышестоящий руководитель начнет выяснять причины, нагрянут комиссии, за ними последует запрет перекачки. Неизбежны остановка промысла, скандал на всю страну, расследование с непредсказуемыми выводами.

Но как быть? По инструкции расхождение в замерах или потери даже 100 граммов метанола требуют разбирательства. А тут не сотня граммов, и даже не килограммов, а кубов. Принимаем решение: перекачку не останавливать, качать всю ночь. Учет по откачке метанола вести лично начальнику базы А.П.Загурдаеву, по поступлению в конечный пункт — главному инженеру. Журналы учета у них. Они запускают откачивающие насосы и открывают задвижки. Почасовые записи в журналах согласовывают и ведут только они. Контроль за текущими задвижками на трубопроводе и поступлением метанола по

трассе поручено вести заместителю начальника газопромыслового управления Э.А.Сильсу. Подъем давления в трубопроводе свыше пяти атмосфер — сигнал для открытия последующего участка для наполнения. И так шаг за шагом продвигаемся до перехода через Печору.

Проведенный поиск явных следов большой утечки метанола на трассе не обнаружил. Наличие капельных пропусков в соединениях труб при давлении ниже двух атмосфер объяснимо: соединение звеньев через 6 метров, отсюда такие потери. Повышение давления обеспечивает самогерметизацию соединений. Пропуски прекращаются. Главное — обеспечить постоянный контроль за давлением в трубе на участке для заполнения и своевременное и плавное открытие последующего участка.

К концу дня заменен забитый парафином участок и проведена подготовка для возобновления откачки продукта. К середине следующего дня он достигает перехода через Печору. До Вуктыла считанные километры. Через час началось наполнение первого резервуара.

Что дал проведенный по-военному эксперимент?

Метанол пришел на Вуктыл. Так закончилась неделя напряженной работы. Начались часы томительных ожиданий ее результатов. Скоро по паутине видимых и невидимых трубок-капилляров, проложенных по громадной площади месторождения ко многим сотням критических точек, метанол начал разрушать опасные и коварные гидраты.

Не стало слышно грохочущих в вуктыльском небе вертолетов-метаноловозов. Затихли на автостоянках развозившие по промысловым объектам метанол автоцистерны. Сложили оружие многочисленные сопровождающие и охранники.

Упрутая струя, бегущая по двухсоткилометровому продуктопроводу, изменила напряженную и небезопасную атмосферу промысла на спокойный и умеренный ритм работы Вуктыла.

Еще одно препятствие на пути освоения уникального Вуктыльского месторождения газа и газового конденсата осталось позади.

Заслуга в решении задачи — не только упомянутых в этих заметках вдохновителей, участников и исполнителей. Весь коллектив газопромыслового управления, многие строители треста «Вуктылгазстрой» и авиаторы Ухты приложили немалые усилия для достижения этой победы.

Своевременному пуску газопровода в эксплуатацию способствовали два очень важных хозяйственных участка тогдашнего газопромыслового управления, обеспечивших надежную охрану и бесперебойную транспортную связь.

За охрану отвечал начальник службы Г. П. Романов. В то время в службе охраны работало свыше 150 человек, половину из них составляли женщины. Для охраны готовящегося к пуску объекта требовалось дополнительно несколько десятков человек, а принять на месте такое количество охранников за короткое время было непросто, а точнее, невозможно: охрана вооруженная, а доверить оружие можно только тому, кто прошел проверку в органах внутренних дел. На трассу, в тайгу женщин не пошлешь, требовались сильные, выносливые мужчины. Люди, вооруженные боевыми винтовками, карабинами,

пистолетами, находившиеся друг от друга за сотни километров, постоянно меняющие место пребывания, сопровождаая автоцистерны и баржи с ядом, передвигаясь по трассе метанолопровода, нуждались в постоянном внимании и заботе, в особом контроле. Г. Романову, благодаря его исключительной энергии, знанию своего дела, удавалось решить эту нелегкую и ответственную задачу.

В начальный, самый трудный, период пуска продуктопровода он организовал охрану по принципу непрерывного кругового движения охранников по трассе с небольшим интервалом во времени и расстоянии. Это позволило исключить незаметный доступ посторонних лиц к продуктопроводу, вместе с тем обеспечило постоянный контроль за несущими дежурство охранниками (сотовой связи тогда не было). Будучи образцом самодисциплины, порядка, высокой требовательности к себе и подчиненным, Г. Романов организовал охрану в требуемые сроки и, как показало время, с гарантией от различных случайностей на охраняемых объектах.

Начиная с того момента, как стало известно направление трассы, до поступления продукта на базу Вуктыла требовалась хорошо организованная, круглосуточная транспортная связь. Только при этом обеспечивалась возможность выполнения всех работ в намеченные сроки. С учетом надвигающейся зимы и условий местности, такую связь могли обеспечить в таежной зоне по воздуху вертолеты МИ-4 и МИ-6, а по суше гусеничные вездеходы ГАЗ-47 и ГТТ. Без этих средств доставка на трассу труб и оборудования, строительной техники и горючего, палаток и вагон-домиков, продуктов питания и средств обогрева, смена вахт и оказание медицинской помощи были невозможными. Для слаженной работы требовалась четкая, круглосуточная организация многих производственных звеньев.

Вначале эту работу выполняли несколько человек. Дело не клеилось. Решили ее поручить одному. И ответственности больше, и будет с кого спросить. Остановили выбор на молодом, инициативном Саше Мотовице. Он уже больше года работал на самом бойком месте тогдашнего Вуктыла — в аэропорту диспетчером-распределителем по перевозкам. Хорошо знал авиаторов, их требования, всех отправителей и получателей грузов, вуктыльских руководителей, и не только вуктыльских. Ему приходилось встречаться с разными людьми — министрами и их заместителями, секретарями обкомов, космонавтами и прочими известными людьми, желавшими внести свою лепту в освоение Вуктыльского месторождения, полюбоваться красотами здешнего Урала и отдохнуть в ожидании клева горного хариуса в студеной воде реки Цугор. Была у него и непростая общественная нагрузка, требовавшая смелости, силы воли и самодисциплины: он возглавлял народную дружину по охране общественного порядка. Первые дни работы показали, что мы не ошиблись, со своей задачей Александр Мотовиц успешно справился.

Он прибыл в Вуктыл по комсомольской путевке. Заочно учился в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Общительный, энергичный и находчивый Саша быстро стал известен в Вуктыле как «Саша, что в аэропорту». У него уже тогда была слабость, с юных лет усложнявшая ему жизнь: он никогда никому не отказывал в просьбе, имел потребность оказывать добро всем, кто бы к нему ни обратился. Не изменился он и сейчас, когда все оценивается другими мерками и категориями. К знаниям по сельскому хозяйству, полученным в Тимирязевке, он приобрел опыт работы с

людьми в Вуктыльской «академии труда». Работал на разных должностях в сельском хозяйстве. В должности заместителя управляющего возглавлял трест сельскохозяйственных предприятий объединения «Коминнефть». Трест в ту пору объединял четыре крупных совхоза, мелиоративную станцию и птицефабрику. Справлялся с этой нелегкой обязанностью Александр Георгиевич успешно, был честен, принципиален.

После перестройки, объявленной неудачливым комбайнером и несостоявшимся юристом, Мотовиц, как и все, «перестроился». Стал предпринимателем. Но остался таким же честным, порядочным, трудолюбивым, как и в годы работы в Вуктыле.

В заключительном документе об итогах выполнения распоряжения Председателя Совета Министров СССР отражены результаты эксперимента. Применение армейского полевого продуктопровода дало возможность:

— доставить метанол на месторождение в сжатые сроки и в требуемых объемах;

— решить проблему доставки бензина, дизельного и авиационного топлива для бесперебойной работы автотранспорта, строительной техники и авиации;

— осуществить на практике применение военного имущества в экстремальных условиях Севера;

— определить, что постоянная длительная эксплуатация в местах, подверженных значительной эрозии почвы, приводит к образованию недопустимых прогибов, вызывающих значительные потери перекачиваемого продукта;

— установить необходимость в лесистой местности расчистки трассы большой ширины с целью исключения повреждения продуктопровода падающими деревьями;

— сравнить эксплуатационные затраты армейского продуктопровода со стационарным сварным продуктопроводом подземной прокладки;

— рекомендовать продуктопровод к применению в народном хозяйстве для кратковременного транспорта жидких продуктов в экстренных ситуациях;

— рекомендовать его использование для полива в сельском хозяйстве, особенно в случаях часто меняющихся зон полива.

Однако на этом метанольная эпопея не закончилась. Она имела свое продолжение.

Испытание огнем

Последние дни декабря 1971 года для Вуктыла были тревожными и напряженными. Сложилась критическая ситуация с работой скважин и газопромысловых объектов. Потребовалась сверхнапряженная и круглосуточная работа всего персонала промыслов, технологических служб газопромыслового управления. Особому испытанию подверглись руководители технологических объектов. Заведующие О.Соловьев, Е.Мисан, В.Ивахненко, А.Кастанов и их заместители не покидали промыслы сутками, установили особый контроль за расходом метанола. Начались поиски путей его экономии. (К тому времени продуктопровода еще не было).

Задача была далеко не простой. По инструкции и регламенту работы запрещалось уменьшать или менять режимы подачи метанола в систему. Это диктовалось в первую

очередь условиями безопасности. И, тем не менее, менялись режимы работы скважин, приходилось переходить на дозированную подачу вместо непрерывной. Все это осложняло работу, делало процесс опасным, требовало повышенного внимания и постоянного контроля.

*Заседание
технического совета.
Главный инженер
управления ВГПУ
О.Н.Соловьев
принимает отчет
главного геолога
А.К.Гудзя.*

Вот как вспоминает то время работавший тогда заместителем заведующего третьим промыслом и Головными сооружениями по сбору и подготовке к транспорту газа Валерий Степанович Мекша:

— Закончилось мое суточное дежурство. Я уже был дома, как раздался телефонный звонок. Звонил О.Соловьев, наш заведующий. Пришлось срочно ехать на промысел. Метанол на исходе. Погода вторые сутки нелетная. Вертолеты в Вуктыл с трудом пробиваются в дневное время. А оно-то всего с 11 до 15 часов: декабрь. В это время доставка грузов — только по воздуху. Требуется круглосуточное дежурство на объекте и сверхжесткий контроль за работой всего и всех.

Вызываю дежурную машину. На душе неспокойно. Жена провожает с тревогой. Накануне на первом промысле произошел газовый хлопок. Правда, никто серьезно не пострадал, но это всех насторожило.

На промысле вместе с заведующим собираем весь дежурный персонал. Устанавливаем график обхода опасных гидратообразующих точек, осмотра и контроля за работой всех газовых аппаратов и сосудов. Особое внимание — контролю давления в точках редуцирования газа. Температура на улице минус 35 градусов, а что будет к утру? Это резко осложняет работу всей системы, требует повышенного расхода метанола.

Сопровождающий прибывшую автоцистерну с метанолом предупреждает, что это последний рейс. Большие везти нечего. Все понимаем сложность ситуации. При самом экономном режиме расходования продержимся около суток. Значит, меньше чем через сутки начинаем останавливать скважины. Намечаем очередность остановки, конкретных ее исполнителей. Некоторые скважины — за восемь километ-

ров. Если заметет дорогу, придется добираться на лыжах, а это не меньше часа. Все нужно предусмотреть. Наступил вечер следующего дня. Часть скважин оставлена. Люди валяются с ног. И вдруг по громкоговорящей связи голос диспетчера управления: «Продержитесь несколько часов, метанол поступил из Печоры, идет заправка цистерн». Усталость и сонливость исчезли вмиг. Требую, прошу, умоляю первую же машину направить к нам.

Сложное было время. Но мы испытание выдержали. Доверие нам, молодым, только что покинувшим студенческую скамью, было оправдано. О себе не думали, хотя и рисковали. Понимали, что от нас зависит работа многих потребителей нашего газа.

Пройдет немного времени, и закаленные проблемами Вуктыла, накопившие неоценимый опыт заведующие промыслами и их заместители, начавшие свой жизненный путь на Коми земле, станут ведущими специалистами в области добычи газа. Олег Соловьев возглавит объединение «Комигазпром». Александр Кастанов и Валерий Мекша будут передавать свой опыт газовикам Оренбурга в период его освоения, а затем на Астраханском газоконденсатном комплексе. Евгений Мисан первым даст природный газ столице Ненецкого автономного округа Нарьян-Мару, осваивая месторождения Архангельской области. Виктор Ивахненко оставит свой след на партийном поприще, занимая высокие должности в партийных органах Вуктыла и столицы Коми — Сыктывкара.

Шло время. Заканчивалось строительство предусмотренных проектом промышленных объектов. Пробурена большая часть газодобывающих скважин. Но работы на Вуктыле не убавилось, возникли новые проблемы. На передний план выдвинулись вопросы снижения затрат на добычу газа. Одной из ключевых задач становилась охрана окружающей среды. Особого внимания требовала технология разработки месторождения. Все ее проблемы были связаны с применением метанола как составного и неотъемлемого компонента технологического процесса.

В себестоимости добываемого газа метанол занимал одну из основных статей затрат. Его экономия была весомым вкладом в снижение транспортных и материальных издержек в ходе добычи газа и конденсата. Пути этой экономии — совершенствование технологии и режимов работы каждой скважины, технологического оборудования, изменение и совершенствование отдельных узлов системы сбора и подготовки газа, замена некоторых видов оборудования на более совершенные. Особую роль и значение приобретали опыт и знания обслуживающего персонала, который составляли юноши и девушки, недавно окончившие техникумы и вузы страны.

Геологическая и технологическая службы газопромыслового управления, ученые ВНИИгаза и его Ухтинского филиала, целого ряда других научно-исследовательских и проектных институтов, лабораторий активно приступили к этой работе. Их предложения и рекомендации после оперативного рассмотрения и принятия на техническом совете при главном инженере Вуктыльского газопромыслового управления А.Хремине внедрялись без задержки и повсеместно.

Талантливый инженер, ученый-аналитик, генератор многих новых идей А.Хремин лично руководил самыми сложными и опасными работами. Благодаря его высочайшей квалификации, опыту и знаниям многие проблемы тогдашнего Вуктыла решались быстро

Совещание с аппаратом управления ВГПУ.

Ведущие специалисты управления обсуждают проблемы экономики метанола.

и успешно. После его ухода эту работу с не меньшей настойчивостью и результативностью продолжал недавний руководитель самого крупного и сложного комплекса — третьего промысла и Головных сооружений по сбору и подготовке газа к транспорту — О.Соловьев.

Регулярные проверки, связанные с использованием метанола, со стороны санитарных служб района и республики; контроль окружающей среды постоянно присутствующим в Вуктыле представителем Северо-Западной бассейновой инспекции инициировали решение возникшей непростой задачи, связанной с утилизацией метанольной воды, большую часть которой вместе с конденсатом откачивали на Сосногорский газоперерабатывающий завод. Она загрязняла водоемы, в том числе воды рек Ижмы и Печоры.

Было очевидным, что решение этой задачи должно идти по двум направлениям: поиск путей и методов захоронения метанолосодержащей жидкости и, что не менее важно, ее использование в качестве источника получения метанола, то есть его регенерации. Такое решение могло существенно снизить затраты на его приобретение и доставку, уменьшить объемы требующей захоронения жидкости.

В очередной приезд В.А.Динкова, теперь уже в должности заместителя союзного министра, мы попросили его рассмотреть этот вопрос. После подробного и всестороннего обсуждения участниками совещания сложившейся ситуации Василий Александрович со свойственной ему оперативностью и решительностью дал указания присутствующему здесь главному инженеру объединения «Комигазпром» В.Полуляху выдать исходные данные для проектирования установки по регенерации метанола, главному инженеру проекта обустройства Вуктыльского месторождения П.Буракевичу приступить к изыскательским и проектным работам, геологической службе газопромыслового управления и объединения срочно приступить к поиску изолированных поглощающих горизонтов в за-

*Установка комплексной подготовки газа — УКПГ-2. 1974 год.
На заднем плане печально знаменитая буровая скважина №38.*

контурной зоне месторождения для захоронения метанококденсатосодержащей жидкости.

Так В.Динковым, талантливым инженером-газовиком, ученым, отцом всех идей по разработке технологии добычи газа и газового конденсата Вуктыльского месторождения, было найдено и принято решение, закрывшее метанольную проблему на Вуктыле.

Установка регенерации метанола (а это настоящий завод) была построена. Правда, строительство ее затянулось. Ввели ее в промышленную эксплуатацию лишь в 1983 году. Уже не было, как в первые годы освоения месторождения, той остроты с поставками газа в Центр страны. Месторождение было выведено на проектный уровень 15 миллиардов кубических метров добычи газа в год со значительным его превышением. Мощности строительных и монтажных организаций передислоцированы в другие районы и на другие объекты, а оставшиеся — сосредоточены на строительстве жилого поселка, будущего города Вуктыл. Были и другие причины объективного и субъективного характера. Вуктыльский газ вначале был целью, теперь он превратился в средство.

Через несколько лет прекратилась эксплуатация армейского полевого продуктопровода, успешно решившего в критический момент проблему доставки метанола на месторождение. Заменяли его на сварной трубопровод подземного исполнения. Это сняло постоянные претензии инспектирующих органов, зорко следящих за его эксплуатацией и необоснованно требующих ее прекращения. Сократился обслуживающий персонал. Прекратились неизбежно увеличивающиеся потери перекачиваемого продукта. Жизнь многих работников газопромыслового управления стала спокойнее и безопаснее.

Старый метанокопровод разобрали, вывезли на железнодорожную станцию. Операцию завершил тот самый В.Янкевич, который когда-то его принимал и разгружал. Теперь уже без спешки и боязни быть наказанным отгрузил он разобранный имуществу в один из совхозов на юге Украины. Там метанокопровод многие годы так же надежно, как в Вуктыле, служил благородной цели — поливу совхозных полей, обеспечивал высокие

урожай овощей и фруктов. Давно окупались затраты на его изготовление, да и не один раз.

Рассказ об этой истории был бы неполным без упоминания об одном чрезвычайном происшествии, напрямую связанном с этой опасной жидкостью. События весьма неприятном, чудом не приведшем к человеческим жертвам, ставшем своеобразным натуральным экспериментом и единственным на то время в Советском Союзе. Оно стало уроком, выводы из которого были использованы тогда в СССР и ныне используются в России.

Произошло это 22 июня 1972 года. Вуктыльская нефтеналивная база, часть которой предназначалась для хранения метанола, готовилась к сдаче Государственной комиссии. Чтобы исключить ненужные претензии, которые часто возникают в таких случаях между заказчиком и строителями, мы с руководством Главкомгазнефтестроя завели порядок самим на крупных объектах проводить проверку их готовности к предъявлению комиссии. Снимать, если они имеются, спорные вопросы, вырабатывать единую позицию к заседанию приемочной комиссии. Такой порядок помогал избежать конфликтных ситуаций, налаживал деловые и товарищеские отношения между руководителями.

Именно здесь мы с начальником главка В.Андреевым условились встретиться 22 июня в девять часов с тем, чтобы лично убедиться в ее готовности к предъявлению Госкомиссии.

*Панорама базы метанола и горюче-смазочных материалов,
где произошел взрыв резервуара с метанолом.*

В ожидании прилета из Ухты В.Андреева с начальником базы обхожу все объекты, просматриваю перечень невыполненных работ, отмеченных рабочей комиссией. Идем к выходу из зоны расположения резервуаров, наполненных метанолом. На тот момент из восьми резервуаров четыре (по две тысячи кубических метров каждый) были заполнены, остальные готовились к заполнению.

Перед тем, как перейти зону трехрядного проволочного ограждения и оказаться на общей территории базы, мы остановились вблизи резервуара. Не успели обмолвиться словом, как раздался мощный взрыв. На нас летела похожая на перевернутую тарелку 16-метровая крыша взорвавшегося резервуара. К счастью, она приземлилась метрах в трех от нас. «Сейчас хлынет горящая жидкость», — промелькнуло в голове.

Остановились мы далеко от базы, преодолев за считанные секунды расстояние и преграды, чего сделать в обычных условиях ни одному из нас было бы не под силу.

Взрыв прогремел в 8 часов 40 минут. Вернувшись в служебное помещение базы, я доложил о случившемся руководству объединения, в городской и областной комитеты

партии, дежурному министерства. Через семь минут пожарные расчеты Вуктыла, а их было пять, заняли исходные позиции и стали готовиться к пенной атаке на пылающий синим пламенем резервуар.

Как этого требовали служебные обязанности, с первых минут приступаю к организации работ по тушению пожара и обеспечению всем необходимым его участников.

Бездымный огромный огонь полыхал над резервуаром, напоминая горение спирта или водки в стакане. Правда, площадь горения здесь была неизмеримо большей, а соседство с тремя наполненными такой же жидкостью резервуарами вызывало другие эмоции. Требовались незамедлительные, смелые действия для защиты от взрыва соседних резервуаров, чтобы предотвратить распространение на них огня. Выпало это на долю студенческого отряда, который в то время проводил работы по благоустройству базы и первым начал тушить пожар. Аспирант Киевского института кибернетики Г.Тавровский, возглавлявший отряд, создал заградительную водную стену, обеспечивал непрерывное охлаждение соседних резервуаров. Его находчивость и смелость позволили пожарным расчетам в нормальном режиме укрощать огонь на пылающем резервуаре.

В Ухте, Сыктывкаре, Москве весть о взрыве резервуара и горящем складе спирта вызвала особую тревогу. Через три часа на место событий прибыл генерал, начальник Главного управления пожарной безопасности МВД СССР, с пятью офицерами этой службы в звании не ниже подполковника, что подчеркивало особую важность происшедшего события с точки зрения этого ведомства.

Тем временем весь запас пенообразующего порошка Вуктыла и Ухты был израсходован, а эффективность действий пожарных была нулевой. Резервуар горел, и никакие пенные атаки не давали результата.

На очередном обсуждении ситуации начальник Главного управления дал указание направить из Ухты дополнительно пять единиц пожарной техники с боевыми расчетами и срочно доставить из Москвы новый пенообразователь, промышленные испытания которого только проходили. А пока были испробованы десятки различных способов борьбы с огнем, но ни один из них не дал результата.

Присутствие большого количества участников тушения пожара рядом с ядовитым метанолом требовало особой бдительности и повышенных мер охраны. Работы в значительной степени осложнились погодными условиями. В момент взрыва стояла солнечная и жаркая погода, температура воздуха была за 30 градусов. Тем не менее, вариант тушения пожара, гарантирующий быстро стопроцентный успех, был, но его отклонило руководство пожарного ведомства. Он приводил к увеличению суммы наносимого ущерба от пожара, которая при его применении превышала 40 тысяч рублей. О таких масштабах потерь требовалось подготовить специальное донесение правительству и ЦК КПСС. Такова была инструкция. В высших органах власти, выслушав доклад, всегда задавали вопросы: почему и кто довел до состояния, вызвавшего взрывы, пожары, и не обеспечил контроль за противопожарным состоянием объекта. Кому хотелось отвечать на такие вопросы?! Да и дело не всегда заканчивалось вопросами. Иногда следовали оргвыводы.

Предлагаемый метод тушения исходил из простой житейской логики и практики. Заключался он в разбавлении водой содержащегося в резервуаре спирта до крепости обычной перцовки. Ведь перцовка не горит.

К ночи были доставлены дополнительная техника, несколько тонн нового пенообразователя, разработана специальная схема одновременной поярусной подачи в зону горения воды и пены, смонтирована система непрерывной подачи большой массы воды для охлаждения наружной части резервуара в зоне горения.

В два часа ночи, когда все было готово согласно разработанному плану, началась массированная атака на горящий резервуар. И снова безрезультатно: сбить пламя не удалось. В принятый план тушения внесли дополнительные меры по усилению подачи воды и пены, ряд других элементов. В три часа новая атака. Пламя сбито! Усиливается охлаждение в зоне горения, не прекращается непрерывная подача пенообразующей жидкости. В три часа двадцать минут работы прекращены. Пожар потушен.

Все разошлись, кроме дежурного персонала и бойцов усиленной охраны объекта. Заседание Государственной комиссии перенесли на неопределенное время. Утром предстояло начать восстановительные работы. Главные из них — замена резервуара.

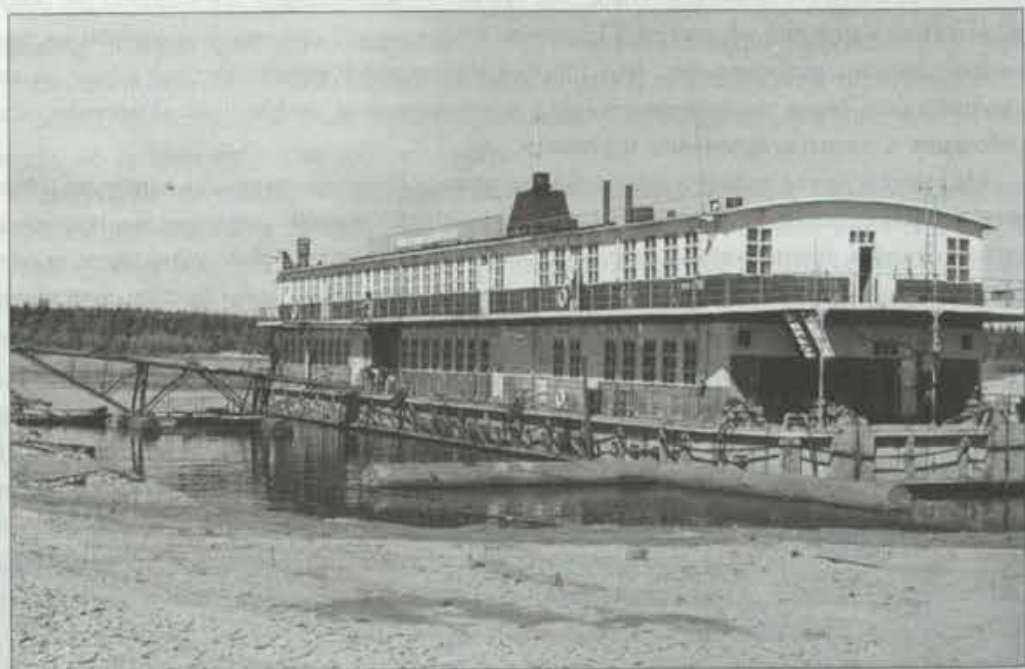
На второй день после детального рассмотрения всех версий, выдвинутых в процессе расследования, комиссия пришла к выводу, что причина взрыва и загорания — статическое электричество. Заключение всех устраивало. Хотя через много месяцев такая версия стала казаться весьма сомнительной. Но не вызвали сомнения принятая технология и схема тушения, эффективное действие нового пенообразователя и самоотверженный труд и смелость всех участников ликвидации пожара.

Полученный опыт тушения первого в СССР пожара на объекте с таким количеством спирта лег в основу целого ряда рекомендаций и наставлений по ликвидации подобного загорания. Выводы из этого чрезвычайного происшествия и рекомендации доводились до пожарных служб, ознакомление с ними было обязательным. Внимание к новому пенообразователю позволило сократить сроки его испытания и поступления на объекты подобной категории опасности. Проблемы эффективной защиты резервуаров от зарядов статического электричества, образования и скопления взрывоопасных паров со всей остротой стали перед проектировщиками и изготовителями резервуаров. Ужесточились и требования к эксплуатационному персоналу.

На схему и метод тушения вуктыльского пожара Государственный комитет по открытиям и изобретениям СССР выдал авторские свидетельства сотрудникам противопожарной службы, принимавшим участие в разработке мер и способов ликвидации пожара. Для газовиков Вуктыла это чрезвычайное событие стало еще одним уроком, требующим собранности и дисциплины в нелегком и небезопасном деле — добыче природного газа.

6. Программа «на истощение» в действии, или Почему приходилось нарушать субординацию

К началу 70-х годов количество эксплуатационных объектов на Вуктыльском месторождении как промыслового, так и гражданского назначения постоянно росло и требовало своевременного и надежного обслуживания. Наличие ремонтно-механической базы в любом деле — залог успешной работы основного производства, особенно такого сложного и опасного, как добыча газа. Для создания базы такой службы по чьей-то воле был выбран, на первый взгляд, простой, надежный и быстрый вариант решения. В Болгарии была заказана плавучая ремонтно-механическая мастерская с полным комплектом того, что требовалось для обеспечения ремонта оборудования Вуктыльского промышленного узла. В ее железобетонном корпусе было предусмотрено все, включая металловедческую лабораторию, удобные каюты для рабочего и инженерно-технического персонала, столовую, кают-компанию, в цехах мастерской было установлено около ста металлообрабатывающих станков и различных приспособлений. Лучшего варианта, казалось, и не могло быть, но... где Дунай, а где Печора, где Болгария, а где Вуктыл?

Ремонтно-механическая мастерская приплыла на Вуктыл из Болгарии.

Расчет на то, что таким образом удастся быстро решить проблему ремонтно-механического обслуживания, таил в себе много неизвестного и непродуманного, и ее решение оказалось вовсе не таким быстрым. Одно дело — доставить плавучую мастерскую от берегов Болгарии до Геленджика, Туапсе, Новороссийска, другое — до далекого Вуктыла. Тут-то и был серьезный просчет. На доставку по нескольким морям вокруг Европы так ожидаемого объекта ушло два года. За это время без особого труда и затрат отечественное оборудование, изготовленное нашей станкостроительной промышленностью и поставленное болгарам для монтажа в плавучем бетонном корпусе, можно было не раз смонтировать на территории промышленной базы Вуктыла и надежно обслуживать всех желающих.

Но получилось сложно, долго, дорого и неудобно для эксплуатации самой мастерской. Нужно было сначала ее доставить в Нарьян-Марский порт, затем по большой воде поднять по реке Печора в порт города Печора, определить место ее установки на Вуктыле, для чего выполнить большой объем дноуглубительных работ, предусмотреть ее защиту от ледохода, подвести дорогу к месту ее установки, а затем поднять до Вуктыла. Конечно же, все это было сделано, но с учетом сезонности этих работ промысел еще на год оказался без ремонтной базы.

После доставки плавучей мастерской в район Вуктыла главным было укомплектовать ее квалифицированным персоналом рабочих и инженерно-технических кадров. Эта далеко не простая задача была решена нами в самые сжатые сроки. Особая заслуга в этом принадлежала назначенному начальником мастерской молодому специалисту Александру Пирожкову. Неутомимый труженик, порядочный и обязательный человек, он в период организации работ по пуску мастерской не знал отдыха, отдавая всего себя любимой работе. Его служба с первых дней работы стала самой востребованной на Вуктыле, а он — уважаемым и грамотным специалистом.

В создании энергомеханической службы на Вуктыле немалая заслуга принадлежит главным энергетикам Мингазпрома СССР и объединения «Комигазпром» — А.Шкуте и Н.Брагину. Многие работники министерства, побывавшие на Вуктыле, зная наши нужды, оперативно реагировали на просьбы газовиков, помогали в выделении материально-технических ресурсов, в трудное для газопромыслового управления время направляли на промысловые объекты специалистов, дававших нужные и полезные советы. Но таких, кто, подобно Н.Брагину, оказывал помощь промысловикам, среди работников аппарата объединения «Комигазпром» были единицы.

Связано это со следующими обстоятельствами. Постоянное присутствие на Вуктыле руководителей министерства и Главгаздобычи привело к тому, что мои обращения по поводу решения того или иного вопроса миновали руководство объединения, оно было в Ухте, а те, кто решает вопрос, то есть московское начальство, — рядом. Такое положение устраивало руководство объединения, снимало с него во многом ответственность, особенно в начальный период освоения месторождения, когда за все нужно было отвечать, а нередко рисковать. Начальник газопромыслового управления и его заместители к такой системе привыкли, она была результативной и давала возможность оперативно решать любые вопросы.

Объединение, за редкими случаями, не вмешивалось в работу газопромыслового управления, занимаясь делами других предприятий. Интерес к нашей деятельности прекра-

тился вовсе с приходом к руководству объединением С.И.Юдина, который к промышленникам относился без должного интереса, внимания и заботы. Причин было несколько. Дела в управлении шли успешно и не требовали вмешательства руководителей объединения. А к газопромысловому делу у нового начальника объединения сложилось не самое лучшее отношение, если не сказать больше, еще с прежних времен, когда он впервые прибыл в Коми АССР на Верхнеомринский газовый промысел Войвожского нефтегазопромыслового управления. После встречи и беседы с тогдашним главным инженером нефтегазопромыслового управления он быстро покинул район и никогда не вспоминал об этой поездке. Не думал Борис Рудольфович Гене, тогдашний главный инженер нефтегазопромыслового управления, что эта встреча и беседа — не последние и будут иметь в дальнейшем для него не лучшие последствия, даже приведут к необходимости оставить любимую работу.

Сложившаяся система отношений между руководством Вуктыльского газопромыслового управления и объединения «Комигазпром» длительное время всех устраивала, поскольку не оказывала отрицательного влияния на результаты работы. Просуществовала она до конца 1974 года. Поломал наши взаимоотношения новый министр газовой промышленности СССР С.А.Оруджев. После его посещения Ухты, Вуктыла, а затем Нарьян-Мара в жизни и деятельности коллектива «Комигазпрома» наступили большие изменения. Часть из них стала судьбоносной для объединения и его руководителей. О том, что один из крупнейших специалистов в области нефтяной и газовой промышленности Сабит Атаевич Оруджев смотрел далеко вперед и вместе с тем в ходе визита принимал оригинальные решения, касающиеся не только газовой отрасли Европейского Севера, но и всей страны, — отдельная, интересная и поучительная тема.

Нерядовые последствия руководящего визита на Вуктыл

Первое посещение предприятий газовой отрасли Коми АССР новым министром газовой промышленности, до этого занимавшим пост первого заместителя министра нефтяной промышленности страны С.А.Оруджевым было важным и нерядовым событием для северных газодобывателей, в том числе и для коллектива Вуктыльского газопромыслового управления. Состоялось оно в конце ноября и начале декабря 1974 года. Подготовка к встрече союзного министра — задача не из легких во всех отношениях. Во-первых, такого ранга гостей принято встречать подобающе, хлебом-солью. Во-вторых, это член союзного правительства, которому требовалось обеспечить и комфортные условия пребывания. В-третьих, его как самого высокого руководителя газовой отрасли интересовали все стороны жизни и деятельности газодобывателей. А это значит, что нужно было показать все объективно и достойно, в том числе недостатки и упущения, аргументированно их объяснить, чтобы не дать гостю повода учинить возможный разнос. А еще ответить на никому не известные заранее вопросы, которые по ходу визита может задать министр, вовремя поставить перед ним требующие решения вопросы, коротко и внятно дать характеристику предприятию и результатам его деятельности. Для руководителя, принимающего таких гостей-хозяев, это была большая физическая и эмоциональная нагрузка.

На Вуктыл Сабит Атаевич прибыл в сопровождении ряда работников министерства, руководителей ведущих институтов отрасли, начальника объединения «Комигазпром», а также первого секретаря Коми обкома партии И.П.Морозова. Прежде чем сделать посадку на Вуктыле, министр осмотрел месторождение с воздуха и получил полное представление о его размерах, объемах и масштабах выполненного и осуществляемого обустройства. На Вуктыле он провел две двухчасовые встречи с руководителями и специалистами газопромыслового управления, буровиками, строителями. Первая из них состоялась в административном здании управления. Проходила она в форме вопросов и ответов, а смысл ее сводился к обсуждению того, как ведется разработка месторождения, имеют ли место отклонения от параметров, заложенных в проекте, а если есть, то какие. После подробных ответов министр попросил специалистов ВНИИгаза и геологов высказать свою точку зрения на возможность увеличения годовых отборов газа с месторождения свыше проектных пятнадцати миллиардов до 19-20 миллиардов. Однозначного ответа не последовало. Это явно не понравилось министру. Он настаивал на конкретном ответе, но потом согласился, что для его подготовки потребуется несколько дней. Была затронута проблема извлечения газового конденсата, обращено внимание на недопустимость потерь, повышение эффективности его переработки, повышение безопасности и особенно на снижение аварийности в газопроводной системе.

Первыми объектами, которые посетил министр, стали жилой поселок и площадка для строительства будущего города. И то, и другое у всякого человека, побывавшего первый раз на Вуктыле, не вызывало положительных эмоций, не вызвало оно их и у министра. Но опытному специалисту, каким был Оруджев, было видно и понятно, что здесь идет активная работа по строительству жилья, промышленной базы. Внимание Оруджева привлекали терриконники, возвышавшиеся на прилегающей к строящимся пятиэтажным домам площадке. Услышав, что эти холмы — не что иное, как выбранный из мест построенных и строящихся домов торф, он покачал головой и поинтересовался, почему все это не вывозится и зачем в таком месте заложен жилой поселок. Ответ, что вблизи лучшего места для строительства поселка нет, соответствовал действительности и удовлетворил министра.

Ответа же на вопрос, почему не вывозятся горы торфа, не последовало. Причина тому была не в отсутствии техники или желания вывозить миллионы кубов торфа у заказчика (газовиков) и у подрядчика (строителей), а совершенно в другом. Она имела свою историю, нити которой вели за 200 километров от Вуктыла, в Ухту, в которой торфяные горы «превращались» в жизненно важный и нужный для города объект. История его создания сводилась к следующему. Н.Н.Кочурин, тогдашний первый секретарь горкома партии города Ухта, в состав которого Вуктыл входил в качестве пригородной зоны, был большим любителем водных процедур, особенно с подогревом — бань, саун... Решил он эту любовь привить и жителям нефтяной и газовой столицы республики. Идея была многоплановой, масштабной, социально и политически значимой: построить плавательный бассейн, который не уступал бы по своим размерам самым крупным в стране. В будущем планировалось проводить там союзные соревнования по водным видам спорта.

Казалось, что настойчивость и целеустремленность Н.Кочурина достигли цели. Добро на строительство бассейна такого класса было получено в Госстрое СССР, не возра-

жал и Госплан страны. Но этого оказалось недостаточно, так как не было главного — средств на строительство. И никто их не обещал. Попытки включить бассейн в перечень строек газовиков или нефтяников положительных результатов не дали. Где найти немалые деньги для финансирования нужного жителям северного города оздоровительного центра, никто не знал. И тут с подачи строителей из тупикового положения был найден выход, напоминающий больше крупную и опасную авантюру, чем деловое предложение. Суть его заключалась в следующем. Строители строят бассейн в Ухте, а газовики на Вуктыле оплачивают им это строительство за счет якобы выполненной выторфовки площадки под строительство жилого поселка.

Эта операция под идейным руководством ее автора была осуществлена по устному соглашению сторон, которыми были строители, газовики, стройбанк, горком партии. Почему по устному? Чтобы исключить на всякий случай из числа участников этого финансового нарушения горком партии, который мог стать в нужный момент защитником остальных нарушителей. Бассейн построили, а львиную долю выторфовки по мере строительства поселка Вуктыл пришлось делать за счет самых невероятных ухищрений, не менее рискованных. Рисковали в этой истории одни, плавали и развлекались в бассейне другие, ликовали третьи. В общем, и болото осушили, и бассейн соорудили, и крайних, к счастью, никто не стал искать. Редкий и опасный случай, но риск оказался оправданным. Обо всем этом, безусловно, не знал заинтересовавшийся теми самыми торфяными территориями министр, деньги на вывоз которых шли на строительство объекта, возвышавшегося при въезде в город Ухта. А если бы знал?..

Однако вернемся к программе пребывания С.А.Оруджева на Вуктыле. После посещения речного причала и складского хозяйства, состояние и вид которого не вызвал у министра никаких замечаний, его кортеж направился на первый сборный пункт, объеди-

Очередная партия новоселов Вуктыла.

няющий добытый газ со скважин в северной правобережной части месторождения. Здесь находились в работе 14 технологических линий по сбору и подготовке газа и весь комплекс объектов, обеспечивающих их успешную работу. Встретил гостей заведующий оперативно-производственной службой №1 В.С.Мекша. Оруджев, Морозов и я направились в технологический корпус. Пока мы находились там, произошел курьезный случай. Сопровождающих министра лиц, а их было около двадцати, охрана на объект не пустила, потребовала предъявить пропуск, которого ни у кого из них не оказалось. Инцидент был разрешен прибывшим вовремя начальником службы охраны. Все оказались на объекте и присоединились к нам уже в метанольной насосной, где В.Мекша давал пояснения министру. В то время мощность СП-1 достигла 15 миллионов кубометров газа в сутки. Техническое состояние объекта отвечало всем требованиям, о санитарном и эстетическом говорили чистота и ухоженность, обилие вечнозеленых растений. Заложенные проектные решения постоянно развивались и совершенствовались на протяжении всего периода освоения месторождения, о чем начальник службы рассказывал министру, не раз употребляя название комплекса СП-1 и термин «шлейфы» (трубопроводы, соединяющие скважины со сборным пунктом газа).

Выслушав информацию, министр неожиданно для всех нас задал вопрос: *«А что такое СП и шлейф?»* И, не ожидая ответа, спросил: *«Кто автор этого названия? Почему такое неуважительное отношение к объекту, дающему столько газа и конденсата? Ведь его добыча топлива равна двум угольным шахтам средней мощности, в переводе на уголь — это шесть тяжеловесных железнодорожных составов в сутки. Это же не сборный пункт отходов или вторсырья, да и не дрейфующие полярные станции на Северном полюсе — СП-1, СП-5...»*

Обращаясь к смуглившемуся В.Мекше, он продолжал: *«Молодой человек, запомните — это установка комплексной подготовки газа и конденсата со сложными технологическими процессами и цехами, их обеспечивающими, это УКПГ! А шлейф — это удлиненная задняя нижняя часть женского платья, надеваемого по случаю больших и важных торжеств. У богатых и знатных особ за рубежом она поддерживается специально тренированными для этого шлейфоносцами. У вас же газопроводы высокого давления. У нефтяников они называются выкидными линиями. А мы дадим им название «сборные газовые коллекторы». Автора прежних названий попросим внести изменения в проектно-сметную документацию — и не только здесь, но и по всем месторождениям отрасли».*

Так на Вуктыле состоялись своеобразные крестины двух особо важных газопромысловых объектов, имена которым дал сам министр Сабит Оруджев. Скоро эти названия стали привычными на всех газовых месторождениях страны, правда, забыть слово «шлейф» газовики не смогли, они и сейчас употребляют его наравне с «газовым коллектором».

Детальное знакомство с другими промысловыми сооружениями газопромысла было отложено после того, как мне и Ивану Павловичу Морозову удалось убедить министра в том, что все остальные УКПГ аналогичны первому не только в технологическом отношении, но и по своему архитектурному, санитарному и эстетическому виду и состоянию.

Маршрут был изменен. По пути к УКПГ-2 мы оказались на бурящейся рядом скважине №38. Скважина бурилась на нижние, в то время считавшиеся перспективными, горизонты Вуктыльского месторождения. Оптимистические заявления геологов о наличии на глубине свыше 6000 метров второго газового Вуктыла вызывали особый интерес, с ними были связаны большие надежды на будущее. Бурение 38-й разведочной скважины велось пятый год со значительными осложнениями и неоднократными, к счастью, успешно ликвидированными, авариями. На встрече со специалистами, где эта проблема была подробно обсуждена, министр высказал серьезную озабоченность крайне низкой скоростью бурения глубоких скважин и затянувшимся на годы ответом на вопрос: «Есть ли там газ?»

После осмотра объектов УКПГ-1 состоялся любопытный и важный диалог между И.П. Морозовым и С.А.Оруджевым. Справедливый упрек Морозова в адрес газовиков о том, что на промысловых объектах работники находятся в несравненно лучших условиях по сравнению с вагон-домиками, где люди живут без всяких удобств, что необходимо строить значительно больше благоустроенного жилья и не только для газовиков, но и для буровиков, строителей и тех, кто их обслуживает, и при этом не рабочий поселок, а современный город, вызвал у министра неожиданно бурную отрицательную реакцию.

Весьма возбужденно он заявил: «А зачем здесь город? Нам здесь город не нужен. Кому он нужен, тот пусть и строит...» Затем обратился к начальнику объединения «Комигазпром» С. Юдину: «Станислав, тут все находится в прекрасном состоянии, обустройство месторождения завершается, объединению тут ничего не остается делать. Со всем успешно справляется газопромысловое управление». Это прозвучало одновременно как похвала и как серьезное предупреждение. После этого разговор принял острую форму. В ход пошла нелитературная лексика, не свойственная для обеих сторон и лишь подтверждающая, что каждый из спорящих будет до конца отстаивать свою точку зрения. Мудрый министр враз прекратил спор, заявив, что эти вопросы будут рассмотрены в Ухте.

Похвала, что на Вуктыле все сделано и находится в прекрасном состоянии, имела скрытый смысл. Это поняли все. Стало понятно и другое — у министра складывается мнение не в пользу республики, объединения и газопромыслового управления. Сложность ситуации была очевидной, и все ждали, чем все это закончится. Министр озвучил и то, что было бесспорным. Аппарат объединения не загружен, его работа малоэффективна, но это квалифицированный и опытный коллектив специалистов, способных работать в сложных, нередко экстремальных условиях Севера и выполнять самые важные задания.

Поблагодарив коллектив газопромыслового управления за хорошую работу, С.Оруджев еще раз задал мне вопрос, какие проблемы по Вуктылу нужно решить министерству для выполнения повышенных заданий на предстоящий 1975 год? Я повторил и без того хорошо известные ему наши просьбы: выделить больше средств для жилищного строительства и начать строительство моста через реку Печора на автомобильной трассе Вуктыл — Ухта.

Вечером того же дня министр покинул Вуктыл, а на следующий день с начальником объединения и ограниченным количеством сопровождающих лиц улетел в город Нарьян-

Мар, где познакомился с районом Нарьянмарской группы газоконденсатных месторождений. Здесь уже более года работал организованный Вуктыльским газопромисловым управлением самостоятельный участок по добыче газа.

Битва обкомов

Результаты поисковых работ на территории Ненецкого автономного округа в конце 60-х — начале 70-х годов давали основания геологам Ухтинского территориального геологического управления утверждать, что планируемый прирост запасов газа будет обеспечен за счет уже выявленных Шапкинского (1966 год), Василковского (1970 год), Лаявожского (1971 год), Ванейвисского (1973 год) газонефтяных и газоконденсатных месторождений и обнадеживающих перспектив на структурах Шапкина-Юрьяхинского, Лайского, Колвинского и Варандейского валов. Эти данные свидетельствовали о возможности создания в ближайшем будущем в этом районе крупной сырьевой базы для развития газовой промышленности и образования на ее основе нового газодобывающего комплекса на севере Тимано-Печорской провинции.

Эту захватывающую перспективу власти Архангельской области и Ненецкого округа рассматривали со значительной переоценкой как созданной уже сырьевой базы, так и времени для ее дальнейшего роста. При этом они исходили из следующих обстоятельств. Геологи вели в округе и области активную политику по пропаганде своих достижений, как всегда, оперировали в первую очередь геологическими запасами сырья, а не извлекаемыми промышленными запасами уже открытых и утвержденных в ГКЗ месторождений, что создавало определенную иллюзию. Не имея ни нужного опыта, ни соответствующих знаний, местные руководители не могли дать этому правильную оценку, как не могли и представить тех сложностей и трудностей, которые нужно преодолеть для создания газовой, а равно и нефтяной отрасли в этом регионе. В основном они исходили из получаемой информации о темпах и успехах освоения Вуктыльского и Усинского месторождений. Но условия Вуктыла отличались от района Большеземельской тундры не только запасами сырья, но и своей доступностью. Ведь не просто так громадные силы и средства отрасли и страны в первую очередь были направлены именно на его освоение, а не на месторождения севера Западной Сибири. Кроме того, база для освоения подобных месторождений создавалась в Коми АССР с 30-х годов.

Немалую роль в опережении архангельскими и нарьянмарскими руководителями событий по освоению еще не утвержденных запасов сыграла и так называемая «битва обкомов» — исторически сложившиеся недружелюбные соседские отношения между руководителями Архангельской области и Коми АССР. В прошлом оба региона составляли единый административный район. Архангельский обком и Нарьянмарский окружком КПСС из-за явного и очевидного незнания специфики нефтегазовой отрасли обвиняли партийные органы Коми в том, что последние не хотят, а точнее, всячески тормозят развитие этих отраслей в Архангельской области. Отметим, что первые руководители Коми АССР в долгу не оставались, давали отпор, откуда и пошло название «битва обкомов».

Упреки и даже обвинения в «торможении» не имели под собой никакой почвы. Главная причина была в ином. Вначале геологи Ухткомбината не видели в этом районе

*Фонтан на Лаявожском месторождении (Ненецкий автономный округ).
На переднем плане — заместитель начальника Ухтинского ТГУ А.Адамов,
начальник 5-й экспедиции глубокого бурения П.Олиферчук,
главный геолог треста «Войвожнефтегазразведка» В.Аношин. Район Нарьян-Мара.*

перспектив, о чем уже упоминалось ранее, а когда взгляды и оценки поменялись, нужны были время и средства для развертывания геологоразведочных работ. Этому могло способствовать только открытие крупных месторождений. Но их пока не оказалось. По настоянию геологов крупные открытия были предусмотрены в принятом в апреле 1974 года постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области».

Первые сведения об открытых Лаявожском, Василковском, Ванейвисском месторождениях изучались научно-исследовательскими и проектными институтами Мингазпрома СССР. Представленные геологами данные не позволяли сделать какие-либо конкретные и обоснованные выводы, а тем более, дать рекомендации по освоению месторождений. Нужны были полные и достоверные сведения о запасах, геологическом строении, характеристике нефтяного и газового горизонтов. Ускорить их получение было возможно при резком увеличении разведочных работ и проведении глубоких и всесторонних исследований на уже пробуренных продуктивных скважинах.

Вскоре было принято решение о создании в Нарьян-Маре в составе Вуктыльского газопромыслового управления участка, а позже оперативно-производственной службы.

Ее цель: подготовка к исследованию разведочных скважин, участие вместе с НИИ в этих исследованиях, организация работ по подаче газа в город Нарьян-Мар. Позже такие участки в составе газопромышленного управления мы создали в Печоре на базе Печорогородского и Печорокожвинского месторождений, на полуострове Ямал на Харасавейском месторождении (1975 год). Одновременно с освоением Вуктыльского газоконденсатного месторождения в не самые легкие времена газопромышленное управление активно проводило работы по организации добычи газа в трех новых районах — Нарьян-марском, Печорском, Ямальском.

Создание нарьянмарского участка требовалось согласовать с окружным комитетом КПСС, как и кандидатуру на должность руководителя участка. Руководителем мы предложили назначить Евгения Мисана, высококвалифицированного специалиста по технологии добычи газа. Многие его новшества были внедрены на Вуктыле, он пользовался уважением среди коллег, мог принимать при необходимости самостоятельные решения, был коммуникабельным и энергичным человеком, не боявшимся трудностей. Согласие на создание такой службы требовалось получить у первого секретаря окружкома КПСС И.К. Швецова, с которым мне приходилось не раз встречаться при строительстве буровых на Шапкино, Василково, Юрьяхе, Нарьян-Маре в бытность директором вышкомонтажного управления в Печоре.

Но, ознакомившись с нашими планами и будущим начальником службы, Иван Кузьмич все вопросы, связанные с организацией, тут же поручил второму секретарю окружкома А.Д.Артееву, оказавшему впоследствии нам большую помощь не только в период создания газовой службы, но и в ходе ее становления. Е.Мисан в Нарьян-Маре пришелся, как говорится, ко двору и за короткое время сделал многое в непростых условиях Заполярья. К 1974 году здесь уже работал квалифицированный коллектив, к созданию базы участка были привлечены силы основного нашего подрядчика — треста «Вуктылгазстрой», создан свой строительно-монтажный участок, автотранспортное хозяйство, велось строительство постоянного проектного газопровода, обустроены на Василковском месторождении две скважины, одна из них — резервная. Газ бесперебойно подавался по временному газопроводу в город.

Министр С.Оруджев увидел в Нарьян-Маре плоды трудов вуктыльских газовиков, мнение о нашей работе он высказал позже в Ухте на совещании по итогам визита. На его приезд руководство Архангельской области и Ненецкого округа возлагало большие надежды. Были они и у руководства объединения «Комигазпром» и Вуктыльского газопромышленного управления. Однако надежды не оправдались. Главной причиной была слабая сырьевая база. Все зависело от геологов. Оценивая перспективу района, министр дословно повторил сказанное его предшественником А.К.Кортуновым на совещании 7 января 1967 года в Ухте по поводу освоения Вуктыльского месторождения: «Дело за геологами, дадите 500, 600, 700 миллиардов кубометров, мы тут же будем обустраивать месторождения и прокладывать газопроводы...»

Это было и повторением задания, предусмотренного вышеупомянутым постановлением 1974 года. Но время внесло свои коррективы. Сегодня газовики Вуктыла ведут добычу газа на Нарьянмарской группе месторождений, не дождавшись требуемых Оруджевым запасов, их прирост — теперь уже дело самих газовиков. Наступили новые времена.

Итогом четырехдневного пребывания С. Оруджева в Ухте стало совещание с руководящими работниками и специалистами предприятий объединения «Комигазпром», строителями Главкомагазнефтьстроя, руководителями Ухтинского территориального геологического управления, Коми филиала ВНИИгаза. Отмечая успехи газовиков объединения «Комигазпром», министр обратил наше внимание и на проблемы:

- совершенствования технологии разработки Вуктыльского месторождения;
- ускорения буровых работ с целью завершить определение границ месторождения в его северной части;
- улучшения технологии подготовки газа и конденсата к транспорту с использованием турбодетандерных установок, внедрение которых впервые в стране осуществлялось на Вуктыльском газоконденсатном месторождении;
- коренного повышения скоростей и качества бурения скважин на нижние горизонты месторождения глубиной свыше 6000 метров;
- создания бытовых условий газовекам Вуктыла и наращивания темпов строительства благоустроенного жилья;
- выполнения намеченных работ в районе Нарьян-Мара.

Особое внимание было уделено надежности работы газотранспортной системы и прежде всего первой нитки газопровода «Сияние Севера», в том числе участка от УКПГ-1 до Головных сооружений промысла и до Ухты. Надежность системы была крайне низкой, так как газопровод не удалось испытать на проектное рабочее давление — 56 атмосфер. Он работал лишь на 75 процентов проектной производительности. За трехлетний период эксплуатации на двух нитках системы было зарегистрировано свыше 40 аварий, из них больше половины — с разрывом трубы. Все они были прямо или косвенно связаны с допущенным при строительстве браком.

В таком же положении позже оказался газопровод Пунга — Вуктыл, выведенный на мощность тех же 75 процентов. В причинах этого министр хотел разобраться на месте, хотя они были ему хорошо известны. Это сбой в системе управления, высокие темпы добычи, ведущие к нарушению нормативных сроков выполнения всего комплекса работ. И то, и другое брало начало в высших звеньях управления. Позже этой проблемой практически и теоретически займется дважды министр (газовой, а затем нефтяной промышленности) Василий Александрович Динков.

Оценивая перспективу развития газовой отрасли в регионе, С.А. Оруджев высказал беспокойство в связи с низкими темпами геологоразведочных работ и отсутствием подготовленных к разработке средних и крупных месторождений, из-за чего не в полной мере использовался созданный за последние годы производственный, инженерный и научный потенциал объединения. Что касается состоявшегося эмоционального разговора на Вуктыле о строительстве города и использовании имеющихся возможностей самого аппарата объединения, то министр прояснил ситуацию лишь после рассмотрения этих вопросов в Москве, а не в Ухте, как обещал.

Можно предположить, что уже после возвращения из Нарьян-Мара в Ухту у Оруджева созрел план, как загрузить работой объединение «Комигазпром» на период неблагоприятной обстановки, связанной с отсутствием открытых месторождений газа в Тимано-Печорской провинции. То, что развитие газотранспортной системы с севера Тюменс-

С.А.Оруджев (шестой справа) в окружении работников газовой промышленности Коми АССР. 1976 год.

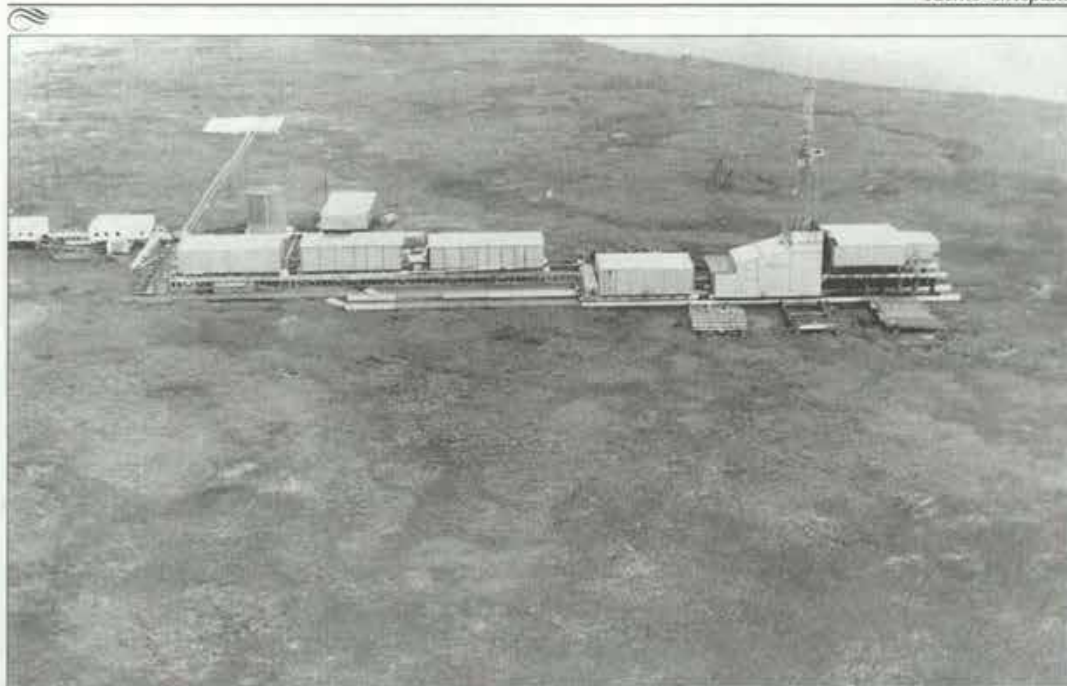
кой области в Центр рано или поздно приведет к востребованности созданного потенциала, сомнений у него не вызывало. Было очевидным, что сложившаяся обстановка носит временный характер. Неразрывно с этим обсуждался и другой вопрос: быть или не быть городу Вуктылу? Нужно было искать «спасательный круг». Оруджев этот «круг» нашел и собирался бросить его тонущему объединению. Но перед этим он сверил и согласовал свои действия с правительством, Госпланом и непременно с первым секретарем Тюменского обкома КПСС Г.П.Богомяковым.

Десант на Ямал и морское бурение

Своего рода «спасательным кругом» для руководства «Комигазпрома» стало поручение министра выполнить подготовительные работы по освоению газовых месторождений Ямала. Он был уверен, что с этой, а позже и с более сложной и масштабной, задачей коллектив газодобывателей Европейского Севера справится, как никто другой в отрасли. Правильность его замысла подкреплена разрешением «хозяина» Тюменской области Богомякова работать на его территории без каких-либо условий, несмотря на прохладное отношение к Коми АССР. Объединение «Комигазпром» получило от государства в лице Оруджева особо важное стратегическое задание — вести подготовку к освоению гигантских ямальских газовых и газоконденсатных месторождений. Это был замысел талантливого стратега, призванный ускорить развитие газовой промышленности страны.

Поступающая в Мингазпром информация и доклады министру о ходе работ на Ямале создавали атмосферу особого отношения к руководителям «Комигазпрома» и высокой оценки выполняемой ими работы.

Этому способствовала и деятельность В. Янкевича и С.Юдина в районе северных широт по организации бурения разведочной скважины на газ в акватории Печорской губы — действия, с одной стороны, смелого, а с другой — технически не обоснованного, а точнее, безграмотного. Министр видел в лице Юдина и Янкевича своих последователей, так как морская добыча нефти и газа была в определенной степени его любимым детищем. Но Печорская губа — это не воды Каспийского моря. Сегодня, да и тогда,

Комплекс буровой на Ямале, поставленный на специальные фундаменты.

было очевидным, что бурение скважин с затопленной баржи в Печорской губе до наступления ледохода — более чем безграмотное решение.

В Министерстве газовой промышленности это расценивали как подвиг, хотя у специалистов подобное «морское бурение» вызывало недоумение и иронию. Закончилась затея тем, что в новый навигационный сезон найти устье начатой бурением разведочной скважины не удалось. Ледоход сделал свое дело. Все, что было на его пути, он снес, не оставив следа. Идею пришлось тихо похоронить.

Успешный ямальский «десант» и попытки так называемого «морского бурения» в Печорской губе послужили для министра поводом назначить С.Юдина первым руководителем работ по освоению шельфовой зоны Европейского Севера и других регионов. Но работы по освоению морских нефтяных и газовых месторождений в Советском Союзе, а позже и в России, не приобрели того технического, технологического и организационного уровня, который послужил бы их успешному развитию. Немалая вина в этом Мингазпрома СССР и его тогдашнего министра С.А.Оруджева, взявшегося за эти работы вопреки мнению абсолютного большинства специалистов, в том числе министров нефтяной промышленности и геологии Н.А.Мальцева и Е.А.Козловского, настаивавших на передаче этого направления деятельности самостоятельному ведомству. За неудачным организационным, кадровым, техническим и технологическим стартом, предпринятым в августе 1978 года Мингазпромом, и созданием им управления «Главморнефтегаз» последовало столь же неудачное продолжение действий по развитию этой специфической и сложной отрасли производства. В этом немалая «заслуга» и тех выходцев из нефтегазовой отрасли Коми АССР, которые на разных этапах имели к этому непосредственное и косвенное отношение. Шапка оказалась не по Сеньке. Об этом свидетельствуют факты, а они — упрямая вещь.

Что касается строительства автомобильного моста через реку Печора в районе Вуктыла, то эту просьбу газовиков министр не забыл, дав «добро» на его возведение. Было составлено технико-экономическое обоснование, определена стоимость строительства, начаты изыскательские работы, выбран будущий строитель первого моста через Печору — Ленинградский мостостроительный трест №6. Однако ставший заместителем Председателя Совета Министров СССР бывший министр Миннефтегазстроя Б.Щербина не позволил ее реализовать. А жаль! Что им руководило, остается загадкой. То, что не здравый смысл и не забота о людях, уж точно. Не отрицал больше министр Оруджев необходимости строить город.

Так проходил тот памятный визит министра С.А.Оруджева в Коми автономную республику и Ненецкий национальный округ, и таковы его далеко идущие последствия. Можно лишь сожалеть, что начатое тогда наступление на Ямал не получило в силу объективных и субъективных факторов дальнейшего развития. Начало было положено, а вот настоящих его продолжателей не оказалось.

Наступила затянувшаяся на десятилетия пауза...

«Оглядываясь назад, вижу ваши лица...»

Работа на Вуктыльском промысле тех, кому в 1970 году были доверены самые сложные и ответственные его участки, показала, что все они успешно справились с возложенными на них обязанностями, готовы были выполнить и более сложные задачи. Для глубокого и всестороннего овладения особенностями работы на разных участках на промысле велась ротация руководителей производственно-технических служб по горизонтали. Это способствовало повышению профессионального уровня работников, выявляло организаторские способности руководителей, помогало их умению входить в новые коллективы, повышало кругозор.

Ряды инженеров и техников многих служб и цехов газопромыслового управления, ставшего полноправным хозяином на Вуктыле, пополняли молодые специалисты, прибывающие из институтов и техникумов и оставившие затем на промысле заметный след. В их числе Т.Бочкова, В.Бутенко, Е.Бартеньева, Т.Орлова, Р.Гимаев, А.Захаров, В.Подюк, И.Нестерец, В.Губьяк, Т.Выдренкова, Е.Федорин, В.Иванов, С.Шелемей, Ю.Орлов, Л.Бутенко, Л.Чуркина, С.Шеряев, Э.Ярыгина, А.Лютиков, Василий и Лидия Логачевы.

Среди прибывающих были и те, кто узнал о Вуктыле от своих близких и знакомых. Так оказались на Вуктыле молодые супружеские пары Овечкины и Чум. Иван Иванович Овечкин и Марьян Михайлович Чум по прибытии возглавили отделы управления — планово-экономический, труда и заработной платы.

На Вуктыл приезжали не только выпускники учебных заведений, но и молодые ребята после службы в армии. Главным мотивом у большинства из них было стремление приложить руки к делам большой северной газовой стройки. В то время о делах и успехах вуктыльских газовиков много писали неутомимые, вездесущие корреспонденты газет, радио, телевидения. Страна знала об освоении северного Вуктыла из материалов спецкоров «Правды» Александра Скрышника и Юрия Казьмина, корреспондентов газет «Социалистическая индустрия», «Красное знамя» и «Молодежь Севера» — Владислава

Традиционными на промысле были очные встречи руководителей служб и участков с кадровиками.

Круковского, Альберта Болдырева, Бориса Колесникова. Не раз появлялись материалы об освоении Вуктыльского газоконденсатного месторождения на страницах газет «Известия» и «Комсомольская правда», репортажи из Вуктыла звучали по Всесоюзному радио и Центральному телевидению.

Так на вуктыльской земле оказались в самый нужный момент сотни молодых патриотов-романтиков из разных республик тогдашнего Советского Союза, связавших начало своей трудовой деятельности с газовой промышленностью. Многие остались ей верны на всю жизнь, начав разнорабочими, приобрели специальности, окончили институты и академии, стали высококвалифицированными специалистами. Вместе с ростом Вуктыла росли профессионально и они, продвигались по служебной лестнице, отдавали свой труд и знания вначале освоению месторождения, а затем созданию крупного промышленно-социального центра на берегу Печоры и в других уголках Коми края и страны. Все они достойны самой высокой похвалы, а их труд и жизнь на Вуктыле — тема для многих романов.

Среди них — Николай Яковлев, который работал оператором, закончил институт, продвигался по служебной лестнице, стал профсоюзным работником управления, затем объединения. Многие годы возглавляет Коми республиканский комитет профсоюза работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства.

Заслуженный работник Республики Коми Виктор Дмитриевич Кассап после службы в армии начал работать грузчиком, затем начальником причала, закончил институт, Высшую партийную школу, многие годы работал на ответственной партийной работе в Вуктыле, Усинске, Сыктывкаре. Александр Георгиевич Мотовиц прибыл по комсомольской путевке, работал диспетчером в аэропорту по грузовым перевозкам, закончил Сельскохозяйственную академию в Москве, был руководителем самого крупного в Министерстве нефтяной промышленности сельскохозяйственного треста объединения «Коми-нефть».

Ярослав Зиняк начал трудовую деятельность оператором, затем — комсомольская и партийная работа в Вуктыле, в обкоме КПСС. Филимон Степанович Глушук познал нелегкий труд экскаваторщика на обустройстве Вуктыльского месторождения, руководил вновь созданным подсобным сельским хозяйством газопромыслового управления, с 1991

*Мы были единой семьей на работе
и на первой районной партийной конференции. Март 1976 года.*

года — заместитель генерального директора предприятия «Севергазпром». И таких примеров десятки.

После необоснованного освобождения от работы главного инженера управления Анатолия Хремина обезглавленная инженерно-технологическая служба начала давать сбои, перестала справляться с решением многих технологических проблем. В кабинет главного инженера переместился с такой же должности в «Комигазпроме» В.Полулях, к решению многих вопросов подключился главный инженер Главгаздобычи Виктор Ананьевич Коновалов. Но это были полумеры. Нужен был полноценный главный инженер управления. Ситуация была непростая. Когда возник вопрос, кого назначить вместо опытного А.В.Хремина, то в список кандидатов на эту должность были внесены О.Соловьев, В.Мекша, И.Кастанов, А.Репин, В.Тяпченко. По знаниям, опыту работы, умению находить выход из нештатных ситуаций, налаживать отношения с подчиненными и коллегами все они заслуживали самой высокой оценки.

Выбор пал на О.Соловьева. Его преимущество было в том, что он дольше всех работал на самом трудном и отдаленном от управления сборном пункте №3 и Головных сооружениях промысла, что часто требовало принятия многих самостоятельных и далеко не простых решений. С моим предложением назначить главным инженером О.Соловьева согласились В.Динков и А.Гудзь, хорошо знавшие Олега Николаевича, поддержал предложение и главный инженер «Комигазпрома» В.Полулях, первоначально отдавший предпочтение И.Кастанову. О.Н.Соловьев проработал в должности главного инженера четыре года, был одним из главных действующих лиц, обеспечивающих освоение место-

рождения, выводил его на проектный уровень добычи, внедрил десятки технических новшеств, в 1975 году он возглавил управление, в 1979 году стал генеральным директором ВПО «Комигазпром».

В те годы начинали свой трудовой путь будущие руководители газопромыслового управления и объединения «Комигазпром» В.Подюк и А.Захаров. Оба они получили трудовую закалку на самом сложном и важном участке подготовки к транспорту газа и конденсата. Василий Подюк одним из первых познал все сложности и трудности работы на временной конденсатной насосной: сначала слесарем по обслуживанию и ремонту насосного оборудования, а затем — старшим инженером цеха. Это он был в числе ремонтников, которые вели работы по восстановлению перекачки конденсата в тот самый субботний майский день, когда мы с В.А.Динковым прибыли на аварийно остановленную насосную. Скоро, победив своего достойного конкурента Александра Пирожкова, Подюк был назначен главным механиком газопромыслового управления. Его трудолюбие, настойчивость и целеустремленность вселяли уверенность, что Василий Григорьевич с доверенной ему сложной и многогранной работой справится. Время подтвердило правильность сделанного тогда выбора в части его профессиональных качеств.

В 1971 году после окончания Куйбышевского политехнического института в Вуктыл прибыл энергичный, аналитически мыслящий молодой специалист Анатолий Захаров. Его приезд пришелся на трудное время, когда решались технические и технологические проблемы. Начал он трудиться на Головных сооружениях промысла слесарем. Через год — уже старший инженер оперативно-производственной службы, а затем и ее руководитель. С организацией цеха научно-исследовательских работ А.Захарову доверяют этот участок. Пройдя многие ступени производственной и научно-исследовательской работы, в 1986 году Анатолий Алексеевич возглавил инженерную службу газопромыслового управления, а с 1992 года стал начальником ВППУ. Он один из тех, кто принимал непосредственное и активное участие в освоении месторождения, его дальнейшей промышленной эксплуатации. Думаю, что А.Захаров единственный, кто отдал газовой промышленности Республики Коми лучшие 34 года жизни и по-прежнему продолжает трудиться руководителем рожденного Вуктылом «Севергазпрома».

На самом трудном, начальном этапе освоения месторождения трудились люди старшего поколения. Роль их особая. Выполняя свою нелегкую работу в трудных условиях неустроенного быта, вдали от семьи, они были примером для молодежи, передавали ей свои знания и опыт. Большим уважением пользовались и заслуживают особой похвалы А.А.Гудзь, А.В.Солонин, Ф.С.Гайнанов, Н.П.Флегонтов, Э.А.Сильс, В.П.Анисимов, В.А.Бунаков, Н.И. Дворников, В.П.Архипенко, Г.П.Романов.

Особый вклад в решение вуктыльских проблем технического и технологического характера внесли работники производственно-технического отдела объединения Н. М. Хребтов, А.А. Белокопытов, Е. М. Шихов и их талантливый руководитель Михаил Михайлович Морозов. С этими замечательными тружениками мне посчастливилось работать в самое трудное и вместе с тем незабываемое время. Они были надежной опорой и никогда не подводили ни в больших, ни в малых делах, были верны этому принципу всегда и во всем.

Самая дорогая награда

Три года работы созданного немалыми усилиями молодежного коллектива газопромыслового управления, выросшего из нескольких десятков первопроходцев в более чем полуторатысячный отряд высококвалифицированных специалистов, подтверждали размах и темпы освоения Вуктыльского газоконденсатного месторождения, достойны восхищения. Вот основные его этапы.

1969 год. Добыто 1,5 миллиарда кубометров газа и 370 тысяч тонн конденсата. Пущен в работу сборный пункт №2.

1970 год. Заканчивается строительство и вводятся в эксплуатацию вторые очереди сборных пунктов №№2 и 3. Пущен в эксплуатацию первый сборный пункт. Добыто 6,2 миллиарда кубических метров газа и два миллиона тонн конденсата.

1971 год. Введены в эксплуатацию вторая очередь первого сборного пункта, компрессорная станция и временная насосная станция перекачки нестабильного конденсата. Из недр извлечено 9,8 миллиарда кубометров газа и 2,95 миллиона тонн конденсата. Заселен первый 60-квартирный крупнопанельный жилой дом. Закончено строительство современной пятидесятикилометровой внутрипромысловой железобетонной автомагистрали, соединившей южную и северную зоны месторождения.

1972 год. Успешно проведены испытания и пуско-наладочные работы второй очереди Головных сооружений промысла, включающих в себя систему замера газа, блок дегазации конденсата и постоянную насосную станцию перекачки нестабильного конденсата из 12 перекачивающих агрегатов. Завершено создание проектной системы подготовки газа и конденсата к дальнейшей транспортировке. Пущен в работу самый южный сборный пункт №5.

1973 год. Газодобытчики выходят на рубежи, запланированные на 1975 год. На два года раньше намеченного срока достигнут проектный уровень добычи газа в объеме 15 миллиардов кубометров. Добыча конденсата доведена до 4,5 миллиона тонн и составляет свыше 80 процентов объема добычи этого ценного сырья в стране. За это достижение коллектив газопромыслового управления награждается Красным Знаменем Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

1974 год. Завершается строительство сборного пункта №4. Вступают в строй действующих третья и четвертая очереди сборного пункта №2. В эксплуатации находятся 58 газоконденсатных скважин. Добыча газа достигает 17,4 миллиарда кубических метров, конденсата — 4,4 миллиона тонн. Строится благоустроенный жилой поселок, население Вуктыла превышает 15 тысяч человек.

1975 год. Успешно выполняются задания по добыче газа и конденсата. Растет благоустроенный поселок газовиков и строителей, в котором создан современный комплекс бытовых услуг, действуют магазины, кафе, столовые, Дом быта, работает больнично-оздоровительный комплекс, построены образцовые школа и детский комбинат. Началось строительство нового квартала многоэтажных домов, готовится к приему современных самолетов аэропорт, вводятся другие жизненно важные объекты.

За успешное выполнение заданий 1970 года Президиум Верховного Совета СССР наградил 16 работников газопромыслового управления орденами и медалями. Орденом

Ленина награжден лучший оператор Николай Иванович Кузнецов, орденом Трудового Красного Знамени — начальник газопромислового управления, автор этих строк. По итогам работы за 1973 год большая группа рабочих и инженерно-технических работников получила ордена и медали. Орден Ленина был вручен начальнику Вуктыльского газопромислового управления Анатолию Степановичу Гуменюку и бурильщику Вуктыльского управления буровых работ Леониду Петровичу Петренко; ордена Октябрьской революции удостоены оператор Николай Иванович Кузнецов и старший оператор Георгий Семенович Фирса; орден Трудового Красного Знамени получили операторы Владимир Дмитриевич Гаврилов, Михаил Васильевич Илюшин, Владимир Петрович Коснырев, Борис Павлович Любчик, Иван Григорьевич Могильник, Михаил Степанович Рожин, Василий Сергеевич Хоненко.

Многим другим были вручены ордена «Знак Почета» и медали. К сожалению, на сей раз при представлении к награждению орденами и медалями произошел досадный сбой. Обком КПСС при представлении списков работников к награждению требовал выдерживать определенное процентное соотношение руководителей, рабочих, партийных и комсомольских работников. По этой причине вместо представленного газопромисловым управлением к награде орденом Трудового Красного Знамени начальника передовой оперативно-производственной службы И. Кастанова под видом оператора было имя комсомольского функционера Б. Ключкова. К сожалению, обычная по тем временам практика.

В 1976 году коллектив газопромислового управления за успешное выполнение плановых заданий, применение новых технологий, досрочное освоение проектных мощностей в годы девятой пятилетки был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Этим подводились итоги освоения уникального газоконденсатного месторождения, признаны заслуги молодого, полного сил и энергии коллектива Вуктыльского газопромислового управления.

*Президиум торжественного собрания
по случаю награждения коллектива
Вуктыльского газопромислового управления
орденом Трудового Красного Знамени.*

Первый микрорайон будущего города Вуктыл. 1975 год.

Наступал следующий этап жизни и деятельности на вуктыльских, так изменившихся просторах — кропотливая, настойчивая и непрерывная работа по добыче газа и газового конденсата в меняющихся геологических, технологических, организационных и социально-политических условиях. Еще одним свидетельством наших успехов, своеобразным подтверждением их было решение Президиума Верховного Совета РСФСР, утвердившего 21 февраля 1975 года постановление Президиума Верховного Совета Коми АССР об образовании Вуктыльского района с центром в рабочем поселке Вуктыл.

Сегодня живущих и работающих на Вуктыле, для которых этот город стал малой родиной, волнует его будущее. Так каково же оно? Попробуем в него заглянуть. Как и в далеком 1966 году прошлого века, Вуктыл в очередной раз становится на пути газового потока, теперь уже из месторождений полуострова Ямал. Спустя полвека решение о прокладке трассы трансконтинентальной газотранспортной системы вдоль западных склонов Полярного Урала востребовано. Ничего не скажешь, талантливое и дальновидное было решение. Использование при освоении ямальских газовых месторождений кадрового, производственного, научного потенциала «Севергазпрома» в его сегодняшнем виде, в том числе производственного, технологического и социально-экономического комплекса Вуктыла, очевидно и неминусемо, тем более что начало этому было положено еще в 1974 году ухтинскими и вуктыльскими специалистами.

Одной из многих составляющих этого использования является создание на базе Вуктыльской газоконденсатной залежи, отдавшей уже большую часть углеводородов,

хранилища-регулятора газа. Учеными ВНИИгаза и производителями Вуктыльского газопромыслового управления программа таких работ разработана и утверждена. В конце прошлого века начата ее реализация — пока с использованием поступающего газа из северных Западносибирских месторождений. Выполненные работы и полученные результаты позволяют утверждать, что начата новая, повторная эксплуатация месторождения. Масштабы ее перешли из стадии опытно-промышленной в промышленную и являются не чем иным, как сложным процессом перекачки части западносибирского газа через Вуктыльскую газоконденсатную залежь, тем самым вытесняя из пласта пока родной вуктыльский газ и конденсат, а в последующем насыщаясь жидкими и газообразными углеводородами этого месторождения, образуя тот самый сайклинг-процесс с той лишь особенностью, что для этого используется не собственный освобожденный от конденсата газ, а сухой газ другого месторождения.

Решается проблема, которая в начале разработки месторождения была оставлена на будущее и так многих волновала. Будущее пришло. За прошедшие 35 лет создана новая техника, досконально изучено строение месторождения, его особенности, с учетом этого разработаны новые технологии. Жизнь месторождения продлевается на 20-30 лет. Кто знает, процесс может повториться до достижения полного извлечения конденсата новыми техническими средствами и на их базе новыми технологиями. Вуктыльская залежь повысит надежность работы системы намеченных строительством газопроводов Ямал — Европа, взяв на себя функцию регулирования потоков газа с учетом сезонных колебаний его потребления. Уже сейчас Вуктыль способен принять гигантские объемы газа с последующим его использованием после прохождения через Вуктыльскую залежь в качестве сырья для нового газохимического производства на Сосногорском газоперерабатывающем комплексе и для потребления в промышленности и быту.

Проводимые на Вуктыле научно-производственные исследования послужат решению проблемы извлечения остающегося конденсата в пласте на Оренбургском газоконденсатном месторождении, на месторождениях Западной Сибири, где надлежит извлечь миллиарды тонн этого продукта.

Широкомасштабного проведения геологоразведочных работ на природный газ требует район Предуральяского прогиба от Вуктыла до Воркуты и далее. По мнению геологов, это высокоперспективный район Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Не доведены до конца геологоразведочные работы нижних горизонтов Вуктыльского месторождения. Пробуренные шестикилометровые скважины в 70-80-е годы не дали ответа на вопрос: есть ли там газ? Геологи утверждают, что есть. Эти два фактора — часть будущего Вуктыла. Недалек тот час, когда берега незамерзающей северной Индиги в Ненецком автономном округе станут местом реализации еще одного газового проекта России, в котором участие вуктыльских газовиков неминуемо. Родившаяся в 60-е годы, вызвавшая ожесточенные споры в высших эшелонах власти идея о подаче вуктыльского и тюменского газа в этот незамерзающий северный уголок и дальнейшей транспортировки его в сжиженном виде по морю во все концы света, превратится в реальность. Нарьянмарская часть Вуктыльского управления — это настоящее и будущее газовой промышленности этого района. С первых дней осваивать и развивать его взялись вуктыльские газовики, да и инициаторами этого проекта были вуктыльцы.

Использование в будущем Вуктыльского промышленного узла этим не ограничивается. Город занимает чрезвычайно выгодное географическое положение для использования его развитой промышленной и социальной структуры в других, не связанных с газовой отраслью, направлениях человеческой деятельности. В полуста километрах — Уральские горы. В соседствующей с Вуктылом зоне выявлены значительные запасы самых различных полезных ископаемых, в том числе черные, цветные и редкие металлы, строительные и отделочные материалы, поделочные и драгоценные камни. Вуктыл может стать наиболее выгодной и экономически целесообразной базой для их освоения и разработки, а также дальнейшего поиска новых месторождений.

Проблема, которая все острее становится перед человечеством, в том числе перед жителями нашей страны, — растущая нехватка питьевой воды. Раскритикованные в прошлом проекты переброски части вод северных рек на юг постепенно возвращаются в ряд важных и актуальных. К ним относится и проект переброски вод Печоры. Сегодня эта проблема может решиться иными, чем предлагалось когда-то, способами, без ущерба для окружающей среды, без районов затопления. Подобно тому, как в конце 60-х годов были созданы трубопроводные магистрали для транспорта газа и конденсата с Вуктыла, могут быть созданы такие же водные магистрали для подачи мощного потока чистой питьевой воды уральских рек Щугора, Подчерья, Вуктыла, Печоры. По своему значению и ценности для человека реализация такого проекта будет не менее важной.

Вуктыл может также стать одним из пунктов планетарного маршрута международного туризма. Правда, это неблизкая и несреднесрочная перспектива, но в обозримом будущем это реально. Началом маршрута станет мыс Доброй Надежды в городе Кейптауне и через Африку — Европу — Азию — Северную Америку — Южную Америку он достигнет южной части Чили — Магелланова пролива. Самая северная часть этого маршрута проляжет через Российскую Федерацию, вдоль берегов Ледовитого океана. Дело за строительством дороги от города на Оби Салехарда до пролива Беринга, восемь тысяч километров северного автомобильного БАМа. Рано или поздно страна приступит к его строительству. Вдоль этой трассы сосредоточена большая часть полезных ископаемых не только России, но и мировых. Без дороги их не взять, она нужна для многих других целей. Решение о ее строительстве примет, по всей вероятности, избранный в 2008 году Президент России. А причем здесь Вуктыл? Да при том, что он станет одним из важнейших пунктов на этой многоцелевой трассе — переходе из Европы в Азию через Северный Урал и могучую реку Обь. Перспектива захватывающая.

Но вернемся к прошлому. В 1976 году на Вуктыле появилась главная власть района — партийная, а за ней — все ее партийные и административные звенья. Как раз пришло время передать власть в газопромысловом управлении новым, подготовленным и способным руководителям, среди которых на первом месте был мой первый и надежный помощник Олег Николаевич Соловьев.

Причин для перехода на другую, более «спокойную» работу у меня было несколько. Главная задача, поставленная перед коллективом, — выход на проектный уровень добычи газа — достигнута, выросла достойная смена — работоспособный, возмужавший коллектив. К тому же надо было самому отдохнуть от нелегкого напряженного труда, забыть пережитые пожары, падение с вертолета, едва не закончившееся трагедией, отойти от ава-

рии с компрессионным переломом позвоночника, приковавшего меня на четыре месяца к больничной койке и целый год не дававшего мне садиться. Да и самым близким вдохновителям всех моих успехов и удач, свидетелям моих переживаний, любимым и дорогим жене Вере Викторовне и дочери Леночке надо было дать отдохнуть от постоянных волнений и стрессов.

26 марта 1976 года я покинул Вуктыл. На прощальный вечер пришли десятки моих товарищей, друзей, сослуживцев. Кроме прозвучавших добрых слов, они вручили мне самый дорогой подарок — постоянный пропуск в Вуктыльское газопромислое управление с добрыми словами памяти и пожеланий. Он мне до сих пор напоминает годы совместной работы и жизни в неповторимом Вуктыле.

Кто-то из тогдашней пишущей братии, широко и сочно освещавшей события на Вуктыле, назвал происходящее на Европейском Севере «разбуженной тайгой». На самом деле, тайга с ее многообразным растительным миром не спала, а происходящее на ее просторах, скорее, походило на стонущую тайгу, встревоженную и израненную, с испуганными и ищущими спасения птицами и животными. Стоя погибали деревья, в спешном порядке покидали свои вековые места обитания напуганные птицы и звери, исчезали непроходимые болота, мелели речки, высыхали ручьи. И все это происходило под неумолкающий гул долго не угасающего громадного рукотворного факела горевшего конденсата, от которого все вокруг дребезжало и содрогалось, зримыми и незримыми волнами распространялось на сотни километров, служило нашим землянам в космосе сигналом о том, что пролетают они над родной страной.

Всему этому было объяснение. Газ нужен был для защиты страны, для ее промышленного и оборонного комплекса, для отпора никогда не прекращающейся тогда, да и сейчас попытки поставить на колени народ великой страны, имя, дела и успехи которой долго звучали пугающе для наших извечных недругов. Это был Союз Советских Социалистических Республик. Битва за газ Вуктыла была частью битвы за независимость страны, свободу ее многонационального, трудолюбивого народа. Так что все происходящее на вуктыльской земле было издержками этого победоносного шествия и с лихвой окупалось достижениями металлургов, химиков, машиностроителей, открытиями ученых, успехами в покорении космоса. И все те, о ком ранее шла речь, иногда ошибаясь, свою задачу выполняли с честью и чистой совестью. Великое им за это спасибо!

7. Подводя некоторые итоги

История открытия, разведки, освоения и разработки Вуктыльского газоконденсатного месторождения дает основания сделать следующие выводы.

В области геологоразведочных работ:

— открытию месторождения предшествовало продолжительное и глубокое изучение геологического строения района средней Печоры и Северного Предуралья учеными и практиками-геологами;

— здесь последовательно были проведены важные этапы поисково-разведочных работ: геологическая съемка района; речная сейсморазведка, подтвердившая данные геологической съемки; площадные сейсморазведочные работы, определившие предполагаемые границы газоносной площади; одновременное бурение на выявленной структуре нескольких поисковых скважин при совместном проведении сейсморазведочных работ, уточняющих геологическое строение месторождения; геологоразведочное бурение скважин в комплексе с сейсморазведочными работами;

— впервые в стране при проведении геологоразведочных работ на Вуктыльском месторождении массово осуществлены детализационные сейсморазведочные исследования, совмещенные с бурением разведочных и эксплуатационных скважин;

— весь комплекс геологоразведочных исследований и буровых работ осуществлялся одним геологическим органом с ежесуточным рассмотрением и анализом получаемой информации;

— высокая эффективность работ обеспечивалась, в том числе, за счет широкого использования маршрутных сейсморазведочных исследований.

В области освоения месторождения:

— одновременное ведение геологоразведочного и эксплуатационного бурения на всей территории выявленной залежи;

— широкомасштабное проведение эксплуатационного бурения с использованием передовых достижений науки, техники;

— для повышения производительности эксплуатационных скважин бурение их велось инструментом специальной конструкции увеличенного диаметра (восемь вместо пяти дюймов);

— для бурения скважин впервые в стране применен газотурбинный привод буровых установок с использованием авиационных двигателей и природного газа с разрабатываемого месторождения;

— разработана, испытана и получила массовое внедрение обработка призабойной зоны скважин методом многократных кислотных обработок, обеспечивших двух-четырёхкратное увеличение производительности, сокращение объема буровых работ на стадии освоения месторождения;

— масштабное проведение исследовательских работ по уточнению геологического строения месторождения и определение физических параметров пласта.

В области сбора, подготовки к транспорту газа и газового конденсата:

— освоена и внедрена низкотемпературная сепарация газа при его аномально высоких начальных параметрах по давлению, содержанию конденсата и больших потоках газоконденсатной смеси;

— применена и освоена технология эффективной борьбы с гидратообразованиями с применением метилового спирта;

— применены технологические комплексы большой единичной мощности по сбору, подготовке газа и конденсата к дальнему транспорту, как по отдельным технологическим линиям, так и по блокам, охватывающим определенную часть месторождения;

— впервые освоены эффективные технологии разделения газа и конденсата при наличии в одном кубическом метре газа свыше 300 граммов конденсата.

В области транспорта газа и конденсата:

— разделение газа и конденсата на месторождении в отдельно стоящих блоках (УКПП) с последующей подготовкой к дальнему транспорту на головных сооружениях промысла;

— осуществлен впервые в мире транспорт нестабильного конденсата на дальние расстояния;

— впервые в мировой практике для строительства газотранспортной системы применены трубы диаметром 1220 миллиметров;

— научно-исследовательскими, проектными институтами и специалистами-практиками Сосногорского ГПЗ впервые созданы и реализованы уникальные технологии стабилизации больших масс газового конденсата.

В области создания и применения новых средств и техники:

— созданы и применены технологические аппараты повышенных параметров по производительности, давлению и скоростям потоков продукта;

— созданы отечественные турбодетандерные установки для охлаждения газа;

— созданы средства перекачки нестабильного конденсата на дальние расстояния;

— осуществлялось ускоренное развитие таких видов промышленного производства, как изготовление бурильных и обсадных труб высокой прочности и износостойкости, газоперекачивающих агрегатов на машиностроительных заводах Ленинграда, Сум, Харькова, Перми, Уфы, специальной фонтанной арматуры, соединительных элементов для трубопроводов высокого (500-800 атмосфер) давления.

В области научно-исследовательских, проектных работ и других направлений:

— осуществлялось широкое внедрение высокоэффективного и оперативного проектирования объектов газовой индустрии на месте производства работ — так называемого метода «полевого проектирования»;

— созданы новые конструкторские бюро, проектно-исследовательские лаборатории и институты по разработке машиностроительной продукции для Вуктыльского месторождения, а позже для месторождений других регионов страны;

— на стадии освоения месторождения начаты работы по изучению процессов, связанных с проблемой максимального извлечения из пласта конденсата, перешедших в научно-производственный эксперимент;

— впервые в стране создано целевое направление научно-исследовательских работ по извлечению газового конденсата из пласта. Проводимые на Вуктыльском месторождении работы направлены на решение государственной проблемы по извлечению выпадаемого в пласте конденсата на месторождениях Оренбурга и Западной Сибири в объемах, исчисляемых миллиардами тонн.

Вуктыл стал школой подготовки кадров особого уровня квалификации для газовой промышленности страны, с чьим участием осваивались и разрабатывались газоконденсатные месторождения других регионов, осуществлялось управление отраслью.

Газ и конденсат Вуктыла изменили промышленный и социальный облик многих городов и территорий Республики Коми, способствовали появлению новых населенных пунктов в республике и соседних с ней областях. Вуктыл вывел Коми в число основных поставщиков топливно-энергетических ресурсов в стране, ускорил подачу газа в Центр страны в сжатые сроки и в объемах, обеспечивающих рост промышленного производства на Европейской части СССР. Был изменен первоначально намеченный маршрут прокладки газотранспортной системы из районов севера Тюменской области в так называемом «северном варианте» через Воркуту, который, как показало время, был стратегически верным и являлся залогом будущего успешного решения проблемы транспорта газа с месторождений полуострова Ямал. Отказались от подачи газа в район незамерзающей реки Индиги с целью его транспорта в сжиженном виде на экспорт. Реализация этих планов намечается уже в новом веке.

Вместе с тем, в ходе разработки месторождения выявлены некоторые негативные последствия, прямо и косвенно связанные с процессами, происходящими при освоении Вуктыла:

— в период освоения месторождения приняла открытую форму система устранения местными партийными органами неугодных им, инакомыслящих специалистов-профессионалов топливной и смежных с ней отраслей промышленности;

— методы организации, исполнения и контроля процессов создания трубопроводной транспортной системы «Сияние Севера» порождали предпосылки будущих техногенных и экологических катастроф на этом виде транспорта в целом по стране, были убедительным свидетельством пагубности отступлений от технически обоснованных норм и сроков строительства, наметилось ничем не обоснованное стремление к экономии ресурсов на стадии выполнения проектных работ;

— произошел отход от прежних методов объективной оценки при открытии нефтегазовых месторождений на Европейском Севере, да и в стране в целом, в оценках стали преобладать личные и корыстные мотивы со стороны высокопоставленных государственных чиновников, чем объясняется отклонение в свое время руководством Мингазпрома предложения Ухтинского геологического управления о выдвижении на Государственную премию авторов открытия Вуктыльского газоконденсатного месторождения;

— необоснованной и преждевременной была передача буровых мощностей треста «Вуктылнефтегазразведка» в подчинение Министерству нефтяной промышленности, а затем Министерству газовой промышленности, лишившая геологов возможности вести широкомасштабные поисковые и разведочные буровые работы на газ в перспективных районах Предуралья;

— на Вуктыле, особенно при трубопроводном строительстве, а позже на других стройках нефтегазового комплекса, получили развитие сдача и пуск в эксплуатацию объектов по «изобретенному» строителями «пусковому минимуму», являющемуся не чем иным, как узаконенной формой сдачи объектов и последующей их эксплуатации со значительными отступлениями от проектных решений. Это приводило к невозможности вы-

вести объект на проектные мощности (первой и второй нитки газопровода «Сияние Севера»), не обеспечивало эксплуатационную безопасность, способствовало на большинстве объектов (производств) выпуску продукции, не соответствующей техническим условиям и требованиям. Этим в значительной степени объясняется причина выпуска многих видов отечественной продукции, уступающей по своим параметрам зарубежной. Такая форма сдачи в эксплуатацию практически незавершенных объектов давала возможность строителям докладывать о досрочном выполнении заданий, получать незаслуженные блага, становилась значительным тормозом технического прогресса в стране;

— стало отчетливо проявляться вытеснение государственных органов технического контроля и надзора от участия в решении вопросов, связанных с надежностью и безопасностью в нефтегазовой отрасли, вплоть до попыток отраслевых строительных министерств (весьма успешных, к сожалению) взять эти функции на себя. Это повлекло за собой далеко идущие негативные последствия. Этот процесс остановила перестройка.

Главным же итогом открытия и освоения Вуктыльского газоконденсатного месторождения является то, что за 40 лет со дня его открытия из недр добыто продукции на сумму свыше двух триллионов рублей в ценах 2004 года, а совокупный хозяйственный эффект — грандиозный и трудно поддается подсчету. Одна из его составляющих — кадры, ведущие многие годы эксплуатацию месторождения.

8. Большой газ Вуктыла родил большую химию Ижмы

По многим причинам обо всем, что происходило на обширной территории одного из интереснейших треугольников на нашей планете, образуемого Тиманским кряжем, древним Северным Уралом и прибрежной полосой Баренцева и Печорского морей, люди знали и знают мало. А то, что им известно, в значительной степени ассоциируется с суровым северным климатом, с далеко не светлым образом заполярной Воркуты — некогда мрачной вотчины Главного управления лагерей НКВД СССР.

Все, что делалось на этой северной земле со времен Ивана Грозного и делается сейчас, это многовековая и «многотомная» история нашего народа, история развития страны, великих достижений и трагедий.

Одной из таких страниц этой истории является создание и развитие специфической наукоемкой отрасли промышленного производства — газопереработки. Так как одним из важных периодов ее становления стало открытие Вуктыльского газоконденсатного месторождения, о чем рассказывалось раньше, то автор счел необходимым обратиться к истории создания большой химии на берегах Ижмы в прошлом и настоящем, показать ее место в развитии Северного края, всей страны, приоткрыть некоторые малоизвестные факты.

Создание и развитие газовой составляющей топливно-энергетического комплекса на Европейском Севере трудно представить без перерабатывающего нефть и газ производства. По ряду причин переработка газа в Коми АССР с использованием некоторых видов продукции нефтеперерабатывающего производства, а позже газового конденсата определяется термином «газопереработка», который не отражает полностью и суть сложных и наукоемких перерабатывающих процессов. Правильнее было бы воспользоваться термином не «газоперерабатывающая», а «химическая отрасль», что соответствует происходящим превращениям при получении разного рода продукции из газоконденсатнонефтяного сырья.

* * *

Начало развитию химической промышленности в Коми АССР положило производство солей радия, а продолжила и расширила газопереработка: углерод, гелий, продукты стабилизации и переработки газового конденсата, попутных нефтяных газов и других видов продукции.

Создание перерабатывающего производства на базе открытого 4 июня 1935 года недалеко от деревни Кругая Седельского, а позже Войвожского и Нибельского газовых

месторождений определялось, в первую очередь, составом газа, а также ограниченными возможностями его использования в регионе ввиду слабого развития края, значительной удаленности от промышленных районов страны. Ускоряющим фактором освоения открытых газовых месторождений стало высокое, ранее не встречавшееся, содержание в газе гелия, доходившее до 0,5 процента. По предложению члена ЦК ВКП (б), наркома внутренних дел Н.И.Ежова ускорить использование газа северных месторождений, Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление о строительстве гелиевого завода мощностью 50 тысяч кубических метров в год. Бурный рост потребности науки и промышленности в гелии, его дефицит вынуждают правительство принять в августе 1937 года второе постановление за № 1301 «О строительстве гелиевых заводов».

Трудности выполнения этих правительственных решений заключались в отсутствии отечественного оборудования и сложностях его закупки за рубежом. Проекты, связанные с радием, ураном, гелием, на то время в некоторых странах Европы и США стали закрытыми. О поставке Советскому Союзу оборудования и материалов, связанных с этими проектами, не могло быть и речи. Свои коррективы внесла и война. Параллельно с созданием гелиевого производства Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) 20 декабря 1940 года принимают решение о строительстве в районе Верхней Ижмы сажевых заводов.

При названии продукции сажевых заводов употребляют два термина: «сажа» и «технический углерод» (техуглерод). Продукцию, речь о которой будет идти ниже, более правильно назвать техническим углеродом. Это дисперсный продукт, вырабатываемый из нормированного по качеству и количеству сырья при управляемом высокотемпературном технологическом процессе. По составу это однородное высокочистое вещество. Наименование «сажа» больше применяется в житейской практике и подразумевает продукт, образуемый при невысоких температурах в условиях прерывного процесса горения разнообразных углеводородов в бытовых топочных устройствах.

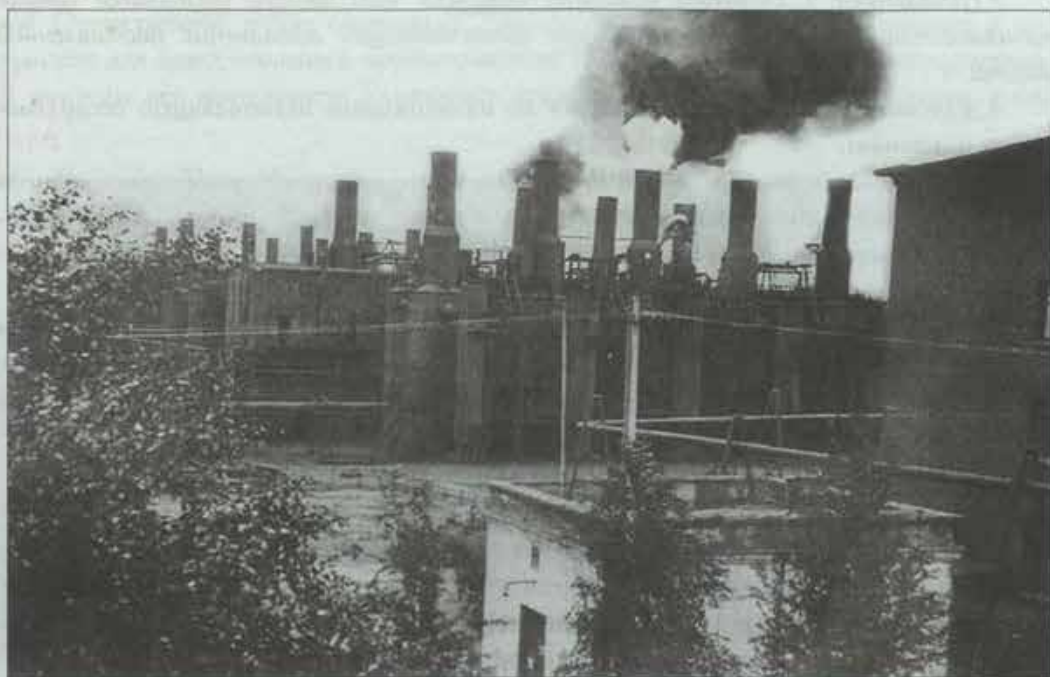
Подготовка к строительству заводов началась в январе 1941 года, а к 6 ноября уже были получены первые образцы канального углерода. Распространено мнение, что Верхнеижемские (Крутянские) заводы построены благодаря эвакуации оборудования Майкопского сажевого завода, вызванной началом Великой Отечественной войны. Это не совсем соответствует действительности. В стране в то время резко увеличивается потребность в изделиях резиновой промышленности, в лакокрасочных материалах, а для их производства требуется большое количество технического углерода. Ответом на эту потребность и было создание по решению руководства страны в начале 1941 года Наркомата резиновой промышленности, основного потребителя техуглерода и производителя резинотехнических изделий. Запасы газа в Ухтинском районе, составлявшие тогда 11 миллиардов кубических метров, а вскоре доведенные до 26 миллиардов, позволяли решить эту проблему.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1940 года «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения» ставит задачу создать газоперерабатывающее производство в Коми, указывает на необходимость приступить к выпуску канального газового углерода на базе Седельского месторождения. Начальник Ухтижмстроя А.Баламутов издает 31 января 1941 года приказ №50 «О строительстве сажевых заводов, газопровода и газового промысла в районе Крутой». Для этих целей создается управление по строи-

тельству газового промысла, заводов, газопровода Крутая-Ухта и автомобильной дороги, связывающей Ухту с деревней Крутая.

В связи с введением военного положения и переводом народного хозяйства страны на производство оборонной продукции перед руководством Ухтижлага поставлена задача — до конца 1941 года закончить строительство и пустить в эксплуатацию три сажевых завода. Государственный Комитет Обороны принимает решение об эвакуации подлежащей демонтажу части Майкопского сажевого завода и доставке его в район Крутой. Поступившее в августе и срочно реставрированное на Ухтинском механическом заводе оборудование и металлические конструкции ускоряют процесс строительства. Изготовление оборудования для следующих заводов по документации местных конструкторов и технологов ведется на Ухтинском механическом заводе и прямо на строительной площадке.

Начальник Ухтижлага С.Н.Бурдаков, до этого занимавший пост начальника Главного управления топливной промышленности Наркомата внутренних дел, с чьим участием решались в то время все вопросы развития Ухтинского района, издает приказ № 296 от 12 июля 1941 года «Об организации Крутянского газового промысла». Газовый промысел создается на базе Крутянского участка бурения. Проходит немногим более месяца, и в обстановке военного времени 19 июля 1941 года приказом №309 «Об организации производства керамических наконечников из местных материалов для горелок сажевых заводов» ставится задача решить самую сложную и чрезвычайно важную проблему пуска и наладки газовых заводов: создать производство отсутствующей основной детали горелочного устройства — огнестойкого керамического наконечника. Сырье и изготовитель этого изделия оказались на оккупированной территории: минерал пирофилит — на Украине, завод по производству наконечников — в соседней Белоруссии.

Таким было газохимическое производство в 50-е годы.

Нужно было найти такой же материал или его полноценный заменитель, организовать производство опытной партии изделий, провести испытания и обеспечить их поставку в количестве 30 тысяч штук к 1 ноября 1941 года, а до конца года — двух миллионов штук. Их технический уровень должен был обеспечивать получение углерода нужного качества и в проектных объемах. К разработке и изготовлению привлекаются специалисты Центральной научно-исследовательской лаборатории Ухтижмстроя и завода керамических изделий во главе с инженером Н.Е.Палкиным, устанавливаются премии в размере 2000, 3000, 5000 рублей, по тому времени весьма большие. Работы ведутся круглосуточно.

В решении задачи особую роль сыграла геологическая изученность Ухтинского района и, в первую очередь, района Ярегского нефтяного месторождения. Материал — каолинизированный диабаз — для производства нипелей предложил талантливый геолог В.А.Калюжный, изучавший тогда геологический разрез Ярегского месторождения нефти и обнаруживший там этот минерал. За короткое время ухтинскими учеными и инженерами был разработан неизвестный в мировой практике способ получения высококачественных керамических наконечников к горелочным устройствам, успешно заменивших пиррофилитовые. Пуск завода и производство углерода были обеспечены в установленный срок.

Дух того времени, стремление к безусловному достижению поставленной цели, к победе, волю и характер ответственного за это руководителя раскрывает приказ №507 от 27 октября 1941 года начальника Ухтижмлага С.Бурдакова «О сроках пуска 1-го сажевого завода», в котором говорится:

1. Установить начало пуска 1-го сажевого завода 7 ноября — в день празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Объявить ударную оборонную декаду с 27 октября по 7 ноября 1941 года.

3. Начальнику и главному инженеру Газстроя т.Ширинову составить график производства всех необходимых работ, обеспечивающих выполнение поставленной задачи.

4. Для выполнения заказов Газстроя по изготовлению недостающего оборудования и арматуры:

а) начальникам подразделений РМЗ, Водного промысла, Ухто-Чибьюского нефтерайона, Газстроя, нефтешахты обеспечить выполнение к 5 ноября заказов в своих механических мастерских по указанию заместителя начальника лагеря т.Зоткина;

б) обеспечить круглосуточную работу всех цехов РМЗ, механических цехов подразделений на это время.

Начальнику продснаба отпустить дополнительное продовольствие и организовать выдачу завтраков в перерыве для рабочих, занятых на изготовлении продукции для сажевых заводов;

в) начальнику РМЗ т.Киштютееши ввести с 27 октября во всех цехах 12-часовой рабочий день с 15-минутным перерывом на прием пищи и 15 минут для перемены;

д) начальнику 2-го отдела т.Водбольскому к 12 часам дня 28 октября доставить на РМЗ восемь человек модельщиков или высококвалифицированных столяров;

е) начальнику кирпичного завода т.Лаврову обеспечить помощь тт. Карасик и Палкину в изготовлении к 5 ноября 30000 штук сажевых горелок;

ж) начальнику РМЗ т.Киштыютеши обеспечить изготовление 50 000 кривых болтов с гайками и ремонт старых задвижек «Лудло»;

з) начальникам НПЗ т.Маркарьян, 2-го нефтепромысла т. Кравчук, Водного промысла т. Дорофееву, нефтешахты т.Оконову — 27 октября сдать на РМЗ все отобранные главным механиком лагеря задвижки «Лудло»;

и) начальнику техснаба т. Федорову выделить на указанное время ответственного представителя техснаба, бесперебойно обеспечивающего подачу материалов на РМЗ и в мастерские подразделений;

к) для увязки этих вопросов, связанных с выполнением заказов, изменением и дополнением чертежей на РМЗ и в мастерских назначить представителями от Газстроя тт.Носакова и Бернштейна с установлением рабочего места на РМЗ;

л) начальнику проектного бюро т.Гринштун выделить на указанное время двух инженеров-механиков (технологов) в помощь РМЗ для обработки чертежей и отпечатать к 28 октября чертежи отдельных деталей для сажевых заводов по указанию главного механика лагеря.

Начальник управления Ухтижмлага НКВД, ст. майор госбезопасности С.Бурдаков.

* * *

Пробная партия технического углерода была получена 6 ноября, а в феврале 1942 года начато его промышленное производство на первом заводе. К январю 1943 года четыре сажевых завода давали промышленную продукцию, а в ноябре 1943 года закончено строительство пятого, последнего — Крутянского сажевого завода. За годы Великой Отечественной войны сажевиками Ухтинского комбината было произведено и поставлено для нужд оборонной промышленности 15,5 тысячи тонн технического углерода. В эти годы вся деятельность Ухтижмлага была мобилизована на нужды обороны стра-

Крутянский сажевый завод (60—70-е годы).

ны, на помощь фронту. Ухто-Печорские нефть, газ, углерод, асфальтит, уголь, лес прямо или косвенно шли для фронта. Для оборонных целей проводится ряд научно-исследовательских работ коллективом Центральной научно-исследовательской лаборатории комбината.

Одна из таких работ велась в области получения взрывчатых веществ. Исследования проводились с целью получения сырья для производства взрывчатки — толуола — путем пиролиза (разложения вещества при помощи высоких температур) природного газа на огнеупорных насадках. Результатом этих исследований стал термический углерод. Уже в 1943-1944 годах коллектив газовой лаборатории получает углерод, по качеству близкий к импортному, завозимому в незначительных количествах из-за рубежа.

Инженерами В.И.Вороновым, Е.Н.Богославским, И.В.Носаковым, Евстафевым, Годженко ведутся работы по проектированию и строительству экспериментальной установки по получению термического углерода. Проводимые опытные работы на установке, созданной вблизи газовой скважины в районе деревни Крутая, позволяют проектно-исследовательскому отделу Ухтинского комбината приступить к проектированию завода термического углерода. Его строительство решено приблизить к железной дороге и к Ухте. Площадку под строительство промышленной зоны и жилого поселка выбирают на левом берегу реки Ижма, недалеко от железнодорожной станции, в 20 километрах от Ухты. В декабре 1945 года начались подготовительные работы по освоению промышленной площадки, строительству жилья (поселка Сосновка) и подъездных железнодорожных путей.

Состоявшаяся сессия Верховного Совета СССР 18 марта 1946 года принимает закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы, в котором было предусмотрено создание в районе Ухты крупной базы по производству технического углерода. Предусматривалось увеличить производство в семь раз и довести с шести тысяч тонн в 1946 году до 42 тысяч тонн в 1950 году, из них термического углерода до 36 тысяч тонн. В развитие решений сессии Совет Министров СССР 10 июля 1946 года принимает постановление о строительстве завода в Ухте. Оно было поручено управлению Газстрой и ОЛП-16 во главе с начальником Муратиковым и главным инженером Коноваловым. Для обеспечения завода сырьем одновременно ведется строительство газопровода Войвож-Ухта, который обеспечил бы подачу газа не только заводу, но и всему Ухтинскому промышленному узлу. Его строительство было закончено в июле 1948 года.

С поступлением газа на завод 27 июля 1948 года была получена первая продукция. С августа Ухтинский газоперерабатывающий завод вступил в строй действующих, первая установка термического углерода давала промышленную продукцию. Одновременно ускоренными темпами велось строительство второй установки термоуглерода и двух установок по производству печного углерода. Вторая установка дала продукцию к концу 1949 года, а установки печного углерода вступили в строй действующих — первая в октябре 1950 года, вторая в мае 1951 года.

В то время в стране печной углерод вырабатывался только в Ухте. Его создателями были ухтинские специалисты. Сырьем для производства служил гелиеносный природный газ Верхнеижемской и Сойвинской группы газовых месторождений. Ухта становилась всесоюзной лабораторией углеродной промышленности. Сюда за приобретением

опыта по пуску и эксплуатации строящихся заводов приезжали специалисты второго после Ижемского в стране Дашавского завода печного углерода, из вводимых в эксплуатацию заводов в Туймазах, Ставропольском крае, Азербайджане.

Секретный объект №6

Параллельно с развитием производства технического углерода на базе гелиеносных газов в Ухтинском промышленном районе велись работы по созданию так затянувшегося производства гелия. Рядом с площадкой строительства Ижемских сажевых заводов развернулось строительство завода №6. В Ухту после окончания войны был доставлен комплект оборудования для получения гелия из природных газов производства германских фирм «Сюрт» и «Линде». Осенью 1949 года закончились строительные, монтажные и наладочные работы на Газовом заводе (так назывался строящийся объект по производству гелия), был наполнен гелием первый баллон.

Это было единственное в Советском Союзе производство, где из природного газа путем глубокого охлаждения и разделения газовой смеси получали газообразный гелий. Производство было засекречено. «Почтовый ящик №6» позже стал предприятием №1 в системе Министерства химической промышленности с адресом п\я №1. Первыми руководителями Газового завода были директор И.В.Новиков, главный инженер И.И.Толмачевский, до этого работавший главным инженером проекта этого завода, а с окончанием строительства ведущий его пуск и наладку. Позже за успешное решение гелиевой проблемы ему и другим разработчикам проекта присуждается Ленинская премия.

Завод относился к созданному во время Великой Отечественной войны Главному управлению по кислороду при СНК СССР — «Главкислороду». Небезынтересно, что до 1945 года возглавлял «Главкислород» его создатель и автор открытия сверхтекучести гелия академик П.Л.Капица. Он был одним из инициаторов строительства ухтинского производства гелия, руководил воплощением в жизнь проекта генерал Гамов, лично курировавший завод и часто его посещавший. В то время на заводе работало около 150 подготовленных специалистов, выпускников вузов, техникумов и профессиональных училищ Москвы, Ленинграда, Горького и других городов. Это был молодежный коллектив высококвалифицированных рабочих, техников, инженеров. Заключение и спецпоселенцы на заводе не работали. Режим охраны был строгим, объект огражден и охранялся по всему периметру ограды с использованием сторожевых служебных собак. О том, что производилось на объекте, знали единицы. Для всех остальных работников это был «продукт Г-16». Условия для жизни и работы на Газовом заводе были значительно лучшими, чем на других предприятиях района. Все работники обеспечивались жильем, им предоставлялась мебель и другие предметы домашнего быта, здесь работали свой магазин, столовая, медпункт, небольшой клуб.

В таком виде завод просуществовал до конца 1960 года. С развитием науки и техники, выходом в космос, реализацией атомных проектов, освоением глубин мирового океана, созданием атомного подводного флота, развитием ракетостроения, криогенной техники и технологий потребность в гелии росла. Действующий гелиевый завод не мог ее удовлетворить. В феврале 1959 года Совет Министров СССР постановлением №118 принимает решение о строительстве нового завода по производству гелия в промышленных

объемах из ухтинских газов. Строительство возлагается на Ухтинский комбинат. В состав проекта входят собственно завод, примыкающий к действующему, газопровод диаметром 300 миллиметров и длиной 120 километров, газокompрессорная станция в поселке Войвож и ряд вспомогательных объектов в районах поселков Войвож и Сосновка. Начав строительство, вести которое поручили действующему заводу, руководство комбината быстро убеждается в необходимости создания дирекции строящегося предприятия. Такая дирекция создается. Ее руководителем назначается опытный специалист Александр Львович Осипов, длительное время проработавший в управлении Ухткомбината.

Мне в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов в бытность работы на Войвожском ремонтно-механическом заводе приходилось часто встречаться с Александром Львовичем на различных совещаниях и в Ухткомбинате, и в тресте «Ухтаснабнефть», где он работал, и когда он возглавил гелиевую стройку. Это был очень энергичный, высокой культуры человек, требовательный и строгий руководитель. Наш Войвожский ремзавод в период строительства гелиевого завода, в частности, газокompрессорной станции и газопровода Войвож — Ухта, выполнял ряд заказов для этой стройки. Они всегда были срочными. Поставку материалов и комплектующих изделий для них осуществляла дирекция строящегося предприятия. Не помню ни одного случая, чтобы в оговоренный с Осиповым срок что-либо не выполнялось. Решения он принимал быстро и, как всегда, верные. Достоинно и аргументированно отстаивал свои позиции в самых высоких инстанциях, в том числе и в ЦК КПСС. Все это в немалой степени способствовало успешному строительству завода.

В сентябре 1960 года начались пуско-наладочные работы, а 10 сентября происходит закономерный и неизбежный процесс в истории действующего малоомощного, работавшего на трофейном оборудовании завода, и нового, оснащенного отечественной техникой, — их объединяют в одно производство, получившее название «Сосногорский газовый завод». Так закончил свое существование секретный объект №6.

Что обеспечило ускоренное строительство столь непростого, первого в Советском Союзе завода большой мощности по выработке гелия на сырьевой базе гелиеносных газов Европейского Севера? Уже упоминалось, чем было вызвано его строительство. Если коротко, то техническим прогрессом. Сроки строительства устанавливало Правительство СССР. Контроль за его выполнением непосредственно осуществлял ЦК КПСС, его отдел, ведающий оборонной промышленностью. Строительство обеспечивали Коми Совнархоз и Ухтинский комбинат. Постоянный надзор за ходом работ и за теми, кто их осуществлял, вели партийные и государственные органы республики и Ухты. В их числе были председатели Коми Совнархоза А.А. Савченко и В.П. Феданов, руководители и начальники служб Ухткомбината В.Н. Мишаков, А.И. Адамов, В.А. Мызин, Ф.И. Черепанов, А.Т. Краснослободцев, И.С.Кирюшкин, М.О. Перельцавайг, З.И. Хатипов, секретари Коми обкома и Ухтинского горкома КПСС А.Г. Дмитрин, Л.Г. Афанасьев. Неоценимый вклад в создание и развитие гелиевого производства в Ухте, а равно и в стране, внесли ухтинские ученые и инженеры, в их числе директора гелиевых заводов В.Н. Новиков, В.П. Пунякин, А.Л. Осипов, главные инженеры И.И. Толмачевский, Г.М. Бурлаченко, В.В. Трофимов, В.И. Воронин, технологи З.В. Силиванова, В.Л. Малекс, И.Д. Чапала, Н.М. Овченков, Р.А. Виробян, Е.Н.Быстров, Ф.Л.Варфоломеев, Е.Н.Долбилин, ученые и проектировщики институтов Гипрокислород, ВНИИгаз, Гипрогазочистка, ВНИПИХиммаш.

Всю газопереработку — в одни руки

На начало 1961 года в составе Ухткомбината было три самостоятельных газоперерабатывающих производства: Сосногорский газовый завод, Крутянский и Ижемский сажевые заводы. В сентябре 1961 года руководители комбината В.Н.Мишаков, В.К.Лихолай приняли решение объединить заводы в один Ухтинский газоперерабатывающий завод (УГПЗ). Директором объединенного завода стал А.Л.Осипов, главным инженером В.В.Трофимов. Такой шаг обосновывался тем, что в технологическом плане заводы имели много общего. Сырьем для них был газ, добываемый и поставляемый Войвожским нефтегазодобывающим управлением, входящим в состав комбината. Сосногорский газовый и Ижемский сажевый заводы располагались на одной площадке, имели общие электрические сети, водоснабжение, теплоснабжение, внутривзаводское газоснабжение, которое находилось в неразрывной технологической связи. Продукция Крутянского завода реализовывалась через складскую систему Ижемского завода. Имелся целый ряд других факторов, в том числе экономического, социального, кадрового характера.

Задача сбалансировать подачу газа на все заводы была сложной и до объединения часто приводила к конфликтным ситуациям. Конфликты затрагивали интересы четвертого участника, поставщика сырья — Войвожское нефтегазодобывающее управление. У поставщиков, а таковым являлся и Сосногорский газовый завод, и у потребителей при составлении баланса газа интересы расходились. Просматривалось желание у одних снизить потребление газа, у других — завысить. В итоге это создавало предпосылки к припискам в статистической отчетности. Как раз в то время вышло постановление ЦК партии и Совета Министров о приписках на предприятиях народного хозяйства. По стране прокатилась волна проверок, а за ними громкие скандалы на крупных промышленных предприятиях. Докатилась она и до Ухты. Ухтинский горком КПСС, после выявленных нарушений в учете продукции, строго наказал ряд руководителей. Некоторые из них поплатились партбилетами, что означало снятие с работы.

Руководству комбината в этой ситуации не оставалось ничего другого, как объединить технологически подготовленное к этому все газоперерабатывающее производство в один завод. Что и было сделано в сентябре 1961 года. На объединенном заводе производство всех видов продукции продолжалось в заданном ритме, успешно решались известные и вновь возникающие вопросы. В гелиевом производстве при резком, более чем в девять раз, увеличении выпуска продукта появились новые технические и технологические проблемы.

Основная часть продукции поставлялась научным организациям и промышленным предприятиям оборонного комплекса, что накладывало особую ответственность на руководителей и весь коллектив завода. Успешная работа гелиевого производства в значительной степени была связана с качеством поставляемого сырья. Месторождения с большим содержанием газа гелия вырабатывались. Часть газа без извлечения гелия шла для производства технического углерода на Крутянский завод. Возникли препятствия, вызванные ухудшением состава сырья: в нем появился сероводород. Технологический процесс не предусматривал переработку такого газа. Потребовались громадные усилия руководителей завода, специалистов, чтобы не ухудшить качество, не уменьшить выпуск продукции, сохранить нормальный ритм производства, выполнять поставки.

*Руководители объединенного газоперерабатывающего производства:
Г.А. Кузнецов (1963-1975). С.Д. Букреев (1975-1998). М.А. Кудрявцев (с 1999 года).*

Работы над этой проблемой возглавил Н.М. Овченко — талантливый химик-технолог, будущий кандидат наук. Он предложил и разработал технологический процесс с применением химического воздействия на сероводород при помощи окиси меди. За короткое время были проведены лабораторные исследования, выполнены необходимые расчеты, спроектировано, изготовлено и установлено требуемое оборудование и аппаратура. Новый, дополненный установкой химической очистки гелия от сероводорода технологический процесс был задействован впервые в СССР. Позже разработанный Овченко-вым способ стал неотъемлемой частью технологии получения гелия на всех гелиевых заводах и цехах Советского Союза, в том числе на самом крупном Оренбургском заводе.

С первых дней работы объединенного завода директор А.Л. Осипов ставил вопрос о рациональном использовании гелиеносных сырьевых ресурсов. Усилился нажим на геологов, искавших гелиеносные газы. Обязательным и неперенным стало при защите запасов нефти и газа на открытых месторождениях уделять особое внимание подсчету содержащегося в них гелия. Без выполнения этих требований запасы углеводородного сырья к защите не принимались. Еще с большей заботой к этой части производства относились сменившие А.Л. Осипова Георгий Александрович Кузнецов, а после него Сергей Дмитриевич Букреев. В бытность директором Г.А. Кузнецова, а он проработал на заводе двенадцать самых трудных и напряженных лет, с 1963 по 1975 годы, строится газопровод Ухта — Войвож. Он обеспечил подачу вуктыльского газа Войвожскому промышленному узлу. Это дало возможность заменить гелиесодержащий газ, идущий на производство канального углерода, и направить его на установки по извлечению гелия.

Пришедший на смену Г.А. Кузнецову директор Сергей Дмитриевич Букреев продолжил и приумножил то, что сделали его предшественники. С этими двумя талантливыми инженерами и организаторами производства мне многие годы пришлось сотрудничать и решать самые разные вопросы. С Георгием Александровичем, когда он работал начальником Ухтинского геологического управления и был непосредственным свидетелем и

вершителем моей производственной карьеры, нам вместе приходилось решать проблемы вуктыльского конденсата, в чем мы были одинаково заинтересованы — я как руководитель газопромыслового управления, он как директор газоперерабатывающего производства. С переходом в аппарат объединения «Комигазпром» заместителем по производству моя связь с заводом продолжалась. В это время его директором стал С. Д. Букреев. Приходилось вникать в проблемы завода, в меру возможности принимать участие в их решении и позже, когда я работал секретарем Ухтинского горкома партии. Это дает мне право высоко оценить вклад Г. А. Кузнецова и С. Д. Букреева в развитие завода, создание и сохранение лучших традиций коллектива. С. Д. Букреев проработал на заводе с 1975 по 1999 год, установив своеобразный рекорд продолжительности руководства коллективом газопереработчиков. При нем работали талантливые главные инженеры завода, создатели и проводники всего нового и передового в газоперерабатывающем и конденсатоперерабатывающем производстве Анатолий Федорович Елистратов, Анатолий Александрович Русаков, Михаил Александрович Кудрявцев, занявший пост директора завода в 1999 году. Благодаря стараниям и настойчивости С. Д. Букреева были вовлечены в переработку низкогелиеносные нефтяные газы Тэбукской группы нефтяных месторождений, что обеспечило возможность на протяжении 14 лет не только получать гелий, но и извлекать сжиженные газы и стабильный конденсат.

Но это уже делалось в обстановке, когда внимание к ухтинскому гелию ослабло, а скоро и сошло на нет. В стране было пущено в эксплуатацию несколько гелиевых заводов и цехов, в том числе на базе Оренбургского газоконденсатного месторождения. Через сорок пять лет, в 1993 году, производство стратегического продукта на первом в стране Сосногорском гелиевом заводе, обеспечившее успешное развитие передовых направлений в науке и технике в оборонной промышленности, было прекращено. Произошло это почти одновременно с развалом великой страны, с прекращением существования Советского Союза.

На страницах научно-технического журнала «Народное хозяйство Республики Коми» №1 за 1993 год прекращение производства важнейшего стратегического сырья объяснялось тем, что (привожу дословно) «...в связи с нерентабельностью производства пришлось приостановить выпуск гелия». Возникает вопрос, а выпуск чего в то время в стране был рентабельным и для кого? На первую часть вопроса ответ известен: выпуск всего в то время в стране был нерентабельным и не мог быть рентабельным в период развала экономики страны. Для кого нерентабельным? Для тех, кто поставил целью развалить страну и ее экономику, кто на фоне этой «нерентабельности» вывозил наши богатства и грабил тех, кто все это «нерентабельное» создавал. А разве защита интересов государства — тоже нерентабельна? Ведь у наших «доброжелателей» и «покровителей» в США производство гелия не только не закрывают, а даже попытки его сократить расценивают как нанесение вреда национальным интересам и безопасности страны. Если же у них производство гелия нерентабельно, правительство рядом мер его стимулирует. Избыток производимого гелия закачивают в естественные гелиевые подземные хранилища, на будущее.

А ведь об этом знали тогдашние руководители отрасли — В. Черномырдин, Р. Вяхирев, В. Подюк, те, кто позволил и поспешил закрыть сосногорское производство гелия. Знали и о том, что, сжигая гелиесодержащий газ, теряем гелий безвозвратно, что геологи, защищая запасы нефти и газа, по решению дальновидных государственных деятелей

прошлого (не все у нас было тогда плохо) обязаны были вести подсчет запасов гелия наравне с запасами нефти и газа. Пора сделать все эти факты гласными, пролить свет на причины нанесенного стране ущерба. Пришло время...

Укрощение строптивого конденсата

Новый, куда более масштабный, этап развития Сосногорского газоперерабатывающего завода наступил в 1969 году. Он связан с приходом на завод вуктыльского нестабильного конденсата, с освоением выпуска новых видов продукции.

При вводе в разработку Вуктыльского газоконденсатного месторождения требовали комплексного решения две составляющие технологического процесса добычи газа — разделение газовой и жидкостной части добываемого продукта и обеспечение их раздельной подачи потребителю. Принятая схема разделения сырья была теоретически обоснована, подкреплена лабораторными исследованиями и оказалась удачной для газовой составляющей. Что касается жидкообразной — конденсатной, то в принятом решении были просчеты, в техническом и технологическом плане оно оказалось малоэффективным и незаконченным, во многом ошибочным.

Основными факторами, определившими принятое тогда решение, стали: срочная необходимость в 1968 году подать газ в Центр страны, отсутствие промышленно-экспериментальных исследований особенностей транспортировки конденсата, особенностей его подготовки к переработке, да еще в таких объемах и таких параметров. Отсутствовал и соответствующий отечественный и зарубежный опыт. Добыча газа, транспорт и стабилизация конденсата технологически были неразрывно связаны и требовали такой же неразрывно связанной технологии. В начальный период разработки месторождения газообразная и жидкостная составляющие добываемых углеводородов соотносились как два к одному. Добрую треть добываемой продукции составлял конденсат, чего в практике работы отрасли, да и в мировой, еще не было. Конденсат нужно было сохранить и использовать как топливо или химическое сырье.

Но технологический цикл подготовки конденсата территориально разделили на две части. Нестабильный конденсат получали на месторождении, подавали его по двухсоткилометровому конденсатопроводу на Ухтинский газоперерабатывающий завод, где предполагалась его стабилизация. Такое решение было наиболее рациональным и эффективным. Однако при его реализации возник ряд неучтенных обстоятельств.

Разработанный институтом ВНИПИгаздобыча проект установки стабилизации вуктыльского конденсата (УСК-1) на Ухтинском ГПЗ Министерство газовой промышленности утвердило в 1968 году. К тому времени по решению правительства страны газ с месторождения должен был поступать в центральные районы Европейской части Советского Союза. Таким образом, ко времени подачи газа в транспортную систему «Сияние Севера» установка стабилизации существовала только в проекте, и велись подготовительные работы к ее строительству. А куда сейчас, сегодня деть добытый вместе с газом конденсат? На этот вопрос ответа не было — при том, что технические возможности такого решения были. Это первое и главное несоответствие в решении задачи полного и комплексного использования добываемых углеводородов. Мощность запроектиро-

ванной установки — 2,46 миллиона тонн переработки нестабильного конденсата в год. Исходя из заданий по добыче газа, количество добываемого конденсата превышало предусмотренные проектом перерабатывающие мощности в два раза. Это было второе принципиальное несоответствие. Позже окажется, что и запроектированная на месторождении тем же институтом насосная станция для перекачки нестабильного конденсата не способна выполнять эту функцию.

Как решались проблемы на Вуктыле, читатель уже знает. О том, что и как делалось для стабилизации и последующей переработки конденсата на Ухтинском ГПЗ, речь пойдет ниже.

В сложившейся ситуации руководство Министерства газовой промышленности принимает правильное и удачное кадровое решение. Руководителем работ по созданию комплекса стабилизации конденсата в должности заместителя директора завода по капитальному строительству назначается Сергей Федорович Васильев. Его кандидатуру предложил директор завода Г.А.Кузнецов, давно и хорошо знавший Васильева, за спиной которого в то время было двадцать лет работы на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе. Работая начальником технического отдела — заместителем главного технолога, С.Ф. Васильев в совершенстве владел вопросами нефтепереработки, а процесс стабилизации конденсата по сути представлял собой часть технологического процесса подготовки к переработке нефти.

В июле 1967 года С.Ф.Васильев приступает к решению конденсатной проблемы на Ухтинском газоперерабатывающем заводе. Ему даются широкие полномочия с правом оценки проектных решений и внесения в них изменений с последующим согласованием с проектной организацией. Через два года, в сентябре 1969-го, начались пуско-наладочные работы на первой установке стабилизации конденсата, ее пробная эксплуатация. Заложенный в проекте технологический цикл стабилизации представлял собою трехступенчатую сепарацию газа. С самого начала пуска установки обнаружилась неспособность принятой технологии обеспечить полное отделение газов от конденсата. Установка требовала доработки. По предложению технолога-нефтепереработчика С.Васильева и группы технологов завода, в их числе Б.Д.Шейнин, Г.П.Корабельникова, В.А.Шульга, были внесены радикальные изменения в технологию стабилизации, влекущие за собой большие объемы строительных и монтажных работ, потребность в приобретении нового оборудования и аппаратуры, год напряженной работы строителей и эксплуатационников в сложных и опасных условиях действующего производства.

В августе 1970 года установка УСК-1 в новом проектом решении была запущена в работу и обеспечила требуемое качество продукции. Производственно-технологический комплекс по стабилизации конденсата с учетом внесенных изменений представлял собою собственно установку стабилизации, включающую дополнительно внесенные ректификационную колонну, трубчатые печи нагрева сырья, теплообменники, холодильные аппараты. В комплекс составной частью входили дожимная компрессорная станция, технологические газо- и конденсатопроводы, соединяющие промплощадки газоперерабатывающего и нефтеперерабатывающего заводов, насосная станция для перекачки сжиженных газов, емкостной парк хранения сжиженных газов, эстакада налива и отгрузки стабильного конденсата и сжиженных газов железнодорожным транспортом, резервуарный парк

хранения стабильного конденсата емкостью 20 тысяч кубических метров, железнодорожные подъездные пути на станции Ухта.

Состав объектов явно не вписывался в определение «установка». С вводом в эксплуатацию этого комплекса проблема стабилизации конденсата частично была решена, достигнуто требуемое качество стабилизации. Однако объемы добычи конденсата к тому времени требовали удвоения мощностей, появилась необходимость более глубокой переработки получаемых при стабилизации продуктов.

Завод приступил к строительству второй установки, позволяющей довести мощности до пяти миллионов тонн продукции в год. Проектом УСК-2 предусматривалось получать три миллиона тонн стабильного конденсата, 520 тысяч тонн нестабильного бензина, 310 миллионов кубических метров товарного газа. Начатое в 1970 году строительство было закончено через год. Следует отметить тот факт, что строительство первой и второй установок велось в то время, когда Ухтинский газоперерабатывающий завод был в системе Главгазпереработки Министерства газовой промышленности СССР. Строительство осуществляли специализированные организации Мингазпрома и других строительных министерств. Контроль за ходом работ со стороны министерства осуществлял крупный организатор и специалист, заместитель начальника газоперерабатывающего главка М.А. Регельман. Его постоянное присутствие на заводе для оперативного решения возникающих вопросов было одним из факторов ускоренного строительства и пуска в работу стабилизационных мощностей.

Производство стабильного конденсата, широкой фракции сжиженных газов, газов стабилизации изменило лицо завода. Выпуск продукции увеличился в два раза, улучшились все экономические показатели. Получаемые продукты отгружались потребителям для дальнейшей переработки. Стабильный конденсат в начальный период поступал на Ухтинский нефтеперерабатывающий завод, позже железнодорожным транспортом в цистернах отгружался перерабатывающим заводам Краснодарского края. Широкая фракция сжиженных газов поступала на заводы всесоюзного промышленного объединения «Союзгазификация», часть их шла на бытовые нужды для населения Коми АССР. Газы стабилизации в основном использовались для производства технического углерода, а избыток их подавался в газопровод Вуктыл — Ухта.

«Золотое руно» в бюрократических путях

Становилось очевидным, что производство и отгрузка компонентов стабилизации конденсата — не лучший вариант использования созданных и создаваемых мощностей и сырьевых ресурсов. У специалистов Главгазпереработки и завода зрело предложение создать промышленно-технологический комплекс по переработке этих продуктов вместе с попутными нефтяными газами, получаемыми при добыче нефти в регионе.

В качестве первого шага к этому намечалось осуществить строительство завода по стабилизации конденсата и переработке попутных газов. Проект такого завода по заказу Главгазпереработки разработал институт ВНИПИгаздобыча и представил на рассмотрение в конце 1972 года. Предусматривалось создать мощности по стабилизации 2,5 миллиона тонн конденсата в год, по переработке 500 миллионов кубометров попутных нефтяных

газов, получать из широкой фракции легких углеводородов пропан и бутан. Намечалось построить крупный завод по производству химической продукции стоимостью свыше 70 миллионов рублей, в состав которого входили бы действующие объекты стабилизации конденсата. Однако по ряду причин принятие этого решения затянулось на годы.

В то время в отрасли и ее подразделениях происходят радикальные структурные и кадровые изменения. Министерство газовой промышленности страны делится на два самостоятельных министерства. К руководству министерствами газовой промышленности и строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности пришли новые министры С.А.Оруджев и Б.Е.Щербина. В сентябре 1973 года управление магистральных северных газопроводов «Севергазцентр», выполняющее функции транспорта газа, входит в состав производственного объединения «Комигазпром». Начальником объединения стал С.И.Юдин, до этого возглавлявший газотранспортное управление. В сентябре того же года по решению министерства Ухтинский газоперерабатывающий завод переходит в подчинение объединения.

Для нового Министерства газовой промышленности первоочередной задачей остается добыча и транспорт газа. Структурные изменения внутри министерства отодвигают на задний план все, что не связано с увеличением объемов добычи и транспорта газа. Руководство объединения «Комигазпром» не спешит вникать в проблемы газоперерабатывающего завода. Службы (или хотя бы специалисты), знающие газопереработку и проблемы завода, в объединении длительное время отсутствуют. На отношение к проблемам и нуждам газопереработчиков со стороны объединения влияло и то, что проблемы вуктыльского конденсата были отлажены и не требовали особого внимания, на показатели работы объединения влияния не оказывали, факел на Вуктыле был потушен. Расширение завода не воспринималось как первоочередное. Все силы и средства были сконцентрированы на строительстве компрессорных станций и магистральных газопроводов. В этом кроется причина затянувшегося рассмотрения и утверждения проекта нового завода до 4 марта 1977 года — на пять лет.

Внимание министерства тогда было приковано к Оренбургскому газоперерабатывающему комплексу. Случайно или не случайно утверждение проекта «Завода по стабилизации конденсата и переработке попутных газов» состоялось в момент поездки Председателя Совета Министров А.И.Косыгина и сопровождавшего его министра С.А.Оруджева на строящийся комплекс в Оренбурге. Здесь в то время произошло событие с далеко идущими последствиями для будущего России, положившее начало восхождению к руководству газовой промышленностью печально известного В.Черномырдина. Рассмотрение причин ослабевшего, а через некоторое время и вовсе исчезнувшего интереса к строительству нового завода в Коми дает основание сделать вывод, что в период строительства первой и второй установок стабилизации конденсата были допущены значительные просчеты в выборе наиболее рационального решения задачи.

Ошибочность и непродуманность заключались в том, что проектным институтом и соответствующими службами министерства был принят облегченный вариант решения задачи. Переработка нестабильного конденсата на заводе была сведена лишь к отделению газообразной фракции от жидкостной вместо комплексной глубокой переработки ценнейшего химического сырья, каким являлся нестабильный конденсат. Принятые и положенные в основу доводы, что проблему нужно решать минимальными средствами, в данном случае

оказались не только неубедительными, но привели к громадным невосполнимым потерям — как в начальной стадии использования конденсата, так и на протяжении последних трех десятилетий. Строительство, осуществляемое в регионе Министерством газовой промышленности, по стоимости во много крат превышало те 70-75 миллионов рублей, необходимых для создания комплекса по глубокой переработке конденсата. Упрощенное решение породило успокоенность, а у многих работников в Москве и Ухте нежелание заниматься проблемой вовсе. В период реорганизации руководство объединения заняло позицию выжидания, позже заменило ее пассивным участием, которое заключалось лишь в напоминании о проблеме. Не было твердой позиции у завода, хотелось как можно быстрее потушить факел горящего конденсата на Вуктыле. О варианте закачки конденсата (на период создания мощностей для его стабилизации) в нефтяной пласт Тэбукского месторождения никто не вспоминал. Мешала ведомственная разобщенность.

И еще. Строительные и монтажные работы с 1972 года вели организации уже нового строительного министерства, которые активно уходили с объектов, не связанных с добычей и транспортом газа. Да и само руководство объединения «Комигазпром» этому способствовало, соглашаясь с такой позицией строителей. Особенно когда это требовалось для усиления работ на строительстве компрессорных станций.

Итак, во второй половине 70-х годов работы на промышленных объектах газопереработки в Коми практически прекратились. Но местные власти не позволили их прекратить на объектах жилищно-социального и природоохранного назначения. Строительство жилья, школ, детских садов, водоохраных и водозаборных сооружений продолжалось. Строился город Сосногорск. В этом — заслуга партийных и советских органов Ухты, а с образованием Сосногорского района — Сосногорска и руководителей завода.

Роль ведущего обязывает

В сложившихся условиях коллектив газопереработчиков продолжал трудиться над совершенствованием установок стабилизации конденсата, выполнением производственной программы. Постоянно меняющиеся по объемам и качеству условия поставки сырья, растущие требования к качеству производимой продукции, необходимость постоянного снижения ее стоимости требовали глубоких исследований, постоянных поисков нового. Роль ведущего в стране предприятия по проблемам производства технического углерода, гелия, технологии стабилизации конденсата в невиданных до этого объемах обязывала коллектив завода с особой настойчивостью искать и находить новые в области этого производства решения. (Что касается царившего в шестидесятые-восьмидесятые годы в коллективах северных предприятий энтузиазма и патриотизма, то это было феноменальное явление, оно объединяло, сплачивало людей, делало их добрыми и честными. Попытки злопыхателей 90-х годов, да и сегодняшних перевертышей, опорочить этот период, исключить его из истории жизни не одного поколения — тщетны. То славное прошлое не уничтожить). Результатом этого явления, которое называют советской школой, были достижения ухтинских газопереработчиков. Их все трудно перечислить. Вот некоторые из них.

На гелиевом заводе разработан и осуществлен технологический процесс переработки гелиеносных газов, содержащих примеси сероводорода, что исключало выпуск некаче-

ственной продукции. Для этой цели в сжатые сроки были произведены лабораторные опыты, технические и технологические расчеты, изготовлено и смонтировано в единый технологический процесс оборудование. В последующем без этой части технологии не строился ни один гелиевый завод в стране.

На берегах Ижмы в годы войны была разработана технология производства термического углерода. После проведенных исследований построены установки по его производству, работающие и в настоящее время. За разработку и организацию производства этого химического продукта группа работников Ухтинского комбината была удостоена Сталинской премии, среди них — будущий директор завода Г.А.Кузнецов. Этот вид технического углерода выпускается только в Ухте.

Ухтинские газопереработчики первыми в стране приступили к работам по получению технического углерода из жидкостного сырья, что давало экономию газа и повышало качество продукции, удешевляло ее. Позже производство углерода из жидкостного сырья было применено на других заводах. Для проведения исследований в этой области производства углерода был создан в Омске научно-исследовательский институт, построен на этом сырье завод.

Коллективом завода велись работы по применению «противоточной» схемы при получении термического углерода как более эффективной, по сравнению с применяемой «прямоточной». Такой метод давал значительное увеличение количества углерода, был опробован в заводских условиях. Проведенные работы в этом направлении принесли неожиданные результаты в другой отрасли промышленного производства — металлургии. Они позволили перейти на применение природного газа в мартеновских печах, обеспечили научно-технический прогресс в производстве металла. Работы проводились инженерами В.А. Шульгой и Е.В. Пензиным в содружестве с ведущим ученым ВНИИ-газа П.А. Теснером.

Одна из проблем при производстве углерода — вредные выбросы в окружающую среду. В конце семидесятых годов выбросы в атмосферу вредных веществ превышали все допустимые нормы. Специалистам завода в содружестве с учеными многих специализированных институтов страны и отрасли удалось снизить их в два раза, а в последующем довести до уровня ниже установленных норм.

Количество крупных новшеств, разработанных и внедренных специалистами завода с участием ученых, исчисляется десятками. Развитие производства, его реконструкция и модернизация проводились на всех технологических процессах, что обеспечивало высокий уровень производства и качество всех видов производимой продукции. По качеству продукции в 60-80 годы завод был лидером в отрасли, первым в Коми республике и Ухтинском районе. Вся продукция завода, подлежащая аттестации на Знак качества, была аттестована по высшей категории. В 1973 году Знак качества получает каналый углерод. Этот уникальный вид углеводородов незаменим и поныне, пользуется повышенным спросом. Коллектив завода в 1980 году первым в отрасли получил диплом за внедрение комплексной системы качества, а в 1982 году ему был вручен диплом ВЦСПС и Государственного комитета стандартов СССР «За достижение наилучших результатов по выпуску продукции с государственным Знаком качества».

Многие работы заводчан были взяты за основу при разработке государственных стандартов. В этом особая роль принадлежит заводской лаборатории — важнейшему

звену управления качеством продукции и внедрения новых технологий. Это были глаза и уши технологической службы, от нее зависели количество и качество выпускаемой продукции, надежность и долговечность работы технологического оборудования, безопасность, экологическое и санитарное состояние на производственных объектах и окружающей территории. Она обеспечивала непрерывную глубокую связь науки и производства. От ее работы зависело успешное внедрение новых разработок и технологий. У лаборантов завода учились специалисты подобных служб всех газоперерабатывающих заводов страны. Благодаря особому вниманию к этой службе она была настоящим производственно-научным центром на заводе, ей принадлежит особая роль в том, что Ижемские сажевые заводы стали передовыми в отрасли.

С изменением объемов поставляемого сырья, его качества потребовалась радикальная реконструкция производства. Это стало очевидным в начале 90-х годов. Но девяностые годы для завода были непростыми. Реформаторский «вирус» его не миновал, хотя и не смог развалить. В начале третьего тысячелетия для коллектива завода во главе с достойным продолжателем славных дел своих предшественников, потомственным газопереработчиком М.А.Кудрявцевым с помощью ОАО «Газпром» и его подразделения в Коми «Севергазпром» наступил новый этап развития производства, с полным правом называемого химическим. Завершена коренная реконструкция производства газопереработки. Из вуктыльского газа и конденсата теперь извлекаются все имеющиеся в нем ценные компоненты, часть из них будет перерабатываться в готовые для потребления изделия. Заработали технологические процессы двадцать первого века.

Таковы основные вехи истории газоперерабатывающего производства в Коми крае, ставшего частицей жизни тех, кто посвятил ему свой талант и умение.

Комплекс газопереработки Сосногорского ППЗ, введенный в декабре 2004 года.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Восхождение к вершине

Город Усинск - нефтяная столица Европейского Северо-Востока России.

1. Штурм Усино-Колвинского вала

Открытия на севере Тимано-Печоры

Геологоразведочные работы по поиску нефти и газа в северной части Тимано-Печорского региона начались в пятидесятых годах XX века, после победы того направления в геологической науке и практике Европейского Севера, сторонники которого настойчиво звали на север, в так называемую Печорскую депрессию, в отличие от тех, кто требовал концентрации геологоразведочных ресурсов в Предуральском прогибе. Судьба распорядилась так, что «выступить» на стороне защитников освоения Приуралья открыт лишь в начале 60-х Вуктыл уже не мог. Было поздно. А в выигрыше от этого оказались все — и государство в целом, и нефтегазовая отрасль Европейского Севера в частности. Правда, не сразу, но Вуктыл все же сказал свое слово. Об усилиях Совета народного хозяйства Коми экономического района и Совета Министров Российской Федерации по расширению поисков нефти и газа говорилось в предыдущих главах. Что касается Усино-Колвинского вала, то здесь события развивались следующим образом.

К работам привлекается Коми-Ненецкое территориальное геологическое управление. Оно было создано на базе треста «Печорауглегеология», входившего до создания Совнархоза в состав Министерства угольной промышленности СССР, проводившего в этом районе геологоразведочные работы на уголь. Начальником управления стал Б.Л.Афанасьев, геолог по образованию, талантливый организатор по призванию. Началась активная подготовка к новому для коллектива направлению деятельности — поиску

*Первый промышленный объект на усинской земле —
база ГСМ геологоразведочной экспедиции. Балбанбож. 1964 год.*

нефтяных и газовых месторождений. С этой целью в начале 1958 года создается группа специалистов-геологов во главе с Б.Г.Коноваловым. Подготовленные ею материалы легли в основу организационных мероприятий. Для ведения поисково-структурного бурения создаются экспедиции и поисковые партии. В Нарьян-Маре создается геолого-поисковая экспедиция, задача которой — поиск нефти и газа в районе и подготовка необходимых условий для закладки и бурения здесь опорной скважины. В низовьях реки Колва расположилась Усть-Усинская геолого-поисковая партия. К работам приступают геофизики сейсморазведочной партии треста «Печорнефтегазразведка». Определяется место заложения Усинской опорной скважины, ведется бурение ее дублера. При этом учитываются степень изученности района и его оценка учеными — геологами А.А.Черновым и Г.А.Черновым, В.М.Сенюковым, автором и идеологом бурения опорных глубоких скважин на всей территории Советского Союза, патриотом Коми края.

Василий Михайлович — выходец из Коми. Как специалист в области геологии он постоянно следил за развитием геологоразведочных работ на территории своей родины. После окончания института работал в Наркомате тяжелой промышленности. В 1940 году возглавил Главное геологическое управление Наркомата нефтяной промышленности СССР. На страницах газеты «Известия» 30 мая 1941 года он писал: «...Большая разведочная группа выедет в этом году в Большеземельскую и Малоземельскую тундры. Это область, с одной стороны примыкающая к богатейшим нефтяным месторождениям на Ухте, с другой стороны идет вдоль склонов Северного Урала. Она впервые будет подвергнута исследованиям с точки зрения нефтеносности. Разведчики нефти встретят здесь большие трудности, столкнутся с дикой природой и сложными условиями передвижения. Большую часть пути им придется преодолевать на оленях, на лодках, на плотах, пешком по необжитым берегам северных рек».

В 31 год Сенюков стал доктором геолого-минералогических наук, он дважды лауреат Сталинской премии, один из открывателей Саратовского газового месторождения, нефтяных и газовых месторождений в Татарии и Западной Сибири. В послевоенные годы руководил Всесоюзным нефтяным исследовательским институтом и Московским филиалом Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института. Ему принадлежат многие научные труды. В работе «Опорное бурение есть метод познания глубинной геологии и путь к открытию новых нефтеносных провинций, районов, месторождений» В.М.Сенюков обосновал систему опорного бурения. Будучи глубоко убежденным в необходимости и эффективности бурения опорных скважин на территории страны, он свои предложения излагает в записке на имя И.В.Сталина. Эти предложения поддерживает нарком нефтяной промышленности СССР Н.К.Байбаков. В 1947 году Совет Министров СССР принимает постановление по реализации программы бурения 150 опорных скважин, что позволило на десятки лет ускорить открытие новых нефтяных и газовых месторождений, определить первоочередные районы поисков. Уже при бурении первых опорных скважин были открыты нефтяные и газовые месторождения, к ним относится открытое в 1955 году Березовское газовое месторождение в Западной Сибири, положившее начало развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Забегая вперед, отмечу, что в открытии Усинского месторождения предложенный В.М. Сениковым метод в совокупности с исследованиями А.А.Чернова и Г.А.Чернова сыграли главную роль. Конечно же, выход геолого-поисковым работам в этот район был обеспечен и благодаря большим усилиям видных геологов Ухтинского комбината, Ухтинского территориального геологического управления, Коми-Ненецкого геологического управления, ученых Коми филиала Академии наук СССР — А.Н.Розанова, И.Г.Добрынина, В.А.Калужного, О.А.Солнцева, В.А.Левченко, И.А.Махоткина, У.М.Юдичева, Б.Я.Вассермана, Б.Л.Афанасьева, Г.М.Фирера.

В рамках принятой общесоюзной программы опорная скважина №1-Усинская была забурена в ноябре 1960 года нефтеразведочной экспедицией №2 треста «Печорнефтегазразведка», закончена бурением в октябре 1962 года на глубине 2958 метров. Испытание проводилось в начале 1963 года. Из глубины 1100-1400 метров была получена нефть особых

свойств — большого удельного веса и чрезвычайно большой вязкости. Поднятая на поверхность, она при 20-25 градусах тепла представляла собой не жидкость, а загустевшую, похожую на студень массу, выходящую из скважины. Благодаря нелегкому труду сейсмологов, геологов, вышкостроителей, транспортников, буровиков в 1963 году на берегах реки Колва опорной скважиной №1 было открыто самое крупное нефтяное месторождение на территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, а на то время пятое по запасам в стране. Одновременно был положен конец противостоянию прогрессивным идеям В.М.Сеникова, А.А. и Г.А.Черновых и их сторонников со стороны консервативных и упрямых противников этих идей, длившемуся более пятнадцати лет.

Первооткрывателями Усинского нефтяного месторождения стали старший геофизик Ирина Васильевна Иванова, главный геолог треста Олег Александрович Солнцев, буровой мастер Михаил Александрович Ковбасюк, старший геофизик Юрий Михайлович Портнов, оператор сейсморазведочной партии Михаил Васильевич Прохоров, главный геолог экспедиции глубокого бурения Василий Романович Родыгин, старший геолог треста Григорий Маркович Фирер, начальник речной сейсморазведочной партии Борис Константинович Хачатуров, старший научный сотрудник Коми филиала АН СССР Георгий Александрович Чернов.

В то время в районе Усино-Колвинской гряды и на прилегающих к ней территориях поисковые работы на нефть и газ вела Печорская геолого-поисковая экспедиция, входящая в состав треста «Печорнефтегазразведка». С 1964 года экспедицию укрупнили

В.М.Сеников, доктор геолого-минералогических наук, профессор, дважды лауреат Государственной премии, автор программы опорного бурения скважин на территории СССР.

и возложили на нее все структурно-поисковые объемы работ в регионе. Она стала крупнейшей экспедицией не только в Коми, но и в стране. Начавший успешно буровые работы на Усинской структуре трест «Печорнефтегазразведка» в 1964 году ликвидируется. Работы по глубокому разведочному бурению продолжает перебазированный из Ухтинского района трест «Войвожнефтегазразведка». В его состав вошла работающая на разведке Усинского месторождения экспедиция №2 во главе с начальником Н.И.Жуковым.

Работы по разведке Усинского месторождения набирают темпы, строятся новые скважины, здесь создан самый большой в экспедиции участок глубокого бурения, к району буровых работ вдоль берега реки Колва строится 40-километровая автомобильная дорога, на берегу реки Уса, вблизи поселения Балбанбож, создается производственная база участка бурения с производственными и складскими помещениями, складом горючего.

В 1964 году руководство геологического управления и треста «Войвожнефтегазразведка» принимает меры по наращиванию буровых мощностей в районе Колвинского вала. В середине июля 1964 года группа специалистов треста «Войвожнефтегазразведка» в составе главного инженера треста В.С.Хорькова, главного механика треста С.Б.Бергера, начальника строительного управления Б.И.Радченко, начальника конторы материально-технического снабжения Н.С.Донико-Орданского, начальника базы водного транспорта Д.А.Трошина, начальника отдела рабочего снабжения М.И.Брежнева во главе с управляющим трестом С.А. Голощекиным отбыла вниз по Печоре, а далее вверх по реке Уса в районы поселения Балбанбож и деревни Макариха. Будучи в то время главным инженером вышкомонтажного управления, я тоже участвовал в той экспедиции. С учетом перспективы развития геологоразведочных работ в этом районе предстояло обследовать места расположения базы экспедиции — район деревни Макариха, вблизи Балбанбожа и у деревни Усть-Уса. Все три варианта имели как положительные, так и отрицательные стороны. И хотя предпочтение было отдано усть-усинскому варианту, решили осваивать площадку вблизи Балбанбожа, где уже велось строительство, и местность по состоянию заболоченности была наиболее благоприятная.

Сразу же были даны указания начальнику строительного-монтажного управления приступить к доставке и сборке первых домов для сотрудников экспедиции. К концу июля тут уже работали около сотни строителей из Нижней Омры. На основе представленных материалов Главное управление по геологии и охране недр РСФСР 28 декабря 1964 года в приказе №284 обязывает Ухтинское территориальное управление создать в системе треста «Войвожнефтегазразведка» нефтеразведочную экспедицию глубокого бурения №4. 19 января 1965 года экспедиция с местом базирования в поселении Балбанбож Печорского района была организована. Начальником ее был назначен известный в республике буровик Григорий Гайкович Авакян. Главным инженером стал Генрих Григорьевич Агуров, лучший специалист треста в области технологии бурения скважин. Созданная им инженерно-технологическая служба стала лучшей среди других экспедиций глубокого бурения, а проходка первых усинских скважин велась с применением самых передовых средств и технологий, что было отмечено при защите запасов нефти в ГКЗ. Позже это стало традицией и для буровиков Усинской экспедиции, что в значительной степени способствовало качественному бурению скважин и открытию четвертой экспедицией многих нефтяных месторождений.

Но в сложившейся в Коми АССР ситуации открытие Усинского месторождения произошло в неблагоприятных для этого условиях. Тому было несколько причин:

— острота проблемы с нефтью для Ухтинского комбината была снята открытием и вводом в эксплуатацию Западно-Тэбукского месторождения. Ежегодный прирост добычи нефти на комбинате был достаточно большим и опережал установленные годовые задания. Кроме того, обустройство Тэбукского месторождения и строительство поселка нефтяников — Нижнего Одеса — находилось в начальной стадии и отнимало все силы и средства Ухткомбината. Освоения ждали уже открытые вблизи Тэбука Мичаюское (1961 год), Пашнинское (1963 год), Джьерское (1963 год) и Северно-Савиноборское (1964 год) нефтяные месторождения;

— практически одновременно с открытием Усинского месторождения был получен газ из первых скважин на Вуктыле. Все внимание геологов, руководства республики, а затем и страны переключается на Вуктыл. За короткое время он становится всесоюзной стройкой особой важности;

— что особо важно, нефть открытого Усинского месторождения не могла быть предметом повышенного интереса для Министерства нефтяной промышленности СССР и Ухткомбината по причине ее особых свойств и отдаленности от мест потребления. Опыта добычи и транспорта подобной нефти в условиях Севера не было ни у нас, ни за рубежом.

Усинское месторождение тяжелой нефти представляло особый интерес для науки. Многочисленные лаборатории, изучающие проблемы добычи, подготовки, транспорта и переработки нефти в стране, приступили к ее изучению и выдаче рекомендаций по использованию месторождения. Это требовало значительного времени и проведения дорогостоящих опытно-промышленных исследований. Предлагаемые решения были неоднозначными, не всегда базировались на применении техники и технологии добычи нефти того времени, что в свою очередь усиливало внимание к Усинскому месторождению специалистов, хозяйственников, политиков. Примером служит процесс подготовки к защите запасов нефти по месторождению в Государственном комитете по запасам полезных ископаемых при Совете Министров СССР, являющейся итогом всех проведенных исследований и предлагаемых рекомендаций.

Памятный камень на месте скважины — первооткрывательницы Усинского месторождения.

В 1966 году Ухтинское территориальное геологическое управление по результатам данных сейсморазведки и бурения четырех разведочных скважин представляет документы подсчета запасов нефти по Усинскому месторождению в ГКЗ. Опыт специалистов геологического управления по подготовке к защите запасов Западно-Тэбукского и последующих за ним мес-

торождений вселял уверенность в успешной защите запасов и на сей раз. Однако, как говорится, номер не прошел. Запасы в ГКЗ признали только геологические — 238 миллионов тонн, а в утверждении извлекаемых промышленных запасов отказали. Данных бурения и исследования четырех скважин было явно недостаточно, а с учетом свойств нефти защита извлекаемых запасов исключалась.

Здесь необходимо отметить, что со стороны руководства треста «Войвожнефтегазразведка» и Ухтинского геологического управления были приняты организационные меры определения потенциала Усы. Была заменена инженерная служба четвертой экспедиции. Вместо Г.Г.Агурова главным инженером экспедиции назначен специалист по исследованию скважин В.Б.Усынин, к этим работам привлечен Файик Мамедов, ведший опробование нефтяных скважин в геологоразведочных трестах со времени прибытия в Коми АССР в 1962 году. Но такая мера не дала, да и не могла дать нужных результатов, необходимого объема информации. Напротив, она осложнила задачу, привела к ухудшению качества буровых работ и снижению их объемов.

Нужную информацию для защиты запасов на предполагаемой нефтяной площади 20x11 километров при высоте нефтесодержащего пласта свыше 300 метров и глубине его залегания 1100-1400 метров можно было получить лишь ускоренным и качественным бурением дополнительных скважин. Для новой оценки запасов понадобилось бурение 25 скважин. При этом геологические запасы были представлены к защите уже в объеме 730 миллионов тонн, а извлекаемые — 219 миллионов тонн с учетом коэффициента извлечения нефти 0,3, или 30 процентов. Такой коэффициент принят не был. Требовалось его обоснование. В оценке запасов снова было отказано. Все это время вместе с попытками геологического управления утвердить запасы нефти в желаемом для него варианте шла большая и эффективная пропаганда нефтеносности региона, его перспектив.

Принять вариант представленных к защите 219 миллионов тонн извлекаемых запасов означало дать основания планирующим органам и далеким от знания нефтедобычи политикам планировать возможный максимальный уровень добычи нефти по этой залежи 16-17 миллионов тонн в год. К счастью, этого не произошло. В споры вокруг величины коэффициента извлечения были включены видные ученые, институты Гипровостокнефть, ВНИИнефть, ПечорНИПИнефть, Госплан СССР, соответствующие службы правительства страны, отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС. Результатом явился приемлемый для нефтяников, научно обоснованный коэффициент извлечения — 0,15. При этом представленные извлекаемые запасы были утверждены 6 декабря 1972 года в объеме 92,5 миллиона тонн. Министерством нефтяной промышленности и геологии СССР и РСФСР предстояло провести опытно-промышленные исследования с последующим пересмотром утвержденных с четвертой попытки запасов. Таким образом, точки на «i» не были поставлены. Это обстоятельство позволило геологам в будущем занимать особую позицию в отстаивании своих интересов по размерам запасов углеводородов в регионе. К рекомендованным и неизбежным исследованиям приступило объединение «Коминепфть».

В таком варианте решения проблемы запасов тяжелой нефти пермокарбоновой залежи Усинского месторождения особую роль сыграла скважина №7. Через пять лет после открытия Усинского месторождения, законченная бурением и начатая испытанием

в ноябре 1967 года скважина №7 в феврале 1968 года из глубины 3080-3150 метров дала фонтан легкой девонской нефти мощностью свыше семисот кубических метров в сутки. Это событие потребовало пересмотреть результаты ранее пробуренных на тот же горизонт скважин, ускорить работы по окончанию бурения и испытанию бурищейся рядом скважины. Получаемые данные убедительно подтверждали — открыта крупная залежь девонской нефти на Усинском месторождении.

Накопленная с 1963 года информация по залежи тяжелой нефти и убедительные данные по наличию больших запасов легкой девонской нефти изменили прежнюю оценку месторождения и в отрасли, и у властей. Министр нефтяной промышленности СССР В.Д. Шашин 12 мая 1968 года обращается в Совет Министров страны с предложением о дальнейшем развитии нефтяной промышленности Коми АССР и транспорте нефти за пределы республики. В документе, положившем начало работ по созданию нового нефтедобывающего района на Европейском Севере, говорилось: «...Разведочными работами, проводимыми Министерством геологии РСФСР, на севере Коми АССР выявлен ряд новых нефтеносных площадей. Месторождения нефти открыты на Усинской, Шапкинской и Харьягинской площадях.

Наиболее разведанным из указанных месторождений является Усинское. По данным Министерства геологии СССР, на месторождении четыре залежи нефти в девоне и пермокарбоне. Эти и другие данные позволяют рассматривать Коми АССР как один из весьма перспективных районов страны по добыче нефти. Большие перспективы нефтеносности создают возможности более быстрого развития отрасли в Коми АССР с достижением добычи нефти в 1975 году 10 миллионов тонн и в 1980 году — 20-25 миллионов тонн.

Для обеспечения достижений такого высокого уровня нефтедобычи Министерство нефтедобывающей промышленности СССР просит поручить Госплану СССР в ближайшее время рассмотреть следующие вопросы:

Мощный фонтан легкой нефти из скважины №7 положил начало «большой нефти» Усинска.

1. Усилить разведочные работы в Коми АССР с целью промышленной оценки в 1971 году запасов нефти на Усинском, Шапкинском, Харьягинском месторождениях, а также ускорения разведки новых перспективных на нефть и газ площадей, в первую очередь — в районах, непосредственно примыкающих к трассе Северной железной дороги.

2. Строительство магистрального нефтепровода с севера Коми АССР через район Ухты на нефтеперерабатывающие заводы страны и принять решение об обеспечении, начиная с 1969 года, этого строительства капитальными вложениями и трубами.

3. Нарращивание производственных мощностей строительных организаций Министерства газовой промышленности на территории Коми АССР до уровня, обеспечивающего своевременное строительство и обустройство высокоперспективных северных нефтяных месторождений».

Начало усинской эпопеи

В 1969 году Госплан СССР и Миннефтепром принимают конкретные меры по ускоренному созданию нефтедобывающей промышленности на севере Коми. К обустройству месторождения, строительству нефтепровода Усинск — Ухта — Ярославль, дорог, объектов энергетики, промышленных баз, жилого поселка привлекается ряд министерств и ведомств союзного и республиканского подчинения. Министерство нефтяной промышленности в целях ускорения работ по вводу в промышленную разработку Усинского месторождения обязывает руководство Ухткомбината провести в 1969 году ряд неотложных организационно-технических мер и устанавливает на ближайший период рубежи по добыче нефти.

В числе этих мер создание в городе Печора треста «Комибурнефть» в составе конторы бурения №2, автотранспортной конторы, строительного-монтажного управления в поселке Усинск, треста «Коминнефтедорстройремонт» в составе дорожно-строительного управления №1 в поселке Усинск, дорожно-строительного управления №2 и управления механизации строительства в поселке Нижний Одес, незамедлительное проведение изыскательских работ и проектирование объектов обустройства месторождения и будущего поселка нефтяников. Ухткомбинату ставится задача: к 1975 году довести добычу нефти до 15 миллионов тонн, и более половины этого объема связано было с выводом на проектную мощность нового Усинского месторождения.

Позже руководству министерства станет ясно, что при определении этих рубежей не были учтены важнейшие географические и климатические факторы. Принятые решения потребуют уточнений и принципиально иных организационных подходов. Обращает на себя внимание любопытный факт. Через год после обращения министра В.Д.Шашина в Совет Министров СССР о дальнейшем развитии нефтяной промышленности в Коми АССР первый секретарь Коми обкома КПСС И.Морозов и председатель Совета Министров Коми АССР П.Безносков почти дословно повторяют обращение министра, но не в адрес правительства, а в Центральный Комитет КПСС, с той лишь разницей, что они просят дать поручения по этому вопросу Госплану и Министерству нефтедобывающей промышленности.

И это тогда, когда уже идет реализация поручений Совета Министров Госплану и министерствам, привлеченным для участия в решении поставленной задачи, ведется активная подготовка к строительству нефтепровода Уса — Ухта — Ярославль, предусмотрено выделение материальных и финансовых ресурсов, ведутся изыскательские работы, проводится исследование скважин, одновременно готовится проект разработки месторождения и на его основе проект обустройства. Все это делается Миннефтепромом при отсутствии утвержденных запасов нефти в ГКЗ. На фоне всего этого, не правда ли, странно, что местные власти требуют от ЦК КПСС дать указания министерству, выступившему инициатором освоения Усы и даже приступившему к активной реализации поставленной задачи.

Такой шаг руководства республики станет понятным позже. А тем временем активное наступление на усинские нефтяные залежи нарастает. Подготовку к добыче нефти поручено вести Тэбукскому нефтепромысловому управлению. Из лучших специалистов управления для работы на Усинском месторождении создаются звенья и бригады. Высококвалифицированные инженеры и организаторы управления во главе с В.Ю.Чубирко переходят работать в Усинск. Среди них Д.М.Коновалов, Г.Н.Лабызов, А.Я.Алашников, А.В.Кравецкий, Н.П.Михновский, Т.Т.Маркохай, А.А.Алла, Р. и Г.Ахмедовы, Л.Р.Медиоловская, Л.Г.Бондаренко, А.Н.Гриценко, Н.И.Гриценко и десятки других инженеров, техников, служащих, квалифицированных мастеров и операторов. К бурению первых эксплуатационных скважин приступил коллектив конторы бурения №2 треста «Комибурнефть», к строительству дорог и подъездов на месторождении — трест «Коминнефтедорстройремонт», строительство первых рубленых деревянных домов в поселке Пионерный начало вести строительно-монтажное управление. К работам на многочисленных стройплощадках приступили многие строительные организации министерств и ведомств, привлеченные к созданию нового нефтедобывающего района.

Благоприятная обстановка складывается у геологов. За открытием Усинского последовали открытия Южно-Шапкинского, Харьягинского, Салюкинского, Лаявожского, Воейского, Ванейвисского месторождений.

С учетом складывающейся ситуации на Усинском месторождении и успехов геологов в этом районе руководство Министерства нефтяной промышленности приходит к пониманию, что текущее состояние работ по созданию нефтеперерабатывающего комплекса и открывающаяся перспектива требуют другого подхода. Предложение министра В.Д.Шашина о подготовке правительственного постановления принимается Госпланом СССР, Председателем правительства, одобряется Центральным Комитетом КПСС.

С целью подготовки такого документа в нефтяную столицу Коми АССР Ухту 6 марта 1973 года прибывает правительственная комиссия во главе с министром нефтяной промышленности В.Д.Шашиным. В ее состав вошли заместитель председателя Госплана СССР А.М.Лалаянц, заместители союзных и российских министерств В.И.Игревский, А.Г.Карапетян, А.Г.Шмарев, М.С.Назаров, Н.И.Литвин, заместитель начальника нефтегазового отдела Госплана Е.Я.Юдин. В работе комиссии участвовали секретари обкома А.А.Попов, В.Я.Соколов, секретарь Ухтинского горкома КПСС Н.Н.Кочурин, руководитель объединения «Коминнефть» В.К.Лихолай, начальник Ухтинского террито-

риального геологического управления Н.Т.Забродоцкий, управляющий «Коминэнерго» А.Г.Кириллов. На совещании, проходившем в зале горкома партии, были заслушаны доклады главного геолога геологического управления Б.Я.Вассермана и начальника объединения «Коминнефть» В.К.Лихолая. Первый сообщил о том, что на территории Тимано-Печорской провинции открыт ряд крупных месторождений нефти и газа, извлекаемые запасы которых, по его оценке, могут составлять: нефти — 800 миллионов тонн, газа — 200 миллиардов кубометров, что позволит добывать здесь до 40 миллионов тонн условного топлива в год в течение 25 лет. Прозвучавшие данные впечатляли.

Здесь следует сделать некоторое разъяснение. Что касается запасов, то акцент был сделан на то, что они «могут составлять», а не на то, что они уже составляют. Заявление же о том, что здесь можно добывать в течение 25 лет до 40 миллионов тонн условного топлива, было больше чем некорректно, профессионально неверно. К тому же непонятно, что подразумевалось под термином «условное топливо». Но в эти тонкости никто не вникал, заявление восприняли как программу, которую предстоит реализовать. Приведенные оптимистические данные удовлетворяли членов комиссии, отвечали цели ее прибытия. В скрытый смысл сказанного Б.Вассерманом никто не вникал.

В.К.Лихолай доложил о том, как выполняется задание по разворачиванию работ в Усинском районе, сконцентрировав внимание присутствовавших на недостатках в части обустройства месторождения и материально-технического обеспечения. После двухдневного посещения усинской стройки 9 марта комиссия на совещании в Ухте подвела итоги работы, дала оценку сделанному за последние два года, акцентировала внимание на необходимости ускорения работ в области строительства.

В выступлении первого секретаря обкома И.П.Морозова, специально прибывшего на итоговое совещание в Ухту, прозвучала острая критика в адрес объединения «Коминнефть» и его руководства, были озвучены и советы, что и как нужно делать, адресованные Миннефтепрому. Этими рекомендациями и советами министру, создавшему нефтяную промышленность Поволжья, Западной Сибири, нефтянику с мировым именем И.Морозов ясно дал понять, кто здесь хозяин и за кем остается право последнего слова. С тех пор и зародилось глухое противостояние между Коми обкомом КПСС и Министерством нефтяной промышленности, переросшее позже в конфронтацию, дивящуюся многие годы.

После согласованного доклада министра нефтяной промышленности и Госплана СССР (при участии министра газовой промышленности С.А.Оруджева) Председателю правительства А.Н.Косыгину принимается решение об ускорении подготовки проекта постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по перспективам добычи нефти и газа на Европейском Севере.

Европейский Север становится крупнейшим нефтегазовым регионом страны

Итак, после длительной, напряженной работы ряда министерств и ведомств с активным участием Коми обкома КПСС в лице первого секретаря И.П.Морозова и начальника Ухтинского территориального геологического управления Н.Т.Забродоцкого (они

были основными авторами и вдохновителями принятых объемных и временных рубежей) 16 апреля 1974 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР принимают историческое постановление №277 «О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области». Постановлением устанавливались следующие рубежи: довести в Коми АССР и Ненецком округе к 1981 году разведанные и утвержденные в ГКЗ СССР запасы нефти до одного миллиарда тонн, газа — до одного триллиона кубических метров, увеличить объемы разведочного бурения до 500 тысяч метров, добычу нефти в 1975 году довести до 10-11 миллионов тонн, в 1976 году — до 13-15 миллионов тонн, а в 1980 — до 25-30 миллионов тонн.

Темпы наращивания добычи нефти для республики предусматривались невиданные. Для сравнения: в 1974 году добыча в объединении «Коминнефть» составляла менее семи миллионов тонн, объемы глубокого разведочного бурения на территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции достигли 128 тысяч метров. И вот только за один 1975 год эти показатели предстояло фактически удвоить. Регион приобретал особое значение. Прогнозные и подготовленные запасы углеводородов промышленных категорий выдвигали Европейский Север на одно из передовых мест в стране. С учетом выработки основных месторождений в Башкирии, Татарии и других районах Поволжья это означало, что к 2000 году Тимано-Печорский край должен был занять второе после Западной Сибири место по объемам добычи нефти. Такая перспектива выводила Коми АССР, располагающую запасами угля, нефти, газа, газового конденсата, сланцев, в число ведущих поставщиков топливно-энергетических ресурсов в стране.

Таким образом, нефтяная промышленность в Коми республике с 1974 года вступала в качественно новую фазу развития, что требовало иных, отличных от прежних, в том числе недавно накопленных при освоении Вуктыльского газоконденсатного месторождения, подходов и оценок, в первую очередь, со стороны руководящих органов республики.

Для достижения намеченных рубежей предстояло выполнить гигантские объемы работ, в первую очередь по открытию и освоению месторождений, по созданию крупных производственных и строительных баз на территории Коми АССР, построить город Усинск, сотни километров железных и автомобильных дорог, линий электропередачи высокого напряжения, тысячи километров трубопроводов большого диаметра, создать необходимые мощности по выработке электроэнергии, для чего построить Печорскую ГРЭС, аэропорт, вертолетные площадки, речные причалы, расширить Печорский речной порт и возвести многие другие объекты.

Постановление открывало новую страницу в истории промышленного, социального, культурного развития всего региона. Это был еще один, третий шанс Европейского Севера (начиная с комплексной геологоразведочной экспедиции в 1929 году на Ухту и постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) в 1940 году «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения») стать одним из крупнейших нефтегазовых районов страны. Примечательно, что началом всему этому были открытия в Ухтинском районе Республики Коми.

Что же представлял собой главный плацдарм наступления на недра — район тогдашнего Усинска? Какие факторы обусловили принятие столь важного постановления

ЦК КПСС и Совета Министров? Ведь к тому времени Министерство нефтяной промышленности и его подразделение — объединение «Коминнефть» — уже активно вели работы по освоению северных районов нефтедобычи, о чем свидетельствует создание в январе 1973 года нефтедобывающего управления «Усинскнефть» с его первым руководителем Н.Т.Михновским. Шло активное формирование и создание коллективов новых предприятий и организаций, велись подготовительные работы на площадке жилого комплекса и промышленной базы, по введенному во временную эксплуатацию нефтепроводу Усинск — Ухта усинская нефть в августе 1973 года начала поступать на Ухтинский нефтеперерабатывающий завод. Объемы ее поставки в том году составили свыше 500 тысяч тонн. Заканчивалось строительство нефтепровода на участке Ухта — Ярославль.

Основными факторами, обусловившими принятие решения высшими органами страны, были:

— настойчивое воздействие на органы власти ухтинских геологов, организовавших массивную эффективную информацию, в том числе в средствах массовой информации, о перспективности региона на нефть и газ, подтверждая это новыми значительными открытиями. Впечатляющие величины прогнозных запасов под воздействием и влиянием ряда обстоятельств большинством воспринимались как уже разведанные промышленные запасы;

— определенную уверенность в подтверждение провозглашаемых перспектив всеяло Вуктыльское газоконденсатное месторождение, которое в то время вышло на два года раньше намеченного срока на проектный уровень добычи газа в объеме 15 миллиардов кубических метров и газового конденсата — четыре миллиона тонн, что в переводе на нефтяной эквивалент составляло более 20 миллионов тонн;

— важную роль сыграла позиция, занятая в оценке региона министром нефтяной промышленности СССР В.Д.Шашиним, проявлявшим к Усинску особый интерес и внимание в связи с проводимой им политикой ускоренного создания новых крупных нефтедобывающих районов в стране;

— не обошлось без «магического фактора», вызванного зрелищем мощного фонтана на седьмой усинской скважине, горящий факел, на которой показывали всем, кто впервые тогда посещал Усинск, и периодически с его помощью рекламировали регион в газетах, журналах, по телевидению. Зрелище действительно было более чем впечатляющим;

— и, само собой разумеется, к таким факторам относилась нарастающая потребность страны в нефти, а также стремление руководства СССР, не без помощи и участия некоторых известных ученых, довести добычу нефти до фантастических уровней в один миллиард тонн в год, в котором доля Европейского Северо-Востока определялась в 45-60 миллионов тонн.

Вся ответственность за выполнение заданий руководства страны ложилась на Министерство нефтяной промышленности, в том числе на коллектив объединения «Коминнефть», его руководителей. Они должны были обеспечить конечный результат — добычу нефти.

К тому времени объединение возглавлял Лев Дмитриевич Чурилов, сменивший на этом посту Василия Константиновича Лихолая, которому министр предложил перейти в аппарат министерства. Однако истинный патриот Севера не покинул Ухту, предпочел ра-

боту в институте «ПечорНИПИнефть» в должности заместителя директора по науке, где многие годы продолжал активно и плодотворно работать над проблемами освоения нефтяных и газовых месторождений. Таким образом, в сентябре 1973 года начальником объединения стал Л.Д.Чурилов. До этого он работал в Западной Сибири начальником одного из крупных нефтедобывающих управлений «Юганскнефтегаз», где масштабы работ на то время значительно превышали усинские. Там он был известен как опытный специалист, авторитетный руководитель, пользовался особым покровительством первого секретаря Тюменского обкома партии Б.Е.Щербины и, без сомнения, министра В.Д.Шашина.

Усинск — главная база освоения северных кладовых

Первые годы выполнения заданий, вытекающих из принятого в 1974 году постановления, требовали колоссальных сил и энергии от организаторов и руководителей работ по добыче нефти и координации деятельности многочисленных организаций, приступающих к работе в необжитом, суровом крае. Усинское и Возейское месторождения, а за ними Харьягинское — это зона лесотундры и тундры, многочисленных больших и малых озер, непроходимых болот, речек и ручьев. Это вечная мерзлота, суровый климат с устойчивыми в течение полугодия морозами, доходящими нередко до минус 50-52 градусов.

На пути к открытию и освоению нефтяных и газовых месторождений в северной части Тимано-Печоры имело место еще одно препятствие, о котором тогда не принято было говорить вслух — административный барьер, разделявший тогда и продолжающий разделять поныне единую Тимано-Печорскую геологическую провинцию. Это граница между Республикой Коми и Архангельской областью дорого стоила и еще будет стоить государству и обществу. В этих условиях создание нового нефтедобывающего комплекса началось без прямой железнодорожной и автомобильной связи с экономически развитыми районами республики и страны. Доставка материально-технических ресурсов была сезонной и обеспечивалась из города Печоры по двухсоткилометровым зимним дорогам или водным путем в период непродолжительной навигации по рекам Печора и Уса. Для транспортировки значительной части технологического оборудования и материалов, доставки рабочих в Усинск к месту работы вахт и материалов внутри месторождения использовали авиацию — дорогостоящие вертолеты МИ-6, МИ-8, МИ-10.

По опыту и подобию, как это было организовано в начальный период освоения Вуктыльского газоконденсатного месторождения, областной комитет партии создал республиканский штаб по координации деятельности многочисленных участников стройки. На сей раз статус штаба был повышен. Его поручили возглавить второму секретарю обкома КПСС А.А.Попову. Заместителем был назначен секретарь обкома по промышленности В.Я.Соколов, отвечавший в свое время за газовую стройку и успешно справившийся с этой задачей. В декабре 1974 года его сменил Н.Н.Кочурин, а В.Я.Соколов продолжал не только координацию деятельности в Усинске, но и обеспечивал стройку всем необходимым уже в должности заместителя министра нефтяной промышленности СССР.

Выполнение всего комплекса сложных многопрофильных строительных и монтажных работ возлагалось на министерства нефтяной промышленности, строительства пред-

Мост через реку Уса к северным месторождениям нефти и газа.

приятий нефтяной и газовой промышленности, энергетики и электрификации, на предприятия тяжелой индустрии, транспортного строительства, монтажных и специализированных работ, связи. Привлекались и другие ведомства. Начатые большинством этих министерств в 1973 году работы набирали темпы. Уже через год все эти ведомства имели пионерные базы, дающие возможность наращивать объемы работ.

Промысловое обустройство предстояло вести территориальному Главному управлению по строительству предприятий газовой и нефтяной промышленности в северных районах Европейской части страны — «Главкомгазнефтьестрою». В Усинске главком был создан трест «Северпромстрой». Первоочередной его задачей было сооружение системы сбора и подготовки нефти к транспорту. Система внешнего транспорта от месторождения до нефтеперерабатывающих заводов, хотя и с некоторыми сложностями, успешно воплощалась силами треста «Щекингазстрой».

Со стороны руководителей «Главкомгазнефтьестроя» имела место на первом этапе строительства недооценка особенностей обустройства нефтяных месторождений в условиях Приполярья и Заполярья. Ориентация на опыт обустройства газовых месторождений была неоправданной, привела к искаженной и неполной оценке объемов и структуры работ, переоценке возможностей усинского треста. О том, что объемы работ при обустройстве нефтяных месторождений превышают в разы объемы работ, выполняемые при обустройстве газовых месторождений, строители убедились позже. Не на должном уровне оказалась техническая служба треста и его подразделений. Не в полной мере были учтены природно-климатические условия местности. Все это имело далеко идущие по-

следствия, выразившиеся в многочисленных и серьезных нарушениях технологии производства работ, отступлениях от проектных решений, что привело к умышленному скрытию брака, хроническому невыполнению строителями своих обязательств.

Так была заложена предпосылка той экологической катастрофы, которая позже произошла на берегах Колвы с разливом громадного количества нефти, и ряда крупных аварий на нефтесборных линиях Усинского, и особенно Возейского, месторождений. Потребовались немалые усилия и время для изменения такого положения, однако полностью переломить ситуацию по обустройству северных месторождений не удалось. В первую очередь, из-за позиции по отношению к обустройству нефтяных месторождений в Коми АССР министра Нефтегазстроя Б.Е.Щербины. Он по ряду причин не лучшим образом реагировал на постоянный срыв сроков сдачи объектов в эксплуатацию, заказчиком которых было объединение «Коминнефть». Позже аналогичную позицию занимали его последователи. Они не пожелали и не сумели объективно оценить сложности работы в регионе, отличавшиеся от тех, где они работали раньше, как природными условиями, так и технологическими процессами добычи и транспорта нефти.

Другого выхода из такого положения, кроме как создать собственные строительномонтажные организации и самим выполнять часть первоочередных работ, у нефтяников не было. В спешном порядке они такие мощности создают, частично с помощью других нефтедобывающих районов — Войвожа, Яреги, Нижнего Одеса. Их главная задача — создание промысловой системы сбора и транспорта нефти.

К счастью, природа оказалась благосклонна к нефтяникам. Высокие дебиты скважин, благоприятные геолого-промысловые характеристики Усинского и Возейского месторождений (кроме усинской залежи тяжелой высоковязкой нефти) обеспечивали в начальный период эксплуатации возможность сравнительно легко, при незначительных объемах промыслового обустройства, начать добычу нефти. Это было частичным отступлением от проектной технологической схемы разработки месторождений, но план по добыче нефти вынуждал нефтяников идти на такие отклонения.

С одной стороны, это позволило уже в 1973 году добыть из Усинского месторождения 865 тысяч тонн девонской нефти, а в следующем 1974 году — более полутора миллионов тонн при плановом задании три миллиона тонн. С другой стороны, такой подход у многих создавал иллюзию простоты и легкости решения задачи (разумеется, не у специалистов), что в последующем оказало недобрую услугу нефтяникам. Но долго работать по такой схеме эксплуатационники не могли. Требовалось своевременное, в полном объеме, проектное обустройство месторождений.

Строительство города, которому отводилась роль плацдарма не только для освоения Усинского и Возейского месторождений, но и главной базы для наступления на всю северную часть Тимано-Печорского края, велось по проекту, разработанному институтом «ПечорНИПИнефть», входящим в состав объединения «Коминнефть». Авторами проекта были известные архитекторы Ухты во главе с членом Союза архитекторов СССР Павлом Константиновичем Мурзным. Возводить город было поручено тресту «Усинскстрой» «Комипромжилстроя» Минтяжстроя СССР. Трудно сказать, что в то время и при тех обстоятельствах было важнее: промысловое обустройство или строительство жилья. Делалось это одновременно. Необходимость резко изменить отношение к граждан-

скому, в том числе и жилищному, строительству вытекала из того, что привлечь и закрепить квалифицированные кадры нефтяников, буровиков, строителей, транспортников из других районов было возможно только при условии предоставления им нормального жилья.

Это стало возможным, лишь когда было принято решение строить завод крупнопанельного домостроения именно в Усинске. Его необходимость определялась сроками создания базы для освоения всей территории севера Тимано-Печорской провинции, включающей часть береговой зоны Ледовитого океана. В решении непростых социальных проблем особую роль в то время сыграл управляющий трестом «Комипромжилстрой» Наум Оскарович Белоцерковский, вложивший немало сил и здоровья в организацию строительства жилья в Усинске.

Острой проблемой было и отсутствие дорог, соединяющих Усинск с «большой землей», а само месторождение — с Усинском. К их строительству приступили подразделения Министерства транспортного строительства СССР. Старейшему управлению «Печорстрой», начало которому было положено еще в тридцатые годы, базирующемуся в городе Печора, было поручено проложить 109-километровую железную дорогу Сыня — Усинск, строительство автомобильной дороги с железобетонным покрытием — тресту «Пермьдорстрой», мостовые переходы через многочисленные водные преграды — ленинградскому тресту «Мостострой №6». Непосредственно строительство автомобильных дорог в районе Усинска, причала на реке Уса, аэродрома выполняли два дорожно-строительных управления. Руководили ими Анатолий Дмитриевич Ермилов и Валерий Александрович Савинкин. Мосты возводил ленинградский мостостроительный отряд №19, тот самый, который строил сложнейшее гидротехническое сооружение в Ленинграде на Неве против ежегодных наводнений. Возглавлял его Иван Михайлович Алексенко. Созданный им в Усинске мостостроительный участок опережающими темпами строил все мостовые переходы на дороге Усинск — Харьяга. Сегодня пять чудесных и неповторимых по конструкции и технической эстетике мостовых сооружений возвышаются над водами реки Колва.

На первом этапе освоения месторождения для удовлетворения потребности в электроэнергии по опыту западносибирских нефтяников использовались передвижные электростанции. Восемь таких станций общей мощностью 20 тысяч киловатт были установлены на Головных сооружениях Усинского месторождения. Это обеспечивало потребности нефтяников на полтора-два года. В зоне площадки строящегося города и промышленных объектов было установлено пять энергопоездов по одной тысяче киловатт. Скоро этой мощности стало не хватать, потребовалось протянуть линию электропередачи между Головными сооружениями и Усинском. Ускоренными темпами строительно-монтажные организации Минэнерго СССР вели строительство ЛЭП напряжением 220 киловольт Печора — Усинск, которая была продолжением линии Ухта — Печора. Всего предстояло за короткое время построить и ввести в эксплуатацию свыше пятисот километров высоковольтных линий, десятки больших и средних трансформаторных подстанций, уникальный по своей длине и высоте переход через реку Уса, пять переходов через Колву. Строительство и эксплуатация этих объектов велись под руководством управления «Комиэнерго», которое на протяжении не одного десятка лет возглавлял Александр Георгие-

Впервые на легковых автомобилях — в Харьягу! 1985 год.

вич Кириллов, уделявший особое внимание надежному обеспечению нефтяников энергией.

Геологи Ухтинского территориального геологического управления со свойственным им оптимизмом продолжали вести геологоразведочные работы на обширных просторах Большеземельской тундры, на структурах, подготовленных сейсморазведкой Колвинского вала, Денисовской впадины, Шапкинско-Юрьягинского вала, Хорейверской впадины. Принятая стратегия ведения разведочных работ широким фронтом с юга на север вселяла надежду в нефтяников на открытие новых месторождений и их последовательное, поэтапное освоение.

В процессе становления нового нефтеобразующего района особую роль выполняло объединение «Коминнефть». Оно несло ответственность за все, что происходило на территории создаваемого промышленного узла, являлось координатором деятельности всех участников производимых работ. Главным же итогом его работы были показатели выполнения плана добычи нефти, то, во имя и для чего создавался Усинский промышленный узел. Здесь объединению, кроме руководства многотысячным коллективом, нужно было осуществлять:

- разработку проектно-сметной документации на все объекты, подлежащие строительству;
- формирование и составление плана строительства и финансирования строек и отдельных объектов;
- контроль за соблюдением строителями принятых технических решений и качества работ;
- доставку на стройки технологического оборудования и материалов, поставка которых обеспечивалась заказчиком работ;

- прием, пуск и наладку готовых объектов;
- подбор и подготовку квалифицированных кадров для вводимых объектов и создаваемых новых предприятий;
- организацию торговли и обеспечение промышленными и продовольственными товарами всех работающих силами Управления рабочего снабжения (УРСа);
- организацию и проведение в требуемых объемах комплекса работ по бурению скважин — главного, от чего зависела добыча нефти;
- организацию добычи нефти в новом районе.

Весь комплекс работ выполняли высококвалифицированные и опытные сотрудники аппарата объединения, профессиональную помощь которым оказывало министерство, руководители его ведущих отделов и управлений, главные специалисты. В их числе Ю.Н. Агеев, А.М.Галустов, В.В.Гнатченко, В.И.Грайфер, А.А. Джавадян, Ю.Г.Герентьев, Б.В.Щитов, В.Ф.Лесничий, В.В.Стасенков, Э.М.Халимов и другие. Вся тяжесть и ответственность этой работы ложилась на заместителей начальника объединения и начальников отделов, которым приходилось значительную часть времени находиться в Усинске, оказывать помощь новым усинским предприятиям и организациям, работать с многочисленными подрядными строительными-монтажными организациями. Аппарат объединения состоял из двадцати двух отделов и групп, работу которых организовывали и контролировали семь заместителей, включая главного инженера.

Производственно-хозяйственную деятельность обеспечивало сорок предприятий и организаций. В составе объединения находились четыре нефтедобывающих предприятия: Войвожское нефтегазодобывающее управление, нефтегазодобывающее управление «Тэбукнефть», Ярегское нефтешахтное управление, объединяющее три нефтяных шахты, и вновь образованное Усинское нефтедобывающее управление.

В составе объединения также были крупный исследовательский и проектный институт «ПечорНИПИнефть», мощная база речного флота, в его ведении находилось свыше тысячи километров автомобильных дорог в пределах Ухтинского и Троицко-Печорского районов, семнадцать населенных пунктов, включая Войвож, Нижнюю Омру, Ярегу, Усинск. Особенностью объединения было то, что в его составе успешно функционировало пять крупных сельскохозяйственных предприятий, в том числе птицефабрика. О весомости их вклада в общее дело можно судить по показателям производства молока, объемы которого занимали восемнадцать процентов от произведенного в республике, а количество яиц превышало сорок пять процентов от республиканского производства. Это было самое крупное сельскохозяйственное предприятие в отрасли.

С начала усинской эпохи аппарат объединения увеличился и насчитывал около ста человек. Серьезные, если не радикальные, изменения претерпел его состав. Два заместителя — по капитальному строительству, материально-техническому снабжению и транспорту — В.Н.Мусиенко и В.П.Захаров прибыли вместе с Л.Д.Чуриловым из Западной Сибири; главный инженер, главный механик и главный энергетик Ю.Н.Байдиков, В.А.Аллахвердян, А.И.Федоринов — из Татарии; заместитель по бурению и начальник отдела В.Н.Езепенко и Н.С.Гаджиев — из Куйбышева; главный геолог О.О.Шеремета и все руководители созданных в Усинске предприятий прибыли с Сахалина; заместитель по кадрам и быту Н.И.Потетюрин, заместитель по сельскому хозяйству В.П.Зверков и

Отнюдь не гостем был в Коми АССР министр нефтяной промышленности страны В.Д.Шашин (первый слева). Прогулка по Сыктывкару в сопровождении первого секретаря Коми обкома КПСС И.П. Морозова, министра строительства предприятий нефтяной и газовой индустрии Б.Е. Щербини, заместителя министра геологии СССР В.И. Игнатьева (1974 год).

начальники ведущих отделов и служб В.В.Борисенко, А.К.Стрильчук, В.Н.Мишаков, А.М.Федоров, М.С.Выгода — доморожденные специалисты и руководители.

В период, когда важнейшие и сложнейшие вопросы решались в Усинске, отдаленном на 400 — 500 километров от остальных районов деятельности и от штаба в Ухте, необходимо было особо четко координировать и контролировать деятельность всех служб и их руководителей. Эта функция управления принадлежала первому руководителю и была его главнейшей задачей.

Почему затрепал план добычи нефти?

Наступал трудный и беспокойный 1975 год — второй год реализации задач, поставленных руководством страны перед нефтяниками Коми края, год наметившихся и происходивших изменений в оценках ситуации, новых подходов к решению многочисленных проблем. Начались они в холодную зиму, продолжались жарким летом и закончились глубокой осенью 1976 года.

Итоги работы нефтяников за 1974 год, недодавших к плану 1,3 миллиона тонн нефти, не могли характеризовать их работу как удовлетворительную. Но вина ли в этом нефтяников или только нефтяников? Ведь напряжение коллектива объединения было предельным, и рядовым его членам казалось, что они делают все возможное для выполнения поставленной задачи. Анализ создавшегося положения показывал, что причина

кроется в отсутствии объектов обустройства месторождения, обеспечивающих добычу нефти. В проекте разработки месторождения на первой его стадии была заложена система внутриконтурного заводнения. Такой метод извлечения нефти, принятый в стране, считался достижением нефтяной науки и практики. Он обеспечивал основную добычу нефти, был наиболее эффективным, позволял вести разработку месторождений высокими темпами. Но это требовало своевременного создания системы поддержания пластового давления путем закачки воды в пласт, строительство которой, наряду с другими объектами промыслового обустройства, велось с недопустимым отставанием.

Такую причину невыполнения плана в республике не признавали, считали отговоркой, попыткой нефтяников оправдаться. Рассуждали так: могли же они, нефтяники, без этих объектов добывать нефть, они же без обустройства в 1973 году за три последних месяца добыли полмиллиона тонн, в прошлом году — полтора миллиона тонн, значит, можно и больше, ведь они приняли установленный им план, не опротестовали его. В министерстве, конечно, понимали, что добытая нефть — результат определенного риска, связанного с отступлениями от заложенной в проекте технологии, и эти отступления без серьезных последствий возможны лишь в минимальных объемах и краткосрочно. Объяснять же это руководству республики было бессмысленно. Этого не понимали и не хотели понимать по двум причинам: с одной стороны, по незнанию специфики отрасли, с другой — признать истинную причину означало признать свою вину в этом срыве плана, согласиться с тем, что многочисленные решения, постановления, совещания, бесконечные поездки по месторождениям, советы, указания были малополезными, а нередко — вредными.

Побывавший в первой половине января в объединении «Коминнефть» заместитель министра нефтяной промышленности по капитальному строительству Ш.С.Донгарян со свойственной ему эмоциональностью и точностью передавал министру атмосферу озабоченности и неуверенности, прозвучавшую в выступлениях участников собрания, обсуждавших итоги работы за 1974 и задачи на 1975 год. В докладе Донгарян сделал акцент на срыве сроков сдачи в эксплуатацию нефтепромысловых объектов, ошибках в деятельности объединения и на негативной оценке деятельности руководства объединения со стороны партийных органов.

Министр принял решение лично на месте разобраться в обстановке. С первого по четвертое февраля 1975 года он находился в Усинске. Нечасто случается, когда министр проводит на одном месторождении четыре дня. За это время он посетил многочисленные объекты, провел ряд совещаний по отдельным проблемам. С В.Д.Шашиным в Усинске побывали заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Г.Н.Судобин, начальник главка Минтяжстроя Б.Ф.Ермилов, начальник главка Минэнерго К.А.Погрибков.

Главный вопрос обсуждения усинских проблем — как справиться с планом добычи нефти в текущем году в объеме 8,5 миллиона тонн? Причем доля в этом плане Усинского и Возейского месторождений в 3,3 миллиона тонн. Были рассмотрены вопросы первостепенной важности, требующие незамедлительного решения: сроки окончания строительства нефтепровода от Возейского месторождения до головных сооружений, без которого начать здесь добычу нефти не представлялось возможным, строительство объектов закачки воды в пласт, автомобильной дороги к Головным сооружениям и по

месторождениям, сроки ввода линии электропередачи Печора — Усинск, чтобы обеспечить пуск в эксплуатацию блочных насосных станций системы поддержания пластового давления, ход строительства железной дороги Сыня — Усинск. И особое внимание было уделено рассмотрению строительства жилья. Заслушана информация главного геолога Ухтинского территориального геологического управления Б.Я.Вассермана. Оптимизм докладчика на сей раз не передался министру. Названные рубежи, которых геологи планировали достичь к 1981 году, шли вразрез с теми, что были записаны в постановлении №277. Не было ясности с объемами и сроками защиты запасов в ГКЗ, основы для планирования объемов добычи нефти.

В.Д.Шашину было понятно, что задания по добыче нефти на 1975 год на Усинском и Воейском месторождениях базировались на нормальной, слаженной работе всех участников освоения района и своевременном выполнении каждым из них своей конкретной задачи. Но многодневное рассмотрение сложившегося положения такой «нормальности» не подтверждало. Для министра было очевидным, что одна из причин — суровые природно-климатические условия района, его географическое положение. Раньше в таких широтах нефтяники не работали.

Министр уехал в раздумьях: а где же пути, которые должны и могут обеспечить достижение установленных объемов добычи нефти в регионе? Раздумья привели к необходимости глубоко изучить накопленный здесь трехлетний опыт, данные по изученности региона. Раздумья вызывало и только что (с 1 января 1975 года) проведенное Министерством геологии расчленение Ухтинского территориального геологического управления на две части по линии Полярного круга — границе между Коми АССР и Ненецким округом Архангельской области. Позже свою озабоченность этим фактом

Один из мостов на дороге Усинск — Харьга.

выскажут на самом высоком уровне — в ЦК КПСС и сами геологи. Руководители Ухтинского и Архангельского геологических управлений В.С.Хорьков и М.В.Толкачев заявили, что они смогут довести запасы нефти по Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции (при определенных условиях) только до 835 миллионов тонн, что на 165 миллионов ниже установленных постановлением. Речь шла о запасах, утвержденных в ГКЗ, то есть промышленных, о чем докладчики в своих сообщениях постарались не говорить.

Не подлежало сомнению и то, что докладчики в ЦК КПСС свои заявления согласовали с министром геологии, что свидетельствовало о позиции Министерства геологии РСФСР.

Вопросы добычи нефти в стране и связанные с этим заботы не дали возможности В.Д.Шашину детально вникнуть в проблемы разделения на части территории провинции и ведущего здесь работы геологического управления, меняющего стратегию проведения геологоразведочных работ, понять, почему пошел на такой шаг министр геологии Л.И.Ровнин. Ему не было известно, что определенное участие в этом внешне ничем не оправданном действии министра геологии РСФСР приняла геологическая служба объединения «Коминнефть», лично главный геолог О.О.Шеремета. Он не отстаивал позиции нефтяников, не подвергал тщательному изучению информацию геологов, не контролировал данные, полученные при проведении геологоразведочного бурения и испытания скважин. Без какого-либо изучения и обобщения полученные от геологов данные он направлял в министерство, что не всегда давало возможность геологической службе министерства объективно оценить текущее состояние разведки залежей и правильность подсчета запасов на разведанных месторождениях.

Это происходило на фоне обостряющихся отношений между Коми обкомом КПСС и Министерством геологии РСФСР. Тут следует открыть завесу над тайной разделения Ухтинского территориального геологического управления. Идею разделения приписывают секретарю Архангельского обкома партии Б.В.Попову. Это не соответствует действительности. Действия первого секретаря Архангельского обкома, в том числе его резкая критика геологов на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1973 года, были импульсом, ускорившим этот процесс. Причина заключалась в том, что руководство Министерства геологии не могло смириться со все возрастающим вмешательством в геологические проблемы в регионе со стороны руководства Коми, с необходимостью постоянно давать пояснения своих производственных действий, отвечать на жалобы Коми обкома партии в Совет Министров СССР и ЦК КПСС.

Вмешательство в дела министерства достигло кульминации при подготовке и принятии постановления №277, когда Коми обком КПСС вместе со скоро покинувшим Ухтинское территориальное геологическое управление Н.Забродоцким проводили линию волюнтаристской максимализации объемных и временных показателей по запасам углеводородного сырья в Тимано-Печорской провинции, приведшую к тому, что вместо предлагаемого в проекте: «Довести к 1 января 1981 года разведанные извлекаемые запасы в провинции по категории АВС1 по нефти и конденсату до одного миллиарда тонн и газа до 700 миллиардов кубических метров» — появилась установка: «Довести в Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области к

1981 году разведанные и утвержденные в ГКЗ СССР запасы нефти до одного миллиарда тонн и газа до одного триллиона кубометров».

Поводом избавиться от такого вмешательства и было разделение территории проводимых работ, что отвечало интересам Архангельской области и делу увеличения геолого-разведочных работ в наименее изученной и наиболее перспективной, по утверждениям геологов, части региона, а для министерства служило поводом резко ограничить влияние на весьма специфические геологические дела руководства Коми АССР, компетенция которого была далека от требуемой в подобных случаях. Что касается изменения принятой стратегии проведения работ в северной части Тимано-Печорской провинции с «юга на север», то в Мингео РСФСР менять ее никто не собирався, в ее правильности и очевидности сомнений не возникало. Однако скоро и это явилось поводом для обострения отношений теперь уже между руководством Коми — с одной стороны, и Министерством геологии и архангельскими властями — с другой.

Таким образом, последовавшее после разделения района деятельности между Ухтинским и Архангельским геологическими управлениями изменение стратегии разведки региона — результат этой «разборки». Прямо и косвенно способствовало этому то, что Министерство геологии Российской Федерации в таких условиях переоценило свои возможности по созданию мощностей, адекватных задачам, поставленным перед геологическими управлениями, без чего наращивание объемов работ не представлялось возможным. Для перешедших в Архангельское управление буровых организаций стали недоступными обслуживавшие их до этого ремонтные базы, перевалочные пункты, транспортные пути и средства, находящиеся на территории Коми АССР.

В начале марта 1975 года по пути в Западную Сибирь Коми АССР посетил Председатель Совета Министров страны А.Н.Косыгин. Его сопровождали члены правительства, союзные министры В.Д.Шашии, Б.Е.Щербина, А.В.Сидоренко, С.А.Оруджев, Б.Ф.Братченко, заместители председателей Госплана и Госснаба СССР А.М.Лалаянц и Н.В.Мартынов. После совещания, проведенного в столице Коми АССР — Сыктывкаре, глава правительства посетил города Печору и Воркуту, строящийся город нефтяников Усинск.

На совещании в Сыктывкаре была заслушана информация геологов об итогах работы за последние годы в области поисков нефти, газа и других полезных ископаемых. С озабоченностью об отставании создания сырьевой базы для наращивания объемов добычи газа выступил министр газовой промышленности Сабит Атаевич Оруджев. Одновременно он говорил о не лучшем образом складывающемся положении у нефтяников республики. Задание по наращиванию запасов нефти геологами не выполнялось. Министр впервые заявил главе правительства о сомнительности обещанных геологами перспектив и невозможности на их базе достичь принятых рубежей как по времени, так и по объемам добычи нефти и газа. Такой же точки зрения придерживались министры нефтяной промышленности и строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. На совещании произошло то, что не было предусмотрено программой и руководством республики: члены правительства, возглавляющие три ведущих отрасли народного хозяйства страны, выразили сомнение в возможности выполнения постановления ЦК КПСС и Совмина СССР №277.

Посещение Усинска было коротким. А.Н.Косыгин ознакомился с ходом строительства города, посетил промышленную базу нефтяников, встретился с жителями Усинска, задавал им вопросы, отвечал на их просьбы, главной из которых было ускорение и увеличение строительства жилья, на что он ответил: «Давайте больше нефти, тогда будем строить больше жилья». Необходимость принять меры, обеспечивающие рост добычи нефти, почувствовали все, кто имел отношение к этой проблеме, что в значительной мере повлияло на итоги работы строителей и нефтяников в республике в 1975 году. Были заселены первые крупнопанельные дома, обеспечено надежное электроснабжение усинских пред-

Здесь будет город. А пока — море барачков на берегу реки Уса. 1978 год.

приятий по линии электропередачи Ухта — Печора — Усинск, построена бетонная дорога до Головных сооружений промысла, усилилось внимание к Усинску планирующих и контролирующих центральных органов Москвы, а вслед за ними и республики. Обострился вопрос: какие же уровни добычи нефти предусматривать на очередную десятую пятилетку — 25 миллионов тонн на 1980 год, как предусматривалось постановлением, или 18 миллионов, предлагаемых нефтяниками республики и Министерством нефтяной промышленности?

К середине года стало очевидным, что достичь выполнения плана в 1975 году невозможно. Объединение «Коминнефть» попадало в число не выполняющих план второй год подряд. Но не это было главным отрицательным моментом в деятельности ордена Трудового Красного Знамени объединения.

После всестороннего анализа и оценки сложившегося положения с вводом первостепенных объектов на Усинском, и особенно Воейском, месторождениях и итогов работы за первый квартал главный инженер объединения «Коминнефть» Юрий Николаевич Байдинов (крупный специалист в области добычи нефти, многие годы работавший на нефтяных промыслах Татарии, в 80-е годы возглавивший научно-техническую службу министерства) заявил в апреле, что план по добыче нефти не выполним на полтора милли-

она тонн. Он аргументировал это сложившимися техническими и технологическими условиями на северных месторождениях. А за ним и начальник объединения Л.Д.Чурилов подтвердил это в разных инстанциях и в ответах многочисленным проверяющим, недостатка в которых после посещения Усинска А.Н.Косыгиным не было. Для руководства Коми стало ясно, что по этой причине план последнего года пятилетки по реализации продукции республика не выполнит.

Спасать положение было поручено «виновнику» Л.Д.Чурилову: добиться в Миннефтепроме снижения плана добычи нефти на полтора миллиона тонн. Из министерства последовал отказ: мотив — преждевременно и много. Переложить такой объем на другие нефтедобывающие регионы не представлялось возможным. Под силу это было лишь Западной Сибири, но там год начался не лучшим образом. Выход был один: обкому самому обратиться с просьбой о корректировке плана. Но к кому? В Госплан СССР? Или к министру? Госплан в решении вопроса отказывает — это не в его интересах. Остается идти на поклон к министру. С «челобитной» поехал секретарь обкома по промышленности Н.Н.Кочурин. Министр недвусмысленно дал понять, что в сложившейся ситуации немалая вина руководства республики, и ответил «на поклон» снижением плана объединению «Коминнефть» на 900 тысяч тонн. Положение и репутация были спасены. Но чьи? Только республики и ее руководства. Начальник объединения стал жертвой.

Два с половиной года напряженного труда, бессонных тревожных ночей, нечеловеческие нагрузки Льва Дмитриевича Чурилова были «оценены» строгим выговором, вынесенным бюро обкома КПСС, и настоятельным требованием перед министром о снятии его с работы. Обиженный до глубины души Л.Д.Чурилов покинул республику. Обиженными косвенно были В.Д.Шашин и Б.Е.Щербина. Недовольство последнего оставило значительный след в Республике Коми и имело далеко не безобидные последствия, продолжающиеся и в наши дни.

Разрешить кризис в отрасли приказано мне

Но кому доверить нелегкую ношу руководителя ключевой отрасли республики? Об этом стало известно в ноябре 1976 года. Волею судьбы ее вершили в то время, как и всегда, партийные органы, которые и вручили мне весьма искривленный к тому времени руль корабля под названием «объединение «Коминнефть»». Процедура назначения заняла месяц. Поездка в Москву, беседа с министром В.Д.Шашинным и его заместителем А.М.Ждановым, затем 18 ноября продолжительные беседы в Центральном Комитете КПСС с заместителями заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК И.П.Ястребовым и В.Г.Архиповым. Поздно вечером того же дня меня принял секретарь ЦК КПСС Владимир Иванович Долгих. Ответив на ряд вопросов, я выслушал рекомендации, касающиеся развития нефтегазовой отрасли региона, создания нормальных жилищно-бытовых условий в новом нефтедобывающем районе, на что было обращено особое внимание. Владимир Иванович закончил беседу пожеланием успехов, из чего следовало, что мой переход из газовой в нефтяную отрасль предreshен. Постановление секретариата ЦК об утверждении меня начальником объединения «Коминнефть» было подписано 17 декабря. На третий день состоялось представление нового начальника объединения кол-

лективу. 20 декабря 1976 года я приступил к выполнению своих новых обязанностей на срок без малого десять лет. Десять лет нелегкого, интересного, творческого пути к трудовым вершинам отрасли на просторах Тимано-Печорского края.

Задачи объединения на десятую пятилетку определялись «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы», принятыми на сессии Верховного Совета СССР и ставшими законом, где было записано: «...довести здесь в 1980 году добычу нефти примерно до 25 миллионов тонн»... Над решением этой задачи уже год в новой пятилетке трудились многотысячный коллектив объединения «Коминнефть» и многие другие коллективы, кому было поручено участвовать в освоении нефтяных месторождений на Европейском Севере.

Много было сделано, но предстояло сделать еще больше, чтобы обеспечить выполнение годовых заданий и решать задачи будущего развития. Возрастающие объемы добычи нефти требовали четкой и слаженной работы всех звеньев производства, укрепления дисциплины и порядка, неукоснительного выполнения всеми своих обязанностей — от оператора, обслуживающего скважины, до первого руководителя объединения. Наряду с этим предстояло решить множество задач, обеспечивающих добычу нефти, и не только в новом Усинском районе, но и на старых площадях в южной части республики на промыслах Войвожа, Нижнего Одеса, Яреги.

Среди множества проблем были ключевые, от решения которых зависела успешная производственная деятельность и нормальная жизнь многотысячного коллектива нефтяников и тех, кто вместе с ними создавал новый нефтедобывающий район.

В период интенсивного производственного роста всегда на первом месте стояла кадровая проблема. Ее решение осложнялось суровыми условиями жизни и работы в Приполярье и Заполярье, отсутствием нормального жилья, продолжительной адаптацией к новой обстановке прибывающих на работу.

За кадровой следовали резко обострившиеся проблемы строительства дорог, бурения скважин, создания системы поддержания пластового давления, мощностей подготовки нефти к транспорту, энергообеспечения. Особой проблемой было строительство жилья. С большой скоростью рос комплекс сложнейших задач по добыче тяжелой усинской нефти, освоения новых заполярных месторождений. У тех, кому предстояло все это решать, времени для раздумий не было.

Первоначальное формирование кадрового состава Усинского нефтедобывающего управления и других северных предприятий проходило путем приглашения опытных и знающих местные условия специалистов из Нижнего Одеса, Войвожа, Ухты. Оно дало возможность быстро и квалифицированно выполнить комплекс работ, обеспечивших пуск первых нефтяных скважин, подачу нефти в нефтепровод Уса-Ухта.

Однако в успешно начатую работу по формированию молодых коллективов внес существенные изменения А.Д. Чурилов. С его приходом на должность генерального директора объединения «Коминнефть» началась необоснованная замена большинства руководителей усинских предприятий. Значительной части работников аппарата объединения было выражено недоверие. Это осложняло работу как самого аппарата объединения, так и большинства его предприятий. Подобного за всю историю Ухткомбината не наблюдалось.

Работникам, прибывшим по приглашению Л. Чурилова, потребовалось немало времени для ознакомления с условиями и местом новой работы, вхождения в трудовые коллективы. На ряде предприятий возникали конфликтные ситуации с профсоюзными и партийными комитетами. Далеко не все приглашенные соответствовали высоким требованиям времени и поставленным перед коллективами задачам. Несмотря на это, замена принимала массовый характер. Вмешательство партийных органов лишь замедлило активную деятельность начальника объединения. Это уже был вызов обкому КПСС, который до этого никому в республике не позволял решать кадровые проблемы подобным образом.

С моим приходом в объединение многие ожидали повторения ситуации, еще одного витка замены кадров. Понятно, что такое ожидание не способствовало успешной работе предприятий и объединения в целом.

Понимая, что частая и массовая замена работников — не лучший путь к достижению цели, мною был выбран более эффективный и справедливый в сложившейся ситуации способ — заставить всех работать с полной отдачей сил и знаний. При этом дать работнику право выбора — работать так, как нужно для дела, или самому обратиться с просьбой о замене.

Так что тревожные ожидания не оправдались. Зато последовал строгий спрос за конкретные дела, беседы без оскорбления и унижения человеческого достоинства, без криков и разносов начали давать положительные результаты, сняли напряженность в коллективах.

Немаловажным было создание сотрудникам аппарата объединения нормальных условий для работы. Половина из них размещалась в небольшом здании на улице Мира, а остальные ютились в нескольких местах города. Вскоре был построен многоэтажный административный комплекс, в котором были созданы все условия для нормальной работы. Он и сегодня украшает старейшую улицу города — Октябрьскую и используется в качестве одного из учебных корпусов Ухтинского технического университета.

Были приняты меры морального и материального поощрения руководителей предприятий и служб, их помощников. И, что особо важно, спрос был одинаковым со всех, включая заместителей генерального директора, которые до этого были вне критики, а, соответственно, и за работу с них никто не спрашивал. Ошибки и просчеты, невыполнение заданий и обещаний больше не прощались никому. Все это позволило в течение года стабилизировать обстановку с кадрами руководителей предприятий, повысить их роль и ответственность за порученное дело.

Но, кроме руководителей, нужны были сотни специалистов самых разных профессий. Решение этой части задачи в значительной степени было доверено первым лицам предприятий и организаций. Они решали, кому быть их помощниками, и несли за них ответственность перед объединением. Многие приезжали с нефтяных промыслов Татарии, Башкирии, из Куйбышевской (Самарской) области по приглашению уже работающих в аппарате объединения земляков. Как правило, все они были специалистами высокой квалификации, трудолюбивые и ответственные люди. Освоившись в новых условиях, уже сами приглашали на Север своих знакомых и друзей, процесс принимал фор-

му цепной реакции. В работе никому не отказывали. Многочисленные цеха и участки, таким образом, комплектовались знающими дело и друг друга людьми. Шло формирование работоспособных коллективов, болеющих за дело. Многие из этих людей и сегодня живут и работают в Усинске, который стал для них родным, а для их детей и внуков — родиной.

И все же главная ставка делалась на молодежь. На самых отдаленных и трудных участках появились ничем не обремененные, здоровые, полные энергии, патриотизма и желания трудиться юноши, выпускники техникумов и институтов. Значительная их часть проходила курс наук в стенах Ухтинского индустриального института.

Вот, например, Виктор Евгеньевич Кармановский, который с утра до поздней ночи трудился на Возейском промысле. Прямой и открытый, не терпящий незаслуженной обиды и не знающий усталости, с улыбкой на лице. Делая ежедневные обходы своего размещившегося на открытых болотах и многочисленных притундровых озерах нефтяного промысла, за день он преодолевал десятки километров. Контролируя работу своих подчиненных, нередко выполнял вместе с ними самые сложные и тяжелые ремонтные и пусковые операции, обеспечивая работу скважин. Он знал каждую скважину: что с нее можно получить и в каком она состоянии. Сегодня за этим следит компьютерная техника, а в те времена это делали Кармановский и его молодые коллеги, преодолевая в дождь, пургу и трескучие морозы болота и реки. На плечи молодого заведующего промыслом легли заботы не только о скважинах. Жилье, пропитание, транспорт, снабжение также были его повседневной заботой.

И таких, как Кармановский, в Усинске становилось все больше и больше. А через 2-3 года они уже составляли основу инженерно-технологической службы крупного нефтедобывающего управления, возглавляли службы, цеха, отделы, становились большими и ответственными руководителями. Их труд превращался в миллионы тонн добытой усинской и возейской нефти. Среди них были А.П. Куликов, В.К. Золотухин, В.М. Абрамянц, В.А. Швецов, Е.В. Ларин, Р.С. Ахмадеев, В.П. Веричев, Н.С. Пономарев, Т.Э. Имангулов, Г.А. Бабаев, В.Б. Козлов, Н.Ф. Голиков, В.Е. Менчиков, В.И. Феокистов, В.В. Потолицын, А.Д. Чапцев, А.К. Якименко, В.С. Абмаев, И.М. Гамин. В числе их наставников были начальник первого Усинского нефтепромысла, великий труженик и прекрасный педагог Иван Алексеевич Орехов; высоко порядочный и трудолюбивый Роберт Иванович Гугнин; профессионал и патриот Севера Адольф Владимирович Кравецкий; целеустремленный, завидной трудоспособности, заражавший своими идеями и планами окружающих, строгий и добрый Виталий Акимович Усик; прекрасные организаторы, беспокойные и заботливые люди Э. Журавлев, В.А. Шумилин, А.Б. Новиков, В.С. Чупров, талантливые инженеры Ю.Н. Байдилов, А.К. Стрельчук, А.И. Федоринов, В.В. Борисенко, А.М. Федоров.

Сегодня кто-то из них ушел из жизни, многие на заслуженном отдыхе, а большинство продолжает трудиться в разных уголках России, часть и поныне в Усинске. Все они пережили чувство горечи и обиды за то, что принес на северные нефтяные промыслы разрушительный ураган реформ 90-х годов. Иногда вспоминают недобрым словом тех, кто этот ураган посеял и разводил. С гордостью и чувством причастности говорят они о сделанном на берегах Усы и Колвы.

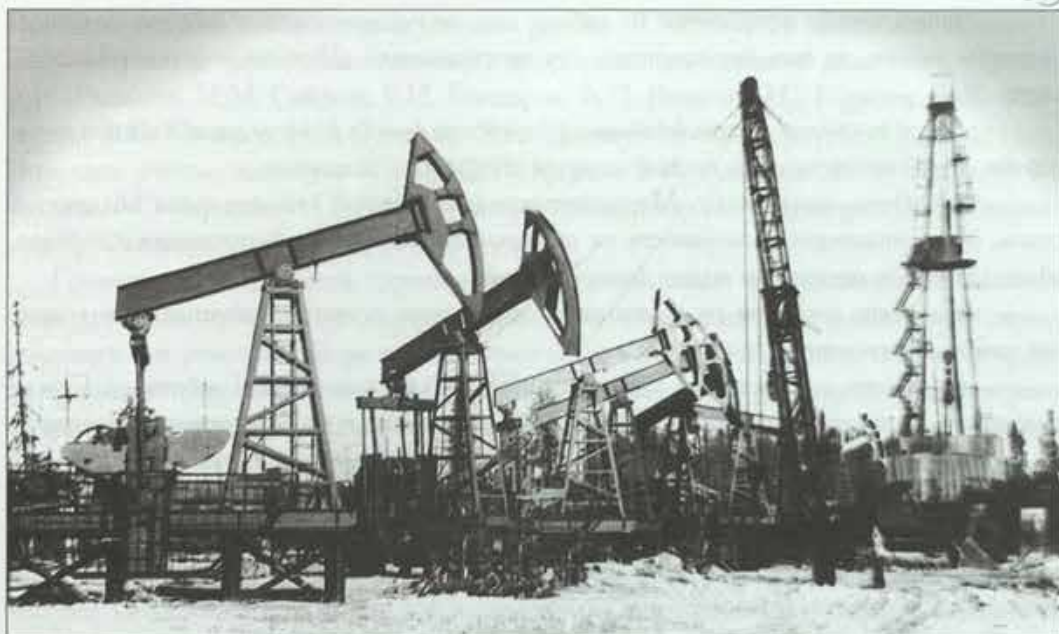
Погоду в бурении делал вахтовый метод

Для увеличения добычи нефти требовались эксплуатационные скважины, проходка которых вызывала потребность в резком увеличении буровых мощностей и в специалистах по бурению. На практически одновременно вводимых в эксплуатацию Усинском и Воейском месторождениях при интенсивных отборах нефти, заложенных в проектах разработки, требовалось бурить до одного миллиона метров в год, обеспечивая ежегодный ввод в эксплуатацию 280-300 скважин. Для достижения этой цели необходимо было создать не менее шестидесяти буровых бригад, привлечь тысячи высококвалифицированных специалистов-буровиков, которых в стране не хватало. И это при том, что в 1975 году в объединении было пробурено менее семидесяти тысяч метров, а добыча нефти велась из принятых от геологов разведочных скважин. Предстояло решить ряд сложнейших технологических задач, в том числе связанных с бурением в зоне вечной мерзлоты, резко повысить достигнутые скорости бурения, обеспечить высокое качество скважин.

В начале 1977 года состоялось заседание коллегии Министерства нефтяной промышленности, на котором был рассмотрен комплекс мер по усилению работ, направленных на увеличение добычи нефти в объединении. Предусматривалось выделение необходимых материально-технических и финансовых ресурсов, ряд организационных мер. Увеличение объемов буровых работ намечалось как за счет создания новых буровых бригад, так и путем увеличения скоростей бурения. В то время эту часть программы продолжали детально разрабатывать институты буровой техники и технологий, институт «ПечорНИПИнефть».

Ведущий заседание коллегии первый заместитель министра Николай Алексеевич Мальцев выступил с подробным изложением задач по реализации программы. Генеральному директору объединения и его заместителям предстояло доложить, как они планируют реализовать программу на месте. Замечу, это было мое первое участие в работе заседания коллегии Миннефтепрома и первое знакомство с ее членами в такой обстановке. В своем выступлении я доложил уважаемым членам коллегии, как объединение намерено решать поставленные задачи, и высказал предложение по организации буровых бригад. Оно отличалось от высказываний других ораторов, предполагавших комплектовать бригады на месте работ. Я же повел речь о приеме на работу на Север уже сформированных, квалифицированных и комплектных буровых бригад из районов, где есть их избыток или намечается сокращение буровых работ, с доставкой их до места работы и отдыха самолетами по графику, обеспечивающему непрерывный технологический процесс бурения скважин. О применении этого метода мне было хорошо известно из многих источников, в том числе зарубежных: к примеру, именно так вели буровые работы в районах Африки французские нефтяные фирмы.

Но закончить эту мысль мне не удалось. Начальник Управления бурения министерства, член коллегии, первый буровик в отрасли, крупный специалист и уважаемый человек Ю.Г. Терентьев прервал мое выступление неожиданно резким и категоричным обращением к Н.А. Мальцеву: «Николай Алексеевич, пока не поздно, этого молодого человека с его идеями нужно освободить от занимаемой должности, иначе он не только ничего не создаст, а все, что уже есть, развалит». Спокойный тон Н.А. Мальцева на громкое и

Возейское месторождение. На одной площадке идут бурение и добыча нефти. 1980 год.

неожиданное заявление члена коллегии не вернул мне прежней уверенности и желания развивать дальше свое предложение. Это было понятно всем, и председательствующему тоже. Обсуждение закончилось предложением принять представленный проект решения. А мне было велено после заседания коллегии зайти к первому заместителю министра Н.А. Мальцеву, исполняющему обязанности министра.

Беседа в его кабинете касалась лишь темы, прерванной Ю.Г. Терентьевым. Была она продолжительной, и смысл ее сводился к тому, что намеченный план действий объединения по созданию мощностей по бурению скважин одобряется, а все вопросы, возникающие при его реализации, нужно будет решать только с Н.А. Мальцевым.

Предлагая, на первый взгляд, простое решение, я не предвидел, что это будет самая сложная задача, которую мне вместе со многими моими помощниками предстояло решить за все время многолетней работы в нефтяной отрасли.

О сложности и многогранности задачи говорит далеко не полный перечень вопросов, которые предстояло решить и которые успешно были решены:

- определить районы наличия свободных или высвобождающихся буровых бригад, выяснить их желание работать на Севере, для чего ответственные и компетентные работники объединения должны были побывать в этих районах;

- определить перечень районов, представляющих интерес для объединения;

- определить текущие и перспективные возможности этих районов и наличие желающих работать на Севере на предлагаемых условиях;

- согласовать с местными органами власти, организациями, где работали буровые бригады, их наем на работу за пределами района деятельности и проживания;

- выработать систему увольнения — приема без потери непрерывности трудового стажа;

— решить вопрос оформления на работу лиц, не проживающих в данном административном районе, то есть без прописки, что противоречило действующему законодательству;

— решить проблему централизованных перевозок бригад к месту расположения аэропортов, где комплектовалась полная загрузка спецрейсов самолетов;

— определить совместно с Министерством гражданской авиации типы воздушных судов, обеспечивающих возможность их оптимальной загрузки и базирования в городах, вблизи которых проживали члены буровых бригад;

— заключить договоры на перевозки с авиаторами с учетом согласованных графиков между перевозчиком и заказчиком;

— согласовать с областными комитетами КПСС наем людей для работы на Севере с условием их постоянного проживания на прежних местах и их авиационные перевозки;

— в аэропортах иметь своих диспетчеров-распределителей, контролирующих пассажиропоток и обеспечивающих круглосуточную связь с диспетчерской службой объединения в Ухте;

— организовать работу буровых бригад и их отдых по графикам, обеспечивающим непрерывный процесс бурения;

— создать в объединении центральную службу диспетчеризации и контроля за перевозками, в том числе за багажом пассажиров;

— вместе с авиаперевозчиком нести ответственность за пассажиров во время полета и обеспечивать безопасность полетов;

— решить ряд вопросов, касающихся оплаты труда, в том числе выплат северных надбавок.

Это далеко не полный перечень проблем, которые успешно решались объединением и министерством. Позже отлаженная вахтовая система работы в бурении была перенесена на работы по капитальному ремонту скважин, в транспортное обеспечение, в службу ремонта и производственного обслуживания бурового и нефтепромыслового оборудования.

Через год на разбурировании нефтяных месторождений работали пять буровых организаций, в которых число вахтовиков превысило 3000 человек. Объемы бурения и ввода скважин ежегодно увеличивались в полтора-два раза и к 1985 году достигли немногим меньше одного миллиона метров в год. А скважин вводилось более трехсот. Значительно снизилась напряженность жилищной проблемы.

Вахтовая форма организации труда в бурении стала главным фактором, обеспечившим создание в короткие сроки нефтедобывающих мощностей Усинского и Воейского месторождений и вывод на проектный уровень добычи нефти. При этом она не имела никакой поддержки в республике, считалась здесь скрытой формой прекращения нефтяниками строительства города Усинск, негативно воспринималась первым секретарем обкома партии, лично запретившим Коми управлению гражданской авиации выделять самолеты ТУ-134 для перевозок вахтовиков. Не обошлось без вмешательства министра гражданской авиации и отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС. В результате были налажены регулярные рейсы самолетов между Ухтой и Минском, Львовом, Ивано-Франковском, Харьковом, Полтавой, Краснодаром, Куйбышевом, Волгоградом, Бутульмой.

Проблема бурения скважин была успешно решена. В ее решении принимали непосредственное участие талантливые инженеры и организаторы бурового дела Н.И. Яценко, А.И. Радиоков, М.М. Сайфеев, Г.И. Кокшаров, А.П. Якимов, Н.С. Гаджиев, Ф.К. Клинюшин, В.Б. Пупырев, Н.К. Сувернев, Б.А. Троиц, В.М. Урманов, А.С. Попович, И.А. Николаев, ученые института «ПечорНИПИнефть» В.К. Лихолай, И.Ю. Быков, В.Ф. Буслаев, Г.Г. Зарипов, И.П. Зуев, работники объединения В.А. Кузнецов, Е.И. Тихомиров, В. Фаттахов.

Громадная насыщенность буровым и нефтепромысловым оборудованием и механизмами требовала организации квалифицированного технического обслуживания и своевременного его ремонта. По расчетам института, для этого нужны были мощности среднего машиностроительного завода. Создание базы велось под руководством прекрасного организатора, инженера-машиностроителя В.А. Ширишорина. С расширением масштабов ремонтных работ, увеличением их объемов из Волгограда были приглашены специалисты машиностроительного профиля — механики Семен Шварцман, Александр Симкини, Генрих Ботвинник. Получив от руководства объединения широкие полномочия, они за год построили и оснастили металлообрабатывающим оборудованием и технологическими процессами цеха и участки и приступили к капитальному ремонту бурового и нефтепромыслового оборудования, к производству сложных и дефицитных деталей и узлов. При помощи ряда институтов машиностроительного профиля Москвы, Киева, Минска, Волгограда были внедрены такие процессы, как электродуговая плавка металлов и сплавов, чугунное и стальное литье, плазменное напыление рабочих поверхностей деталей порошковыми высокопрочными материалами, высокочастотная термообработка, рентгеновский и ультразвуковой методы дефектоскопии, самые передовые методы электродуго-

Воздушные ворота Усинска.

вой сварки и наплавки, разработанные и внедренные учеными Института сварки имени Патона.

Усинская база производственного обслуживания — так по принятой в Миннефтепроме структуре назывался этот машиностроительный комплекс — не имела себе равных среди нефтедобывающих объединений отрасли. Ни один агрегат с Севера не отгружался на ремонтные заводы, все делалось на месте.

Следующим этапом стало предоставление услуг промысловикам и буровикам по прокату оборудования с гарантией качества и профилактического обслуживания в период эксплуатации. Услугами этого производства пользовались и продолжают пользоваться на новом техническом и технологическом уровне многие усинские предприятия.

На пути к Ледовитому океану

Создание мощностей по добыче нефти напрямую зависело от своевременной доставки материалов, оборудования, рабочих на строительные площадки и буровые. Основным потребителем грузов было бурение. Для бурения одного метра скважин требовалось доставить 2-2,5 тонны грузов. При глубине скважин 3,5 тысячи метров потребность превышала 8000 тонн, а при объемах бурения в один миллион метров — около трех миллионов тонн. Дорог с твердым покрытием не было ни к одному из вводимых в разработку месторождений. Применение авиации не решало проблемы, а еще больше ее усугубляло. Выполнение все возрастающих объемов буровых и строительных работ, учитывая характеристику и особенности грузов, было возможно только при наличии дорог с бетонным покрытием. Их строительство от Усинска до Усинского и Возейского месторождений вели дорожно-строительные организации Министерства транспортного строительства СССР. Кроме дорог, они строили речной причал на реке Уса и Усинский аэропорт для приема самолетов типа ТУ-134.

Сооружение подъездов к многочисленным промысловым объектам и буровым, отсыпку площадок выполнял трест «Коминьфеспецстрой» объединения «Коминьфть». Для дорожного строительства в этом районе были привлечены трест «Пермдорстрой», управление «Печорстрой» и «Мостострой-6». С руководителями этих организаций мне приходилось успешно сотрудничать на Вуктыле, где они вели строительство внутрипромысловой и магистральной дороги Ухта — Вуктыл. Добрые отношения, сложившиеся с руководителями строительного монтажного поезда СМП-331, дорожно-строительного управления СУ-924 и механизированной колонны МК-14 В. П. Мерзляковым, А.Д. Ермаиловым, П.П. Тумановым, И.М. Алексеенко, В.А. Савинкиным позволяли успешно решать сложные и срочные задачи. Это вселяло надежду на то, что подобное сотрудничество будет продолжаться и в Усинске.

Надежда оправдалась. Составленная трестами «Пермдорстрой», «Мостострой-6» и объединением «Коминьфть» программа работ предусматривала меры по значительному усилению дорожного строительства в новом районе. Речь шла об опережающем возведении пяти крупных мостовых переходов через главную здешнюю водную преграду — реку Колва и двадцати семи мостов и искусственных дорожных сооружений через своиравные таежные и тундровые речки; о встречной отсыпке земляного полотна дороги из не-

скольких точек с организацией там условий для работы и отдыха строителей и транспортников; о наведении в местах строительства мостов временных паромных и понтонных переправ; о доставке по большой весенней воде железобетонных плит для дорожного покрытия и конструкций мостов в зоны, максимально приближенные к строительным площадкам.

Объединение брало на себя обязательства приобрести имущество понтонных переправ, наводить паромные переправы, выделять спецтранспорт для доставки тяжеловесных и крупногабаритных грузов, оказывать помощь самосвальной техникой для отсыпки подходов к мостам, по своевременной оплате выполняемых сверх установленного плана объемов работ, по изысканию месторождений песчано-гравийной смеси вдоль трассы автодороги, выделению для работающих в районе Харьягинского месторождения жилого комплекса на 80 человек — «Вахта-80».

Уже на северной залежи Возейского месторождения впервые появилась возможность начать обустройство и бурение эксплуатационных скважин, как только было отсыпано земляное полотно дороги, что значительно облегчило и ускорило доставку грузов, подготовку к освоению этой части месторождения.

В то время уровень добычи нефти уже приближался к максимуму, предусмотренному проектами разработки Усинского и Возейского месторождений, — 13,8 миллиона тонн в год.

Положение на Возейском месторождении осложнялось непредвиденными для нефтяников обстоятельствами. По основной залежи этого месторождения был выявлен факт значительного завышения Ухтинским территориальным геологическим управлением фактических запасов нефти. Они были приняты в Государственном комитете по запасам,

В гостях у строителей пятого моста через реку Колва на Харьягинском месторождении.

Понтонная переправа в районе Северного Возья. 1982 год.

первым заместителем председателя которого к тому времени стал бывший начальник Ухтинского управления Н.Т.Забродоцкий, числящийся в списках первооткрывателей месторождения. Завышенные объемы запасов привели к необоснованному завышению в принятом проекте разработки месторождения уровня добычи нефти более чем на полмиллиона тонн в год. Оперативный (уточняющий) подсчет запасов нефти по девонской залежи Усинского месторождения показал снижение извлекаемых запасов (против защищенных в ГКЗ) на 26,9 процента. Из-за этого расчетная добыча нефти на 1985 год составляла 6,21 миллиона тонн, что на 790 тысяч тонн ниже проектной. Известный ухтинский геолог, отдавший около 30 лет про-

мысловой геологии региона, директор по геологии института «ПечорНИПИнефть» А.К.Цехмейструк в своих воспоминаниях так характеризует сложившееся тогда положение:

«Столкнувшись с такой ситуацией с подсчетом запасов по Возейскому месторождению, было решено детальнее познакомиться с материалами подсчета запасов по Усинскому месторождению — среднедевонской залежи легкой нефти. К протоколу Государственной комиссии по запасам, которым были утверждены запасы по этому объекту, прилагались заключения авторитетнейших экспертов, которые указывали на существенные упущения как самого процесса разведочных работ, так и подсчета запасов. Как ни странно, но ГКЗ проигнорировала эти замечания и утвердила предложенные подсчетчиками извлекаемые запасы.

В процессе эксплуатационного разбуривания этой залежи все огрехи в подготовке залежи к промышленному освоению выявились, но потребовалось более двух десятков «пустых» скважин, прежде чем ГКЗ согласилась с уточненной величиной запасов, почти на тридцать миллионов тонн меньше первоначально утвержденной».

Был проведен анализ разработки месторождений, из материалов которого следовало, что достоверность оценки запасов нефти выше в южных районах республики Коми и в

Паромная переправа через реку Колва.

более ранних по срокам открытия месторождениях. В Войвожском районе, разведанном в сороковые годы, начальные оценки запасов подтвердились более чем на сто процентов. В Нижнеодесском районе, разведанном в основном в пятидесятые — начале шестидесятых годов, достоверность оценки запасов близка к ста процентам. На усинских месторождениях она составляла 70-80 процентов, а еще севернее была и того ниже. Такое положение объясняется тем, что в сороковые-шестидесятые годы разведка месторождений и добыча нефти были сосредоточены в одних руках — в Ухткомбинате, который нес ответственность за главный показатель — добычу нефти и газа, а уровень ответственности специалистов за достоверность подсчета запасов был чрезвычайно высоким и бескомпромиссным.

В последующий период (70-80 годы) за разведку месторождений и определение запасов нефти и газа отвечало Ухтинское территориальное геологическое управление Министерства геологии Российской Федерации, они и были главным показателем в оценке его работы. Склонность приукрасить достижения была слишком велика, и достоверность запасов резко упала. Кроме того, на достоверность подсчетов влияло активное вмешательство местных партийных органов, что подталкивало некоторых руководителей к припискам.

Необходимость наращивания объемов добычи нефти для компенсации неподтвердившихся запасов при естественном и неизбежном падении добычи на большинстве разрабатываемых месторождений обязывала руководство объединения «Коминнефть» искать пути ускоренного выхода на новые нефтеносные площади.

Наиболее доступными для освоения были открытые геологами северные месторождения Колвинского вала и расположенного рядом Шапкино-Юрьянского вала. В

связи с этим стало первостепенным и неизбежным продолжение строительства дороги за Полярным кругом, в первую очередь к Харьягинскому месторождению.

Расчеты показывали, что построить пятидесятикилометровый участок бетонной дороги от Северно-Возейской залежи до Харьягинского месторождения возможно имеющимися дорожно-строительными мощностями за полтора года. Однако они оказались неверными.

Условия строительства дорожного полотна в тундре требовали увеличения объемов земляных работ в 1,8-2 раза. Вызвано это было необходимостью защиты от таяния вечномерзлых грунтов под насыпью и вблизи дороги, а также предотвращения снежных заносов на ее проезжей части. Сдерживающим фактором начала строительства оказались изыскания и исследования трассы дороги. Для их качественного проведения и получения необходимой информации требовались многолетние наблюдения. Без изучения процессов таяния грунтов невозможно было принять оптимальные решения по технологии строительства и конструкции дороги.

К сожалению, последним обстоятельством тогда в значительной мере пришлось пренебречь. Издержки такого решения сегодняшние пользователи этим участком дороги испытывают на себе. Дорога «поплыла» и давно требует серьезной реконструкции.

Чтобы уложиться в намеченные полтора года строительства, требовалось увеличить мощности по отсыпке. При получении гарантии строителей, что дорога будет построена к лету 1985 года, объединение передало им сто большегрузных самосвалов чешского производства, двадцать бульдозеров и экскаваторную технику. Совместными усилиями за-

*Руководящий десант на Ярейюском месторождении.
По традиции — фото на память. 17 июля 1978 года.*

дача была успешно решена. Впервые в условиях севера Тимано-Печорской провинции на Харьягинское месторождение пришла бетонная дорога до начала его промышленного освоения.

Параллельно с окончанием строительства этого участка велась подготовка к работам на участке, соединяющем Харьягинское с Ярейюским, Южно-Хыльчюским и Хыльчюским месторождениями. В этой части Колвинского вала в 1985 году по уже разведанным и находящимся в разведке месторождениям промышленные запасы нефти оценивались в 200-220 миллионов тонн. Их ввод в разработку в ближайшие 2-2,5 года давал возможность объединению поддерживать достигнутый уровень добычи нефти в объеме 18-19 миллионов тонн.

Летом 1985 года институтами «ПечорНИПИнефть» и «Дорпроект» (г. Киев) были завершены изыскания трассы дороги, определены места базирования строительных колонн на Ярейюском и Хыльчюском месторождениях. В район Харьяги по Колве доставлены жилые вагончики, строительные материалы, дорожно-строительная техника, всего свыше 30 тысяч тонн различных грузов. Осенью 1985 года на трассу вышли отряды дорожных строителей — со стороны Харьяги из треста «Пермдорстрой», ими руководили А.Д.Ермилов, В.А.Савинкин, В.Н.Сорвачов, в районы Ярейю и Хыльчюю — из треста «Коминф-теспестрой» во главе с заместителем управляющего Н.К. Лосиковым, а также строители Ярегского СМУ. В октябре с наступлением первых морозов начались работы по строительству зимней дороги и обустройству пионерных баз для строителей и специалистов Войвожского нефтегазодобывающего управления и института «ПечорНИПИнефть», приступивших к исследовательским работам на скважинах Ярейюского и Хыльчюского месторождений. В середине ноября А. Ермилов и Н. Лосиков докладывали о начале земляных работ на трассе будущей дороги. Инициатива форсированного строительства автомагистрали, проявленная руководителями объединения «Коминфть», одобренная и поддержанная руководством Министерства нефтяной промышленности (Н. Мальцев, Ш. Донгарян, П. Алексеев, Н. Лисовский, позже В. Динков), обеспечивала:

— освоение нефтяных месторождений в новом, самом северном, прибрежном районе Европейской части страны;

— последовательное освоение нефтегазовых месторождений в зонах, прилегающих к дороге, а затем к востоку и западу от нее;

— наращивание геологоразведочных работ на территории Большеземельской тундры и их значительное удешевление;

— ускоренное освоение организациями Мингазпрома СССР Нарьянмарской группы газоконденсатных месторождений;

— создание единого коммуникационного коридора для всех месторождений севера Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции с равными возможностями для транспорта нефти и газа как в северном, так и южном направлениях;

— сближение и объединение интересов народов Коми АССР и Ненецкого национального округа, которые бы способствовали сглаживанию давно возникших недобрососедских отношений между чиновниками этих административных образований;

— функцию весомого катализатора административного объединения условно разделенной на две части территории, единой по своей географии и геологии;

— создание стратегического выхода к водам Ледовитого океана в данном регионе страны.

Тогдашним руководством Ненецкого округа и Архангельской области, с которым автору этих строк приходилось согласовывать многие принципиальные вопросы деятельности объединения «Коминнефть» в этом районе, наши действия одобрялись и всячески поддерживались. Такую же позицию занимали не только многочисленные властные и инспектирующие органы округа, но и средства массовой информации Нарьян-Мара и Архангельска.

Нетрудно представить, каким образом и по какому сценарию развивались бы события по освоению этого региона, да и всего Европейского Севера, если бы по намеченному плану в начале восьмидесятых годов прошлого века была построена бетонная автомагистраль Усинск — берег Ледовитого океана.

Что же помешало осуществить успешно начатый стратегический замысел? Будет ли он реализован? К этому вернемся позже. А пока сделаем остановку...

...на Харьягинском пикете

Первая геолого-поисковая скважина на Харьягинской площади глубиной до 1200 метров была пробурена Ненецкой геологоразведочной экспедицией в начале 60-х годов. Достичь продуктивных горизонтов тогда не удалось, и лишь в 1966 году поисковые работы были продолжены. Монтажники второго вышкомонтажного управления треста «Войвожнефтегазразведка» в январе приступили к монтажу оборудования для бурения первой опорной скважины, закончили монтажные работы к лету и 5 июня 1966 года передали буровую бригаде мастера Е.А. Хорошулина. Бурение ее длилось четыре года. При испытании 21 мая 1970 года в интервалах 3608-3616 и 3621-3628 метров была получена нефть, засвидетельствовавшая открытие второго, после Усинского, нефтяного месторождения на Колвинском валу.

Первооткрывателями месторождения были признаны геолог участка бурения В.И. Антонов, начальник геологического отдела экспедиции глубокого бурения Г.И. Зеленский, геолог Т.И. Кушнарера, старший геофизик Т.М. Москалева, начальник инженерно-технологической службы экспедиции А.Ф. Махоматчин, геолог А.В. Соломатин, буровой мастер Е.А. Хорошулин, начальник сейсморазведки Ю.Я. Цимбалистов. Наряду с множеством уникальных особенностей этого месторождения, которые стали известны позже, примечательным было и то, что в составе первооткрывателей нет ни одного главного специалиста или начальника, а только те, кто непосредственно участвовал в его открытии. Позже, в 80-е годы, в списках открывателей месторождений в Тимано-Печорском крае можно будет найти фамилии высокопоставленных чиновников и даже секретаря Усинского райкома КПСС, не имеющего к открытиям никакого отношения.

Харьягинское месторождение не вызывало особого интереса, его детальная разведка была отложена до лучших времен. Началась она в 1977 году после завершения разведочных работ на открытом южнее Возейском месторождении и длилась семь лет. В 1984 году извлекаемые запасы Харьяги составили 158 миллионов тонн и были защищены в Государственном комитете по запасам. Позже вблизи Харьягинского месторожде-

Харьятинские просторы с высоты птичьего полета.

ния были открыты Северно-Харьятинское и Восточно-Харьятинское с запасами извлекаемой высокопарафинистой нефти, не превышающими десяти миллионов тонн.

Новые месторождения располагались за Полярным кругом в зоне с суровым климатом, широким распространением многолетнемерзлых грунтов, сильной заболоченностью территории, покрытой густой сетью рек и речек. Мощность вечноммерзлых пород здесь достигает 400-500 метров, температура колеблется от ноля до минус четырех градусов, что объясняет чрезвычайную ранимость тундровой зоны Европейского Севера. Малейшее нарушение температурного режима приводит к образованию оползней, просадок, оврагов, размыванию грунтов на значительных территориях. Высокая льдистость грунтов, в которых толщина отдельных прослоек льда достигает десяти сантиметров, при оттаивании дает значительные осадки, что вызывает необходимость поиска необычных технических решений при выполнении всего комплекса работ по обустройству месторождения и его эксплуатации.

Харьятинское месторождение оказалось сложнопостроенным и многопластовым, насчитывающим 27 залежей нефти. Нефть отдельных залежей содержала до 40 процентов парафина, температура ее застывания превышает плюс 35 градусов. Такие свойства в сочетании с суровыми климатическими условиями делали добычу, сбор и транспорт этой нефти на всем пути от скважины до потребителя сложной научно-технической задачей.

Нормальная работа всей системы сбора, подготовки и транспорта могла быть обеспечена несколькими способами:

- подогревом нефти до температуры выше температуры выпадения парафина;

Таким было жилье для первых строителей Харьяги.

- разбавлением высокопарафинистой нефти малопарафинистой;
- созданием смеси с газовым конденсатом соседних месторождений;
- предварительным отделением парафина и другими методами.

Применение варианта транспорта высокопарафинистой нефти с подогревом требовало значительных затрат тепловой энергии, а при вынужденных остановках могло привести к застыванию нефти в трубопроводе. В районе многолетнемерзлых грунтов перекачка нефти с подогревом возможна только при надземной прокладке нефтепроводов. При этом низкие температуры воздуха, доходящие в этом районе до минус 54 градусов, и сильные ветры диктовали необходимость эффективной тепловой изоляции, применения труб для нефтепровода из легированной дорогостоящей и дефицитной стали. Кроме того, при варианте с подогревом не исключались значительные трудности при пуске нефтепровода после остановок, связанных с авариями, отключением электроэнергии и другими причинами.

Разбавление легкой нефтью или конденсатом возможно только в случае одновременного ввода в разработку соответствующих нефтяных или конденсатных месторождений и обеспечения при этом необходимых соотношений по уровню добычи на каждом из них. При этом способе не исключены сложности при переработке таких смесей.

Не менее трудной проблемой было бурение эксплуатационных скважин. Предстояло решить целый ряд технических, технологических и организационных задач. Среди них — защита устья скважины от оттаивания почвы, установка термоизоляционных колонн в верхней части скважины, предотвращение застывания нефти в скважине в период ее остановки по аварийным и другим причинам, борьба с парафиноотложениями на стенках

Возей. Воронка на устье скважины, возникающая из-за нарушения температурного режима вечной мерзлоты.

скважины в период ее эксплуатации. Нелегкой была и проблема обеспечения водой для поддержания пластового давления. В реке и озерах ее для этих целей не хватало. Требовалась особая охрана окружающей среды. На период обустройства месторождения и интенсивного его разбуривания на Харьяге нужно было поселить около двух тысяч человек.

Совокупность всех этих проблем делала освоение Харьягинского месторождения не похожим на все другие месторождения. Здесь предстояло создать не обычное нефтедобывающее производство, а научно-производственный экспериментальный комплекс. По сложности и условиям добычи нефти он не имел аналогов в стране и в мире.

Подготовка к освоению месторождения началась до утверждения запасов нефти. К проблемам Харья-

Устье той же скважины после применения разработанной ухтинскими учеными «Парождикостной системы охлаждения приустьевой зоны скважины в условиях многолетней мерзлоты».

Наземный экспериментальный нефтепровод Харьяга — Северный Возей.

ги были привлечены многие научно-исследовательские и проектные институты как Министерства нефтяной промышленности, так и других министерств, некоторые академические институты. Велось проектирование линий электропередачи к месторождению и далее на север до Хыльчюуского, изыскания коридора для прокладки коммуникаций, проводились работы по мерзлотной тематике, изучению свойств и характеристик высокопарафинистой нефти. И все же основные научные и проектные работы предстояло выполнять институту «ПечорНИПИнефть». И это было не случайно.

Институт представлял лучшую в стране школу по проектированию обустройства нефтяных месторождений в районах Севера. Здесь досконально знали природно-климатические особенности региона, накопили опыт проектирования объектов по добыче аномальных нефтей Ярегского и Усинского месторождений. В стенах института трудились высококвалифицированные кадры геологов, гидрологов, разработчиков нефтяных месторождений, владеющие как традиционными методами, так и уникальным шахтным, а также опытом разработки месторождений паротепловыми методами, бурением скважин в чрезвычайно сложных геологических и природно-климатических условиях.

Над проблемами Харьяги работали талантливые ученые и проектировщики В.К. Лихолай, И.Ю. Быков, В.Ф. Буслаев, В.М. Зарх, А.К. Цехмейструк, А.С. Чесноков, В.А. Дементьев, Е.М. Базаров, В.Е. Варзов, В.А. Коновалов, В.П. Ларуков, П.В. Жуйко, А.А. Владимиров, В.А. Нарышев, В.П. Никифоров, Л.М. Рузин, Г.А. Кравченко, А.А. Миклин, С.С.Блох, А.Т.Кобрушко, Л.А.Вокуев, В.Н.Матюшев. Возглавляли в то время институт А.К. Стрельчук и И.Ю. Быков, которые были не только организаторами, но и вели большую научную работу по важным проблемам добычи нефти и бурения скважин.

Высокий уровень организации работ, тесное сотрудничество лабораторий и отделов, дух творчества ученых, технологов, проектировщиков, инженеров позволили на базе широкого комплекса научных исследований подготовить в 1985 году проекты пробной экс-

Здесь разрабатывались проекты освоения новых нефтяных залежей Заполярья.

плуатации опытно-промышленного участка Харьягинского месторождения, опытно-промышленного межпромыслового нефтепровода Харьяга — Северный Возей, вахтового жилого комплекса. Многие инженерные задачи решались здесь впервые в стране.

Приказано: курс на Север

Утверждение промышленных запасов нефти, наличие проектов разработки и обустройства, дороги круглогодичного действия, активное строительство линии электропередачи Возей — Харьяга стали весомой подготовкой к широкомасштабному и безотлагательному наступлению на Харьягу. 22 февраля 1985 года на месторождение прибыла группа руководителей предприятий и организаций во главе с генеральным директором объединения. Им предстояло вести здесь весь комплекс работ — от организации питания до получения первой нефти.

Здесь же находились заместители генерального директора и начальники ведущих отделов объединения. В присутствии более 40 ответственных работников был подписан приказ №91 от 22 февраля 1985 года, обязывающий приступить к работам на Харьягинском месторождении. Такая форма была выбрана для создания соответствующей атмосферы ознакомления исполнителей с предстоящими работами на месте. Одновременный старт всех участников проекта создал условия для полного и четкого взаимодействия, понимания с первого дня работы, кто и за какой участок несет ответственность, кто сосед справа и слева.

Освоение месторождения поручалось Войвожскому нефтегазодобывающему управлению, его начальнику и главному инженеру Л.В. Куртееву и Н.С. Лушникову. Выполнение строительно-монтажных работ возлагалось на Ярегское строительно-монтажное управление во главе с Л.Е. Гавриковым. Первоочередными объектами были: обустройство опытного участка, строительство вахтового жилого комплекса, вагон-городков на Ярей-

юском и Хыльчююском месторождениях, строительство столовой, магазинов, пекарни и других объектов. Комплекс земляных работ по отсыпке площадок под кусты скважин, вахтовый поселок и промышленные объекты и дороги к ним продолжал выполнять трест «Коминьфестеспестрой». Для бурения эксплуатационных скважин трест буровых работ начал передислокацию мощностей с северной части Возейского месторождения, где к тому времени работы шли к завершению. Предусматривалось двенадцатью-пятнадцатью бригадами довести объемы проходки до 150 тысяч метров в год, обеспечить ежегодный ввод в эксплуатацию до 50 скважин. С этой задачей коллектив Управления буровых работ №3, руководимый опытным буровиком В. Урмановым, успешно справился.

Руководители нефтегазодобывающего управления «Войвожнефть», за плечами которых был богатейший многолетний опыт работы на нефтегазовых промыслах Войвожского промузла, осуществившие успешную застройку рабочего поселка Войвож многоэтажными крупнопанельными и кирпичными домами, реконструкцию Дома культуры, объектов торговли, строительство современного спортивного комплекса с плавательным бассейном и ряд других добрых дел, со свойственным им пониманием и ответственностью в мае 1980 года приступили к работам по организации добычи нефти на Северной залежи Возейского месторождения и проведению исследований на пробуренной объединением «Коминьфест» совместно с канадскими специалистами экспериментальной скважине №100.

Войвожское нефтегазодобывающее управление снимало с усинских нефтяников значительную часть возросшей нагрузки, а работа вахтово-эксплуатационным методом его опытных специалистов уменьшала нагрузку на социальную сферу Усинска. Набравшийся опыта и организационно окрепший Северо-Возейский участок через полтора года преобразуется в цех по добыче нефти и газа №3. В течение 1984 года управление «Войвожнефть» ведет комплексные исследования харьятинских скважин, а в декабре создает опытно-экспериментальный участок по добыче высокопарафинистой харьятинской нефти. На севере от Войвожского управления к концу 1984 года уже работало два нефтедобывающих цеха: Харьятинский и №3 по добыче нефти и газа на Северо-Возейской, Западно-Возейской и Уфимской залежах Возейского месторождения. Таким образом, на

*Группа работников «Коминьфести»
на площадке будущих промышленных объектов Харьяти, 1985 год.*

территории Ненецкого округа Архангельской области была подготовлена надежная база для создания самого северного нефтедобывающего предприятия без отвлечения сил и средств Усинского НГДУ, дела которого начали заметно ухудшаться.

Активное привлечение в 1984 году войвожских нефтяников к работе на севере провинции в значительной мере было связано с назревшими изменениями в руководстве Усинского нефтедобывающего управления. Предстоявшая замена начальника управления В.З.Леонидова была вызвана его прогрессирующей алкогольной зависимостью. Предпринятые со стороны тогдашнего первого секретаря Усинского райкома КПСС Ю.А.Спиридонова, хорошо знавшего и сам недуг, и методы его маскировки, попытки скрыть заболевание Леонидова были безрезультатными. По его же настоянию форма освобождения от должности была выбрана щадящая — отправить начальника Усинского нефтедобывающего управления на учебу. С 31 августа 1984 года управление возглавил А.Г.Губарев. Ему предстояло осуществить ряд технических и организационных мер по улучшению работы коллектива, особенно по использованию фонда скважин на Усинском и Возейском месторождениях, укрепить пошатнувшуюся дисциплину.

Естественно, в таких условиях многие сложнейшие проблемы Харьяги не решались. На начало 1985 года «зависло» строительство опытно-промышленного межпромыслового нефтепровода. Подрядная организация, призванная выполнять работы по обустройству месторождений нефти и газа в северных районах Европейской части страны — Главкомгазнефтестрой, вести его строительство отказалась, ссылаясь на якобы некачественную проектно-сметную документацию и отсутствие специальных труб. Безусловно, строить наземный нефтепровод с системой электроподогрева, с основной и резервной линиями электропередачи, с устройством специальных переходов для оленей, с сохранением растительного покрова не только на трассе, но и вокруг множества свайных опор и целым рядом других отличий от обычных подземных нефтепроводов, было не только сложно, но и ответственно. Это все понимали. Такой нефтепровод строился впервые в стране. Сложность и ответственность были истинной причиной нежелания Главкомгазнефтестрой принимать в план работ на 1985 год строительство необычного в его практике объекта.

Не удалось договориться с подрядчиком и на министерском уровне. Надежда, что удастся уговорить строителей, была потеряна. Нефтяники начали обсуждать вариант строительства собственными силами.

Решение пришло неожиданно. Как раз в то время министр нефтяной промышленности В.А. Динков, недавно сменивший на этом посту Н.А. Мальцева, вместе с министром Миннефтегазостроя СССР В.Г. Чирсковым и заместителем Председателя Совета Министров СССР, ведающим топливно-энергетическим комплексом, Б.Е. Щербиной 12 апреля 1985 года прибывают в Ухту. Цель — проверить, как выполняется постановление по предотвращению продолжающегося падения добычи нефти в стране. Они решили рассмотреть положение дел с добычей нефти в объединении «Коминнефть», выявить резервы ее увеличения. А если такие резервы обнаружатся, то принять незамедлительные меры по превращению их в тонны отгруженной нефти. Но таковых не нашли, да и не было их. Активные поиски велись уже пятый год. Количество «поисковых» комиссий в начале восьмидесятых годов достигло рекордного числа в 1982 году — 72, в 1983 — 83. О серьезности поисков резервов говорит тот факт, что они были инициированы Коми

*Мы на экспериментальной советско-канадской буровой
Крайний слева — начальник Войвожского нефтегазодобывающего
управления Л.В.Куртеев, крайний справа — управляющий трестом
«Коминетспецстрой» Я.В.Биков. 1982 год.*

обкомом КПСС (И.П. Морозов и Н.Н. Кочурин), пытавшихся с 1974 года доказать возможность добывать в регионе 25-30 миллионов тонн нефти в год, не имея для этого открытых разведанных и доступных для освоения промышленных запасов нефти. В этой бесплодной затее участвовало 1215 человек проверяющих и в десятки раз больше проверяемых. Это была гигантская, но напрасная трата интеллектуального труда профессионалов во имя удовлетворения амбиций двух партийных деятелей.

Для предотвращения намечившегося в 1984 году снижения достигнутого максимального (19,2 миллиона тонн) уровня добычи нефти в регионе резервы министру В.А.Динкову были представлены. О них он был проинформирован работниками министерства

еще в Москве. Они были на Харьяге. В день прибытия в Ухту министры занимались своими подведомственными предприятиями. Заместитель Председателя Совета Министров проводил встречу с избирателями. Он был депутатом Верховного Совета СССР от Ухтинского избирательного округа.

13 апреля Б.Е. Щербина, В.А. Динков, В.Г. Чирсков, сопровождающие их первый секретарь Коми обкома КПСС И.П. Морозов, председатель Совета Министров Коми АССР В.И. Мельников, начальник Главкомгазнефтестроя В.И. Мирошниченко побывали в Усинске. Оттуда, по настоянию Динкова, все мы выехали на Харьягу. Здесь после короткого ознакомления с характеристикой месторождения и возможными уровнями добычи нефти (4-4,5 миллиона тонн в год) Б.Е. Щербина дает указание В. Чирскову и В. Мирошниченко немедленно приступить в этом же году к строительству экспериментального нефтепровода, гарантируя срочную поставку 3000 тонн труб из спецстали, а также к комплексному обустройству месторождения силами Главкомгазнефтестроя. Только

так удалось сломать сопротивление. По разным причинам строительство велось дольше установленного срока. Уложиться в один зимний сезон не удалось. (Работы в режиме сохранения окружающей среды можно было вести только зимой). Нефтепровод принял первую нефть в августе 1989 года. До этого готовые мощности по добыче нефти использовались частично. В 1987 году было добыто 2,1 тысячи тонн нефти. Столько, сколько требовалось для технологических нужд нефтяникам и буровикам на самом месторождении. В следующем году был широко использован проведенный 6 ноября 1985 года заведующим промыслом В. Кохановским, начальником нефтепромыслового управления Н.С. Лушниковым и начальником строительного управления Л.Е. Гавриковым удачный эксперимент по вывозу нефти автомобильным транспортом. Добыча составила более 40 тысяч тонн. С пуском нефтепровода за первый полный год эксплуатации она достигла 1130 тысяч тонн.

В мае 1987 года на базе цеха по добыче нефти Войвожского нефтегазодобывающего управления было создано новое нефтегазодобывающее управление — «Архангельск-нефтегаз». Начальником управления стал Н.С. Пономарев, высокой квалификации нефтяник, неутомимый труженик, воспитанник коллектива «Тэбукнефти». Сменил его на этом посту верный нефтепромысловому делу и усинскому краю, прекрасный инженер и человек В.С. Абмаев.

Так зарождался новый нефтедобывающий район на территории Архангельской области — своеобразный производственный и учебный комплекс на Европейском Севере.

Надежды и неудачи на западе Большеземельской тундры

Начиная с 1975 года, геологоразведочные работы, как и предусматривалось, переместились в северную часть Тимано-Печорской провинции и тяготели к Ледовитому океану. Их небольшие объемы и разбросанность по громадной и труднодоступной территории выполнялись на значительном удалении от разрабатываемых месторождений, хотя прилегающие к ним малоизученные районы считались перспективными. Фактические объемы разведочного бурения в регионе в несколько раз отставали от требуемых для выполнения заданий по приросту запасов нефти и газа, намеченных в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР №277 от 16 апреля 1974 года. Предусмотренный в 1980 году метраж бурения в 500 тысяч метров не превысил 300 тысяч метров даже в 1984 году.

В начале 80-х годов по этой причине сложилась ситуация, когда нефтяники реально имели два пути поддержания добычи нефти в регионе на уровне достигнутых 19 миллионов тонн в год: освоение месторождений Шапкинского и северной части Колвинского валов; максимально возможное использование высоковязких и трудноизвлекаемых нефтей, составлявших на то время 35,4 процента от всех запасов объединения. К их активному использованию приступили нефтяники.

Хочу обратить внимание читателя на то, что в это время объединение «Коминнефть» проводило активную подготовку к широкомасштабному освоению северной части региона. Именно тогда разрабатывалась генеральная схема комплексного освоения нефтяных и газовых месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и шельфа

Баренцева и Карского морей. К работе были привлечены многие организации союзных министерств: нефтяной промышленности, геологии, газовой промышленности, транспортно-строительству, энергетике, морского флота и других. Работа была очень масштабной.

Обобщение всех исследований выполняли специалисты института «ПечорНИПИ-нефть». Был произведен детальный анализ сырьевой базы, определены зоны концентрации запасов углеводородов, намечены трассы коммуникаций. На этой основе после неоднократного обсуждения на научно-техническом совете объединения была намечена очередность освоения отдельных зон и месторождений. В первую очередь, планировалось осваивать месторождения, расположенные на Колвинском мегавале и прилегающих к нему территориях Хорейверской впадины. За ними наступал черед нефтяных и газовых месторождений Шапкино-Юрьянского вала, после чего — месторождения Варандей-Адзвинской зоны. Что касается морского шельфа, то проработки освоения этой сложной зоны носили обзорный общеоценочный характер. Их детальное рассмотрение планировалось начинать на следующем этапе.

Впервые был сделан подробный анализ возможных вариантов освоения месторождений в прибрежной части Северного Ледовитого океана. «Южный» вариант предусматривал последовательное освоение месторождений с юга и подключение их к нефтепроводной системе Усинск — Центр. «Северный» вариант — самостоятельное освоение прибрежных месторождений с организацией транспорта нефти Северным морским путем для реализации на экспорт. По оценкам разработчиков, «северный» вариант был почти в два раза дороже «южного» при тогдашней цене на нефть, которая была в десять раз ниже ее стоимости в 2005 году. Началом реализации этой программы стал выход на освоение Хыльчучо-Ярейносской группы месторождений.

Но этим планам не суждено было сбыться. Лишь в последние годы, через двадцать лет, были сделаны попытки фрагментарной реализации разработанных в середине 80-х годов планов, но уже под предлогом необходимости использования иностранных технологий и таких же советчиков, в свое время за гроши завладевших результатами труда сотен отечественных специалистов.

Успешное начало реализации программы работ по подготовке к освоению Харьягинского месторождения диктовало необходимость внесения уточнений и изменений в стратегию освоения и других открытых севернее и западнее от Харьягинского месторождений. Дорога, проложенная к северному промышленному центру нефтяников городу Усинск, приближала сроки освоения Южно-Шапкинского и Южно-Хыльчучоского месторождений. В октябре 1985 года приказом по объединению «Коминнефть» №453 «О мерах по усилению работ, направленных на ускоренное освоение нефтяных месторождений западной части Большеземельской тундры» такие задачи и ставились перед нефтяниками.

Началась активная работа по концентрации сил и средств в этом районе. К началу 1986 года здесь было сосредоточено больше половины автотранспортного парка объединения, мобилизованы для работы строительные и дорожные предприятия, как собственные, так и подрядные, привлечены научные и проектные силы многих институтов. Заканчивалось бурение скважин на Усинском и Возейском месторождениях, что позволяло перебросить силы буровиков в новые районы и обеспечить там за 2-2,5 года создание нефтедобывающих мощностей. Возможная добыча нефти в новых районах тогда

По зимнику на Хыльчуйское месторождение. 1985 год.

определялась в объеме 7,7-9 миллионов тонн в год: на Южно-Хыльчуйском — 2-2,3 миллиона тонн, Хыльчуйском — 400-500 тысяч тонн, Ярейюском — 550-650 тысяч тонн, Северно-Харьятинском — 230-250 тысяч тонн, Харьятинском — 3,5-4,2 миллиона тонн, Южно-Шапкинском — 1-1,1 миллиона тонн.

К сожалению, успехи освоения Харьятинского месторождения не удалось повторить на Южно-Шапкинском и Ярейюско-Хыльчуйской группе. Успешно начатым работам по подготовке к освоению этих месторождений, до которых, по северным меркам, было «рукой подать», перегородила путь нефть, а точнее, миф о «большой нефти» на другой структуре, расположенной более чем в двухстах километрах от Харьятинского плацдарма в Хорейверской впадине, названной в честь самых многочисленных обитателей этого края — Оленья.

Из Хорейверской нефтеразведочной экспедиции Архангельского геологического объединения пришло радостное сообщение: при испытании скважины № 20, пробуренной на Оленьей площади в районе Хорейверской впадины, получен фонтан легкой нефти. Руководители «Архангельскгеологии» Ю.Россихин и Б.Яралов, геологи по профессии, рапортуяют руководству Мингео СССР о мощном (450-500 тонн в сутки) фонтане нефти, дают открытию впечатляющую и смелую оценку — свыше двухсот миллионов тонн извлекаемых запасов. В район событий срочно прибывает первый заместитель министра геологии СССР, известный геолог-нефтяник, один из первооткрывателей тюменской нефти, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, бывший начальник «Главтоменьгеологии» Фарман Курбатович Салманов.

Руководствуясь знанием геологии нефтяной Западной Сибири, где в ходу была концепция, не предусматривающая детальных разведочных работ на месторождении, и интуицией, которая никогда его там не подводила, имея поверхностное представление об особенностях строения Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, Салманов на совещании в Ухте называет цифру: 450 миллионов тонн извлекаемых запасов по единственной (!) давшей нефть скважине. А тем, кто имел иную точку зрения, велено было ее из-

менить. Такие на совещании тоже были, ведь Ухта не зря считается научным центром по изучению нефтегазоносности.

Оптимистическую оценку Салманова восторженно поддержали генеральный директор и главный геолог объединения «Архангельскгеология» Россихин и Яралов. Чем они руководствовались, осталось тайной, но то, что не своей интуицией и не знанием региона, это уж точно. Они хорошо знали регион, его сложности и особенности, оба были учениками талантливого геолога Б.Я. Вассермана, известного в геологических кругах страны специалиста, посвятившего всю свою трудовую деятельность изучению Печорского края. Сам он никогда не делал таких громких выводов по одной скважине и по весьма скудным материалам сейсмических исследований. Его взвешенный и обстоятельный, а нередко осторожный подход к оценкам был известен его последователям. Но в этом случае ученики пренебрегли уроками Вассермана.

Ведущие ухтинские геологи В.И. Богацкий, А.К. Цехмейструк, Н.И. Лисин, В.И. Гайдеек, В.Е. Лещенко, В.К. Тимофеев тоже усомнились в такой оценке, считали ее преждевременной и ничем не обоснованной: предполагаемую величину запасов они называли от пятидесяти до семидесяти миллионов тонн.

Пока три уважаемых геолога в Ухте убеждали и устрашали инакомыслящих, на столах высокопоставленных государственных чинов Мингео, Миннефтепрома, Госплана, Совета Министров, Центрального Комитета КПСС тем временем уже лежала раскрашенная карта-схема Оленьего месторождения с извлекаемыми запасами нефти в полмиллиарда тонн. Сомневаться или не верить в открытие нефтяного гиганта никто не хотел, да и не мог. Стране нужна была нефть, много нефти. Так что верить очень хотелось.

По приказу высоких инстанций все силы и средства объединения «Коминнефть» и в первую очередь те, что были сосредоточены на Южно-Шапкинском, Ярейюском, Хьюльчююском и частично Хярьягинском месторождениях, в 1987 году перебрасываются на Олень. Непрерывным потоком в адрес нефтяников и геологов начали поступать дефицитные материально-технические ресурсы, щедро выделенные Госнабмом страны и министерствами. Над проблемами освоения еще не разведанного месторождения начали в авральном режиме работать десятки проектных институтов. Появились схемы планируемых автомобильной и железной дорог, связывающих Усинск с Оленьим и Нарьян-Маром, трассы нефте- и газопроводов, линий электропередачи, авиамаршрутов.

Попытки принявшего у меня дела в январе 1986 года нового генерального директора объединения «Коминнефть» Ю.Н. Байдикова доказать преждевременность и ошибочность такого решения руководству министерства и Коми обкома КПСС вызывали у них только гнев. Ю.Н. Байдикову, недавно незаслуженно уволенному с должности начальника Технического управления Министерства нефтяной промышленности СССР, ничего другого не оставалось, как приступить к выполнению необдуманных и поспешно принятых решений.

Разработать проект пробной эксплуатации поручили институту «ПечорНИПИ-нефть». Руководил проектом «дома на песке» директор института по геологии, талантливый геолог и добросовестный исполнитель А.К. Цехмейструк. Для него и его подчиненных это была задача в духе «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». За несколько месяцев, не расставаясь со своей знаменитой трубой, которая помогала ему

скрывать волнение и растерянность, вызванные пониманием того, что этот труд никому не потребуется, А.Цехмейструк со своим коллективом все же выполнил срочное задание. В отличие от принятой в таких случаях процедуры, рассмотрение проекта проходило в узком кругу, в кабинете первого заместителя министра.

Как только докладчик произнес фразу, что проектом предусмотрено завершение разведочных работ и начало освоения месторождения в 1992 году, наступила пауза, после которой Цехмейструку было велено покинуть кабинет. Оказавшись в коридоре, не успев еще оценить произошедшее, он увидел, как из только что оставленного им кабинета выходили участники совещания, направляясь в кабинет министра. Обсуждать проект и здесь не стали. Последовало указание В.А.Динкова: на Оленью направить все силы и средства министерства для получения нефти в кратчайшие сроки. Шел 1988 год. Наступление на «оленьем» направлении продолжалось. В разгар горбачевской перестройки это был один из приступов агонии, охватывающей отрасль.

Одновременное бурение разведочных и так называемых эксплуатационных скважин, заложенных при отсутствии элементарного представления о границах месторождения, так же быстро закончилось, как и началось. Следующие за первооткрывательницей месторождения четыре разведочные скважины оказались «сухими». До окончания разведки месторождения нефтяникам было велено работы свернуть. Шкуру непойманного оленя делили преждевременно. Олень скрылся, оставив «охотникам» за славой лишь сброшенные рога. Чтобы ничто не напоминало о печальном салмановском «открытии», Оленьего не стало. Сначала название месторождения заменили на «70 лет Октября», а позже на «им. Титова». Правы оказались ухтинские геологи. Запасы нефти не дотянули даже до их минимальной оценки. Зато потери от участия в этой аванюре только у нефтяников оценивались в 62 миллиона долларов, столько же, по оценкам специалистов, составляли неучтенные потери. Моральный и психологический урон, нанесенный нефтяникам, и вовсе нельзя было оценить, настолько он велик.

Нефтяников сразу не удалось вернуть к столь спешно оставленным работам на Южно-Шапкинском и Хыльчююском месторождениях после двухлетнего «оленьего» бума и беспрецедентных потерь сил и средств. Когда же были сделаны попытки возобновить работы, то оказалось, что на уровне нового руководства Мингео СССР родилась другая аванюра. Распоряжением № 1667 от 4 октября 1990 года Совет Министров установил для Министерства геологии СССР задание по добыче нефти и газового конденсата в количестве 3,5 миллиона тонн. Доля Архангельского объединения равнялась 600 тысячам тонн.

Передавать Шапкинское, Ярейюское, Хыльчююские и другие месторождения на территории Архангельской области нефтяникам Коми никто не собирался. Архангельские геологи готовились к не свойственному им делу — добыче нефти, не имея для этого элементарной производственной и технической базы, знаний, опыта, о чем красноречиво свидетельствует разработанная под их руководством западными специалистами (своим не доверяли) программа добычи нефти на территории Ненецкого автономного округа. Предусмотренные распоряжением правительства № 1667 объемы намечалось достичь лишь в 1998 году. Архангельские геологи рассчитывали довести совместно с иностранными фирмами добычу нефти с открытых в Ненецком округе месторождений до объемов, поражающих даже специалистов.

Планируемая геологами добыча нефти к началу века (в тысячах тонн):

Годы	По «Архангельскгеологии» (собственными силами)	По «Архангельскгеологии» (совместно с иностранными фирмами)	Всего
1994	150	568	718
1995	200	1135	1335
1996	213	2561	2774
1997	382	5756	6108
1998	1026	16627	17653
1999	1945	17724	19669
2000	2487	18650	21497

Нереальность этих планов была очевидной, что и подтвердило время. Важно и другое. Приступая к новому виду деятельности, об охране легко ранимой северной природы в «Архангельскгеологии» никто не думал. Предполагалось при добыче нефти сжигать попутный нефтяной газ, а при добыче газового конденсата — природный газ в факелах непосредственно на промыслах. «Не строить же ради таких объемов газопроводы, да и куда и кому строить», — рассуждали незадачливые геологи.

Это было продолжением безнаказанной «оленьей» авантюры, началом крутого падения добычи нефти в регионе, урона престижа нефтяников, раздвоения целенаправленных функций геологоразведочных организаций. На Европейский Север уже катилась волна разрушительной горбачевской перестройки, ломающей управление государством, его экономическую основу. Наступил период второго за восьмидесятые годы падения уровня добычи нефти в стране. Первый спад начался в 1983 году и продолжался до 1986 года. Тогда в стране добывалось нефти: в 1983 году — 616,3 миллиона тонн, в 1984 году — 612,2 миллиона тонн, в 1985 году — 595,2 миллиона тонн. Соответственно в Коми АССР — 19,2; 18,9; 18,2 миллиона тонн. Второй спад наступил после достигнутого в 1988 году максимума 624,3 миллиона тонн. В 1990 году добыча уже снизилась до 570,5 миллиона тонн, а через пять лет в России добывалось лишь 306 миллионов тонн.

Кто-то должен был отвечать за авантюристическую политику в отрасли. Конечно же, не пришедшие к руководству страной партийные вожди. Произошло отстранение от руководства нефтяной промышленностью последнего ее министра В.А. Динкова. На его место приходят не подготовленные для выполнения важных государственных задач люди. Им отводилась, как оказалось позже, иная роль, и они ее, к сожалению, «успешно» выполнили, претворяя в жизнь губительный горбачевский курс перестройки, теряя достигнутые нефтяные рубежи в стране, в том числе и в Коми АССР, бросая ключевую отрасль страны на произвол судьбы. Это уже были не капитаны-лоцманы могущественного «нефтяного корабля», а начинающие бодманы.

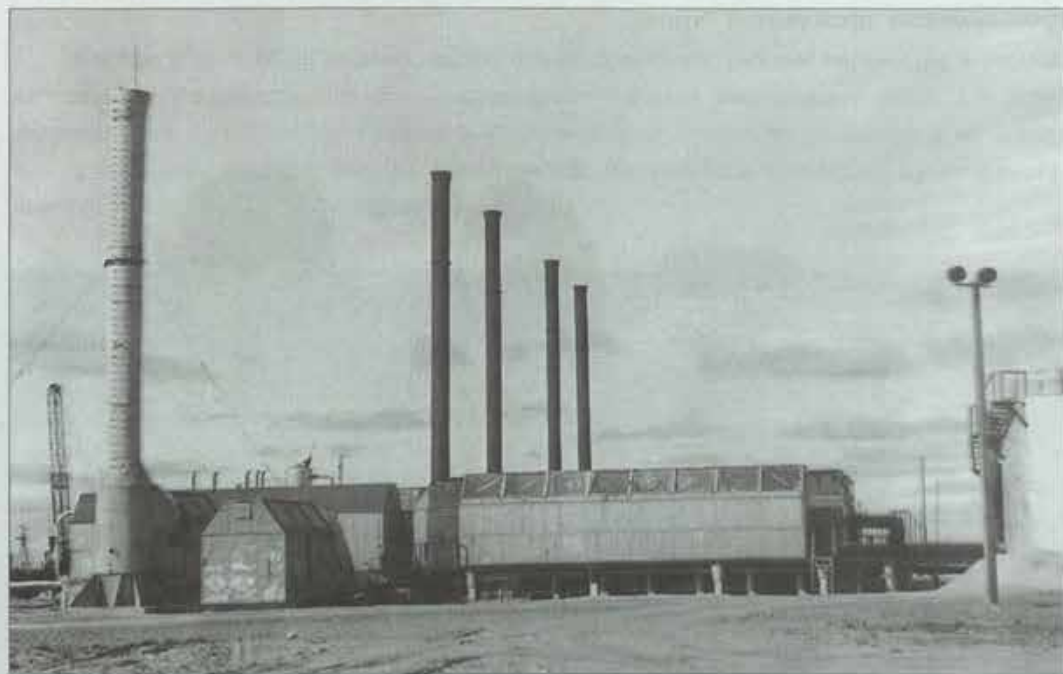
2. Нелегкие проблемы «тяжелой» нефти

В начале восьмидесятых годов особое место в наращивании объемов добычи нефти, а затем стабилизации достигнутого в 1983 году уровня отводилось Усинскому месторождению тяжелой высоковязкой нефти. Его запасы в 720 миллионов тонн не оставляли равнодушными ни производителей, ни научное нефтяное сообщество. Вопрос о величине коэффициента извлечения нефти на этом месторождении был причиной многих теоретических исследований, научно-практических дискуссий, проектных проработок, практических поисков специалистов нефтепромышленного дела.

Осуществление разработанной программы работ на Усинском месторождении означало решение сложной научно-технической и производственной задачи. Мировая практика не имела аналогов планируемых работ. Расчеты показывали: успешная их реализация обеспечивала к 1990 году 29 процентов добычи нефти в объединении.

С целью определения наиболее рационального и эффективного способа извлечения высоковязкой тяжелой усинской нефти предусматривалось:

- паротепловое воздействие на нефтесодержащий пласт;
- внутрипластовое влажное горение;
- применение специально созданных для добычи высоковязкой нефти с больших глубин электровинтовых погружных насосов;

Парогенерирующий комплекс на залежи тяжелой нефти Усинского месторождения.

— применение тихоходных станков-качалок для подъема высоковязкой нефти штанговыми насосами специальной конструкции.

Внедрение проектных решений, разработанных институтом «ПечорНИПИнефть» в содружестве со специалистами Ярегского нефтешахтного управления и Краснодарского научно-производственного объединения «Союзтермнефть», поручалось:

— создание опытно-промышленного участка по паротепловому воздействию на пласт — коллективу управления «Яреганефть», располагавшему высококвалифицированными специалистами, многолетним опытом добычи нефти паротепловыми методами, лидеру в отрасли по масштабам закачки пара в пласт;

— создание второго опытно-промышленного участка внутрислоевого горения — коллективу Конторы по перекачке нефти и газа, имеющему опыт строительства и эксплуатации компрессорных станций, аналогичных тем, которые предназначались для создания очага внутрислоевого горения;

— добыча нефти на опытных участках при помощи погружных электровинтовых насосов и штанговых глубинных насосов с применением тихоходных станков-качалок — нефтедобывающему управлению «Усинскнефть».

К созданию парогенерирующих установок сверхвысоких параметров пара давлением 160 атмосфер и температурой 360 градусов привлекаются проектировщики котельного оборудования Министерства тяжелого и энергетического машиностроения СССР и машиностроители таганрогского объединения «Красный котельщик», института «ВНИИнефтемаш», «АзНИИнефтемаш», специалисты СКБ по погружным насосам Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР, заводы нефтяного профиля «Имени лейтенанта Шмидта», «Бакинский рабочий», «Красный молот», десятки других промышленных предприятий страны.

Заместитель министра Миннефтегазстроя СССР М.Х.Хуснутдинов (в центре) и секретарь Коми обкома КПСС Н.П.Зашихин (слева). Усинск. 1980 год.

Министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев (в центре) на площадке опытно-промышленного участка. 1981 год.

Не дожидаясь освоения производства отечественного оборудования, создания на месторождении опытно-промышленных участков, Госплан СССР, Министерство нефтяной промышленности, Госкомитет по науке и технике при Совете Министров СССР принимают решение закупить парогенерирующую, компрессорную и специальную внутрискважинную технику в США.

Монтаж четырех парогенераторов фирмы «Стразерс» производительностью сорок тонн пара в час и компрессорных станций высокого давления для создания очага внутрипластового горения начался в 1980 году. Параллельно с этим на участке паротеплового воздействия на нефтяную залежь ведется монтаж первого отечественного парогенератора УПГ- 60/160, по проектной мощности превышающего импортные в полтора раза.

Монтаж и пуск оборудования, вывод его на проектные рабочие параметры выполняли специалисты объединения без участия представителей иностранных фирм. От услуг американских специалистов отказались по причине их повышенного интереса ко всему, что происходило за пределами их обязанностей, пытающихся совмещать пусконаладочные работы с выполнением заданий ЦРУ.

Встреча министра нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцева с нефтяниками Усинска.

Продолжалось строительство участка внутрипластового горения. Его пуск, в отличие от паротеплового, намечался на конец 1983 года, а создание в залежи подвижного очага влажного горения и получение первых результатов его воздействия на нефтяной пласт, по расчетам специалистов, можно было ожидать через год-полтора.

В марте 1982 года опытно-промышленный участок паротеплового воздействия вводится в эксплуатацию. За счет разогрева пласта до конца года было получено дополнительно 74 тысячи тонн нефти. В июле того же года начались межведомственные испытания экспериментального образца блочно-комплектной парогенерирующей установки таганрогского объединения. Испытания прошли успешно. Установку с учетом незначительных замечаний комиссия рекомендовала для серийного производства.

На протяжении всего периода создания опытно-промышленных комплексов в объединении работала группа специалистов во главе с главным инженером. Она обеспечивала оперативное и квалифицированное решение технических, технологических и организационных вопросов. Процесс создания опытного производства контролировал Государственный комитет по науке и технике и при необходимости оказывал нужную помощь. Весь цикл работ по созданию участков и проведению опытов по подаче теплоносителя в пласт находился под личным контролем министра нефтяной промышленности Н.А. Мальцева, придававшего усинским экспериментам особое значение не только с позиций максимального использования трудноизвлекаемых запасов нефти в Тимано-Печорской провинции, но и последующего их применения в масштабах страны.

При посещении в 1981 году промыслов «Коминнефти» министр отдельно рассмотрел комплекс вопросов, касающихся внедрения новых технологий и новой техники. В результате объединению были выделены дополнительные материальные и финансовые ресурсы, что позволило расширить научные и экспериментальные исследования, особенно в новых перспективных для развития нефтедобычи районах. Николай Алексеевич всегда с особым вниманием относился к нуждам нефтяников Коми и поддерживал все наши начинания. О его оценке деятельности объединения в области технического прогресса в добыче нефти и бурении свидетельствует следующий факт. После посещения объединения министр доверил главному инженеру «Коминнефти» Ю.Н. Байдикову руководство всей технической политикой отрасли, назначив его начальником Технического управления министерства.

Первый год опытно-промышленных работ показал, что паротепловое воздействие на пласт является наиболее эффективным и на то время безальтернативным вариантом разработки Усинского месторождения высоковязкой нефти. За это время были выявлены все положительные и отрицательные стороны заложенных в проекте решений. Определены возможности применяемого оборудования и механизмов, обнаружены конструктивные недостатки паронагнетательных и добывающих скважин и внутрискважинного оборудования, оценена надежность работы системы: парогенератор — скважина — нефтяной пласт.

На базе проведенных исследований разрабатывается и в декабре 1983 года принимается технологическая схема расширения опытно-промышленного участка на 21 нагнетательную и 104 добывающих скважины, что увеличивало зону теплового воздействия в 2,1 раза. Предусматривалось применение парогенераторов отечественного производства

УПГ-60/160. Как показал опыт эксплуатации, по надежности и простоте обслуживания они превосходили американские, по фактической производительности превышали их более чем в полтора раза, а стоимость их была на порядок ниже импортных. Только на приобретение запасных частей за год эксплуатации четырех импортных парогенераторов была израсходована сумма, равная стоимости одного таганрогского генератора. Позже, в период хищнической эксплуатации этого участка не без участия иноземных грабителей, будет опорочено отечественное оборудование, а приобретение импортного оборудования начнет приносить немалые суммы на счета его тогдашних хозяев.

Все работы по переводу месторождения на добычу нефти паротепловыми методами вел институт «ПечорНИПИнефть». Их эффективность обеспечивала достижение максимального годового уровня добычи 4,6-5,0 миллионов тонн. Для этого в 1986-1989 годах, помимо комплексного обустройства месторождения, предусматривалось вести ускоренное строительство новых парогенерирующих мощностей общей производительностью 2300 тонн пара в час. К этому времени стало понятно, что по ряду параметров нефтяного пласта, в том числе из-за его 300-метровой высоты, создать очаг горения будет проблематично, что после многократных опытов и подтверждалось.

Для рационального использования капитальных вложений при строительстве новых источников пароснабжения, ускорения строительства и сокращения численности обслуживающего персонала по заданию объединения разрабатывается технико-экономическое обоснование создания таких мощностей. Рассматриваются три варианта решения проблемы: первый предусматривал монтаж 35 установок УПГ-60/160, второй — строительство атомной теплоэлектростанции с тремя реакторами БН-600 и третий — строительство центральной котельной с тремя крупными котлоагрегатами типа ПН-1000/225. Техничко-экономические расчеты показывали, что наиболее целесообразным является вариант строительства центральной котельной установки, что, по сравнению со строительством 35 блочных парогенераторов, давало экономический эффект в капиталовложениях, эксплуатационных расходах и сокращало время ввода системы на всей залежи паротеплового воздействия.

Созданный коллективом Ярегского нефтешахтного управления усинский участок паротеплового воздействия после пуска и наладки всех его звеньев передается нефтепромыслу №5 Усинского нефтедобывающего управления, который осуществлял добычу нефти при помощи электровинтовых и штанговых насосов. Однако скоро стало очевидным, что задача выполнения плана по добыче нефти отодвигает на второй план научные исследования специалистов «ВНИИнефти», НПО «Союзтермнефть», «ПечорНИПИнефть».

Принимается решение о создании — на базе опытных участков — Управления

Министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев и секретарь Коми обкома КПСС В.И. Мельников знакомятся с торговым обслуживанием усинцев.

повышения нефтеотдачи пластов и капитального ремонта скважин. В части проведения опытно-экспериментальных и научно-исследовательских работ новое управление было подчинено научно-производственному объединению «Союзтермнефть», а по выполнению плановых заданий по добыче нефти — объединению «Коминнефть». Словом, слуга двух господ. Необычное положение Управления повышения нефтеотдачи при явно противоположных целях — одновременное проведение исследований и выполнение плана добычи нефти — вызывало ряд сложностей, но благодаря умелым действиям его руководителя В.А. Шумилина было достигнуто успешное их сочетание. Такая организационная форма была продиктована и необходимостью привлечения к работе в Управлении нефтеотдачи квалифицированных рабочих и инженеров с Кубани, где имелся избыток специалистов в этой области.

О работе вновь созданного научно-производственного предприятия свидетельствуют следующие красноречивые факты. В 1985 году здесь работало свыше 800 квалифицированных рабочих, мастеров, инженеров, большая часть из них — вахтовым методом. Кубанские нефтяники, покинув теплые края, помогали осваивать холодный Север. Одиннадцать бригад подземного и капитального ремонта с Юга обеспечивали работу нефтяных и паронагнетательных скважин, выполняли сложные и ответственные работы по спуску скважинного оборудования для подачи пара в нужные зоны пласта. Добыча нефти выросла до 2 миллионов 170 тысяч тонн. Из предусмотренных проектом разработки месторождения 1332 скважин была пробурена 451. С начала эксплуатации извлечено 7 миллионов тонн нефти. Средняя производительность одной скважины составляла 18 тонн в сутки, 32 процента нефти добывалось паротепловыми методами. Велось строи-

Секретарь ЦК КПСС В.И.Долгих на Усинском месторождении тяжелой нефти.

тельство второго участка, проводился весь комплекс научно-исследовательских и опытных работ. Полученные результаты свидетельствовали об извлечении до 30-35 процентов высоковязкой нефти в зоне теплового воздействия против 15 процентов проектных, что, благодаря этому методу, увеличивало извлекаемые запасы месторождения более чем в два раза.

Ценность месторождения с 92,5 миллиона тонн возрастала до 185-210 миллионов тонн высококачественной нефти.

В июле 1985 года было решено преобразовать Управление нефтеотдачи в нефтедобывающее управление «Комитермнефть» в составе объединения «Коминнефть». Его первыми руководителями стали В.Е. Кармановский (начальник) и В.С. Горбатов (главный инженер).

Таким образом, нефтяники Коми АССР для обеспечения достигнутых рубежей добычи нефти (18-19 миллионов тонн) осуществляли крупные научно-исследовательские и опытно-промышленные работы с целью увеличения доли извлекаемых из недр запасов сырья: на Ярегском месторождении — за счет расширения мощностей действующих нефтяных шахт, совершенствования технологии добычи нефти с поверхности в южной части этого месторождения, строительства новых шахт; на Усинском месторождении — за счет расширения зоны теплового воздействия на залежь тяжелой нефти, увеличения добычи традиционными методами и новыми техническими средствами; на Харьягинском — за счет новых технологических процессов и технических средств.

Осуществлялись работы по вводу в эксплуатацию Кыртаельского и Баганского нефтяных месторождений, велась активная подготовка к освоению месторождений, открытых на территории Коми АССР и Ненецкого национального округа.

Для этого на начало пятилетнего периода (1986-1990 годы) объединение располагало крупной промышленной и социальной структурой на обширной территории Европейского Севера, высококвалифицированными и опытными специалистами и организаторами производства, научной и проектной базой, кадрами рабочих во всех видах деятельности, опытом работы в экстремальных условиях.

В решении нелегких задач главным и решающим фактором были люди — команда моих единомышленников, патриотов нефтяного производства, отличавшаяся честностью, порядочностью, чувством долга и взаимовыручки, ответственностью за порученное дело, состоящая из последовательных и целеустремленных, чуждых интриг и зависти специалистов, тех, кто на протяжении десяти лет шел бок о бок со мной, делил радости открытий и беды поражений. Многие из них и сейчас отдают свои знания и опыт освоения нефтяных кладовых Европейского Севера. Это ведущие специалисты-нефтяники:

Наби Саидович Гаджиев, Виталий Семенович Ардалин, Борис Александрович Витович, Василий Николаевич Мусиенко (заместители генерального директора объединения), Николай Иванович Лисин (главный геолог), Афанасий Михайлович Федоров, Александр Иванович Федоринов, Владимир Александрович Аллахвердян, Виктор Васильевич Борисенко, Алексей Кононович Стрельчук, Елена Григорьевна Кузьмичева, Татьяна Павловна Треногина, Александр Пантелеймонович Якимов, Павел Васильевич Болкисев, Альберт Загирович Латыпов, Василий Кузьмич Тимофеев, Владимир Никифорович Мишаков, Валерий Иванович Гайдеек (главные специалисты, начальники отделов и служб

объединения), Борис Федотович Шахов (председатель профсоюзного комитета), Александр Иванович Радюков (директор конторы бурения), Игорь Юрьевич Быков (директор института «ПечорНИПИнефть»), Владимир Алексеевич Дементьев (главный инженер института «ПечорНИПИнефть»), Валерий Борисович Пупырев (директор конторы бурения), Леонид Владимирович Куртеев (начальник нефтедобывающего управления «Войвожнефть»), Александр Георгиевич Мотовиц (заместитель управляющего трестом совхозов), Леонид Егорович Гавриков (начальник строительно-монтажного управления), Николай Степанович Лушников (главный инженер, начальник управления «Войвожнефть»), Николай Иванович Яценко (управляющий трестом буровых работ), Николай Кузьмич Сувернев (главный инженер треста буровых работ), Семен Абрамович Шварцман (начальник базы производственного обслуживания), Ян Вакипович Биков (управляющий трестом «Комидорремстрой»), Николай Федорович Кучеров (главный инженер, управляющий трестом «Комидорремстрой»), Евгений Иванович Гуров (главный инженер, начальник нефтешахтного управления «Яреганефть»), Николай Кондратьевич Лосиков (начальник строительного управления, заместитель управляющего трестом), Михаил Кузьмич Тарасов (начальник вышкомонтажного управления), Виталий Акимович Усик (начальник управлений «Усинскнефть», «Тэбукнефть», главный инженер объединения), Юрий Владимирович Никифоров (главный инженер управления «Тэбукнефть»), Павел Григорьевич Воронин (начальник управления «Яреганефть»), Марат Мутагарович Сайфеев (начальник управления бурения), Иван Андреевич Николаев (заместитель управляющего трестом буровых работ), Валентин Михайлович Климов (начальник дорожно-строительного управления), Сергей Павлович Жестков (начальник информационно-вычислительного центра), Владимир Михайлович Радзевский (управляющий трестом сельхозпредприятий), Валентин Прокофьевич Забалуев (начальник машинно-мелиоративной станции), Александр Борисович Симикин (главный инженер, директор базы производственного обслуживания), Владимир Ефимович Бугреев (начальник управления технологического транспорта), Виктор Евгеньевич Кармановский (главный инженер, начальник нефтедобывающего управления), Владимир Степанович Горбатов (начальник отдела объединения, главный инженер нефтедобывающего управления), Анатолий Константинович Цехмейструк (начальник отдела, заместитель директора института «ПечорНИПИнефть»).

Их трудом и знаниями в приполярной и заполярной тундре, среди непроходимых болот были построены современные нефтяные промыслы, созданы сотни промышленных, сельскохозяйственных, жилищно-коммунальных, культурно-образовательных объектов, позволявших в трудных природно-геологических условиях добывать нелегкую нефть в Печорском крае. Они заслужили, чтобы память о них сохранилась на долгие годы, а их имена вошли в летопись великих дел по освоению нефтяных богатств Европейского Севера. С чувством большой благодарности и уважения автор вспоминает этих замечательных тружеников, рядом с которыми проработал многие годы.

3. Черная страница

Тот факт, что я не успел побывать в роли крайнего за неизбежный спуск нефтяной отрасли Республики Коми и всего Европейского Севера с достигнутой нами вершины, скорее, сожаление, а отнюдь не злорадство. Поэтому и описываю «черную страницу» ее истории как непосредственный участник и свидетель.

Происходившие в стране во второй половине 80-х годов перестроечные процессы не могли миновать нефтяную отрасль. Произошло второе за последний десяток лет снижение уровня добычи нефти, негативно отражающееся на экономике государства. Состоялась ничем не обоснованная смена руководителей отраслей народного хозяйства. Не так давно назначенного министром нефтяной промышленности В.А.Динкова высшее руководство страны (Горбачев, Рыжков) освобождает от должности. По мнению многих аналитиков, поводом для отставки стала авария в ночь с 3-го на 4 июля 1989 года на продуктопроводе Западная Сибирь — Урало-Поволжье с крушением двух пассажирских поездов и большими человеческими жертвами, причиной — падение добычи нефти. Истинная же причина была в другом: в стране начал активно осуществляться преднамеренный развал государственного строя, а значит, и ее экономики.

Возник вакуум в управлении отраслью. Первый заместитель министра Владимир Юрьевич Филановский, обеспечивавший эффективную работу отрасли, умело и со знанием дела использовавший полученные по настоянию В.А.Динкова для нефтяников гигантские и предельные для страны ресурсы, что и обеспечило временное достижение максимума добычи нефти в 1988 году (624,3 миллиона тонн), от предложения возглавить отрасль отказался. Вторым достойным претендентом на должность министра мог стать соратник В.Филановского, крупный специалист и организатор в области добычи нефти в стране, экономист и политик, заместитель министра В.И. Грайфер. Были и другие кандидатуры, в их числе и «газовик» В.С.Черномырдин. В этой связи обращает на себя внимание следующий факт. На заседании коллегии Миннефтепрома уже после отставки В.Динкова В.Филановский делает резкое замечание: «Нельзя допустить, чтобы к руководству нефтяной промышленностью пришел «газовик». Такое заявление базировалось на его доскональном знании процессов развития нефтяной промышленности страны, всех ее нефтедобывающих регионов и на предвидении далеко не безоблачного будущего. Филановский, как никто другой, понимал, что отрасль может нормально работать в создавшихся условиях только при ее полном обеспечении материально-техническими ресурсами, которых для достижения требуемых руководством страны объемов добычи нефти не было, что рост добычи нефти не безграничен и уже достиг своего максимума. Ключевой для народного хозяйства страны отраслью в такой ситуации должен управлять профессионал.

Штурвал управления при активном участии секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева отдали в руки Л.И.Филимонова, чьи данные были далеки от требуемых для этой роли. Он был неплохим генеральным директором объединения «Нижневартовскнефтегаз», но ноша министра была ему по многим причинам еще не по плечу. Спад добычи нефти продолжался, темпы его нарастали с каждым месяцем. Филимонов совершил инспекционные поездки по

нефтедобывающим регионам. Одна из первых его поездок была на Европейский Север. Знакомство с деятельностью нефтяников Коми министр начал с посещения Усинского нефтедобывающего района. Работа усинских нефтяников и руководителей объединения подверглась с его стороны резкой и до этого неслыханной критике.

Поводом стало посещение двух объектов — опытного участка внутрислоевого горения и газлифтной компрессорной станции на Возейском месторождении. Оба объекта не работали. Первый — по причине безуспешных попыток создания подвижного очага влажного горения. Эксперимент продолжался, но перспектив успеха было мало. Объяснения специалистов, что создать подвижной очаг горения не удастся по объективным причинам, Филимонов слушать не стал. Не стесняясь в выражениях, он громогласно обвинил руководство объединения в неумении работать. Причина простая газлифтной станции заключалась в ее затянувшемся строительстве, после окончания которого переводить скважины на газлифтный способ добычи нефти из-за их 85-процентной обводненности стало экономически не целесообразным. Добыча нефти успешно осуществлялась высокопроизводительными электропогружными насосами. Для своевременного ввода станции в эксплуатацию в свое время не были приняты необходимые меры. Так что вина руководства объединения была неоспоримой, а критика министра — справедливой, но запоздалой, причем одной критикой и обвинениями дело не ограничилось.

Покинул Л.Филимонов Коми АССР с твердым и согласованным с местным партийным руководством намерением сменить руководителя объединения. Кандидатура на должность генерального директора для обеих сторон была приемлемой, хорошо известной Филимонову еще по совместной работе на Сахалине. Ю.Н. Байдикова в спешном порядке утверждают председателем горисполкома Ухты, генеральным директором объединения становится когда-то работавший начальником управления «Усинскнефть» В.Леонидов. Так в 1990 году произошла ничем не обоснованная смена руководства объединения, открывшая «черную» страницу в истории нефтяной промышленности Республики Коми.

Вот лишь некоторые факты, последовавшие за этим в начале 90-х. Ухту наводняют падкие на нефть дельцы из США, Франции, Италии, Канады, Голландии, Великобритании, Швейцарии, Австрии, Германии, Финляндии. Происходят грабительские акционирование и приватизация. Под лицемерным предлогом внедрения иностранных технологий и привлечения западных инвестиций (то и другое было великой ложью) двери иностранным фирмам открываются настежь. С целью грабежа и дележа награбленного создаются совместные предприятия. Первыми успевают немцы. С западногерманской фирмой «Курт Вайсрок» создается СП «Комикаве», с канадской компанией «Гальф Канада» — СП «КомиАрктикОйл», тут же участвует британская «Бритишгаз».

На ухтинских и усинских просторах и по широким коридорам административного здания «Коминнефти» свободно разгуливал разыскиваемый Интерполом за неуплату многомиллионных сумм налогов в американскую казну известный всему миру делец Марк Рич. С ним-то и создается СП «Нобель Ойл». Ему преподносят самый лакомый кусок — участок паротеплового воздействия на Усинском месторождении, созданный нелегким трудом тысяч советских ученых, инженеров, рабочих. С австрийскими фирмами «Куэст энерджи» и ЕСЛ создается СП «Коми куэст» и «Комира», оккупацию нефтяных

полей Европейского Севера начинают потомки Наполеона из фирмы «ИДФ»: они создают СП «Экоарктика». Добычей и переработкой тяжелой нефти Ярегского месторождения завладело российско-британское предприятие «Битран». С весьма сомнительными фирмами из Люксембурга и Дании, с участием правительства Республики Коми создаются «Комилокс» и «Комидан», с хорватским заводом по производству химических реагентов для бурения (к тому времени бурение в «Коминепти» уже не велось) было образовано СП «Комикро».

Двенадцатью месторождениями в зоне, примыкающей к Усинскому промышленному узлу, завладевают австрийцы, с ними было создано СП «Северная нефть». На Южно-Шапкинское месторождение высаживается десант французов и финнов. Еще в большем количестве спешно создаются фирмы без участия иностранцев, которые становятся владельцами лучших участков нефтяных месторождений с уже готовыми и действующими мощностями для добычи и транспорта нефти. Для такого количества совместных предприятий в объединении не хватало месторождений. Хищники находят выход: месторождения разрывают на части, где на две, где на три и больше. Дело дошло до того, что французской компании «Тоталь» передается куст скважин №108 (скважины, пробуренные с одной площадки) на Харьягинском месторождении на позорных и грабительских для страны условиях — по Соглашению о разделе продукции. При этом вся добываемая нефть на десятилетия вперед шла французам. Что это значит с точки зрения разработки месторождения, специалисты знают хорошо, да и не специалистам понятно. И при этом говорилось о новых технологиях. Никаких новых технологий никто из иностранных фирм не внедрял и не мог внедрить за исключением одной — невиданной хищнической эксплуатации недр Тимано-Печорской провинции и беспрепятственного вывоза нефти за пределы страны. Во всех этих деяниях в качестве катализатора присутствовал шелест вожделенного доллара.

Акционирование объединения и создание на его базе акционерного общества «Коминепти» сопровождалось событиями, выходящими за рамки здравого смысла. Упраздняются должности главного инженера, главного геолога, заместителей генерального директора по бурению, капитальному строительству, ликвидируются службы главного механика, главного энергетика, ведущие производственные отделы. Основное внимание концентрируется на внешнеэкономических связях, акционировании, работе с ценными бумагами, для чего спешно создаются соответствующие службы. Происходит ликвидация трестов, предприятий, остановлено бурение скважин — его уровень в 1993 году снизился до восьми тысяч метров в год при достигнутых 870 тысячах метров, а с 1994 года этот вид деятельности был и вовсе прекращен. Разрушены десятки промышленных баз, тысячи единиц работоспособной автотранспортной техники списываются и отгружаются за пределы Республики Коми.

В 1994 году в Усинске произошла всемирно известная экологическая катастрофа, попавшая в Книгу рекордов Гиннеса. Авария на нефтепроводе Возей — Усинск привела к разливу нефти в окружающую среду, часть которой попала в реку Колва. Сначала сообщалось о восьми тысячах тонн разлитой нефти. Затем — о 14 тысячах. А потом, по неизвестным причинам, стали говорить о более высоких цифрах и дошли до нескольких сотен тысяч тонн. Сколько же на самом деле утекло нефти в Колву, а из нее в Усу и Печору, никто

Так выглядели нефтепромыслы республики перед приходом туда в 1999 году нефтяников «ЛУКОЙЛа».

не знает и поныне. Многие утверждают, что большая часть разлитой нефти была унесена не водами северных рек, а увезена на продажу из республики по железной дороге. Это одна из тайн, связанных с усинской нефтью, которую не суждено раскрыть, концы ее хорошо спрячаны в воду.

Перманентная реорганизация «Коминнефти» сопровождалась изгнанием из системы опытных и честных специалистов. На их место приходят сомнительные личности. Операцией с ухтинской нефтью начинает свое восхождение в олигархии Р.Абрамович, появляется никому не известный ранее, далекий от добычи нефти Г.Березкин. Совладельцами акционерного общества «Тэбукнефть», образованного путем хитроумных комбинаций на базе нефтедобывающего управления с одноименным названием, становятся члены семьи Президента России Ельцина.

Объединением акционерных обществ «Коминнефть», «Ухтинский нефтеперерабатывающий завод», «Коминнефтепродукт» создается акционерное общество открытого типа под названием «КомиТЭК». В результате далеко не прозрачной для акционеров деятельности этого холдинга АО «Ухтинский нефтеперерабатывающий завод» остается без сырья. При мощности по переработке шести миллионов тонн нефти в год завод получает 150 тысяч тонн в месяц и находится на грани остановки. В это же время АО «Коминнефтепродукт» вынуждено завозить нефтепродукты из Перми и других районов Центральной России. Собственную нефть дельцы холдинга непрерывным потоком отправляли за рубеж.

О профессиональном уровне управления нефтедобывающей отраслью Республики Коми в девяностые годы свидетельствуют следующие данные: уровень добычи нефти в 1995 году сократился против 1990 года в три раза и составил 6,5 миллиона тонн, 54 процента нефтедобывающих скважин было выведено из строя и простаивало, буровые работы полностью прекращены. Такого не знал ни один нефтедобывающий регион России. По показателям развала нефтяной отрасли Республика Коми занимала позорное первое место в стране.

Новый усинский руководитель ОАО «Коминнефть» Григорий Гуревич с согласия и одобрения Главы республики Юрия Спиридонова (сам он на такое решение пойти не мог) делает, по его циничному заявлению, «очистку ангиевых конюшен». В его понимании, нефтя-

Акции протеста нефтяников Усинска (кадры кинохроники).

ные промыслы и промышленные объекты — это конюшни. Кем организаторы и вдохновители «чистки» считали работающих там людей, нетрудно догадаться. Происходит массовое увольнение рабочих и инженерно-технических работников. Обстановка в Усинске накаляется. Потеряв работу, возможность кормить семью, усинцы первыми и единственными среди нефтяников страны выходят на улицы с требованием прекратить произвол и издевательство и дать им работу. Эти события стали апогеем процессов развала, расчленения и разграбления нефтедобывающего комплекса Европейского Севера. Подобного даже в смутное время экономических реформ не допустил ни один нефтедобывающий регион России. Там были созидатели и патриоты, каких, к сожалению, не нашлось на тот период в Республике Коми.

Наступил 1999 год — год перемен и надежд для нефтяников Коми.

4. Возрождение отрасли

Новую созидательную страницу развития нефтяной промышленности на территории Республики Коми и Ненецкого автономного округа было суждено открыть НК «ЛУКОЙЛ». Эта нефтяная компания унаследовала все лучшее, что было в могучем Министерстве нефтяной промышленности Советского Союза, и не только унаследовала, а успешно развивала и продолжает развивать в новых рыночных условиях. Организатор компании и бессменный ее руководитель Вагит Юсуфович Алекперов — воспитанник советской школы нефтяников, бывший генеральный директор одного из ведущих западносибирских нефтедобывающих объединений «Когальмнефтегаз», заместитель министра нефтяной промышленности СССР, один из тех, кто в 1989 году был в числе самых реальных претендентов на должность министра. Его команда сформировалась из лучших специалистов аппарата Миннефтепрома и нефтедобывающих объединений, которые к тому времени уже создали свою школу нефтяников и теперь успешно передают эстафету молодому поколению.

В сентябре 1999 года компания приобрела пакет акций «КомиТЭКа» и стала основным его акционером. Из ее представителей сформирован совет директоров. А спустя несколько лет создана дочерняя компания ООО «ЛУКОЙЛ-Коми». С тех пор начинается активная деятельность НК «ЛУКОЙЛ» на территории Коми. Как подчеркивал президент компании В.Ю.Алекперов, такое решение было принято из стратегических соображений, заключающихся в перспективном использовании запасов углеводородного сырья на территории республики, распространении уже начатой деятельности компании в Ненецком автономном округе на всю территорию Тимано-Печорской провинции. Решение базировалось на глубоком знании руководством компании проблем нефтедобычи в условиях Севера, наличии промышленного потенциала в Усинске и других нефтедобывающих районах республики. Оно было согласовано с правительством Российской Федерации и являлось одним из приоритетных направлений развития «ЛУКОЙЛА», частью федеральной целевой программы комплексного освоения ресурсов в Печорском крае.

Для реанимирования нефтепромыслового хозяйства, его добывающих мощностей компания создает эффективную структуру управления и комплектуется кадрами профессиональных специалистов и организаторов, которым предстояло в сжатые сроки восстановить разрушенное, перевести на новый современный технический уровень работу всего нефтедобывающего комплекса, изменить психологический настрой людей и вернуть уверенность в будущее еще не уехавшим из Усинска нефтяникам. Необходимо было также преодолеть фактор негативного отношения к приходу компании «ЛУКОЙЛ» местных чиновников разного ранга, теряющих свое прежнее влияние на работу отрасли, приносящей им немалые блага.

Нелегкую и ответственную задачу поручают В.Н.Зарубежнову, который приступает к активному восстановлению инфраструктуры компании. В первую очередь — к обновлению основных фондов, изношенность которых достигала от 60 до 100 процентов, возобновлению бурения скважин, обеспечению работой 2,5 тысячи человек, находящихся в простое или бессрочном отпуске, к восстановлению скважин, больше 50 процентов которых было в бездействии. Важно было и другое — выплатить работающим многочисленным

Президент ОАО «ЛУКОЙЛ» Вагит Юсуфович Алекперов (справа) и генеральный директор ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» Владимир Витальевич Муляк на пресс-конференции в Усинске. 2003 год.

ную задолженность по заработной плате, погасить долги перед бюджетами всех уровней в астрономической сумме — 1 миллиард 220 миллионов рублей. Средства на все это выделяет компания «ЛУКОЙЛ». Одновременно компанией ведется работа по дальнейшему объединению многочисленных мелких недропользователей, продолжающих не лучшим образом разрабатывать месторождения на территории Коми, добыча нефти которыми составляла от миллиона до десятков тысяч тонн.

В 2002 году генеральным директором ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» становится работающий с 2001 года в должности его первого заместителя Владимир Витальевич Муляк, опытный инженер и организатор, за плечами которого были многие годы работы в нефтяной отрасли Белоруссии и Западной Сибири, в совершенстве знающий проблемы нефтедобывающего производства, чуткий и заботливый к тем, кто посвятил нелегкой профессии нефтяника свою жизнь.

Московское и усинское руководство компании заявляет о своем приходе в регион всерьез и надолго и с первых дней демонстрирует это своей активной деятельностью. Решает триединую задачу — становится владельцем преобладающей части нефтяных активов, увеличивает добычу нефти, снимает острейшую социальную напряженность в нефтедобывающей отрасли республики.

Так совпало, что итоги пятилетней деятельности ОАО «ЛУКОЙЛ» подводились в год 75-летия нефтяной промышленности Республики Коми в конце лета 2004 года. Празднование этой даты останется в моей памяти надолго. Вспоминали и героическое прошлое северных нефтяников. Подводили и итоги пятилетней деятельности продолжателей лучших традиций нефтяной Ухты — коллектива «ЛУКОЙЛ-Коми» во главе с В.Муляком и его помощниками Д.Зазириным, А.Зиганшиным, М.Чертенковым, Е.Зеленцовым, Ф.Гельманом, А.Беньяминовым, В.Абмаевым, В.Питиримовым, В.Зузовым, Г.Горинным. Итоги пятилетнего совидательного труда были продемонстрированы многочисленным участникам юбилейных торжеств, посетившим нефтяные промыслы и многие объекты социальной сферы Усинска.

Накануне торжеств мне была предоставлена возможность детально ознакомиться с восстановленной, технически обновленной и в основе своей перестроенной нефтяной отраслью в Усинском районе, увидеть ее состояние в южной части республики — в Ухте, Яреге, Войвоже, Нижнем Одесе, познакомиться с итогами пятилетней работы основных и вспомогательных структурных подразделений компании, встретиться с ее работниками.

Десять лет работы руководителем производственного объединения «Коминнефть» в 70-80-х годах прошлого столетия, когда на пустом месте в Приполярье создавался Усинский нефтедобывающий комплекс, строились город Усинск, новые мощности по добыче нефти на Яреге, Нижнем Одесе, велось масштабное строительство дорог, социально-бытовых объектов во всех нефтедобывающих районах и был достигнут 19,3-миллионный рубеж добычи нефти, дают мне возможность и право выступить экспертом увиденного и услышанного в те августовские и сентябрьские дни 2004 года, оценить сделанное настоящими профессионалами, возглавляющими 12-тысячный коллектив нефтяников Европейского Севера.

Увиденное превзошло мои ожидания. На Харьягинском месторождении устаревшее, созданное в первые годы эксплуатации нефтепромысловое хозяйство полностью преобразилось и представляет собой современный автоматизированный и компьютеризованный комплекс по добыче, сбору, подготовке и транспорту нефти. Уровень технологий, культура производства, эстетическое и санитарное состояние объектов, быт работающих вахтовым методом нефтяников имеют немного аналогов среди нефтедобывающих регионов России. Думаю, что и не только в России, но и за рубежом, так как подобного по характеристике нефти, сложности геологического строения месторождения, эксплуатируемого в экстремальных условиях Севера, в мире нет. Усилиями ученых «ПечорНИПИнефти» и усинских инженеров найдено решение сложнейших научно-технических проблем эксплуатации этого месторождения. Решены экологические проблемы, в том числе утилизация попутного нефтяного газа, содержащего большое количество сероводорода.

Панорама промышленного комплекса на Харьягинском месторождении.

Здесь следует обратить внимание на один показательный факт, демонстрирующий внедрение тех самых «передовых зарубежных технологий», о которых так много говорилось в период засилья на Тимано-Печоре иностранных фирм. На эксплуатируемой французами части Харьягинского месторождения вот уже который год полыхает факел сжигаемого опасного для окружающей среды сероводородсодержащего газа. Позволительно было бы им это во Франции? И тогда почему разрешено это делать в России? Нет сомнения, что такая технология добычи нефти далека от бережного и рационального использования недр и охраны окружающей среды. Свидетельство истинных целей французов.

На Усинском и Возейском месторождениях вся система сбора нефти, ее подготовки и транспорта, объекты поддержания пластового давления построены заново и представляют собой высокотехнологичное, энергосберегающее, экологически безопасное, автоматизированное производство. За последние четыре года практически полностью ликвидированы последствия экологической катастрофы 1994 года, на месторождениях поддерживается режим высокой и надежной экологической безопасности.

Как для объединения «Коминетфть» до начала разрушительных процессов 90-х годов, так сегодня для ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» особой гордостью является вновь созданная служба производственного обслуживания. Это передовое, оснащенное современным оборудованием и технологическими процессами машиностроительное предприятие. Здесь производится свыше тысячи наименований дефицитных, дорогостоящих, качественных изделий, в том числе и тех, которые недавно закупили в зарубежных странах. Высококачественная и эффективная работа многочисленных звеньев этой службы — залог успешной работы всей компании.

Анализ накопленного опыта эксплуатации Усинского и Ярегского месторождений высоковязкой нефти, проведенные с помощью современных геофизических и гидродинамических методов исследования происходящих процессов в нефтяном пласте позволили

Вахтовый поселок Харьягинский.

Президент ОАО «ЛУКОЙЛ» Вагит Юсуфович Алекперов (слева) и Глава Республики Коми Владимир Александрович Торлопов подписывают протокол к Соглашению между компанией и правительством республики.

ученым и специалистам по-новому оценить возможности извлечения нефти из этих месторождений. Сегодняшние достижения в области буровых работ делают бурение горизонтальных скважин одним из перспективных направлений. На Усинском месторождении это позволит, по предварительным расчетам, повысить достигнутую среднюю производительность скважин в 20-25 раз и довести добычу до 150-155 тонн в сутки, обеспечить увеличение коэффициента извлечения нефти более чем в два раза. На Ярегском месторождении — вести добычу нефти и разогревать нефтяной пласт на поверхности, что кардинально может изменить весь процесс добычи нефти, резко увеличить ее объемы. С этими направлениями специалисты связывают большое будущее гигантских месторождений тяжело извлекаемой нефти.

Все, что успешно и в короткие сроки реализовано на месторождениях Усинского нефтедобывающего района и в самом Усинске, намечено с 2005 года осуществить на южной группе месторождений, в городах и поселках, где живут и трудятся нефтяники.

Все меняется к лучшему. К власти в Республике Коми пришли новые люди. Деятельность компании находит поддержку и понимание со стороны правительства республики. Взаимоотношения регулируются через заключение Соглашения о сотрудничестве и ежегодные протоколы к нему.

В дни празднования 75-й годовщины нефтяной промышленности Тимано-Печоры из уст президента компании Вагита Алекперова я услышал фразу: «Мы лет через пять в этом районе будем добывать 20, а может и больше, миллионов тонн нефти в год». Я переспросил: «Сколько?» Президент уверенно уточнил: «Двадцать и больше». А это значит, что коллективу компании и другим дочерним предприятиям предстоит к десятой годовщине компании в регионе удвоить добычу «черного золота». Задача сложная и трудная, но ведь ее поставили и будут решать профессионалы.

Дождимая насосная станция ДНС-7 на Воейском месторождении входит в систему сбора, подготовки и транспорта товарной нефти.

С приходом в регион государственной нефтяной компании «Роснефть» динамично развивается вторая по объемам добычи нефти в Тимано-Печоре ее дочерняя структура — ОАО «Северная нефть». Ведет она добычу нефти главным образом на месторождениях северо-восточнее Усинска и по Валу Гамбурцева. Ее успехи очевидны. Об этом свидетельствуют объемы добычи нефти как на старых месторождениях — Баганских, так и размах освоения новых. Здесь успешно решаются технологические, экологические, социальные проблемы. Образцом квалифицированного решения инженерных, социальных и экологических вопросов служит компания «Енисей». Эти компании демонстрируют стремление наращивать добычу нефти в Тимано-Печоре. Как видно, разные формы собственности не являются для этого препятствием.

Успешная деятельность нефтяников ведущих компаний в регионе не означает, что все проблемы уже решены. С ростом добычи нефти они возникают постоянно. Одни решаются незамедлительно, другие откладываются по разным причинам на будущее. Некоторые и вовсе не находят решения, несмотря на то, что затрагивают интересы не только нефтяных компаний и не только в настоящее время.

Один из таких вопросов, волнующих жителей Республики Коми и все наше общество, связан с комплексным и эффективным использованием добываемого углеводородного сырья — нефти и газа. В обществе все чаще звучит вопрос: почему добываемая нефть, равно как и газ, вывозятся за рубеж, а продукты их химической переработки сразу же завозятся в Россию? Такое использование невозможных природных ресурсов, добытых в сложнейших условиях нелегким трудом, приносит разным странам баснословные прибыли и приводит к обнищанию россиян. Не лучше было бы перерабатывать нефть в районах ее добычи на химических комплексах и торговать продукцией химического производства, обеспечивая свой народ изделиями собственного производства, которые будут в несколько раз дешевле завезенных издалека?

На предприятии «ЛУКОЙЛ-Усинсксервис» и ремонтируют трубы нефтяного сортамента, и производят паронитетальные трубы.

На вопрос противников такого подхода, а их немало (мол, где взять деньги на создание таких производственных комплексов), ответ простой, а решение реальное и без кабалы. Правительству России, вложившему деньги в экономику США (речь идет о размещенных в американских банках 150 миллиардах долларов, именуемых резервом для будущих поколений и разных других фондов), необходимо направить часть этих средств на создание 6-10 таких комплексов в стране. Это и будет настоящим резервом для будущего поколения. Одина два таких комплекса на базе имеющихся сырьевых ресурсов нефти и газа нужно построить в Республике Коми. Наличие таких промышленных центров, как Усинск, Ухта, Вуктыл, где для этого есть все, включая трудовые ресурсы, которые будут увеличиваться, позволит создать такое производство за три года. При этом в значительной мере могла бы быть снята проблема переселения людей с Европейского Севера, решение которой в настоящее время не учитывает будущего промышленного развития региона, проблемы транспорта нефти и ряд других.

Не решена проблема геологоразведочных работ, которые должны обеспечить восполнение извлекаемых запасов нефти и газа и их прирост в регионе. В этом заинтересованы власти — как владельцы недр и нефтяники — как недропользователи. Мнение о том, что заниматься геологоразведкой могут и должны нефтяники и газовики, беспочвенно. Они могут и обязаны это делать на разрабатываемых месторождениях, а дальше —

это дело не тех, кто добывает нефть и газ, а государства. Но и у него ничего не получится без создания высокоэффективной государственной системы разведки недр с единой специализированной структурой, будь это министерство или иное образование. Раньше Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин ежемесячно заслушивал талантливого организатора и учено-геолога, министра геологии СССР Е.А. Козловского, следил за работой геологов и оказывал им помощь. А кто и кого заслушивает сейчас? Убедить в создании такой системы руководство страны должны нефтяники, в том числе осваивающие Тимано-Печору.

Объемы гидроминерального высококачественного сырья, каким являются добываемые попутно с нефтью пластовые и закачиваемые в нефтяной пласт для поддержания его энергии оборотные воды с большим содержанием таких компонентов, как хлор, натрий, магний, бром, йод, литий, цезий, бор, диктуют необходимость организации их переработки. Наличие технологий извлечения этих компонентов, их экономическая эффективность могут стать в рыночных условиях значительным фактором удешевления добычи и переработки нефти. Да и загрязнение окружающей среды на всех стадиях нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего производств уменьшится.

В начале восьмидесятых годов, по предложению автора, этой проблемой активно занимались ученые и специалисты ряда специализированных институтов. Работы поддерживал отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС. Однако по ряду объективных и субъективных причин тогда положительные результаты их не нашли своего практического продолжения.

Наращивание объемов добычи нефти в регионе всеми работающими здесь недропользователями напрямую зависит от наличия дорог, их состояния и темпов строительства. В связи с этим обращает на себя внимание принятая некоторыми недропользователями концепция разработки месторождений без дорог, требующая глубокого и всестороннего анализа и правильной оценки. На территории основных нефтедобывающих

Так выглядит центральная площадь Усинска сегодня.

зон (валы Колвинский, Шапкинский, Гамбурцева, Хорейверская и Косью-Роговская впадины) невозможна нормальная эксплуатация месторождений без магистральных дорог. Применение авиации не может заменить собой наземный транспорт. Отсутствие дорог приведет к негативным экологическим последствиям в этой зоне. Авторы бездорожной концепции руководствуются не лучшими побуждениями как с точки зрения разработки месторождений, так и сохранности легко ранимой окружающей среды. Магистральные дороги нужны и для успешного проведения геологоразведочных работ, которые прежними методами в наше время вести невозможно. Без вмешательства региональных властей проблему не решить так же, как и без единого органа управления этой территорией.

Начатое в прошлом веке нелегкое восхождение к нефтяному пику на просторах Тимано-Уральского сырьевого треугольника продолжается. О том, что оно будет созидательным и во благо всем живущим и работающим здесь, говорят научный подход, трезвая оценка и стремление к намеченной цели нынешних покорителей Севера. Каким и когда будет новый «пик», покажет время.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Транспортные магистралы

*Панорама газотранспортной компрессорной станции
на трассе газопровода «Сияние Севера»*

1. Северный газовый коридор

Не только добыть, но и доставить потребителю

Русская пословица «За морем и телушка — полушка, да рубль перевоз» как нельзя больше подходит для рассказа о том, как проектировались и строились стальные русла газовых и нефтяных рек России. Известно, что использование природного, да и добываемого вместе с нефтью газа в России и за границей на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков в значительной степени отставало от нефти. Одной из причин такого положения была проблема доставки газа к местам потребления. В отличие от других энергоносителей, подать газ к местам его возможного применения тогда можно было только по трубопроводам на незначительное расстояние и в небольших объемах.

Для доставки газа на большие расстояния нужны были мощные компрессорные агрегаты, чтобы придать ему энергию движения. Создание их и освоение промышленного производства произошло позже появления насосных агрегатов, используемых для перекачки по трубопроводам нефти. В не меньшей мере транспорт газа ограничивало отсутствие труб большого диаметра, достаточной прочности и надежности. Это обстоятельство диктовало и необходимость приближать источники потребления газа к местам его добычи. Но это, в свою очередь, было не всегда возможно и целесообразно. Залежи природного газа, открытые в ходе разведки нефтяных месторождений (поиск чисто газовых кладовых тогда еще не велся, так как считалось, что газ существует только как спутник нефти), консервировались, а попутный газ сжигался на факелах — неизменных спутниках любого нефтепромысла.

Поиск путей и методов доставки газообразного топлива потребителю и его использования на территории России был активным и результативным. В 1856 году природный газ, выходящий на поверхность в районе поселения Сураханы (Бакинский район), применили в качестве топлива для построенного рядом нефтеперерабатывающего завода. К концу тридцатых годов двадцатого века природный газ в незначительных количествах получали из дававших его скважин на Украине в районе города Мелитополя. В 1937-1939 годах велись работы по использованию небольших газовых месторождений в Дагестане. За два с небольшим года было добыто лишь 8,3 миллиона кубических метров газа. Разведка этих месторождений и определение запасов газа, по аналогии с нефтяными, не производилась. Из скважины одного из этих месторождений (Дагестанские огни) газ использовали еще в начале прошлого века для производственных нужд на расположенном поблизости Дербентском стекольном заводе.

История бытового и промышленного потребления газа в России берет начало в первой половине девятнадцатого века. В 1830 году по проекту иностранных специалистов в Санкт-Петербурге был построен первый в России завод по получению газа из угля. Он главным образом использовался для освещения города. В 1867 году в Москве искусственный газ начал поступать по городской газовой сети с небольшого газового завода. В

начале прошлого века протяженность газовых сетей в Москве составляла двести километров. По ним газ поступал к 8700 газовым фонарям и более чем к 3700 другим потребителям, в том числе частично в жилые дома. Завод постоянно расширялся, его мощности к 1915 году достигли 18,7 миллиона кубических метров в год, соответственно, увеличивалась газотранспортная и газораспределительная городская сеть.

В начале двадцатого века газовые заводы и газораспределительные сети действовали в Одессе, Харькове, Риге, Ростове-на-Дону, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве. Добыча, производство и использование газа в дореволюционной России достигли двадцати миллионов кубометров в год. Расширялась и создавалась сеть распределения и использования попутного нефтяного газа не только в крупных городах, но и в районах добычи нефти. Проблемами поиска, добычи, транспорта газообразного топлива и его потребления в России занимались крупнейшие ученые, инженеры, конструкторы Д.И. Менделеев, Н.Д. Зелинский, С.В. Лебедев, В.Г. Шухов, А.М. Бутлеров, И.О. Ельман, М.Х. Шахназаров, Ф.А. Рустамбеков, И.Н. Стрижов, А.И. Косыгин, И.М. Губкин, С.Г. Войслав, Г.Д. Романовский, А.П. Серебровский и другие.

С установлением Советской власти в стране этой проблеме уделяется особое внимание. Объемы производства и потребления газа растут как на дрожжах. В 1930 году по заданию Госплана СССР группой специалистов и ученых во главе с А.И. Косыгиным был составлен подробный доклад «Газовые ресурсы СССР». Проблема поиска газа на территории страны находилась под контролем Геологического комитета и Наркомата тяжелой промышленности СССР, ей уделяли внимание первые лица государства. В 1925 году в стране было добыто и произведено свыше 120 миллионов кубометров газа, в 1928 году — 304 миллиона, в 1932 году — 1950 миллионов, в 1937 году — свыше двух миллиардов кубометров. В предвоенном 1940 году производство, добыча и потребление газа достигли 3390 миллионов кубометров, из них природного газа — 376 миллионов, искусственного — 137 миллионов, попутного нефтяного — 2,8 миллиарда кубометров.

К тому времени в Советском Союзе было проложено 325 километров газопроводов. Все они были небольшой производительности и имели местное значение. При этом ведущее место в добыче природного газа и его транспорте по дальности принадлежало присоединенной к Советскому Союзу в 1939 году Западной Украине, где газ добывался и транспортировался из Дашавского газового месторождения в город Львов. Этот район по производству искусственного, добыче природного газа, его транспорту и потреблению был одним из самых развитых на тогдашней территории Советского Союза.

Таким образом, в 1940 году в Советском Союзе самым крупным газотранспортным проектом и единственным, как по объемам подачи природного газа, так и по отдаленности от мест потребления (диаметр трубы 325 миллиметров, протяженность свыше 70 километров) стал введенный в эксплуатацию в 1930 году газопровод Дашава — Львов.

В дальнейшем родиной крупной добычи газа стала Ухта. Геологопоисковые работы, проводившиеся Ухтинской комплексной геологоразведочной экспедицией, организованной в 1929 году по решению Политбюро ВКП(б), привели к открытию в июне 1935 года в районе Верхней Ижмы у деревни Крутая чисто газового месторождения. На то время это была самая крупная газовая залежь не только в Коми АССР, но и в стране. Месторождение получило название Седьельское по названию притока реки Ижмы —

Седьель. Для его использования Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о строительстве первого в СССР завода по производству из природного газа гелия мощностью 50 тысяч кубических метров в год. Учитывая потребность в гелии, в августе 1937 года Совнарком СССР принимает второе постановление «О строительстве гелиевых заводов». Вывозить эту продукцию на первом этапе производства планировали даже дирижаблями. Но по ряду причин выполнение этих планов было отодвинуто на более поздние сроки.

В декабре 1940 года Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП (б) принимают решение «О мероприятиях по увеличению производства сажи», предусматривавшее строительство в районе Верхней Ижмы сажевых заводов. На сей раз потребитель газа был размещен непосредственно на месте его добычи, в 90 километрах от поселка Ухта. Ухтопечорскому тресту предстояло создать там новый промышленный газодобывающий и газоперерабатывающий комплекс страны. Для подачи газа на строящиеся заводы и Ухтинский промышленный узел был проложен кольцевой газосборный коллектор длиной свыше 20 километров, от него впоследствии — магистральный газопровод к сажевым заводам и Ухте.

Особенность этой стройки заключалась в том, что в принятом постановлении впервые предусматривалось строительство самого длинного в стране магистрального газопровода Крутая — Ухта диаметром 325 миллиметров, общей длиной 127 километров. А строительство заводов впервые велось на базе использования природных газов, в отличие от тех, что работали в то время на попутном нефтяном газе. Проектирование всего газового промысла, сажевых заводов и газопровода Крутая — Ухта осуществляли специалисты проектно-технического бюро Ухтижмлага, которым руководил начальник проектного отдела Г.Г. Газарьянц.

Многие историки пытались и пытаются увязывать строительство Крутянских сажевых заводов с началом Великой Отечественной войны и вынужденной перебазировкой на Север Майкопского сажевого завода из-за оккупации немцами Северного Кавказа. Но дело обстояло не совсем так. Во-первых, решение об использовании газа Седьельского месторождения для получения технического углерода и строительства заводов было принято руководством страны в декабре 1940 года, еще до начала войны. Сама же проработка проблемы начата еще раньше, в 1936 году. Во-вторых, приказ о начале работ на площадках будущих заводов подписан начальником Ухтижмлага А.Д. Баламутовым 31 января 1941 года. В-третьих, само решение о создании специализированного управления «Газстрой» на правах треста для строительства первых в СССР сажевых заводов на природном газе, обустройства газового месторождения и строительства первого газопровода природного газа от Крутой до Ухты было вынесено коллегией Главного управления лагерей НКВД СССР еще в конце 1940 года.

Что касается самой перебазировки Майкопского сажевого завода, то, действительно, на площадке Крутянских заводов были частично использованы поступившие из Майкопа металлоконструкции и часть неработоспособного оборудования. Основные блоки майкопских заводов были вывезены и смонтированы в Куйбышевской области. Лишь незначительную часть оборудования северяне успели получить от промышленности до

начала и в первые месяцы войны, основная же его масса была изготовлена непосредственно в Ухте силами Ухтижмлага по разработкам ухтинских конструкторов.

Майкопский завод был получен в тридцатые годы из США и предназначался первоначально для бакинских нефтяников. Но в связи с тем, что весь попутный газ, получаемый в больших объемах на «Майнефти», сжигался, было принято решение смонтировать завод в районе майкопских месторождений Краснодарского края. Так что в 1941 году, после почти десятилетней эксплуатации, завод был не в лучшем техническом состоянии, к тому же технологически он был рассчитан на работу с использованием попутных нефтяных газов.

Если говорить о газопроводе с Седельского месторождения, то его строительство велось сначала на первоочередном участке — от месторождения до сажевых заводов — и было закончено к намеченному пуску самого сажевого завода — 7 ноября 1941 года. К этой дате газ с месторождения поступил на горелочные устройства первого завода. Одновременно шли подготовительные работы на трассе газопровода до Ухты, которая проходила вдоль строившейся дороги, связывавшей ее с новым промышленным районом добычи и переработки газа. Параллельно велись переговоры с фирмами США о покупке газокомпрессоров. Опыт их эксплуатации на Водном радиовом промысле имели специалисты Ухты.

Для эксплуатации Седельского газового месторождения в составе Ухтижмстроя в июле 1941 года впервые в СССР создается производственно-административная единица — Крутянский газовый промысел. Ему предстояло вести работы по добыче и транспорту газа, бурению эксплуатационных скважин, эксплуатации сажевых заводов и будущего магистрального газопровода. По масштабам, значимости, техническим решениям и технологическим процессам в области газодобывающей и газоперерабатывающей промышленности, транспорта природного газа на значительные расстояния Ухтинский район в конце тридцатых — начале сороковых годов вышел на первое место в СССР и по праву считается местом зарождения этой отрасли в стране.

И не только это событие было уникальным достижением. Здесь тогда впервые родилось управление на правах треста для выполнения строительно-монтажных работ по возведению объектов газовой промышленности. В течение короткого времени коллективу управления во главе с И.В.Носаковым удалось сконцентрировать силы и средства, позволившие за десять месяцев выполнить громадный объем проектных, строительных и монтажных работ, приступить к пуску и наладке первой очереди завода и обустройству первого газового промысла в стране. Организаторами единственного в СССР строительно-монтажного треста для возведения объектов газовой промышленности были С.Н. Бурдаков, И.В. Носаков, А.Д. Баламутов.

Серьезные коррективы в темпы развития газовой отрасли, и особенно транспорта газа, внесла война с гитлеровской Германией. В годы войны геологи страны открыли 34 нефтяные и газовые месторождения, изменившие представления о нефтегазоносности многих регионов, и в первую очередь — Урало-Поволжья, ставшего основной базой развития нефтегазодобычи в стране.

В 1941 году в Саратовской области было открыто Елшанское газовое месторождение, за ним последовали другие открытия на саратовской земле. В сентябре 1942 года Совет Народных Комиссаров принимает решение о строительстве газопровода от Елшанки до Саратовской электростанции. Оно велось с двух сторон в течение двадцати дней. Саратовский газ 28 октября 1942 года поступил на электростанцию и промышленные предприятия города.

На сырьевой базе месторождений, открытых в Куйбышевской и Оренбургской областях, строится газопровод Бугуруслан — Куйбышев протяженностью 160 километров, диаметром 300 миллиметров. Вслед за ним прокладывается газопровод Похвистнево - Куйбышев диаметром 300 миллиметров, длиной 135 километров. Газ в Куйбышев пришел в сентябре 1943 года. Крупнейший промышленный район страны был полностью и надежно обеспечен высококачественным топливом, что способствовало наращиванию выпуска продукции для фронта.

В 1943 году к юго-востоку от Ухты было открыто одно из самых крупных тогда газовых месторождений — Войвожское. В 1945 году в этом районе разведано Нибельское месторождение. Эти открытия создали надежную сырьевую базу для расширения уже действовавшего производства технического углерода на Европейском Севере. Сразу же после открытия Нибельского месторождения по заданию правительства в Наркомате внутренних дел СССР началась активная подготовка к строительству завода термического углерода. К тому времени технология получения этого вида продукции, закупаемая ранее за рубежом, была разработана ухтинскими инженерами и технологами. Ее образцы были получены на опытном производстве.

10 июня 1946 года Совет Министров СССР принимает постановление о строительстве на берегах Ижмы, вблизи Ухты, завода по производству термического углерода и газопровода к нему. (Это было уже третье с начала 1946 года постановление правительства страны, касающееся развития нефтяной и газовой промышленности Ухтинского района). Возведение завода намечалось закончить к 1947 году. Сроки были сжатые и требовали нестандартных организационных и технических решений. В первую очередь это относилось к строительству газопровода длиной 130 километров, диаметром от 325 до 400 миллиметров с увеличенным рабочим давлением.

Задача была новой и технически сложной. Расчеты показывали, что подать газ по трубе к окончанию строительства завода прежними методами невозможно. Выход был предложен группой специалистов проектной конторы Ухткомбината во главе с А.В. Булгаковым. В нее входили инженеры С.И. Новопавловский и К.А. Веревкин. Смелый проект впервые предусматривал прокладку трубы по поверхности, что полностью исключало земляные работы, которые выполнялись в то время главным образом вручную. Исключался и фактор сезонности. Работы можно было вести круглый год, легко преодолевая многочисленные речки, болота, озера. Такая конструкция газопровода облегчала и упрощала его эксплуатацию и ремонт, многие ее элементы выполнялись с использованием местных материалов (деса). Все это ускоряло и удешевляло строительство.

Газопровод Войвож — Ухта представлял собой наземный, подвесной, самокомпенсирующийся магистральный трубопровод на деревянных, подвижных А-образных и неподвижных якорных опорах из хвойной древесины. В плане он напоминал зигзагообразную

Монтаж подвесного газопровода Войвож — Ухта. 1946 год.

стальную нить с винтовым переходом через реки и речки. После проведенных натурных испытаний, рассмотрения и принятия проекта газопровода коллегией Главного управления лагерей МВД СССР в июле 1946 года было начато его строительство. Конструктивные решения были разработаны С.И. Новопавловским, а все прочностные и газодинамические расчеты произведены К.А. Веревкиным.

О правильности расчетов ухтинских специалистов, надежности принятых технических решений свидетельствует тот факт, что введенный в июне 1948 года газопровод эксплуатировался до 2003 года без капитального ремонта и без аварий, а выполненный в 2003 ремонт продлит срок его эксплуатации еще на 30 лет.

Основной причиной такой долговечности, кроме технических решений, является высокое качество всего цикла строительно-монтажных работ, чем, к сожалению, позже в Ухте и других районах трубопроводного строительства стали пренебрегать, мотивируя спешку необходимостью досрочного ввода трубопроводов в эксплуатацию.

В 1949 году авторы проекта получили свидетельство на изобретение. Позже аналогичные газопроводы были построены в Советском Союзе в Якутии, за рубежом — в Канаде. На Европейском Севере таких газопроводов было построено без малого 400 километров. Часть из них, как уже упоминалось, эксплуатируется и в наши дни. В июне 1947 года Совет Министров СССР за открытие и промышленное освоение газовых месторождений Верхней Ижмы присудил группе работников Ухтинского комбината Государственную премию.

Одновременно со строительством объектов газодобывающей промышленности на Европейском Севере по решению Государственного Комитета Оборона (ГКО) в 1945 году

Строительство газопровода Саратов — Москва. 1946 год.

было начато строительство первого в СССР магистрального газопровода Саратов - Москва длиной 788 километров и диаметром 325 миллиметров. Как и в Коми АССР, он строился организациями Народного комиссариата внутренних дел СССР (в отличие от Ухты, здесь на земляные работы привлекалось местное население). Возглавляли строительство заместитель наркома генерал-лейтенант А.Б.Сафразян и генерал-майор инженерной службы В.А.Гачкин.

Эти две стройки объединяло не только то, что их осуществляли организации НКВД (МВД) СССР. Опыт ухтинских специалистов использовали в Саратове и наоборот — опыт саратовцев в Ухте. Был налажен постоянный и регулярный обмен технической информацией. Общим и особо важным элементом в создании газотранспортных магистралей была грамотная и своевременная комплектация этих строек технологическим оборудованием. В обоих случаях были применены тысячесильные компрессорные агрегаты и некоторые другие виды оборудования, доставленные из Германии. Они обеспечивали давление в газопроводе до 5,5 МПа вместо ранее достигнутого в 3,5 МПа. Это значительно увеличивало объемы подачи газа потребителям.

Газопровод Войвож — Ухта был построен, выведен на проектную мощность и сдан в эксплуатацию в июне 1948 года. Газопровод Саратов — Москва по ряду причин (основные — слабое качество сварочных работ и нарушение технологии испытания) был выведен на проектную мощность лишь через год после окончания строительства — в мае 1947 года.

* * *

В конце сороковых и в пятидесятые годы газовые месторождения, открытые в Урало-Поволжье, на Северном Кавказе, в Ставрополье, Украине, становятся основной сырье-

вой базой для подачи природного газа в центр страны и ее индустриальные районы. Строятся газопроводы Дашава — Киев — Москва (1951 год) из труб диаметром 530 миллиметров, Ставрополь — Москва (1956 год) из труб диаметром 720 миллиметров, Шебалинка-Харьков и ряд других в районах Поволжья и Урала, юга страны. Протяженность и мощность газопроводов резко возрастает. Если в 1940 году их длина была всего 325 километров, то в 1955 году было уже 4860 километров магистральных газопроводов, а к шестидесятым годам трубопроводная сеть превысила 21 тысячу километров при возросшем диаметре с 325 до 720 миллиметров.

В отличие от южных и центральных районов страны, Европейский Север в силу географического положения, природно-климатических условий оставался замкнутым в рамках территории регионом добычи, транспорта и переработки газа. Его доля в объеме союзной добычи резко уменьшилась. Если в 1940 году добыча газа здесь составляла 19 процентов от союзной, то в 1955 году она снизилась до 11 процентов. Вместе с тем перспективы и прогнозы видных ученых страны и ухтинских геологов по открытию крупных запасов газа на Европейском Севере были оптимистичными.

Следуя мировой тенденции использования газа для выработки электроэнергии и производства химической продукции и газификации крупных промышленных центров, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 15 августа 1958 года приняли постановление «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжении предприятий и городов СССР». Оно ознаменовало новый этап развития газодобывающей промышленности и газификации страны. Особое место в обеспечении строительства газотранспортных магистралей отводилось ключевым отраслям промышленности страны — металлургам и машиностроителям.

Это постановление предусматривало довести запасы газа в Коми АССР до 70 миллиардов кубометров, в 1960 году реконструировать Ухтинский завод печного технического углерода из газа с добавкой жидких углеводородов и установку по производству термического углеводорода с вводом ее в действие в 1963 году. Планировалось также построить газопровод из Коми АССР на Урал для обеспечения топливом Свердловского промышленного узла. Стройка была предметом обсуждения на двадцать первом съезде КПСС в феврале 1959 года. Этот план впервые предусматривал выход северного газа за пределы республики Коми.

Перспективным планом развития на период 1957-1970 годов Ухткомбинат планировал довести к 1970 году добычу газа для внутреннего потребления и транспорта в другие регионы до десяти миллиардов кубометров. Из них предусматривалось подать в Свердловск уже в 1960 году миллиард кубометров газа, а затем довести этот объем до четырех миллиардов кубометров. Намеченная программа с незначительным отставанием по времени выполнялась, а в последующие годы Коми АССР заняла одно из ведущих мест в стране по добыче и транспорту газа. Это было связано с открытием Вуктыльского газоконденсатного месторождения, началом строительства трансконтинентальной системы газопроводов из Западной Сибири и строительством ее первого звена: трассы Вуктыль — Торжок. Наступал новый этап в развитии газотранспортной отрасли Европейского Севера.

«Голубой поток» стартовал на Вуктыле

В начале шестидесятых годов прошлого столетия перед страной во весь рост встала задача подать в Центр и Западные районы страны огромные объемы газа с открытых геологами месторождений на севере Тюменской области. Именно это определяло дальнейший рост всей экономики. Но для ее решения предстояло спроектировать и построить мощную газотранспортную трубопроводную систему. Это было время, когда острейшая потребность в энергоносителях могла быть решена только за счет быстрого освоения богатейших газовых месторождений.

К 1965 году в стране было открыто 471 газовое месторождение, из которых разрабатывалось лишь 163. В США к тому времени добывали 490 миллиардов кубометров газа при запасах около 8 триллионов кубометров и протяженности газотранспортных магистральных трубопроводов более 350 тысяч километров и более 700 тысяч километров газораспределительных сетей. А в Советском Союзе добыча составляла 127 миллиардов при запасах свыше 15 триллионов кубометров и протяженности газопроводов в 42 тысячи километров. Особо важная экономическая и стратегическая задача страны могла быть решена только за счет ускорения освоения в первую очередь газовых кладовых Севера.

Выполнять весь комплекс работ должен был Главгаз при Совете Министров СССР, а с переходом в сентябре 1965 года управления промышленностью на отраслевой принцип — образованное в октябре того же года Министерство газовой промышленности СССР. На всем протяжении трассы будущей системы газопроводов уже в начале 1964 года развернулись изыскания, сюда прибывали первые отряды строителей. От тверского города Торжок до месторождений на севере Западной Сибири предстояло преодолеть более 3000 километров сложнейшей по природным условиям трассы, построить десятки компрессорных станций.

В 1966 году Совет Министров СССР распоряжением от 25 марта № 626 обязал Министерство газовой промышленности усилить внимание строительству объектов газопровода из северных районов Тюменской области в центр страны. Из южных и восточных районов начинается крупномасштабная перебазировка строителей трубопроводных магистралей. Позади у них уже были газотранспортные комплексы Саратов - Москва, Шебалинка — Москва, Средняя Азия — Центр, Ставрополь — Москва, трубопроводные стройки Поволжья, юга России, Украины. Но условия, в которых предстояло работать прибывающим строителям, были совсем не похожи на то, что было до сих пор. Несопоставимы были и сроки выполнения предстоящей грандиозной задачи. Мирового опыта освоения подобных месторождений и строительства газопроводов таких параметров тоже не было.

Однако открытие Вуктыльского гиганта изменило планы правительства, вернее, очередность этапов стройки. На территорию Коми АССР, через которую проходила треть трассы, в первую очередь начали прибывать лучшие трубопроводные подразделения. Базовыми для начала работ по сооружению трубопроводной части на Европейском Севере были определены город Ухта, а на берегу Оби в районе Полярного Урала — поселок Лабитнанги. Открытие Вуктыльского газоконденсатного месторождения в двухстах ки-

лометрах к северо-востоку от Ухты внесло радикальные изменения в планы строительства северного газопровода. Решение о первоочередном строительстве участка этой системы от Торжка до Ухты было принято 7 января 1967 года на совещании в Ухте, проведенном заместителем Председателя Совета Министров СССР, Председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым и министром газовой промышленности СССР А.К. Кортуновым. Стратегическая и народнохозяйственная целесообразность такого решения была очевидна и нашла отражение в принятом 10 мая 1967 года постановлении Совета Министров СССР «Об усилении геологоразведочных работ на газ, организации добычи природного газа на Вуктыльском месторождении в Коми АССР и о строительстве магистрального газопровода с этого месторождения в районы Центра и Северо-Запада».

Сосредоточение в Главгазе СССР, а затем в Мингазпроме СССР функций обустройства месторождений, строительства газопроводных и газораспределительных систем, добычи и поставки газа потребителю было лучшей формой организации и функционирования этой отрасли. Именно оно обеспечивало так необходимую в то время (а в настоящее тем более) оперативность в комплексном решении самых сложных и срочных задач. Свидетельством тому стал незамедлительный перенос усилий на освоение появившейся на пути северного газа из Западной Сибири в центр уникальной Вуктыльской кладовой углеводородов.

Еще до выхода в свет правительственного постановления, не дожидаясь завершения разведочных работ и получения утвержденных запасов сырья, в феврале 1967 года на трассе началась подготовка к сварочным работам. Это засвидетельствовано и во многих официальных документах, и на хранящемся в моем архиве историческом снимке сваренной трубы первого в стране и в мире газопровода диаметром 1200 миллиметров. 3 марта 1967 года сварщики шестого специализированного управления сварочного треста «Цекингазстрой» начали сварку газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок и сделали на трубе надпись: «Первый стык газопровода диаметром 1200 миллиметров».

Работы начались одновременно на четырех решающих объектах стройки: обустройстве Вуктыльского газоконденсатного месторождения, Сосногорском газоперерабатывающем заводе, на трассе газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок и на конденсатопроводе Вуктыл-Ухта. В линейную газопроводную часть стройки кроме трубопроводов входило и строительство газоперекачивающих компрессорных станций. Для пуска первой очереди газопровода (к началу строительства уже было известно, что с Вуктыльского месторождения потребуются вторая нитка газопровода) только на территории Коми возле населенных пунктов Ухта, Синдор, Микунь необходимо было построить три компрессорные станции. Сюда же входило строительство жилья для обслуживающего персонала, объектов коммунального и производственного назначения, связи, энергообеспечения, дорог.

Одно лишь перечисление объектов, необходимых для доставки вуктыльского газа в Центр страны, свидетельствует об огромном объеме работ, которые предстояло выполнить. Чтобы обеспечить добычу газа, перекачку на 200-километровое расстояние газоконденсата, приказом Мингазпрома в августе 1967 года в Ухте создается газопромислово-управление «Комигазпром». Для обеспечения строительства и ввода в действие объектов газотранспортной системы в ноябре 1967 года в Ухте создается Управление строящихся северных магистральных газопроводов и газодобывающих предприятий

«Севергазцентр». В него вошли Ухтинское отделение Московской дирекции строящихся газопроводов, с августа 1969 года — Дирекция строящихся газопроводов, базировавшаяся в поселке Лабытнанги.

Предполагалось, что в начальный период в состав «Севергазцентра» войдут газодобывающие предприятия, создаваемые для добычи и подачи тюменского газа в будущую систему газопроводов. В январе 1968 года «Севергазцентр» выводится из подчинения строительного главка и переводится в Главное управление эксплуатации магистральных газопроводов. Это был первый шаг в подготовке строящейся магистрали к приему газа с Вуктыльского месторождения и поочередного ввода ее в эксплуатацию.

Начальником управления стал опытный специалист Главгаздобычи Н.В. Петличенко, главным инженером — старейший работник нефтегазовой отрасли Ухты Б.Р. Гене. Руководство управлением «Севергазцентр» было поручено прибывшему из Ташкента В.П. Перерве и В.И. Миронову — руководителю Ухтинского отделения Московской дирекции строящихся газопроводов. Опыт и знания, самоотверженный труд этих специалистов высокой квалификации во многом определили успех создания газодобывающего комплекса и газотранспортной отрасли Республики Коми, стали залогом ее успешного развития в дальнейшем.

О масштабах развернувшихся работ дает представление перечень первоочередных объектов трубопроводного строительства. По самому месторождению, протянувшегося на 80 километров вдоль берегов Печоры, предстояло проложить газосборные коллекторы из труб диаметром 1020 миллиметров. Сначала один — для добычи газа в объемах, предусмотренных первой очередью обустройства месторождения, затем другой, чтобы довести добычу газа до 18 миллиардов кубометров в год. Их общая протяженность, объединяющая все сборные пункты газа, превышала сто километров. Это часть трубопроводов большого диаметра входила в проект обустройства газового промысла и не составляла линейную часть стройки.

От головных сооружений промысла, заложенных в тридцати километрах от поселка Вуктыл, брал свое начало газопровод Вуктыл — Ухта. Проект этой части магистрали Вуктыл — Торжок выполнил институт «Востокгипрогаз», проектировавший весь комплекс вуктыльской стройки. Показателен в этой связи тот факт, что деловая и профессиональная связь газовиков Саратова и Коми АССР, установившаяся в послевоенные годы, когда создавались первые газотранспортные магистрали в стране, успешно продолжалась. Протяженность этой части газопровода от первой перекачивающей станции (КС-10) в районе Ухты до головных сооружений газового промысла составляла двести километров, на своем пути она пересекала самую крупную преграду — реку Печора. Третий, основной, участок трассы брал начало от компрессорной станции № 10 и заканчивался в районе Торжка Тверской области, где мощная газовая река разделялась на многие потоки.

Самый северный в СССР и в мире

Под впечатлением огромной стройки — первой такого масштаба на территории Коми АССР, пленум Коми обкома КПСС принял решение присвоить газопроводу Вуктыл — Торжок звучное имя — «Сияние Севера». Протяженность газопровода состав-

ляла 1388 километров. От Вуктыла до Ухты труба была диаметром 1020 миллиметров, от Ухты до Торжка — 1200 миллиметров, строительство впервые велось из труб таких диаметров. Это был самый северный газопровод в Советском Союзе и в мире. В аналогичных природно-климатических условиях строительство газопровода такого класса прежде не велось.

Состав и количество жидких углеводородов в вуктыльском газе предъявили к конструкции газопровода и режимам его эксплуатации особые требования. Была и еще одна отличительная особенность освоения Вуктыла: на участке Вуктыл — Ухта одновременно с газопроводом необходимо было проложить и конденсатопровод. Технологически газ добывался вместе с жидкими углеводородами, а транспортировать их надо было по разным трубопроводам. Речь шла о транспорте около пяти миллионов тонн нестабильного конденсата в год, что влекло за собой необходимость строительства конденсатопровода диаметром 400 миллиметров, а сразу же после его пуска в эксплуатацию необходимо было начинать строительство второй нитки.

Конденсатопровод Вуктыл — Ухта представлял собой технологически сложный вид транспорта. Необычайную среду — жидкость, насыщенную газом, предстояло перекачивать на значительное расстояние. Это был единственный в стране трубопровод для этих целей. К нему предъявлялись особые требования по режиму работы и по экологической безопасности.

Через каждые 100-150 километров на трассе Ухта-Торжок предстояло построить компрессорные газоперекачивающие станции. Как уже упоминалось, строительство газопровода началось в марте 1967 года. А в апреле 1969 года вуктыльский газ под собственным давлением достиг Череповецкого металлургического комбината. К началу 1970 года была принята в эксплуатацию первая дожимная компрессорная станция № 10 в районе Ухты. Это позволило уже в апреле 1970 года ввести в промышленную эксплуатацию первую нитку газопровода Ухта — Торжок. Промышленная эксплуатация первой очереди газопроводного комплекса началась в конце 1972 года.

Для выполнения поставленной правительством СССР задачи руководство Министерства газовой промышленности во главе с А. Картуновым, учитывающее опыт других строек, максимально сконцентрировало силы и средства на всем протяжении трассы газопровода Вуктыл — Торжок. К работам привлекались главки и объединения, их многочисленные специализированные тресты, научно-исследовательские и проектные институты. За конкретные участки магистрали отвечали специальные уполномоченные министра с правом координации работ. За ходом строительства постоянно следил сам министр.

Активное участие в строительстве трубопроводной части газотранспортной системы Север — Центр в границах Коми республики принимали областной комитет КПСС, его секретари И.П.Морозов, В.Я.Соколов, Н.Н.Кочурин. Они способствовали ускоренному строительству основных ниток газопровода и отводов от них на территории республики Коми. В августе 1971 года, ко дню празднования 50-летия Коми АССР, было завершено строительство отвода Микунь — Сыктывкар: газ с Вуктыльского месторождения пришел на Сыктывкарский лесопромышленный комплекс и городские объекты. Строительство отводов от основной магистрали и газораспределительных станций велось и в другие города и населенные пункты республики: Жешарт, Ухту, Сосногорск, Войвож.

Вывод первой нитки газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок на проектную мощность был обеспечен благодаря созданию высококвалифицированного коллектива, осуществлявшего эксплуатацию как отдельных технологических участков, так и всей магистрали. Успех обеспечивало еще и то, что задолго до поступления газа в систему и пуска газоперекачивающих станций газопровод уже был подготовлен к эксплуатации. С этой целью в «Севергазцентре» на базе строящихся компрессорных станций были созданы районные и линейные управления, за которыми были закреплены конкретные участки газопроводной магистрали.

Управление магистральных газопроводов «Севергазцентр» было преобразовано в июле 1974 года в производственное объединение по транспортировке и поставке газа «Ухатрансгаз». Оно вошло в состав Всесоюзного промышленного объединения «Комигазпром», имело полностью сформировавшуюся, хорошо организованную структуру управления и обслуживания первой очереди газотранспортной системы и было подготовлено к эксплуатации второй очереди газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок, введенной в строй в сентябре 1976 года. В декабре 1977 года была запущена и третья очередь системы — газопровод Пунга — Ухта — Торжок диаметром 1420 миллиметров. Четвертая очередь газотранспортной системы Север — Центр с газопроводом Уренгой — Ухта — Грязовец была сдана в эксплуатацию в апреле 1981 года.

По газопроводам объединения «Комигазпром» в центр страны через Коми АССР к 30 июля 1981 года было отправлено 350 миллиардов кубометров вуктыльского и тюменского газа. Ежесуточно в центральные и северо-западные районы Советского Союза по северному газовому коридору перекачивалось 195 миллионов кубометров газа. Каждый шестой добытый в стране кубометр газа транспортировался через систему газопроводов, эксплуатируемых газовиками Европейского Севера.

Достигнутые успехи связаны с именами тех, кто осваивал новую трассу «голубого потока», бравшего начало из северных газовых месторождений. Первыми среди них были В.П. Перерва, В.И. Миронов, В.С. Зотов, Н.А. Сотник, Л.Д. Матусов, Т.П. Шамборский, Б.И. Василенко, Н.И. Григорьев, В.П. Шилин, В.М. Мельников, Ю.Г. Курманов, П.А. Рожицин, П.И. Муравко, С.И. Банников, Г.И. Зотов, Г.М. Звягин, Н.И. Дудников, В.Д. Галушко, А.И. Чистяков. Среди первопроходцев и тех, кто принял у них эстафету, особо хочется выделить Станислава Ивановича Юдина, возглавлявшего управление «Севергазцентр» с 1970 по 1973 годы, а с 1973 по 1979 — производственное объединение «Комигазпром», и сменившего его на этом посту Олега Николаевича Соловьева, возглавлявшего ВПО «Комигазпром» с 1979 по 1986 годы.

Издержки рапортомании

Приглашаю читателя обратить внимание на ряд интересных фактов конца 60-х-начала 70-х годов в области транспорта нефти и газа. Это может пригодиться при поиске и выработке перспективных направлений развития трубопроводного транспорта газа, так как опыт Европейского Севера — не лучший пример.

Тогда активно и живо обсуждалась идея строительства сверхмощных газопроводов диаметром 2,5 метра. Предполагалось проложить такой газопровод с Уренгойского мес-

торождения (открыто в июне 1966 года, запасы превышали 10 триллионов кубических метров) через территорию Коми до Торжка протяженностью около 2700 километров. Пропускная способность супергазопровода определялась в сто миллиардов кубометров газа в год. В районе Ухты из труб этого диаметра был построен опытный участок, а на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства СССР в Москве демонстрировался фрагмент экспериментальной трубы диаметром 2500 миллиметров, внутри которой свободно разместился легковой автомобиль. Экспонат был привлекательным для посетителей выставки. А как для газопроводов будущего? Насколько реально построить и эксплуатировать такой трубопровод?

После продолжительных и бурных дискуссий вокруг этой трубы в 1970 году идея ее использования была поколеблена специалистами трубопроводного транспорта и профессионалами Мингазпрома СССР. Они доказали, что оптимальный диаметр труб для дальнейшего развития газотранспортной системы страны — 1420 миллиметров, при рабочем давлении 7,5 МПа. Уже в то время изучался вариант повышения давления до 8–10 МПа. Производительность такого газопровода составляла бы 32 миллиарда кубометров газа в год. Подобное строительство было успешно освоено и не требовало революционных изменений как в технологии прокладки, так и в создании технологических средств для эксплуатации газопровода.

Между прочим, экспериментальные трубы диаметром 2,5 метра были изготовлены на Волжском трубопрокатном заводе по технологии германской фирмы «Тиссен». Сторонников этой идеи не покидала надежда на успех. Вот как оценивал сложившуюся тогда ситуацию со строительством газотранспортной системы из районов севера Западной Сибири в Центр и на Запад страны в начале 1968 года министр газовой промышленности СССР А. Кортунов: *«Темпы сейчас такие, что очереди практически не бывает (речь шла об очередности освоения месторождений — А.Г.). Совсем недавно открыто Вуктыльское месторождение близ Ухты, а уже вовсю идет прокладка трубопровода длиной 1400 километров до Торжка. Труба здесь небывалой величины: диаметр — метр двадцать сантиметров. Никто и нигде еще не тянул нитки таких размеров. Этот участок будет как бы средним звеном гигантской трансконтинентальной магистрали Север — Центр.*

От Ухты магистраль потянется вверх, параллельно железной дороге, идущей на Воркуту. Здесь, недалеко от Воркуты, от основной дороги отходит ветка. Она проложена по ущелью через Полярный Урал и выходит к левому берегу Оби у Салехарда. Точно так же пройдет и газопровод. Думали строить его сначала из труб большого диаметра — 1,4 метра. Но основной поток подземной энергии пойдет по трубам колоссальной величины — их диаметр будет два с половиной метра! Подсчитано, что это удешевит строительство примерно на сорок процентов. Ведь по трубе диаметром в два с половиной метра можно подать газа столько же, сколько по двадцати трубопроводам метрового диаметра. Мы уже вплотную занимаемся ими...»

Так что возможность прокладки гигантского газопровода — тоннеля по территории Коми была вероятна, но вряд ли технически, экономически, экологически целесообразна и безопасна. Отказ от этой авантюристической идеи был «убыточен», на мой взгляд, лишь в одном: страна лишалась привилегии попасть в Книгу рекордов Гиннеса.

Была еще одна, близкая к осуществлению, идея, связанная с газотранспортными артериями. Правда, в отличие от первой, она была многоплановой по применению. Речь идет о строительстве газопроводов высокого давления и большой производительности из Западной Сибири по тому же северному коридору через Коми АССР из слоеных труб. Идея была разработана научным центром конструкции многослойных труб. Предлагалось первоочередное использование таких труб не только для газопроводов, но и для других продуктов с давлением до 10 МПа.

Здесь дело продвинулось гораздо дальше, чем с трубами диаметром 2,5 метра. В Нижегородской области на Вуксунском трубопрокатном заводе был смонтирован стан и начато производство многослойных труб. Их промышленное испытание велось и во многих районах страны. Миннефтегазстрой СССР по своей инициативе вел работы по освоению сварки таких труб. Их внедрение обещало громадный экономический эффект, особенно в части экономии металла.

Особый интерес к ним проявлял министр Миннефтегазстрой СССР Б.Е. Щербина, который был на редкость активным генератором новых идей. Где только он ни пропагандировал эти трубы и те выгоды, которые они дадут при транспорте нефти и газа. Конец этой авантюре был положен после обсуждения «новшества» с участием противников и сторонников «трубного феномена» у Председателя Совета Министров СССР Н.А. Тихонова. Будь эта идея реализована, трудно представить, какую ремонтно-восстановительную службу нужно было бы иметь «Севергазпрому». Правда, и без того в объединении «Севергазцентр» она была самая мощная в системе Мингазпрома, а позже в ОАО «Газпром».

Сначала это был небольшой участок для ликвидации незначительных неполадок на газопроводе. Крупные аварии в начале эксплуатации первой и второй ниток газопровода Вуктыл — Торжок ликвидировали строители. Они и были основными виновниками этих аварий. Со временем привлекать строителей становилось все труднее. С 1970 года началась активная подготовка к созданию аварийно-восстановительного поезда, благо трасса газопровода проходила вдоль Северной железной дороги. В марте 1974 года первый такой аварийно-восстановительный поезд при активной поддержке С.А. Оруджева и В.А. Динкова появился в городе Ухта в системе управления «Ухтатрансгаз».

Аварийность на газопроводе скрывалась строителями, так как она не вписывалась в их широко разрекламированные высокие темпы прокладки трубы, которые в разы (!) опережали плановые сроки.

Причин такого перевыполнения, которым руководители строек гордились, могло быть две — или это были ошибки в расчетах проектировщиков, или невыполнение значительной части работ, что непременно связано с нарушением проектных решений и действующих норм и правил строительства. Почему же заказчики и исполнители закрывали глаза на такое положение дел в строительстве? Только ли они виноваты в том, что подобные нарушения становились системой?

В значительной степени объяснение надо искать в том, что в тот период усилился партийный контроль, а значит, и вмешательство партийных органов в хозяйственную деятельность, а еще хуже того, вмешательство в технические и технологические решения. Уровень и компетентность партийных функционеров нередко не соответствовали решаем-

мым задачам. Кроме того, партийные органы на местах владели монопольным правом рапортовать о выполнении заданий, а рапорт был весомее тогда, когда в нем говорилось о досрочном выполнении задания. И неважно, какой ценой, с какими нарушениями и отклонениями это достигалось.

Так к концу шестидесятых годов создавалась и в начале семидесятых утвердилась система рапортов о досрочном вводе объектов. Так закладывались на трубопроводном транспорте предпосылки будущих аварий и техногенных катастроф, приписок и бесхозяйственности, открывших прямой путь к коррупции.

Дорогая цена руководящих амбиций

Вуктыл несколько подпортил обедню любителям рапортов. Его освоение, строительство в рекордные сроки трубы до Торжка задержало работы в северной части газопровода Западная Сибирь — Центр. Тем не менее, Мингазпром не прекращал работы на «северном» участке трассы. Проектные, научно-исследовательские институты, конструкторские коллективы активно вели поиски решения проблем, связанных с прокладкой газопроводов в сложной заполярной зоне. А их было немало: вечная мерзлота, сохранение окружающей среды, проблемы оленеводства, надежной эксплуатации и обслуживания вводимых объектов в тундровых условиях и другие. Между Интой и Воркутой активность работ была особой. Было завезено, сварено в плети и частично уложено в траншеи больше ста километров полутораметровых труб, продолжалась их доставка на трассу из Германии.

О важности проводившихся работ свидетельствовало решение коллегии Мингазпрома от 24 апреля 1970 года, рассмотревшей вопрос «Об основных организационно-технических решениях в проекте и организации строительно-монтажных работ при сооружении линейной части газопровода Северные районы Тюменской области — Торжок на участке Надым — Ухта из труб диаметром 1420 миллиметров». Перед трестом «Союзгазспецстрой» ставилась задача «... осуществить на трассе Надым — Ухта опытное строительство участка протяженностью 90 километров, где применить наиболее прогрессивные решения, разработанные конструкторскими организациями, с использованием трудового опыта производственных организаций с тем, чтобы отработать конструктивные решения и технологии производства работ на строительстве других северных трубопроводов...». Эта задача в основном решалась на участке Инта — Воркута — Надым, где предстояло опробовать принятые и утвержденные коллегией технические решения:

— на участке газопровода от поселка Абезь до Ухты вести подземную укладку трубы;

— на участке Надым — Абезь выполнить подземную и надземную укладку трубы с обвалованием общей длиной до 380 километров;

— в местах распространения вечномерзлых грунтов с тяжелыми криологическими условиями, при пересечении озер, небольших рек, оврагов, водостоков протяженностью около 120 километров произвести укладку труб на опорах;

— применить искусственное охлаждение газа на компрессорных станциях для уменьшения теплового воздействия газопровода на вечномерзлые грунты и снятия возникающих дополнительных температурных напряжений в трубе.

Последнее решение было особо важным, так как затрагивало большой круг вопросов. Они касались не только работы газопроводной системы, но и проблемы создания и внедрения в производство нового оборудования и материалов. Безусловно, этим не исчерпывался весь комплекс намечаемых технических и организационных исследований практики прокладки небывалого по диаметру и условиям строительства газопровода. Масштабными и оперативными были принятые меры организационного плана. В поселке Лабитнанги разместилась и приступила к работе Дирекция строящихся газопроводов, в Воркуте было создано строительно-монтажное управление для работы на объектах газопровода в этом районе. За короткое время в поселке Харп (Полярный Урал) была создана крупная база по производству строительных материалов и железобетонных конструкций с использованием продукции Воркутинского цементного завода. По Северной железной дороге из ФРГ непрерывным потоком на стройку поступали трубы, со всех концов Союза прибывали строительная техника, оборудование для обустройства газовых промыслов, конструкции промышленных зданий, сборные дома, продовольствие.

И все это было в одночасье остановлено, работы были прекращены. Виной тому стало принятое правительством СССР постановление. Намеченные Госпланом СССР и уже развернутые работы на северном участке трассы, как теперь стало известно из книги воспоминаний заместителя министра Миннефтегазстроя Ю.П. Баталина, были пересмотрены и изменены по его предложению и настоянию. Внесенное в правительство предложение заключалось в изменении трассы газопровода и переносе ее на территорию Тюменской области. Ее предлагалось проложить вдоль восточного склона Уральских гор.

Мотив сторонников «тюменского» варианта по признанию автора, заключался в том, что сроки строительства северного участка могли быть сорваны. Своему коллеге, заместителю министра по добыче газа В. Динкову, возражавшему против этого предложения, он заявил «... когда сорвем строительство, будет стыдно...». Конечно же, талантливым организатором строительного производства руководило не чувство «стыда». Расчет был совсем в другом — в стремлении прославиться, отпартовать. Одним из аргументов в пользу нового маршрута было сокращение длины газопровода. Хотя, по данным геодезии и топографии, по законам геометрии и правилам измерения длины на поверхности шара понятно, что новый маршрут не мог быть короче. Но у защитников местнических амбиций была своя геометрия.

Строительство по новому варианту началось в 1971 году. Сокращения сроков подачи газа из Тюменских месторождений по новому маршруту Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок не произошло. Газопровод, соединяющий первую и вторую нитки Вуктыл — Торжок, от Вуктыла до Пунги, включая тюменскую часть газопровода на участке Вуктыл — Пунга, строился пять лет. Тюменский газ по маршруту Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок пошел лишь в 1976 году. Проложить участок газопровода от Вуктыла до Пунги оказалось намного сложнее и труднее, чем это думали авторы проекта и их сторонники. Если на сооружение первой нитки газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок длиной 1388 километров ушло два года, то на двухсоткилометровый участок Вуктыл — Пунга потребовалось пять лет.

Не получилось ни экономии времени, ни экономии средств. Мингазпром многие годы ломал голову над проблемой списания понесенных материальных и финансовых затрат на северном варианте. Прятать многомиллиардные суммы пришлось двум министрам —

Строительство газопровода через Полярный Урал. Вуктыльский район Республики Коми.

С.А. Оруджеву и В.А. Динкову. Большая часть вывезенных на трассу труб была растащена и использована не по назначению — на канализационные и смотровые колодцы, в том числе и в Москве, на водосточные пересечения на автомагистралях, на емкости для хранения жидкости и тому подобное. Все базы и их оборудование были брошены на трассе и скоро исчезли. Производственные базы в Лабитнанги и Воркуте оказались никому не нужными. Но и это далеко не все потери. Доставка труб, строительной техники на новую трассу велась вертолетами МИ-6 и МИ-10, самолетами «Антей», на что ушло несколько сотен миллионов рублей. На трассе с обеих сторон Урала строители не досчитались больше шестисот единиц строительной техники, в том числе импортной.

Возведенный участок газопровода Пунга — Ухта из-за нарушения технологии строительства так и не смогли вывести на проектные параметры, он и в настоящее время (по данным Газнадзора за 2001-2003 годы) находится на втором месте по аварийности в Северном коридоре газопроводов.

Такова цена необоснованного и непродуманного вмешательства высокопоставленного государственного чиновника не в свое дело. Не исключено, что здесь присутствовало стремление угодить самолюбивым амбициям тех, от кого зависело развитие промышленности Западной Сибири. Уступить или разделить это первенство в какой-либо его части и с кем бы то ни было ни первый секретарь Тюменского обкома, ни заместитель министра газовой промышленности, отдавший много сил и времени развитию этого региона, не хотели. А реализация северного варианта транспортных магистралей фактически приводила к разделению этого первенства с соседом — Коми АССР, с ее не менее квалифицированным, чем тюменский, газовым штабом в Ухте. Эта версия не раз подтверждалась конкретными действиями высокопоставленных лиц и в дальнейшем.

Эту стратегическую «ошибку» предстоит частично исправить нынешнему поколению — вернуться к северному газотранспортному коридору и к тому малоизвестному проекту транспорта западносибирского газа через Коми в незамерзающую бухту Индига, что в Архангельской области, где сорок лет назад планировалось построить производство по сжижению газа и морской порт с тем, чтобы танкерами доставлять его в районы Северо-Запада страны и за рубеж. Проект поражал своей новизной, смелостью и на много лет опережал решение этой проблемы в мире. Он даже тогда был под силу экономике страны, ее талантливому и трудолюбивому народу.

Газовая река без порогов

Одиннадцатую пятилетку экономического развития страны (1981-1985 годы) авторы и организаторы перестройки и приватизации не без умысла называли и продолжают называть «застойным периодом». Но для нефтегазовой промышленности такое определение не только неправомерно, но опровергается реальными фактами. В этот период добыча нефти и газа в Советском Союзе продолжала неуклонно увеличиваться. В 1984 году ежегодная добыча газа превысила 587 миллиардов кубометров. Страна по этому показателю вышла на первое место в мире, опередив Соединенные Штаты Америки. Прочно удерживалось достигнутое в 1975 году мировое первенство (490,8 миллиона тонн) по добыче нефти: позади оставлены США (417 миллионов тонн) и Саудовская Аравия (415 миллионов тонн).

В число основных районов, обеспечивающих в то время рост добычи углеводородов, вошли Западно-Сибирский регион, Казахстан, Европейский Север, Астраханская область. За короткое время нефтяниками и газовиками на открытых геологами месторождениях были созданы небывалые до этого в мире мощности по добыче нефти и газа. Объемы глубокого бурения скважин на территории страны достигали 49 миллионов метров в год.

Созданный потенциал позволял и тогда, и в новом тысячелетии успешно добывать нефть и газ для нужд России и поставки их в другие страны при практически свернутых в настоящее время объемах буровых работ. В добывающих районах силами трубопроводного министерства совместно с коллективами предприятий и организаций ряда других союзных министерств, в том числе машиностроительных, металлургами страны на базе новейших научно-технических достижений небывалыми темпами наращивались мощности по трубопроводному транспорту углеводородов в районы их переработки, потребления и за рубеж.

В 1985 году добыча газа в стране достигла 643 миллиардов кубометров, прирост к предыдущему году составил 55,5 миллиарда кубометров, или 9,5 процента. Основной поток газа страна стала получать из северных районов: 376 миллиардов кубометров из месторождений Западной Сибири и 19 миллиардов из районов Европейского Севера, что вместе составляло 61,6 процента от всесоюзной добычи. Советский Союз становился одним из ведущих поставщиков природного газа в страны Европы. К 1985 году его объемы приблизились к 70 миллиардам кубометров в год. Это был не застой, а гигантский скачок, в достижении которого участвовала вся страна.

В середине восьмидесятых годов газотранспортные магистрали, составляющие основную часть Единой системы газоснабжения (ЕСГ) страны, шли из заполярных месторождений Западной Сибири. Основной, центральный — через Надым, Пунгу, Серов, Помары, Елецк, Ужгород. Южный — через территорию Челябинской области, Поволжье, Украину до ее западных границ. И северный — через Пунгу, Вуктыл, Ухту, Торжок в Центр и Минск, далее до западных границ Советского Союза в районе Ужгорода. Последний, проложенный по значительной части территории Европейского Севера, являлся одним из наиболее экономически целесообразных по протяженности, условиям прокладки, эксплуатационным издержкам. И самым, на мой взгляд, перспективным для дальнейшего развития и наращивания потока газа в центральные районы страны и в страны Европы на ближайшие 30-40 лет.

В октябре 1981 года была введена в эксплуатацию четвертая очередь Северной газотранспортной магистрали: Уренгой — Пунга — Вуктыл — Ухта — Грязовец — Московское окружное газопроводное кольцо протяженностью 2800 километров. Ее строительство велось с 1978 года. На этой магистрали был осуществлен большой комплекс опытно-промышленных работ, связанных с внедрением отечественной и мировой техники и технологии транспорта газа. На КС-10 в Ухте впервые в стране начаты работы по внедрению в промышленную эксплуатацию газоперекачивающих агрегатов с полнонапорными нагнетателями природного газа и приводом от газовых турбин мощностью 10 мегаватт (ГТК-10). На компрессорной станции в поселке Грязовец в декабре 1982 года осуществлен пуск первого отечественного опытно-промышленного агрегата мощностью 25 мегаватт на давление 7,6 МПа (ГТН-25/76).

Северная газотранспортная магистраль с первых дней создания становится своеобразным полигоном по внедрению передовых достижений науки и техники в отрасли. Вот некоторые из них: первый магистральный газопровод из труб диаметром 1200 миллиметров Ухта — Торжок; технология подготовки и транспорта газа при наличии большого количества жидких углеводородов; строительство и эксплуатация компрессорных агрегатов со всей гаммой их привода — от электродвигателей, судовых агрегатов, газовых турбин, в том числе авиационных; создание системы улавливания жидких углеводородов, выпадающих в газопроводах и в трубопроводной системе компрессорных станций; утилизация отходящего тепла от газоперекачивающих и газоохлаждающих агрегатов для создания первых в отрасли крупных тепличных хозяйств; внедрение теле- и компьютерных систем для опытных образцов техники и доведение их до широкого применения в отрасли.

Можно назвать немало других достижений северян в области техники, технологии и организации транспорта газа и конденсата. Но даже этот неполный перечень свидетельствует о высоком техническом и организационном уровне коллективов ведущего предприятия и хозяина северного газового коридора — ООО «Севергазпром».

На стальных берегах газовых рек, по которым непрерывным потоком идет газ (к слову сказать, его и из магистральных газопроводов в наших рыночно-перестроечных условиях умудряются воровать миллиардами кубометров), через сотню-другую километров стоят, как сторожа, наиболее важные и сложные узлы Единой газотранспортной системы — компрессорные станции. Подобно локомотивам на железной дороге, они со ско-

ростью 40-50 километров в час толкают газ в громадных объемах на расстояние до 5 тысяч километров. Количество газоперекачивающих станций в России достигло 260, на них установлено свыше 4 тысяч газоперекачивающих агрегатов. Общая их мощность превышает 43 миллиона киловатт, что сравнимо с мощностью 10-12 крупнейших электростанций.

По опубликованным данным и заявлениям высокопоставленных чиновников из открытого акционерного общества «Газпром», на транспорт расходуется 9 процентов добываемого газа. Если это так, то нетрудно представить, что в 2004 году при добыче 628 миллиардов кубометров газа на транспорт ушло более 56 миллиардов кубометров. Понятно и очевидно, что чем дальше его надо подать, тем больше сжигается газа и тем дороже обходится этот процесс. Поэтому от количества компрессорных станций, от их технического и технологического совершенства зависит не только сколько газа перекачивается, но и то, во сколько он обходится и добытчику, и транспортнику, и потребителю.

Одновременно с прокладкой крупных газотранспортных магистралей на территории Республики Коми велось строительство газотранспортных и газораспределительных сетей. На их создание и развитие в регионе советую обратить особое внимание, так как транспортируемый по ним газ на протяжении последних 40-45 лет стал и продолжает оставаться весомым фактором экономического и социального развития территории, ее культуры и быта, благополучия всех слоев населения. Это следовало бы знать и помнить тем, кто ратует только за обеспечение этим видом энергии и тепла других народов, забывая о своем.

Как же создавались газораспределительные и газоподающие сети на территории Европейского Севера, и чем это, в первую очередь, было обусловлено? О развитии газовой промышленности надо судить еще и по использованию газа в коммунальном хозяйстве и для бытовых нужд населения страны. Что касается Коми края, то и до открытия Вуктыльского газоконденсатного месторождения, в сороковые-пятидесятые годы прошлого века, он занимал ведущее место среди регионов страны по использованию природного газа как топлива и сырья, уступая лишь Дашава-Львовскому району Западной Украины. Ухтинский район, а вернее, Ухтинский промышленный узел, охватывающий территорию нынешнего Ухтинского, Сосногорского и значительную часть Троицко-Печорского районов, был стопроцентно газифицирован. Он являлся своеобразным эталоном газификации и передового технического уровня использования этого вида бытового топлива в стране.

По линии Вуктыл — Печора — в квартиры северян

Вторым районом Коми, в котором были построены газоподводящие и газораспределительные сети и подан газ для промышленно-коммунальных и бытовых нужд, стал город Печора. Это произошло в далеком 1967 году через четверть века после начала газификации Ухты. Пробуренные в пригородной зоне города на Печорогородской и Печорокожвинской площадях первые разведочные скважины, оказавшиеся продуктивными, были оборудованы для добычи и подачи природного газа в речную часть города. Город тогда

состоял из явно выраженных двух частей — речной и железнодорожной, соединенных трехкилометровой асфальтированной дорогой.

Инициатором и активным участником подачи газа в дома, где жили геологи, был заместитель начальника Ухтинского территориального геологического управления, известный инженер-нефтяник и талантливый художник, создатель Ухтинского геологического музея Андрей Иванович Адамов. Идея родилась, когда мы с Андреем Ивановичем, будучи в командировке в этом городе, обсуждали проблемы строительства промышленной базы геологоразведчиков, создание которой вело наше вышкомонтажное управление. Было это, кажется, в декабре 1966 года. С Андреем Ивановичем мы успешно сотрудничали еще на Войвоже. Мы быстро договорились о проведении комплекса подготовительных работ и согласований. Основные работы решено было начать с наступлением лета. Идея была одобрена управляющим трестом В. Хорьковым, горячо поддержана руководителями города.

Проект газопровода от первой скважины Печорогородского месторождения и ее обустройства разработала группа специалистов проектного бюро треста «Войвожнефтегазразведка» во главе с Исааком Давидовичем Шпинером. Строительство всего комплекса добычи газа и газификации города было возложено на меня как на руководителя вышкомонтажного управления и начальника экспедиции глубокого бурения № 2, которая вела разведку этого месторождения, Н.И. Жукова. Пришлось поделить между нашими предприятиями все материальные и финансовые затраты, так как стройка была внеплановой, и средств для нее централизованно выделено не было.

Семикилометровый газопровод наземной прокладки на опорах и обустройство скважины планировалось построить за лето 1967 года. Начатые в конце мая работы велись круглогодично. Ничего не предвещало особых проблем. Однако при подготовке к переходу газопровода под насыпью железной дороги Москва — Воркута случилось непредвиденное: был поврежден кабель спецсвязи. В считанные минуты на место порыва прибыли руководители воинского подразделения, обеспечивавшего его обслуживание и охрану, с группой вооруженных солдат. Строители были задержаны, работы приостанов-

Печорская ТЭС.

лены. Началось разбирательство с участием спецслужб. Положение осложнилось тем, что в момент повреждения кабеля, а произошло это около одиннадцати часов дня, проходила передача сигналов сопровождения полетов военной авиации с Юга на Север. На разбирательство и выяснение причин случившейся аварии ушло больше недели. Виновные понесли строгие взыскания. И только благодаря позиции Печорского райкома КПСС, его первого секретаря А.А. Давидова работы были продолжены теми, кто их начинал.

К началу отопительного сезона газ был подведен к топкам квартальной котельной и к жилым домам квартала, где жили геологи. За газификацией домов речной части города последовала подача голубого топлива на промышленную базу предприятий Войвожского треста в железнодорожной части города. Для этих целей была обустроена одна из скважин Печорокожвинского месторождения, пробуренная на том же правом берегу реки Печора. В 1968 году природным газом обеспечивались вся промышленная площадка и жилищно-коммунальный сектор геологов. Так было положено начало созданию газоподводящих и газораспределительных сетей города Печора — крупного транспортного узла на Европейском Севере. Была начата большая и успешная работа по переводу многочисленных котельных с твердого топлива на природный газ, что коренным образом меняло экологическую обстановку в городе, жители которого задыхались от угольной гари. С сентября по июнь над ним висел смог, образуемый вредными выбросами из более тридцати отопительных котельных, где использовался не лучшего качества уголь.

Так подробно о газификации отдельно взятого города я рассказываю вот почему. Попробуйте проехать по самым известным трассам наших газовых магистралей. Какая тоска и запустение в темных, разбросанных вдоль трасс деревнях. Как мучительно трудно дается еще оставшимся там мужикам, а нередко и женщинам, заготовка на зиму дров, сколько тепла и новых условий для работы принес бы им поданный туда газ! Но трассы идут мимо, а наша российская деревня как была, так и остается темной. Вот почему партийные власти Печоры, как никто другой знавшие нужды северян, сразу же ухватились за нашу инициативу, награждали чем могли тех, кто помогал ее реализовывать. Так и хочется сказать вслед за классиком: «А вы, нынешние — нут-ка!»

Но вернемся к теме нашего разговора. Дальнейшее развитие газоподводящих и газораспределительных магистралей и сетей было связано со строительством Печорской ГРЭС, топливом для которой предусматривался природный газ, а также с освоением группы газоконденсатных месторождений на линии Вуктыл — Печора. Газовики Ухты и Вуктыла провели обустройство Западно-Соплесского газоконденсатного месторождения, открытого еще в 1930 году «Печорской группой» Ухтинской комплексной геолого-разведочной экспедиции. В 1985 году здесь была пущена в эксплуатацию установка комплексной подготовки газа и газового конденсата. Северная часть Вуктыльского месторождения, протянувшаяся на несколько километров по левобережной стороне реки Печора, была включена в работу на полную мощность. Параллельно велись работы на открытом в 1934 году Югидском нефтяном месторождении и открытом в этом же районе газоконденсатным залежам.

Таким образом, территория между Вуктылом и Печорой становилась новым районом добычи газа и конденсата. В 1983-1984 годах строится газопровод от Западно-Соплес-

Вуктыльская газокompрессорная станция №3.

ского месторождения к Печорской ГРЭС, ведется бурение эксплуатационных скважин и строительство газосборных сетей. На Печорогородском месторождении вступает в работу установка по подготовке газа, создается система, объединяющая Печорокожвинское, Западно-Соплесское, Югидское и Вуктыльское месторождения. Аналогичная система создается для сбора и транспорта конденсата.

В 1995 году эта система была подключена к компрессорной станции №3, осуществляющей транспорт тюменского и вуктыльского газа на участке Вуктыл — Ухта, что обеспечивает подачу газа из Западной Сибири на Печорскую электростанцию и для закачки его в пласт газоконденсатных залежей для извлечения жидких углеводородов.

Для успешного и бесперебойного функционирования этого комплекса в системе «Севергазпрома» организуется Северное линейное производственное управление магистральных газопроводов (ЛПУ МГ). Местом его дислокации сначала определяется Вуктыл, а с ростом объемов работ в Печорском районе оно переводится в Печору. В его состав вливается уже успешно функционирующая Печорская линейно-эксплуатационная служба. Руководителем Северного управления стал Сергей Иванович Банников.

Логическим продолжением нового коридора газовых коммуникаций стало его соединение с северной Нарьян-марской группой газоконденсатных месторождений, где велось обустройство и подготовка к полномасштабному использованию запасов газа и конденсата. Однако эту задачу в намеченных масштабах решить не удалось. На пути к ее успешному решению встала охватывающая страну приватизация, развал финансовой системы и строительного комплекса, обеспечивавшего создание нефте- и газотранспортных систем — Миннефтегазстрой СССР.

Уже в первой половине 90-х годов объемы строительства магистральных газопроводов резко сокращаются, а затем и вовсе сводятся на нет, о чем свидетельствовали следующие данные. Протяженность магистральных газопроводов в СССР с 1980 по 1990 годы выросла с 132 тысяч километров до 220, на 88 тысяч километров. В среднем это

около девяти тысяч километров в год. С 1990 по 2000-й годы этот рост составлял менее одной тысячи километров, то есть уменьшился почти в 10 раз. Печально выглядела и динамика производства стальных труб. Если в Российской Федерации в 1990 году их было произведено 12 миллионов тонн, то в 1998 году — всего лишь 2,5 миллиона, а их импорт и вовсе прекратился. В системе газодобывающей отрасли ведется лишь строительство участка нитки газопровода Северные районы Тюменской области (СРТО) — Торжок, из дипломатических и политических соображений названного частью проекта транспортной системы Ямал — Европа. Темпы его строительства измеряются не тысячами километров в год, как это было до перестройки, а всего лишь десятками, и то не ежегодно. До полного завершения начатого в 1996 году строительства потребуется еще не один год. И все же на Европейском Севере, единственной в стране территории, велось хоть какое-то строительство на перспективу.

* * *

В третье тысячелетие «Севергазпром», объединяющий газотранспортные коммуникации на Европейском Севере, вступил с созданной еще до развала Советского Союза мощной системой магистральных газопроводов, конденсатопроводов, газоподводящих отводов и компрессорных станций, обеспечивающих подачу газа в крупные города и населенные пункты России и зарубежье.

Общая протяженность газотранспортной системы «Севергазпрома» приближается к 10 тысячам километров, а протяженность коридора системы магистральных газопроводов превышает 1400 километров. Эта система неразрывно связывает источники добычи природного газа — месторождения с его потребителями. Она демонстрирует и подтверждает неоспоримый факт, что такие гигантские стройки по силам лишь государству с его централизованным мощным планированием и концентрацией материальных ресурсов, способностью привлечь громадные трудовые силы. На разных этапах в создании и развитии транспортной системы Европейского Севера активное и непосредственное участие принимали специалисты высшей квалификации — руководители инженерной службы «Комигазпрома», «Севергазпрома» И.И. Харин, И.И. Губанок и А.Я. Яковлев, возглавлявшие северных газовиков в восьмидесятые-девяностые годы Б.И. Василенко, О.Н. Соловьев, Б.В. Будзуляк, В.Г. Подюк, без которых трудно себе представить становление газового комплекса.

В этот период руководство газовым комплексом страны перешло от неутомимого, талантливого нефтяника-газовика Сабита Атаевича Оруджева к газовику-нефтянику Василию Александровичу Динкову, в 80-е годы прошлого века внесшего наибольший вклад в развитие этой отрасли. При нем были достигнуты самые высокие темпы ее развития, разработаны и внедрены передовые технологии подготовки и транспорта газа. Особое внимание и забота уделялись развитию газового комплекса Европейского Севера.

Как известно, газовые месторождения истощаются через 30-35 лет от начала их разработки. А если учесть имевшее место в последние 10-15 лет постоянное и значительное увеличение отбора газа из скважин по сравнению с проектными величинами (замечу, кстати, что это наблюдалось и раньше), то нетрудно представить, что срок их жизни значительно сокращается. Это влечет за собой ряд негативных факторов. Ускоренное паде-

ние пластовой энергии приводит к значительному увеличению остающегося в недрах низконапорного газа, выпаданию тяжелых фракций конденсата, увеличению затрат на их извлечение, а в отдельных случаях и к безвозвратным потерям. Но это уже проблемы будущих десятилетий.

Все это требует ввода в разработку новых месторождений не только для наращивания добычи, а, в первую очередь, для поддержания ее на достигнутом уровне. Теперь основные запасы газа в России находятся в арктической зоне Европейского Севера и Западной Сибири. Частью этой зоны является полуостров Ямал, тающий в своих недрах десятки триллионов кубических метров так нужного стране газа. На очереди освоение его недр и продолжение в связи с этим далеко на Север старого коридора газопроводов, проложенных на Европейском Севере.

Полуостров сокровищ

Времена, когда Европейский Север занимал ведущее место в зарождении и становлении газовой отрасли страны, уходят в прошлое. Север Западной Сибири теперь уже бесповоротно становится главным источником получения газообразного топлива и химического сырья, а Европейскому Северу отводится особая роль в подаче газа к местам использования и потребления. Местом, где будут развиваться главные события по добыче и транспорту газа, на ближайшие десятилетия становится «край земли» — так переводится с ненецкого языка название одной из самых богатых территорий Севера — полуострова Ямал.

В начале семидесятых годов прошлого века этот уникальный по запасам газа и газового конденсата район страны стал известен во всем мире. Однако его уникальность не только в том, что здесь геологи начали открывать гигантские месторождения, но и в неповторимой природно-климатической среде.

Полуостров от своей южной части, совпадающей с линией Северного полярного круга, раскинулся на огромной территории на 750 километров по долготе к Северному полюсу. Его площадь — 122 тысячи квадратных километров, что сравнимо с территорией крупных европейских государств. В административно-территориальном делении он представляет собой Ямальский район и входит в Ямало-Ненецкий автономный округ (ранее был в составе Тюменской области). Административный центр района — населенный пункт Яр-Сале, расположенный на левом берегу Оби в 380 километрах от столицы округа Салехарда. С речным портом и железнодорожной станцией Лабитнанги, обеспечивающей выход на

Большую землю, его связывает автомобильная 400-километровая дорога. Южная часть Ямала представляет собой продолжение гор Полярного Урала, переходящих в возвышенность Хой, а затем в равнинную территорию.

Водораздельная линия делит полуостров с юга на север на две равные части. Западный берег омывается водами Карского моря и Байдарацкой губы. Климат здесь чрезвычайно суровый. Зима с постоянными ветрами продолжается до 10 месяцев. Среднегодовая температура воздуха на полуострове минус 8,3 градуса, в северной части — минус 11,5 градуса. Зимой она обычно колеблется от минус 34 до 45 градусов и доходит до пятидесятиградусных морозов. Продолжительность безморозного периода всего 2 месяца. Летом воздух прогревается до 16 градусов. Вся территория полуострова представляет собой сплошную многолетнюю вечную мерзлоту.

Надо обратить внимание еще на две особенности климата. Здесь длинные полярные ночи и дни, завораживающе яркое полярное сияние. То и другое в сочетании с недостатками в воздухе кислорода не лучшим образом влияют на здоровье и настроение людей, прибывающих в эти края работать на продолжительное время. И еще. В этом районе зимой образуются холодные арктические массы воздуха, которые, устремляясь на юг, приводят на своем пути к понижению температуры, достигающей иногда 35-40 градусных морозов даже в средней полосе России.

Полуостров с давних времен привлекал к себе внимание исследователей полярных широт, мореплавателей, геологов. Земля, рядом с которой проходит Северный морской путь, становилась выгодным местом приема и перегрузки народнохозяйственных грузов. Особый интерес был проявлен к району Ямала в 30-40-е годы прошлого века, когда шло освоение Воркутинского угольного бассейна и строительство Норильского горно-металлургического комбината. Для завоза грузов и вывоза продукции в короткую арктическую навигацию необходимо было увеличить пропускную способность Северного морского пути.

В марте 1947 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о строительстве основного порта Главсевермаршрута на полуострове Ямал в районе мыса Каменный в Обской губе. Стройка получила печально известное имя «Объект 501». Предусматривалось связать порт железной дорогой с Большой землей через Воркуту и Салехард. Строительство порта на мысе Каменный началось в апреле того же года. Была построена взлетно-посадочная полоса для приема самолетов, велось строительство жилых домов, выполнялся комплекс работ по инженерной подготовке сооружения самого порта и железной дороги. Однако по ряду причин, главной из которых стала чрезвычайно высокая стоимость работ против того, на что рассчитывали, строительство главного порта Северного морского пути перенесли с мыса Каменный в район города Игарка, на берег Енисея. В апреле 1949 года 501-я и 503 экспедиции, ведущие работы на Оби, срочно перебазировались в новый район и начали интенсивно вести подготовительные работы. Однако и этому порту не суждено было появиться на карте. Смерть И.В. Сталина, который был активным сторонником этих проектов и лично следил за ходом их реализации, остановила обе стройки — порта в Игарке и железной дороги Салехард-Игарка.

В пятидесятые годы интерес к Ямалу стал резко расти, особенно у геологов. Открытые на севере Западной Сибири нефтегазовые месторождения дали весомый довод на-

стаивать на необходимости широкомасштабного проведения геологоразведочных работ на полуострове Ямал и в акватории прилегающего водного бассейна. Эту историческую миссию было поручено выполнять тюменским геологам, открывшим здесь сотни нефтяных и газовых месторождений. Во главе их стояли талантливые специалисты и организаторы, лауреаты Ленинской премии, Герои Социалистического Труда Ю.Г. Эрвье, А.И. Ровнин, Ф.К. Салманов, академик А.А. Трофимук. В развитии отечественной геологии и создании в Западной Сибири мощной сырьевой базы нефти и газа, в том числе на полуострове Ямал, немалая заслуга крупных хозяйственных руководителей, министров геологии СССР, ученых с мировым именем, академиков А.В. Сидоренко и Е.А. Козловского.

К 1980 году на Ямале было открыто 32 месторождения природного газа. Для освоения в течение 1964-1971 годов были подготовлены Новопортовское, Бованенковское, Харасавейское и Круzenshtерновское месторождения. Их суммарные извлекаемые запасы газа тогда оценивались в 10,2 триллиона кубических метров. Успешные геологоразведочные работы давали основания и в будущем рассчитывать на значительное увеличение этих ресурсов и открытие новых месторождений.

В семидесятые годы наращивание добычи газа велось на севере Западной Сибири за счет освоения Медвежьего, Вынгапурского, Уренгойского месторождений, запасы которых приближались к половине всех ресурсов природного газа в стране. Обрисовывались и контуры гигантского Ямбургского месторождения, в последующем определившего перспективы развития газовой отрасли страны на многие десятилетия. Полным ходом шло строительство невиданной в мире по мощности и протяженности газотранспортной системы из этих месторождений в центр страны и к ее западным границам. В то же время ямальские месторождения оказались как бы в стороне от главного направления стратегического развития газодобычи на севере Западной Сибири. И при этом ямальский газ активно занимал важное место во внутреннем и внешнеполитическом торге.

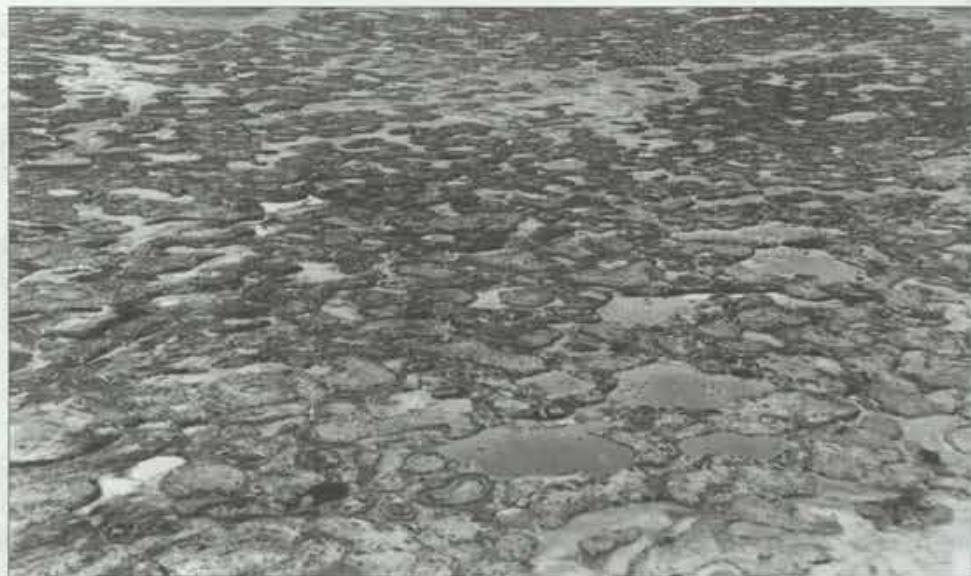
Разбудить Ямал позвали ухтинцев

В начале декабря 1974 года министр газовой промышленности страны С.А. Оруджев посетил бурно развивающийся и перспективный район Европейского Севера — Коми АССР и Ненецкий автономный округ, побывал в Вуктыле и в Нарьян-Маре. Он убедился в наличии мощного производственного, научного и кадрового потенциала здешних газовиков, который, по его мнению, использовался не в полную силу. С учетом перспектив развития отрасли министр принял смелое решение: направить имеющийся здесь производственный и научный потенциал на выполнение подготовительных работ по освоению Ямальской группы месторождений.

Такая инициатива не отвлекала тюменских газовиков от решения непростых задач по наращиванию добычи газа на месторождениях Тюменской области и в то же время позволяла использовать достигнутые газовиками Коми успехи, давала полную загрузку их северному опыту, обретенному на территории Европейского Севера СССР. Принятое решение с энтузиазмом воспринял коллектив «Комигазпрома», который уже в 1975 году приступил к его реализации. Этому предшествовало непростое и продолжительное со-

гласование условий работы с руководством Тюменской области, Советом Министров и Госпланом СССР. Как никак, а это была «чужая территория».

Получив одобрение в Правительстве и Госплане, согласие первого секретаря Тюменского обкома партии Г.П. Богомякова, министр С.А. Оруджев в октябре 1975 года подписал приказ «О мерах по подготовке к освоению газовых месторождений полуострова Ямал», в котором выполнение всего комплекса подготовительных работ возлагалось на ухтинских газовиков. С активным участием работников «Комигазпрома» была разработана подробная программа, предусматривающая решение конкретных задач по подготовке к освоению кладовых Ямала. Уже на этой стадии Министерство газовой промыш-

Ямальская земля весной.

ленности предусматривало вести освоение ямальских месторождений вахтовым методом из Воркуты, где намечалось создать комплекс жилищно-бытовых объектов и ремонтную базу. Такое решение было единственно правильным. Сомнение вызывал лишь выбор базового города.

В чем это проявилось? Программа освоения Ямала формулировалась так: «Принимая во внимание, что медикосанитарные условия длительного проживания человека в климатических условиях полуострова Ямал неблагоприятны, считать целесообразным строительство здесь только промышленных объектов и вахтовых поселков. Все остальное — жилье, объекты культурно-бытового назначения, а также предприятия ремонтно-вспомогательного назначения — дислоцировать в Воркуте, где имеются лучшие условия строительства и проживания людей». Противоречие заключалось в том, что воркутинские условия отличаются от ямальских не настолько, чтобы там можно было обеспечить комфортные и здоровые условия для постоянного проживания. Ближайшим базовым городом, где климат позволяет обеспечить нормальные условия работникам и их семьям, в Европейской части России считались города Сыктывкар или, с натяжкой, Ухта и Вуктыл.

В октябре 1975 года в составе Вуктыльского газопромывлового управления создается участок по добыче газа на Харасавейском месторождении Ямала. Задача перед газовиками участка заключалась в проведении опытно-исследовательских работ на пробуренных скважинах, а также обеспечении газом собственных котельных. Прежде чем создать это производственное подразделение в отдалении от основной базы более чем на тысячу километров, мне, возглавлявшему тогда Вуктыльское газопромывловое управление, потребовалось вместе с работниками объединения «Комигазпром» детально и всесторонне ознакомиться с условиями местности, где предстояло жить и работать специалистам нашего предприятия. Первое знакомство с будущим районом работ состоялось в феврале, затем продолжилось в июле и сентябре 1975 года.

Оказалось, что зимой район Харасавей напоминает хорошо известное мне побережье Баренцева моря в районе поселка Варандей, где приходилось раньше бывать. Летом и осенью впечатление от посещения Ямала было иным. Холодный, неутрачивающий ветер. Тучи гнуса и комаров, от которых нет спасения. Бескрайние унылые просторы замороженной тундры. Студеное свинцовое море, крутыми волнами убегающее от берега. Такие же свинцовые облака, уносимые господствующими юго-западными ветрами. Моросающий дождь. Все это по первому впечатлению напоминало не край земли, а конец света. Я видел среду, которой может противостоять только закаленный морально и физически человек, увлеченный интересным трудом и уверенный в скорой смене обстановки. Таким мне тогда виделся этот далекий арктический уголок земли, где нашим многоопытным газовикам скоро предстояло начать исследования и опытно-промышленную эксплуатацию скважин Харасавейского, а затем Бованенковского месторождений.

Уже через несколько месяцев для выполнения строительно-монтажных работ Мингазпром создает на мысе Харасавей самостоятельный строительно-монтажный участок, который приступил к строительству жилья и промышленной базы, призванной обеспе-

читать нормальную работу газопромысловиков, буровиков, транспортников, строителей. В 1977 году стало очевидным, что с выполнением требуемых объемов работ участок не справится. В ноябре министр издает приказ № 237 о создании на Ямале строительного управления № 4 в составе строительного треста объединения «Комигазпром». К тому времени была решена главная проблема — доставка на полуостров в район Харасавей необходимых строительных материалов, техники, бурового оборудования.

Массовая доставка материалов и техники на Харасавей началась в апреле 1976 года. Традиционный путь через речные порты Омска и Тобольска, с чего начали свою работу газовики Коми на Харасавее, не мог обеспечить завоз многих сотен тысяч тонн оборудования и материалов. По предложению В.М. Янкевича, тогдашнего заместителя начальника объединения «Комигазпром», был изучен вариант доставки через Мурманск по Северному морскому пути, что сокращало расстояние в два раза, исключало многообразные перегрузки. И, самое главное, к этому можно было привлечь атомный ледокольный флот. В этом случае не только резко сокращались сроки доставки, но она еще становилась круглогодичной. Объединение «Комигазпром» создало в Мурманске службу приема, комплектации и отправки грузов.

Поступающие со всех концов Советского Союза грузы принимал дизель-электроход «Павел Пономарев». В сопровождении атомохода «Ленин», прокладывающего путь во льдах Ледовитого океана, в марте-апреле был совершен первый экспериментальный рейс к припайным льдам Ямала. От Мурманска до Ямала он продолжался 11 суток. За неделю по 16-километровой дороге, проложенной по льду припая от дизель-электрохода до базы в Харасавее, было выгружено с «Павла Пономарева» и перевезено 4 тысячи тонн строительных материалов, труб, оборудования и механизмов. Этот десант ухтинских газовиков на Ямал был сродни подвигу в арктических льдах. Всего же на мыс Харасавей за время зимне-весенних навигаций по Северному морскому пути было доставлено свыше 120 тысяч тонн различных грузов. Новый маршрут с применением атомного ледокольного флота был проложен в короткие сроки.

Почему не удалась «лобовая атака» на Ямал?

Успешно начатые и регулярно действующие арктические рейсы Мурманск — Ямал свидетельствовали о высокой квалификации североамериканских газовиков, демонстрировали их знание северных условий производственной деятельности и возрастающие возможности выполнить не только подготовительные работы, но и приступить к непосредственной добыче газа, что выходило за рамки первоначальных ведомственных согласований и договоренностей. Уже на первоначальном этапе стали появляться «подводные камни». Все началось с приглашения начальника объединения «Комигазпром» С. Юдина в Тюмень к первому секретарю обкома партии Г.П. Богомякову. Цель приглашения — ознакомиться с ходом работ на территории области, которые поручены газовикам Коми, с их ближайшими планами. Выслушав информацию, опытный политик и специалист высокого класса в области нефтегазового производства Г.П. Богомяков сделал ряд критических замечаний и пожеланий (читай — требований). Все они сводились к тому, что работы на Ямале ведутся якобы медленно, некомплексно, отсутствует проектно-смет-

ная документация, игнорируются требования и интересы коренного населения полуострова.

В ходе беседы Богомяков приводил в качестве примера успешную работу тюменских газовиков и строителей по освоению Уренгойского и других заполярных месторождений области, вплотную приблизившихся к Ямалу со стороны Обской губы. Тем самым секретарь обкома КПСС дал понять, что считает более предпочтительным привлечь к освоению ямальских газовых кладовых свои кадры. С этого времени начался период активных дискуссий по проблемам освоения Ямальских месторождений. Стержень их сводился к вопросу: кто этим должен заниматься?

Решение министра С.А. Оруджева начать подготовительные работы на Ямале базировалось, в первую очередь, на стремлении как можно быстрее освоить запасы природного газа, которые позволяли здесь создать новый мощный газодобывающий район. Об этом свидетельствовали выполненные в 1974 году предпроектные работы по оценке возможностей Харасавей-Бованенковской группы месторождений. Из них следовало, что на полуострове возможно обеспечить добычу газа в объемах 200 миллиардов кубометров в год. Строительство газопровода прорабатывалось тогда в двух вариантах: через Байдарацкую губу с выходом на ее южный берег в районе речки Яраяха, далее до железнодорожной станции Хальмер-Ю на территории Коми АССР и вдоль Северной железной дороги до Торжка. Второй вариант — в обход Байдарацкой губы, вдоль западного берега полуострова с выходом на Полярный Урал.

На стадии предпроектных проработок предпочтение отдавалось второму варианту, так как опыта прокладки трубопроводов такого класса через водные преграды, подобные Байдарацкой губе, тогда не было. Протяженность планируемого газопровода с Ямала не была большей, чем с месторождений севера Западной Сибири. Но это преимущество замалчивалось из-за ряда обстоятельств, в том числе внешнеполитических и экономических.

Становилось очевидным, что чем успешнее и масштабнее развивались работы на Ямале, тем больше возникало вопросов и проблем: как их вести дальше? И это было закономерно и объяснимо. Вместе с тем возникала ситуация, когда газовики оказались между двух огней, когда успехи не радовали, а раздражали и Тюменский, и Коми обкомы КПСС. Тюменских хозяев — по той причине, что работы ведут не они, и что их масштабы выходят за рамки первоначальной договоренности и могут привести к тому, что и последующий этап — добычу газа поручат объединению «Комигазпром». Коми обком раздражало, что силы и средства идут не в республику, а из нее и минуя ее. Затягивалось решение множества проектных, технических, финансовых, организационных вопросов в самой республике и Москве.

А на Ямале то и дело возникали проблемы, которые ранее нигде не встречались, требовалось проведение больших дополнительных исследований и изысканий. Во весь рост встала проблема охраны окружающей среды, особенно при бурении эксплуатационных скважин, а также при ликвидации следов прежней деятельности геологов. Стоимость производимых работ в «разы» превышала предусмотренные на эти цели средства. Во многих случаях работы оплачивались за счет других газовых строек и месторождений республики. Активизировалась деятельность контролирующих органов, считав-

ших непропорциональным проведением работ на Ямале без утвержденной и прошедшей экспертизу проектно-сметной документации.

С. Оруджев понимал, что в сложившейся ситуации дальнейшие работы на Ямале требуют пересмотра, иначе это грозит неприятностями для региона и отрасли в целом, может привести к раскрытию некоторых сторон деятельности самого министерства, не предназначенных для широкой огласки. Открытость деятельности газовиков была нежелательной и для руководства страны, для проводимой им внутренней и внешней политики в области добычи, транспорта и потребления газа. В итоге темпы работ на полуострове и повышенное внимание к нему начали затухать. К тому же новое руководство объединения «Комигазпром» в лице О.Н. Соловьева не захотело брать на себя ответственность за незаконное финансирование работ на протяжении последних лет. В итоге в 1981 году работы на Ямале были свернуты, строящиеся объекты и буровые скважины законсервированы. Но это не могло полностью заглушить внимание к новому мощному газовому району страны.

Приступивший в 1981 году к руководству газовой отраслью В.А. Динков, как никто другой, понимал, почему не удалась «лобовая атака» на Ямал. Он был убежден, что без глубочайшей научной и технической подготовки решение возникающих на Ямале проблем и, в частности, продолжение работ там невозможно. Ямальские проблемы были перенесены в научные и проектные организации отрасли. Тем не менее, надо признать, что в 1975-1981 годах (при том, что на Ямале были допущены многие ошибки, приведшие к временному прекращению работ) сделанное на полуострове смело можно назвать подвигом первых ямальских десантников. Было положено начало освоению «полуострова сокровищ». Теперь предстояло устранить ошибки, первыми в мире научиться решать возникшие здесь проблемы добычи и транспорта. Газ Ямала должен служить на благо России.

Была поставлена задача: разобраться во всем досконально, разработать необходимую проектную документацию, найти решение сложнейших проблем сохранения экологической среды и во всеоружии приступить к новому, назовем его вторым, этапу освоения Ямала. Не последний вопрос — определение объемов необходимых инвестиций. Лобовая атака на Ямал была для В.В. Динкова неприемлема как для специалиста высочайшего уровня и недопустима как для рачительного хозяина. Все годы руководства отраслью он вел подготовку ко второй высадке газовиков на ямальские газоконденсатные месторождения, которая началась в 1986 году на новом организационно-техническом уровне уже при новом министре газовой промышленности. К тому времени изменилось и руководство объединения «Комигазпром», ставшее «Севергазпромом». Министром отрасли стал В.С. Черномырдин, начальником объединения — Б.В. Будзюк.

Ямальскую стройку еще раз прервала... перестройка

Второй этап наступления на Ямал проходил в условиях, принципиально отличных от первого. Решениями руководящих органов страны освоение ямальских месторождений определялось как стратегическая программа на десятилетний период (1986-1995 годы). Реализация ее должна была обеспечить добычу газа в планируемых объемах на ближай-

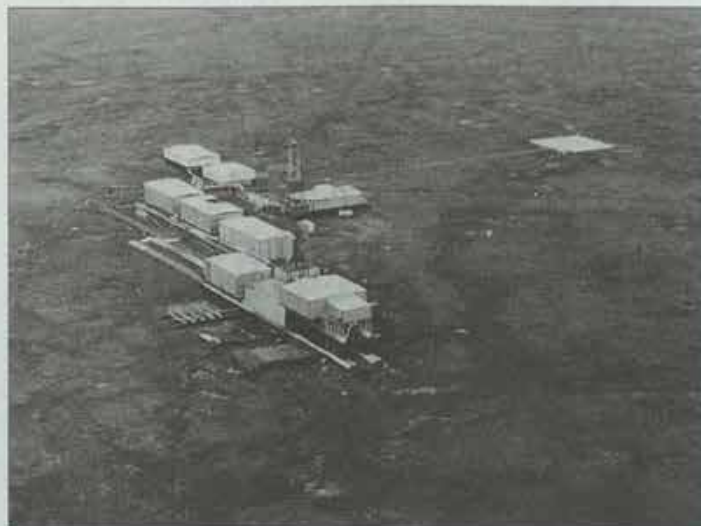
шие 20-30 лет. Проектом, в разработке которого принимали участие все институты отрасли и много смежных отраслей, предусматривалось начать на Ямале добычу природного газа с Бованенковского месторождения — самого крупного и расположенного в центральной части полуострова, с поэтапным вводом в эксплуатацию Харасавейского, Крузенштерновского, Нейтинского, Арктического и других месторождений. Предполагалось создать мощности (пробурить и обустроить эксплуатационные скважины) по добыче газа на 194 миллиарда кубометров в год, оборудовать месторождения установками для его сбора и транспорта, проложить из района Бованенковского месторождения 6 ниток газопроводов диаметром 1420 миллиметров с давлением 7,5 МПа. В том числе две нитки Ямал — Грязовец длиной по 2243 километра, две нитки Ямал — Центр по 2292 километра каждая, нитки Ямал — Торжок длиной 2639 километров и Ямал — Ужгород длиной 4186 километров. Протяженность всей системы составляла 15895 километров. Кроме того, предстояло построить 138 компрессорных станций. Стоимость Ямальского проекта превышала 67 миллиардов долларов США, около двух третей этой суммы предусматривалось направить на трубопроводную часть стройки.

Газопроводное и промышленное строительство возлагалось на Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Строительство железной дороги, связывающей станцию Лабитнанги с центром полуострова, и автомобильной дороги поручалось Министерству транспортного строительства. Мингазпром СССР брал на себя бурение эксплуатационных скважин и создание промысловых баз.

Учтя уроки прошлого, на этот раз Мингазпром привлек к освоению Ямала имеющих богатый опыт работы в условиях Севера газодобытчиков Западной Сибири и начинавшее работы на полуострове объединение «Севергазпром». Началась широкомасштабная подготовка к реализации Ямальского газового проекта. Основной исполнитель — Миннефтегазстрой СССР, к тому времени завершающий строительство системы газопроводов с Уренгойского и Ямбургского месторождений, приступил к широкомасштабным подготовительным работам. Для него Ямал становился не только особо важной государственной стройкой, но и обеспечивал на многие годы загрузку созданных производственных мощностей, их наращивание и обновление.

Сплошным потоком на стройку поступали строительные материалы, оборудование. Из Германии — около 1200 километров труб диаметром 1420 миллиметров. Вдоль трассы создавались строительные городки, базы продовольственного обеспечения. На западном

Сплошным потоком на стройку поступали строительные материалы, оборудование. Из Германии — около 1200 километров труб диаметром 1420 миллиметров. Вдоль трассы создавались строительные городки, базы продовольственного обеспечения. На западном

Бурение газовых скважин на Ямале, Бованенково. 1990 год.

берегу Обской губы организации Миннефтегазстроя строили жилой комплекс, причальные сооружения, крупные базы для горючесмазочных материалов, производственные базы строительных организаций. Основной поток грузов для строителей и газовиков в район Бованенковского месторождения шел по проложенному в 1976 году ледокольному маршруту Мурманск — Ямал. Часть грузов поступала из Тюмени, где находились основные производственные базы строителей, по Оби. Строители дорог и мостов, перебазировавшись из Усинска и Харьяги (из Коми АССР и Ненецкого автономного округа), приступили вместе с тюменскими коллегами к возведению железнодорожного полотна.

Успешно велись работы по созданию производственных баз и бурению эксплуатационных скважин, которые выполняли перебазированные «Севергазпромом» с Вуктыла и Ухты на Ямал предприятия. За короткое время были созданы базы строителей, транспортников, буровиков, построены вахтовые жилые комплексы, столовые, магазины, пункты медицинского обслуживания.

Буровые работы активно вела созданная в сентябре 1986 года Ямальская экспедиция глубокого бурения, преобразованная вскоре в трест «Северспецбургаз», базировавшийся в Ухте. Возглавил трест В.А. Габелия, прошедший хорошую школу бурения на посту руководителя Вуктыльского управления буровых работ, а затем объединения «Тюменьбургаз» в Западной Сибири. Этому целеустремленному, не боявшемуся рисковать человеку удалось создать на Ямале сплоченный коллектив для решения трудных и сложных задач. Вместе с единомышленниками В.А. Габелия организовал мощную базу бурения, обеспечившую на Бованенковском месторождении проходку около сотни глубоких эксплуатационных скважин. Впервые в арктических широтах специалистами треста была применена технология бурения скважин с максимальным сохранением окружающей природной среды, используемая газовиками, ведущими работы в зонах вечной мерзлоты и в наши дни.

Координацию работ по реализации Ямальского газового проекта осуществлял созданный для этих целей единый межотраслевой центр, состоящий из первых заместителей министров. Эта форма эффективного управления комплексом была применена впервые, что подчеркивало особую сложность, важность и грандиозность проекта. На освоение Ямала была мобилизована вся экономическая, техническая и организационная мощь страны.

Но, как и прежде, главному северному морскому порту на берегах Ямала не суждено было появиться, грандиозное начинание и в этот раз не было доведено до конца в подаче газа к намеченному сроку, к 1991 году. Причиной в этот раз послужила не смерть лидера, как это было в случае со смертью создателя и вдохновителя этого проекта — И.В. Сталина, а целенаправленная деятельность разрушителей страны. Стройку прекратила «перестройка» — такой вот сложился у меня нерадостный каламбур. В 1989 году Политбюро ЦК КПСС во главе с М.С. Горбачевым приняло решение о прекращении выделения средств на Ямальский проект. Каток перестройки «закатал» в ямальские топи и болота миллиарды рублей, миллионы тонн металла, труд сотен тысяч граждан великой страны, оставляя за собой разрушения и опустошения.

Судьбой Ямала распорядилась сама история. Пауза продолжается без малого 20 лет. За это время исчезла с географической карты такая страна, как Советский

Союз, которому Ямал был по плечу. Появилась новая страна — Россия — с разрушенной промышленностью, изменился и сам государственный строй, некогда единая экономика стала малопонятным рынком. Его возможности в наших условиях еще предстоит понять и оценить. А пока по всему свету растет спрос на энергетические ресурсы, которых в новой России, к счастью, оказалось немало. Помнят о Ямале не только в России, но и в Европе. Интерес к нему проявляют политики, специалисты-профессионалы, которых, к сожалению, становится все меньше, и те, кто теперь именуется олигархами.

Третье пришествие Ямальского проекта

В 2002 году правление ОАО «Газпром» утверждает техническое задание на разработку «Основания инвестиций в обустройство Бованенковского и Харасавейского месторождений на полуострове Ямал и транспорт газа». Это попытка возрождения того же Ямальского проекта, но в новых экономических условиях, с радикальными изменениями его газотранспортной составляющей.

Хранящиеся на Ямале и в прилегающей шельфовой зоне запасы газа являются стратегической сырьевой базой для развития газовой отрасли страны на длительную перспективу. Они призваны поддержать, а то и заменить выбывающие ресурсы Надым — ПурТазовской группы месторождений, обеспечивающих в настоящее время добычу газа в объеме свыше 500 миллиардов кубометров в год, что составляет 90 процентов добываемого в России газа. Этот район может сохранить свое лидирующее положение на период до 2010-2015 года. За счет Ямала предполагается не только покрыть объемы снижения добычи газа, но при необходимости и нарастить их. Проект предусматривает начать работы с 2007 года. (Срок вызывает обоснованное сомнение.) Намечается первоочередное использование запасов газа Бованенковского и Харасавейского месторождений. На начальном этапе реализации проекта предусматривается взять до 140 миллиардов кубометров в год только с одного Бованенковского месторождения.

Выход к Единой системе газоснабжения (ЕСГ) страны планируется осуществить от Бованенковского месторождения через Байдарацкую губу (подводный 72-километровый переход), далее по тундре до железнодорожной станции Хальмер-Ю. Далее трасса пойдет вдоль железной дороги Москва — Воркута до Торжка. Общая протяженность ее 2451 километр. Она пройдет по территории Ямало-Ненецкого автономного округа (527 км), Республики Коми (857 км), Архангельской области (236 км), Вологодской области (431 км), Тверской области (186 км).

Если по прежнему проектному решению предусматривалось шесть ниток трубопровода при рабочем давлении 7,5 МПа, то сейчас предполагается всего две диаметром 1420 миллиметров, а через Байдарацкую губу проложат 4 нитки диаметром 1220 миллиметров и давлением 11,8 МПа, от Ухты до Торжка оно будет ниже — 9,8 МПа. Этим обеспечивается высокая эффективность транспорта газа и значительно сокращается расход металла. Намечено построить 18 компрессорных станций, оснащенных газоперекачивающими агрегатами большой мощности. Проект предусматривает использование труб и газоперекачивающих агрегатов отечественного производства.

Над проектом работали (было бы правильным сказать, что продолжали работать) коллективы таких старейших, известных в стране и далеко за ее пределами, научных и проектных организаций, как ОАО «ВНИПИГаздобыча», ОАО «ГИПРОСпецгаз», ОАО «ЮжНИИгипрогаз» и другие. В проекте заложены последние достижения в области разработки месторождений, транспорта газа, отечественного машиностроения и металлургии. Учен опыт строительства газопроводных магистралей на Севере Западной Сибири и начинаний пионеров освоения Ямала. Предусмотрено все то, что должно максимально сохранить окружающую среду, учтены требования экологов, коренных жителей региона освоения.

Впервые в истории подобного строительства проект освоения Ямала, представленный ОАО «Газпром», и подготовленная институтами-разработчиками «Оценка воздействия на окружающую среду», выполненная в составе проекта, обсуждены с участием представителей общественности. Обсуждение проходило во всех муниципальных образованиях (районах), через территорию которых пройдет газотранспортная система.

На итоговом заседании 12 августа 2005 года в Сыктывкаре, в котором участвовали представители «Газпрома», проектных организаций, руководители Республики Коми, Ямальский проект получил общественное одобрение. Хотя в него были внесены существенные предложения и поправки.

Богатства Ямала — не только для Европы!

Когда думаю о том, как планировались и осуществлялись работы по освоению месторождений Ямала в прошлом, и что намечается сделать в будущем, не могу обойти вниманием некоторые важные моменты. Они связаны не только с заложенными в проектах решениями, а, в первую очередь, с качеством и полнотой их исполнения. К таким проблемам, прежде всего, следует отнести сохранение природной среды в районах освоения месторождений и строительства газовых магистралей. Причина негативных последствий прошлой деятельности по сохранению окружающей среды в значительной степени связана с концепцией, которой придерживались руководители Мингазпрома и Миннефтегазстроя СССР. Вместо предупреждения возможных ущербов от вторжения в природу они сводили свои усилия (по их собственному признанию) к поиску путей и методов компенсаций за последствия произведенных нарушений, снижению затрат на ликвидацию этих последствий. Причин тому было много.

Созданные в Западной Сибири отраслевые научно-исследовательские и проектные институты не могли при таких высоких темпах освоения месторождений своевременно выдать квалифицированные рекомендации по сохранению окружающей среды в зоне вечной мерзлоты строителям, буровикам, промысловикам. В значительной степени это объяснялось тем, что на исследования требовалось затратить не год-два, а иногда десятилетие. В создававшихся в этом районе научных учреждениях работали в основном приглашенные специалисты из центральных и южных районов страны, никогда не соприкасавшиеся с вечной мерзлотой, с проблемами экологии в специфических условиях Севера. А опыт, накопленный за несколько десятилетий исследователями Европейского Севера, использовался далеко не всегда.

Еще в 1936 году по решению Академии наук СССР в Воркуте была создана первая в стране научно-исследовательская мерзлотная станция Академии наук. Станцию возглавлял Л.А.Братцев, внесший со своим коллективом огромный вклад в дело защиты окружающей среды Севера. Мерзлотная станция исследовала трассу железной дороги Воркута — Салехард, Салехард — Игарка, Лабьтнанги — мыс Каменный, где учитывался многолетний опыт производства земляных работ в этих условиях, выдавались рекомендации по конструкции фундаментов при строительстве зданий и сооружений. Само собой разумеется, что выполнение требований, вытекающих из научных исследований в зоне вечной мерзлоты на Европейском Севере, существенным образом осложняло и замедляло работы по освоению газовых месторождений тюменского Севера. Поэтому опытом соседей зачастую пренебрегали.

К чему это приводило, видно из опыта обустройства Ямбургского и других месторождений тюменского Заполярья: просадка и разрушение фундаментов, разрушение дорог, образование зон интенсивного таяния вечной мерзлоты и другие явления. Не могло это не отразиться на ходе бурения скважин, особенно в период геологоразведочных работ, на других подготовительных работах на полуострове. Свидетельств тому — множество. Достаточно вспомнить хотя бы историю строительства и эксплуатации газопровода Мессояха — Норильск. Легкомысленная попытка налегке, без учета особенностей тундры и вечной мерзлоты, опыта проектирования и эксплуатации наземных газопроводов специалистами Ухткомбината, обеспечить газом заполярный Норильск окончилась печально. Тундра Заполярья безвозвратно разрушила десятки километров трубопровода и потребовала к себе иного подхода.

Неосторожное и неквалифицированное вмешательство в экологическую среду привело ко многим другим необратимым последствиям. Экологи забили тревогу. Высокопоставленные должностные лица, включая министров, посещали Ямал, встречались с администрацией района, с сельскими советами, оленеводами, давали заверения о компенсациях за нанесенный ущерб. Это сработало. Никто не хотел думать, что компенсировать нанесенный ущерб экологической среде в данном районе просто невозможно, так как определить заранее, каким он будет через 5, 10, 20 лет, никто не мог, а необратимость процессов подтверждала, что этот ущерб не подлежит никаким компенсациям.

В статье «Полуостров беды», опубликованной в газете «Рабочая трибуна» от 17 июля 1990 года, ее автор — начальник Государственной экологической инспекции Ямало-Ненецкого окружного исполкома, кандидат географических наук В. Лукичев на всю страну заявил: «Ученые все громче бьют тревогу о судьбе этой земли: гусеницы вездеходов вспарывают нежнейший тундровый покров, малоомощная термозащита полуострова уже не способна сопротивляться любым энергетическим воздействиям, а в льдистых толщах активизируются процессы с непредсказуемыми последствиями. Так что заполярная территория, врезающаяся огромным языком вглубь Северного Ледовитого океана, может попросту исчезнуть с географической карты. Катастрофа отнюдь не местного и даже не союзного — планетарного масштаба. Сознают ли опасность могучие ведомства, чьи взоры прикованы сейчас к Ямалу? Где только можно, они декларируют — без научных работок промышленное освоение региона не начнется. На деле это всего лишь смена тактики: вместо лобового натиска «захват» полуострова идет теперь под видом «научно-

исследовательских и экспериментальных работ». Дошло до того, что мы вынуждены были обратиться официально в Верховный Совет и правительство страны, проинформировать их о широкомасштабных нарушениях земельного и природоохранного законодательства, об ущемлении прав коренного населения».

Не менее интересен еще один документ — обращение к Генеральному прокурору СССР, в комиссию по охране природы Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР: «Посылаем материал по разрушению окружающей среды на полуострове Ямал и несостоявшегося решения научно-производственного совещания 6-11 декабря 1989 года в городе Ухта. Его не утвердил Р. Вяхирев, тогдашний заместитель председателя концерна «Газпром» — работа впустую 76 научных работников и специалистов». Мне довелось участвовать в этом недельном форуме и представлять на нем Министерство химического и нефтяного машиностроения СССР.

Оба документа — свидетельство серьезных нарушений экологической среды. Следы их можно видеть и сегодня, побывав на Ямале. Тревога, доведенная до высших органов власти страны, возымела действие. Высокопоставленные должностные лица упомянутых ведомств стали частыми гостями на Ямале. Что касается отвергнутого мнения 76 участников ухтинского совещания, то принятые по их материалам меры заключались лишь в освобождении от обязанностей ряда руководителей, ведущих работы на полуострове. В их число попал и управляющий трестом «Северспецбургаз» В.А. Габелия. А сами проблемы тогда, к сожалению, были «сняты» не мерами по выполнению принятых решений и требований экологов, а в результате прекращения финансирования стройки.

При создании газотранспортной системы Ямал — Европа следует извлечь уроки и из опыта строительства первых северных магистралей. О темпах и методах прокладки первой и второй ниток газопроводной системы Ухта — Торжок я уже рассказывал. Они — чрезвычайно важный элемент этой системы, и теперь, когда предпринимается очередная, третья по счету, подготовка к строительству Северного коридора газопроводов по территории Коми республики с месторождений Ямала, опыт создания трассы Ухта — Торжок заслуживает особого внимания.

Речь идет о следующем. При строительстве первых двух газопроводов «Сияние Севера» все подъездные дороги вдоль трассы к населенным пунктам и промышленным объектам были разрушены строительными механизмами и повсеместно напоминали полосу препятствий для испытания тяжелой вездеходной техники. Сил и средств на восстановление дорог у местных органов власти не было. В большинстве случаев дороги нужно было строить заново. Попытки руководителей территорий, через которые проходит трасса, предотвратить подобные действия строителей, были в одних случаях запоздалыми, в других — безуспешными. Не удавалось местным руководителям добиться правды и в высших органах власти — Совмине и Госплане СССР, а что уж говорить о ведущих работы — Мингазпроме и Миннефтегазстрое? Они и слушать ничего не хотели, им была бы скорее труба.

В то время в стране метод выполнения строительных работ без опережающего дорожного строительства был общепринятым. Этот далеко не лучший «опыт» прошлого (и настоящего тоже) нельзя переносить на организацию работ по строительству намечаемой системы газопроводов с Бованенковского и Харасавейского месторождений Ямала.

Согласно проекту ямальский газ пройдет в Европу

Дороги вдоль трассы нужны не только для эксплуатации системы, но в не меньшей мере для ее строительства. Они должны прокладываться до начала трубопроводного строительства.

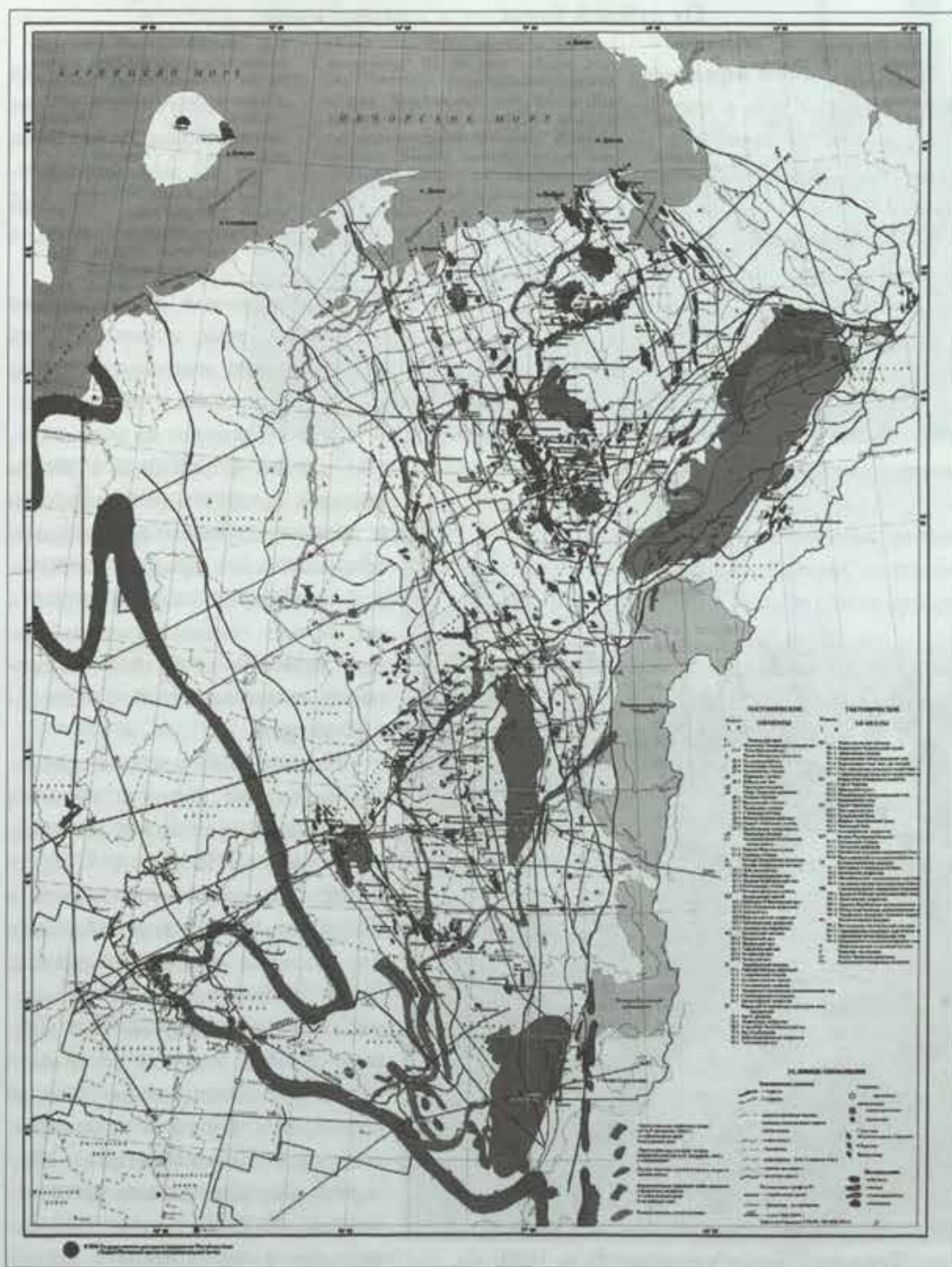
Завершая газопроводную тему, хочу сказать о самом главном — о том, что даст освоение Ямала народу России.

Мне не раз приходилось присутствовать на заседаниях, совещаниях, проводимых Председателем Правительства СССР, его заместителями, ведающими топливно-энергетическим комплексом. Не припомню ни одного случая, чтобы кто-то из министров ТЭКа настойчиво ставил перед руководством страны, металлургами и машиностроителями вопрос о производстве и поставке труб малого диаметра, о средствах, технике и оборудовании для строительства газораспределительных и газоподающих сетей в деревни, поселки, районные центры. Всегда речь шла об импортной технике только для строительства магистральных газопроводов, о трубах диаметром в полтора метра. А ведь тогда мы (СССР) отставали от Соединенных Штатов Америки (которых перегнали по объемам добычи газа еще в 1984 году) в пять раз по протяженности газораспределительных и газопотребительских сетей, характеризующих масштабность поставки газа населению. А если учесть нашу огромную территорию, то это отставание было не в разы, а в десятки раз.

Мало что изменилось и сейчас. В России газифицировано 53 процента населенных пунктов, в Республике Коми, добывающей около 3 миллиардов и транспортирующей в сутки сотни миллионов кубов газа, в пределах 50 процентов. А почему нет газа в большинстве сел Подмосковья, в центральной России? Вопрос, отвечать на который никто не хотел и не хочет, не говоря о его решении. В попытке объяснить такое положение одни отделялись афоризмами вроде «хотели как лучше, а получилось как всегда», другие — отсутствием у газового ведомства и правительства страны средств на эти цели. При этом в 2005 году свыше 150 миллиардов долларов правительство держало в банках США, около 380 миллиардов рублей отдало олигарху Абрамовичу за «Сибнефть», созданную тысячами граждан России и им по праву принадлежащей.

На этом фоне заявления руководства страны о выделении на ближайшие три года (2006-2008 годы) 30 миллиардов рублей на строительство газопроводных сетей к населенным пунктам является лишь добрым началом. Но о главном: когда и в какое количество домов и квартир придет газ — почему-то умалчивают. Как бы хотелось верить, что газ холодного полуострова на «краю земли» — Ямала — согреет и россиян, а не только жителей Западной Европы и США.

ОБЗОРНАЯ КАРТА нефтегазодобывающего района Европейского Севера

2. Нефтяные артерии Севера

От дубовой бочки — к стальной трубе

Добыча нефти неразрывно связана с возможностями ее транспортировки. Эволюция этого процесса шла в ногу с ростом объемов ее добычи, с учетом технического уровня промышленного производства. На начальной стадии распространенными средствами транспорта нефти были каналы, телеги, подводы, плоты, лодки. В одних районах ее перевозили в бурдюках из верблюжьей кожи, в глиняных сосудах, в других — в деревянной таре: ящиках, чанах. Первую нефть, добытую Федором Прядуновым, возили из Ухты в Москву на сани в бочках.

Рост добычи и потребления нефти в конце восемнадцатого-начале девятнадцатого веков привел к необходимости использования металлической тары и механических средств доставки. Во второй половине девятнадцатого века широко используется бурно развивающийся в мире и России железнодорожный транспорт, начинается активное использование речных и морских судов. С перемещением переработки нефти из мест добы-

Транспорт нефти каналами. Баку.1903 год.

чи в районы потребления, с ростом поставок продуктов ее переработки в другие регионы и даже страны технологический процесс «добыча-транспорт-переработка» становится все больше взаимосвязанным. Узким звеном в этой цепи по-прежнему оставалась транспортная составляющая.

Кардинальное решение проблемы транспорта нефти и керосина было найдено в середине девятнадцатого века. В 1860 году Самуэль Карнс предложил использовать в Соединенных Штатах Америки для доставки нефти трубопровод. Через 5 лет идею Карнса реализовал бизнесмен Самуэль Ван Сайкель. В 1865 году он построил в нефтяной Пенсильвании первый нефтепровод длиной 8 километров, диаметром 50 миллиметров. Новшество получает большое распространение. В 1879 году в Америке вводится в эксплуатацию первый

Транспорт
нефти
с Ухтинского
промысла.
Поселок Чибью.
1933 год.

магистральный нефтепровод Tidewater System протяженностью 190 километров, диаметром 152 миллиметра.

Над проблемой транспорта нефти в 70-80 годы девятнадцатого столетия работал выдающийся русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Он убеждал нефтепромышленников вести переработку нефти в местах, приближенных к рынкам сбыта продукции.

В 1878 году выпускник Императорского технического училища механик Владимир Григорьевич Шухов приступил к строительству спроектированного им трубопровода для транспорта нефти с Балаханского нефтяного промысла до Черного города в районе Баку. Длина построенного им нефтепровода была около 10 километров, диаметр 76 миллиметров. Он позволял перекачивать до 1300 тонн нефти в сутки. Построенный нефтепровод В. Шухов превратил в объект исследований особенностей перекачки нефти по трубам. Многочисленные и всесторонние опыты позволили В.Г. Шухову в 1881 году опубликовать книгу «Трубопроводы и применение их в нефтяной промышленности», которая стала в России основным руководством по проектированию трубопроводов на многие десятилетия.

К 1883 году протяженность нефтепроводов в Бакинском нефтяном районе достигла 96 километров с пропускной способностью перекачивать до 640 тысяч тонн нефти в год. В 1906 году в России строится первый магистральный трубопровод для перекачки керосина, вырабатываемого на Бакинских нефтеперегонных заводах, к берегам Черного моря, в город Батуми. Россия в то время занимала ведущее место в мире по добыче нефти и поставкам за границу основного продукта ее переработки — керосина. Протяженность керосинопровода Баку-Батуми составляла 853 километра. Перекачку керосина обеспечивали 16 наносных станций, на которых для привода насосов использовались паровые машины и дизельные двигатели. Диаметр трубопровода был 200 миллиметров,

трубы между собой соединялись при помощи резьбовых соединений. Тщательно выполненная вручную изоляция надежно защищала его от коррозии.

С 1927 года керосинопровод используется как нефтепровод. Ведется строительство магистральных нефтепроводов Майкоп — Краснодар, Махачкала — Грозный. Общая протяженность трубопроводов для транспорта нефти и нефтепродуктов в России до 1917 года составляла 1357 километров, из которых магистральных было 1147. К тому времени в США уже работало более 30 тысяч километров магистральных трубопроводов.

В Советской России строительство нефтепроводного транспорта началось после принятого в 1920 году Советом Рабочей и Крестьянской обороны постановления «О сооружении нефтепровода от Эмбинского нефтяного района до Саратова», которым предусматривалось параллельно с нефтепроводом одновременно проложить железную дорогу, соединяющую Эмбу и Александров Гай. Начатые на первом советском нефтепроводе работы в условиях военной интервенции и экономической разрухи были прекращены. В дальнейшем вплоть до 1927 года в Советском Союзе строились в основном внутрипромысловые и межпромысловые нефтепроводы. Их общая протяженность за эти годы достигла лишь 580 километров.

Интенсивный рост добычи нефти в конце двадцатых годов на юге России (Баку, Грозный, Краснодарский край, Эмба) диктовал необходимость значительного увеличения строительства магистральных трубопроводов. За период 1928-1935 годов построены такие крупные магистрали, как нефтепровод Грозный — Туапсе протяженностью 618 километров, диаметром 250 миллиметров на рабочее давление 5 МПа; вторая нитка нефтепровода Баку — Батуми протяженностью 832 километра, диаметром 245 миллиметров с 13 насосными перекачивающими станциями; керосинопровод Армавир — Туапсе протяженностью 486 километров, диаметром 305 миллиметров, при строительстве которого впервые в стране применили электродуговую сварку труб; нефтепровод Эмба — Орск протяженностью 850 километров, диаметром 325 миллиметров. По протяженности и диаметру труб он в то время был самым мощным в Европе. К 1940 году в стране уже имелось свыше 4 тысяч километров магистральных нефтепроводов. Таким образом, к началу промышленной добычи нефти на Европейском Севере в России был накоплен большой опыт строительства и эксплуатации как внутрипромысловых, так и магистральных нефтепроводов и продуктопроводов.

По таящим трассам

Особенности Европейского Севера и, в частности, природно-климатические условия Ухтинского нефтедобывающего района, не могли не наложить отпечаток на транспорт и использование добываемой здесь нефти. В отличие от Баку, Грозного, Майкопа, Урало-Поволжья, этот район был изолирован от промышленных центров страны. Путь к ухтинской нефти через Архангельск, вдоль берегов Баренцева и Печорского морей, вверх по рекам Печора, Ижма, Ухта был длинным, опасным и не мог способствовать ускорению добычи нефти в этом районе. На начальной стадии нефтедобывающего производства на Ухте нефть в основном использовалась для местных нужд в пределах центральных райо-

нов Коми, частично вывозилась водным путем в Архангельскую область, а с окончанием строительства автомобильной дороги Половники — Ухта автомобильным транспортом.

Выход ухтинской нефти и получаемых на Ухтинском нефтеперегонном заводе нефтепродуктов за пределы региона в 1940 году открыла железная дорога Котлас — Ухта. С тех пор железнодорожный транспорт вплоть до 1961 года полностью обеспечивал перевозку добываемой здесь нефти и производимых нефтепродуктов.

Положение коренным образом менялось в связи с открытием Западно-Тэбукского месторождения. На заседании Совета по координации и планированию работ совнархозов Северо-Западного экономического района Российской Федерации, проходившего в декабре 1961 года в Ленинграде, рассматривался вопрос о развитии нефтяной и газовой промышленности в Коми АССР и возникшие в связи с этим проблемы транспорта нефти и газа в другие регионы. В январе 1962 года председатель Коми Совнархоза А.А. Савченко и первый секретарь Коми обкома КПСС А.Г. Дмитрин обратились к руководству Российской Федерации с просьбой рассмотреть вопрос «О строительстве нефтепровода и подаче нефти из Ухты в крупные промышленные центры северо-западных районов и об увеличении мощностей по переработке нефти на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе».

До этого вопрос о трубопроводном транспорте нефти из Ухтинского района не ставился. Незначительные объемы ее добычи делали такой вид транспорта экономически не целесообразным. Тем не менее, к тому времени ухтинские нефтяники уже имели богатый и единственный в стране опыт трубопроводного транспорта нефти в экстремальных условиях Севера.

Первый на Европейском Севере, самый северный в стране, нефтепровод был построен в Коми АССР еще в 1947 году. Его строительство предусматривалось постановлением Совета Министров СССР «О подготовке к промышленной разработке на нефть Войвожского месторождения», принятым через месяц после его открытия в марте 1946 года скважиной № 8. А затем было подтверждено постановлением «О добыче нефти и бурении в Ухтинском комбинате» от 30 июля 1947 года, последовавшем после подтверждения скважиной № 10 высокой перспективности этого месторождения. Летом 1946 года проектно-изыскательский отдел Ухтинского комбината МВД СССР провел изыскания трассы и проектирование нефтепровода Войвож — Ухта. Строительство его началось сразу же после открытия месторождения, во второй половине 1946 года, а 27 октября 1947 года нефтепровод длиной 110 километров, диаметром 250 миллиметров был введен в эксплуатацию.

Рост объемов работ по транспорту нефти и газа из Войвожского нефтедобывающего района привел к необходимости создания самостоятельной специализированной хозяйственной службы. В апреле 1950 года приказом № 9 начальника Ухткомбината в составе треста «Войвожнефть» создается Контора транспорта нефти и газа (КТНГ). Ее первым директором стал опытный нефтяник, до этого работавший на Ярегском и Чибьюском нефтепромыслах, Алексей Александрович Шахов, главным инженером Владимир Иванович Муев. В 1954 году после перехода Ухткомбината в систему Министерства нефтяной промышленности СССР и в связи с упорядочением структуры управления, Контора транспорта нефти и газа преобразуется в Контору перекачки нефти и газа

(КПНГ). Она успешно работала вплоть до начала девяностых годов. В 1957 году ее возглавил Николай Питиримович Старцев.

За период с 1957 по 1965 годы мощности КПНГ значительно увеличились, объемы транспорта нефти и газа выросли в несколько раз: были построены нефтепроводы, соединяющие Нижнеомринские месторождения с Войвожским пунктом сбора и подготовки нефти, нефтепровод с Западно-Тэбукского месторождения до Ухтинского НПЗ (1961 год), пущен в эксплуатацию нефтепровод Пашня — Тэбук (1965 год), вторая нитка нефтепровода Тэбук — Ухта (1965-1966 годы). С учетом роста добычи нефти ведется на Войвоже, Нижней Омре, Нефтепечорске, Ухте большой комплекс работ, связанных с подготовкой нефти, ее сдачей нефтеперерабатывающему заводу и отгрузкой за пределы республики железнодорожным транспортом.

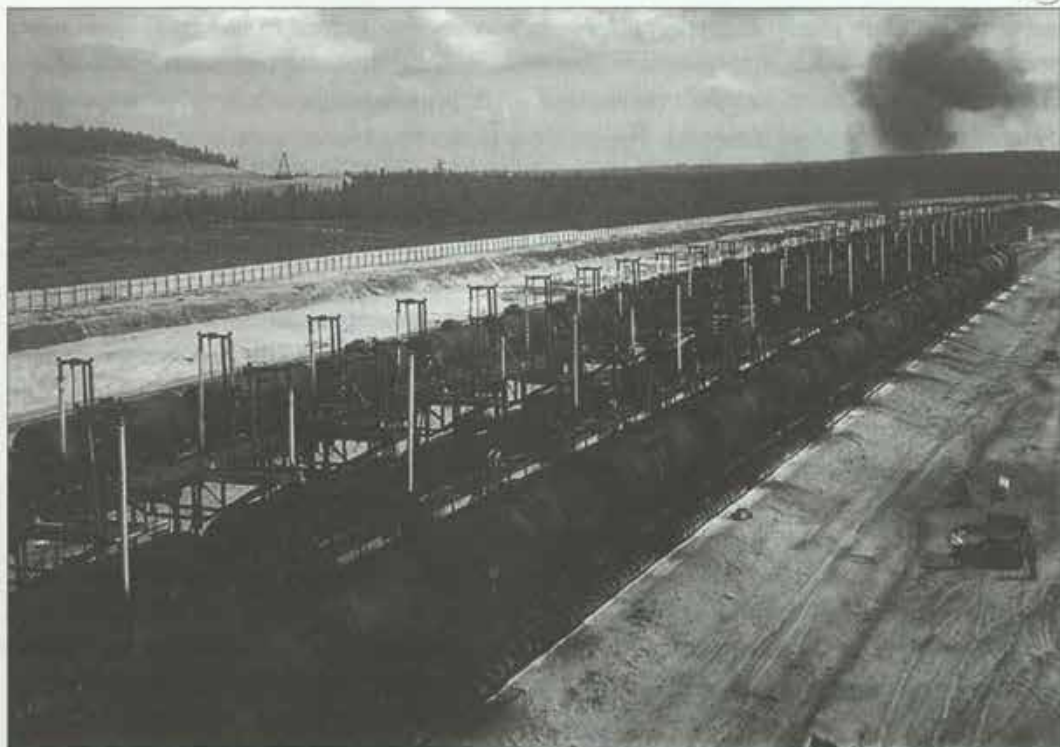
В 1968 году в Ухте вводится в эксплуатацию нефтеналивная железнодорожная эстакада, обеспечивающая отгрузку четырех миллионов тонн нефти в год, построен резервуарный парк емкостью 30 тысяч кубических метров, расширена железнодорожная стан-

Панорама Ухтинского нефтеперерабатывающего завода.

ция Ветлосян, проведен большой комплекс работ по увеличению мощностей переработки нефти на местном нефтеперерабатывающем заводе.

Наиболее напряженный период работы по созданию нефтепроводного транспорта на Европейском Севере пришелся на время, когда предприятием руководил выросший от рядового работника до руководителя Виктор Владимирович Пелевин. В бытность его руководителем КПНГ было завершено создание системы транспорта нефти из районов ее добычи и подготовки — с Войвожа и Нижнего Одеса в Ухту на станцию приема и сдачи на переработку, завершено строительство современных мощных насосноперекачивающих станций с резервуарным парком общим объемом 60 тысяч кубометров, на полную мощность заработала система отгрузки нефти железнодорожным транспортом, были решены проблемы надежности и безопасности работы всей нефтепроводной системы.

Ухтинская нефтеналивная железнодорожная эстакада. 1968 год.

Здесь уместно привести данные о протяженности трубопроводной системы объединения «Коминетфть» на территории Коми АССР.

С учетом трубопроводных сетей на нефтяных промыслах к 1975 году протяженность трубопроводов превышала 2860 километров, из которых 510 километров составляли магистральные диаметром от 250 до 520 миллиметров, на трассах работали 10 насосных станций по перекачке нефти.

В.В.Пелевин, после окончания в 1952 году Ухтинского горно-нефтяного техникума, начинал трудовую деятельность на Крутинском газоперерабатывающем заводе. Отсюда его как лучшего производственника направили на учебу в Харьковский горный институт. После окончания учебы, получив специальность горного инженера по разработке полезных ископаемых, он продолжил работать старшим инженером в Войвожском нефтепромысловом управлении. В 1962 году его перевели в Контору перекачки нефти и газа сначала начальником производственного отдела, затем главным инженером. С 1965 года В.В. Пелевин возглавлял нефтетранспортное предприятие объединения «Коминетфть».

Через Полярный круг — к Волге

Открытие Усинского и Воейского месторождений стало началом нового этапа в развитии нефтепроводного транспорта на Европейском Севере. Начатые Министерством нефтяной промышленности СССР широкомасштабные работы по освоению этих

месторождений требовали опережающего строительства нефтепровода для транспорта нефти: на первом этапе освоения месторождений — до Ухты, где уже были созданы достаточные мощности по переработке и отгрузке нефти железнодорожным транспортом, с последующим продолжением до Ярославля. Решение о строительстве нефтепровода Уса — Ухта — Ярославль было рассмотрено Миннефтепромом СССР и Госпланом страны в конце 1968 года. Функции заказчика строительства поручались Управлению северо-западными магистральными нефтепроводами. Вести работы было поручено Министерству газовой промышленности СССР.

В Ухте в 1970 году создается дирекция «Комитранснефть» во главе с В.А. Приваловым, а главным инженером назначается В.В. Пелевин. Таким образом, в составе специализированного Главного управления по транспортированию и поставкам нефти Министерства нефтяной промышленности на территории Коми республики начала функционировать организационно-хозяйственная структура по созданию новой нефтетранспортной магистрали с северных нефтяных месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в центральные районы страны.

После подтверждения геологами ожидаемых запасов нефти Усинского и прилегающих к нему месторождений в 1968 году проектный институт «Гипротрубопровод» по заданию руководства Миннефтепрома СССР начал активную подготовку к проектированию нефтепровода Уса — Ухта — Ярославль. Работы велись в тесном сотрудничестве с институтом «ПечорНИПИнефть», разрабатывающим проект опытной эксплуатации и обустройства месторождения. В начале 1969 года Госплан СССР и Миннефтепром приняли окончательно решение об освоении нового нефтедобывающего района на Европейском Севере и о строительстве нефтепровода в центральные районы страны.

Протяженность намечаемого строительством трубопровода составляла 1542 километра из труб диаметром 720 миллиметров на участке Уса — Ухта, и 820 миллиметров на участке Ухта — Ярославль, производительностью до 16 миллионов тонн нефти в

*Схема
магистрального
нефтепровода
Уса -
Ухта -
Ярославль.*

год. Строительство планировалось вести таким образом, чтобы обеспечить одновременный ввод в эксплуатацию опытного участка разработки Усинского месторождения легкой нефти и первой очереди трубопроводной магистрали длиной 409 километров от месторождения до Ухтинского нефтеперерабатывающего завода. Нефтепровод от Ухты до Ярославля длиной 1133 километра планировалось вводить в эксплуатацию на втором этапе строительства.

Такое решение позволяло значительно ускорить подачу усинской нефти в центральные районы страны за счет имеющихся в Ухте мощностей по отгрузке нефти и нефтепродуктов железнодорожным транспортом. Несмотря на незначительное отставание от установленного высшими органами власти (апрель 1973 года) графика, строительство промысловых объектов и нефтепроводной магистрали Уса — Ухта велось синхронно, и к августу трубопровод был готов для приема нефти. К этому времени нефтяниками Усинска были пущены в работу 10 продуктивных скважин общей производительностью свыше 3000 тонн нефти в сутки, построена временная насосная станция, установлены передвижные газотурбинные электростанции общей мощностью свыше 10 тысяч киловатт. Все это позволило начать заполнение нефтью магистрального нефтепровода.

21 августа 1973 года усинская нефть пришла в Ухту. Началась ее отгрузка по железной дороге на нефтеперерабатывающие заводы. Особая заслуга в этом строителей — трубопроводчиков треста «Щекингазстрой», успешно справившихся с поставленной задачей, используя опыт работы, накопленный при сооружении газопровода «Сияние Севера» в условиях Европейского Севера.

Для подготовки к началу эксплуатации нефтепровода Уса — Ухта и Ухта — Ярославль в составе Управления северо-западными магистральными нефтепроводами 19 апреля 1973 года создается Ухтинское районное нефтепроводное управление. Начальником его стал В.В. Пелевин, главным инженером В.П. Коротков — специалист в области энергетики промышленных предприятий, до этого с 1958 года работавший на различных инженерных должностях в объединении «Коминепфть».

В декабре 1974 года первая очередь нефтепровода Ухта — Ярославль была введена в эксплуатацию. Путь нефти с берегов северной Колвы к Ярославлю, к берегам Волги, был открыт! Объемы работ по эксплуатации полуторатысячекилометровой магистрали резко возросли, кроме того, по всей трассе нефтепровода и на промышленных площадках насосных станций продолжались строительно-монтажные работы, велось сооружение вспомогательных объектов.

В этой связи возникла необходимость создания на базе Ухтинского районного нефтепроводного управления организационной структуры, которая обеспечивала бы выполнение всего комплекса эксплуатационных работ, осуществляла функции заказчика по строительству нефтепроводов Возей — Уса, Уса — Ухта, Ухта — Ярославль. Она же должна была выполнять значительную часть строительно-монтажных и пуско-наладочных работ собственными силами на уже действующих объектах и, что было первостепенным для коллектива, строить жилье. 12 мая 1975 года Ухтинское районное управление преобразуется в Управление северными магистральными нефтепроводами (УСМН) с подчинением «Главтранснефти» Министерства нефтяной промышленности.

Первостепенной задачей нового управления стало укомплектование всех его участков и служб квалифицированными кадрами. Особую помощь в этом оказали управлению коллегия министерства, первый заместитель министра и начальник «Главтранснефти» Н.А. Мальцев и А.А. Куликов. Из районов Поволжья и Урала в Ухту были направлены сотни квалифицированных специалистов по обслуживанию насосных станций и линейной части транспортной системы. Своих питомцев в новую организацию направили Ухтинский горно-нефтяной техникум и Ухтинский индустриальный институт. Велась подготовка специалистов непосредственно на рабочих местах. О масштабах этой работы говорит такой факт: уже к началу 1975 года в управлении работало больше тысячи человек.

Сформировался штаб управления во главе с В.В. Пелевиным. В его составе — квалифицированные специалисты В.П. Коротков, А.И. Лавров, И.Е. Угринов, Г.Я. Мингалимов, П.Я. Мокшанов, Е.С. Шмаков, А.В. Постнев, А.А. Алла, М.Е. Шомесов, В.А. Кононов, В.С. Иудов, В.А. Ларин, В.И. Вершинин, В.В. Дементьев, Г.И. Русунов, А.И. Нередов. Их самоотверженным трудом был обеспечен успешный пуск сложнейшей нефтетранспортной системы в суровых условиях Европейского Севера. Они создали в короткое время высококвалифицированные службы, обеспечили надежную и безопасную эксплуатацию всей системы, несмотря на громадную территориальную разобщенность, наладили оперативное взаимодействие основных и вспомогательных служб, завершили реализацию всех проектных решений. При этом был накоплен уникальный для страны опыт перекачки нефти в суровых северных условиях. Здесь успешно стали внедрять в практику научно-технический эксперимент по транспортировке особо сложной по своему составу и свойствам нефти Возейского и Усинского месторождений. Все, что представляет собой в настоящее время эта транспортная система, было заложено и осуществлено их трудом, смелой инженерной мыслью, чувством особой ответственности и гордости за порученное дело еще в советское время.

С большинством упомянутых руководителей и инженеров северной нефтепроводной трассы мне приходилось на протяжении многих лет встречаться, принимать участие в решении наших общих задач. Наши интересы и действия были взаимосвязаны, объединены главным процессом — добычей нефти и доставкой ее потребителю. Не помню ни одного случая конфликтных ситуаций между нами. Взаимопонимание и взаимопомощь были основным принципом наших плодотворных отношений. Примером может служить постоянное и активное участие нефтяников Усинска в строительстве и эксплуатации головной насосной станции. Больше того, глубоко убежден, что достижения нефтяников Европейского Севера неразрывно связаны с успешной работой коллектива Управления северными магистральными нефтепроводами, руководимого талантливыми инженерами и организаторами В.В. Пелевиным и В.П. Коротковым.

Завершать строительство северной трубопроводной системы коллективу транспортников пришлось собственными силами. Это в значительной степени было связано с тем, что пуск системы в работу осуществлялся по так называемому «пусковому комплексу». На первый взгляд, делалось это из добрых побуждений — скорее получить отдачу от строящегося объекта. Эта система в те годы становилась негласным правилом в стране. После успешного пуска в декабре 1974 года в эксплуатацию нефтепровода Уса —

Ярославль строители, как правило, неохотно продолжали работать на «завершенных объектах». Ведь здесь условия в значительной степени осложнялись, а требования и контроль резко возрастали, из-за чего в большинстве случаев они уходили на новые, уже зовущие их стройки. Эксплуатационникам самим приходилось заканчивать незавершенные объекты, создавая для этих целей собственные строительные управления и тресты. Этим и объясняется то, что строительно-монтажные работы в объемах, предусмотренных проектом, на нефтепроводе Уса — Ярославль были завершены лишь к 1982 году.

Губительная экономия

На долю Управления северными магистральными нефтепроводами и объединения «Коминнефть» осталось немало проблем по организации транспорта нефти. Об этом свидетельствует тот факт, что строительство и обустройство самой северной части нефтепровода выполняли нефтяники. Приказом по Министерству нефтяной промышленности от 12 мая 1975 года № 226 строительство трассы на участке Возей — Уса, как и завершение всей магистрали, возлагалось на транспортное управление. Но события развивались таким образом, что при сложившейся занятости транспортников на трассе Уса — Ярославль строительство участка Возей — Уса отодвигалось на более позднее время. Это сдерживало ввод в эксплуатацию Возейского месторождения, где имелись подготовленные добывающие мощности, и их использование уже предусматривалось в плане добычи нефти. В этих условиях организацию строительства этого участка нефтепровода

Строительство нефтепровода Возей - Уса.

министерство поручило «Коминнефти». Непосредственно вести работы Миннефтегазстрой СССР поручил своему ухтинскому подразделению Главкомгазнефтестрою, у которого в то время не было ни малейшего подобного опыта.

Нефтепровод Воей — Уса становился продолжением магистрали Уса — Ухта — Ярославль и после окончания строительства переходил в собственность Управления северными магистральными нефтепроводами. Он позволял удвоить объемы добычи нефти в этом районе и по уже действующей транспортной магистрали подать ее в центральные районы страны, что затрагивало интересы многих ведомств. Такое положение приковывало особое внимание к стройке со стороны Миннефтепрома СССР, партийных органов Коми республики, объединения «Коминнефть», «Главтранснефти». Так что контролеров за ходом работ было достаточно, а возглавлял их секретарь Коми обкома КПСС по промышленности и строительству Н.Н. Кочурин.

Строительство велось в чрезвычайно сложных условиях. Трасса на 80 процентов проходила по открытым болотам, из-за чего работы возможно было вести только зимой. И то только при промораживании грунта и устройстве деревянных настилов для прохождения техники. Но, несмотря на все трудности, трассу проложили. А пока воейская нефть заполняла еще не принятую в эксплуатацию трубу, у некоторых служб Министерства нефтяной промышленности появилась крамольная идея. Они стали настаивать на том, чтобы на Воейском месторождении не строить установку подготовки нефти. Мол, целесообразнее по уже готовой трубе подавать нефть на Усинскую установку. Там ее готовить и вместе с нефтью Усинского месторождения передавать Управлению северными магистральными нефтепроводами для дальнейшего транспорта потребителю. Наши возражения и доводы, мотивированные тем, что такое решение приведет к значительному увеличению расхода электроэнергии, к невозможности в скором времени утилизировать резко возрастающие объемы поступающей вместе с нефтью пластовой воды, спровоцирует преждевременный износ и вывод из строя самого нефтепровода, не возымели действия. Победили министерские чиновники, причем очень высокой квалификации в области добычи и транспорта нефти, а если смотреть глубже, в «корень», — победила погоня за новыми тоннами добытой нефти в стране.

Усинско-Воейская установка подготовки нефти.

Комплексную установку по подготовке нефти (а это целый завод), изготовленную в Германии и предназначенную для Возейского месторождения, построили в Усинске рядом с действующей усинской установкой. Такое решение исключало передачу участка магистрального нефтепровода Возей — Уса транспортникам, так как он использовался не для транспорта кондиционной нефти, а для добываемой смеси нефти с водой и другими компонентами, количество которых по ряду причин катастрофически увеличивалось. Так были созданы условия, при которых принять и эксплуатировать нефтепровод с Возейского месторождения Управление магистральными нефтепроводами не могло. Подобно тому, как функционировала автономная система внутреннего транспорта нефти в старом Ухтинском нефтедобывающем районе, в объединении «Коминнефть» образовалась аналогичная система и в новом северном районе.

Ошибочность такого решения была очевидной. Оно привело к крупным негативным последствиям, в том числе в области экономики, технологии разработки Усинского и Возейского месторождений, снизило надежность системы внутрипромыслового транспорта нефти. И, что самое печальное, оно стало причиной тяжелейшей экологической катастрофы на берегах реки Колвы, к сбросу миллионов кубических метров пластовой воды, не менее опасной для окружающей среды, чем нефть, в реки Колву и Усу.

При этом стала очевидной необходимость и неизбежность строительства нового трубопровода с Возейской группы месторождений. И хотя к этому заблаговременно начали подготовку, но время было упущено. Труба быстро теряла свои расчетные прочностные параметры, о чем свидетельствовали частые порывы и утечки перекачиваемой среды. Часть этих аварий, что и подтверждали проводимые анализы, была прямым следствием как низкого качества строительства, так и вынужденной перекачки высокоактивной, многокомпонентной, разрушающей металл жидкости.

Особенно наглядно это стало проявляться в период бездумной приватизации и реформирования, когда в район добычи хлынули десятки частных российских и иностранных компаний, никем не контролируемых и ни перед чем не останавливающихся, грубо нарушавших режимы работы нефтепровода Возей — Уса. Лозунг получения прибыли во всем и везде, сейчас и любым путем привел к экологической катастрофе.

К сожалению, в то время возейская труба нужна была всем и никому в смысле ответственности за ее состояние. По ней качали нефть под недопустимо высоким давлением, без учета ее технического состояния. Нужны были незамедлительные меры по радикальному изменению системы и организации сбора, транспорта и подготовки нефти, особый контроль за использованием разрушающихся промысловых и межпромысловых трубопроводов. Но принять их в созданной системе управления тогдашними руководителями нефтяной отрасли региона при хаосе перестройки в стране, общей вседозволенности и безответственности было невозможно, а, главное, некому. Трубу, как стая хищников, разрывали на части разные частные собственники. Да и отрасль в целом в этих условиях покатила под гору. Объемы добычи нефти на Европейском Севере снизились до шести миллионов тонн в год. Транспортные мощности Северного магистрального нефтепровода использовались лишь на 30 процентов, прекратились все работы по ремонту и модернизации транспортной системы.

Берег надежды

Что же представляло собой Управление северными магистральными нефтепроводами в начале приватизации и акционирования в техническом и организационном плане, как оно пережило разрушительные реформы?

Максимальное количество добытой на Европейском Севере нефти по нефтепроводу Уса — Ухта — Ярославль было отправлено в центральные районы страны на переработку в 1983 году. При этом проектная мощность системы использовалась в пределах 75 процентов. Причин такого слабого использования мощностей две. При проектной мощности северной части магистрали Уса — Ухта 16,3 миллиона тонн в год, на северных месторождениях добыча нефти составила 14,1 миллиона тонн. В целом по нефтепроводу Ухта — Ярославль, при проектной мощности 20,3 миллиона тонн, объеме добычи по региону 19,2 миллиона тонн, из которых свыше пяти миллионов перерабатывал Ухтинский нефтеперерабатывающий завод, для транспорта оставалось 14 миллионов тонн. В использование проектной мощности серьезные коррективы внесли также свойства транспортируемой нефти. Если расчеты мощности нефтепровода Уса — Ярославль привести к параметрам смеси легкой и тяжелой усинской, высокопарафинистой харьгинской нефти, то утверждение, что была достигнута проектная мощность системы, верно лишь с определенной долей оговорок. Оно правомерно, но лишь для участка Уса — Ухта.

Масштабы работ, их сложность и многогранность требовали постоянного совершенствования организационной структуры и форм управления транспортной системой, укрепления старых и создания новых служб, цехов, отдельных предприятий. В 1991 году приказом Миннефтепрома СССР Управление северными магистральными нефтепроводами преобразуется в производственное объединение. Руководит им Валентин Павлович Коротков, возглавлявший с 1987 года прежнее управление. В июле 1994 года распоряжением Государственного комитета по имуществу РФ производственное объединение Северных магистральных нефтепроводов преобразуется в акционерное общество открытого типа, в 1997 году оно становится ОАО «Северные МН».

«Северные магистральные нефтепроводы» оставались составной частью созданного в 1993 году на базе «Главтранснефти» открытого акционерного общества «Акционерная компания по транспорту нефти «Транснефть» (ОАО АК «Транснефть»), являющегося российской монополией, обеспечивающей магистральную транспортировку нефти всех нефтяных компаний страны, со стопроцентным государственным капиталом. Это обстоятельство стало важным фактором его стабильности. Оно не дало разрушить единую нефтетранспортную систему страны, помогло сберечь ее целостность и высокоэффективное функционирование. В качестве примера приведем ОАО «Северные магистральные нефтепроводы», которые в Республике Коми не удалось разрушить реформаторам конца девяностых.

В настоящее время акционерное общество «Северные МН» располагает:

- магистральным нефтепроводом Уса — Ухта — Ярославль;
- нефтепроводом НПС — «Ухта-2» — Ухтинский НПЗ, обеспечивающим подачу нефти с северных месторождений на завод и нефтеналивную эстакаду;
- тринадцатью нефтеперекачивающими станциями, из которых головные — Усинская и Ухтинская;

- нефтеналивной железнодорожной эстакадой производительностью четыре миллиона тонн нефти в год;
- резервуарным парком общим объемом 345 тысяч тонн;
- десятью приемо-сдаточными узлами для осуществления приема и сдачи нефти грузополучателями;

— комплектом средств и специальной техники для аварийно-восстановительных работ с их доставкой специальным железнодорожным поездом к местам производства работ.

Наряду с материально-техническими средствами, ОАО «Северные МН» обладает особым видом собственности — интеллектуальной, аккумулированной в разработке и внедрении в производство уникальной технологии транспорта особой смеси нефтей в суровых климатических условиях Севера. В стране подобным технологическим процессом никто больше не владеет. Изучению проблем транспорта смеси северных аномально вязких, тяжелых, высокопарафинистых, высокозастывающих нефтей посвятили свою многолетнюю деятельность руководители и ведущие инженеры ОАО «Северные МН» и научные работники. В их числе В.В. Пелевин, В.П. Коротков, О.В. Чепурной, П.В. Жуйко, Б.Ф. Губанов, С.Н. Челенцев, В.Н. Вершинин, Л.Д. Димов, Е.М. Богушевская, В.В. Конради, Г.Я. Мингалимов, В.Т. Федоров. Значение их разработок и опыта со временем не только не уменьшается, а значительно возрастает. Объемы добычи тяжелых, высоковязких, высокопарафинистых нефтей на Европейском Севере будут увеличиваться, возрастет и их доля в общей добыче в стране.

Пришедшая в 1999 году в регион нефтяная компания ОАО «ЛУКОЙЛ» не допустила окончательного развала процветающей и бурно развивающейся в советское время нефтяной отрасли, ставшей основой промышленного, экономического, социального развития Коми края и всего Европейского Севера. После пятнадцатилетнего разрушительного опустошения страны и, в первую очередь, северных территорий, в том числе Тимано-Печоры, появилась надежда на возрождение. Ее вселяли активная и профессиональная деятельность руководителей ООО «ЛУКОЙЛ-Коми», приступивших к восстановлению разрушенных и брошенных нефтяных промыслов, объединению мелких и разобщенных недропользователей.

Той же цели следовала государственная компания «Роснефть», выкупившая у далеких от нефтяного дела владельцев «Северную нефть» с ее месторождениями и нефтепроводом Баган-Уса. Активизировали свою деятельность компания «Енисей» во главе с Т.В.Котляковой и А.К. Якименко и ряд других недропользователей. За несколько лет

Ухтинская нефтеперекачивающая станция.

их активной и созидательной деятельности от основной северной нефтепроводной магистрали, берущей теперь начало за Полярным кругом на уникальном Харьятинском месторождении, словно разросшиеся ветви от ствола могучего дерева, влево и вправо на десятки и сотни километров протянулись новые нефтяные линии. По ним течет «черное золото» Тимано-Печоры, вливаясь в главную нефтяную артерию акционерного общества «Северные магистральные нефтепроводы».

Об активном расширении сети нефтепроводов на Европейском Севере свидетельствуют многие факты. В 2002 году введен в эксплуатацию нефтепровод Северная Кожва — Чикшино диаметром 273 миллиметра, протяженностью 30 километров. Он соединяет группу Печоро-Кожвинских месторождений с терминалом магистрального нефтепровода Уса-Ухта в поселке Чикшино. Здесь создан комплекс для перекачки, подготовки и учета мощностью свыше одного миллиона тонн нефти в год.

Открытое в 1970 году геологами треста «Печорнефтегазразведка» Южношапкинское месторождение высококачественной легкой нефти соединено проходящим по вечной мерзлоте наземным нефтепроводом с Харьятинским промышленным узлом. Трубопровод рассчитан на перекачку 2,6 миллиона тонн нефти в год. Он же обеспечит транспорт нефти с открытых в 70-е годы на территории Коми республики Пашшорского, Верхнерубешорского, Южноюряхинского месторождений.

В конце 2005 года завершено строительство 250-километрового нефтепровода из нового района добычи нефти, расположенного в Усть-Цилемском и Ижемском районах, до железнодорожной станции Израель. Месторождения открыты в восьмидесятые годы на правом берегу реки Печора. С учетом обеспечения экологической безопасности потребовалось строительство почти двухкилометрового перехода через Печору, проложенного на глубине 20 метров ниже дна реки. Годовая мощность этой системы — 3,5-4 миллиона тонн нефти.

За два года коллектив ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» провел полную реконструкцию системы сбора и подготовки нефти на месторождениях, построил новый нефтепровод Возей — Уса, провел реконструкцию уникального нефтепровода Харьятин — Возей. Нефть с Харьятинского и Возейского месторождений по этой трубопроводной системе поступает на пункт сдачи нефти «Северных МН».

Нефтепроводные магистрали на севере Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции значительно расширены дочерним предприятием государственной нефтяной компании «Роснефть» открытым акционерным обществом «Северная нефть». Являясь владельцем пятнадцати месторождений, бурно развивающаяся «Северная нефть», где трудятся профессионалы своего дела во главе с С.М. Нестеренко, за последние годы построила разветвленную нефтепроводную систему протяженностью около 400 километров. По темпам роста и объемам добычи нефти, строительству нефтесборных и межпромысловых трубопроводов предприятие занимает одно из ведущих мест в регионе, и так же, как другие компании, испытывает потребность в увеличении услуг транспорта нефти по северным магистральным нефтепроводам. Однако и сегодня решение проблемы транспорта нефти из районов добычи — непростая задача. Дальнейшее увеличение мощностей возможно, главным образом, за счет нового магистрального трубопроводного строительства.

Существующая нефтепроводная система акционерного общества «Транснефть» Уса — Ухта — Ярославль находится, по мнению многих специалистов, в критическом состоя-

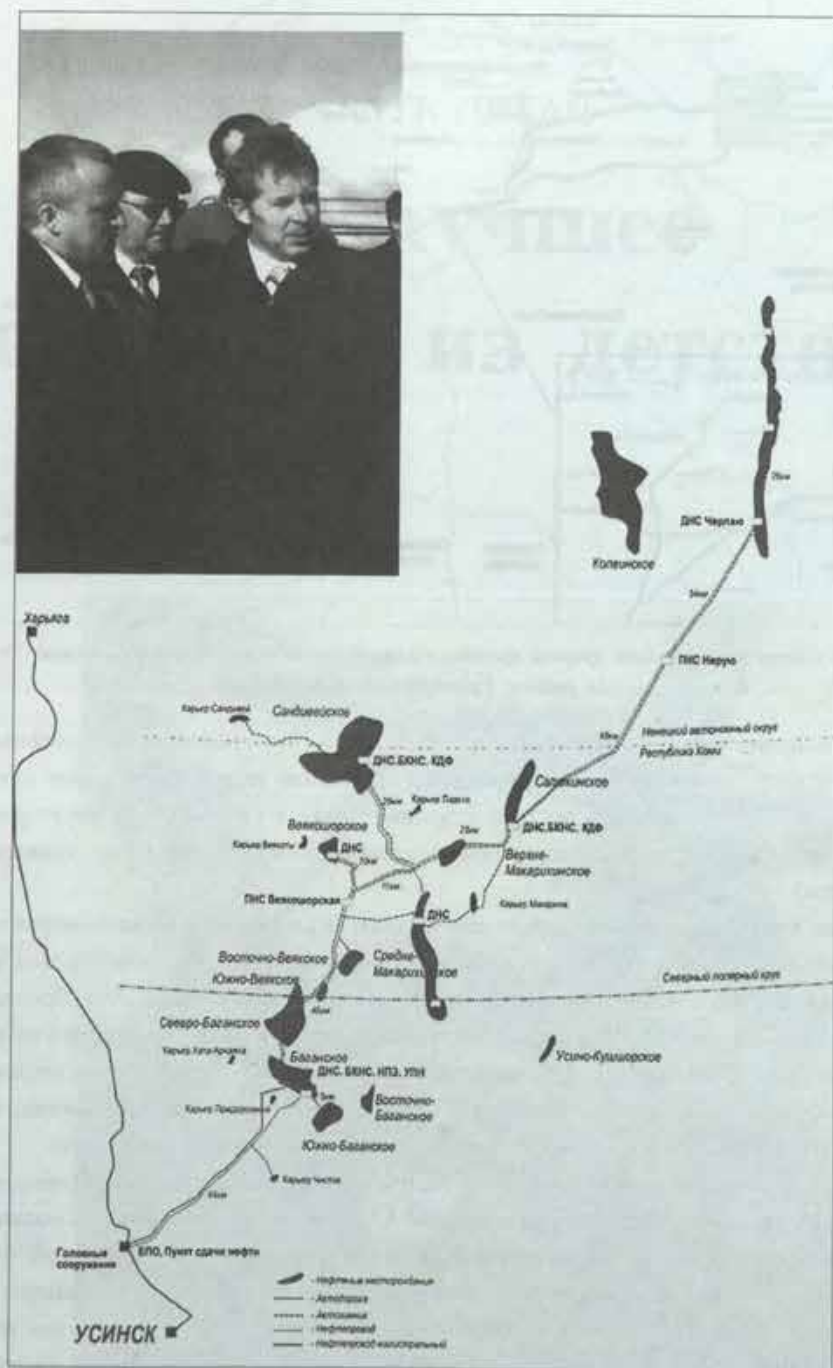
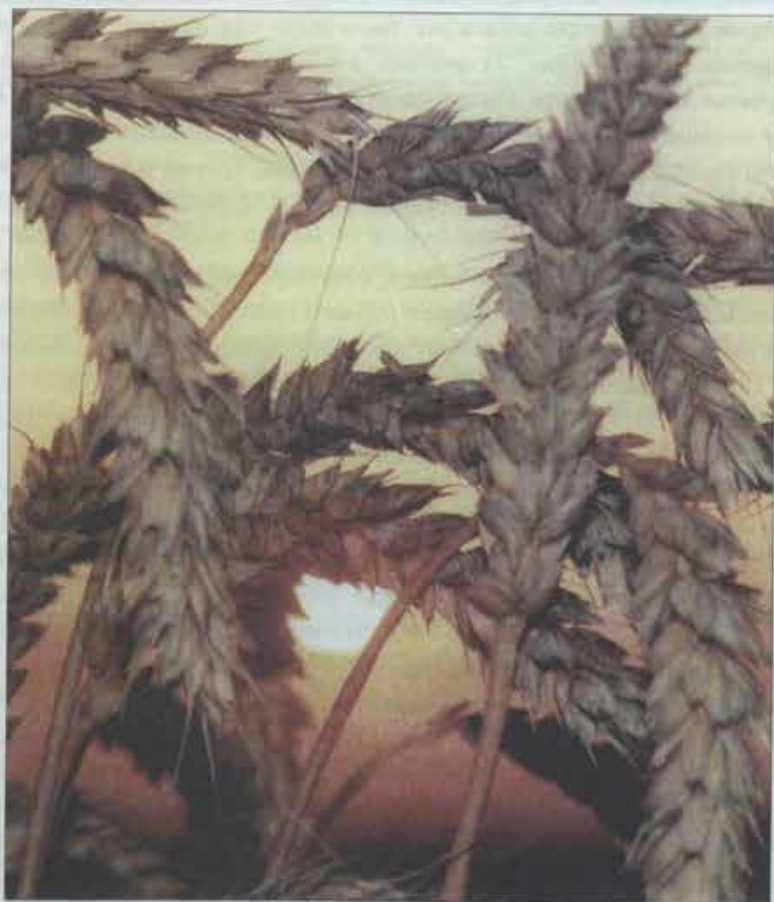

Схема нефтепроводных сетей ОАО «Северная нефть». На снимке: президент ОАО «НК «Роснефть» С.М.Богданчиков (справа) и генеральный директор ОАО «Северная нефть» С.М.Нестеренко (слева).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Все лучшее в нас — из детства

Край родной — не заграница

О двух моих личных вершинах читатель уже знает. Первой, и очень трудной, считаю Вуктыл. Вывод на проектную мощность этого уникального гиганта стоил мне седых волос, но дал неоценимый опыт, столь же неоценимые знакомства и общение с десятками замечательных людей. Когда я покидал Вуктыл, созданный и освоенный среди тайги и болот промысел давал 18 миллиардов кубометров газа и почти пять миллионов тонн конденсата в год. Ну а как насчет чести по заслугам? Никогда об этом не думал, но сейчас, оглядываясь назад, понимаю: была и честь. Что бы ныне ни говорили о прошлом, орден Ленина был вдохновляющей наградой.

Пожалуй, никто так, как нефте- и газодобытчики, не осознает старую мудрость: любая вершина — это и начало спуска, сопровождаемого непрерывными, изматывающими усилиями в стремлении задержаться наверху как можно дольше. Моя вторая вершина, путь к которой длился долгих десять лет, была взята уже на посту генерального директора объединения «Коминнефть». А именно: достижение почти двадцатимиллионного (в тоннах) рубежа добычи нефти Республикой Коми. Рубежа, которого она в дальнейшем никогда не перешагнула. Произошло это в 1983 году, незадолго до того, как мне пришлось брать еще одну, самую высокую в моей жизни, третью вершину. Встала она передо мной неожиданно, хотя повороты судьбы должны были, казалось, подготовить к любым вершинам и спускам.

Северяне в советские годы в период отпусков любили погреться на солнышке у моря. Позволяли это сделать «длинные» рубли и продолжительные отпуска, а мы с женой предпочитали родовые подольские края на Украине. И когда выпадало короткое отпускное счастье, ехали непременно туда. Там меня и разыскал первый секретарь местного райкома партии П.А. Ревякин. Он передал распоряжение заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС Вольского: немедленно явиться в Москву. Из кабинета секретаря райкома связываюсь с помощниками Вольского и узнаю новость, круто менявшую мою судьбу. ЦК КПСС рекомендует меня на новую работу — на высокую должность начальника одного из главных управлений Министерства нефтяного и химического машиностроения СССР. То есть еще перед тем, как пройти формальные собеседования в ЦК и министерстве, я уже знал, что меня ждет. Так что было время и поговорить с близкими, и самому попереживать. Подробности того, пожалуй, самого трудного для меня, восхождения на новую вершину — за пределами этой книги.

Когда идешь к крутой вершине, чем труднее путь, тем сильнее желание оглянуться назад, понять, как малая родина формировала твой характер и судьбу. Вот и у меня все чаще предстает перед глазами детство: в родном украинском селе Медисовка, где я родился в 1933 году. Недалеко от этих мест берут начало реки Случ и Горинь с многочисленными притоками, несущими свои воды на север, Збруч и Южный Буг, устремившиеся на восток и юг. В далекие времена эти реки служили людям надежными торговыми путями с юга на север.

Очередную, восьмую по счету, награду — орден Дружбы народов вручает мне председатель Президиума Верховного Совета Коми республики Э.В.Панев.

Село раскинулось вдоль берегов небольшой речки, недалеко от ее истоков. Речка, объятая с двух сторон красивыми лугами, несет чистую, как слеза, воду. В селе она прячется в растущих вдоль берегов кустах, то и дело раскрываясь каскадами прудов. Село утопает в зелени фруктовых садов и разделено на две части тремя большими прудами с подковообразными дамбами. Эта картина — волшебный сон моего детства.

Наш дом стоял на самом высоком месте южной окраины села и выделялся среди других снежно-белой покраской. В доме — три комнаты, две малых и одна большая, сенцы и кладовая-каморка. Чуть в стороне — хлев, разделенный на две части, одна — для скота и домашней птицы, другая — для кормов. Постройки утопают в зелени большого сада, в котором росли яблони, груши, сливы, вишни, черешни, орехи, малина. По краям кусты сирени. Сад и огород занимали около шестидесяти соток.

Недалеко от нашего дома на пригорке — ветряк с большими вращающимися крыльями. Сюда съезжались селяне на помол зерна на муку или крупу, на давку растительного масла из семян льна, конопли, подсолнечника. Неповторимый аромат разносился далеко по округе. Тут и нам, пацанятам, можно было полакомиться макухой (жмыхом), что была вкуснее любой халвы.

Помню себя с раннего детства. В саду на траве постелено рядно (так на Украине называют домотканое покрывало). Его яркие разноцветные полосы — границы площадки, на которой стоит тяжелая деревянная скамейка, прислоненная к ветвистой яблоне. Дереву служило еще и тенью от палящего летнего солнца. Это и был мой «детский сад», где я, оставленный мамой, проводил многие дни своего раннего детства. Она уходила на прополку свеклы, коксагыза, кориандра и других технических культур, выращиваемых в те годы в наших краях.

Позже мама нам рассказывала:

— В те годы все женщины, уходя на работу в поле, оставляли дома своих годовалых детей: кого под присмотром, а кого и без него. Хорошо, что делянки были недалеко. Детей проводывали при любой возможности.

Особенно запомнился рассказ мамы о том, как я доставал бутылочку с молоком, которая скатывалась с полосатого покрывала. Мои усилия всегда заканчивались неудачей, так как я был привязан легкой веревкой к той самой деревянной скамейке, стоявшей под большой яблоней. Не дотянувшись до бутылочки с молоком, я начинал плакать, а наплакавшись, быстро засыпал. Просыпался на натруженных руках мамы, которая вытирала фартуком мои заплаканные глаза.

Все постепенно менялось. Скоро, уходя на работу в поле, мама стала брать меня с собой, усадив в телегу, устланную соломой и моим покрывалом. Возвращались вечером, на закате солнца.

Воспоминания детства связаны у меня с началом военного строительства в зоне границы между Восточной и Западной Украиной. Эта граница проходила в девяти километрах от нас. В нашем доме временно квартировало руководство строительством военного городка, а в последующем — линии оборонительных сооружений, так называемого укрепрайона. Это в корне изменило обстановку и среду, в которой потом проходило мое воспитание. Мама уже не ходила на работу в поле, была дома. Обслуживание расквартированных офицеров требовало не меньше времени и усилий, чем работа в поле. Внимания и времени требовали и мы с братом, которому шел первый год.

Вечерами новые жильцы возвращались из поездок по району будущего строительства, отдохнув, часто брали меня на руки, и я, вереща от радости и восторга, переходил от одного к другому. В доме появились различные сладости, диковинные по тем временам для села продукты и лакомства. Возвращаясь из командировок, квартиранты постоянного привозили нам игрушки. В основном они были из дерева и бумаги, иногда попадались стеклянные разноцветные шары, напоминающие сегодняшние елочные украшения.

Офицеры вместе собирались редко, только по воскресеньям. Обедали в хате за большим столом. Мама готовила очень вкусно и была большой чистюлей. Поддерживать по-

Босоногое детство. Отец Степан Иванович, мама Анна Герасимовна и я.

рядок и чистоту в доме стоило ей громадных усилий. Глиняный пол в хате она два раза в неделю — в среду и субботу — мазала специальным глиняным раствором и застилала цветными самодельными дорожками. В те годы деревянный пол в селе был только в доме, где когда-то жил помещик, а в последующем его занимала сельская начальная школа.

Отец в те годы перешел из райпотребсоюза, где он работал бухгалтером, в сельский Совет на должность секретаря. Сельсовет объединял несколько сел и размещался в соседнем селе. По тем временам эта работа была нелегкой, и вместе с тем очень почетной. На местные Советы возлагались большие задачи, к ним предъявлялись высокие требования. Такими были время и обстоятельства. Работы было много, отец постоянно задерживался, часто мы его не видели по несколько дней. Он был еще и комсомольским активистом района, выполнял различные общественные поручения.

Моя родословная

Родители мои выросли в многодетных семьях. У дедушки по отцу, Ивана Андреевича, родившегося и прожившего всю свою жизнь в Медисовке, было пять сыновей и одна дочь. Самый старший из них — мой отец. Дальше шли Архип, Николай, Федор, Евдокия и младший — Владимир. Дедушка был неутомимым тружеником, умел делать все нужные в селе работы: выкопать колодезь, подковать лошадей, изготовить сбрую, выполнить любые кузнечные и паяльные работы. Думаю, что уметь сделать все, что нужно, — удел сельского жителя. Был он не только хорошим мастером, но и трудолюбивым и отзывчивым человеком. Вдвоем с бабушкой Ольгой они дали детям хорошее по тем временам для села образование. Все, кроме моего отца, закончили семилетнюю школу. Отец закончил двухклассную церковно-приходскую школу, где четыре года изучал чтение, чистописание, арифметику, природоведение, молитвы, историю церкви и другие предметы. Он был способным учеником. Учитель часто оставлял его за старшего в классе. Иногда поручал вести уроки по чтению, арифметике, истории. Бывало, приглашал к себе в гости, угощал чаем, вел беседы, о чем отец вспоминал всю свою жизнь.

Когда я стал постарше, стараниями дедушки научился косить, заправлять косу, сеять, складывать в копны сено, молотить щепом, сажать и прививать деревья и многим другим, кажущимися простыми, но требующими сноровки деревенским работам. Он часто рассказывал различные истории из своей жизни до Октябрьской революции. О том, как служил в армии Брусилова, как недалеко от нас в дни первой мировой войны 1914 года были разбиты и бежали австро-венгерские войска, о работе с утра до вечера на помещичьих полях, о злом и жестоком деспоте, помещичьем управляющем, бежавшем в 1920-е годы к своему хозяину во Францию.

Бабушка ушла из жизни молодой. Дедушка женился во второй раз. Его вторую жену я хорошо помню, с ней связаны у меня хорошие воспоминания. Она была небольшого роста, для сельских жителей весьма полная, но очень подвижная, всегда аккуратно и чисто одетая. Как правило, носила всю одежду черного цвета. Многие говорили, что она колдунья. В округе считалась знахаркой. Весной и летом собирала различные целебные травы, делала из них настои, которыми лечила всех, кто к ней обращался. Снимала слез и порчу с детей и взрослых. Умела лечить коров и разных домашних животных. Часто

приходили к ней издалека, просили помощи. Никогда и никому она не отказывала, если даже приходилось идти далеко и в непогоду. Была глубоко верующим человеком, в церковь ходила за десяток километров, ближние церкви все были разрушены. На месте разрушенной в 1932 году в нашем селе церкви стоял клуб, а прицерковные помещения использовались под медпункт, почту, магазин.

По великим церковным праздникам бабушка совершала поход в Почаев, знаменитый своей Почаевской Лаврой. Однажды взяла с собой меня. Было это то ли в 1945-м, то ли в 1946 году. Почаев находился от нашего села в семидесяти восьми километрах. Шли пешком два дня с остановкой на ночь у знакомых, в Почаев пришли к полудню, зашли в дом к бабушкиным знакомым. Встретили нас хозяева, одетые в церковное одеяние, что свидетельствовало об их прямом отношении к церкви. Бабушка, показав на меня, сказала:

— Это мой внук.

— А он крещеный? — задал вопрос мужчина, пристально рассматривая меня.

— Да, сама крестила, — последовал ответ.

На этом интерес к моей персоне был исчерпан. Вечером мы пошли в храм. В дороге бабушка поведала мне все, что знала о Почаеве, о Почаевской Лавре, история которой очень интересна. Свое начало она берет в шестнадцатом веке. В 1556 году, возвращаясь из Москвы через Волынь, здесь проезжал греческий митрополит Неофит. По настоятельной просьбе овдовевшей помещицы Анны Ерофеевны Гойской, жившей неподалеку от Почаева, митрополит остановился в ее доме и пробыл там несколько дней.

По русскому обычаю, Гойская оказала гостю глубокое уважение и радушный прием. В благодарность за гостеприимство митрополит благословил ее древней иконой Божьей Матери с Предвечным Младенцем, которую он всегда хранил при себе как родовую заветную святыню.

Спустя 30 лет домашние Гойской заметили исходящий от иконы необычный свет. Убедившись в том, что это правда, Гойская передала икону на вечное хранение монахам, жившим при Почаевской Успенской церкви. Скоро чудотворные и исцеляющие свойства иконы стали известны далеко за пределами воеводства Волынского, куда входил Почаев. В 1859 году Лавру посетил император Александр Николаевич и подарил средства для обновления церкви, которое было закончено в 1861 году. Чудес, свершившихся в Почаевской Лавре с помощью иконы, было множество. Почаевская Лавра с ее иконой является вторым местом на Украине после Киево-Печерской Лавры, куда обращаются верующие за помощью. По сей день туда едут с Украины, из России и других стран не только православные, но и католики, униаты, протестанты и представители других конфессий. По православному календарю, в память избавления Почаевской Лавры от татарской Орды, 21-23 июля 1674 года установлено празднование Почаевской иконы Божьей Матери. Всю историю Почаева и его святыни бабушка знала до мелочей и ходила туда до глубокой старости.

Семья, в которой росла моя мама, Анна Герасимовна, тоже была многодетной. У дедушки по матери, Герасима Николаевича Гуменюка, было четверо детей — сын и три дочери — Мария, Евдокия и Анна. Мама была младшей. В 1931 году она вышла замуж. Дедушку Герасима и бабушку Настасью я не помню. Они были зажиточными крестьянами. Своих детей воспитали трудолюбивыми и честными, какими были сами. Хо-

рошее образование дали только сыну Николаю. Девочки, научившись читать и писать, стали вести большое домашнее хозяйство. Было им в то время не до образования.

А вот еще из памяти детства. В выходные и праздничные дни в доме собирались друзья родителей, пели песни. Грампластинки сменяли одна другую. Звучали голоса известных артистов И.С. Козловского, С.Я. Лемешева, Ф.И. Шаляпина,

С.С. Гулак-Артемовского, П.С. Паторжинского и многих других. Коллекция грампластинок, которую старательно собирал отец, насчитывала больше четырехсот. Он очень любил музыку и особенно песни. Сам великолепно пел и всегда был душой компании. Голос у него был похож на голос Козловского. Знал бесчисленное количество украинских и русских песен. В начале своей трудовой деятельности в районном центре пел в хоре, был участником смотров художественной самодеятельности в Киеве, на которых получал призы и грамоты. Жаль, что ему не удалось свой талант развить и использовать с полной отдачей.

В школу я пошел в 1939 году. Она размещалась недалеко от замаскированной деревьями, недавно законченной долговременной оборонительной точки. Учился я хорошо, ежегодно получал похвальные грамоты за отличную учебу. Однако учиться пришлось недолго. После второго класса наступили «большие каникулы».

Предчувствие войны и настоящая война

О приближении войны говорили многие факты из жизни нашего приграничного района. В конце тридцатых годов вдоль существовавших тогда западных границ Украины и Белоруссии началось строительство оборонительных сооружений, так называемых укрепительных районов. Одним из участков такого строительства, о чем я уже упоминал, было мое родное село.

В пограничной полосе развернулось строительство аэродромов. Три из них — Теофипольский, Староконстантиновский, Изяславский — строились недалеко от нас. Участились случаи поимки шпионов и диверсантов, засылаемых к нам с Запада. Мы часто были свидетелями того, как их, скрывающихся днем в созревающем пшеничном поле, ловили и вели в комендатуру.

Первого сентября 1939 года немецкие моторизованные и танковые соединения вторглись на территорию Польши. За считанные дни немцами была оккупирована большая часть страны. А к 15 сентября они вплотную подошли к границам захваченных поляками в 1920 году земель Западной Украины и Белоруссии, к городам Львову и Бресту. Достойного сопротивления немцам оказано не было, 16 сентября правительство Польши бежало в Румынию, оставив страну и народ.

В эти дни на границе с Западной Украиной были объявлены большие учебные сборы с призывом из запаса военнослужащих в войска Киевского и Белорусского военных округов. Штаб Киевского округа, преобразованного в Украинский фронт, переехал из столицы Украины в наш областной центр город Проскуров. На территории Хмельницкой области (тогда Каменец-Подольской) было сконцентрировано четыре армии. Передвижение этой массы войск и техники говорило простым людям о неминувости военных действий. У нас это вызывало особую тревогу. Ведь через село проходила линия оборонительных сооружений, на объектах которой ни днем, ни ночью не прекращались работы. В девяти километрах граница, справа и слева — стратегические транспортные пути: железная и автомобильная дороги с востока на запад. Люди в страхе ждали: что будет дальше?

Развязка наступила утром семнадцатого сентября, когда наши войсковые части двинулись в сторону польской границы. Сопrotивления со стороны поляков — пограничников и воинских частей, бежавших от немцев с захваченной территории, практически не было. Через неделю к 25 сентября Красная Армия полностью заняла территорию Западной Украины и Белоруссии, а в последующем Бессарабию (Молдавию). Были соединены ранее насильственно отторгнутые поляками от Советской Украины и Белоруссии западные земли и возвращена Молдавия, оккупированная Румынией в 1918 году. Все это завершилось подписанием договора «О дружбе и границах» между Советским Союзом и Германией. Подробности этих событий были не известны даже взрослым, они знали лишь то, что видели и замечали сами. Например, то, что теперь граница от нас переместилась на 300-350 километров. Но это был «первый звонок».

Весной 1941 года разговоры о том, что немцы нападут на нас, усилились. Жители приграничной с Польшей полосы рассказывали нашим ходокам: немцы говорят о походе на Восток. Это настораживало, но быстро забывалось. Плохим слухам верить не хотелось. Молчала на сей счет пресса, никаких заявлений не делали официальные власти. Такова, как теперь известно, была тогдашняя политика. Страна усиленно готовилась к отражению нападения со стороны Германии. Ведь развязанная в сентябре 1939 года война с Польшей говорила о далеко идущих замыслах гитлеровцев. Подтверждалось это и концентрацией войск фашистов на польско-советской границе.

Правда, к тому времени в нашем районе линия оборонительных сооружений, дотов, дзотов длиной свыше пятидесяти километров и шириной три — три с половиной километра была закончена. Но она оказалась от новой границы далеко, в глубине страны. К сожалению, эта мощная линия обороны при наступлении немцев нашими войсками так и не была использована. Ее обошли с севера и юга. Ни одного выстрела из этих огневых точек не прогремело.

22 июня 1941 года во второй половине дня над селом стоял непрерывный гул от пролетающих со стороны западной границы самолетов. По радио объявили, что началась война. Звучало это злое и страшно, и верить этому не хотелось. На четвертый день отец, вернувшись с работы, сказал, что ему предложено с семьей эвакуироваться в восточные районы страны. В селе такое предложение получили еще три семьи. Начались быстрые сборы. Одежда, обувь, часть постельных принадлежностей, минимум посуды, учебники, продукты были тщательно упакованы, и к вечеру все это погрузили на предостав-

ленную нам автомашину. Но вдруг последовало указание автомашину отправить в распоряжение воинской части. Там собирали колонну для отправки оставшихся на стройке красноармейцев к западной границе.

Вместо автомашины нам дали четыре подводы. Домашние засомневались: стоит ли ехать, куда мы доедем на таком транспорте? Но, несмотря на все сомнения, рано утром мы двинулись на восток, не зная, куда едем и что нас ожидает...

Первому обстрелу немецкой авиации подверглись на пятый день нашего путешествия. Вдалеке от дороги в небе появились три самолета. Летели они в сторону запада. Вначале их приняли за своих, но тут же увидели, как они разворачиваются и берут курс прямо на движущуюся колонну людей. Значит, фашисты.

Началась паника. Люди бросали все и бежали в разные стороны от дороги, где с одной стороны колосились безбрежные поля созревающей пшеницы, а с другой стоял густой лес цветущих подсолнухов. Вниз с воем и свистом полетели бомбы. За ними просвистели пулеметные очереди. На дороге началось что-то невообразимое: слышались стоны, крики людей, неистовое ржание лошадей. Тут же последовал второй заход самолетов, который оказался еще страшнее.

После него фашистские стервятники улетели, оставив на дороге и ее обочинах картину смерти и ужаса. К счастью, никто из наших в этот налет не пострадал. Только пришлось долго искать своих лошадей, которые с повозками оказались далеко в пшеничном поле. Вечером 27 июня въехали на окраину города Черкассы. Впереди Днепр. Остановились в густом сосновом лесу, возле пионерлагеря. Всюду были видны следы спешной эвакуации: разбитые детские игрушки, разбросанные книги, спортивный инвентарь, настежь открытые окна и двери. Разрушенные здания напоминали о недавней бомбежке.

Несмотря на то, что переправа через Днепр, который нам предстояло преодолеть, работала круглосуточно, с обеих ее сторон было столпотворение из беженцев и военных. Только к утру подошла наша очередь. При бомбежке кое-как въехали на перепуганных лошадях на первый понтонный мост, и тут появились немецкие самолеты. Пролетев над первым мостом, они сбросили бомбы. Бомбы ложились рядом с нами, поднимая громадные столбы воды. Те же самолеты сделали новый заход и начали обстрел из пулеметов. Первая же пулеметная очередь прочертила центр нашего понтона. До берега оставалось несколько десятков метров, когда раздался мощный взрыв. Это взорвался сбитый нашими зенитками один из немецких стервятников. Новый налет кончился разрушением двух понтонных мостов и многими жертвами. Но мы все же добрались до берега. К утру промокшие, измученные и усталые въехали в село Новоивановку Хорольского района Полтавской области, преодолев еще одну водную преграду — реку Хорол, воспетую великим Гоголем.

Остановились на краю села. Приютила нас женщина, живущая с двумя сыновьями лет по двенадцать-четырнадцать и дочерью постарше. Хозяина дома как специалиста-механизатора призвали в армию в первые дни войны. Глинобитная, недавно построенная просторная хата скоро стала нам родной. Спали в комнате на полу. Матрацами служила солома, одеялами — наша зимняя одежда. Обращались с нами как со своими. Жили одной семьей.

Отец с мамой пошли работать в колхоз. Шла уборочная страда. Впереди — зима, нужно было к ней готовиться, зарабатывать на кусок хлеба. Хозяйка с детьми с утра до

вечера пропадала на работе. Мы с братом недалеко от дома пасли хозяйских коров и коз, заготавливали солому для растопки печи. Никто не сидел без дела. Наша жизнь в Новоивановке ничем не отличалась от жизни всех сельских детей.

Через несколько дней объявили мобилизацию. Мужчины села ушли на фронт, ушел и отец. Между Полтавой и Харьковом часть, в которую он попал, вступила в бой с немцами и вскоре была окружена. В попытке выйти из кольца в боях потеряла большую часть своего состава и прекратила существование. Часть состояла в основном из местного населения, поэтому оставшиеся в живых вернулись к своим семьям. Вернулся и отец. Так мы с семьей оказались на оккупированной немцами территории. А через неделю впервые увидели немцев.

Возвращение под дулами автоматов

Мы прожили в Новоивановке до середины февраля 1942 года. Все шло к тому, что дальше оставаться здесь было небезопасно. Начали поговаривать о возвращении домой. Одна эта мысль порождала массу вопросов. Как, каким путем и на чем ехать? Всем вместе или группами по две семьи? Что будет, если остановят немцы? Какие нужны документы и кто их должен дать? Как переправиться через Днепр?

Все решили два обстоятельства. Пошли слухи, что несколько семей уже уехали, и проводником их на правый берег Днепра была женщина, родственники которой жили в Новоивановке. В конце января вернулся еще один глава семьи нашей четверки — Федор Кипцар, рассказавший о своих мытарствах в последние месяцы. Его подразделение попало в плен в двадцатых числах сентября недалеко от Лохвиц, тех самых, где попал в окружение со своим штабом и погиб командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос. Рассказал Кипцар и о том, как он в плену несколько месяцев работал на восстановлении мостов и железной дороги, как неудачно закончились две его попытки побега и как, обезоружив охрану, бежали всей бригадой. Добравшись до семьи, он боялся здесь оставаться и был полон решимости уехать.

В конце концов, все сошлись на том, что нужно возвращаться, и как можно быстрее. Такое решение одобряли и власти села. Мы им создавали определенные проблемы, если учесть, что в селе было полно беженцев. Существенную роль сыграли частые появления в домах, где мы жили, неизвестных, которые интересовались, кто мы, откуда, чем занимались раньше.

Все, что взяли с собой, уже было продано или обменяно на продукты. Лошадей по прибытии отдали местному колхозу, и их сразу же мобилизовали для нужд армии. Стояла холодная, снежная зима. Все это делало поездку трудной и опасной. Вдобавок к этому у всех были пяти-шестилетние дети. Правда, в зимнем варианте были и преимущества. На санях легче передвигаться с одной лошадью, можно перебраться на правый берег Днепра по льду, минуя мосты и переправы, по которым двигались на восток немецкие части.

Начались поиски той самой женщины-проводницы. В середине февраля морозным ранним утром на четырех санных упряжках двинулись в путь. Это был рискованный шаг. Как все это мы пережили, не совсем понятно и сейчас. Доехали до Днепра на третий день, переночевали в доме проводницы. Вечером, как только стемнело, по глубоко

заснеженному полю подъехали к реке. Переправа заняла около часа. Поднялись на крутой берег, оттуда виднелась черная полоса леса. За ней в трех километрах село — наша первая остановка.

Проводив нас до леса и объяснив, куда проситься на ночлег, проводница вернулась обратно. Добрая и смелая была женщина, ее не страшили ни глубокая ночь, ни трескучий мороз, ни немцы.

Добрались мы до окраины села, как и было рекомендовано, постучались в первые три хаты. В двух на наш стук отозвались и пустили на ночь. Утром накормили и к полудню вывели на проселочную дорогу, которая проходила в стороне от основной магистрали. Немцев здесь не было видно. И, тем не менее, мы были на грани неминуемой смерти.

Случилось это, когда мы, попутав по заснеженным проселкам, были вынуждены выехать на шоссе. С большим облегчением проехали несколько километров. Когда появилась колонна тяжелогруженых автомобилей с прицепами, решили свернуть в сторону и переждать. Движение колонны продолжалось около часа. Пурга не ослабевала. На нас, стоявших в стороне, никто не обращал внимания.

Пока прошла колонна, сани и лошади оказались в снежном плену. Попытки расчистить снег и выбраться на проезжую часть дороги были безуспешными. Лошади, как и люди, обессилевшие и замерзшие, не слушали ни команды, ни кнута. Мы с братом замерзали. Наступали сумерки. Решили искать спасения в возвращении. Вдруг сквозь пургу на дороге показалось темное пятно. Оно быстро приближалось. Это шла колонна немецких солдат. Поравнявшись с нами, они о чем-то оживленно говорили и громко хохотали. В том, что они отберут наших лошадей, нас расстреляют, а в лучшем случае, бросят среди снежного поля, не было никаких сомнений. О подобных случаях нам не раз рассказывали местные жители.

Но немцы прошли мимо, мы их не заинтересовали. Вдруг из хвоста колонны выбежали больше десяти фашистов со старшим, подхватили сани и лошадь, со смехом в считанные минуты на руках вынесли их на дорогу. А затем с криком: «Рус капут», — побежали вдогонку за удалявшейся колонной. Мы же в страхе ждали, что вот-вот раздастся автоматная очередь, и нас расстреляют. Но ничего этого не последовало. Зачем тратьте пули, ведь то, что нам «капут», у них сомнений не было.

Придя в себя, двинулись вперед. Но взрослым суждено было испытать новый страшный шок. Крики «Стой!» настигли нас на краю леса, откуда вышли трое вооруженных мужчин. Они заставили слезть с саней женщин и детей, затем сели на их место и скрылись в лесу. Уговоры вернуть повозки, плач женщин и детей были бесполезны.

Оставшись в чистом поле, мы в страхе не знали, что делать, куда идти. Вдруг из леса снова показались наши сани. Сравнявшись с нами, те же вооруженные люди, но уже со старшим, остановились, объяснили, что произошло недоразумение, извинились и вернули лошадей. Оказалось, что это были партизаны, вышедшие на задание захватить у немцев или полицаяев транспорт. Но выяснив, что отобрали не у тех, тут же исправили ошибку. Все кончилось благополучно, но страх еще долго не покидал наши души.

Родное село встретило недобрыми вестями. Наша хата была занята человеком, в двадцатые годы бежавшим из села. В конфликт вступать было не время. Свернули к дедушке. Наш приезд всех обрадовал, ведь никто не знал, где мы, что с нами, да и живы ли. Но теперь встал вопрос, где жить. Выход один — с наступлением теплых дней строить дом. Но на что строить, ведь мы за эти семь месяцев потеряли все, что у нас было. У отца осталось его главное богатство — друзья. Многие, узнав о нашем возвращении, стали помогать, кто чем мог.

В апреле родители приступили к строительству своей хаты рядом с дедушкиной усадьбой. В мае заложили фундамент из бутового камня и возвели каркас. Осталось заполнить его саманом — самая трудоемкая работа. На помощь пришло все село. В назначенный день собиралось до ста человек, работы хватало всем. За два дня стены были возведены. Называлось это по-местному «толокой». Она в наших краях существовала издавна, и на этот раз «толока» стала нашим спасением.

Старые друзья из соседних сел и районного центра часто навещали отца, вели продолжительные беседы, иногда до глубокой ночи. Разъезжались только утром, чтобы не вызвать подозрений у полиции. В то время, как и прежде, везде на занятой немцами территории существовали колхозы. Все сельскохозяйственные работы, как правило, велись коллективно. Руководили ими председатели колхозов. Сплошь и рядом это были те же люди, что и до оккупации. Немецкие власти не спешили менять существующую систему производства и управления сельским хозяйством. Их устраивала прежняя высокоэффективная коллективная форма. Что они думали делать дальше, трудно сказать, но то, что три года они ничего не меняли — факт. Так было и в нашем селе. И даже отца поставили на прежнюю должность — бухгалтером. Такое решение было принято теми, кто остался по решению советских органов на оккупированной территории для осуществления антинемецкой деятельности. Но за их работой следили полиция и немецкая комендатура.

Одна беда кончилась, пришла другая

В середине марта до села стал отчетливо доноситься приближающийся звук моторов. Гул нарастал. Мы не успели скрыться в своем убежище, как из-за бугра показалась большая колонна танков. Их движение было так стремительно, что за считанные минуты, преодолев около двух километров, они оказались на краю села. Что это наши танки, сомнений не было. Об этом говорили звезды на башнях, призывы на броне «За Родину, за Сталина!» Не замедляя скорости, танки прошли село и скрылись в направлении города Волочиск. Остановился только последний в колонне танк. Его тут же окружили жители села. Радости не было предела, люди со всех сторон бежали к танку, несли все, что у них было, и отдавали экипажу. Танкистов обнимали, целовали, с криком «Ура!» подбрасывали вверх, смеялись и плакали от радости.

В то же самое время по лощинам к селу подбиралась группа немецких диверсантов-поджигателей. Они шли из соседнего села, которое находилось в трех километрах от нас и уже пылало огнем. Увидев танки, они быстро попытались скрыться. Экипаж танка дал по ним пулеметную очередь. Оставив одного диверсанта лежать на снегу, остальные

скрылись в оврагах. Танк круто развернулся и на большой скорости стал догонять свою колонну. Все смотрели в сторону удаляющегося танка, и каждый думал, что не появятся танкисты в этот час, не миновать и нашему селу участи сгоревшей Карайны.

На второй день за танками пришли пехотинцы. Это были молодые, рослые, с суровыми лицами солдаты-сибиряки. Встречали их с той же радостью, как и экипаж танка. Это были части Первой гвардейской общевойсковой армии, которая, прорвав оборону яростно сопротивлявшихся немцев, продвинулась вслед за танками на пятьдесят километров и 10 марта дошла до города Тернополь. Там их ждали девять танковых и шесть пехотных дивизий, в том числе известная танковая дивизия «Адольф Гитлер». На станции Озерная, что рядом с Тернополем, бой продолжался больше месяца. Только к 14 апреля утихли доносившиеся до нас несмолкающие звуки разрывов бомб и снарядов — Тернополь был освобожден. На месте города остались одни руины. Но к началу шестидесятих годов он был построен заново и стал одним из красивейших городов Украины.

Пришло освобождение, но спокойствия не было. В наших местах тревогу вызывало повсеместное появление вооруженных банд. Создавали и возглавляли их служившие во время оккупации немецко-фашистским захватчикам украинские буржуазные националисты. Это были хорошо организованные, вооруженные, ярые противники Советской власти на территории Западной Украины. В одних случаях это были отряды, которые скрывались в лесах и могли действовать в любых местах в любое время дня и ночи. В других — работающие днем дома или на производстве «мирные» люди, которые ночью, объединившись в небольшие группы, совершали самые страшные преступления. Зверствовали они не только на территории освобожденных областей Западной Украины, нередко появлялись и далеко за ее пределами. Частыми были появления бандеровцев в нашем и соседних селах.

Банды терроризировали мирное население, нападали на воинские подразделения, грабили железнодорожные эшелоны, устраивали диверсии, мешали восстановлению нормальной жизни. Своей жестокостью они превосходили даже фашистов.

Жертвой одного из таких бандитских нападений стал командующий Первым Украинским фронтом известный военачальник Н.Ф. Ватутин. 29 февраля во время выезда в войска он попал в засаду бандеровцев, был тяжело ранен и скоро скончался. Зверски во Львове в своем доме топором был убит известный поэт-публицист, разоблачавший фашизм и украинский национализм, Ярослав Галан. От руки бандитов не стало легендарного разведчика, ведущего борьбу с немцами в их тылу, Н.И. Кузнецова.

Нередки были случаи, когда они не только расстреливали, но и вырезали целые семьи, устраивали пытки над детьми на глазах их родителей и над родителями на глазах их детей. В наших местах они расстреляли и замучили многих членов партии, комсомольских активистов, руководителей предприятий и колхозов.

К сожалению, бандеровцы находили поддержку у большей части жителей западных областей Украины. Организованный ими террор сеял панику до тех пор, пока не были приняты усиленные меры по защите мирных граждан и разгрому самой организации украинских националистов.

Вот как вспоминает об этом руководитель разведывательно-диверсионной группы Народного комиссариата внутренних дел СССР П.А. Судоплатов: «Как известно, со-

противление националистов в Западной Украине и Прибалтике после Великой Отечественной войны прекратилось только тогда, когда были ликвидированы и разгромлены их штабы. Сделать это мы смогли с помощью агентурного проникновения в их руководящие организации, благодаря разжиганию внутренних противоречий. Кроме того, нам удалось взять под контроль основные линии связи националистического подполья с зарубежными центрами, поддерживавшими его идеологически и материально. Без этого не могло идти и речи о стабилизации обстановки и мирной жизни в Западной Украине и Прибалтике...»

В конце концов, бандиты и их пособники закончили свою преступную деятельность сменой оружия на топор и пилу, отбывая наказание в северных и восточных районах страны, в Вологодской области, Коми АССР, Томской и Омской областях. Страна нуждалась в лесе для восстановления народного хозяйства, так что их принудительный труд был расплатой за совершенное зло. В последующем они продолжали мирную жизнь и в своих родных местах. Никто их и их детей не расстреливал и не резал, как делали они. Их дети получили бесплатное образование в советских школах, техникумах, институтах и университетах, открытых во всех областных центрах Западной Украины.

Находились и находятся по сей день те, кто с остервенением доказывают, что они зря пострадали. Известные тогда и появившиеся в наше время факты опровергают это. А говорили так те, кто их вдохновлял и материально поддерживал, кто оправдывает их зверства сейчас.

В бандах, к сожалению, было много женщин, творивших наравне с мужчинами беззаконие и зверства, приносившие горе мирным людям. Вот один красноречивый пример. В селе Озерном Томской области жили сосланные бандеровцы и их сообщники. Как только им разрешили возвратиться в родные места, село через несколько дней опустело. Уехали все. Заселенным остался один дом. Жила в нем одинокая женщина по имени Оксана. Когда спросили соседей, почему она не собирается уезжать, последовал ответ, что у нее руки по локти в крови, ее там не убьют, а разорвут на части. Страшнее палача в округе, где она жила, никто не знал. Вот вам и не виноваты!

Еще один эпизод из моей школьной жизни в те годы. Случилось это в начале 1946 года. Мы, шестеро учеников пятого класса, шли в школу. Вставали рано, в половине пятого утра. Собирались на краю села и все вместе с семиклассницей Ниной шли дальше. До школы от нас семь километров, на дорогу уходило три часа. Идти приходилось открытым полем. Транспорта, как сейчас, никто не выделял. На полпути всегда останавливались согреться и отдохнуть, а иногда и пожевать черствого, холодного домашнего хлеба. Больше ничего не было. Да и хлеб был великой роскошью. Остановились мы, как всегда, на полпути у скирды соломы. Скирд было несколько, находившихся одна от другой на расстоянии в несколько десятков метров. Когда мы собрались идти дальше, услышали доносившийся до нас негромкий разговор. Притаившись, мы стали прислушиваться и всматриваться в ту сторону. У соседней скирды, рядом с нами, четверо, а может, их было больше, взрослых с автоматами спорили, что с нами делать. Стрелять или не обращать внимания? Только один из них доказывал остальным, что стрелять не следует, мол, это же дети. В этот момент, стараясь не шуметь, мы что есть силы рванули в сторону села.

Нас уже отделяло от людей с автоматами метров сто пятьдесят-двести, как раздалась выстрелы. Стреляли они по нам или по месту, где мы только что находились, сказать трудно. Спас нас их затянувшийся спор или еще что-то, не знаю. В любом случае, нам повезло. А могло быть и по-другому.

Нас позвала неподдельная романтика

За два года ежедневной четырнадцатикилометровой ходьбы в школу у меня был один пропуск. Как-то в шутку подсчитал, и получилось, что только за это время я прошагал пешком около шести тысяч километров. Мы выросли, на каникулах работали в колхозе. Вначале я помогал маме, переворачивал покосы и сгребал в валки сено, подносил снопы ржи и пшеницы к месту их укладки в копны.

Хорошо уродившуюся рожь тогда жали серпом, молотили тоже вручную — цепом. А из соломы делали крыши хат, хлебов и других построек. Убирали рожь чуть-чуть не-

*Под снимком в республиканской газете «Правда Украины» подпись:
«Школьные каникулы. Пашет Анатолий Гуменюк». 1946 год.*

доспелой, чтобы солома была гибкой и не ломалась. Все эти работы требовали навыков и умения. По сей день на Украине можно увидеть хаты с соломенной кровлей. Такая кровля не пропускает воду, сохраняет зимой тепло, долговечна, может простоять не один десяток лет. Сейчас все это в прошлом. Нет нужды в такой кровле, да и если бы кто-нибудь захотел это сделать, нет таких умельцев.

В 1949 году, не думая и не гадая, что это будет так, я надолго покинул свое родное село Медисовку. Заканчивать среднюю школу пришлось в районном центре — поселке городского типа Теофиполе, что в двенадцати километрах от нас. В Теофиполе жил и работал дядя Федор Иванович, в семье которого я поселился на три года. Жена дяди, Валентина Павловна, ее сестра Зинаида и бабушка Фекла приняли меня в свою семью с от-

крытым сердцем и создали ту обстановку, при которой только и делай — учись. Дом, в котором у меня была отдельная светлая комната, стоял на берегу озера, школа — рядом... Я уж не говорю о домашнем питании и добрых отношениях в течение всех трех лет.

Вся школьная атмосфера, талантливые педагоги, общественная работа сделали мою школьную жизнь праздником. Приближались последние дни учебы. Оценки моих знаний и общественной работы были отличными. В этих условиях логическим завершением обучения в школе для меня была, во-первых, успешная сдача экзаменов на аттестат зрелости и получение золотой медали, что снимало необходимость сдачи экзаменов при поступлении в институт. Во-вторых, вступление в партию, к чему меня активно склоняли секретарь партийной организации, директор школы и райком комсомола. Но судьба распорядилась иначе.

Успешно были сданы экзамены на аттестат зрелости. Документы на пятерых из нас отосланы в областной отдел народного образования на соискание золотой медали. Мое заявление о вступлении в ряды Коммунистической партии было рассмотрено на партийном собрании школы и находилось в районном комитете партии. Шло время, а принятие решения по каким-то причинам задерживалось.

Между тем все наши друзья и товарищи, получив аттестаты, подали документы в выбранные институты и университеты и спокойно готовились к вступительным экзаменам. А наше ожидание постепенно переходило в волнение, которое усиливалось с каждым днем. Сроки подачи заявлений в приемные комиссии истекали. Не дождавшись столь важного и нужного для нас решения, в срочном порядке выехали для сдачи документов: я с Василием Варнацким и Леней Ковальчуком — во Львов, девушки — в сто-

*Учащиеся 10 класса Теофипольской средней школы.
Во втором ряду третий справа — Анатолий Гуменюк.*

лицу Украины Киев. Уже принято окончательное решение — поступать во Львовский политехнический институт, на механическое отделение горнопромышленного факультета.

Город встретил нас тихой ясной погодой. Кое-где появлялись одинокие прохожие. На привокзальной площади готовились к выходу на линию первые трамваи, на одном из которых мы поехали в институт. По дороге любовались красотой просыпающегося старинного города: мощеными брусчаткой узкими улицами, свежевывмытыми тротуарами, аккуратными и ухоженными деревьями и газонами, не похожими друг на друга домами. Слышался цокот передвигающихся рысцей по улицам тяжеловесных лошадей, доставляющих товары в магазины, звуки открывающихся металлических ширм на дверях и окнах многочисленных лавочек и закусовых, нежное многоголосие многих тысяч бутылок с янтарным пивом, доносившееся с пробегающих рядом площадок-фур, спешащих к открытию многочисленных пивных. Все это создавало неповторимый колорит и чарующую мелодию просыпающегося города. Только грохот нашего трамвая и нарастающий гул головосов наполнявших его салоны пассажиров постепенно переносили нас в среду трудового дня большого города.

Двери приемной комиссии политехнического института раскрылись перед нами в девять часов утра. Члены комиссии (их было несколько человек) внимательно нас выслушали, задали несколько вопросов и, получив, как нам казалось, удовлетворительные ответы, приняли документы и дали направление в общежитие.

Экзамены проходили в специально подготовленной аудитории, в два потока по 120 человек с получасовым разрывом. Система исключала подкказки, подглядки, списывание и другие изоциренные во все времена приемы студенческой братии. Многовариантность задач и тем, постоянное хождение по рядам ассистентов, преподавателей, отстранение от экзаменов при обнаружении шпаргалок были частью этой системы.

На консультациях мы по задаваемым преподавателям вопросам легко определяли общий уровень подготовки большинства абитуриентов. Это вселяло определенную уверенность в успехе, но не избавляло от переживаний перед каждым экзаменом. Тем не менее, четыре экзамена были сданы на «отлично», немецкий язык на «хорошо», количество набранных баллов было проходным. Однако волнения прошли только после того, как на институтской доске объявлений в вестибюле главного корпуса были вывешены списки зачисленных в институт, где мы нашли свои фамилии. Тогда на горнопромышленном факультете готовили специалистов по трем специальностям: бурение нефтяных и газовых скважин, эксплуатация и разработка нефтяных и газовых месторождений, машины и оборудование нефтяной и газовой промышленности.

Так прокладывался мой путь к получению высшего образования. А 1 сентября 1952 года я влился в шумный семитысячный поток студентов одного из самых крупных и престижных тогда технических вузов Украины и Советского Союза. Открылась новая страница моей жизни.

Причин, которые привели нас на горнопромышленный факультет, было несколько. Одна из них — романтика будущей профессии, которой в те годы были охвачены миллионы молодых людей. Быть полезным своей стране, своему народу — так воспитывали семья и школа, комсомол и партия. Об этом писали в газетах и журналах, говорили по радио, повествовали замечательные книги писателей того времени М. Шолохова, П.

Павленко, К. Симонова, А. Твардовского, А. Корнейчука, О. Лациса, Б. Полевого, А. Фадеева, Н. Островского, В. Василевской, Л. Леонова. Самоотверженный труд на восстановлении разрушенного войной, строительство новых фабрик и заводов, подъем сельского хозяйства, освоение богатств Севера и Востока страны были нормой поведения молодежи, жизненной необходимостью всех и везде.

Главный корпус Львовского политехнического института

Сегодня в этот порыв патриотизма поверить нелегко, а еще труднее представить его массовый характер. О духе времени и тех событиях могут свидетельствовать лишь кадры кинохроники и прекрасные кинофильмы, отразившие реальность повседневной жизни страны и ее многонационального народа.

На горнопромышленном факультете привлекал и широкий профиль специализации, в чем мы убедились уже на первом курсе и на первых практических занятиях в мастерских института. Большой выбор места и характера будущей работы был гарантирован. Немалую роль играла и повышенная стипендия. Студентам геологического и горнопромышленного факультетов выплачивали в месяц пятьсот шестьдесят рублей. Это половина заработной платы на обычном производстве рядового инженера того времени. Ее хватало на трехразовое питание в студенческой столовой, которая по качеству пищи и величине порций могла конкурировать со многими нынешними ресторанами; на культурные развлечения — кино, театр, концерты, а при экономии можно было и купить что-либо из обуви и одежды. Немаловажным было и то, что студенты этого факультета имели право носить форменную одежду, чего не было ни в одном из многочисленных институтов города. Форма была предметом нашей особой гордости, в комплект входили пальто, костюм,

фуражка. На пальто и костюме — желтые, под цвет золота, блестящие пуговицы, золотистые эполеты, внутри с витыми буквами аббревиатуры института, фуражка с кокардой.

Первые дни, кроме учебы, были заняты обустройством на новом месте. Но через неделю занятия прервались отправкой в колхоз, в сторону Равы Русской, которая находилась на границе с Польшей. На полпути короткая остановка в небольшом, старинном, богатом историческими событиями городе Нестеров, получившем это название в честь русского летчика, первым в мире выполнившего в 1914 году недалеко от города так называемую «мертвую петлю». Историческое название Жолква было возвращено городу в девяностые годы прошлого века, после распада Советского Союза.

Жолква известна тем, что в конце 1706 года в этом районе располагались на зимних квартирах главные силы русской армии, воевавшей в союзе с Польшей против шведов. Здесь с декабря 1706 по апрель 1707 года находился Петр I. Вместе со своими военачальниками он разработал вошедший в историю Жолковский план, ставший основой развития военных действий русской армии против армии шведского короля Карла XII и обеспечивший победоносное Полтавское сражение 27 июня 1709 года.

В колхозе предстояла десятидневная уборка картофеля и овощей. Если управимся с заданием быстрее, срок сократится и будет легче наверстывать пропущенные занятия. По договору между институтом и колхозом часть убранных урожаев шла институту, что в конечном итоге значительно сокращало стоимость питания в студенческих столовых, в чем все мы были заинтересованы.

Небольшое село, где предстояло нам работать, связано с Равой Русской хорошей дорогой. Дома всюду добротные, каменные, с острыми крышами, крыты все как один красной черепицей. Во дворах везде опрятно и чисто. Разместились по два человека в домах местных жителей. Я с Иваном Голодом попал в семью из четырех человек — муж с женой и двое детей. Дети целый день проводили в школе, взрослые с утра до вечера не покидали дом. И это несмотря на то, что на колхозных полях не был убран на редкость богатый урожай овощей, а на дворе стояла сухая и теплая осенняя погода. Меня это удивляло, если не сказать больше. Иван к этому относился по-философски, не переставая твердить: «На все нужно время. Здесьшний народ будет делать со временем все, что ему скажут, но никогда не забудет того, кто его заставил это делать...»

Сложившаяся ситуация была ему понятна. Родом он был из-под Ровно, сельский парень. Историю местного населения, его обычаи, психологию знал и понимал. Легко вызывал на разговор хозяев, которые сразу приняли его за своего. Из их ежедневных дискуссий за обедом и ужином я вынес противоречивые представления о том, что делала в этих районах Советская власть. Хозяева настойчиво утверждали, что работать на колхозной земле, которая не так давно перестала быть их собственностью, не собираются, как и большинство жителей здешних мест. «Отобрав у нас землю, отобрали у нас все», — твердили они без усталости. Правда, что значит «все», не объяснили. При этом, ссылаясь на историческое прошлое, открыто выражали надежду на то, что это продлится недолго.

Нужно признать, что историю своих мест наши хозяева знали очень хорошо. Из разговора следовало, что есть люди, следящие за тем, чтобы население на колхозных полях не работало, не слушалось присланных из восточных районов председателей колхозов и

специалистов. А кто выходил на работу, не должен особо стараться, лишь имитировать трудовую деятельность. Тех, кто не прислушивался к таким советчикам, наказывали: избивали, громили, поджигали дома. Нередко непослушные исчезали. Как выяснилось позже, подобными откровениями с нашими ребятами делились и другие жители села.

Такие мысли были у большинства населения региона. История свидетельствует о том, что подобные настроения, переходившие от поколения к поколению, никогда не покидали жителей здешних мест. Свидетельств тому много. Ярким подтверждением являются события последних лет двадцатого и начала двадцать первого века на Украине и, в частности, в ее западных областях. Распад Советского Союза и образование самостоятельной Украины продемонстрировали это как нельзя лучше. Подтвердила это январская «оранжевая революция» 2005 года.

Тогда на Львовщине мы видели и другое. А именно — подвиг семидесяти четырех тысяч специалистов, направленных советским правительством сразу же после освобождения здешних мест от гитлеровцев из восточных районов страны для восстановления народного хозяйства, создания коллективных сельских хозяйств. Следует особо подчеркнуть, что это был неоценимый вклад в развитие западных областей Украины. Их ежедневный, ежедневный нелегкий труд приносил плоды, притом, что большинство жило и работало в тяжелейших условиях. Многие оставили там свое здоровье, а половина (тридцать семь тысяч!) не вернулась в свои родные места, погибнув от рук украинских националистов, которые всеми силами пытались сорвать восстановление разрушенного фашистами городского хозяйства, транспорта, промышленных предприятий. Приведу далеко не полный перечень предприятий, построенных во Львове и других городах Западной Украины, на которых мне довелось побывать в период их строительства и пуска, а также спустя многие годы, работая на Севере и в Москве: автобусный, электроламповый, телеграфно-телефонной аппаратуры, Львовсельмаш, инструментальный, мотороремонтный, машиностроительный, электроарматурный, велосипедный, стекольные заводы, заводы водоизмерительных приборов, автопогрузчиков, трансформаторный, фабрики легкой и пищевой промышленности, Дрогобычский долотный завод, Тернопольский завод осветительной аппаратуры и многие другие.

На этих заводах трудились по большей части выходцы из села. Тысячи вчерашних безработных получили возможность приобрести специальность. При желании могли учиться сами и учить своих детей. Но большая часть интеллигенции, рабочих, крестьян ко всему этому относилась без чувства благодарности, с внутренним недовольством, а иногда с явно выраженным сопротивлением. У многих бесспорное и очевидное благо вызывало обратную реакцию. И, как показало время, не только у того поколения, но и у последующих. Чем это было вызвано, какова природа этого явления? Можно предположить, что причиной было разрушение той «свободы» и «независимости», к которым привык этот народ, нарушение сложившегося более чем за шестивековую историю уклада его жизни и мышления, лишение возможности реализовать те планы, которые еще не так давно казались целью их жизни. Ведь в той или иной форме и масштабах подобные явления продолжают иметь место и в других точках бывшего Советского Союза и сегодняшней России. Эта тема требует глубокого изучения историками, социологами, политологами. Но тогда мы этого не понимали и не принимали.

Не могу не сказать несколько добрых слов об институте, его истории. Одно из старейших высших учебных и научных заведений Европы было основано на базе реальной школы в 1844 году и называлось Высшей политехнической школой. С 1921 года — Львовским политехническим институтом. Тогда же были открыты дополнительно лесотехнический, механический и сельскохозяйственный факультеты, ставшие в дальнейшем базой для создания Львовского сельскохозяйственного и лесотехнического институтов. Главный корпус института, построенный по проекту профессора М. Захаревича в 1872-1877 годах, расположен в парковой зоне, его фасад выходил на улицу Мира. Институт располагал большой научно-технической базой: 14 учебными корпусами, 72 лабораториями, 32 кабинетами, четырьмя музеями и учебными мастерскими-заводами, большой научно-технической библиотекой с просторными читальными залами, студенческим городком со спортивным и культурным комплексом.

Ректором в те годы был Николай Григорьевич Максимович, выпускник электромеханического факультета 1941 года. В годы войны сражался в партизанском отряде против фашистов. В 1950 году защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом кафедры на электромеханическом факультете, а с 1951 года — ректором института. Позже, в семидесятые годы, Максимович был ректором Львовского ордена Ленина государственного университета имени Ивана Франко, основанного в 1661 году.

О нашем ректоре говорили с уважением, он был одинаково доступен и для профессора, и для студента. Его волей и энергией построены студенческий городок, спортивный комплекс, новые учебные корпуса, создана современная техническая база для проведения научных исследований и учебного процесса. Немалая заслуга Н.Г. Максимовича в том, что в пятидесятые годы двери института открылись для 7200 юношей и девушек, получивших возможность учиться по более чем 30 специальностям. Благодаря его заботе и стараниям институт стал одним из крупнейших вузов страны и Европы.

Разными были отношения между преподавателями и студентами, как и разные итоги этих отношений. В первые студенческие годы, как, впрочем, и в последние школьные, мне приходилось преодолевать внутреннее нежелание учить немецкий язык. Не то, чтобы он давался мне тяжело, но, как говорят, не лежала к нему душа. Больше всего хлопот вызывало выполнение заданий, объем которых был значительным. Получение «тройки» по этому предмету ощутимо снижало сумму стипендии, чего никому не хотелось. Вот и приходилось напрягаться. Такое отношение к немецкому языку преобладало у большинства студентов, аналогичная ситуация наблюдалась и в школе. Думаю, а точнее, уверен, что причиной нежелания учить этот язык и не уважать его преподавателей была свежесть воспоминаний о злодеяниях немецких оккупантов.

Среди преподавателей самой, пожалуй, экзотической фигурой был польский доцент Полянский. На Новый год и другие праздники студенты присылали ему различные угрожающие поздравления и неллицеприятные пожелания. Доходило до того, что под окнами его кабинета устраивали протесты и пикеты, а однажды на Новый год в качестве подарка студенты заказали в похоронном бюро города гроб с доставкой на кафедру для Полянского. Но он был несгибаем, вел себя как ни в чем не бывало, не меняя подхода к уровню знаний предмета ни в лучшую, ни в худшую сторону. Не помогали и жалобы руководству института. По городу о Полянском ходили легенды, а итог его деспотиз-

ма — отличные оценки на экзаменах, а точнее, отличное знание предмета, являющегося основой для проектирования деталей, узлов и агрегатов машин и оборудования.

Несколько слов об одном эпохальном для страны историческом событии, случившемся в годы нашей учебы. Известие о смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 года потрясло всю страну. Студенты Львовского политехнического института не были исключением. Помню, как на площади перед главным корпусом собрались на траурный митинг сотрудники института и студенты. Склонив головы, все молча ждали появления на импровизированной трибуне руководства института. Если в голову шли какие-то мысли, то они были связаны с нашей дальнейшей жизнью. Ведь все мы выросли с именем Сталина. Казалось, что время остановилось, и завтра все изменится.

Я стоял в этой многотысячной массе людей и сильно переживал. Видел, как стоящие слева и справа от меня студенты и преподаватели постоянно делали одинаковое движение рукой, вытирая текущие по щекам слезы. Плакала вся страна.

Пасмурная погода, опустошающая тишина, тысячи неподвижно стоящих людей, висящий перед нами на входе большой портрет вождя, обрамленный траурной лентой, и опущенные флаги создавали атмосферу, усиливающую скорбь и горе людей. Уходя с короткого траурного митинга, каждый из нас внутреннее чувствовал, что наступает отсчет нового времени, новой эпохи.

Какой она будет? Никто из нас не мог этого представить. Более пятидесяти лет прошло с тех пор, но время не стерло из памяти эти события. Даже через полвека нет убедительного ответа на тревожащий тогда вопрос: что же будет дальше? Или развал Великой Страны и есть ответ на этот вопрос? В этом случае наши слезы были не случайны. Может, еще не ведая судьбы страны, мы уже ее оплакивали?

Много нового и необычного в нашу студенческую жизнь вносили ежегодные поездки на практику. Первая из них проходила на нефтяных промыслах и буровых предприятиях объединения «Краснодарнефть». Началась она на Хадыженском нефтяном промысле. Нам предоставили возможность ознакомиться с технологией добычи нефти, работой нефтепромыслового оборудования, обустройством скважин, их ремонтом, системой сбора и подготовки нефти. На промысле мы выполняли самые разнообразные работы, приобщались к рабочему коллективу, вникали в его внутренние отношения, несли персональную ответственность за порученный участок работы. На буровых в районе поселка Черноморский нас оформили на работу в бригады, где мы смогли пройти практику в качестве рабочих на самых разных операциях процесса бурения. На практике мы собрали богатый материал для отчета.

Следующим местом «рабочих университетов» был Уральский завод тяжелого машиностроения в городе Свердловске, ныне Екатеринбурге. Здесь мы изучали на практике конструкцию, процесс изготовления бурового оборудования для проходки глубоких скважин на нефть и газ. Уралмаш был единственным в стране предприятием, где комплектно выпускали буровые установки. Впечатление от этой практики осталось на всю жизнь. Мы увидели завод-гигант, в котором чувствовались мощь и величие страны. Тут все было на самом высоком уровне: порядок и чистота, отношение к труду и ритм производства, его гигантские масштабы, инженерная культура, научные достижения и их практическая реализация.

Группа студентов горнопромышленного факультета Львовского политехнического института.

Крайний слева в первом ряду — Анатолий Гуменюк. 1954 год.

Особый интерес для нас, будущих механиков, представляла и практика на заводах и нефтяных промыслах Азербайджана. Тогда он был одной из основных нефтедобывающих баз России, где создавалось нефтяное машиностроение, основа развития нефтяной отрасли. Ни один будущий инженер-механик нефтяного профиля в то время не мыслил получить высшее образование, не ознакомившись с работой нефтяных промыслов и машиностроительных заводов Баку. И нам это удалось осуществить.

В годы Советской власти Баку стал главным поставщиком нефтяного и бурового оборудования в Советском Союзе и оставался им до девяностых годов прошлого века. Здесь было сосредоточено более 65 процентов его производства. С 1932 года в Баку действует первый в СССР Институт нефтяного машиностроения АзИНМАШ. На его базе создавался и формировался центр научной мысли по разработке нефтяного оборудования, создавались новые образцы техники. В Баку впервые в мире в 1922 году инженером Капелюшниковым был создан забойный турбинный гидравлический двигатель — турбобур. Благодаря турбобуру в нашей стране стало возможным выполнять громадные объемы буровых работ, что в значительной степени обеспечило выход на первое место в мире по добыче нефти в восьмидесятые годы прошлого века.

Шел 1957 год. Позади напряженные дни подготовки и сдачи последних экзаменов, наступило время выбора темы дипломного проекта. По рекомендации заведующего кафедрой нефтепромышленного оборудования И.Г. Узумова после недолгих раздумий выби-

раю тему «Завод по ремонту бурового и нефтепромыслового оборудования». Знаю, что берусь за нелегкую задачу, что придется много и напряженно работать. Определено и согласовано место преддипломной практики, сбора и изучения материалов для проектирования — Краснодарский завод с аналогичным названием. Руководителем-консультантом проекта назначен профессор И.Г. Узумов, рецензентом — С.Я. Бломкин — директор завода по ремонту двигателей внутреннего сгорания в городе Стрий, что под Львовом.

Месяц практики пролетел как один день, был собран необходимый материал, выполнена часть расчетов, намечены объем и план графических работ. Но настоящая работа над проектом была впереди, после возвращения с практики. Но вот и она позади, получена рецензия и намечен срок защиты.

Комиссия, заслушав мой доклад и ознакомившись с представленными материалами, согласилась с мнением рецензента и дала отличную оценку. Учеба закончена. Через несколько дней нам вручили дипломы об окончании института и направление на работу, куда предстояло прибыть к 1 августа 1957 года.

Анатолий Солоха, Петр Олиферчук, Леонид Ковальчук и я условились вместе добираться к месту назначения — в Ухтинский комбинат Главгаза СССР. Место сбора — Москва. Не сговариваясь, все примчались в столицу за несколько дней до намеченного срока. Хотелось посмотреть Москву, побывать на мероприятиях проходившего в те дни в столице Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Неделя пролетела очень быстро, оставив море впечатлений от праздничной, нарядной Москвы. Вечером 28 июля 1957 года с Ярославского вокзала на поезде Москва — Воркута мы покинули столицу.

За окнами вагона все реже мелькали огни платформ и станций. Путь на Север укорачивал день и ускорял наступление ночи. Под стук колес усталые, с тревожными мыслями о будущем улеглись спать.

Нам повезло с попутчиком. Иван Серафимович, мужчина средних лет, с военной выправкой, возвращался в Воркуту из командировки. Узнав, что нашей конечной целью является Ухтинский комбинат, охотно согласился рассказать все, что нас интересовало. Судя по рассказу, он хорошо знал эту организацию и многих ее руководителей.

Наши опасения и сомнения по самым разным вопросам он быстро и убедительно рассеивал на примерах. Мол, все не так страшно, как нам кажется. В конце многочасового общения дал очень ценный совет, а именно: не спешить с выводами об увиденном, а особенно об услышанном, посмотреть и взвесить все самим.

На следующий день мы ступили на землю Ухты, географического и нефтегазового центра Коми края. Страшавшая нас неизвестная земля оказалась доброй, приютила, покорила. Она и стала моей судьбой.

Послесловие автора

Изучение природных богатств окраин Российского государства началось с Европейского Севера, с многочисленных экспедиций в Печорский край. Путешественники, исследователи, предприниматели устремились в эти места в начале восемнадцатого века, когда при Петре Первом активно раздвигались границы Российской державы. Бесстрашие, мужество, стремление к познанию неизвестных и необжитых территорий влекли россиян в бассейн Печоры, на Северный и Полярный Урал. Они открыли здесь уникальные богатства — нефть, серебро, медь, уголь, золото. Особая роль в судьбе края принадлежит нефти. Ее поискам и изучению отдали многие годы своей жизни талантливые исследователи, ученые, геологи.

Минуло два с половиной века с того времени, как первые пуды первой российской нефти, преодолев несколько тысяч километров от берегов северной речки Ухта, были доставлены в столицу государства — Москву. Но для того, чтобы нефть Севера стала не только средством избавления от недугов, а заняла подобающее ей место в развитии страны и экономики, улучшении жизни всего общества, понадобилось почти три сотни лет. Это произошло в годы Советской власти. И каким бы трагическим ни представлялось нашими недругами сегодня то время, именно на него приходится создание и бурное развитие нефтяной и газовой промышленности страны и, в частности, Европейского Севера.

Но толчком к освоению Севера стала не нефть, а поиск руд, содержащих радий и уран. Высадка на Ухте в 1929 году первой Комплексной геологоразведочной экспедиции, организованной объединенным Государственным политическим управлением, положила начало добыче радия и промышленной нефти. За ними последовал и уголь, необходимый для обеспечения топливом не только Северного края, но и всего Северо-Запада страны.

Одно за другим открываются промышленные, самые крупные по тому времени в стране, месторождения нефти, угля, газа. Ухтинский район превращается в грандиозную государственную стройку, протянувшуюся с юга на север на сотни, а затем на тысячи километров — от Усть-Выми до заполярной Воркуты. Скоро об этом районе узнала вся страна, он находился под особым контролем и вниманием руководства СССР.

Создается крупнейший и первый на Европейском Севере Ухтинский промышленно-экономический узел союзного значения. Строятся новые города и крупные рабочие поселки: Ухта, Воркута, Сосногорск, Водный, Ярега, Печора, Инга, Войвож, Нижний Одес, Вуктыл, Усинск. Создание в советские годы в этом районе мощной топливной базы сыграло важную роль и в победе нашего народа над германским фашизмом.

Уже в семидесятые годы стало очевидным, что Европейский Север становится одним из основных поставщиков энергетических ресурсов в стране. Разрабатываются и принимаются детальные схемы и проекты поэтапного их освоения и доставки в другие регионы страны. Масштабность этих планов такова, что они и сегодня, в начале третьего тысячелетия, являются весомой частью топливно-энергетического баланса России. В процессы освоения вовлекаются крупнейшие ученые страны, видные специалисты и организаторы многих отраслей народного хозяйства. Нефть Европейского Севера, в том числе и ухтинская, только по перспективам ее добычи оценивается в 40-60 миллионов тонн в год.

Перестройка и реформирование многих сторон жизни и деятельности государства и общества назрели, были необходимы и неизбежны. Но это никак не исключает того, что эти процессы затормозили масштабное освоение богатств Севера, особенно пагубно на них повлиял развал Советского Союза. С тех пор прошло пятнадцать лет, а страна и общество все еще не могут оправиться от преступлений, связанных, прежде всего, с приватизацией государственной собственности — всего того, что создавалось трудом и руками народов нашей страны.

Тем более отрадны и поучительны происходящие в последние годы перемены к лучшему. Нефтегазовая промышленность Российской Федерации возвращает свою былую славу. Но не могу не сказать о том, что больше всего меня тревожит, заставляет задуматься: что кроется за достигнутыми уровнями добычи нефти и газа? Ведь ошибки советского периода, когда треть добываемой нефти и газа вывозилась за пределы страны, продолжают значительно в больших, я бы сказал, в грандиозных масштабах и темпах. Тогда это делали из идеологических соображений, чтобы склонить к социализму многие страны. Чем это закончилось — всему миру известно, что получили в ответ, делая добро, Советский Союз, Россия. От нас отвернулись, отказались нам платить, начали шантажировать исками.

Сегодня нефть и газ еще в больших объемах идут за пределы страны, теперь уже под лозунгом свободного предпринимательства. Главное — получение максимальной прибыли. И снова народ России получает только зло: в одном случае за то, что не продаем энергоресурсы по дешевой цене, и поэтому их у нас воруют, в другом, более масштабном и циничном, всю полученную прибыль от продажи нефти и газа правительство страны и предприниматели направляют в американские банки, где она работает на чужую экономику. Так что выгода от продажи по высоким мировым ценам нефти и газа идет отнюдь не на пользу россиянам.

Смущают и методы борьбы российских властей с украинским «несанкционированным отбором» газа, имеющим давнюю историю и согласие руководства страны и «Газпрома». Проблему попытались решить, проложив газопровод по дну Балтийского моря до берегов Германии. Решение странное и чрезвычайно дорогое. Ведь ни от каких «несанкционированных отборов» «морская труба» не гарантирует. Да и события в таких случаях могут развиваться не по украинскому сценарию.

Вот и хочется спросить: а тот ли выбран берег? Ведь братская Украина никогда на Россию не нападала и не стремилась завладеть ее богатствами, чего не скажешь о других странах, к чьим берегам мы тянем трубопроводы.

Стоит ли об этом забывать? России пора не нефть и газ поставлять за рубеж в гигантских масштабах, а продукты их переработки. Российский газ мы должны продавать в сжиженном виде и доставлять в транспортных средствах покупателя. Воровать не будут, и забот меньше, и сырьевая составляющая экономики уменьшится. Это и будет энергетической безопасностью России. А что касается проблемы такой безопасности для других, чем так озабочен Президент России, то пусть они решают ее сами.

В России своих проблем немало. О них бы лучше глубоко и, что чрезвычайно важно, со знанием дела, подумать господам, власть имущим. Например, вот о чем:

— как подать газ не к намеченным на ближайшие годы 1200 населенным пунктам, а более чем к шестидесяти тысячам, до сих пор не газифицированным? Притом не лишне

будет знать высокопоставленным чиновникам и Президенту, что для газификации собственной страны продекларированными темпами потребуется еще пятьдесят лет;

— о том, что мощности по добыче нефти и газа, обеспечивающие достигнутый уровень добычи, созданные еще в годы советской власти, изношены больше чем на 70 процентов и требуют обновления и создания новых. В основном это добывающие скважины и трубопроводные магистрали. Но скважины мало кто сейчас бурит. Переход на дикий рынок, погоня за прибылью привели к ликвидации этого сложного и трудоемкого вида деятельности, создали предпосылки к техногенным катастрофам на нефтепроводных и газопроводных системах с непредсказуемыми экологическими последствиями;

— о том, что в стране прекращены работы по восполнению вырабатываемых ресурсов из-за развала и полной ликвидации такой сложной и дорогостоящей, но необходимой отрасли, как геологоразведка. Это понимают во всем цивилизованном мире, но, к сожалению, в российском правительстве это понимают плохо, что является поводом для беспокойства;

— о том, что за исключением нескольких недропользователей, а их в стране уже сотни, разработка месторождений углеводородов ведется варварскими методами, нарушаются проекты освоения залежей, не выполняются лицензионные соглашения, недропользователей никто не контролирует и не может контролировать при системной и масштабной коррупции в обществе;

— о том, что в нефтегазовой отрасли, переместившейся за последние десятилетия в северные и арктические районы, прекращено строительство жилья и других социальных объектов для ее работников, как в районах выполнения работ, так и в средней и южной полосах России;

— о том, что наводнение этой отрасли так называемыми менеджерами, имеющими весьма смутное представление о том, что такое геологоразведка, добыча и транспорт нефти и газа, их переработка, достигло катастрофических масштабов. К чему это может привести — нетрудно представить;

— о том, что прибыль для русского человека — не есть главное в жизни и никогда таковой не станет, что расслоение на богатых и бедных все больше и глубже разделяет общество, создает социальную напряженность, и когда-то этому наступит конец. Так учит история, тяга к пониманию которой в России растет.

Это только часть важнейших проблем, без решения которых не может быть обеспечена энергетическая безопасность России, и не только энергетическая. Вот такие мысли не дают мне покоя даже после того, как я поставил точку в своих размышлениях о пережитом мною за годы работы в нефтегазовом комплексе Республики Коми.

Содержание

О событиях и людях, о себе	5
----------------------------------	---

Часть первая ЗА КЛАДАМИ ЛЕГЕНДАРНОЙ БИАРМИИ

Откуда «пошла есть» русская нефть?	12
«Атомный проект» на берегах Ухты	41
Ижемский асфальтит	58
Тяжелая нефть Яреги: Радости и огорчения	62
Особый период	84
Они были первыми	96
Застой пятидесятых. Преодоление кризиса управления	105
Стратеги развития нефтяной и газовой промышленности Советского Союза	115

Часть вторая БОЛЬШОЙ ГАЗОВЫЙ ПРОЕКТ

Открытие гиганта	122
Имя гигантского месторождения — Вуктыл	151
Шаги в неведомое	173
Все решали кадры	197
Эпопея с метанолом	216
Программа «на истощение» в действии, или Почему приходилось нарушать субординацию	238
Подводя некоторые итоги	261
Большой газ Вуктыла родил большую химию Ижмы	265

Часть третья ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНЕ

Штурм Усню-Колвинского вала	284
Нелегкие проблемы тяжелой нефти	337
Черная страница	345
Возрождение отрасли	350

Часть четвертая
ТРАНСПОРТНЫЕ МАГИСТРАЛИ

Северный газовый коридор	360
Нефтяные артерии Севера	402

Часть пятая
ВСЕ ЛУЧШЕЕ В НАС — ИЗ ДЕТСТВА

Край родной — не за граница	420
Послесловие автора	443

Анатолий Гуменюк
ЗЕМЛЯ
МОЕЙ СУДЬБЫ

Литературные редакторы
Н.Н.Мурыгина,
Б.И.Колесников.

Компьютерная верстка
Т.С.Лисицкая.
Обработка фотониллюстраций
В.А.Гладкий.

Корректурa
Е.В.Лужикова

ООО «Независимое издательство «Пик»
121019, Москва, Новый Арбат, 21

Подписано к печати 14.06.2006. Формат 70×100^{1/16}.
Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Бумага офсет № 1.
Печ. л. 28,0. Тираж 1200 экз. Заказ № 3881

Электронный вывод и печать
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

